

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

СЛАВЯНСКИЙ МИР

язык, литература, культура

МОСКВА
МАКС Пресс
2018

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СЛАВЯНСКИЙ МИР: язык, литература, культура

*Материалы международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора
МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию
кафедры славянской филологии филологического факультета*

28–29 ноября 2018 года, Москва

МОСКВА – 2018

Редакционная коллегия:

М. Л. Ремнёва – декан филол. ф-та МГУ, д-р филол. наук, проф.;
Н. Е. Ананьева – д-р филол. наук, проф.;
В. Ф. Васильева – д-р филол. наук, проф.;
А. И. Изотов – д-р филол. наук, проф.;
Е. Н. Ковтун – д-р филол. наук, проф.;
К. В. Лифанов – д-р филол. наук, проф.;
О. А. Остапчук – канд. филол. наук, доц.

Славянский мир: язык, литература, культура : Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета : 28–29 ноября 2018 года, Москва / Ред. колл.: М. Л. Ремнёва и др. – Москва : МАКС Пресс, 2018. – 452 с.

ISBN 978-5-317-05930-9

Сборник содержит материалы, присланные на проводимую в Московском государственном университете 28–29 ноября 2018 года одноименную международную научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета.

Предназначается для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

УДК 81
ББК 81.2

Slavic world: language, literature, culture : Abstracts of the International conference in memory of professor A.G. Shirokova and in connection with 75-th anniversary of the Slavic department in Lomonosov Moscow state university / Editorial board: Remnyova, M. L. etc. – Moscow : MAKS Press, 2018. – 452 p.

ISBN 978-5-317-05930-9

The collection contains the abstracts of the International conference (28–29 November, 2018) at Lomonosov Moscow State university in memory of professor A.G. Shirokova and in connection with 75-th anniversary of the Slavic department.

СОДЕРЖАНИЕ

- Адельгейм, И.Е.* Память о польско-еврейском прошлом в молодой польской прозе 2000-х гг. (П. Пазиньский, С. Хутник, И. Остахович) = *Adelgeym, Irina E.* The memory of the Polish-Jewish past in the young Polish prose of the 2000s. (P. Paziński, S. Chutnik, I. Ostachowicz) 19
- Ананьева, Н.Е.* Образования с корнями *шир-* / *szer-* в русском и польском языках. Лексический комментарий к фамилии *Широкова* = *Ananyeva, Natalya E.* The derivative words with the roots *шир-* / *szer-* in Russian and Polish. The lexical comments to the surname *Shirokova*..... 22
- Багаева, А.Ф.* Между славой и забвением: к вопросу о контактах русских с болгарями в XVIII веке и их отражении в русской мемуаристике и литературе первой трети XIX века = *Bagaeva, Anetta F.* Between glory and oblivion: to the question of Russians' contacts with the Bulgarians in the 18th century and their reflection in Russian memoiristics and literature in the first third of the 19th century 25
- Байдалова, Е.В.* Проблема национальной и гендерной идентичности в украинской женской постколониальной прозе (романы О. Забужко) = *Baidalova, Ekaterina V.* The Problem of National and Gender Identity in Ukrainian women's Postcolonial Literature (the Novels by O. Zabuzhko) 28
- Баранкова, Г.С.* Языковые особенности списков первоначальной русской редакции Кормчей книги = *Barankova, Galina S.* Language features copies of the original (initial) Russian edition of the *Kormchaya* book..... 31
- Белюсова, В.В.* Славянский мир в информационном пространстве mass media (на примере чешских СМИ) = *Belousova, Valentina V.* The Slavic world in the mass media information space (on the example of Czech media)..... 34
- Бертякова, А.Н.* Система предложного управления в русском языке: история и перспектива развития = *Bertyakova A.N.*

Prepositional Management System in Russian: History and Perspective of Development.....	38
<i>Бояджиев, Андрей Т.; Димитрова, Цветана И.</i> Описание славянских исторических источников и диахронный корпус = <i>Bojadžiev, Andrej T.; Dimitrova, Tsvetana I.</i> Description of Slavic Historical Sources and Diachronic Corpora.....	41
<i>Браксаторис, М.</i> Тема гуситской преемственности словацких евангеликов в исторических трудах и трактатах словацких писателей = <i>Braxatoris, M.</i> The theme of Hussite continuity of Slovak Evangelicals in Historical Works and Tracts of Slovak Writers	44
<i>Браксаторисова, А.</i> Лингвистическая картина матери в словацком и чешском языках = <i>Braxatorisová, A.</i> Linguistic Picture of a Mother in Slovak and Czech.....	46
<i>Бубновіч, І.І.; Станкевіч, А.Ю.</i> Віды патэнцыяльных беларускамоўных уваходжаньняў, аўтаматычна выяўленых у рускамоўных тэкстах рэгіянальных СМІ Беларусі = <i>Vubnovich, Inna I.; Stankevich, Alesia Yu.</i> The types of potential Belarusian inclusions revealed automatically in Russian texts of regional Belarusian mass-media	48
<i>Букринская, И.А.; Кармакова, О.Е.</i> Реликты архаической картины мира в русских говорах: подаяние милостыни = <i>Bukrinskaja, Irina A.; Karmakova, Olga E.</i> Relics of the archaic picture of the world in Russian dialects: alms giving	51
<i>Варбот, Ж.Ж.</i> Чешские этимологии = <i>Varbot, Zhanna Zh.</i> Czech etymologies.....	54
<i>Васильева, В.Ф.</i> Профессор А. Г. Широкова – ученый и педагог = <i>Vasilyeva, Valeriya F.</i> Professor A.G. Shirokova as a scientist and a teacher	56
<i>Васильева, Г.М.</i> Новообнаруженный перевод трагедии «Фауст» К.А. Иванова в славянской культурной традиции = <i>Vasilyeva, Galina M.</i> A newfound translation of the K.A. Ivanov's tragedy «Faust» in the Slavic cultural tradition	58
<i>Ващенко, Д.Ю.</i> Специфика сочетаемости словацких субстантивов <i>chvíľa, okamih, minúta</i> в составе атрибутивной конструкции = <i>Vashchenko, Daria Yu.</i> The specifics of the compatibility of	

Slovak substantives <i>chvíľa, okamih, minúta</i> composed of attribute design.....	61
<i>Ващенко, М.С.</i> Российские журналы о хорватской литературной жизни периода иллиризма (первая половина – середина XIX в.) = <i>Vashchenko, Mikhail S.</i> Russian journals about Croatian literary life of the Illyrian period (the first half – the middle of XIX ct.).....	64
<i>Велева, Милена</i> Словарь болгарских историзмов: макро- и микроструктура = <i>Veleva, Milena</i> Dictionary of Bulgarian historicisms – macro- and microstructure.....	67
<i>Вельович, Бояна М.</i> Выражение повторяющегося действия в сербском языке = <i>Veljovic, Bojana M.</i> Expressing habituality in Serbian language.....	69
<i>Вендина, Т.И.</i> «Общеславянский лингвистический атлас» и проблемы славянской диалектологии = <i>Vendina, Tatiana I.</i> “Slavic Linguistic Atlas” and the Problems of the Slavic Dialectology.....	73
<i>Вернер, И.В.</i> Церковнославянский язык в чешских библейских переводах XIX в. Ф. Новотного и Н.П. Апраксина = <i>Verner, Inna V.</i> Church Slavonic in the Czech Bible translation of the XIXth century of F. Novotný and N.P. Apraksin	76
<i>Воробьева, Н. В.</i> К проблеме презентации чешского обиходно-разговорного языка в современных учебниках = <i>Vorobyeva, Nina V.</i> Presentation the Czech colloquial language in the modern textbooks.....	80
<i>Галинская, Е.А.</i> Образование [ô] закрытого и падение редуцированных в древнерусском языке = <i>Galinskaya, Elena A.</i> The appearance of the closed sound [ô] and the “fall of yers” in Old Russian	81
<i>Гасил, И.</i> Использование интернет-портала «Азбука чешских реалий» при обучении чешскому языку иностранцев = <i>Hasil, Jiří</i> The use of the internet portal <i>Abeceda českých reálií</i> (the Alphabet of Czech Cultural Studies) in the teaching of Czech for foreigners	84
<i>Гигер, М.</i> Склоняемые причастия в новой Большой академической грамматике чешского литературного языка = <i>Giger, Markus</i>	

Declinable participles in the new Comprehensive academic grammar of Standard Czech.....	88
<i>Гилевска, А.М.</i> Отражение языковой ситуации Великого княжества Литовского в избранных текстах первой половины XVI века = <i>Gilewska, Anna M.</i> Reflection of the language situation of the Grand Duchy of Lithuania in the selected texts of the first half of the 16 th century.....	91
<i>Гучкова, И.В.</i> Фразеологизмы и устойчивые метафоры в сочинении Симы Лукина-Лазича «Кратка повјесница Срба: од постања српства до данас» (1894 г.) = <i>Guchkova, Irina V.</i> Idioms and sustained metaphors in the work by Sima Lukin-Lazić „Kratka povjesnica Srba: od postanja srpstva do danas“ (1894).....	93
<i>Ефимова, В.С.</i> О различных видах греческого влияния на номинационные процессы в старославянском языке = <i>Efimova, Valeriya S.</i> Multiple sorts of Greek influence at the nominating processes in the Old Church Slavonic language	96
<i>Жбанкова, Е.В.</i> Черногорские предания и черногорские танцы в русском классическом балете = <i>Zhbankova, Elena V.</i> Montenegrin legends and dances in the Russian classical ballet	98
<i>Иванова, И.Е.</i> Пунктуационное оформление деепричастных оборотов в сербском языке в сопоставлении с русским = <i>Ivanova, Irina I.</i> Punctuation of verbal participle structures in Serbian in comparison with Russian	102
<i>Иванова, Е.Ю.; Алексова, К.С.</i> Грамматикализация <i>ШЕ</i> в болгарском языке: следование, предположение, но не только... = <i>Ivanova, Elena Yu.; Aleksova, Krassimira S.</i> Grammaticalisation of <i>shte</i> in Bulgarian: posteriority, supposition... and something else	105
<i>Изотов, А.И.</i> Корпусно-ориентированная богемистика в Чехии: основные достижения = <i>Izotov, Andrey I.</i> Corpus based Bohemistics in Czech Republic: Main Achievements	109
<i>Илиади, А.И.</i> Праславянский социальный термин * <i>кърдъ</i> /* <i>къртъ</i> ‘род, семья’: генезис и ареал = <i>Iliadi, A.I.</i> A Proto-Slavic social term * <i>кърдъ</i> /* <i>къртъ</i> ‘clan, family’: genesis and areal ...	112

<i>Кабанова, С.А.</i> Конструкции с болевыми предикатами в русском и сербском языках = <i>Kabanova, Svetlana A.</i> Constructions with pain predicates in Russian and Serbian.....	115
<i>Каверина, В.В.</i> Графико-орфографическая адаптация богемизмов в истории русского литературного языка = <i>Kaverina, Valeriya V.</i> Graph-orthographic adaptation of bohemianisms in the history of the Russian literary language.....	118
<i>Калечиц, Е.И.</i> Способы выражения прямой и непрямой адресации в детской художественной прозе (на материале произведений В. Липского) = <i>Kalechytz, Alena I.</i> Ways of expressing direct and indirect addressing in children's fiction (based on the works of V. Lipsky).....	121
<i>Калугин, В.В.</i> Книги пророков в библейском кодексе 1502–1507 гг. Матфея Десятого: источники и характер работы = <i>Kalugin, Vasilij V.</i> Books of the Prophets in the Biblical Code 1502–1507 of Matfey X: the sources and characteristic of work	125
<i>Карпенко, Л.Б.</i> Славянский вклад в развитие письма = <i>Karpenko, Liudmila B.</i> Slavic contribution to the development of writing.....	128
<i>Качинская, И.Б.</i> Принятые – люди проклятые: номинация мужа, пришедшего жить в дом жены (по материалам архангельских говоров) = <i>Kachinskaya, Irina B.</i> A husband, who came to live in his wife's house: nomination and motivation (in Arkhangelsk dialects)	130
<i>Керкез, Д.</i> Секундарни узвици као показатељи неочекиваности = <i>Kerkez, Dragana</i> Secondary interjections as indicators of unexpectedly	133
<i>Князькова, В.С.; Котова, М.Ю.</i> О лингвистическом воплощении чешской и словацкой идентичностей в транснациональной прозе и в ее переводах на иностранные языки = <i>Kniazkova, Viktoria S.; Kotova, Marina Yu.</i> On the Linguistic Embodiment of Czech and Slovak Identities in Transnational Prose and its Translations into Foreign Languages	135
<i>Кожина, С.А.</i> Специфика нарративных стратегий романа Д. Годровой <i>Točité věty</i> : синтез своё/чужое, история/современность = <i>Kozhina, Svetlana A.</i> The narrative strategies specificity of the D. Hodrová novel <i>Točité věty</i> : one's own / another's, history / modernity synthesis	138

- Королькова, П.В.* Путевой очерк „путешественника-патриота“ („rodoljubni putopisac“) в хорватской литературе XIX века = *Korolkova, Polina V.* The Travelogue of the “Patriot traveler” (“rodoljubni putopisac”) in Croatian Literature in the 19th century 142
- Коцкова, Я.* Фазовые глаголы в сочетании с отглагольными существительными на основе русского и чешского языков = *Kocková, Jana* Phase verbs in connection with the deverbal nouns based on Russian and Czech 146
- Кречмер, Анна* Частная переписка Московской Руси (XVII-XVIII вв.) и культурная парадигма Православной Славии = *Kretschmer, Anna* Private Correspondence in Moscow Russia (17th & 18th cent.) and the cultural Paradigm of Slavia Orthodoxa 148
- Крючкова, О.Ю.* Диалектные словообразовательные модели с вторичной приставкой за- и их синхронно-диахронный фон = *Krjuchkova, O. Ju.* Dialect word-formative models with secondary prefix за- and their synchronic and diachronic background 151
- Кузьминова, Е.А.* Новый взгляд на проблемы библейской книжной справки XVII в. = *Kuzminova, Elena A.* New Insight on the Problems of Biblical Book Correction in the 17th century 153
- Кульпина, В.Г.* Из истории лингвистических исследований цвета в России и в Польше = *Kulpina, V.G.* About History of linguistic studies of color terms in Russian and in Polish 157
- Куркина, Л.В.* Регионализмы в составе праславянского словаря как показатель древнего диалектного членения исходной языковой системы = *Kurkina, L.V.* Regionalisms in the Structure of the Proto-Slavic Dictionary as Indicator of Ancient Dialect Relations in the Proto-Slavic Language 159
- Ферро, М.К.* Особенности использования интеллектуальной лексики в произведениях Максима Грека. Постановка вопроса = *Ferro, M.C.* The use of intellectual language in the works of Maksim the Greek. Preliminary observations 161
- Лешкова, О.О.* "Ruski, rosyjski, radziecki, sowiecki...": к вопросу о семантической и прагматической эволюции лексем = *Leshkova, Olga O.* "Ruski, rosyjski, radziecki, sowiecki...":

concerning semantic and pragmatic evolution of these lexems	164
<i>Литвинович, А.Г.</i> Глаголы защиты: когнитивный сценарий = <i>Litvinovich, Angelica H.</i> Defence Verbs: Cognitive Script	167
<i>Лифанов, К.В.</i> Фонологические проблемы словацкого литературного языка = <i>Lifanov, Konstantin V.</i> Phonological Problems of the Slovak Literary Language.....	173
<i>Лунькова, Н.А.</i> Категория безумия и ее художественное воплощение (на материале рассказов Л. Андреева, М. Булгакова и Г. Райчева) = <i>Lunkova, Natalia A.</i> The category of madness and its artistic embodiment (based on the stories of L. Andreev, M. Bulgakov and G. Raichev).....	176
<i>Лутовац Казновац, Тамара Н.</i> Славянизмы в работах Викентия Ракича = <i>Lutovac Kaznovac, Tamara N.</i> Slavicisms in the Works by Vikentije Rakić.....	178
<i>Макеева, И.И.</i> Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в древнерусских и южнославянских риторических произведениях = <i>Makeeva, Irina I.</i> Word order in noun phrases in old Russian and south Slavic rhetoric writings.....	183
<i>Мальса, О.</i> Жанрово-коммуникативные номинации во фразематике русского и польского языков = <i>Małysa,</i> <i>Oksana</i> Generic and communicative nominations in the phrasemology of Polish and Russian	186
<i>Манучарян, И.К.</i> Древнеславянский перфект и его историческая судьба = <i>Manoucharyan, Ivetta K.</i> The Old Slavic Perfect and Its Historical Destiny	190
<i>Марич, Б.</i> Передача чужой речи в публицистическом и научном стиле русского и сербского языков = <i>Maric, B.</i> The Represented Discourse in Journalistic and Scientific Style of Russian and Serbian Languages	193
<i>Матвеенко, Е.А.</i> Адаптация реалий в переводе «Метаморфоз» Овидия с польского языка начала XVIII века = <i>Matveenko,</i> <i>Ekaterina A.</i> The Russian Translation of Ovid's Metamorphoses at the Beginning of the 18th Century and Its Polish Original: Realia Interpretation	196
<i>Менгель, С.</i> Славянские языки в рамках «philologia sacra» (на примере одного архивного документа) = <i>Mengel, Swetlana</i>	

The Slavic languages within the scope of the “philologia sacra” (an example of an archive document)	200
<i>Мещеряков, С.Н.</i> Сербский исторический роман 80-х годов XX века = <i>Meshcheryakov, Sergej N.</i> The Serbian historical novel of the 1980s	201
<i>Милославский, И.Г.</i> Какие фундаментальные представления славянской аспектологии верифицируются речевыми действиями? = <i>Miloslavskiy, Igor G.</i> Which fundamental concepts of Slavonic aspectology are verified by speech acts?	202
<i>Мокиенко, В.М.</i> Чешско-русский фразеологический словарь: жизнь и судьба = <i>Mokienko, Valerij M.</i> Czech-Russian phraseological dictionary: life and destiny	207
<i>Мольков, Г.А.</i> К лингвотекстологии Успенского сборника: данные орфографии = <i>Molkov, Georgiy A.</i> On linguo-textology of the Uspenskiy sbornik: orthographic data.....	209
<i>Мосинец, А.Г.</i> Конклюдив в русско-болгарских и болгарско- русских переводах художественной литературы = <i>Mosinets, A.G.</i> Conclusive in Russian-Bulgarian and Bulgarian-Russian translations	211
<i>Мочалова, Т.С.</i> О политике по-польски. Из опыта обучения языку специальности = <i>Mochalova, Tatiana</i> About Politics in Polish. Experience in Teaching Polish for Professional Purposes	214
<i>Нефедова, Е.А.</i> УГОЛ: лексический мир слова = <i>Nefedova, E.A.</i> CORNER: the lexical world of words	218
<i>Нечаевский, В.О.</i> Некоторые аспекты формирования польской военной терминологии: лексикографический анализ = <i>Nechayevsky, V.O.</i> Some of aspects of the origin of Polish military terminology: lexicographic analysis.....	220
<i>Николаева, Н.Г.</i> Лексические особенности Казанского Евангелия: редкая лексика = <i>Nikolaeva, Nataliya G.</i> Lexical Features of the Kazan Lectionary: Rare Words.....	222
<i>Николенкова, Н.В.</i> Кружок Епифания Славинецкого в Чудовом монастыре в 1650-х гг.: взаимовлияние московской и югозападной русской традиций = <i>Nikolenkova, Natalija V.</i> The circle of Epiphanius Slavinetsky in Chudov Monastery	

in the 1650s: the mutual influence of Moscow and South-West Russian traditions.....	225
<i>Няголова, Н.Д.</i> Семиотика на вешта в романа на Павел Вежинов “Нощем с белите коне” = <i>Nyagolova, Natalia D.</i> Semiotics of the objects’ world in Pavel Vezhinov’s novel “In the night riding the white horses”.....	228
<i>Останчук, О.А.</i> Микротопонимика в языковом пространстве провинциального города (на материале урбанонимов г. Винницы) = <i>Ostapchuk, Oxana A.</i> Microtoponyms in the language landscape of the small town (on the urbanonimic material from Vinnitsa).....	232
<i>Панина, Ж.А.</i> Номинации способов укладки сена в говорах архангельского региона = <i>Panina, Zhanna A.</i> Names of haystacks in Archangelsk dialects	235
<i>Пентковская, Т.В.</i> Церковнославянские переводы с польского языка 80-х гг. XVII в.: язык и переводческая техника Феофана Чудовского = <i>Pentkovskaya, Tatiana V.</i> Church Slavonic translations from the Polish language of the 80s of the 17 th century: language and translation technique of Theophanes Chudovsky	237
<i>Пенькова, Я.А.; Сичинава, Д.В.</i> Славянское предбудущее и смежные конструкции: предварительные результаты анкетирования = <i>Pen’kova, Yana A.; Sitchinava, Dmitri V.</i> Slavic future anterior and closely related constructions: preliminary results of a questionnaire-based research	240
<i>Пенькова, Я.А.</i> Об употреблении претеритов в первом славянском переводе с греческого Сказания Афродитиана = <i>Pen’kova, Yana A.</i> To the use of preterits in the Tale of Afroditian, the first Slavic translation from Greek	244
<i>Штерјоска-Митреска, А.; Петковска, Бл.</i> Народното творештво и зборовниот состав во учебниците по Македонски јазик за одделенска настава во Република Македонија = <i>Sterjoska-Mitreska, Anita; Petkovska, Blagica</i> The Folk Works and the Word Composition in the Macedonian Language Textbooks and Reading for Elementary Education in the Republic of Macedonia.....	248
<i>Платонова, И.В.</i> К вопросу о программах по болгарскому языку для исторического факультета = <i>Platonova, Irina V.</i> On the	

issue of the training programs on the Bulgarian language for the Faculty of History	252
<i>Рашевска-Журек, Б.</i> О праславянской родословной общественных значений имён существительных <i>koło, krag</i> = <i>Raszewska-Żurek, Beata</i> About the Protoslavlic (?) Origin of the social meanings of nouns <i>koło, krag</i>	255
<i>Ревзина, О.Г.</i> Русский литературный язык и современные цивилизационные процессы = <i>Revzina, Olga G.</i> Russian literary language and cotemporary civilizational processes....	258
<i>Редько, Н.А.</i> Семантика позора в севернорусских говорах = <i>Redko, Natalya A.</i> Semantics of disgrace in the northern Russian dialects	261
<i>Рейзек, Иржи</i> Праславянская и древнечешская перегласовка в дательном падеже множественного числа основ на <i>-jo-</i> = <i>Rejzek, Jiří</i> Praslovanská a staročeská přehláska v dativu plurálu <i>jo-kmenů</i>	264
<i>Роговнева, Ю.В.</i> Нефикциональные описания животных в русском и чешском языках = <i>Rogovneva, Yulia V.</i> Non-fictional Russian and Czech descriptions of animals	267
<i>Розинская, О.В.</i> Польская литературоведческая русистика XXI века = <i>Rozinskaya, Olga V.</i> Russian literature studies of the XXI-th century in Poland	269
<i>Ромоли, Франческа</i> Пророческие цитаты в сочинениях Максима Грека = <i>Romoli, Francesca</i> Quotations from Prophetic books in the work of Maximus the Greek	270
<i>Рылов, С.А.</i> Синтаксис в преподавании чешского языка в русскоязычной среде = <i>Rylov, Stanislav A.</i> Syntax in teaching the Czech language in the Russian-speaking environment	273
<i>Рычкова, Л.В.</i> Тематичная разнастайнасць рэгіянальных беларускіх газет як адлюстраванне сучасных каштоўнасцей грамадства = <i>Rychkova, Liudmila V.</i> Thematic variety of regional Belarusian newspapers as a reflection of actual social values	276
<i>Садовска, Бьянка</i> Исследования русских ученых на территории Кашубии и их влияние на развитие польской кашубистики = <i>Sadowska, Bianca</i> Research of Russian scientists on the territory	

of Kashubia and their influence on the development of Polish Kashubian Studies	279
<i>Селиванова, Н.В.</i> Политический лексикон современной Польши. (Проблемы не только перевода) = <i>Selivanova, Nina V.</i> Political vocabulary of modern Poland. (Problems not exclusive to translation)	282
<i>Долгополова, М. В.; Сергеева, Л. А.</i> Полисемия имен прилагательных с корнем *dob(r)- в славянских языках = <i>Dolgopolova, M.V.; Sergeeva, L.A.</i> Polysemy of adjectives with the root * dob(r)- in the Slavonic languages	284
<i>Скачедубова, М.В.</i> Об употреблении -л-форм в значении действительных причастий прошедшего времени в древнейших древнерусских летописях на общеславянском фоне = <i>Skachedubova, Maria V.</i> On the functioning of l-forms as past participles in the oldest Old Russian chronicles in the light of data of other Slavonic languages	287
<i>Соломоновская, А.Л.</i> Славянские переводческие предисловия в общеевропейском контексте раннего Средневековья = <i>Solomonovskaya, Anna A.</i> Slavic Translators' Prefaces in European Context of Early Middle Ages	290
<i>Спалек, О.Н.</i> «Русский, немец и поляк»: польские национальные стереотипы в прошлом и настоящем = <i>Spalek, Oksana N.</i> „Russians, Germans, Poles”: Polish national stereotypes in the past and present	294
<i>Станкевич, А.Ю.</i> Представленность белорусского и русского языков в двуязычных региональных СМИ Беларуси = <i>Stankevich, Alesia Yu.</i> Proportion of Belarusian and Russian languages in bilingual regional Belarusian mass-media	297
<i>Старикова, Н.Н.</i> Феномен Бориса Пахора (к 105-летию со дня рождения писателя) = <i>Starikova, Nadezhda N.</i> The phenomenon of Boris Pahor (on the 105 th anniversary of the writer's birth)	300
<i>Стефанский, Е.Е.</i> Концепт «Kolo» ‘круг’ в романе М. Кундеры «Книга смеха и забвения» = <i>Stefanski, Eugene E.</i> Concept “Kolo” ‘Circle’ in the Novel <i>The Book of Laughter and Forgetting</i> by M. Kundera	303

<i>Суровцева, Е.В.</i> Жанр жития новомучеников и исповедников в современной русской литературе: анализ двух вариантов жития священномученика Романа Медведя = <i>Surovtseva, Ekaterina V.</i> Genre of holy lives of the martyrs and confessors in contemporary Russian literature: analysis of two variants of the holy life of confessor Roman Medved'.....	306
<i>Тимонина, Е.В.</i> Преподавание болгарского языка в вузах России в XXI в. как база подготовки нового поколения переводчиков-болгаристов = <i>Timonina, Elena V.</i> Teaching Bulgarian at Russian Universities in the XXIth century as a base for the preparation of a new generation of translators.....	308
<i>Тошович, Бранко</i> Иво Андрич и Россия = <i>Toshovich, Branko</i> Ivo Andrić and Russia.....	311
<i>Трендович, М.</i> «Рассказы о Ленине» М.М. Зощенко как источник анекдотов = <i>Trendowicz, M.</i> "Stories about Lenin" by Mikhail Zoshchenko as a source of jokes.....	313
<i>Тыртова, Г.П.</i> Сербский перевод повести С. Довлатова «Заповедник» как материал для практических занятий по переводу = <i>Tyrtova, Galina P.</i> Serbian translation of S. Dovlatov's novel «Pushkin Hills» as study materials for translation classes	316
<i>Уржа, А.В.</i> Конкретизирующие замены речевых глаголов в переводах с английского на русский язык = <i>Urzha, Anastasia V.</i> Substitution of reporting verbs in translation from English into Russian	320
<i>Федюкина, Е.В.</i> Следы русского мира в ареале современной Польши = <i>Fedyukina, Elena V.</i> Russian world tracks on the area of present Poland	323
<i>Хабиянец, Синиша</i> Восточнославянские элементы в бачкорусинском языке = <i>Habijanec, Siniša</i> East Slavic traits in Bačka Rusyn	326
<i>Хазанова, М.И.</i> Отражение языковой политики Украины в системе Внешнего независимого оценивания = <i>Khazanova, M.I.</i> Reflection of language policy of Ukraine in the system of External independent evaluation.....	330
<i>Хизанцян, А.М.</i> Формирование терминологической системы русского литературного языка первой трети XVIII века (на	

материале сочинений И. Т. Посошкова) = <i>Khizantsyan, Anna M.</i> Formation of the terminological system of the Russian literary language of the first third of the XVIII century (on the basis of the works of I. T. Pososhkov)	334
<i>Савченко, А.В.; Хмелевский, М.С.</i> Феномен современного украинско-русского билингвизма (по результатам полевых исследований в Центральной и Юго-Восточной Украине) = <i>Savchenko, Alexandr V.; Khmelevskiy, Mikhail S.</i> The phenomenon of the modern Ukrainian bilingualism (according to the results of practical research in Central and South-Eastern Ukraine)	336
<i>Челич, Ж.</i> Сравнение уменьшительных суффиксов в русском и хорватском языках – морфемика, словообразование и семантика = <i>Čelić, Željka</i> Comparison of Diminutive Suffixes in Russian and Croatian – Morphemics, Word Formation and Semantics	339
<i>Червинская, О.В.</i> Ключевая роль белокриничкой митрополии в движении русского старообрядчества (феномен аллотропии в контуре исторической интриги) = <i>Chervinska, Olha V.</i> The Key Role of Belokrinitzskoe Mitropoloy in the Movement of the Russian Old Believers (The phenomenon of allotropy in the contours of historical intrigue).....	342
<i>Чехова, М.</i> Изменения в современном чешском языке = <i>Čechová, Marie</i> Changes in the current Czech	345
<i>Шалаева, Т.В.</i> О семантическом параллелизме в лексике: наименования перхоти в славянских языках = <i>Shalaeva, Tatiana V.</i> On the Semantic Lexical Parallels: the Names for Dandruff in the Slavic Languages.....	352
<i>Шапкина, О.Н.</i> «Как гром среди ясного неба». Об одном из фрагментов польской языковой картины мира = <i>Shapkina, Olga N.</i> Sky in the Polish Language Picture of the World	355
<i>Шапошников, А.К.</i> Праславянско-санскритские соответствия приставочных глаголов и эволюция праславянского глагольного словообразования = <i>Shaposhnikov, Alexander C.</i> Common Slavic-Sanskrit comparisons of prefixal verbs and the evolution of Common Slavic verbal word-formation	358
<i>Шатько, Е.В.</i> Балканские мифы в краткой прозе М. Павича = <i>Shatko, Evgeniia V.</i> Balkan myths in M. Pavic's short stories	363

- Шаяхметов, Р.А.* Актуализация новых словообразовательных морфем в современном русском языке = *Shayakhmetov, Rustam A.* The Actualization of New Derivational Morphemes in Modern Russian language..... 364
- Шевелёва, М.Н.* Итеративные глаголы в истории русского языка (к вопросу о славянских итеративных корреляциях в диахроническом аспекте) = *Sheveleva, Maria N.* Iterative verbs in the history of Russian (upon the Slavic iterative correlations in diachronic interpretation)..... 367
- Шелкова, И.А.* Омонимия производных от *дѣлати* и *дѣлѣти* в русском языке XI-XVII вв. = *Shelkova, Irina A.* Homonymy of the Words Derived from *дѣлати* and *дѣлѣти* in the Russian Language of the XI-XVII Centuries 369
- Шетэля, Виктор* Фамильярно-шутливые высказывания в рукописи Я.-Х. Пасека = *Szetela, Wiktor* Familiar-humorous statements in the manuscript memoirs of J.-H. Pasek..... 372
- Шешкен, А.Г.* Миф об Одиссее и его интерпретация в произведениях славянских писателей XX в. (М. Шолохов, А. Исакович, П.М. Андреевский) = *Sheshken, Alla G.* The myth about the Odyssey and its interpretation in the works of Slavic writers of the XXth century (Mikhail Sholokhov, Antonije Isakovic, Petre M. Andreevsky)..... 375
- Широкова, Л.Ф.* Феномен полиэтничности в словацком романе XXI в.: проблемы, герои, мотивы = *Shirokova, Liudmila F.* The phenomenon of polyethnicity in the Slovak novel of the XXI century: problems, characters, motives..... 378
- Штудинер, М.А.* Фонетическая характеристика словацкого языка на фоне других славянских языков = *Shtudiner, M. A.* Phonetic characteristics of the Slovak language against the backdrop of other Slavic languages 380
- Яйич Новоградец, М.В.* Мотивационные аспекты и языковая компетенция в овладении русским и украинским языками как иностранными = *Jajić Novogradec, Marina V.* Motivational aspects and language competence in the acquisition of the Russian and the Ukrainian language..... 384
- Якубович, М.* Русск. *крупный*, польск. *krępy* – представители одной или разных языковых семей? = *Jakubowicz, Mariola*

Rus. крупный, Pol. krępy – representatives of one or multiple linguistic families?	387
<i>Якушкина, Е.И.; Кулешова, М.Л.</i> Корреляция значений «хороший» и «красивый» в славянских языках = <i>Jakushkina, Ekaterina I.; Kuleshova, Maria L.</i> The correlation of meanings ‘good’ and ‘beautiful’ in Slavic languages.....	389
<i>Гусев, Ю.П.</i> Петер Эстерхази, «Книга Грабала» = <i>Gusev, Yury P. Péter Esterházy, The book of Hrabal</i>	392
<i>Китанова, Мария</i> Евфемизмите в българската традиционна култура = <i>Kitanova, Mariya</i> Euphemisms in the Bulgarian traditional culture	393
<i>Новикова, А.С.</i> К вопросу о первоначальном славянском переводе Евангелия: история и современность = <i>Novikova, Anna S.</i> On the original Slavic translation of the Gospel: history and today	397
<i>Осенова, П.</i> Непрототипическое подлежащее: русский и болгарский языки = <i>Osenova, Petya</i> Non-prototypical subject: Russian and Bulgarian Languages	402
<i>Петрухина, Е.В.</i> Выражение аспектуальных параметров действия в русском и чешском языках: роль глагола и контекста = <i>Petruxhina, Elena V.</i> The role of a verb and context in expressing the aspectual parameters of action in Russian and Czech	405
<i>Поляков, Д.К.</i> Глагольные неологизмы в современном чешском языке и их лексикографическая фиксация = <i>Dmitry K. Polyakov</i> Verbal Neologisms in Modern Czech and Their Lexicographic Fixation	410
<i>Любоха-Круглик, И.</i> О предложениях осязательного восприятия (русско-польское сопоставление) = <i>Lubocha-Kruglik, J.</i> On sentences of tactile perception (Russian-Polish comparative analysis)	413
<i>Седакова, И.А.</i> Аксиологические параметры концепта ‘жизнь’ в русском и болгарском языках = <i>Sedakova, Irina A.</i> Axiological Parameters of the Notion of ‘Life’ in Russian and Bulgarian Languages	417
<i>Узенева, Е.С.</i> Русские анклавы в Польше: особенности культурно-языковой интерференции = <i>Uzeneva, Elena S.</i> Russian	

enclaves in Poland: peculiarities of cultural and language interference	420
<i>Димитрова, М.</i> К вопросу о <i>dativus ethicus</i> в современном болгарском языке = <i>Dimitrova, Margarita</i> About the question of <i>dativus ethicus</i> in modern Bulgarian ...	422
<i>Шафиева, Р.Ш.</i> Проблемы изучения чешского языка в азербайджаноязычной аудитории = <i>Shafiyeva, Roza Sh.</i> Problems of studying the Czech language in the Azerbaijani- speaking audience	424
<i>Янышкова, И.</i> К протобулгаризмам в «Этимологическом словаре старославянского языка» = <i>Janyšková, Ilona</i> On Proto- Bulgarian Loan-Words in the “Etymological Dictionary of the Old Church Slavonic Language”	426
<i>Погвизд, Шимон</i> Этимология и эволюция семантики лексемы <i>květъ</i> в славянских языках = <i>Pogwizd, Szymon</i> Etymology and semantic development of Proto-Slavic * <i>květъ</i>	430
<i>Плотникова, О.С.</i> Сослагательное наклонение в современном словенском литературном языке = <i>Plotnikova, Olga S.</i> Conditional in contemporary Slovenian literary language.....	432
Авторы / Authors	436

Память о польско-еврейском прошлом в молодой польской прозе 2000-х гг. (П. Пазиньский, С. Хутник, И. Остахович)¹

И.Е. Адельгейм

THE MEMORY OF THE POLISH-JEWISH PAST IN THE YOUNG POLISH PROSE OF THE 2000S. (P. PAZIŃSKI, S. CHUTNIK, I. OSTACHOWICZ)

Irina E. Adelgeym

ABSTRACT:

The report is devoted to the problem of memory of the Polish-Jewish past of Poland in prose of the third generation after the Holocaust - the texts of young authors related to their origin both from the Jewish (P. Paziński) and Polish (S. Chutnik, I. Ostachowicz) part of this past.

Keywords: Polish-Jewish past; Holocaust; post-memory; space; vector

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматривается проблема памяти о польско-еврейском прошлом Польши в прозе третьего поколения после Холокоста – текстах молодых авторов, связанных своим происхождением как с еврейской (П. Пазиньский), так и с польской (С. Хутник, И. Остахович) частью этого прошлого.

Ключевые слова: польско-еврейское прошлое, Холокост, постпамять, пространство, вектор

Применительно к проблеме польско-еврейского прошлого в восприятии писателей, родившихся в 1970-80-е гг., можно говорить, прежде всего, о постпамяти, обусловленной и опосредованной рядом психологических и этических проблем и потребностей. Внукам Выживших во время Холокоста, в отличие от предыдущего поколения, уже не нужно открывать собственное происхождение, преодолевать родительское молчание и собственную немotu. Они не наследуют травму Холокоста столь непосредственно, как их родители, которым пришлось столкнуться не только с опытом смерти, но и с вторичной травмой – невозможностью символически «обменять» трагический военный опыт на признание в обществе, необходимостью по-прежнему жить в укрытии. Вместе с тем это

¹ Работа над докладом проводилась в рамках проекта ИСЛ РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018-2020 президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

поколение, вынужденное подвергнуть переоценке собственную идентичность и саму проблему еврейства в современной Польше.

П. Пазиньский в автобиографической повести «Пансионат» (2010) – «первом литературном голосе поколения внуков Холокоста» [Sobolewska 2009: 40] – вводит топос пансионата – пространства «выделенного» и временного, отсылающего одновременно к санаторию и убежищу, подобного опустевшему дому, склепу, царству мертвых. Сегодняшние его обитатели сливаются с призраками припоминаемого повествователем прошлого, а те – через цитируемые фрагменты Ветхого Завета – с библейскими персонажами. Тени прошлого, воскрешающие собственные воспоминания повествователя и его воспоминания об обрывках воспоминаний взрослых, сохраненные ими обветшавшие предметы, фотографии, газетные вырезки превращают это пространство в своеобразный заповедник прошлого – послевоенного, военного, довоенного, библейского.

В эпоху ухода памяти [Нора 1999:17] повествователь физически ощущает ее исчезновение, однако своим присутствием соединяет воедино память об услышанном и пережитом, открывает собственные и чужие воспоминания. Чужое повествование накладывается и дополняется своим, в котором воображение заполняет «белые пятна», в результате сам текст становится «местом памяти», «предназначенным для трансмиссии забытого прошлого» [Rybicka 2008: 29]. Призраки прошлого обладают магической силой, однако важен вектор – движение повествователя по направлению к духам прошлого. Этот вектор определяет и повествование в рассказах Пазиньского (сб. «Птичьи улицы», 2013), связанных с топосом подземелья, фундамента Варшавы – города, где существует район, выстроенный на руинах и из руин гетто, где пласт сегодняшнего повседневного и чудовищного прошлого соприкасаются буквально.

В циркуляцию посттравматической памяти включены и те, кто не связан с исторической травмой непосредственно, «генетически», она распространяется не только через непосредственное общение со свидетелями, но и посредством научных исследований, художественной рефлексии, СМИ, включается в процесс самоидентификации как проекция [La Capra 2009: 108]. Это опыт младшего поколения польских писателей еврейского происхождения, живущих в обстановке столкновения десятилетиями вытеснявшейся травмы со-виновности в связи с Холокостом – и травмы, ставшей фундаментом национального этоса, трагической и героической польской мартирологии, являющейся культурным капиталом, основой национальной идентичности и играющей в сегодняшней Польше тенденциозную идеологическую роль. Перед литературой же встает задача выражения нового для польского большого нарратива опыта – страха и стыда. Здесь – в обновлении коллективной памяти, особенно когда речь идет о проработке постыдных воспоминаний [Ассман 2014: 16],

– важнейшую роль играет смена поколений. Чувство стыда и страха, потребность прервать «культуру молчания» [Tokarska-Bakir 2004:98], сознательно проработать прошлое ощущается, как показывают тексты, в мировосприятии младшей генерации.

Чувство стыда сублимируется в мотивы страха и возмездия – умершие напоминают о себе. В этой прозе происходит буквализация восприятия еврейского прошлого как непосредственно соприкасающегося с мирной жизнью подполья; исследуется топос подвала как пространства, связанного с инфернальной областью, пространства смерти, спуск в которое ассоциируется с погребением заживо, а выход откуда призраков – с посмертным блужданием неуспокоенной души и одновременно метафоры глубин памяти и замалчиваемой травмы; эксплуатируется мотив духов, призраков.

Рассказ Хутник «Мурано-о-о» (сб. «В стране чудес», 2014) – развернутый эпизод черного юмора, совмещающий в себе элементы комического и ужасного – причудливо сочетает «гриммовскую» простоту и жестокость логики и доведенные до абсурда узнаваемые национальные стереотипы. Стыд маскируется гротеском, страх – черным юмором.

Роман Остаховича «Ночь живых евреев» (2012) основан на игре с попкультурой, отсылает к эстетике комикса, компьютерных игр, различных киножанров, представляет собой гротескное смешение кодов, жанров, цитат, карнавальное освоение болезненной для коллективного сознания темы.

В текстах Остаховича и Хутник можно также увидеть параллель с иронично-парадоксальной провокационной психотерапией Фрэнка Фарелли, стремящейся к формированию – при помощи юмора, гротеска, доведения до абсурда – у пациента комического сознания. Если говорить о психологическом измерении художественного и художественном измерении психологического в этих текстах, представляется, что визуализация ужаса памяти и беспамятства, национальных стереотипов необходима для диссоциации его и дальнейшего осмысления. Перспектива же гротеска, абсурда, комического и пр., деконструкция клише массовой культуры призваны действовать в качестве своего рода обезболивающего, «кавычек». Черный юмор в случае Хутник и карнавальное обыгрывание кодов масс-культуры у Остаховича способствуют, помимо эмоциональной разрядки в ситуации вытесненного чувства вины и порожденного вытеснением страха, психологической интеграции – содействуют «трансформации ранее отчужденных аспектов “я” в полноправные аспекты целостной личности, “избегая при этом откровенной идентификации с ними”» [Jakab 1998: 17-18].

Постпамять о польско-еврейском прошлом, таким образом, касается не только истории, но, прежде всего, неразрывно связана с настоящим и будущим. Это своего рода стратегия идентичности, как в смысле индивидуально-психологическом, так и в перспективе формирования коллективной памяти. Постпамять оказывается своего рода поколенческой стратегией преемственности, будь то меланхолическая археология памяти или гротескная охота за привидениями.

Литература / References

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014.
2. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., де Пуимеж Ж.* Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.
3. *Jakab I.* Humor and psychoanalysis // *L'Humor. Histoire, culture et psychologie.* Paris : SIPE, 1998. Цит. по: *Копытин А.И.* Юмор в искусстве и арт-терапии: феноменология, диагностика, защитно-адаптивные возможности // *Медицинская психология в России.* [Электронный ресурс.] http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer02.php
4. *La Capra D.* Historia w okresie przejściowym. Doświadczenie, tożsamość, teoria krytyczna. Kraków: Universitas, 2009.
5. *Rybicka E.* Miejsce, pamięć, literatura (w perspektywie geo-poetyki) // *Teksty Drugie*, 2008/1-2.
6. *Sobolewska J.* Taniec z cieniami. Powiastka filozoficzna o żydowskim losie. // *Polityka*, 2009, №1. S. 40.
6. *Tokarska-Bakir J.* Historia jako fetysz // *Tokarska-Bakir J.* Rzeczy mgliste. Sejny: Pogranicze, 2004. S.98.

Образования с корнями *шур-* / *szer-* в русском и польском языках. Лексический комментарий к фамилии *Широкова*

Н.Е. Аняьева

THE DERIVATIVE WORDS WITH THE ROOTS *ШУР-* / *SZER-* IN RUSSIAN AND POLISH. THE LEXICAL COMMENTS TO THE SURNAME SHIROKOVA.

Natalya E. Ananyeva

ABSTRACT:

In this paper the words derived from the roots *шур-* and *szer-* in Russian and Polish are analyzed both in synchronic and diachronic aspects. The author considers the differences and resemblances between the semantic features, the functions and the derivation of these words.

Keywords: Russian; Polish; roots *шур-* / *szer-*; etymology; word formation; semantic

АННОТАЦИЯ:

В данном докладе анализируются дериваты с корнями *шир-* и *szer-* в русском и польском языках в синхронном и диахронном аспектах. Автор рассматривает различия и сходства в семантике, функционировании и словообразовании этих слов. *Ключевые слова:* русский язык; польский язык; корни *шир-* / *szer-*, этимология; словообразование; семантика

Этимология общеславянского корня **šir-* остается неясной. А. Брюкнер, с чем склонен согласиться П.Я. Черных, возводил его к и.-е. **skēi-* (*r*) ‘чистый, прозрачный’, относя сюда же континуацию *szczyr-* / *szcer-*. Черных допускает перестановку на славянской почве (*sk* > *ks*, далее *kch* > *ch* > *š*), объясняя таким образом появление начального *š* и полагая, что «широкий» в какой-то степени соотносится с ‘открытый’, ‘ясный’ [Черных П 1994: 413]. Ср. в связи с этим польск. *szczere pole* ‘чистое, (открытое) поле’. Формальное различие в огласовке польского и русского корней обусловлено начавшимся в польском языке с XII в. и продолжавшимся на протяжении пяти веков процессом изменения групп *ir* / *yr* (как из **ǰ*, так и исконных) в *er* (первые примеры отмечены уже в «Гнезненской булле» 1136 г.). Совпадая по исходной семантике корня, производные от русского *шир-* и польск. *szer-*, образуемые с помощью идентичных словообразовательных средств, относятся (хотя и не всегда) к системным эквивалентам (ср. русск. *широкий* и польск. *szeroki*, русск. *ширеть* – польск. *szerzyć*). При этом в ряде случаев системная эквивалентность может не совпадать с узуальной. Так, семантическая эквивалентность лексем *широкий* и *szeroki*, *ширеть* и *szerzyć* не исключает их узуальной неэквивалентности, когда в определенных контекстах прилагательному или глаголу с корнем **šir-* в одном из двух сопоставляемых языков соответствует прилагательное или глагол с другим корнем. Ср. русск. товары *широкого* потребления (универб *широпотреб*) – польск. artykuły *powszechnego* użytku или artykuły *masowego* spożycia, русск. *широкий* читатель, польск. *masowy* czytelnik, русск. *широкий* шаг, польск. *zamaszysty* krok, польск. na *szerokim* świecie – русск. во *всем* мире, польск. *rójść* w *szeroki* świat, *włóczyć* się po *szerokim* świecie – русск. пуститься по *белу* свету, скитаться по *белу* свету, польск. *opowiedzieć szerzej* – русск. рассказать *подробнее*, польск. *szerzyć* panikę – русск. *сеять* / *распространять* панику, польск. *szerzyć* pogłoski – русск. *распространять* слухи. Современному инвентарю словообразовательных средств, образующих в польском и русском языках определенные словообразовательные типы идентичной частеречной принадлежности, в диахронии могут соответствовать иные аффиксы.

Так, в современном русском языке абстрактные существительные от корня *шир-* образуются с помощью суффиксов *-ота* (*широта*), *-ина* (*ширина*) и *-ость* (*ширость*), в то время как в польском – с помощью суффиксов *-ość* (*szerokość*) и *-izna* (*szerzyzna*). Однако польскому языку более раннего периода известны соответствующие производные с суффиксами *-ina* (*szerzyna* ‘поверхность, плоскость’: *Wielkiej Grecyi minąwszy szerzyny* – 17 в. у Вацлава Потоцкого), *-a* (*szyrza* // *szerza* ‘szerokość’: *Półtora na szyrzę* – в «Библии королевы Зофьи» 1455 г.) и *-ość* (*szyrz* // *szerz*, о чем свидетельствует современное наречие *wszerz* ‘в ширь, в ширину’). Если в современном русском языке, в отличие от современного польского, функционируют конкретные существительные от корня *шир-* (*ширинка* 1. платок; полотенце (ср. метафорическое туман-*ширинка* у Н. Клюева); 2. полоса ткани в передней части брюк – польск. *gozropek*; *ширево* ‘наркотики’ – в арго наркоманов), то польскому языку более древнего периода также известна лексема *szyrzynka* в значении ‘платок’.

Образования от корня *шир-* / *szer-* различаются в сопоставляемых языках словообразовательной и лексической мощностью. Так, в русском языке шире представлены адъективные композиты с первой частью *широко-* (хотя они также известны в польском: ср. *szerokolistny*, *szerokoekranowy*, *szerokotorowy* и др.). При отсутствии подобного композита в польском языке соответствующее образование русского языка переводится на польский конструкцией «предлог *o* + предл. падеж словосочетания, состоящего из прилагательного *szeroki* и определяемого им существительного»: *широкополый* – *o szerokim rondzie*, *широколобый* – *o szerokim czole*.

В современном польском литературном языке представлены префиксальные глаголы *poszerzyć* – *poszerzać* и *rozszerzyć* – *rozszerzać*, которым в русском соответствует глагол с одним префиксом *раз-* (*рас-*): *расширить* – *расширять*. В зависимости от контекста польские префиксальные с *ro-* переводятся на русский язык эквивалентом с *рас-* или глаголом с другим корнем (ср. *poszerzać* *wiedzę* – *расширять* (*ширить*) *знание* // *распространять* *знание*).

Литература / References

Черных П.Я. Этимологический словарь русского языка. Т.2. М.: Русский язык, 1994. 413 с.

Между славой и забвением: к вопросу о контактах русских с болгарами в XVIII веке и их отражении в русской мемуаристике и литературе первой трети XIX века

А.Ф. Багаева

BETWEEN GLORY AND OBLIVION: TO THE QUESTION OF RUSSIANS' CONTACTS WITH THE BULGARIANS IN THE 18TH CENTURY AND THEIR REFLECTION IN RUSSIAN MEMOIRISTICS AND LITERATURE IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Anetta F. Bagaeva

ABSTRACT:

In connection with the “Greek project” the birth of Bulgarian motives and images, as well as the ideology associated with them, in Russian literature of the second half of the 18th — the first third of the 19th century is justified. Later they will be reactivated and continue their formation in the second half of the 19th century.

Keywords: Russo-Turkish wars; Balkans; Bulgaria; Russian empire; Ottoman empire; Greek project; Krasnokutskiy; Teplyakov; Veltman

АННОТАЦИЯ:

В связи с «греческим проектом» обосновывается рождение в русской литературе второй половины XVIII — первой трети XIX в. болгарских мотивов и образов, а также связанных с ними идеологем, которые позже реактуализируются и продолжают своё формирование во второй половине XIX в.

Ключевые слова: русско-турецкие войны; Балканы; Болгария; Российская империя; Османская империя; греческий проект; Краснокутский; Тепляков; Вельтман

Успехи Российской империи в русско-турецких войнах 1768-1774 и 1787-1791 гг. способствовали не только подъёму национального самосознания и укреплению позиций страны на всём Причерноморье, но также росту влияния на Балканах. Краткие или более развёрнутые упоминания ключевых крепостей, городов и рек современной Молдавии, Румынии и Болгарии, с одной стороны, демонстрировали значимость российских побед, с другой – давали обоснование политическим амбициям России как покровительнице слабых и угнетённых народов (коими оказывались христиане, проживавшие на европейских территориях Османской империи).

Идея «греческого проекта» Екатерины II, как известно, возникла по-степенно в ходе русско-турецкой войны и активно поддерживалась с трёх сторон: с Запада в лице Вольтера; внутри страны в лице Г. А. Потёмкина

[Зорин 2001: 33-45] и с Востока, вернее, со стороны населения западных рубежей Османской империи, в коих победы русских возродили луч надежды на освобождение. Также немаловажную роль сыграли представители греческого и южнославянских народов, вербовавшиеся в российскую армию. Из обширного корпуса текстов, приуроченных к наиболее значительным победам России и на заключение мира, наибольший интерес представляет то, как и какими средствами выражен в них взгляд третьей, «восточной» стороны.

Прежде всего, он конструируется на основе важнейшей географической координаты региона – реке Дунай, служащей водоразделом между свободными и порабощёнными территориями. Водная стихия вкупе с остальными тремя приветствует русских и всячески помогает им в ходе сражений¹. Активно поддерживают русских воинов и сами жители Османской империи, в т. ч. болгары [Слово 1775: 7-9].

Также именно в этот период формируется собирательный образ Балкан в виде порабощённой женщины-матери, которая призывает Россию к отмщению и к освобождению её от позорного рабства [Верещагин 1775: 8-9]. Этот образ впоследствии трансформируется в образ матери-Болгарии в новоболгарской литературе на основе «Райны, королевы болгарской» А.Ф. Вельтмана [Аретов 1995: 59].

Ценнейшим свидетельством среди военных мемуаров начала XIX в. являются «Дневные записки» А. Г. Краснокутского, их отличает не только поэтичность описаний болгарской природы, но и фиксация отношения простых болгар к русско-турецким войнам екатерининской и александровской эпохи, а также любопытен эпизод, свидетельствующий о «незримом» русском присутствии на Балканах и после окончания данных войн [Краснокутский 1815: 9-11]. Таким образом, автор «Записок» выстраивает связь между поколениями и приоткрывает завесу над «terra incognita» – духовным и идейным результатами русско-болгарских контактов к. XVIII—нач. XIX в.

Важный пласт составляют произведения уже художественной литературы, появившиеся во время и после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. «Фракийские элегии» и «Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова свидетельствуют о постепенной смысловой переориентации «греческого проекта» в проект «славянский», именно благодаря им, и, чуть позже, сочинениям Ю. И. Венелина и А. Ф. Вельтмана будет постепенно пробуж-

¹ «Народ <...> // Грядет надеждой полон сею // Великому вослед Мойсею, // В волнах, в степях не зрит препон; // Природа чин свой нарушает, // Раздельшись море сушь являет // Безбедно шествовал чтоб он» [Бухарский 1789: 5].

Ср.: «Дунай ли вижу я широкий? // Дунай свирепый и глубокий // Обуздан, укрощен течет!» [Героическая 1792: 10]; «Сам Днестр против тебя потек <...>» [Майков 1769: 5].

даться интерес к славянским древностям, приобретающий идеологическое значение поиска и воссоздания «античности» на болгарской (и, шире, на балканской) основе.

Таким образом, болгарская (и молдавская²) темы в творчестве русских поэтов и писателей XIX в. не возникли с нуля, но были в определённой мере подготовлены предшествующей одической традицией XVIII в.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Бухарский А. И.* Ода ея императорскому величеству великой государыне Екатерине Второй императрице и самодержице Всероссийской: На взятие Очакова. СПб., 1789. 9 с.
2. *Верещагин И. А.* Ода на торжество заключенного мира, между Россиею и Оттоманскою Портою. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775. 11 с.
3. Героическая песнь на победу, одержанную российским воинством над турецкими силами, за Дунаем в 28 день июня 1791 года; и стихи на мир, последовавший за сею решительною победою. М., 1792. 30 с.
4. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
5. *Краснокутский А. Г.* Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 году, самим им писанныя. — М.: В типографии С. Селивановского, 1815. 122 с.
6. *Майков В. И.* Ода государыне императрице Екатерине Второй самодержице всероссийской на победу, одержанную над турками при Днестре войсками ея императорского величества, под предводительством генерала князя Голицына и на взятие Хотина 1769 года сентября дня. СПб.: Тип. Мор. кадет. корпуса, 1769. 8 с.
7. Слово на торжество мира с Портою Оттоманскою 1775 года, июля 10 дня. М.: При Государственной военной коллегии, 1775. 15 с.
8. *Аретов Н.* Българското Възраждане и Европа. София: Издателство «Кралица Маб», 1995. 267 с.

² Это немаловажно не только в связи с географической близостью данных регионов, служивших театром военных действий, но и в связи с тем, что болгары активно эмигрировали в Бессарабию после её присоединения к Российской империи в 1812 г.

Проблема национальной и гендерной идентичности в украинской женской постколониальной прозе (романы О. Забужко)

Е.В. Байдалова

THE PROBLEM OF NATIONAL AND GENDER IDENTITY IN UKRANIAN WOMEN'S POSTCOLONIAL LITERATURE (THE NOVELS BY O. ZABUZHKO).

Ekaterina V. Baidalova

ABSTRACT:

The report discusses the problem of national and gender identity in the novels by O. Zabuzhko "Field Work in Ukrainian Sex" (1996) and "The Museum of Abandoned Secrets" (2009) in the postcolonial studies' context. The heroes of these novels survive the crisis of national and gender identity. This crisis corresponds with colonial trauma and the attempts of going through it.

Keywords: postcolonialism; national identity; gender identity; Ukrainian women's post-colonial literature; Zabuzhko

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматривается проблема национальной и гендерной идентичности в романах украинской писательницы О. Забужко «Полевые исследования украинского секса» (1996) и «Музей заброшенных секретов» (2009) в контексте постколониальных исследований. Кризис национальной и гендерной идентичности, переживаемый героями данных романов, напрямую связывается Забужко с колониальной травмой и попытками ее пережить в постколониальной действительности.

Ключевые слова: постколониальные исследования; национальная идентичность; гендерная идентичность; украинская женская проза; Забужко

Оксана Забужко – современная украинская писательница, поэтесса, общественный деятель – одна из немногих украинских авторов, последовательно придерживающихся методологии и терминологии постколониальных исследований как в своей эссеистике, философско-культурологических исследованиях, так и в текстах художественной литературы. Постколониальное, а также посттоталитарное, посткоммунистическое состояние Украины является стержневой темой ее творчества.

Поиск национальной идентичности – центральная тема дебютного романа Забужко «Полевые исследования украинского секса» (1996), ставшего в свое время одним из самых заметных и скандальных литературных явлений 1990-х гг. в пространстве украинской культуры. По верному замечанию исследователя современной украинской литературы Я. Голобородько, прозаические тексты Забужко семантически и ритмостилистически связаны, однако именно в первом романе сконденсировано все

наиболее значимое, он является квинтэссенцией всех прозаических «импульсов-поисков» писательницы [Голобородько 2009: 29-30]. «Полевые исследования украинского секса» стали причиной появления многочисленных дискуссий о «женском письме и женской исповедальности, об основаниях табуированности женского телесного, сексуального опыта в патриархальной культуре» [Агеева 2008: 271], а также оказали мощное влияние на развитие украинской женской прозы, «запрограммировав» во многом ее язык [Агеева 2008: 275]. В центре романа – история несчастливой любви поэтессы Оксаны и художника Мыколы. Оба они украинцы (это специально подчеркнуто в романе), причем для героини избранник оказывается первым «готовым» украинским мужчиной, которого не надо украинизировать, таким образом, определяющим фактором для развития любовных отношений является национальная идентичность партнера. Частная жизнь лирической героини коррелируется с национальным социокультурным контекстом, взаимоотношения между мужчиной и женщиной анализируются на фоне национальной исторической колониальной зависимости. Писательница «показывает отдельную любовную драму как глубокую колониальную травму, которая поразила целый народ и разрушила интимное пространство рода» [Гундорова 2005: 123]. Появлением «Полевых исследований», с одной стороны, разрушается национальное табу на изображение субъективного (в первую очередь, сексуально-телесного) женского опыта в украинской культуре, с другой стороны, продуцируется деструктивный подход к изображению интимных отношений: оба героя остаются в плену у своего несвободного прошлого, которое разрушает их настоящее и будущее. Память о прошлом для героини становится непосильным бременем: в минувшем ей видятся лишь унижения, лишения, предательства и подчиненное положение как нации, так и индивидуальности.

Действие второго романа О. Забужко «Музей заброшенных секретов» (2009) охватывает 60 лет украинской истории от 1944-го до 2004-го гг. Композиционно роман построен как музей, по которому посетители перемещаются в строго заданном порядке от зала к залу (так называются главы произведения), постепенно раскрывая спрятанные секреты. Действие в каждом зале происходит в разных временных отрезках и показано глазами разных персонажей. История страны и каждого отдельного рода и память о ней представляется в романе музеем заброшенных секретов, затерянных в пространстве и во времени обрывков человеческих историй, не явленных миру, но связанных с ним невидимыми нитями, историй, спрятанных и забытых, которые необходимо найти для того, чтобы наконец самоидентифицироваться, соединить воедино национальную историю, расколотую, разделенную на множество отдельных индивидуальных деяний. Главная героиня романа – журналистка Дарья Гоцинская –

снимает фильм об одной из забытых участниц УПА. Эти женщины представлены в романе как идеализированные национальные героини: красивые, эlegantные, образованные, смелые, независимые, борющиеся за свободу своей страны. Несмотря на неоднократно выражаемую автором приверженность феминисткой теории, оба персонажа в романе изображены в ситуации личностного кризиса либо из-за неправильного выбора избранника (Олена), либо из-за его отсутствия (Дарина). После многочисленных деструктивных интимных связей журналистка в итоге встречает Адриана, который становится ее любимым мужчиной. Его национальная идентичность крайне важна героине для развития отношений: всячески подчеркивается, что Адриан из галицкой интеллигентной семьи с «правильной» историей (именно о его двоюродной бабушке Дарина снимает фильм). Семьи обоих партнеров причастны к неудачному сопротивлению «империи»: член УПА у Адриана, отец-диссидент, ставший инвалидом после психбольницы, у Дарины.

Женщина в этом романе является обладательницей некоего тайного знания, недоступного мужчине, знания, связанного с продолжением рода и сохранением национальной общности, родовой памяти, из которой складывается человеческая история: «Однажды приняв мужчину, женщина неизбежно переходит в иную зону притяжения – сама напрямую впадает во время как в вязкий поток, всей тяжестью своего земного тела, с маткой и придатками, этим живым хронометром, включительно, и время начинает течь сквозь нее уже не в чистом виде <...>, а воплощенным в род, в семью, в бесконечную хромосомную цепочку умирающего и воскресающего, пульсирующего смертной плотью генотипа – в то, что в конечном итоге принято называть, за неимением более точного термина, человеческой историей» [Забужко 2013: 12]. В данном романе женщины изображены как буквальные «воспроизводительницы» нации, поскольку они способны к деторождению. Осознание своей гендерной идентичности к героиням приходит через осознание своей функции продолжательниц рода. Положительный тест на беременность Дарина воспринимает как повестку в армию, «что молча и упрямо ведет свою войну» [Забужко 2013: 676]. Переживание колониальной травмы из сферы деструктивных личных взаимоотношений переходит в сферу деструктивных отношений с внешним миром, который воспринимается как враждебный, угрожающий национальной идентичности.

Литература / References

1. *Агеева В.* Женское пространство. Феминистический дискурс украинского модернизма. М.: Идея-Пресс, 2008. 304 с.
2. *Голобородько Я.* Елізіум. Інкорпорація стратеєм. Харків: Фоліо, 2009. 187 с.
3. *Гундорова Т.* Український літературний постмодерн. Київ: Критика, 2005. 258 с.

4. *Забужко О.С.* Музей заброшенных секретов / Пер. с укр. Е. Мариничевой. М: АСТ, 2013. 697 с.

Языковые особенности списков первоначальной русской редакции Кормчей книги

Г.С. Баранкова

LANGUAGE FEATURES COPIES OF THE ORIGINAL (INITIAL) RUSSIAN EDITION OF THE KORMCHAYA BOOK

Galina S. Barankova

ABSTRACT:

In the article language features of the early Russian Kormchaya copies (XIII-XVI c.) are considered. The language data confirm the historians' assumptions about the Volyn and Novgorod-Pskov origin of the copies. It is asserted that Novgorod plays a special role in the creation of the Russian editing, and an assumption is made about its initial origin Novgorod.

Keywords: Kormchaya; editing; copies; language

АННОТАЦИЯ:

В статье рассмотрены особенности языка списков ранней русской редакции Кормчей XIII-XVI вв. Языковые данные подтверждают предположения историков о происхождении списков, отнесенных к Волынской и Новгородско-Псковской редакциям. Утверждается об особой роли Новгорода в создании русской редакции и высказывается предположение о ее возможном первоначальном составлении в Новгороде.

Ключевые слова: Кормчая; редакция; списки; язык

Первоначальная русская редакция Кормчей книги представляет собой компиляцию из предшествующих сводов кормчих книг: Древнеславянской (Ефремовской) кормчей и Сербской Кормчей с толкованиями к правилам и канонам. Эта редакция пополнилась разнообразными древнерусскими статьями. Редактирование проходило в два этапа; первый (60-70-е годы XIII в.), когда в нее были включены 70 глав, в том числе 3 древнерусские статьи. Местом составления Кормчей Я.Н. Щапов считал митрополичью кафедру в Киеве [Щапов 1978: 185]. С не дошедшего списка первоначальной русской редакции в 1286 г. была сделана копия для Волынского князя Владимира Васильковича, положившая начало Волынскому изводу Кормчей. Второй этап создания Кормчей относящийся к кон. 70-х нач. 80-х годов XIII в., в течение которого она дополнялась новыми статьями (всего их насчитывается до 40), связан с Северо-Восточной Русью и привел к созданию Новгородско-Варсонофьевского извода. Судить об изначальном содержании ранней русской редакции можно

лишь по оглавлению, одинаково представленному в обоих изводах. В докладе рассмотрены языковые особенности следующих списков **Волынского извода**:

Арадский список XV в. – Арадское епископство в Румынии, № 21 (далее А),

Харьковский список XV в. Харьковский историч. музей инв. № 21129 (X),

Погодинский список посл. треть XVI в. – РНБ, собр. Погодина № 234 (П);

Язык списков **Новгородско-Варсонофьевского извода** изучен по Новгородской (Климентовской) кормчей, 1280 г.– ГИМ, Синод. № 132 (С),

Варсонофьевской кормчей XIV в., (ГИМ, собр. Чудовское, № 4 (Ч),

Тихомировскому списку XV в. (ГПНТБ СО РАН Тихом. 536/539 (Т).

Текстологическое исследование списков, характер их различий выявляют следующую картину: списки разделяются на Волынскую (А, П, вторая часть X) и Новгородско-Варсонофьевскую С, Ч, Т, первая часть X) группы, при этом ряд чтений объединяет списки волынского извода с списками сербской редакции (Законоправилом и Рязанской кормчей), что является свидетельством сохранения в Волынской группе более древних чтений, восходящих к первому этапу составления Кормчей ранней русской редакции. В то же время имеется ряд общих чтений (в том числе искажений), объединяющих списки обеих групп в отличие от чтений сербской редакции.

При исследовании списков ранней русской редакцией Кормчей решался ряд вопросов: подтверждаются ли языковыми данными предположения о происхождении списков, отнесенных к Волынской и Новгородско-Варсонофьевской редакциям, какое место в кругу выбранных для анализа списков занимает древнейший Новгородский список 1280 г. и каково отношение Новгорода к созданию списков Кормчей книги.

Лингвистический анализ А показывает, что он является списком молдавского извода с среднеболгарскими особенностями в правописании (постоянно употребление ж, ь вместо ѣ на конце слов, мена юсов, сочетания *tʏrtʏ только в южнославянском варианте и т.д.). Спорадически в А проскальзывают черты восточнославянского оригинала (собѣ, стжахъть и т.д.), что свидетельствует о его древнерусском протографе.

Список П имеет выраженные юго-западные особенности в языке и правописании (мена начальных у/в; написания, отражающие отвердение [р] и [ч]).

Список X, как установила М.В. Корогодина, списан с разных оригиналов [Корогодина 2017: 271]. Первая его часть текстологически очень близка Ч. Вторая часть, являющаяся копией с волынского извода, имеет

совпадающие чтения с А и П и южнорусские особенности в правописании (мену ъ/е, начальных у/в, аканье) тогда как первая часть – выраженные новгородские черты (цоканье, мену ъ/и). Языковые особенности названных списков подтверждают предположение историков о создании Волынского извода в Южной Руси с дальнейшим распространением на украинской и белорусской территории, а затем и в Молдавии, о чем свидетельствует А.

Список С характеризуется ярко выраженными новгородскими особенностями в правописании (большим числом примеров цоканья, наличием бытовой новгородской системы письма и др.). Все пять основных его писцов придерживались общих орфографических принципов и имели хорошую выучку. Язык С отличается большим количеством русизмов, отмечаемых в оригинальных восточнославянских текстах, тогда как в текстах канонов и правил писцы сохраняли стандартный церковнославянский язык. В С имеется ряд искажений и порчи, а также индивидуальных чтений, что не позволяет считать его лучшим представителем Новгородско-Варсонофьевского извода, с которого в дальнейшем переписывались другие списки.

Лингвистический анализ Варсонофьевской кормчей (Ч) позволяет связать ареал ее происхождения с Новгородом (или, возможно, антиграф рукописи восходит к новгородской языковой области), так как у всех ее 6 писцов sporadически отмечаются примеры цоканья (*по прилуцаю, с любодгычею, на концину, сиче, чернечь* и т.п.). Список интересен редким способом сокращения слов, связанных с названиями букв а – азь, д добро, н – нашь, л – люди и т. д. (4 и 5 писцы). Кодикологический анализ Ч (обработка пергамена, брошюровка, разлиновка листов) показал, что при ее изготовлении использованы приемы, наблюдаемые при изготовлении новгородских книг [Уханова 2018: 326, 367].

Список Т на основании включения в него Посланий мтп. Фотия в Псков был признан историками псковским. Лингвистически рукопись неоднородна. Диалектные черты в правописании 1 писца, написавшего большую часть рукописи, не проявляются, в письме 2 писца наблюдаются архаичные черты, свойственные для письма XIV в., и характерные особенности псковского говора (мена ш/с, з/ж), цоканье, а также мена о/у.

Таким образом, большая часть ранних сохранившихся списков Кормчей (С, Т, 1-я часть X, а также Ч, которая могла быть написана в Новгороде или имела новгородский оригинал, отличающийся от С,) связана с Новгородом. Тем самым можно говорить об особой роли этого города в создании Кормчей ранней русской редакции. На основании экстралингвистических факторов: наличия в Новгороде Кормчей Ефремовской редакции, первоначального включения в состав древнерусской Кормчей статей, связанных с Новгородом (Кириково Вопросание, Правило мтп.

Иоанна, содержащее ряд указаний на новгородскую область), и их позднейшего исключения из состава Волынского извода можно предположить, что сама ранняя русская редакция была изначально составлена не в Киеве, а в Новгороде.

Литература / References

1. *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV –первой половины XVII века. Том 1. Исследование. М.; СПб: Альянс-Архео, 2017. 598 с.
2. *Уханова Е.В.* Кодикологические особенности рукописей новгородского архиепископского скриптория последней четверти XIII-XIV вв.: Климентовская и Варсонофьевская Кормчие (ГИМ, Син. 132 и Чуд.4) // Специальные исторические дисциплины. Сб. статей. Вып. 2. М., 2018. С. 320–367.
3. *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 291 с.

Славянский мир в информационном пространстве mass media (на примере чешских СМИ)

В.В.Белусова

THE SLAVIC WORLD IN THE MASS MEDIA INFORMATION SPACE
(ON THE EXAMPLE OF CZECH MEDIA)

Valentina V. Belousova

ABSTRACT:

The problem of globalization in the information space has been one of the heated issues among specialists. But what really needs to be discussed is how the Slavic world is reflected in the mass media and is it possible to talk about the equal rights of languages and cultures. The article tries to answer these questions with a special focus on Czech media.

Keywords: information space; globalization; Slavic world; Czech media

АННОТАЦИЯ:

Можно ли говорить о равноправии языков и культур в условиях глобализации информационного пространства? Как проявляется культуроспецифичность информационной картины мира, если основной объем медиатекстов – на английском языке? Насколько языковая обусловленность способствует формированию славянского информационного пространства, и каким представлен «славянский мир» в национальных mass media? Рассмотрим эти вопросы на примере чешских СМИ.

Ключевые слова: информационное пространство; глобализация; славянский мир; чешские mass media

Информационное пространство живет и развивается по своим законам, и сегодня средства массовой информации в значительной степени подвержены влиянию процессов глобализации. Медиальная конвергенция проявляется на разных уровнях: технологическом, потребительском, корпоративном, пространственном, правовом [Moravec 2016], а переход на «lingua franca» XXI века привел к тому, что общий объем медиатекстов на английском языке заметно превышает объем текстов на других языках. При этом следует учитывать, что «в условиях информационного общества механизм создания картины мира почти целиком зависит от СМИ» [Добросклонская 2005:184]. Один из вариантов представления «славянского мира» в современных mass media рассмотрим на примере чешских источников.

«Информационная картина мира культуроспецифична, тк. отражает национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностных отношений» [Добросклонская 2005:186], однако при определенном объеме иностранных инвестиций¹ национальный интерес начинает подчиняться коммерческому. Коммерциализация приводит к сужению тематики и ограничению альтернативных точек зрения и форм культуры, а отсутствие возможности быть «здесь и сейчас» иногда заставляет национальные СМИ использовать «события», предложенные медиамагнатами. Ориентация на интересы потребителя обусловила изменение контента медийного продукта, что наблюдается в печатных СМИ в виде «infotainment» (занимательная политика вместо глубокой аналитики) и в стремлении соревноваться в актуальности и сенсационности с TV. Попытки противостоять глобализации и предложить свою интерпретацию событий стали причиной провинциализации (погружение в местные новости) и диверсификации чешских media. Такова общая характеристика ситуации.

О специфике чешского информационного пространства пишут P.Bednářik, J.Jirák, B.Körplová, отмечая разные языковые, политические и культурные контексты, а также различный характер их взаимодействия: «Pojem „česká média“ není snadno definovat – na území, které dnes vymezují hranice ČR, se i v mediální produkci setkávala řada jazykových, kulturních a politických kontextů (německy psaný tisk, polský tisk, vycházející ve Slezsku, moravský a slezský tisk). Jejich kontakt s česky provozovanými médii má povahu střetu, synergického efektu či inspirace» [2011:11].Такая «мозаичность» заставляет специалистов углубленно заниматься отдельными фрагментами чешского медиального спектра (veřejnoprávní

¹ По данным Европейской федерации журналистов, ЧР занимает по объему иностранных инвестиций в СМИ второе место в Евросоюзе. Например, владельцем TV Nova является американская компания CME, а 50% акций TV Prima принадлежит скандинавскому концерну Modern Times Group.

ČT1, největší český seriózní celostátní deník MF DNES, celostátní deníky Právo и Lidové noviny, časopisy Týden и Víkend Hospodářských novin, lokálně tištěná média Noviny Rychnovska и Orlický týdeník, т.наз. „pravicový bulvár“ – серверы компании Český portál, поддерживающие идею евроскептицизма – Eurabie.cz и Euportal.cz), что повышает достоверность выводов о том, как представлен «славянский мир» в чешских СМИ. Для решения задач нашего исследования привлекались также аналитические материалы агентства Newton и отчеты Российского института стратегических исследований (РИСИ).

Термин «славянский мир» используется довольно широко и в научных кругах, и журналистами, и политиками, но до сих пор не имеет общепринятого определения и написания. В данном конкретном случае нас интересовали публикации со славянской проблематикой: какие страны и события в каком контексте упоминаются чешскими СМИ, а также динамика (материалы охватывают период с 2008г. по 2018г.). В чешских «страноведческих» исследованиях медиаобразов (mediální obraz) выделяются три направления²:

- страны и народы – Španělsko (2011), Polsko a Poláci (2011), země třetího světa (2013), Vietnamci (2015), EU (2016)

- отдельные события – 20. výročí sametové revoluce (2011), krymská krize (2015), ukrajinská krize (2016), etnické konflikty v Kosovu v 80. letech 20. století (2015), konflikt v Sýrii (2017)

- иностранные мигранты – Ukrajinci, Slováci, Vietnamci, Rusové, Poláci, Moldavané, Bulhaři a Čiňané (2009). В (2012) добавились Afričané a Romové, теперь пишут о uprchlících a muslimech (2017).

Славянский мир представлен в информационном пространстве чешских СМИ очень фрагментарно³, в него стабильно входят Польша, Словакия, Украина и Россия, иногда упоминаются «страны бывшей Югославии», Болгария⁴ и Белоруссия⁵.

Тематика затрагивает, в первую очередь, социально-политические аспекты (присоединение Крыма, отношения с Украиной, президентские выборы), на втором месте – экономика (антироссийские санкции и ответные меры РФ), на третьем – культура и история.

² Российские исследователи чаще занимаются анализом зарубежных СМИ с целью изучения формируемого в них медиаобраза России.

³ В программе Události (ČT1) в 2017г. наиболее часто упоминалась Россия (11 часов 55 минут эфирного времени), Словакия (06:38), Польша (05:22) и Украина (02:00)

Analýza zpravodajství českých televizí a ČRo, rok 2017. s. 30. URL: <http://img.ceskatelevize.cz/boss/document/1158.pdf?v=1> (дата обращения: 30.08.2018)

⁴ «Bulhaři byly v českých médiích nejčastěji zmiňováni v souvislosti s prostitutací a nelegální migrací. Tři články se také kriticky vyjadřovaly ke vztahům bulharské menšiny k ostatním zaměstnancům firmy Foxconn a pouze jeden příspěvek se věnoval pozitivní zkušenosti zaměstnavatelů se zaměstnáváním Bulharů» [Mediální obraz cizinců v ČR 2009:5].

⁵ Исключительно в контексте предоставления ее гражданам политического убежища.

Часто встречаются повторяющиеся стереотипы: о религиозности поляков⁶, о «второсортности» украинцев⁷, об агрессивном характере России⁸, о напряженных польско-русских отношениях⁹, о жизни мигрантов в Чехии – при этом медиаобраз играет ключевую роль в распространении и укоренении стереотипов. «S jistou nadsázkou lze říct, že žadatel o azyl je v lokálním tisku líčen jako host, který přijel z neznámých důvodů. Na místě porušuje zákon a zároveň kreslí, zpívá, tančí, vaří, hraje divadlo, jezdí na výlety, učí se česky a je občas smutný. Nezůstává příliš dlouho a zase odjíždí neznámo kam.» [Cizinci, našiinci a média 2007:24].

Являясь индикаторами глобализационных процессов, средства массовой коммуникации не только участвуют в обмене и распространении информации, но и активно воздействуют на реальность. Следовательно, существует возможность повлиять и на формирование медиаобраза «славянского мира».

Литература / References

1. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
2. *Bednařík P., Jiráček J., Köpplová B.* Dějiny českých médií. (1. vydání). Praha: Grada, 2011. 448 с.
3. *Hofman J.* Mediální obraz Polska a Poláka v českých médiích. Pardubice: Fakulta filozofická, 2011. 72 с.
4. *Moravec V.* Média v tekutých časech. Praha: Academia, 2016. 192 с.
5. Cizinci, našiinci a média. Mediální analýzy / Ed. M. Křížková. Praha: Multikulturní centrum, 2007. 106 с.
6. Mediální obraz cizinců v ČR. Newton Media [zpracovala Saková T.] // <http://www.migrace-online.cz/e-knihovna/?x=2204270>

⁶ «Autoři článků vycházejí z toho, že ke katolické víře hlásí 95% Poláků a tudíž zemi našeho severního souseda považují za jednu z nejreligióznějších zemí na světě. Prizmatem katolické víry pak hodnotí jednotlivé události»[Hofman 2011:60].

⁷ «Že cizinci ze Západu jsou jak si sami od sebe hodnotnější, než ti z Východu, že je přirozené, aby Ukrajinci vykonávali „podřadné“ práce» [Cizinci, našiinci a média 2007: 5].

⁸ MF Dnes uveřejňuje průzkum, podle kterého se celých 40 procent Čechů obává, že Rusko v příštích deseti letech může ohrožovat suverenitu střední Evropy, a to i přesto, že Česko a další středoevropské země jsou členy NATO. <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/40-procent-Cechu-ma-strach-ze-nas-ohrozuje-Rusko-318588> (дата обращения: 30.08.2018).

⁹ «Při událostech, jejichž dopad mohl sáhat až za hranice Polska se na prvním místě vždy objevovala otázka, jak se bude na vývoj situace dívat právě Rusko» [Hofman 2011: 60].

Система предложного управления в русском языке: история и перспектива развития

А.Н. Бертякова

PREPOSITIONAL MANAGEMENT SYSTEM IN RUSSIAN:
HISTORY AND PERSPECTIVE OF DEVELOPMENT

Bertyakova A.N.

ABSTRACT:

In the work on the example of prepositional-case use of the noun, the phone tries to show how technological changes in modern society, predicting the development of the stylistic system of modern discourse, are marked with the language units of the functional plan.

Keywords: prepositions; prepositional-syntactic constructions; technological processes; convergence.

АННОТАЦИЯ:

В работе на примере предложно-падежного употребления существительного *телефон* предпринимается попытка показать, как технологические изменения в современном обществе, прогнозируя развитие стилистической системы современного дискурса, маркируются языковыми единицами функционального плана.

Ключевые слова: предлоги; предложно-синтаксические конструкции; технологические процессы; конвергенция.

Характеризующее современную эпоху бурное развитие медиатехнологий обусловило формирование новой стилистической системы, сопровождающееся смешением и переоценкой прежних форм выражения, новые формы речетворчества, изменения в синтаксическом строе, что не могло не повлиять и на употребление предлогов. В современном языке намечаются новые, более отвлеченные способы применения предлогов, переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-синтаксические конструкции.

Непривычное сегодня употребление предложно-падежной формы *в телефон* в контексте глагола *говорить* еще во времена Чехова было единственно верным. Он писал: "Сейчас говорил *в телефон* грузинский учитель" (хix, 280); ""Сейчас *в телефон* говорила со мной Татаринова" (хix, 231); "Альштуллер говорил *в телефон*" (хix, 231); Сейчас говорил *в телефон* с Л. Толстым" (хix, 186) и т.д.

Вначале телефонная лексика обладала особой "изобразительностью". Именно телефон, а не человек, издавал звон, то есть *звонил*. Человек же направлял звуки внутрь аппарата, то есть *говорил в телефон*. Потребова-

лось время, чтобы изобразительность начала утрачиваться. Замена предлога **в** предложом **по** означает, по-видимому, что на смену конкретному пространственному изображению (направлению речи в аппарат) приходит абстрактная интерпретация. Наиболее близкой является аналогия с идеей связи и средства (или канала) такой связи: ср. *общаться по переписке* и *связаться по почте* и более современные — *разговаривать по скайпу* или *общаться по интернету* (*связаться по электронной почте*) [Кронгауз 2017: 200].

Однако вытеснение формы **в телефон** формой **по телефону** в контексте глагола **говорить** произошло не вдруг. Еще в начале XXI века, пока сотовые телефоны не приобрели массовый характер, форма **в телефон** мыслилась как вполне конкурирующая с формой **по телефону**. Ср.:

(1) *Он направился к двери, ведущей из комнаты, и уже в коридоре сказал в телефон...* (Анатолий Мельник. Авторитет (2000)) и

(2) *Он не хотел говорить по телефону. Это уже походило на шпионский роман* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)).

Сегодня употребление предложно-падежной формы **в телефон** оправдано исключительно контекстами, прогнозирующими актуализацию изобразительности телефонной лексики. См., например: *Придерживая плечом нагретую телефонную трубку, он припарковался у своего офиса. — Пока, — сказал он в телефон...* (Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)).

Перевод содержания во всех его формах - текстовой, графической, звуковой - в цифровую обусловил один из наиболее значительных технологических процессов в современном обществе – конвергенцию (от лат. *converge* - приближаюсь, схожусь), на *технологическом* уровне рассматривающуюся как процесс, объединяющий все типы цифровой информации и медиаконтента в интегрирующихся телекоммуникационных, компьютерных сетях и медиа. Цифровой формат содержания позволяет осуществлять его распространение в различных формах вне зависимости от конкретной индустрии СМИ и технологических платформ [Вартанова 2011: 12]. У телефона появляется экран, он наряду с телевизором и компьютером становится многофункциональным конвергентным носителем. Современный мобильный телефон - это гаджет, объединяющий функции обычного сотового телефона и карманного компьютера. По нему можно осуществлять звонки, писать SMS, а также выходить в интернет и устанавливать различные приложения, удовлетворяющие запросам пользователя. Язык не остается безучастным к функциональным и внешним изменениям телефонного аппарата - телефонная лексика расширяется: появляется предложно-падежная форма **на телефоне** с привычным для нее контекстом глаголов **смотреть**, **слушать**, **включать**, **играть** и т.д.; изобразительность ее вновь актуализируется. Ср. примеры:

(1) *Перед играми чемпионата **смотрю на телефоне** запись этих мячей, чтобы зарядиться* (Советский спорт, 2012.02.06);

(2) - *Они могут **включить** в маршрутке **на телефоне** свою музыку* (Комсомольская правда, 2013.05.13);

В контексте существительного **телефон** происходит и «реанимация» предлога **в**: предложно-падежная форма **в телефоне** активно употребляется с глаголами со значением «иметь место, проходить где-л или пребывать где-либо». Ср., например:

(1) *Причем все это **происходит в телефоне**, ему никуда не надо идти, включать телевизор, телефоны сейчас у нас в руках всегда* (Вячеслав Суриков, Сергей Балдин. Невидимая сторона шоу-бизнеса);

(2) *Тысячу раз я зарекался проверять, кто **в телефоне живёт***. (Слава Сэ. Ева (2010)) .

Очевидно, новая предложно-падежная форма маркирует семантическую идею ‘виртуализации пространства’, благодаря внедрению Интернета и цифровых технологий, ставшей достоянием сотен миллионов пользователей и сформировавшей нового человека, человека, конструирующего мира. «Географические показатели пространства уже не играют столь значительную роль в жизни общества, как это было совсем еще недавно. Географическое пространство все меньше и меньше является для нас первостепенным. Оно стало пластичным, искусственно конструируемым по месту и времени, разделяемым на части и легко воссоединяемым по желанию креативщика» [Покровский 2011: 777].

Таким образом, технологические изменения в современном обществе, прогнозируя развитие стилистической системы современного дискурса, маркируются не только единицами номинативного, но и функционального плана.

Литература / References

1. *Вартанова Е.Л.* Человек и цифровая революция в СМИ: вызовы и проблемы // Человек как субъект и объект медиапсихологии. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова / Ин-т человека; Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 11-39.
2. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. 512 с.
3. *Покровский Н.Е.* Границы визуальности и виртуальной реальности: есть ли они? // Человек как субъект и объект медиапсихологии. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 764-785.

Описание славянских исторических источников и диахронный корпус

Андрей Т. Бояджиев, Цветана И. Димитрова

DESCRIPTION OF SLAVIC HISTORICAL SOURCES AND DIACHRONIC CORPORA

Andrej T. Bojadžiev, Tsvetana I. Dimitrova

ABSTRACT:

The study argues for an approach to combining the electronic description of sources and construction of a diachronic corpus of Slavic languages, with a focus on historical data for Bulgarian. The discussion deals with a number of problems with the standardization of the electronic description of sources combined with different types of annotation. An attempt on building a corpus (collection) of text samples covering some linguistic phenomena is presented. The study puts an emphasis on the importance of a strategy that follows established solutions, standards and recommendations for electronic processing with regard to analysis and annotation of diachronic texts.

Keywords: corpus linguistics; diachronic corpora; description of historical sources; language database

АННОТАЦИЯ:

В исследовании рассматриваются возможности одновременного описания источников и формирования диахронных корпусов славянских языков. Внимание уделяется главным образом источникам истории болгарского языка. Авторы затрагивают различные проблемы стандартизации описания источников и возможности объединения разного рода аннотаций. Рассматриваются различные грамматические конструкции и возможность формирования корпуса с образцами определенных явлений. В исследовании также подчеркивается важность использования доказанных решений, стандартов и рекомендаций электронной обработки при анализе древних текстов.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; исторические корпусы; описание исторических источников; языковые базы данных

Возможность одновременного описания источников, их издания и формирование исторического корпуса является предметом многочисленных дискуссий в последнее время. Самая сложная проблема, вероятно, состоит в том, что существуют широкие возможности выбора технологий электронного описания данных и составления языкового корпуса.

Если принять во внимание, что сочетаются самые разносторонние данные, то совершенно очевидно, что как корпус, так и издание и метаданные следует оформлять при помощи стандартов электронной обработки.

В этом плане ученые сталкиваются с чисто филологическими проблемами. В области описания источников возникают следующие проблемы:

как в одной модели сочетать совсем краткое и полное описание источников; как выявить различные степени атрибуции текстов; необходимо ли для описаний текстов корпуса детальное исследование истории текста и как это формально осуществить [срв. напр. Wojadźiev 2012].

Вероятно, самым интересным вопросом является возможность описания источников разного порядка. До сих пор не была предпринята попытка интегрировать в одной электронной среде описания рукописей, надписей, дипломатических источников и старопечатных изданий.

Принято считать, что различие между синхронными и диахронными языковыми корпусами состоит в том, что исторические корпуса ограничены, поэтому возможно их описать полностью. Иными словами, мы не ожидаем появления новых языковых феноменов [более подробно см. Димитрова 2011; Димитрова, Бояджиев 2011; Rissanen 1989].

С другой стороны, однако, различие между синхронными и диахронными корпусами в действительности часто лишь кажущееся [см. Kehoe, Gee 2009], так как зачастую исторический корпус состоит из источников, относящихся к одному времени. Это означает, что он отражает синхронное состояние прошлого, например, XIV или XVIII века.

Наиболее частыми проблемами исторического корпуса славянских и, в частности, южнославянских языков, по нашему мнению, являются:

- недостаточность данных для определенных явлений (напр. *futrum exactum*);

- зависимость частотности явлений от вида источников;

- возможность проведения анализа лишь на основе определенного контекста – напр. конклюдивных, дубитативных конструкций;

- неоднородность текстов, невозможность получить информацию об описании источников, вероятном влиянии других языков или текстов. Например, средневековые сборники очень часто составлялись из текстов разных источников, которые в свою очередь возникали в разных местах. Среди них были переводы из различных греческих текстов, которые отражали изменение взглядов писцов на книжный язык.

Подводя итог, полагаем, что для решения поставленных задач необходимо:

- создание подкорпусов языковых образцов, иллюстрирующих определенные языковые явления, связанные с конкретным описанием источников и включением этих подкорпусов в состав единого корпуса;

- структурирование базы данных, отражающей сочетаемость с возможностью поиска разных комбинации; лингвистическую аннотацию необходимо составить таким образом, чтобы она предоставляла возможность поиска разных комбинаций;

- предоставления возможности изолирования определенных явлений (например, конструкций с нулевым подлежащим или содержащих эллипсис подлежащего);

- снабжение образцов достаточной информацией о контексте (источник, период возникновения текста, история текстовой традиции и т. д.);

- включение библиографии об определенном источнике.

Эти решения могут относиться к разным уровням аннотаций – описанию источников, метаданных, структуры текста – и открывают возможность их использования для лингвистического анализа. В данном исследовании была предпринята попытка теоретически обосновать модель соотношения между различными подходами описания данных.

Исследование выполняется по проекту „Еволюция на граматическия строеж на българския и руския език в съпоставителен план: корпусен анализ и формални граматика“, Фонд „Научных исследований“, МОН, Р България, „Конкурс программ двустороннего сотрудничества 2017 г. – Болгария – Россия“, договор № ДНТС/Русия 02/2 от 14.06.2018 г.

Литература / References

1. *Димитрова Ц.* Диахронните корпуси: подготвителна фаза // Български език, 2011. № 3. С. 119–130.
2. *Димитрова Ц., Бояджиев А.* Сегментация на диахронните корпуси // Компютърни и интерактивни средства за исторически езиковедски изследвания. Сборник доклади от заключителната конференция / Под ред. А.-М. Тотоманова. София: ГРАФИС, 2011. С. 96–106.
3. *Bojadžiev A.* Guidelines to Repertorium Initiative XML model for manuscript descriptions // Scripta & e-Scripta, 2012. №10-11. P. 9-103.
4. *Kehoe A., Gee M.* Weaving web data into a diachronic corpus patchwork // Language and computers studies in practical linguistics, 2009. №69. P. 255-279.
5. *Rissanen M.* Three problems connected with the use of diachronic corpora // ICAME Journal, 1989. №13. P. 16-19.

Тема гуситской преемственности словацких евангеликов в исторических трудах и трактатах словацких писателей

М. Браксаторис

THE THEME OF HUSSITE CONTINUITY OF SLOVAK EVANGELICALS
IN HISTORICAL WORKS AND TRACTS OF SLOVAK WRITERS

М. Braxatoris

ABSTRACT:

The paper surveys the theme of Hussite-Evangelical continuity in Slovakia in Historical Works and Tracts of Slovak Evangelicals from the first half of the 18th century to the first half of the 20th century. It focuses on the dichotomy of the historical-factual and symbolic plane and on the constitutive signs of symbolic grasping of the mentioned topics. It also seeks the sense of a symbolic way of thematisation of historical material, and seeks to define the contours of the direction of thinking about the related problems.
Keywords: Hussites, Ultraquism, Evangelicalism, continuity, Slovakia

АННОТАЦИЯ:

В докладе представлена тема гуситско-евангелической преемственности на территории Словакии в исторических работах и трактатах словацких евангеликов с первой половины XVIII века до первой половины XX века. Рассматривается дихотомия историко-фактического и символического уровней и на конститутивные признаки символического охвата указанных тем. Также в докладе ведется поиск символического способа тематизации исторического материала и предпринимается попытка определить контуры направления размышлений о сопутствующих проблемах.

Ключевые слова: гуситы, искровцы, братья, евангелисты, преемственность, Словакия

Доклад посвящен литературным памятникам, которые претендуют на историчность обработки представленного в них исторического материала. Выбор охватывает различные тексты словацких авторов с первой половины XVIII века до первой половины XX века, а также некоторых чешских, оказавших влияние на взгляды словацких писателей.

В исторических работах словацких евангеликов, начиная с XVIII века, отмечается феномен гуситов, искровцев и братьев, оставивших свой след в истории евангелической церкви. Такие литературные тексты представляют собой символический комплекс, составными элементами которого являются: синкретическое понимание гуситов, искровцев и братьев; идеализация их сосуществования с местным населением, образ колонизации чехами сопредельных территорий в Словакии, усвоение чешского языка

в Словакии, массовое обращение к вере и строительство костелов и, наконец, образ гуситско-евангелической преемственности, которая является отправной точкой и целью предыдущих элементов. Соответствующей эпохе функцией такого подхода была защита легитимности и пространства для развития духовных и культурных традиций евангеликов. На рубеже XIX и XX веков, но особенно в первой половине XX века, такие интерпретации подвергались критическому пересмотру.

Символический образ гуситов присутствует в ряде произведений евангелических авторов, идейным источником которых были работы М. Бела и особенно Л. Бартоломеидеса¹; благодаря своему авторитету значительную роль сыграли работы более ранних авторов, в частности, Антонио Бонфини и Йоханнеса де Туроша. Опираясь на работы этих авторов свои мысли развивали П.Й. Шафарик, Ян Коллар, Ян Чаплович, Л. Штур, Й.М. Гурбан, С. Томашик и Юлиус Ботто.

Характеризируя способ, каким в эпоху просвещения и национального возрождения в Словакии в конце XVIII века искали смысл прошлого, идеи и программу будущего, Б. Варсик указывает, что *«католическая Словакия, возвращаясь в прошлое, находит свой контакт, свою идею построения будущего в идее кирилло-мефодиевской, в Великоморавской империи»* [Варсик 1932: 49], тогда как *«евангелическая Словакия, изучая прошлое своих предков (...) не могла не видеть вершину своей славы в славном гуситском периоде (...): ведь даже если не достигали нити начала реформации непосредственно периода гуситов, но были там несомненно основы их культуры»* [Варсик 1932: 50].

Традиционную интерпретацию в большей или меньшей степени оспаривают чешские авторы, такие как Ф. Палацкий, Й. Добровский, Ян Коула и Э. Эдгар (Кратохвил). Среди первых словацких скептиков касательно масштабов чешско-гуситского общественного (и религиозного) влияния в Словакии были Й. Моцко и П. Крижко. Существенные отличия от традиционной интерпретации представляли взгляды Й. Шкультети, жаркие дискуссии² вызвала публикация романа А. Ирасека «Братство». У словацких авторов критические подходы интенсивно развивались в первой половине XX века (Й. Шкультеты, историки Б. Варсик, Й. Квачала и пр.), что связано с потерей функциональности символического комплекса в связи с социальными потребностями данного сообщества, а также с размахом позитивистской методологии в исторической науке. В этот период завершается определенная традиция литературной рефлексии и исторических размышлений о гуситской, искровской и братской проблематике.

¹ В некотором смысле также и Даниэля Крмана.

² Особенно следует упомянуть дискуссии между Й. Шкультети и Й. Ботто в журнале «Словенске погляды...» (Словацкие взгляды...).

Литература / References

Varsik B. Husiti a reformácia na Slovensku do Žilinskej synody // Sborník filoz. fakulty UK, roč. VIII, č.62 (3), Bratislava: „Universum“, Účast. tlačiareň v Bratislave, 1932. 228 c.

Лингвистическая картина матери в словацком и чешском языках

A. Braxatorisová

LINGUISTIC PICTURE OF A MOTHER IN SLOVAK AND CZECH

A. Braxatorisová

ABSTRACT:

Motherhood belongs to the deepest rooted phenomena in people's lives with lots of symbolic aspects that are reflected in phraseological fund. Bańcerowski describes mother as a cognitive domain with several profiles. The author extends his attitude within the scope of a research focused on corpus and lexicographical processing of a linguistic material. She reconstructs the picture of mother on the basis of identification of the most frequented collocations and phrasemes in Slovak and Czech.

Keywords: linguistic picture of a mother, cognitive domain, corpora, phrasemes

АННОТАЦИЯ:

Материнство принадлежит к наиболее традиционным феноменам в жизни человека с множеством символических аспектов, которые нашли свое отражение в фразеологии. Банцеровски описывает мать как когнитивный домен с несколькими профилями. Автор расширяет его подход в рамках исследования корпуса и лексикографической обработки лингвистического материала. Основываясь на выявлении наиболее частых словосочетаний и фразеологизмов, автор реконструирует образ матери в словацком и чешском языках.

Ключевые слова: языковой образ матери, когнитивный домен, корпус, фразеология

Языковой образ женщины становится все более популярным предметом изучения и исследования благодаря пропаганде гендерного подхода в лингвистике. Учитывая значимость и традиционность социально-психологического феномена материнства, удивительно, что в европейской лингвистике образу матери уделяется меньше внимания, причем особенно по отношению к семейным отношениям и социальным ролям женщины.

Данная статья сфокусирована на традиционных стереотипах относительно роли матери и моделях материнского поведения, которые проецируются на ментальный лексикон и закреплены в нем в виде устойчивых словесных фраз и словосочетаний. При этом мы попытались охватить

языковой образ матери в двух славянских территориально близких языках с целью выявления его универсальности и специфики в рамках соответствующих лингвокультурных сообществ. При этом мы опирались на материалы, содержащиеся в отдельных фразеологических и идиоматических лексикографических работах, а также на материалы веб-корпусов Агепеа. В изучаемый языковой материал были включены такие языковые единицы, которые содержат словацкое слово *mat'ь* и его чешские эквиваленты.

В качестве *tertium comparationis* мы используем психолингвистическую модель концепта матери, предложенную польским мадьяристом Й. Банцеровским [2006], который описывает понятие мать как многопрофильный когнитивный домен. Основываясь на концепции когнитивного домена Р. Лангакера [1995], Банцеровски [2006] понимает домен как определенный комплекс опыта, который может состоять из разных профилей. Он выделяет 4 основных домена: семья, ценность, время, Sacrum, в рамках которых он различает такие профили, как: родители, предок женщина, возраст, Богородица.

Основываясь на обработке материалов корпуса и фразеологических и идиоматических лексикографических работ, автор стремится расширить этот подход и охватить языковой образ матери в рамках словацкой и чешской культур. Важным моментом является поиск эквивалентных межлингвистических отношений с опорой на модель, предложенную П. Дюрчем [2017]. Образ типичной или идеализированной матери реконструируется на основе идентификации наиболее частых словосочетаний. При сравнительном анализе словацких и чешских устойчивых и идиоматических словосочетаний, а также опираясь на соответствующие заключения Э. Кедрон [2014], С. Кмечовой [2016] и Й. Бартминьского [2016], мы обнаружили более широкий диапазон профилей исследуемого когнитивного домена. В результате мы выделили 13 значимых компонентов фразеологизмов с лексическим компонентом *mat'ь*: любовь; нежность; генетически обусловленное сходство; мать как образец поведения; безопасность; забота; семейная принадлежность; методы воспитания и наказания; моральные уроки; уважение отца и матери; моральные качества личности; естественная мудрость, приходящая с возрастом; генезис: X является матерью Y.

В рамках дальнейших исследований мы планируем сосредоточиться на проверке возможностей и границ применения предлагаемой модели для сопоставительного анализа немецкого и венгерского языков, которые со словацким и чешским имеют отдаленные генетические связи (венгерский даже не является генетически родственным), однако находятся с ними в тесной лингвогеографической и лингвокультурной близости.

Літэратура / References

1. *Bañcerowski J.* Az anya fogalmának nyelvi képe a magyar nyelvben. // Magyar Nyelvőr 2006 № 3. С. 261-271. URL: <http://epa.oszk.hu/00100/00188/00044/pdf/130301.pdf> (Дата последнего обращение 30. 08. 2018).
2. *Balowski, M.* Czeskie i polskie frazeologizmy z komponentem «kobieta/żena» // Frazeografia Słowiańska / Под ред. Balowski, M.- Chlebda, W. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2001. С. 387–395.
3. *Bartmiński, J.* Jazyk v kontextu a kultury. Dvanáct statí z lublinské kognitivní etnolingvistiky. / Под ред. J. Bartmiński. Praha: Karolinum, 2016. 168 с.
4. *Đurčo, P.* Sprichwörter im Gebrauch / Под ред. Đurčo, P. – Steyer, K. – Hein, K. / Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2017. 168 с.
5. *Kmecová S.* Pec sa im pováľala... materstvo a jeho obraz v slovenskej a slovinskej frazeológii // Slovanski jeziki na stičišču kultur / Под ред. Rok, A. - Rezončnik, L. - Rožič, M. - Zavašnik, N. Ljubljana: Slavističnega društva Slovenije, 2016. С. 61–74. URL: https://www.slov.si/wp-content/uploads/2016/06/zbornik_mladih_slasvistov_2016.pdf (Дата последнего обращение 30. 08. 2018).
6. *Langacker, R.* Wykłady z gramatyki kognitywnej / Под ред. H. Kardela. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995. 171 с.
7. *Кедрон Е. М.* Гендер в белорусской, чешской и польской фразеологии: общее и специфичное / Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка, 2014. № 2. С. 53–58.

Віды патэнцыяльных беларускамоўных уваходжаньняў, аўтаматычна выяўленых у рускамоўных тэкстах рэгіянальных СМІ Беларусі¹

I.I. Бубновіч, А.Ю. Станкевіч

THE TYPES OF POTENTIAL BELARUSIAN INCLUSIONS REVEALED
AUTOMATICALLY IN RUSSIAN TEXTS OF REGIONAL BELARUSIAN MASS-MEDIA

Inna I. Bubnovich, Alesia Yu. Stankevich

ABSTRACT:

Belarusian inclusions in mixed texts of regional Belarusian newspapers are revealed using the possibilities of the full-text linguistic database. The structure of such inclusions is analysed, potential subject-matter groups are allocated.

Keywords: Linguistic data-base; regional newspapers; Belarusian inclusions' markers; Belarusian inclusions' types

¹ Падрыхтавана ў межах праекта Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» на 2016–2020 гг. (дагавор № А70-16 ад 04.01.2016).

АННОТАЦИЯ:

Рассматриваются белорусскоязычные вкрапления в смешанных текстах региональных белорусских газет, автоматически выявленные с использованием полнотекстовой лингвистической базы данных. Анализируется структура таких вхождений, выделяются потенциальные предметно-тематические группы.

Ключевые слова: лингвистическая база данных; региональные газеты; маркеры белорусскоязычных вкраплений; типы белорусскоязычных вкраплений

Алгарытм аўтаматычнага выяўлення патэнцыяльных беларускамоўных уваходжаньняў працуе з апораў на лінгвістычную базу графічных маркэраў, спецыфічных для беларускамоўнага тэкста і вызначаных на падставе лінгвастатыстычнага аналізу тэставых масіваў дадзеных. Графічнымі маркэрамі з’яўляюцца картэжы віду “тэкставы фрагмент; каэфіцыент разлічальнай сілы”, наяўнасць якіх у тэксце дазваляе ідэнтыфікаваць беларускамоўны фрагмент (словаформу ці паслядоўнасць словаформаў). Прыкладзём прыклад кантэкста, знойдзенага па маркэрах **“рынец; 0,9”** і **“шы; 1”**² (ніжэй і далей маркэр у складзе слова падаем у прамавугольных дужках, уваходжанне ў складзе сказа – у фігурных дужках): <...> *артысты Гродненскага абласнага драматычнага тэатра са спектаклем {«П[рынец]эса без гаро[шы]ны»}* [ПЕ]³.

У рэгіянальных СМІ беларускія ўваходжанні ў рускамоўны тэкст большай часткай належаць да наменклатуры⁴.

Структура назваў: 1) аднаслоўныя назвы, якія звычайна падаюцца ў двухкласі (пераважна назоўнікі, радзей прыметнікі): *«Бацькаў[шчы]на»* [ПЕ], *«Прыв[і]тальяна»* [ПЕ]; 2) двухслоўныя назвы са структурай словазлучэнняў, апорным кампанентам якіх выступае: а) назоўнік

² Прынцыпы выяўлення графічных маркэраў апісаны ў сумесным артыкуле аўтараў “Графічныя маркеры для аўтаматызаванай ідэнтыфікацыі ўваходжаньня беларускамоўных фрагментаў у змешаны беларуска-рускі тэкст”, які знаходзіцца ў друку і пасля апублікавання будзе даступны ў электроннай навуковай бібліятэцы ГрДУ (<https://elib.grsu.by/catalog>).

³ Скарачэнні для спасылак на крыніцы: [АП] – “Астравецкая праўда”, [ВГ] – “Вечерний Гродно”, [ВрГ] – “Воранаўская газета”, [К] – “Іўеўскі край”, [ПЕ] – “Перспектыва”, [ПН] – “Прыдняпроўская ніва”, [РН] – “Родная ніва”, [СЖ] – “Светлае жыццё”.

⁴ Зафіксаваны адзінкавыя прыклады выкарыстання апелятыўнай лексікі. Гэта рэаліі беларускага жыцця: <...> *с юбилеем белорусской {«[чы]гунк[і]»}* і *наступаючим Новым годом пассажиров поздравит Дед Мороз* [ПН]; прэцэдэнтныя назвы прадметаў беларускай культуры: *Несколько ее {«дывано[ў]»}* <...> *хранятся в качестве экспонатов в Доме ремесел* [ПЕ]; у тым ліку назвы нацыянальных страў: *Королем всех белорусских блюд Юрий считает {«пя[чы]сты»}* – *отварные, тушеные, жареные тушки поросенка, птицы или большие куски свинины* [ВГ]; лексіка для эстымацыйнай характарыстыкі: <...> *белорусы такие {«памярко[ў]ныя»}* <...> [АП].

(«Этнаграф[і]чныя святк[і]» [РН], «Парад⁵ дзяц[і]нства» [РН]), сюды ж мы адносім назвы з прыдаткамі («Суседз[і]-2012» [ПЕ]); б) дзеяслоў («Сардэчна в[і]таем» [СЖ]); 3) развітыя словазлучэнні: «Маладос[ц]ь стара[жы]тнай зямл[і]» [РН], «Ахова птушак Бацька[ў]/ш[ч]ыны» [ПЕ]; 4) назвы са структурай сказа (часта гэта прыказкі, фразеалагізмы): «[Жы]ву [ў] Беларус[і] [і] тым ганаруся» [РН], «Скажам сабе, людз[і], [годз]е [жы]/[ц]ь у бр[удз]е» [ІК], «п[рышл]а Ку[ц]ця» – наямося ха[ця]» [ВрГ]; 5) мікратэксты: *Приведем воспоминания известного гродненского писателя Алексея Карпюка: {«У л[і]пен[і] 1949 г. я атрыма[ў] дыплом наста[ў]н[і]ка англ[і]йскай мовы <...>»}* [ПЕ].

Уваходжанні часцей за ўсё падаюцца ў двухкоссі (<...> *поработать барменом в бильярдном зале ресторана {«Св[і]танак»}* [РН]), сустракаюцца таксама ўваходжанні, падазеныя без двухкося: <...> *чтения, организованные по инициативе {Аса[ц]ыя/[ц]ыі} краязна[ў]ца[ў] малых мястэчак Магілё[ў]ш[ч]ыны}* [РН].

З апорай на групы ўваходжанняў, вылучаных у [Рычкова, Станкевич 2014: 493–494], з выкарыстаннем паўнатэкставай базы дадзеных, пабудаванай на матэрыяле рэгіянальных СМІ Беларусі (часавы ахоп: 2012 год; агульны аб'ём 4,5 млн словаўжыванняў; аб'ём беларускамоўнай, рускамоўнай і змешаннай частак – 1,5 млн, 2,8 млн і 0,2 млн словаўжыванняў адпаведна), выдзелены наступныя групы патэнцыяльных беларускамоўных уваходжанняў у рускамоўныя тэксты: 1) назвы падзей (акцый; конкурсаў; свят; фестываляў; кірмашоў; выстаў; канцэртаў; спектакляў, праектаў; марафонаў; пленэраў; віктарын; форумаў; аўкцыёнаў; спаборніцтваў; мтынгаў; агульнадзяржаўных ранішнікаў і ўрокаў); 2) назвы арганізацый (выдавецтваў; музеяў і галерэй; спарт-, тур- і агракомплексаў; лагераў; прадпрыемстваў, фірм; гандлёвых сетак і магазінаў; салонаў; залаў; рэстаранаў; калгасаў); 3) назвы аб'яднанняў (клубаў; творчых аб'яднанняў; тэатраў; спартыўных аб'яднанняў; грамадскіх аб'яднанняў); 4) назвы СМІ (газет і часопісаў (і іх частак); тэле- і радыё- праграм, каналаў і аб'яднанняў (у тым ліку тэле-, радыёстанцый); назвы інтэрнэт-медыя; назвы інтэрнэт-правайдэраў); 5) назвы ўзнагарод (знакаў, ордэнаў і медалёў; намінацыі фестываляў); 6) назвы прадметаў культа; 7) назвы тэкстаў (законаў (і іншых нарматыўных актаў); кніг (у тым ліку серый кніг); буклетаў; лозунгі і слоганы; песень; кінастужак; сцэнарыяў; спектакляў); 8) назвы тавараў (прадуктаў; механізмаў; серый тавараў); 9) назвы гатункаў (раслін; матэрыялаў; лекаў; рэчаў); 10) назвы асоб (імяны; імяны па бацьку; прозвішчы; псеўданімы; імяны персанажаў; сакральныя імяны); 11) тапонімы (айконімы; гідронімы; драмонімы і маршруты; урбанімы).

⁵ Бягучая версія праграмы беларускамоўнае слова без маркёра ўключае ва ўваходжанне толькі ў пазіцыі “ў двухкоссі з маркіраваным словам”.

Литература / References

Рычкова Л.В., Станкевич А.Ю. Многоцелевой лингвистический корпус региональных СМИ // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации / Под ред. А.Л. Назаренко. Москва: Университетская книга, 2014. С. 488–497.

Реликты архаической картины мира в русских говорах: подаяние милостыни

И.А.Букринская, О.Е.Кармакова

RELICS OF THE ARCHAIC PICTURE OF THE WORLD IN RUSSIAN DIALECTS:
ALMS GIVING

Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova

ABSTRACT:

The cultural dialect of Povetlugia is most archaic among other. Many old traits were conserved in this region, among those custom to give alms. This custom is associated with the cult of ancestors.

Keywords: the cultural dialect of Povetlugia; custom to give alms; the cult of ancestors
АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается обычай подачи милостыни по материалам говоров Поветлужья (Северо-восточная диалектная зона). Обычай устойчиво сохраняется в современном социуме, так как связан с почитанием предков.

Ключевые слова: культурный диалект Поветлужья; милостыня; культ предков

Полевые исследования последнего времени дают материал, позволяющий говорить о сохранении отдельных элементов архаического сознания в деревенском социуме. Одним из стойких элементов народной культуры является подаяние милостыни.

Милостыня – обязательный атрибут основных моментов жизни: праздников, семейных и календарных обрядов. К ним относятся церковные, аграрные праздники, похороны, дни поминовения усопших (родительские субботы, годовщины со дня смерти и др.). Этнографы, исходя из источников XVIII–XIX вв., делают вывод, что милосердие и подача милостыни нищим были свойственны русскому крестьянину повсеместно, но наиболее полно эта традиция сохраняется в русских говорах Поветлужья (Нижегородская и Костромская обл.), которые относятся к Северо-восточной диалектной зоне. Другие особенности обрядовой культуры Поветлужья описаны в [Букринская, Кармакова 2012].

Распространенным был обычай «первой встречи», когда первому встреченному человеку следовало подать что-нибудь съестное (пирожок,

хлеб, конфету). Вот как подобный случай, произошедший во время Великой Отечественной войны, описывает В. А. Владимиров, 1916 г. рождения (Варнавино, запись авторов 2002 г.): *Иду по полю / идёт женщина / вот // мне/ как принято в народе/ первому человеку дать пирожок / сдобный дала // а в то время это было деликатес //* «В Полесье краюху хлеба давали первому встречному, когда шли крестить ребенка... то же делали словенцы: идя на крещение, они дарили хлеб первому встречному ...» [Валенцова 2002: 195–196]. Первый встречный осознавался как знак судьбы, посланный свыше, а подношение ему являлось жертвой, задабриванием судьбы, т.е. сам ритуал можно рассматривать как своего рода оберег.

Гораздо более широко известен обычай одаривать первого встречного при похоронах, который сохраняется и в современных говорах. Такое одаривание отмечалось во многих местах России: Архангельской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской обл. Однако не характерно для Вологодской обл., кроме Белозерья, исторически связанного с Новгородом [Кремлева 2001: 681]. В Поветлужье первому человеку, встреченному процессией, следовало подать узелок (*первая встреча, встречная милостынька*), в котором была пища и обязательно иголка с ниткой или луковица. Иголка или луковица выступают как оберег, защищающий от воздействия смерти, а поскольку иголку во многих местностях не принято давать *голую*, она подается с ниткой. Получить *первую встречу* считалось хорошим знаком, взявший ее должен был помянуть покойного, чтобы тому простился самый страшный грех.

Известен до сих пор и особый обычай *тайной милостыни*: на 40 или другой поминальный день ночью выставляют еду на крыльце соседних домов, на перекрестке или у колодца, в местах, куда приходит много народа (желательно, чтобы было 40 милостынь). Она предназначена для поминания не только покойного, но и всех усопших, которым за это прощались тяжкие грехи. Кроме того, было принято делать *потайной обед*. Записано от Н. Козыревой 1948 г.р.: *Косыночку снимают / в нее потайной обед складывают / новая мисочка / все продукты для каши // Несут какой-нибудь старинной старушке / она варит / поминает // Лоскуточек может использовать // Никто не отказывает //*

Надо заметить, что каша как обрядовая еда, сопровождает многие ритуальные действия (крестины, свадьбу, похороны, помочи и др.)

Похожий обычай в Вышневолоцком районе Тверской обл. называется *тайный гостинец* (по материалам экспедиции отдела диалектологии ИРЯ РАН 2018 г.). На 40 или другой важный поминальный день родственники вечером тайно привязывают к ручке двери или калитке соседей что-то сладкое (конфеты, пряники).

В Поветлужье было принято выносить на крыльцо подаяние (еду, одежду, иногда деньги) для бедных, одаривать или угощать человека, приходящего в дом. Вероятнее всего, все виды подаяния можно расценивать именно как жертву, выполняющую защитную функцию. В связи с этим подаяние оставляют в периоды, значимые для семьи, рода, причем в «опасных» местах: на перекрестке дорог, у порога, на кладбище. В этом обычае просматривается древний культ предков, которые, по мнению информантов, могут как *помогать*, так и *вредить*.

«Символическими заместителями предков в поминальных ритуалах являются лица, имеющие статус посредников между «этим» и «тем светом», – нищий, странник, богомолец, первый встречный, которым раздавались милостыня, поминальная еда или одежда, предназначенные для поминовения предков» [Славянские древности, т.4: 250].

Церковное поминовение и подача милостыни были обязательными, если родные видели покойного во сне или получали от него какой-либо знак. Так, в 2016 г. во Владимирской обл. нами был записан рассказ З.В. Ореховой (1930 г. рождения) о встрече во сне с недавно умершей матерью. Причиной прихода матери, как полагает дочь, становится ее отсутствие на сороковинах, т.е. нарушается установленный традицией порядок: ... *это вот правильно поминки / покойник-то вот приходит / а я не явилась / а она ко мне на сорок-то дней-то явилась // утром встала / баушка глухая жила < ... > пошла к ней // «Баушка, мне мама вот и вот как пришла» // «Иди быстрее в магазин / купи там батон!» // тогда и батон еще праздник был / не у всех и батоны-то были // девчонки / как жили-то // батон купила, еще чего-то/ не помню / и подала кому-то // «И подавай милостинку!» // вот // а я проспала // не пришла на сорок дней к маме / так она ко мне явилас // это во мне бродит / это я вам сон рассказываю свой //*

Важный вывод усиливается повтором: *я проспала, а она ко мне явилас*. Чтобы загладить вину, необходимо совершить определенное действие, о котором следует узнать у опытных людей: *глухая баушка учит подать милостинку, чтобы помянуть умершего*. Интересен ответ на вопрос: *Кому подают милостыню?* – Ну, *старались пожилым людям... или детям глупым*, т.е. самым слабым.

Как видим, ритуал одаривания (подавания милостыни, угощение) сохраняется достаточно хорошо во многих областях России, он проявляется в различных обрядах, отражая древний пласт культуры, связанный с «обожествлением» предков, влияющих на благополучие живущих.

Литература / References

1. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Традиционная народная культура и ее отражение в диалектном тексте // ЛАРНГ. Материалы и исследования 2012. СПб., 2012. С. 265-281.

2. *Валенцова М.М.* Первый в славянской традиционной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 192-208.
3. *Кремлева И.А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север. Этническая история и народная культура XII-XX вв. – М., 2001. С. 661-705.
4. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого.* 1–5. М., 1999-2012.

Чешские этимологии

Ж.Ж. Варбот

CZECH ETYMOLOGIES

Zhanna Zh. Varbot

ABSTRACT:

New etymologies for five Czech words are presented: dial. *(vy)kolytat* ‘pull out (tooth, stake) < ko-lytati < PrSl *lytati ‘wander, deviate’; *náček* ‘pillow, belly’ – to *nat*, *ňác* ‘leaves of edibal roots’ < PrSl *nать; dial. *zhlaň* ‘pool’ < **szglъtanь*, *hlčák* ‘hollow in river’ and *hlók* ‘the place in dam, where water flows down’ – to IE **g(ǵ)el-* ‘swallow’ with -t- and -k- determinatives.

Keywords: etymology, Czech vocabulary, wordformation, change of meanins, phonetic changes

АННОТАЦИЯ

Предлагаются новые этимологические толкования для пяти чешских слжв, происхождение которых признается в этимологических словарях чешского языка неясным или спорным: диал. ляш. *(vy)kolytat* ‘вытаскивать (зуб, кол)’ < ko-lytati < праслав. *lytati ‘бродить, шататься, уклоняться’; чеш. *náček* ‘подушечка, брюхо’ – от *nat*, *ňác* ‘ботва корнеплодов’; чеш., слвц. *zhlaň* ‘омут’ < **szglъtanь*, от **ghъtati* < и.-е. **g(ǵ)el-* ‘глотать, поглощать’, от того же корня чеш. диал. *hlčák* ‘впадина в реке’, *hlók* ‘место в плотине, где стекает вода’.

Ключевые слова: этимология, чешская лексика, словообразование, изменение значений, фонетические изменения.

Наличие высококвалифицированных разработок происхождения лексики чешского языка в этимологических словарях чешского языка не исключает признание их авторами и другими славистами-этимологами отсутствия или спорности этимологических толкований для ряда слов. Это позволяет и даже побуждает предпринять попытки разработки гипотез об этимологии подобных слов.

В предлагаемой работе обосновываются этимологические толкования для трех чешских слов. **1.** Диал. ляш. *(vy)kolytat* ‘вытаскивать (зуб, кол)’ [Machek 1997: 271] возводится к праслав. *lytati ‘бродить, шататься, уклоняться’ [ЭССЯ 17: 54] с префиксом *ko-*. **2.** Вулг. *náček* ‘подушечка, брюхо’ [Zaorálek 1963: 769; Machek 1997: 387] может быть производным от *nat*, *ňác* ‘ботва корнеплодов’ [Kott II: 83; VII: 1331; Machek 1997: 387],

также словц. *pac* то же [Kálal 352] < праслав. **natь*. Предполагается изменение значения ‘ботва корнеплодов’ > ‘корнеплод’ > ‘толстый предмет’, ср. русск. диал. *ботва* ‘стебли и листья свеклы, картофеля и нек. др. овощей; брюква, свекла; о толстяке, о полной, толстой женщине’ [СРНГ 3: 133]. 3. Валаш., словц. *zhlaň* ‘омут’ [Kott V: 469; Machek 1997: 715] сопоставляется со словц. *hltan* ‘глотка’, *hltaña* ‘обжора’ и возводится к **sgl̥tānъ*, производному от праслав. **gl̥tati* < с детерминативом *-t-*. В чеш., словц. *zhlaň* предполагается упрощение группы *zhlt-* > *zhl-*. К тому же и.-е. гнезду возводятся также голланд. *kulk* ‘глотка’, нем. *Kolk*, норв. *kulp* ‘впадина, вымоина (у основания водопада)’ [Pokorny I: 365]. Учитывая приведенные и.-е. производные от и.-е. **g(ç)el-* ‘глотать, поглощать’ с заднебным детерминативом *-g-*, *-k-* родственной и.-е. основе с детерминативом *-k-* могут быть возведены также чеш., морав. *hlčák* ‘впадина в реке’ и ганац. *hlók* ‘место в плотине, где стекает вода’, определенные Махеком [Machek 1997: 169, *hlouk*] как этимологически неясные. Очевидно, возможно родство этих двух последних лексем со *zhlaň* на уровне и.-е. ОСНОВ.

Литература / References

1. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова, С.А.Мызникова. М.-Л.-СПб: «Наука», вып.1-49-, 1965- 2016.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева, А.Ф.Журавлева, Ж.Ж.Варбот. М.: «Наука», вып. 1- 41 (in print)-, 1973- 2018.
3. Kott Št. Česko-německý slovník, zvláště gramaticko-frazeologický. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny Františka Šimačka. D. I.-VII., 1878-1893.
4. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého / Red. E.Havlová, A. Mátl. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 1997. S.866.
5. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: A. Francke AG Verlag, B. I.-II. 1951-1959.
6. Zaorálek J. Lidová rčení / Red. J.Spilka, M. Nedvěďová, S.Utěšený. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963. S. 779.

Профессор А. Г. Широкова – ученый и педагог

В. Ф. Васильева

PROFESSOR A.G. SHIROKOVA AS A SCIENTIST AND A TEACHER

Valeriya F. Vasilyeva

ABSTRACT:

The subject is polygonal activity of the outstanding Soviet and Russian linguist, the head of Slavic department philological faculty MSU Professor Alexandra G. Shirokova. *Keywords:* scientific heritage; bohemistic school; functional approach; comparative study; Slavic languages

АННОТАЦИЯ:

Автор рассматривает разные аспекты многосторонней деятельности выдающегося советского и российского слависта, богемиста, на протяжении 20 лет возглавлявшей кафедру славянской филологии филологического факультета Московского университета профессора А.Г. Широковой.

Ключевые слова: научное наследие; богемистическая школа; функциональный подход; сопоставительное исследование, славянские языки

Говорить о научном наследии профессора А.Г. Широковой трудно потому, что ее талант, широта интересов, разносторонность научных направлений, не поддаются однозначному измерению. Давать оценку научной, педагогической и организаторской деятельности профессора А.Г. Широковой чрезвычайно сложно и ответственно.

А.Г. Широкова стала основателем богемистической школы, и не только московской, получившей широкую известность за рубежом, но и региональных богемистических центров. Своим лингвистическим образованием профессору А.Г. Широковой обязаны десятки, если не сотни филологов-славистов не только России, но и бывших республик Советского Союза. Она преподавала все дисциплины лингвистической богемистики: вела практические занятия по чешскому языку, читала теоретические курсы описательной грамматики, истории и диалектологии чешского языка, читала спецкурсы по обиходно-разговорному чешскому языку, по сопоставительному исследованию славянских языков, вела семинары, руководила дипломными работами и диссертационными исследованиями.

Научная деятельность профессора А.Г. Широковой на протяжении почти полувековой работы в Московском университете была чрезвычайно насыщенной, многоаспектной и базировалась на следующих общих проблемах:

1. формирование чешского литературного языка;

2. соотношение различных форм существования языка чешской нации;
3. чешский и славянский глагол;
4. сопоставительное изучение грамматического строя чешского и русского языков;
5. функциональная грамматика славянских языков.

Одним из центральных аспектов, интересовавших А.Г. Широкову, были проблемы формирования и функционирования литературного чешского языка. На современном этапе лингвистической мысли она развивала идеи Пражской лингвистической школы с опорой на теорию литературных языков, которая, как известно, основывается на функциональной концепции языка с учетом и социальных факторов. Главный упор в ней делается на изучение внутриязыковых системных отношений, понимание и осознание взаимосвязанности и взаимообусловленности языковых явлений.

Функциональный подход определил и направленность собственно грамматических исследований профессора А.Г. Широковой как в монологальном, так и в полилингвальном планах.

Большое внимание Александра Григорьевна уделяла вопросам методологии, методам и методикам сопоставительных исследований, строго разграничивая эти понятия. В ее трудах по сопоставительному языкознанию в тесной связи с основополагающими понятиями методологии, научного метода разработаны определения языковой функции, базы сравнения, функционально-семантического эквивалента.

Живой интерес в чешских научных кругах вызывали работы профессора А. Г. Широковой по проблемам обиходно-разговорного чешского языка как второго языкового кода чешской нации.

Ею были созданы программы по всем аспектам лингвистической бегемистики, она была автором и соавтором пяти учебников по чешскому языку, как практических, так и теоретических. Еще один аспект научной и педагогической деятельности профессора А. Г. Широковой – это пропаганда чешского языка, чешской лингвистики и чешской культуры, что было по достоинству оценено в Чехословакии. Она была награждена многими наградами ЧССР, ей было присуждено звание почетного доктора Карлова университета в Праге.

Новообретенный перевод трагедии «Фауст» К.А. Иванова в славянской культурной традиции

Г.М. Васильева

A NEWFOUND TRANSLATION OF THE K.A. IVANOV'S TRAGEDY «FAUST»
IN THE SLAVIC CULTURAL TRADITION

Galina M. Vasilyeva

ABSTRACT:

The translation of the tragedy «Faust», almost eighty years held in the archives of the author's family and first published in 2005 is explored. The pathos of Ivanov's activity was to study the translation as a cultural and historical monument, as an evidence of the attitude of the Russian reader to Goethe, which has been changing for decades, in the perception of translations of the tragedy as a fact of the history of Slavic culture. The peculiarities of the composition which reflect the intonated, emotional drawing of the original are studied.

Keywords: author's imagery; medieval world; comments; morphologically similar words; syntactic naturalness; intonational ways.

АННОТАЦИЯ:

Исследуется перевод трагедии «Фауст» К.А. Иванова, почти восемьдесят лет хранившийся в архиве семьи автора и впервые опубликованный в 2005 году. Пафос деятельности Иванова заключался в изучении перевода как культурно-исторического памятника, как свидетельства отношения русского читателя к Гёте, меняющегося на протяжении десятилетий, в восприятии переводов трагедии как факта истории славянской культуры. Изучаются особенности сочинения, которые отражают интонационный, эмоциональный рисунок оригинала.

Ключевые слова: авторская образность; средневековый мир; комментарии; морфологически подобные слова; синтаксическая естественность; интонационные способы.

К.А. Иванов (1858–1919), «скромный переводчик великого творения» [Гёте 2017: 406], был человеком «фаустовской культуры», для которой высший миг устремленности является недостижимым¹. Учитель Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе, воспитатель детей последнего русского царя, он почти сорок лет жизни посвятил переводу трагедии «Фауст». Хорошо сохранившаяся рукопись в восьми тетрадах дошла до нас спустя восемьдесят лет.

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках указываются страницы.

Пафос его деятельности заключался в изучении перевода как культурно-исторического памятника, как свидетельства отношения русского читателя к Гёте, меняющегося на протяжении столетия, в конечном счете, в восприятии переводов Гёте как факта истории славянской культуры. Он усматривал поэтическое начало во всех явлениях языка. Его представления были укоренены в области, в которой связаны гуманитарные науки, – в индоевропеистике, в сравнительном славянском языкознании.

Сочинение Иванова не уступает «каноническим» переводам в поэтическом мастерстве и во многом превосходит их по точности. На его взгляд, в литературном мире авторы обладают не статусом, но речью. Создание текста сопровождается осмыслением предшествующих переводов, прежде всего, прозаических – П.И. Вейнберга, А.Л. Соколовского и стихотворного перевода А. Фета. Он прочитал «так называемый перевод второй части Фауста А. Овчинникова». Но и этой «редкой и в высшей степени курьезной книге» ученый отдает должное: она «<...> была издана с самыми серьезными и благими намерениями» (с. 407). Иванов воспринял традиции А.К. Толстого, переведившего баллады Гёте, в его дневниках сохранились также наброски «Фауста». Иванов не надеялся опубликовать свой труд, поэтому избежал самоцензуры.

Особым объектом его читательской и научной рефлексии становится вторая часть «Фауста», трудная для понимания. На прояснение текста и направлена работа. Ученый оспорил суждение большинства авторов, полагавших, что продолжение «Фауста» неподвластно переводу. Каждый образ символической системы, мотив или понятие он старался разместить в смысловом контексте. Для расшифровки символики Иванов изучал романо-германский средневековый мир, переводил легенды с разных языков (например, с нидерландского), написал историю средневекового театра. Он снабдил перевод обширными комментариями, схолиями, объясняя мифологическую, историческую, лингвистическую семантику. Иванов сравнивает все толкования темных мест у разных комментаторов: ссылается на Г. Бойезена [Бойезен 1899], на исследования К. Фишера. Он отмечает те места в оригинале, которые звучат «слишком по-немецки» и их невозможно перевести буквально. В этом случае автор жертвует «близостью перевода к подлиннику для передачи его смысла» (с. 307). Он также приводит биографические сведения о себе, которые наполняют текст перекрёстными связями и удвоениями.

Иванов сохраняет в названии трагедии контекстно-эллиптическое односоставное предложение. Он не заменяет авторскую конструкцию конвенциональными (нормированными) выражениями, отчего они могли бы утратить образность и метафоричность. Переводчик не разрушает автор-

скую образность и систему ассоциативных связей. Иванов избегает семантические отклонения от принятого словоупотребления, диерезы и такие интонационные способы как анаколүф, нарушения синтаксической связности, силленис и эллипсис, переносы признаков. Несколько раз происходят акцентологические сдвиги. «Пройдешь ты тысячи видов, / До человеческих основ» (с. 193). «Полет сей нами изучён / Уж с незапамятных времен» (с. 194). Относительная традиционность формы воспринимается как признак культурной рефлексии, а не инерции и нормативности.

Иванов выделяет значимые позиции в синтагме с помощью эмфазы (подчеркивание). Он использует самые разные явления, объединяемые в языковой стилистике под этим названием: ударение, интонация, тембр, порядок слов, повтор, анафора и т.д.

Особенностью перевода является рифмование морфологически подобных слов и графически-акустические рифмы (непременно – мгновенно, коснется – несется, тучи – кручи, ночному – остальному). «*Фауст*. Вокруг все дышит жизнью вдохновенной, / Привет рассвету кратко возглашая. / Земля! И ты осталась неизменной / У ног моих спокойствие внушая» (с.15). «Доверю вам нутро земель необозримых; / Вы – стражи лучшие всех кладов, здесь хранимых, / Известно вам поистине прекрасно, / Где клады все хранятся безопасно. / Почин раскопок всех зависит лишь от вас: / распоряжайтесь и работайте для нас! / Несите бодро вы все иго порученья, / Которым вас облек в знак благоволенья, / Сольются пусть в работе вдохновенной / Мир видимый и мир нам сокровенный» (с. 78). Иванов часто прибегает к гласным рифмам: призыванья – состоянья – скопленье – украшенья; восхищенье – поклоненье, знаний – сознаний, счастья – запыстья, крушение – спасение. Переводчик использует грамматически однообразные глагольные рифмы (вырастают – покрывают, блещут – плещут), рифмующиеся слова, требующие привычного партнера по рифме, автоматизированные рифмы. Среди глагольных рифм встречаются и богатые созвучия (станешь – перестанешь; перевесит – весит). Их сменяют рифмы тавтологические и со сдвинутым ударением, в том числе псевдо-консонансные: лежат – в ад, блюда – иногда, дев – нараспев, за себя – нельзя, не зря мне – дверями. Благодаря переносу слова обретают особую выразительность: они возникают на стыке ритмической заданности и синтаксической естественности: «И разговор о них немислим без смущенья. / То матери» (с. 83). Автор иногда прибегает к прозиметризации: соединению стихотворных и прозаических частей. Переводчик сосредоточен на идейно-образном строе произведения, отдавая отчет в том, что приходится приносить в жертву стилистику и фонику.

Литература / References

1. *Бойезен Г.* «Фауст» Гёте. Комментарий к поэме / Пер. Н.В. Арского. С историко-литературным очерком легенды о Фаусте, объяснительными примечаниями к поэме и библиографическим указателем. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1899. 292с.
2. *Гёте И.В.* Собр. соч.: В 10 тт. / Пер. с нем., сост. и общая ред. М.Ю. Кореновой. Т. 9: Фауст. Трагедия. В 2 кн. / Пер. и ком. К.А. Иванова. СПб.: Вита Нова, 2017. (Библиотека великих писателей).

Специфика сочетаемости словацких субстантивов *chvíľa*, *okamih*, *minúta* в составе атрибутивной конструкции

Д. Ю. Ващенко

THE SPECIFICS OF THE COMPATIBILITY OF SLOVAK SUBSTANTIVES *CHVÍĽA*, *OKAMIH*, *MINÚTA* COMPOSED OF ATTRIBUTE DESIGN

Daria Yu. Vashchenko

ABSTRACT:

In our report, based on the material of the Slovak national corpus, we examine the semantics of the main Slovak lexemes with the meaning of brevity: *minúta*, *chvíľa*, *okamih*. Based on the analysis of their compatibility in attributive constructions, it is revealed that *minúta* as a unit of accurate and of social time is combined primarily with phase and quantitative adjectives. The combination of adjectives with *chvíľa* and *okamih* assumes, first, the gravity *chvíľa* to adjectival phase and subjective-evaluative semantics, but *okamih* – to an adjective with the meaning of functional optimality or maximum tension. *Chvíľa* is focused on living situation, its internal qualification, and *okamih* – on analysis and external evaluation.

Keywords: temporal word; linguistic picture of the world; corpus linguistics; compatibility

АННОТАЦИЯ:

В докладе на материале Словацкого национального корпуса¹ рассматривается семантика основных словацких лексем со значением кратковременности: *minúta*, *chvíľa*, *okamih*. На основе анализа их сочетаемости в атрибутивных конструкциях выявляется, что *minúta* как единица времени точного и при этом социального сочетается в первую очередь с фазовыми и количественными адъективами. Сочетания адъективов с *chvíľa* и *okamih* предполагают, во-первых, тяготение *chvíľa* к адъективам с фазовой и субъективно-оценочной семантикой, а *okamih* – к прилагательным со значением функциональной оптимальности либо максимальной

¹ Slovenský národný korpus – prim-8.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav E. Štúra SAV 2018. [Электронный ресурс.] URL: <http://korpus.juls.savba.sk>. Дата последнего посещения 28.08.2018.

напряженности. *Chvíľa* ориентирована на проживание ситуации, ее внутреннюю квалификацию, а *okamih* – на анализ и внешнюю оценку.

Ключевые слова: темпоральные субстантивы, картина мира, корпусная лингвистика, сочетаемость

В докладе рассматриваются словацкие субстантивы со значением короткого отрезка времени, к каковым относятся слова *minúta*, *sekunda*, *moment*, *chvíľa*, *okamih*, и ряд демиинутивов: *chvíľka*, *chvíľočka*, *minútka* и др. Темпоральные субстантивы представляют интерес в т.ч. потому что каждая из них являет собой определенную модель времени [Яковлева 1994: 106] – система темпоральных лексем в конкретном языке очерчивает специфичную для лингвокультуры иерархию темпоральных противопоставлений.

В словацком языке у субстантивов кратковременности выделяются показатели времени точного (*minúta*, также *sekunda*) и приблизительного (*chvíľa*, *okamih*). Семантика темпоральных слов во многом определяется характером событий, происходящих в данные промежутки времени; определенную роль будет играть субъективная характеристика данных промежутков времени говорящим, для более четкой экспликации значения имеет смысл рассматривать сочетаемость лексем в составе генитивных конструкций, а также в составе конструкций атрибутивных – именно о последних пойдет речь.

Материалом послужили данные Словацкого национального корпуса, при анализе колокаций *chvíľa*, *okamih*, *minúta* в составе вордлистов, мы стремились выявить возможные ограничения на их сочетаемость, часто носящие относительный, статистический характер, и смысловые области, к которым будет тяготеть та или иная лексема. Там, где слова не обнаруживают заметной разницы в сочетаемости, они рассматриваются в расширенном контексте. Представлено несколько оценочных противопоставлений.

1. Фазовая квалификация промежутка времени и сочетаемость с адъективами вида *prvý* / *posledný*. Они в первую очередь характерны для *minúta*, где сам субстантив управляет генитивом существительных, обозначающих события с предзаданной длительностью: *prvá minúta filmu*, *posledné minúty cesty*, также *úvodné minúty zápasu*. Для *chvíľa* и *okamih* здесь свойственны гораздо меньшая связанность с генитивной конструкцией, за исключением сочетаний типа *prvé chvíle* / *prvé okamihy života*, кроме того, маркировано их вхождение в последнюю фазу, в корпусе представлено лишь шесть сочетаний типа *od prvého okamihu*, прочих конструкций с адъективом *prvý* для *chvíľa* и *okamih* не наблюдается.

2. Характеристика промежутка времени по соответствию количественному эталону представлена только у *minúta* как у показателя точного времени, ср. возможность сочетания *celú / necelú minútu*, и невозможность *celú chvílu, celý okamih*.

3. Характеристика промежутка времени по субъективной долготе / краткости. Для *minúta* подобная сочетаемость является периферийной, ср. лишь несколько конструкций типа *ubiehli niekoľko krátkych minút*.

4. Квалификация промежутка времени по функции в более широкой ситуации, сочетания с адъективами *pravý, vhodný*, а также с адъективом *kritický*. Данная признаковая область является основной для *okamih*, для *chvíla* она характерна менее, нежели сочетаемость с фазовой либо оценочной группой адъективов. При этом различается смысловое наполнение конструкций, их ориентация на внутреннее либо внешнее осмысление: *pravá chvíla* – это промежуток времени с наивысшей эмоциональной и смысловой насыщенностью, в то время как *pravý okamih* – это переломная точка в ситуации, меняющая ее ход.

5. Характеристика конкретного промежутка времени как позитивного или негативного. Сочетания с *minúta* значительно идиоматизировались, ср. *šťastné minúty* как фиксированный промежуток времени, когда можно извлечь наибольшую материальную выгоду. Для *chvíla* данная область значений является одной из главных, сочетания с *okamih*, хотя и не являются основными, также возможны, причем для здесь мы также видим разницу во внутренней либо во внешней ориентации оценки. *Šťastná / nešťastná chvíla* характеризует переживания субъекта в данный промежуток времени, *šťastný / nešťastný okamih* – возможные последствия произошедших событий.

6. Отдельно выделяются случаи, которые, хотя и не составляют единого смыслового пространства, характерны лишь для *chvíla*, но не для *okamih*, сюда относятся сочетания типа *životná chvíla*, но не *životný okamih*; *slabá chvíla*, но не *slabý okamih*; *voľné chvíle*, но не *voľné okamihy*.

Литература / References

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Российские журналы о хорватской литературной жизни периода иллиризма (первая половина – середина XIX в.)

М.С. Ващенко

RUSSIAN JOURNALS ABOUT CROATIAN LITERARY LIFE OF THE ILLYRIAN PERIOD (THE FIRST HALF – THE MIDDLE OF XIX CT.)

Mikhail S. Vashchenko

ABSTRACT:

Emerged in the first half of the XIX century in the Croatian lands, the Illyrian movement, whose participants struggled for the development of the Croatian language and culture, found its coverage in Russian journals of various ideological directions. During this period, only small number of people was interested in the Illyrian movement. They published their works in these journals, and thereby laid the foundation for the further development of Russian Slavonic and Croatian studies.

Keywords: Russian journals, Illyrian movement, Russia, Croatia, Slavophiles, Ljudevit Gaj

АННОТАЦИЯ:

Возникшее в первой половине XIX века в хорватских землях иллирийское движение, участники которого выступали за развитие хорватского языка и культуры, нашло свое освещение в российских журналах различных идейных направлений. В указанный период иллирийским движением интересовался небольшой круг лиц, публиковавших свои работы в этих журналах, и тем самым заложивших основу для дальнейшего развития отечественной славистики и кroatистики.

Ключевые слова: русские журналы, иллирийское движение, Россия, Хорватия, славянофилы, Людевит Гай

В отечественных периодических изданиях первой половины – середины XIX в. находилось место известиям о культурной и политической жизни Хорватии, прежде всего тем, которые были связаны с деятельностью участников иллирийского движения, боровшихся за культурное и политическое возрождение Хорватии, находившейся тогда в составе Австрийской империи. Так, в официальном «Журнале Министерства народного просвещения» в 1830-е гг. стали публиковаться сведения об общественной и культурной жизни в хорватских землях. Основными информаторами журнала были такие люди, как М.П. Погодин, русский историк, писатель и публицист, и чешский славист П.Й. Шафарик. Русский читатель мог узнать со страниц журнала и о новых книгах, публиковавшихся в Хорватии – как о произведениях деятелей иллирийского движения, так и, например, о переизданиях произведений дубровницких поэтов эпохи

Возрождения. Так, русский филолог и этнограф П.И. Кеппен писал в одном из выпусков журнала о деятельности лидера иллирийского движения Людевита Гая: «В Загребе (Аграме) доктор философии Ljudewit Gay (Гай) продолжает издавать Кroatские Ведомости с принадлежащею к ним Утреннею Звездю (Danica), но в этом году уже под новым названием: *Ilirske narodne novine...* Гай стал употреблять чешские буквы *č, š, ž*, для означения звуков «ч», «ш», «ж» и надеется, что со временем это употребление делается общим в Иллирии» [Кеппен 1836: 653].

Большое количество новостей о Хорватии публиковалось в журнале «Москвитянин», примыкавшем, как и «Журнал Министерства народного просвещения», к направлению «официальной народности». Именно он едва ли не наиболее полно информировал русского читателя о культурной и политической жизни хорватских земель в первой половине XIX в. В журнале регулярно публиковались материалы о Хорватии отечественных ученых-славистов – П.П. Дубровского, Н.А. Ригельмана, И.И. Срезневского. Так, в статье «Несколько слов о новейшей иллирийской литературе» П.П. Дубровский называет Гая не иначе как «великим преобразователем», а его соратников – «иллирийскими пчелами», которые «пробудились после долгой зимы, чтобы на цветущих нивах собирать мед для своего улья» [Дубровский 1846: 186].

Отечественная печать и в 50-е гг. XIX в. не обходила хорватскую тему. Так, в 1856 г. в Москве начал выходить журнал «Русская беседа», ставший печатным органом славянофильского направления. Издавал его публицист А.И. Кошелев, в публикациях которого также затрагивалась тема деятельности иллиров. В 1857 г. он совершил поездку по землям австрийских славян, где познакомился с такими общественными и культурными деятелями, как В. Ганка, П.Й. Шафарик, Ф. Миклошич, В. С. Караджич. Все это нашло отражение в очерке «Шесть недель в австрийских славянских землях». Он пишет о стремлении славянских ученых и литераторов к объединению: «хорваты... сближаются с сербами и уже много пишут по-сербски, будучи почти согласны принять кириллицу, употребляемую сербами». Гораздо подробнее культурную и литературную жизнь хорватов осветил в своей статье «Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии» М.П. Петровский, профессор Казанского университета. Казанский славист пишет о «борьбе между католическим взглядом кроатской или иллирской образованности с народно-православным сербским». Петровский считает, что «загребская литература, связавшая свое настоящее с великим прошлым – с литературою далматинскою, выказала более талантов или учености, нежели искренняя представительница православия – белградская деятельность» [Петровский 1859: 77]. В качестве примера успешного развития хорватской

науки Петровский приводит деятельность «Общества истории и древностей югославянских» и Иллирской матицы, стараниями которых было опубликовано множество исторических и литературных памятников прошлых столетий и издавались литературные журналы.

В первой половине XIX в. в России возникает интерес к Хорватии, к ее истории и современному политическому и культурному развитию. Важными источниками, свидетельствующими о распространении знаний о Хорватии в России, служат и публиковавшиеся в русских периодических изданиях материалы о культурных и политических событиях в хорватских землях, прежде всего, о деятелях иллирийского движения. Но в то время славяноведение в России только зарождалось, внимание образованной публики к славянам вообще и к хорватам в частности было еще сложно привлечь. Поэтому интерес к Хорватии оставался в первой половине XIX в. в России пока еще уделом немногих представителей образованного общества. В дальнейшем отечественная славистика и кроатистика как ее часть выходят на новый уровень развития.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Дубровский П.П.* Несколько слов о новейшей иллирийской литературе // Москвитянин, 1846. Т.2, №4. С. 180–191.
2. *Кеппен П.И.* Литература славянских народов (письмо к редактору журнала 4-е) // Журнал Министерства народного просвещения, 1836. Ч.XI. №VII. С. 649–659.
3. *Кошелев А.И.* Шесть недель в Австрийских славянских землях: Письмо к А.С. Хомякову // Русская беседа, 1857. № IV. С. 1–18.
4. *Петровский М.П.* Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии // Русская беседа, 1859. № III. С. 67–100.

Словарь болгарских историзмов: макро- и микроструктура

Милена Велева

DICTIONARY OF BULGARIAN HISTORICISMS – MACRO- AND MICROSTRUCTURE

Milena Veleva

РЕЧНИК НА БЪЛГАРСКИТЕ ИСТОРИЗМИ“ – МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРА
НА РЕЧНИКА

Милена Велева

ABSTRACT:

The paper deals with the macrostructure and microstructure of the dictionary of Bulgarian historicism – the main principles of lemmatization and the dictionary entry structure.

Keywords: Bulgarian language; dictionary; historicisms; structure of the dictionary

АННОТАЦИЯ:

В статъе описывается макроструктура и микроструктура словаря болгарских историзмов – основные принципы организации словника и структура словарной статьи.

Ключевые слова: болгарский язык; историзмы; структура словаря

Функционално-темпорално маркираната лексика в съвременния български език е обособен лексикален пласт, част от неактуалния речников състав на езика, в който непосредствено и ярко се проявява връзката между времето и езика. В нейния състав влизат т.н. темпоризми – номинативни единици, в структурно-езиковото значение на които присъства функционалната сема темпоралност (остаряло, историческо, ново). Системата на функционално-темпорално маркираната лексика в съвременния български книжовен език има открит, динамичен характер и включва три отделни подсистеми: архаична лексика, историческа лексика и неологична лексика, всяка от които има свои обособени езикови единици и специфична темпорална окраска. В съвременния български език историзмите са лексикални единици, лексикосемантични варианти на лексикални единици и устойчиви словосъчетания от домашен и чужд произход, които назовават неактуални за съвременната действителност реалии (предмети, явления, понятия) и техните признаци. Съотнесеността на историзмите с несъществуващи или излезли от актуалност предмети, явления (и техните признаци) е най-важният им релевантен признак, по които

те се противопоставят на останалите единици от функционално- темпорално маркираната лексика.

Речникът на българските историзми е лексикографски справочник от диференциален тип, който си поставя за цел да представи подсистемата на българските историзми [Велева 2017: 103]. Историзмите, включени в Речника, са документирани с оглед на техните граматически, функционално-стилистични и хронотопни характеристики, както и откъм семантика, вариантност, синонимия и омонимия. Съставен въз основа на лексикографски, енциклопедични и исторически източници, речникът съдържа над 2500 лексикални единици, които се отнасят до следните исторически периоди: 1) Българските земи през древността – древна Тракия и тракийските провинции на Римската империя: **акинак, барбитон, зейра**. 2) Българско Средновековие (681–1396): древни българи и славяни (**жупа, жупан, страва, тризна**), Първа българска държава (**ало-багатур, кан, колобър**), българските земи под византийска власт (1018–1185), Втора българска държава (1185–1396) (**аподохия, броднина, глобник**). 3) Българските земи под османска власт и Българско възраждане (1396–1878) (**авариз, девширме, канун, мартолос**). 4) От Освобождението до 9.IX. 1944 г.: Източна Румелия (1878–1885) (**генерал-губернатор, кантон, префект, областно събрание**); Княжество България (1879–1908) и Царство България (1908–1946) (**градоначалник, полицмейстер, уезд**).

Всяка основна речникова статия се състои от заглавна и от тълкувателна част. Заглавната част съдържа следните компоненти: заглавна речникова единица; сведения за принадлежността на заглавката към определена лексико-граматическа категория; бележка (бележки) за функционално-стилистичната ѝ квалификация.

Като отделни заглавни единици в Речника са представени: 1) Словни историзми (съществителни имена, прилагателни имена и глаголи); 2) Надсловни историзми – сложни названия и словосъчетания, в чийто компонентен състав се съдържат само думи, които не са историзми. Сложните названия, в чийто състав се съдържат историзми, се представят в рамките на тълкувателната част на заглавната дума след знака ◊. С използваните в речника стилистични бележки се означават: принадлежността на историзмите към един или друг лексикален пласт.

Най-важният семантичен компонент в структурно-езиковото значение на историзмите, който ги отличава от другите функционално-темпорално маркирани езикови единици и намира отражение при семантичната им интерпретация, е функционално-темпоралната сема ‘историческо’ – историческа дума или значение”, която дава информация за историческия живот на обозначаваните предмети, явления и понятия, съотнасяйки значението им с определени времеви граници. Ето защо, при тълкуването

на номинативните единици се посочва, доколкото е възможно, пряко или опосредствано (при сродните думи) историческият контекст на съществуване на обозначаваната реалия, хронологичните и, евентуално, – териториални граници, в които тя е актуална. Тълкуването на историзмите става с помощта на описателна дефиниция, която цели да разкрие точно и пълно значението на съответната речникова единица; чрез синоним (синоними); чрез описателна дефиниция и посочване на синоним (синоними); чрез преpraщане към изходна или близка (близки) в словообразователно отношение дума или словосъчетание. В края на тълкувателната част на речниковата статия, след знак ◇, се дават и тълкуват сложни названия и устойчиви словосъчетания със статут на историзми.

Примери за речникови статии:

БРОДНИНА *ж.* Във Втората българска държава – такса за преминаване на река през брод; дява̀то.

ГОСПОДАРСКИ *прил.* Който се отнася до господар и до господарство. ◇ **Господарска земя.** 1. В средновековна България – едра феодална собственост на болярин, черква или манастир, обработвана чрез ангария, аренда или от ратаи. 2. В бълг. земи под османска власт (след 1851 г.) – частно земевладение; господарлък.

ГЛАВНО УЧИЛИЩЕ. През Възраждането – 1. Средно общообразователно училище, следваща степен след основно училище; класно училище. 2. Сграда, в която се помещава такова училище.

Литература / References

Велева М. Историзмите в българския език. Речник на българските историзми. Велико Търново: Знак‘94, 2017. с. 268.

Выражение повторяющегося действия в сербском языке

Бояна М. Вельович

EXPRESSING HABITUALITY IN SERBIAN LANGUAGE

Bojana M. Veljovic

ABSTRACT:

This paper examines the system of verb forms used to express habituality in Serbian language. The analysis uses the corpus material collected in the Zeta-Sjenica dialect, which abounds with verb forms used for expressing actions which repeated in the past according to a fixed order or a habit. The analysis has shown that habitual actions in this dialect can be expressed with: narrative potential, narrative imperative, the construction *bi* + imperative, narrative present and perfect tense forms. These mutually

synonymous verb forms are equal within this system and are mostly equally frequent and the differences are present on their syntax-semantic and stylistic levels.

The conclusions obtained through this analysis of the material collected in the given idiom are compared with the circumstances in the standard language and the rest of the Stokavian language space in order to gain insights into the characteristics of the Stokavian terrain in general.

The analysis will show that the narrative potential has stabilized in the standard language in expressing habituality while there is a reverse process in the dialects – the potential has been gradually retreating in favour of the narrative imperative. On the other hand, in the Zeta-Sjenica dialect both forms are equally frequent and a new syntactic construction has been formed for expressing habituality (*bi* + imperative) exclusively. The aim of this paper is to determine language circumstances which enable the existence and parallel use of these synonymous forms.

Keywords: habitual actions; narrative potential; narrative imperative; *bi* + imperative; narrative present; perfect.

АННОТАЦИЈА:

В докладе истражује се система глагољних форма, изражавајућих понављајуће дејство у српском језику. Отправна тачка анализе – полевни материјал, скупљен на територији зетско-сьеничког дијалекта, који се карактерише богатом системом јединица, изражавајућих дејства, понављана у прошлости по установљеном распореду или привичке. Установљено, да дату функцију у дијалекту могу имати нарративно условно наклонение, нарративни императив, конструкција *би* + императив, нарративни презент и перфект. Ове јединице равноправне у систему и, у основном, једнако честотне, разлике међу њима носе синтактичко-семантички и стилистички карактер.

Резултати анализе сопостављају се са ситуацијом у литературном језику и другим штоковским говорима са циљем истраживања особина датог система форма у свом штоковском дијалекту.

Установљено, да у литературном језику функција изражавања понављајућег дејства закрепила нарративно условно наклонение, док у дијалектима има место обрнути процес: условно наклонение уступа место нарративном императиву. У зетско-сьеничком дијалекту обе ове форме једнако честотне, и осим њих још постоји и особа форма, намењена само за изражавање понављајућности (*би* + императив). Циљ рада је истраживање језичких узрока, који доприносе постојању и паралелном употреби синонимичних форма.

Кључне речи: понављајуће дејство, нарративно условно наклонение, нарративни императив, *би* + императив, нарративни презент, перфект.

1. Радње хабитуалног карактера (дејства која су се у прошлости вршила по утврђеном редоследу, навици или обичају) у српском језику најчешће се обележавају нарративним потенцијалом [Стевановић 1986: 717; Грицкац 1998: 35–40; Танасић и др. 2005: 461]. Исту службу могу вршити и: а) приповедачки презент, који, за разлику од потенцијала, није специјализован искључиво за означавање хабитуалних радњи већ се њиме могу обележавати и прошла појединачна дејства [Танасић 1996;

Танасић и др. 2005: 358]; б) наративни императив, с тим да је он у стандардном српском језику данас сасвим необичан и спада у домен стилске резерве, јављајући се још једино у књижевноуметничком стилу као дијалекатски маркирана јединица у служби стилског средства [Танасић и др. 2005: 456, Пешикан 1956]; в) перфекат, као необележена синтаксичка јединица са најуниверзалнијом семантиком [Ивић 1958: 144]. У стандардном српском језику за обележавање хабитуалности усталио (специјализовао) се потенцијал, коме је, онда када је временски употребљен, то једина служба. Приказане прилике које важе за стандардни језик, међутим, нису уједначене на нивоу народних говора / дијалеката.

2. Предмет овога рада јесте анализа дијалекатске грађе прикупљене на терену зетско-сјеничког дијалекта, која за циљ има утврђивање инвентара јединица са хабитуалном службом, дефинисање синтаксичко-семантичких особина и домена примене, као и стилских карактеристика. Анализа је показала да зетско-сјенички дијалекат располаже богатим инвентаром јединица са хабитуалном службом.

2.1. Као и у стандарду, **наративни потенцијал** у овом дијалекту спада у ред високофреквентних јединица и бележен је у контекстима типа: *Ми би* по цио дан *радили* око конопље, *па би* најприје конопљу *сијали*, *па би* је после *брали*, *па трлили*, *па* после ваздан *ткали*.

2.2. Са подједнаком фреквентношћу на овом терену у употреби је и **наративни императив**: Конопља се сијала овако: најпре *поори*, *па тури* семе у земљу, *па оно никни*, *порасти*. *Ми* после *чунај* ону конопљу, *одвајај* црнојку и бељојку.

2.3. Иако у систему већ поседује две јединице са службом обележавања хабитуалности, језички развој у овом дијалекту ишао је у смеру стварања посебног, специјализованог језичког средства које би вршило искључиво ту службу. Посреди је конструкција творена од елемената претходно наведених облика **би** + **императив**: Оно некат: *ми би се покупи*, *па би ради* по цио дан. Увече *би* после *седни* на посадак *па би певај*, *играј*... Ова конструкција непозната је стандардном језику и остатку српских дијалеката и први пут је забележена у нашој грађи из југозападног дела зетско-сјеничког дијалекта. У науци је досада помињана искључиво као особеност босанских говора херцеговачко-крајишког дијалекта [Брозовић 1958: 346; Халиловић 1985: 51–55; Окука 2008: 77, 290; Ивић 2001: 188].

2.4. Могућност обележавања прошлих понављаних радњи у овоме дијалекту задржавају и **наративни презент**: Раније је долазила. *Дође* мало, *поседи* са нама и *оде*; и **перфекат**: *Облачили* смо се како смо били у могућнос, *сами смо правили* одећу и обућу, *сијали* смо конопљу *па* од тога *ткали* рухо.

3. Поређење прилика у анализираном дијалекту са стањем на остатку штокавског језичког простора указује на присуство значајне варијантности. У већем делу идиома долази, као и у стандарду, углавном до стабилизације једне форме, с тим да је језички развој ишао у супротном смеру од стандарднојезичког – ка елиминисању потенцијала на рачун императива [в. нпр. Вуковић 1940: 97; Милетић 1940: 562; Ивић и др. 1997: 388; Младеновић 2000: 500]. У појединим дијалектима, сходно њиховом специфичном развоју, дошло је до другачијег системског развоја, па ову функцију врши, на пример, футур први (тако је у једном делу говора призренско-тимочке зоне, која је део Балканског језичког савеза. Особина је, сматра се, унета са стране, посредством македонског) [Ивић 1982: 259–261; Младеновић 2000: 363–371], док је потенцијал у хабитуалној служби непознат а императив редак.

4. Циљ овога рада јесте да се, поређењем прилика на испитиваном терену са остатком штокавских дијалеката / говора, те са стандарднојезичким стањем, пружи увид у шире ареалне прилике и утврди обим и карактер варијантности присутне на штокавском простору.

Литература / References

1. *Вуковић Ј.* Говор Пиве и Дробњака // Јужнословенски филолог, 1940. № 17. С. 1–114.
2. *Грицкат И.* Потенцијал у служби исказивања хабитуалности // Јужнословенски филолог, 1998. № 54. С. 35–40.
3. *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика, увод и штокавско наречје / Под ред *Д. Петровић.* Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2001. 313 с.
4. *Ивић П.* Банатски говори шумадијско-војвођанског дијалекта. Друга књига: морфологија, синтакса, закључци, текстови // Српски дијалектолошки зборник, 1997. Књ. XLIII. С. 1–571.
5. *Ивић М.* Систем личних глаголских облика за обележавање времена у српскохрватском језику // Годнишњак филозофског факултета, 1958. №3, С. 139–152.
6. *Ивић М.* Македонски глаголски облици за овременавање хабитуалне ситуације у поређењу са српскохрватским // Македонски јазик, 1982. Књ. XXXII–XXXIII. С. 259–261.
7. *Милетић Б.* Црмнички говор // Српски дијалектолошки зборник, 1940. Књ. IX. С. 209–663.
8. *Младеновић Р.* Футур, потенцијал и императив за прошлост на југозападу Косова и Метохије // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, 2000. Књ. 43. С. 363–371.
9. *Пешикан М.* О неким специфичностима употребе приповедачког императива // Наш језик, 1956. Св. 7–10. С. 270–275.
10. *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик II / Под ред *Н. Дончев.* Београд: Научна књига, 1986. 902 с.
11. *Танасић С.* Презент у савременом српском језику / Под ред М. Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1996. 192 с.
12. *Танасић С. Питер П. Антонић И. Ружић В. Поповић Љ. Тошовић Б.* Синтакса савременог српског језика: проста реченица. / Под ред М. Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2005. 1164 с.

13. Халиловић С. Хабитуал у штокавском дијалекту // Књижевност и језик, 1985. № 1/2 С. 51–55.
14. Брозовић Д. Izvještaj o dijalektoškim istraživanjima u srednjoj Bosni. [Elektronski izvor.] URL: <http://dizbi.hazu.hr/index.php?search=2&paging=1&query=ljetopis+jugoslavenske+akademije+knjiga+65>. Datum pristupa: 15.11.2013.
15. Окука М. Srpski dijalekti. / Zagreb: Srpsko kulturno društvo Prosvjeta, 2008. 320 с.

«Общеславянский лингвистический атлас» и проблемы славянской диалектологии¹

Т.И. Вендина

“SLAVIC LINGUISTIC ATLAS”

AND THE PROBLEMS OF THE SLAVIC DIALECTOLOGY

Tatiana I. Vendina

ABSTRACT:

The paper deals with the problem of the Slavic dialectology creation on the base of “Slavic Linguistic Atlas”. The existing division of the Slavic languages is based on the phonetic processes which took place more than 1000 years ago. It completely ignores those specific features which the Slavic languages elaborated during their independent history. The paper raises the question of the differential features which must become the base for the Slavic dialectology. The author thinks that the materials of “Slavic Linguistic Atlas” must become the basis for the Slavic dialects classification.

Keywords: Slavic Linguistic Atlas; Slavic dialect; differential features.

АННОТАЦИЯ:

Доклад посвящен проблеме создания славянской диалектологии на основе данных «Общеславянского лингвистического атласа». Существующее в настоящее время разделение славянского языкового континуума исходит из праславянских фонетических процессов, прошедших более 1000 лет назад, и полностью игнорирует то специфическое, что славянские языки выработали в течение своего самостоятельного развития. В докладе поднимается проблема релевантности дифференциальных признаков, которые должны быть положены в основу славянской диалектологии. Автор считает, что материалы «Общеславянского лингвистического атласа» должны стать базой для решения проблемы классификации славянских диалектов.

Ключевые слова: «Общеславянский лингвистический атлас»; славянские диалекты; дифференциальные признаки

¹ Доклад подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект»).

Доклад посвящен проблеме создания славянской диалектологии на основе данных «Общеславянского лингвистического атласа». Если попытаться осмыслить terra Slavica с позиций **единого языка**, то реализация этой идеи могла бы принести интересные результаты.

В докладе предлагаются следующие дифференциальные признаки, которые, по мнению автора, являются релевантными при классификации славянских диалектов:

I. ФОНЕТИКА

I.1. Просодические признаки: характер ударения (подвижное ~ неподвижное, динамическое ~ тоновое или музыкальное); наличие долгих и кратких гласных.

I. 2. Репертуар системы вокализма: материал Атласа позволяет реконструировать вокальный треугольник основных типов гласных в позиции под ударением, иллюстрирующий диалектные различия в организации фонетических систем славянских диалектов (он имеет диапазон из 11 позиций на горизонтальной оси и 7 ступеней открытости – на вертикальной).

I. 3. Репертуар системы консонантизма, позволяющий выявить диалектные различия в качестве следующих согласных: задненебного **g** (взрывной, фрикативный или фарингальный **g** ~ **ɣ** ~ **h**), латерального (веляризованный ~ невеляризованный **l** ~ **l̥**, возможность изменения веляризованного согласного, замена его билабиальным **l** > **w**, **ɸ**), вибранта (передненебное или увулярное образование вибранта **r** ~ **R**), аффрикат (совпадение или различие переднеязычной и передненебной аффрикат **с** и **щ**), наличие палатальности ~ палатализованности согласных (праславянским палатальным **z**, **ʒ**, **ʒ̣** в современных диалектах соответствуют твердые и палатальные/палатализованные согласные), качество спирантов, сонорных и т.д.

I. 4. Происхождение фонетических единиц, поскольку многие из них являются континуантами разных единиц праславянского языка (так, например, гласный **e** в отношении континуантов других праславянских гласных может занимать доминирующую позицию, поглощая их: ***b** > **e**, ***ě** > **e**, ***ę** > **e** и т.д.).

I. 5. Отношение к ударению. Ареальное противопоставление славянских диалектов формирует и дифференциальный признак «наличие ~ отсутствие влияния ударения на рефлексацию праславянских гласных».

I. 6. Отношении к вокальному количеству: наличие ~ отсутствие влияния вокального количества на рефлексацию праславянских гласных; определение типа влияния – непосредственное (в словенских диалектах) и опосредованное (в польских диалектах).

I. 7. Влияние консонантного окружения на рефлексацию праславянских единиц. Наличие ~ отсутствие влияния консонантного окружения на рефлексацию праславянских гласных может являться причиной возникновения древнейших диалектных различий (ср. например, изменение *e > o* **перед твердым согласным**, когда в результате ассимиляции следующему веларизованному /лабиовеларизованному согласному гласный *e* передвигается в передний ряд и становится лабиализованным в русских, белорусских, украинских, польских, лужицких, словацких диалектах).

II. ЛЕКСИКА

II. 1. Различительные признаки плана выражения выделяются на основе тождества значений соотносительных членов (ср., например, противопоставление **север ~ юг** на картах ‘сосна’: север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* т. 3 «Растительный мир»; ‘счастье’: север *sъ-čest-ъj-e* ~ юг *sъ-rĕt-j-a*, *sъ-rĕt-j-a* т. 10 «Народные обычаи»; ‘некастрированный самец овцы’: север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* т. 2 «Животноводство» и т.д.).

II. 2. Различительные признаки плана содержания выделяются на основе тождества звуковой формы соотносительных членов диалектного различия (ср., например, лексико-семантические различия лексемы *žito т. 4 «Сельское хозяйство», в частности, наличие у нее значения ‘ячмень’ в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров и значения ‘хлебные культуры вообще, в зерне или на корню’ – в македонских. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении ‘рожь’ (в западнославянских, украинских, белорусских и в некоторых южнорусских диалектах), либо в значении ‘пшеница’ (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах).

III. МОРФОЛОГИЯ

Синтетические и аналитические структуры в функционировании морфологических систем славянских языков, исчезновение флективного склонения и замена его агглютинацией, различия в категории числа, падежа, обладание рефлексов тех или иных морфологических типов в системе склонения; в области глагола – разница между сохранением *verbi finiti* в формах *praesentis* и *praeteriti* (аорист, имперфект), сохранение особой формы инфинитива или ее исчезновение с заменой на *substantivum verbale*, различение или отождествление супина с инфинитивом и т.д.).

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно доказывают, что они могут стать базой для решения проблемы классификации славянских диалектов и создания диалектологии славянских языков. Если при описании диалектов отдельных славянских языков выделяются разные дифференциальные признаки, релевантные для одних диалектов и нерелевантные для других, то материалы Атласа позволяют преодолеть эту непоследовательность, выделить «доминантные»

дифференциальные признаки и изоглоссы, обладающие высоким диагностическим «весом».

Церковнославянский язык в чешских библейских переводах XIX в. Ф. Новотного и Н.П. Апраксина

И.В. Вернер

CHURCH SLAVONIC IN THE CZECH BIBLE TRANSLATION
OF THE XIXTH CENTURY OF F. NOVOTNÝ AND N.P. APRAKSIN

Inna V. Verner

ABSTRACT:

The linguistic peculiarities of the two previously unknown texts in the history of the Czech Bible translation of the XIXth century – the Four Gospels, translated by F. Novotný and the New Testament, translated by N.P. Apraksin – allow us to speak about the consistent Church Slavonic interference at various levels, motivated by the translators' desire to actualize the "Common Slavonic" elements in the Czech literary language.

Keywords: Bible translations; Czech Bible; New Testament; F. Novotný; N.P. Apraksin.

АННОТАЦИЯ:

Языковые характеристики двух ранее неизвестных в истории чешского библейского перевода XIX в. текстов – Четвероевангелия в переводе Ф. Новотного и Нового Завета в переводе Н.П. Апраксина – позволяют говорить о последовательной церковнославянской интерференции на различных языковых уровнях, мотивированной стремлением переводчиков актуализировать «общеславянские» элементы в чешском литературном языке.

Ключевые слова: библейские переводы; чешская Библия; Новый Завет, Ф. Новотный, Н.П. Апраксин.

Чешские библейские переводы, возникавшие в период национального возрождения и формирования литературного языка, являются в языковом отношении довольно экспериментальными текстами, призванными повлиять на складывающуюся общелитературную норму. Экспериментальный характер этих переводов определяется в том числе и обращением не только к латыни, но к греческому языку как к первоисточнику, а также к церковнославянскому языку и тексту, воспринимаемому как проверенный временем и заслуживающий доверия образец традиции, берущей начало от славянских первоучителей и незаслуженно забытой чехами.

Еще на рубеже XVIII-XIX вв. Ф.Ф. Прохазка положил начало более или менее последовательному использованию греческого текста в католических изданиях чешской Библии. Позже греческий текст привлекался в переводах Ф. Новотного (1810-1811) и Ф. Сушила (1864-1872), сформулировавшего лингвистическую необходимость греческого для целей библейского перевода. Что же касается церковнославянского, то декларативные отсылки к кирилло-мефодиевскому наследию также не раз встречаются в предисловиях к чешским библейским изданиям XIX в.: упоминание Кирилла и Мефодия и их перевода Библии содержится в предисловии к Библии 1864 г. в издании И. Френца и Я.Ф. Десолды, приуроченном к тысячелетию моравской миссии; в предисловии к изданию Евангелия от Матфея Ф. Сушил видит причину неудовлетворительности кралицкого и святовацлавлавского переводов в забвении со временем перевода солунских братьев у чехов, а при обсуждении перевода отдельных библейских чтений в качестве предпочтительного приводит соответствующий старославянский вариант.

Последовательно и целенаправленно церковнославянский язык использовался в качестве одного из основных источников чешского библейского текста как минимум в двух переводах Нового Завета, появившихся в самом начале и в самом конце XIX в., независимо друг от друга. Это незаслуженно забытый до недавнего времени перевод интеллектуала первой волны чешского национального возрождения Ф. Новотного, опубликованный в Праге в 1810-1811 гг. [Bartoň 2014], и двуязычный церковнославяно-чешский Новый Завет, подготовленный Н.П. Апраксиным в Праге и изданный в 1892-1897 гг. в Петербурге [Вернер 2018]. Новотный взял за основу чешского перевода как латинский, так и греческий текст (в текстовом отношении оба источника были равноправны, а в лингвистическом греческому во многих случаях отдавалось предпочтение), а третьим источником стал церковнославянский Новый Завет в издании Елизаветинской Библии 1751 г. Перевод Новотного нацелен на моделирование высокого «библейского» стиля, некоторые элементы которого могли бы войти и в складывающуюся общелитературную норму. Источниками Апраксина стали Кралицкая Библия 1579-94 гг. (КБ) и католическая Библия 1864 г. (Кат), а также современный переводчику церковнославянский текст, напечатанный в издании параллельно с новым чешским переводом, который Апраксин назвал «русским».

Лингвистические инновации обоих переводчиков, мотивированные церковнославянским языком, оказываются соотносимыми. Прежде всего, «открытой» для церковнославянского влияния оказывается лексика переводов: церковнославянская интерференция проявляет себя не в использовании заимствований, но в выборе тех чешских лексем, которые

являются однокоренными синонимами церковнославянским, т.е. выступают их формально-семантическими эквивалентами. При этом для обоих переводчиков значимо наличие этих лексем не в современном им языке, а в узусе старших чешских текстов. Ср. в переводе Новотного в сравнении со старшим чешским чтением и чтением церковнославянского текста: Mt 1,19 *nechtěje ji obličiti (v lehkost uvěsti)* – не хота обличити ѿѡ; Mt 2,16 *porouhán byl od mudrců (oklamán byl)* – поржганъ бысть отъ влѣхвъ; J 21,7 *uvrhl se do moře (pustil se)* – въврже сѧ въ морѣ; J 21,8 *vlecouce síť (táhnouce)* – влѣкѡште мрѣжѡ; Mt 2,6 *mezi vládky Jüdovými (knížaty)* – въ владыкахъ Иудовахъ; L 16,21 *psi oblizovali (lízali)* – псы облизаахъ. Апраксин в выборе чешских лексем, отвечающих церковнославянским, активно использует несколько возможностей: 1) опирается на кралицкий перевод (ср. совпадающие чтения Апраксина и КБ при некоррелирующей с церковнославянской лексеме в Кат: Mk 11:15 *vyháněti (vymítati)* – изгонити; I 11:55 *aby se očistili (posvětili)* – да вчистятся; Lk 12:24 *patře na havrany (krkavce)* – смотрите вранъ; Lk 18:14 *odešel (sestoupil)* – сниде; I 5:7 *uvrhl (vpustil)* – ввержетъ; I 21:7 *opásal se (obestřel se)* – преподсасѧ); 2) опирается на католический текст (ср. совпадающие чтения Апраксина и Кат при некоррелирующей с церковнославянской лексеме в КБ: Mk 4:7 *plodu* – плода (КБ *užitku*); Mk 4:38 *na podhlaví* – на возглавницѣ (КБ *na podušce*); Mk 14:64 *odsoudili* – всудиша (КБ *potupili*); Mt 18:34 *mučitelům* – мучителемъ (КБ *katům*); Mk 2:23 *trhali klasy* – востерзающе класы (КБ *vymínati*); I 5:39 *zpytujte* – испытайте (КБ *ptejte se*); 3) при отсутствии поддержки в обоих чешских текстах Апраксин образует формально-семантический эквивалент церковнославянской лексемы, используя все лексические ресурсы чешского литературного языка, в том числе архаичные, редкие и даже «потенциальные» лексемы (Mk 6:49 *přízrak* – призракъ (КБ и Кат *obluda*); Mt 11:16 *na tržištích* – на торжищихъ (КБ *na rynách*, Кат *na náměstí*); Lk 7:22 *chromí* – хроміи (КБ и Кат *kulhaví*); Lk 8:28 *nemuč mne* – не мучи мене (КБ и Кат *netrap mne*); Mt 10:10 *mzdy své* – мзды своеѧ (КБ и Кат *pokrmu svého*); I 10:31 *vzali* – взаша (КБ и Кат *zchápali*).

Помимо лексики, подверженными церковнославянскому влиянию оказываются «смежные» грамматические формы, имеющие в славянских языках общее происхождение, но различающиеся объемом реализуемых в них грамматических категорий и/или статусом в системе литературного языка. Так, для обоих переводов характерны формы генетива при отрицании вместо аккузатива, поддерживаемые как старочешским узусом, так и церковнославянской и русской нормой, ср. у Новотного J 21,3 *nejali ničehož* – не ѡсѧ ничесоже; у Апраксина Lk 18:34 *ničeho z toho nepochopili* – ничесѡже ѿ сихъ разумѣша; Lk 3:13 *ničeho nevybírejte* – ничтоже творите. Оба переводчика используют вместо перифрастических кон-

струкций старших чешских текстов презентные атрибутивные причастия, ср. у Новотного L 16,26 *chtící přejíti odsud k vám (ti, kdo chtějí přejít)* – хотящий перейти; у Апраксина Mk 16:5 *uzřely jinocha, sedícího (KB и Kat an sedí)* – видяща юношу сидяща; Mk 11:13 *uzřev zdaleka fik, mající listí (KB и Kat an má listí)* – видяв смоковницу издалеча, имущу листвие. Новотный активно использует также атрибутивные причастия пр.вр., в чешской лингвистике обычно трактуемые как результат влияния русского языка (L 6,49 *člověku stavěvšimu dům* – человекъ создавшему храмину; L 7,39 *farizeus pozvavši ho, pravil* – Фарисей воззававый его, рече). Для перевода Апраксина характерно увеличение доли предикативных причастий пр.вр. как на месте глагольных форм, так и причастий н.вр. (Mt 14:30 *начень утопати, возопи* – *ročav tonouti, zvolal*; Lk 8:15 *слышавше слово, держать* – *uslyševše slovo, je zachovávají*).

Лингвистические характеристики данных текстов, обусловленные обращением к церковнославянской традиции, позволяют говорить о «конвергентном» переводе, реализующем собой попытку возвращения к идеалу единого славянского литургического языка и к общему кирилло-мефодиевскому наследию. Не будучи связанными отношениями преемственности, эти переводы посредством во многом совпадающего набора маркированных форм воплощают в себе идею реставрации в чешском литературном языке «общеславянской» традиции.

Литература / References

1. *Вернер И.В.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н.П. Апраксина 1892-1897 гг. // Славяноведение, 2018. №2. С. 94-109.
2. *Bartoň J.* Zapomenutý překlad pozapomenutého obrozence: české čtveroevangelium Františka Novotného z Luže // Clavibus unitis, 2014. №3. S. 157-169.

К проблеме презентации чешского обиходно-разговорного языка в современных учебниках

Н. В. Воробьева

PRESENTATION THE CZECH COLLOQUIAL LANGUAGE
IN THE MODERN TEXTBOOKS

Nina V. Vorobyeva

ABSTRACT:

The subject is Czech language' textbooks due to the peculiarity of the Czech language situation and the need to study them.

Keywords: literary language; colloquial language; language norm; linguodidactic presentation

АННОТАЦИЯ:

Автор анализирует учебники чешского языка с учетом особенности чешской языковой ситуации и необходимости изучения отличий двух языковых кодов чешского национального языка.

Ключевые слова: литературный язык; обиходно-разговорный язык; языковая норма; лингводидактическая презентация

Особенностью чешской языковой ситуации является наличие двух форм существования общенационального языка: литературный язык (*spisovná čeština*) – язык официальный и обиходно-разговорный язык (*obecná čeština*) – язык неофициального общения. Исторически сложилось так, что различия между литературным чешским языком и обиходно-разговорным языком существуют как на системно-структурном уровне, так и на уровне их функционирования в общественной коммуникации. Динамика современной чешской языковой ситуации свидетельствует о все большем территориальном распространении, возрастании роли и общественной значимости обиходно-разговорного языка (другие названия: второй национальный код; субстандарт) и, как следствие, размывание языковой нормы, что делает актуальным проблему лингводидактической презентации обиходно-разговорного языка в учебниках. Все существующие учебники чешского языка, разумеется, ориентированы на изучение литературного языка, но в силу специфики чешской языковой ситуации, почти во всех учебниках представлены те или иные явления обиходно-разговорного языка. Необходимо отметить при этом, что в учебниках, предназначенных для изучения языка в языковой среде, лингводидактическая презентация и освоение особенностей обиходно-разговорного языка имеет уже почти полувековую традицию и тенденцию к

увеличению доли обиходно-разговорного языка, что обусловлено необходимостью помочь изучающим чешский язык в их повседневном общении с носителями. В учебниках чешского языка для русскоязычных, изучающих язык вне языковой среды, можно проследить эволюцию презентации обиходно-разговорного языка, начиная от упоминания о нем до отдельных уроков, посвященных этой особенности чешского национального языка, и комментариев по основным отличиям двух языковых кодов, как правило, на морфологическом уровне. Таким образом, всегда актуальный вопрос центрального и периферийного при выборе грамматического и лексического материала для учебников в нашей ситуации дополняется необходимостью выбора главного и второстепенного при презентации отличий обиходно-разговорного языка.

Образование [ô] закрытого и падение редуцированных в древнерусском языке

Е.А. Галинская

THE APPEARANCE OF THE CLOSED SOUND [ô] AND THE “FALL OF YERS”
IN OLD RUSSIAN

Elena A. Galinskaya

ABSTRACT:

It can be proved that the appearance of [ô] of the Great Russian and the Ukrainian types must have occurred before the transformation of “strong yers” in full vowels. Therefore the appearance of the vowel [ô] of different types is a very archaic dialectal feature opposing the south-western part of the old East Slavic dialectal region to its central and northern parts.

Keywords: “fall of yers”; autonomous and automatic accent; closed [ô] of the Ukrainian and the Old Russian types; relative chronology.

АННОТАЦИЯ:

Есть данные, которые позволяют доказать, что появление [ô] великорусского и украинского типов относится к эпохе до прояснения сильных редуцированных. Значит, образование [ô] разных типов – это весьма архаичное диалектное различие, противопоставившее югозападнорусскую часть древнего восточнославянского диалектного континуума центральной и северной его части.

Ключевые слова: падение редуцированных; автономное и автоматическое ударение; закрытое [ô] великорусского и украинского типов; относительная хронология.

От праславянского языка древние восточнославянские диалекты унаследовали только одну фонему /o/, звуковое качество которой достаточно надежно реконструируется по восточнославянским заимствованиям в

прибалтийско-финские языки: звук [o] был открытым (ср. *нонь* > финск. *rappi* ‘священник’, *пирогъ* > финск. *piirakki*). В какой-то момент в древнерусскую фонетическую систему (будущую великорусскую ее часть) вошел закрытый гласный [ô], развившийся из [o] исконного под автономным ударением. А.А. Зализняк полагал, что два типа ударения – автономное и автоматическое – по крайней мере в каких-то говорах существовали еще в XIV в. [Зализняк, 2010: 571–579]. Поэтому стоит задуматься о том, когда образовался [ô] – до падения редуцированных или после. Если последовательность утраты слабых редуцированных восстановлена – это сделал А.А. Зализняк на основании новгородских берестяных грамот [Зализняк 1993: 241–270], то определить, когда протекало прояснение сильных редуцированных (одновременно ли с утратой слабых редуцированных или позже), не представляется возможным ввиду наличия в берестяных грамотах графического эффекта мены букв **ъ** и **о**, хотя, в принципе, не исключена вероятность, что утрата слабых редуцированных могла начаться раньше прояснения сильных. Что же касается относительной хронологии образования [ô] и падения редуцированных, то соотнести утрату слабых редуцированных и появление [ô] нельзя, но время прояснения сильных редуцированных и возникновения [ô] может быть сопоставлено.

Под автономным ударением мог находиться не только [o], но и сильный [ъ], например, *лъжска*, *бъдрыи*, *пълзати*. В памятниках письменности, отражающих противопоставление /ô/ и /ɔ/ великорусского типа, и в русских говорах, знающих это противопоставление, любое *o* из [ъ], **в том числе из того [ъ], который находился под автономным ударением**, преимущественно отражается как /ɔ/. В этом можно убедиться, проанализировав статьи словаря, включающего лексемы и морфемы с /ô/ и /ɔ/ по данным рукописных источников и русских диалектов, составленного Е.В. Стадниковой [Стадникова 1989]. Такая же картина наблюдается и в тех случаях, где [ъ] **не** стоял под автономным ударением. Впрочем, иногда в соответствии с этимологическим [ъ] появляется [ô], причем и тогда, когда этот [ъ] стоял под автономным ударением, и тогда, когда он находился в других условиях. Причины появления «незаконного» [ô] бывали разного характера, в частности, он мог возникать в соседстве с [г] или [л]. Но даже при наличии колебаний в рефлексации *ъ слова с сильным [ъ] под бывшим автономным ударением (так же, как и [ъ] в других условиях) в статистически преобладающих количествах дают [ɔ]. Это значит, что в тот период, когда исконное [ɔ] под автономным ударением превратилось в [ô], сильные редуцированные еще существовали, то есть появление [ô] следует относить к эпохе до их прояснения.

Первый памятник, в котором отражается распределение [ɔ] и [ɔ̂] великорусского типа (правда, с наложением украинского типа в первых перестроенных слогах слова), «Мерило Праведное», исследованное А.А. Зализняком [Зализняк, 2010: 531–708], относится к XIV в., но это, естественно, не значит, что в предыдущие века данное распределение еще не сформировалось, поскольку могло просто не быть более ранней традиции обозначения [ɔ̂] на письме особой буквой либо памятники с таким обозначением до нас не дошли. Поэтому отсутствие рукописей, которые бы свидетельствовали о появлении [ɔ̂] в раннедревнерусском языке, не противоречит заключению о том, что сначала появилось [ɔ̂], а потом уже проявились сильные редуцированные. В ином случае, если бы сильный [ɔ̂] совпал с [ɔ] до образования [ɔ̂], то рефлексy этого [ɔ̂] были бы в русском языке разными в зависимости от того, находился ли он под автономным ударением или нет.

Помимо вышеописанного [ɔ̂] великорусского типа в древнерусском языке образовывалось и [ɔ̂] украинского типа, которое появлялось в так называемых перестроенных слогах, то есть в тех, за гласным которых в раннедревнерусском шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим [Зализняк 2010: 173]. По мнению Ю. Шевелева, в южных украинских диалектах образовался закрытый монофтонг [ɔ̂] (в его транскрипции [ɔ̂]), а в северных украинских диалектах – дифтонг [ɔ̂o], который сохраняется под ударением во многих северноукраинских говорах (а также в южной части Белоруссии). Что касается южноукраинского монофтонга [ɔ̂], то он в среднеукраинский период изменился и дает в современном украинском литературном языке [i], а в говорах [i], [ü] или [u] [Шевельов 2002: 406–407] (звуки, которые сейчас представлены в перестроенных слогах на месте *o в украинских юго-западных говорах, еще более многообразны). В украинском языке рефлексy *o в перестроенных слогах регулярны, ср. укр. лит. *бiк* (< бокъ), *брiд* (< бродъ), *нiж* (< ножъ), *сiк* (< сокъ), *хвiст* (< хвостъ), *сiль* (< соль), *кiшка* (< кошъка) и т.д. В то же время тот [o], который произошел из [ɔ̂], в перестроенном слоге в нормальных случаях не дает рефлексов закрытого [ɔ̂] (а все кажущиеся отклонения могут быть объяснены). Ср. укр. литерат. *ложка* < лъжька, *сон* < сьнь и т.д. Значит, украинский язык показывает, что в древнем юго-западнорусском диалекте сначала образовалось [ɔ̂] и лишь потом проявились сильные редуцированные. В противном случае [ɔ̂] в перестроенных слогах через стадию [o] давал бы [ɔ̂] с дальнейшей описанной выше регулярной рефлексацией его в украинском литературном языке и говорах, а этого нет.

Таким образом, образование [ɔ̂] обоих типов – украинского и великорусского – произошло до прояснения сильных редуцированных, то есть появления [ɔ̂] в неодинаковых фонетических условиях: в перестроенном

слоге на юго-западе и под автономным ударением на остальных древнерусских территориях – это весьма архаичное диалектное различие, противопоставившее юго-западнорусскую часть древнего восточнославянского диалектного континуума центральной и северной его части.

Литература / References

1. Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. С. 191–343.
2. Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. 848 с.
3. Стадникова Е.В. Материалы к изучению двух фонем «типа о» в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 135–174.
4. Шевельов Ю. Исторична фонологія української мови. Переклад з англійської. Харків: Акта, 2002. 1054 с.

Использование интернет-портала «Азбука чешских реалий» при обучении чешскому языку иностранцев

I. Hasil

VYUŽITÍ INTERNETOVÉHO PORTÁLU ABECEDA ČESKÝCH REÁLÍÍ VE VÝUCE ČEŠTINY PRO CIZINCE

Jiří Hasil

THE USE OF THE INTERNET PORTAL *ABECEDA ČESKÝCH REÁLÍÍ* (THE ALPHABET OF CZECH CULTURAL STUDIES) IN THE TEACHING OF CZECH FOR FOREIGNERS

Jiri Hasil

ABSTRACT:

An integral part of any teaching of a foreign language are the so-called cultural studies (although their definition and delimitation are considerably difficult and not yet satisfactorily solved). Fully this is true even for the teaching of Czech for foreigners. In addition to textbooks and other teaching printed and electronic aids, it will be possible in the near future to use a web portal called *Abeceda českých reálií* (the Alphabet of Czech cultural studies), which is being created in Prague at the Faculty of Arts, Charles University with the support of the grant programme of the Ministry of Culture of the Czech Republic NAKI II. The portal, including its applications for mobile phones in Czech, Russian and English will familiarize the user with the key points of Czech history and culture (node points being: Czech history, architecture, music, literature, visual arts, film, traditions, folklore, natural and technical monuments, tourist attractions...). The teacher of the Czech language for foreigners will be able to use the portal directly

in class and in various stages of teaching while developing and improving all four language skills.

Keywords: cultural studies; Czech language; Czech culture; Czech history; Czech for foreigners; learning; language skills

АННОТАЦИЯ:

Неотъемлемой составной частью преподавания любого иностранного языка являются т. н. реалии (хотя определить это понятие весьма непросто, и удовлетворительное решение этой проблемы еще не было найдено). Сказанное в полной мере относится также к преподаванию чешского языка иностранцам. Кроме учебников и других учебных пособий, бумажных и электронных, в ближайшем будущем появится возможность использовать интернет-портал «Азбука чешских реалий», создаваемый на философском факультете Карлова университета в Праге при финансовой поддержке Министерства культуры ЧР (грант NAKI II). Портал, включая приложения для мобильных телефонов на чешском, русском и английском языках, будет знакомить пользователей с ключевыми моментами чешской истории и культуры (основные этапы чешской истории, архитектура, музыка, литература, изобразительное искусство, кино, традиции, фольклор, природные и технические достопримечательности, интересные туристические объекты...). Преподающий чешский язык иностранцам сможет использовать этот портал непосредственно в ходе занятий, причем на разных этапах обучения, для развития и закрепления всех четырех языковых компетенций.

Ключевые слова: реалии; чешский язык; чешская культура; чешская история; чешский язык для иностранцев; обучение; языковые компетенции

Základním cílem výuky cizím jazykům je naučit studenty komunikovat v cizím jazyce. Pro úspěšnost komunikační situace je nesmírně důležitý i kontext, tj. vnější a vnitřní podmínky komunikace, jinými slovy sociokulturní prostředí (kontext), v němž ke komunikaci dochází. Dnes již velmi dobře víme, že ovládnutí cizího jazyka s sebou nese i nutnost orientovat se rovněž v prostředí, v němž se tímto cizím jazykem komunikuje. V této souvislosti se především v pracích starších mluví o reáliích nebo lingvoreáliích, v pracích novějších, reflektujících jazykovou politiku Rady Evropy a vycházejících ze Společného evropského referenčního rámce pro jazyky, také o sociokulturní kompetenci mluvčího. Sociokulturní kompetenci tak můžeme definovat jako schopnost jedince studujícího cizí jazyk či v tomto jazyce komunikujícího pohybovat se v cizím sociokulturním prostředí.

Nedílnou součástí každé výuky cizího jazyka proto představují ony reálie, které František Čermák obecně definoval jako „úhrn věcných znalostí a informací o společnosti, jejím životě a zvycích, prostředí, historickém pozadí, institucích apod., které jsou relevantní při studiu cizího jazyka“ [Čermák 1997: 376]. Podrobněji se pokusil reálie pro češtinu definovat a klasifikovat na základě strukturního přístupu autor těchto tezí [Hasil 2011: 24–38], nejnověji potom Kateřina Romaševská a Josip Lah, a to na základě „jejich společenské role a komunikačního záměru“ [Romaševská – Lah 2017: 36].

Dané problematice se dostalo podrobného rozpracování ve slovenské lingvodidaktice zaměřené na slovenštinu jako cizí jazyk především zásluhou Jany Pekarovičové a Juraje Dolníka. Pekarovičová v souladu s názory Olgy Orgoňové a Juraje Dolníka operuje s termínem kulturém. Tímto termínem označuje „vzory, modely, normy anebo standardy vnímání, myšlení, hodnocení a chování“ [Sedláková a kol. 2015: 36]. „Vznik, forma a charakter kulturémů, stejně jako jejich uplatnění v národních společenstvích se řídí zvláštními zákonitostmi. Určité projevy chování přijatelné v jedné kultuře nemusí být vždy stejně hodnoceny z pozice nositelů jiné kultury. Tato skutečnost výrazným způsobem ovlivňuje interkulturní ráz vzdělávání cizinců, které je třeba vést k odhalování, registrování a uvědomování si kulturních odlišností a vhodnou formou odkrývat především výrazné mezikulturní rozdíly“ [Sedláková a kol. 2015: 36–37]. Pekarovičová dále kulturémy člení s odkazem na Dolníka na „artefakty, kam patří předměty materiální kultury, mentafakty, které zahrnují mentální chování projevující se specifickými rituály a stereotypy, a sociofakty vyjadřující sociální vztahy, jejich vzájemné uspořádání a strukturu“ [Sedláková a kol. 2015: 37].

Vztahem reálií a sociokulturní kompetence se zabýval též autor těchto tezí [Hasil 2008; Hasil 2011: 38–41].

V minulosti bylo napsáno několik učebnic českých reálií, všechny ale zákonitě rychle zastarávají, neboť reálie se mění v souladu se společenskými změnami. Poznatky o reáliích obsahují všechny učebnice češtiny pro cizince, ale i jejich pasáže o reáliích ztrácejí svou aktuálnost.

Tento nedostatek učitelům i studentům češtiny jako cizího jazyka může v blízké budoucnosti pomoci překonat i internetový portál nazvaný Abeceda českých reálií, který vzniká na pražské Filozofické fakultě Univerzity Karlovy, a to na základě grantového programu na podporu aplikovaného výzkumu a vývoje národní a kulturní identity na léta 2016 až 2022, jež vyhlásilo Ministerstva kultury ČR, tj. NAKI II (číslo projektu DG16P02B018). Program byl schválen usnesením vlády č. 11 ze dne 2. ledna 2014.¹ Projekt zpracovává kolektiv autorů vedený Kateřinou Romaševskou a tvoří ho zkušení pracovníci katedry jihoslovanských a balkanistických studií (Hana Gladkova) a Ústavu bohemistických studií (Jiří Hasil, Vlastimila Mikátová) a dále mladí studenti a doktorandi (především bohemisté, historici a kulturologové) Filozofické fakulty UK z Běloruska, Česka, Chorvatska, Ruska a Ukrajiny.² Portál Abeceda českých reálií včetně jeho mobilní aplikace v češtině, v češtině

¹ Blíže viz [www stránky Ministerstva kultury ČR: https://www.mkcr.cz/program-na-podporu-aplikovaneho-vyzkumu-a-vyvoje-narodni-a-kulturni-identity-na-leta-2016-az-2022-naki-ii-857.html](https://www.mkcr.cz/program-na-podporu-aplikovaneho-vyzkumu-a-vyvoje-narodni-a-kulturni-identity-na-leta-2016-az-2022-naki-ii-857.html)

² Blíže viz [www stránky katedry jihoslovanských a balkanistických studií FF UK: https://kjbs.ff.cuni.cz/cs/ustavkatedra/vyucujici/externiste-a-naki/](https://kjbs.ff.cuni.cz/cs/ustavkatedra/vyucujici/externiste-a-naki/)

zjednodušené pro cizince, ruštině a angličtině³ bude seznamovat uživatele s klíčovými body české historie a kultury (česká historie, náboženství, geografie, věda a technika, kultura, společnost, tradice, sport, architektura, sídla, kulturní a technické památky, památná místa, hřbitovy, rozhledny, hudba, literatura, divadlo, film, výtvarné umění, fotografie, fauna, flóra, objevy a vynálezy, zvyky a tradice, životní styl, mýty a legendy, svátky, kuchyně, mravy, identita, politika, hospodářství, osobnosti, praktické informace).

Každé heslo bude obsahovat relevantní informace, fotografie, případně i zvukový záznam a souřadnice GPS a také stručnou verzi, již bude možné stáhnout do mobilního telefonu. Uživatel portálu si zvolí buď plný, někdy jazykově poměrně náročný, český text, nebo text adaptovaný pro cizince, kteří zatím vládnou češtinou v omezené míře. K dispozici budou mít též ruský a anglický překlad plného textu. Text každého hesla bude i namluven, aby si uživatel mohl text nejen přečíst, ale i poslechnout. To jistě přispěje k tomu, že portál bude sloužit uživatelům českým i cizincům. Abeceda českých reálií bude moderním způsobem propagovat českou kulturu, historii i současnost doma i v zahraničí a nepochybně přispěje k utužení pout českých krajanů s jejich původní vlastí a k prohloubení znalostí o České republice a o české kultuře rodilých mluvčích, bude též sloužit i studentům češtiny pro cizince.

Učitel češtiny pro cizince bude moci portálu využívat přímo ve výuce, a to v různých fázích výuky při rozvíjení a zdokonalování všech čtyř jazykových dovedností a i dovedností dalších, např. překládání. S portálem budou moci studenti pracovat i mimo výuku.

Primárně portál studentům umožní seznámit se i s méně známými fakty z oblasti českých reálií a rozšíří tak jejich znalosti v této oblasti, což nepochybně přispěje ke zvýšení úrovně jejich sociokulturní kompetence.

Sekundárně mohou studenti pod vedením učitele i samostatně prohlubovat svoje schopnosti poslechu s porozuměním jednoduchému adaptovanému i složitějšímu autentickému českému textu. Svou úroveň schopnosti poslechu mohou následně posoudit podle čtení příslušných textů. Portál též může sloužit jako zdroj českých textů v jednotlivých heslech pro čtení s porozuměním. Studenti budou moci v portálu vyhledávat různé informace a vyhodnocovat je. Na jejich základě pak mohou produkovat různé texty a nacvičovat tak psaní v češtině. Mohou i o jednotlivých heslech diskutovat, hodnotit je apod. Na základě poznatků získaných v portálu mohou kupříkladu i sestavovat itineráře pro reálné i virtuální putování po České republice atd. Osobní hesla mohou sloužit jako vzor pro tvorbu různých medailonků významných českých osobností i pro psaní životopisů atd. Například vložené fotografie u jednotlivých hesel mohou vybízet studenty k jejich popisu.

³ V závislosti na finančních možnostech se uvažuje například i o mutaci německé a vietnamské.

Věřme, že zkušený učitel přijde s mnoha dalšími neotřelými nápady, jak s portálem Abeceda českých reálií při výuce češtiny pro cizince pracovat a jak své studenty motivovat ke studiu češtiny a české kultury.⁴

Литература / References

1. Čermák F. Jazyk a jazykověda. Praha: Pražská imaginace, 1997.
2. Hasil J. Sociokulturní kompetence, nebo reálie? // Sociokulturní složka výuky cizího jazyka a SERR / Pod red. M. Hádkové a G. Balowské. Ústí nad Labem, Ratiboř: Univerzita Jana Evangelisty Purkyně a Státní vysoká škola v Ratiboři, 2008. S. 127–137.
3. Hasil J. Interkulturní aspekty mezikulturní komunikace. Ústí nad Labem: Univerzita Jana Evangelisty Purkyně, 2011.
4. Romaševská K. – Lah J. Příspěvek ke kritické analýze reálií // Studie z aplikované lingvistiky, 2017. Zvláštní číslo. S. 34–47.
5. Sedláková M. a kol. Praktická didaktika slovenčiny ako cudzieho jazyka pre študentov slovakistiky. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika, 2015.
6. Společný evropský referenční rámec pro jazyky. Olomouc: Univerzita Palackého, 2002. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.mkcr.cz/program-na-podporu-aplikovaneho-vyzkumu-a-vyvoje-narodni-a-kulturni-identity-na-leta-2016-az-2022-naki-ii-857.html>. Дата последнего обращения 20.07.2018.
7. [Электронный ресурс.] URL: <https://kjbs.ff.cuni.cz/cs/ustavkatedra/vyucujici/externiste-a-naki/> (Дата последнего обращения 18.07.2018).

Склоняемые причастия в новой Большой академической грамматике чешского литературного языка

M. Giger

SKLONNÁ PŘÍČESTÍ V NOVÉ VELKÉ AKADEMICKÉ GRAMATICE SPISOVNÉ
ČEŠTINY

Markus Giger

DECLINABLE PARTICIPLES IN THE NEW COMPREHENSIVE ACADEMIC GRAMMAR
OF STANDARD CZECH

Markus Giger

ABSTRACT:

The notion of the participle as used traditionally in Czech bohemistics is different from the notion in other Slavic philological traditions, even such close as Slovak. “Participles” are traditionally called only two forms in Czech, the deverbal derivation with *l*-suffix used in past and conditional such as *řekl* in *řekl jsem* and *řekl bych*, and the past passive participle in its short form (eg. *udělán*, *podporován*). All deverbal derivations

⁴ Text tohoto referátu vznikl za podpory grantu MK ČR NAKI II Abeceda českých reálií, č. DG16P02B018.

with (long) adjectival endings such as *dělající, udělavší, příšlý, udělaný* are usually called “adjectives”, eventually “adjectivized adverbial participles” [cf. eg. Mluvnice češtiny 1986: 321-326; Příruční mluvnice češtiny 1997: 172-173; Mluvnice současné češtiny 2010: 99; Akademická gramatika spisovné češtiny 2013: 84, 207-208, 378]. The same holds for the first volume of the new “Comprehensive academic grammar of Standard Czech” [2018: 836-855]. The question is not only one of terminology, Czech bohemistics traditionally did not engage very intensively in investigating the syntactic functions of the derivations mentioned, because they are not considered to be paradigmatic verbal forms forming a predication nucleus of their own (though not independent). The problem is not new and has been discussed most often by Czech linguists involved with other languages than Czech [cf. eg. Damborský 1967] and foreign bohemists [cf. eg. Izotov 1993]. It seemed therefore desirable to present in the third volume of the “Comprehensive academic grammar of Standard Czech” devoted to syntax an alternative view which will analyze the forms mentioned above as parts of the verbal paradigm and (potential) predication node. Such a view will necessarily include a reference to theories of adjectivization of participles in other languages, as the difference between participle and adjective will be more a semantic and functional one than a mere formal one [cf. Kalakuckaja 1971 on Russian participles, Sejáková 1995 on Slovak passive participles]. The analysis will be provided on the basis of the Czech National Corpus.

Keywords: participle; Czech; academic grammar; notion

АННОТАЦИЯ:

Понятие причастия как оно традиционно употребляется в чешской богемистике отличается от понятия в других славянских филологических традициях, даже таких близких, как словацкая. «Причастиями» традиционно называются только две формы в чешском языке: отглагольная деривация с суффиксом *-l*, употребляемая исключительно при образовании прош. вр. и усл. накл. как *řekl* в формах *řekl jsem* и *řekl bych*, и стр. причастие прош. вр. с краткой формой (напр. *udělán, podporován*). Все отглагольные деривации с полными формами как *dělající, udělavší, příšlý, udělaný* обычно называются «прилагательными» или «адъективированными деепричастиями» [ср. на пр. Mluvnice češtiny 1986: 321-326; Příruční mluvnice češtiny 1997: 172-173; Mluvnice současné češtiny 2010: 99; Akademická gramatika spisovné češtiny 2013: 84, 207-208, 378]. Так же выглядит ситуация в первом томе новой «Большой академической грамматики чешского литературного языка» [2018: 836-855]. Вопрос не только в терминологии, чешская богемистика традиционно не занималась интенсивно исследованием синтаксических функций полных причастий, не считая их парадигматическими глагольными формами, образующими собственное (хотя и зависимое) ядро предикации. Эта проблема не нова и не раз затрагивалась в работах чешских лингвистов занимающихся, кроме чешского, и другими языками [ср. напр. Damborský 1967], или в работах зарубежных богемистов [ср. напр. Изотов 1993]. Поэтому представляется желательным привести в третьем томе «Большой академической грамматики чешского литературного языка», посвященном синтаксису, альтернативный подход, в рамках которого полные причастия будут анализироваться как части глагольной парадигмы и (потенциальные) предикативные узлы. Такой подход дол-

жен опираться на теории адъективации причастий в других языках [ср. Калакуцкая 1971 о русских причастиях, Sejáková 1995 о словацких страдательных причастиях], так как различие между причастием и прилагательным не будет считаться чисто формальным в соответствии с их разделением на краткие и полные, а будет определяться по семантическим и функциональным параметрам. При анализе будут использованы данные Чешского национального корпуса.

Ключевые слова: причастие; чешский язык; академическая грамматика; понятие

Pojem «příčestí» se tradičně v české bohemistice liší od odpovídajícího pojmu v jiných slovanských filologických tradicích, a to i tak blízkých, jak je slovenská. Jako „příčestí“ se tradičně v české bohemistice uvádí pouze *l-ový* tvar použitý v minulém čase a v kondicionálu jako *řekl v řekl jsem* a *řekl bych*, a jmenné tvary příčestí minulého trpného jako *udělán, podporován*. Všechny ostatní deverbální derivate se složenými koncovkami odpovídajícími adjektivům jako *dělající, udělavší, příšlý, udělaný* se nazývají obyčejně adjektiva, popř. „zpřídavnělá příčestí“ nebo „zpřídavnělé přechodníky“ [srov. např. Mluvnice češtiny 1986: 321-326; Příruční mluvnice češtiny 1997: 172-173; Mluvnice současné češtiny 2010: 99; Akademická gramatika spisovné češtiny 2013: 84, 207-208, 378]. Stejně postupují i autoři prvního svazku „Velké akademické gramatiky spisovné češtiny“ [2018: 836-855]. Nejde pouze o otázku terminologie, česká bohemistika se tradičně nezabývá intenzivně syntaktickými funkcemi příčestí se složenými koncovkami, protože je nepovažuje za paradigmatické slovesné tvary, které tvoří vlastní (i když závislé) predikační jádro. Problém není nijak nový, byl často diskutován zejm. v pracích českých lingvistů, kteří se zabývají (i) jinými jazyky, než je čeština [srov. např. Damborský 1967], a v pracích zahraničních bohemistů [srov. např. Izotov 1993]. Z těchto důvodů se zdálo žádoucí prezentovat ve třetím svazku „Velké akademické gramatiky spisovné češtiny“ věnovaném syntaxi i alternativní pohled, v jehož rámci se uvedené tvary se složenými koncovkami budou analyzovat jako části slovesného paradigmatu a (potenciální) predikační uzly. Takový pohled si nutně vyžaduje i odkaz na teorie adjektivace příčestí v jiných jazycích [srov. Kalakuckaja 1971 o ruských příčestích, Sejáková 1995 o slovenských trpných příčestích], protože hranice mezi příčestím a adjektivem se už neurčuje pouze na základě formální vlastnosti (jmenných, resp. složených tvarů), nýbrž na základě sémantických a funkčních parametrů. Analýza bude prováděna na základě Českého národního korpusu.

Литература / References

1. *Изотов А.И.* Чешские атрибутивные причастия на фоне русских / Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет, 1993. 99 с.
2. *Калакуцкая Л.П.* Адъективация причастий в современном русском литературном языке / Под ред. А. А. Реформатского. Москва: Наука, 1971. 227 с.

3. Akademická gramatika spisovné češtiny / Pod red. F. Štíchy et al. Praha: Academia, 2013. 974 s.
4. *Damborský J.* Participium *l*-ové ve slovanštině / Warszawa: Państwowe wyd. naukowe, 1967. 171 s.
5. Mluvnice češtiny I. Fonetika, fonologie, morfolonologie a morfemika, tvoření slov / Pod red. M. Dokulila et al. Praha: Academia, 1986. 568 s.
6. Mluvnice současné češtiny I. Jak se píše a jak se mluví / Pod red. V. Cvrčka et al. Praha: Karolinum, 2010. 353 s.
7. Příruční mluvnice češtiny / Pod red. P. Karlíka et al. Praha: Lidové noviny, 1997. 799 s.
8. *Sejáková J.* Adjektivizácia *n*-/*t*-ových příčastí v súčasnej slovenčine. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, 1995. 248 s.
9. Velká akademická gramatika spisovné češtiny I. Morfologie: druhy slov, tvoření slov. 2 svazky / Pod red. F. Štíchy et al. Praha: Academia, 2018. 1148 s.

Отражение языковой ситуации Великого княжества Литовского в избранных текстах первой половины XVI века

A.M. Gilewska

REFLECTION OF THE LANGUAGE SITUATION OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SELECTED TEXTS OF THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY

Anna M. Gilewska

ABSTRACT:

In this article, an attempt is made to present the language situation of the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the 16th century, using the example of letters from Grand Duke's Office. We analyze these texts in three aspects: vocabulary, writing and syntax, with the aim of showing the mutual overlapping of Old Russian, Polish, German and Latin languages, with great influence of Ukrainian and Belarusian dialects in the analyzed texts.

Keywords: letters; Grand Duchy of Lithuania; “prosta mova”; vocabulary; writing; syntax.

АННОТАЦИЯ:

В настоящей статье делается попытка представления языковой ситуации Великого княжества Литовского первой половины XVI в. на примере грамот из великокняжеской канцелярии. Проводится разбор данных текстов на трех уровнях: лексики, графики и синтаксиса, с целью показать взаимодействие древнерусского, польского, немецкого и латинского языков, а также уделить влияние украинских и белорусских диалектов в анализируемых текстах.

Ключевые слова: грамоты; Великое княжество Литовское; «проста мова»; лексика; графика; синтаксис

В настоящей статье на основе анализа избранных текстов описывается языковая ситуация, существовавшая в Великом княжестве Литов-

ском в первой половине XVI века. Материалом для исследований послужили: *Грамота в. кн. Александра Василью Богдановичу Хребтовича на дворъ Горюховъ съ приселками и съ мытомъ въ Озерцахъ , въ Перемильско-пов. (Въ Трокахъ, 31 марта 1501 года), Привилей кор. Александра мѣстечку Высокому въ Дорогицкомъ повѣтъ на право магдебургское (Въ Вильнѣ, 4 января 1503 года), Листъ кор. Сигизмунда I бояр. витебскому Юхну Болгариновичу на разныя земли, купленныя имъ у разныхъ лицъ въ Витебскомъ повѣтъ (Въ Берестыи, 23 іюля 1511 года) и Листъ кор. Сигизмунда I мѣщанамъ мѣста Высокаго, войту, бурмистрамъ, и радцамъ о приданіи имъ вина горѣлого и ваги на ратушу и о позволеніи имѣть писаря мѣстскаго (Въ Краковѣ, 13 іюня 1523 года). Настоящие документы, как и многие им подобные, изданы в сборнике М. Довнар-Запольского *Акты литовско-русскаго государства* [Довнар-Запольский 1899: 95, 101–103, 150, 190–191].*

В докладе проводится разбор данных текстов на трех уровнях: лексики, графики и синтаксиса. Рассматриваются также устойчивые элементы жанра грамоты, такие как зачин и концовка, с целью их сравнения. Анализ показывает, что великокняжеские грамоты создавались разным способом.

Разбор лексики, графики и синтаксиса указывает на своеобразный «симбиоз» древнерусского, польского, немецкого и латинского языков, также на заметное влияние украинских и белорусских диалектов в настоящих текстах. Такое явление было свойственно текстам, создававшимся в великокняжеской канцелярии в XIV–XVI вв. В настоящее время этот своеобразный язык принято называть «простой мовой» (или западнорусским).

Для анализа языковой ситуации мы выбрали именно грамоты, поскольку в них отражены черты живой речи того времени, в котором они создавались.

Тексты западнорусских грамот представляют ценный материал для исторических исследований всех восточнославянских языков, потому что их язык «лучше других памятников отражает диалектное членение восточнославянской языковой территории, перерастающее, особенно в XIII–XIV вв., в формирование и консолидацию большинства характерных черт трёх восточнославянских языков» [Золтан 2014: 26]. Грамоты ВКЛ были предметом анализа таких исследователей как А.И. Соболевский (1886), Е.Ф. Карский (1955–56), В. Курашкевич (1934), Х.С. Станг (1935).

Кроме того, тексты многих грамот сохранились в подлиннике и содержат точную информацию о том, где и когда они были созданы. В значительной мере для них характерно содержание, касающееся светской

жизни, особенно ее экономической, политической и общественной сторон. Таким образом, грамоты больше, чем другие памятники письменности свободны от церковной традиции и отражают живую речь высших слоев общества, связанных с княжеской канцелярией. Благодаря хронологии и локализации грамот, возможна систематизация некоторых представленных в них языковых явлений [Kuraszkiewicz 1955: 1].

Литература / References

1. Булыка А.М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. 380 с.
2. Булыка А.М. Лексичныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 256 с.
3. Довнаръ-Запольскій М. Акты Литовско-Русскаго государства. Москва: Университетская типография, 1899. 259 с.
4. Золтан А. Inter Slavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. Москва: Индрик, 2014. 224 с.
5. Kuraszkiewicz W. Ruthenica. Studia z historycznej i współczesnej dialektologii wschodniosłowiańskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1955. 313 с.

Фразеологизмы и устойчивые метафоры в сочинении Симы Лукина-Лазича «Кратка повјесница Срба: од постања српства до данас» (1894 г.)

И.В. Гучкова

IDIOMS AND SUSTAINED METAPHORS IN THE WORK BY SIMA LUKIN-LAZIĆ
„KRATKA POVJESNICA SRBA: OD POSTANJA SRPSTVA DO DANAS“ (1894.).

Irina V. Guchkova

ABSTRACT:

The article deals with the idioms and sustained metaphors in the work by Sima Lukin-Lazić „Kratka povjesnica Srba: od postanja Srpstva do danas“ (*The short history of the Serbs: from the beginnings of the Serbian nation to the present day*). This rather small paper (176 pages), which was first published in Zagreb in 1894, embraces a large historical period: from the supposed time of the arrival of the name “Serb” up to the 1889, when the king Alexander I Obrenović ascended the Serbian throne.

Sima Lukin-Lazić was a Serbian journalist and writer. He worked in Belgrade and Zagreb, where he published a lot of articles. His main work was the historical paper «The Serbs in the past» («Srbi u davini», Zagreb 1894), which was preceded by «The short history of the Serbs...» targeted at the ordinary Serbian audience. Hence its simple yet colorful language, full of metaphors and vivid images with the main goal to spark im-

agination, arouse patriotic pride and love for the Serbian people and history. An important function in the lexical structure of the “History...” have the set phrases, among which there are several groups:

1. Phraseological units which also exist in the other European languages: *zlatno doba, od kolijevke do groba, slaba ruka, desna ruka, zateći se/zapasti među dvije vatre*.
2. Biblical expressions: *nestati sa lica zemlje, iščeznuti kao pljeva na vjetru, primati krst i jevanđelje, (prljavo) blago zemaljsko*.
3. Serbian phraseological units tracing its origin to the national history: *Kosovo* (“a great defeat”), *pokajat' Lazu na Kosovu, Ko neće brata za brata, hoće tuđina za gospodara, Ko se ne osveti — taj se ne posveti, Za krst časni i slobodu zlatnu*.

Keywords: Sima Lukin-Lazic; XIX century; history of the Serbs; phraseology; proverbs; standard language based on vernacular

АННОТАЦИЈА:

В статье рассматриваются фразеологизмы и устойчивые метафоры в сочинении Симы Лукина-Лазича «Кратка повјесница Срба: од постања српства до данас» (*Краткая история сербов: от возникновения сербского народа до нынешнего дня*). Это небольшое сочинение (176 страниц), впервые вышедшее из печати в 1894 г. в Загребе, охватывает огромный исторический пласт: от предположительного времени появления наименования «серб» до 1889 г., когда на сербский престол вступил король Александр I Обренович.

Сима Лукин-Лазич — сербский журналист и литератор, работавший в Белграде и Загребе. Его главным произведением стало историческое сочинение «Сербы в древности» («Срби у давнини», Загреб 1894), которому предшествовала «Краткая история сербов...», ориентированная на рядового сербского читателя, что выражается в ее простом, но красочном языке, обилии метафор и ярких образов, призванных пробудить воображение, возбудить в читателе патриотическую гордость и любовь к сербскому народу, сербской истории. Важное место в лексической структуре этого сочинения занимают устойчивые выражения, среди которых выделяются следующие группы:

1. Фразеологизмы, представленные, помимо сербского, и в других европейских языках: *златно доба, од колијевке до гроба, слаба рука, десна рука, затећи се/запасту међу двије ватре*.
2. Библиеизмы: *нестати са лица земље, ишчезнути као пљева на вјетру, примати крст и јеванђеље, (прљаво) благо земаљско*.
3. Сербские фразеологизмы, восходящие к национальной истории, многие из которых присутствуют в сербском эпосе: *Косово* (в значении крупного поражения), *покајат' Лазу на Косову, Ко neće брата за брата, хоће туђина за господара, Ко се не освети — тај се не посвети, За крст часни и слободу златну*.

Ключевые слова: Сима Лукин-Лазич; XIX век; история сербского народа; фразеологизмы; пословицы; литературный язык на народной основе

Небольшое (176 страниц) сочинение Симы Лукина-Лазича «*Кратка повјесница Срба: од постања српства до данас*», впервые вышедшее из печати в 1894 г. в Загребе, охватывает огромный исторический пласт: от предположительного времени появления наименования «серб» (по

мысли автора, это произошло «в незапамятные времена, за много столетий до Рождества Христова») до 1889 г., когда на сербский престол вступил король Александр I Обренович V, миропомазанный на царство в монастыре Жича 500 лет спустя после Косовского боя.

Сима Лукин-Лазич — сербский журналист и литератор, живший в Белграде и Загребе, где он много печатался и был сотрудником и редактором большого количества журналов и газет. Вместе со своим соратником и однокашником, литератором и историком Милошем Милоевичем, также подвизавшемся на ниве сербского просвещения, М. Лазич — один из первых сербских «индоевропейцев», стремившийся, в духе романтического увлечения национальной историей, отыскать корни сербов, определить их историческое место среди других европейских народов.

Его главным произведением стало историческое сочинение «Сербы в древности» («Срби у давнини», Загреб 1894), которому предшествовала рассматриваемая в докладе «Краткая история сербов». Эта книга, язык которой до сих пор не подвергался филологическому анализу, была ориентирована на рядового сербского читателя, что выражается в ее простом, но красочном языке, обилии метафор и ярких образов, призванных пробудить воображение, возбудить в читателе патристическую гордость и любовь к сербскому народу, сербской истории.

Книга проникнута полемическим пафосом: М. Лазич жил в Загребе, где сильны были позиции «франковцев», сторонников союза Хорватии и Австро-Венгрии, выступавших против идей «югославянства». В основе «Краткой истории...» лежит идея «особости» сербского народа и его исторического единства с другими «ветвями» от единого южнославянского «древа». По мысли М. Лазича, сербы и черногорцы, хорваты и бошняки — народ, делящий единую историю («*Српство трију вјера од шест мустара*»), несмотря на то, что с течением времени части некогда единого народа, будучи разделены территориально, продолжили самостоятельное развитие в рамках новых государственных образований. Лазич приветствует инициативу Людевита Гаю по культурному единению южных славян, однако критически отзываясь об идеях иллиризма, считая наименование «иллирийцы» «мертвым», искусственным.

Важное место в лексической структуре «Краткой истории» занимают устойчивые выражения, среди которых выделяются следующие группы:

1. Фразеологизмы, представленные, помимо сербского, и в других славянских и неславянских европейских языках: *златно доба, од колијевке до гроба, слаба рука, десна рука, затећи се/запасти међу двије ватре*.

2. Библизмы (устойчивые сочетания, восходящие к Библии): *не-стати са лица земље, ишчезнути као пљева на вјетру, примати крст и јеванђеље, (прљаво) благо земаљско*.

3. Сербские фразеологизмы, связанные с национальной историей, многие из которых присутствуют в сербском эпосе и потому находили отклик в сердце каждого серба того времени (даже «потурченцы») («сербы-магометане»), как называет их Сима Лазич) в «Краткой истории...» идут в бой, распевая песни о косовских героях): *Косово* (в значении крупного поражения), *покајам' Лазу на Косову, Ко неће брата за брата, хоће туђина за господара, Ко се не освети — тај се не посвети, За крст часни и слободу златну.*

Литература / References

1. Лазич Сима Лукин. Двије оскоруше / Предговор Драгољуб Антић. Београд: Пешић и синови, 1997. 87 с.
2. Лазич Сима Лукин. Кратка повјесница Срба: од постања Српства до данас. Београд: Слободна књига и „Никола Пашић“, 2000. 179 с.
3. Милутиновић Коста. Сима Лукин Лазич и Станоје Станојевић // Зборник МС за историју, 1981. № 23. С. 205–210
4. Milutinović Kosta. Studije iz srpske i hrvatske istoriografije 1909–1998. Novi Sad: Matica srpska: Institut za istoriju Filozofskog fakulteta, 1986. 259 с.

О различных видах греческого влияния на номинационные процессы в старославянском языке

В.С. Ефимова

MULTIPLE SORTS OF GREEK INFLUENCE AT THE NOMINATING PROCESSES
IN THE OLD CHURCH SLAVONIC LANGUAGE

Valeriya S. Efimova

ABSTRACT:

In the process of formation of the Old Church Slavonic language, the Greek language occupied a very unique position. Its influence in the field of nomination was expressed in the direct inclusion of Greek lexemes in the Old Church Slavonic lexical inventory, in the use of Greek morphemes in word-formation procedures, that was resulting in the creation of hybrid lexemes, and in the impact of Greek samples on the semantic and morphological structures of the new lexemes created by Slavic bookmen. At the same time, the Greek influence was limited by the Old Church Slavonic word-formation mechanism and the general nomination strategy of Slavic bookmen.

Keywords: Old Church Slavonic; Greek influence; lexical inventory

АННОТАЦИЯ:

В процессе становления старославянского языка греческий язык занимал совершенно уникальное положение. В сфере номинации его влияние выражалось как в непосредственном включении в старославянский лексический инвентарь грече-

ских лексем и использовании греческих морфем в словообразовательных процедурах, в результате чего создавались гибридные образования, так и в воздействии греческих образцов на семантическую и морфологическую структуры новой лексики, создаваемой славянскими книжниками. Вместе с тем греческое влияние ограничивалось старославянским словообразовательным механизмом и общей номинационной стратегией славянских книжников.

Ключевые слова: старославянский язык; греческое влияние; лексический инвентарь

Греческий язык в формировании старославянского (далее ст.-слав.) языка, литературного языка средневекового типа, занимал совершенно уникальное положение. В докладе будут рассмотрены виды влияния греческого языка на процессы номинации.

Для ст.-слав. лексикона характерно наличие в нем грецизмов и калек. Вхождение в него лексических грецизмов с сохранением греческих фонем, что находит отражение в рукописях в написаниях с буквами «Ѡ» и «ѡ» [Верещагин 1967: 52–58], объясняется билингвизмом свв. Кирилла и Мефодия. Однако неустойчивость таких написаний свидетельствует о постепенной фонетической и морфологической адаптации.

Грецизмы включались в словообразовательные процедуры, соединяясь с исконными славянскими аффиксами и создавая тем самым гибридные образования, характерные для ситуаций билингвизма. Особенно интересны гибриды, образованные в процессе «текст → текст» непосредственно от греческих слов исходного текста как от производящих основ. Для таких гибридных образований не находится мотивирующих слов в складывавшемся ст.-слав. лексиконе на соответствующем этапе его развития, мотивирующее слово принадлежит лексикону византийского греческого языка.

Пример гибридного образования **богостигъ** (θεοστύγις) среди ст.-слав. калек В.И. Ягич привел еще в конце XIX в. [Jagić 1898: 552]. Однако гибриды среди калек единичны. Влияние греческого языка при калькировании состояло в воздействии греческих образцов на семантическую и морфологическую структуры кальки.

В случае семантического калькирования влияние греческого образца ограничено воздействием только на семантическую структуру уже существовавшего, «готового» славянского слова, новой лексической единицы при этом не создавалось. Новые лексические единицы создавались при поморфемном калькировании. К установлению факта поморфемного калькирования нельзя подходить формально: многие суффиксальные однокорневые дериваты, зачисленные ранее палеославистами в поморфемные кальки, в действительности кальками не являются [Ефимова 2015: 57–59]. В композитах соположение двух знаменательных корней в

большинстве случаев указывает на воздействие греческих образцов. Вместе с тем и здесь греческое влияние ограничивалось ст.-слав. словообразовательным механизмом с его собственными средствами.

Соответствие ст.-слав. слов с префиксами **не-** или **без-** греческим с префиксом $\acute{\alpha}$ -, а также ст.-слав. слов с префиксом **съ-** греческим с префиксом $\sigma\upsilon\upsilon$ - было отмечено еще В.И. Ягичем [Jagić 1898: 537, 548]. Здесь следует, видимо, говорить о разработке книжниками славянских словообразовательных моделей: префиксации префиксом **съ-** или, реже, **оу-** со значением ‘совместности’ ($\sigma\upsilon\beta\tau\alpha\tau\acute{\iota}\omega\tau\eta\varsigma \sim$ **съвоинь** и под.), образования причастий с префиксом **не-** для перевода греческих прилагательных с префиксом $\acute{\alpha}$ - и основой глагольного происхождения ($\acute{\alpha}\nu\iota\tau\omicron\varsigma \sim$ **неоумвень** и под.).

Несколькословные наименования в своем большинстве также создавались под воздействием греческих образцов: часть их образована путем полного перевода греческих наименований, часть – путем особого рода поморфемного калькирования, когда компоненты композита передаются целыми словами. Однако их образование подчинялось общей номинационной стратегии славянских книжников, которая менялась по мере становления и развития ст.-слав. языка.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Верещагин Е. М.* К вопросу об использовании греческой лексики в первых славянских переводах // Советское славяноведение, 1967. № 6. С. 49–58.
2. *Ефимова В. С.* К вопросу об изучении калькирования в старославянском языке // Славяноведение, 2015. № 2. С. 53–65.
3. *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie, 1898. Bd. 20. S. 519–556; 1899. Bd. 21. S. 28–43.

Черногорские предания и черногорские танцы в русском классическом балете

Е.В. Жбанкова

MONTENEGRIN LEGENDS AND DANCES IN THE RUSSIAN CLASSICAL BALLET

Elena V. Zhabankova

ABSTRACT:

2018 marked the 200th anniversary of Marius Petipa and 140 years after the Russo-Turkish war (1877-1878). In the popular words of those days the nobility got the information about the Balkan crisis only from the ballet, for which this period was not simple. The play based on the relevant plot entitled “Roxane – the beauty of Montenegro” staged by Petipa received long-awaited success. The plot of the ballet was based on the

poetic legend of Montenegro, and particular Montenegrin dances were introduced in the ballet, which was not typical of the classical ballet.

Keywords: crisis; war; ballet; Montenegrin folklore; folkdances

АННОТАЦИЯ:

В 2018 г. отмечается 200-летие М.И. Петипа и 140-летие окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По известному меткому выражению, петербургская аристократия узнала о Балканском кризисе только из балета. Балетный театр тогда переживал непростые времена. Долгожданный успех получил спектакль Петипа на злободневную тему «Роксана – краса Черногории». Сюжет балета был основан на поэтичном черногорском предании, а в хореографический текст были введены характерные черногорские танцы, что было не типично для классического балета.

Ключевые слова: кризис; война; балет; черногорский фольклор; народные танцы

Национально-освободительное движение славян против турецкого ига, получившее название Восточного или Балканского кризиса, началось в 1875 г. в Герцеговине и Боснии. Вскоре оно охватило другие провинции Османской империи и приобрело международное значение.

Российская общественность не осталась в стороне от этих событий. Созданные еще в 1850-60-е гг. в Москве и Петербурге славянские благотворительные комитеты ставили своей задачей оказывать балканским народам помощь в освободительной борьбе и в развитии национальной культуры. После объявления войны Турцией Сербией и Черногорией в 1876 г., деятельность комитетов и сбор пожертвований в пользу поработенных братских народов активизировалась.

Русско-турецкая война началась в апреле 1877 г., и с этого момента события на балканском театре боевых действий стали одной из основных тем, освещаемых русской периодической печатью. В выпуске «Нового времени» 1878 г. писателем-публицистом К. Скальковским было сделано шутовское замечание о том, что петербургская аристократия узнала о происходящем на Балканах только из балета. [Скальковский 1882: 265]

И в действительности, широкий интерес русской общественности к Восточному кризису и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. неожиданным образом серьезно повлиял на историю русского классического балета.

1870-е годы, несмотря на десять премьерных спектаклей, были непростыми как для всего балетного театра, так и для главного балетмейстера Императорских театров М.И. Петипа, 200-летие которого отмечается в 2018 г. [Слонимский 1937: 215]

Публика с неохотой посещала театр, предпочитая, как тогда писала пресса, оперетку. Издатель «Петербургской газеты» С. Н. Худеков, искренне любивший балет и хорошо разбиравшийся в нем, посоветовал Петипа поставить балет на актуальную злободневную тему. Одним из таких

балетов, вернувших публику в театр, стал спектакль «Роксана – краса Черногории».

Этот фантастический балет был поставлен на основе черногорского фольклора, а в хореографический текст были введены характерные черногорские танцы, что было совершенно нетипично для классического балета.

Премьера состоялась 29 января 1878 г. в Большом театре (Мариинском) Санкт-Петербурга. Музыка была написана Т. Минкусом, композитором балетной музыки при петербургском балете. По отзывам, она отличалась редкой мелодичностью, а марш из балета вошел в моду и был особенно любим императором Александром II. [Скальковский 1882: 267]

Сюжет балета был основан на поэтичном черногорском предании.

Над Черногорией пронесся ряд бурь, опустошивших всю страну. Народ увидел причину этих бед в действиях сироты Роксаны, девушки, заколдованной собственной матерью, превратившейся после смерти в бабочку-вампира. В Роксану влюблен черногорец Радивой, перешедший в магометанскую веру, а Роксана любит Янко. Радивой мстит Роксане за отказ бежать с ним, рассказав односельчанам о том, что девушка под влиянием чар матери по ночам превращается в волшебное существо – вилу. Соседи хотят казнить Роксану, но Янко спасает ее.

Второе действие происходит в хижине Роксаны. Янко признается ей в любви, но девушка не может ответить ему взаимностью, так как по завету матери-колдуньи ей нельзя любить смертного. Бабочка-вампир присутствует в сцене объяснения влюбленных. Янко приходится уйти, но он клянется освободить любимую от чар. В хижину приходит Радивой, но вскоре в ужасе убегает, напуганный бабочкой. Роксана превращается в вилу, в дом из подзвездного пространства всплывает целый фантастический мир вил и горных духов, которые после ряда испытаний провозглашают Роксану своей царицей.

В третьей картине в долине горные духи предаются ночным увеселениям. На мосту, перекинутом через пропасть, показывается Радивой. Роксана приказывает своим духам замучить танцами ее преследователя до полного упадка сил, что они и исполняют с воодушевлением. Обессиленный Радивой пытается убежать от них, но на пути сталкивается с Янко. Завязывается борьба, в результате которой Радивой падает в пропасть. Духи увлекают Янко в свой бешеный танец, несмотря на все попытки Роксаны спасти возлюбленного. Первые лучи восходящего солнца рассеивают волшебство, и заколдованное царство исчезает.

В последней картине Янко на глазах толпы разрушает могилу матери Роксаны. Из нее вылетает бабочка-вампир, которую черногорцы тут же убивают. Рушатся все колдовские чары, и Роксана становится обыкновенной девушкой. Теперь она может стать женой своего возлюбленного,

и балет заканчивается широким торжеством по случаю помолвки молодых людей.

Спектакль отличался изящными декорациями М. Бочарова и М. Шишкова. По отзывам современников, в декоративном отношении наиболее красива была заключительная сцена второй картины, когда стены скромной хижины раздвигались, и зритель видел за ними чертоги духов. Очень красивыми были также декорации, изображавшие горную долину [Всемирная иллюстрация 1878: 32].

Спектакль в целом был поставлен по канонам классического балета, третий акт его был очень похож на «Жизель». Однако наличие в нем характерных танцев с элементами народных черногорских плясок придавали спектаклю необходимый национальный колорит. Более всего публике нравились танец «Рапиола», черногорские танцы «Коло», «Горо» и воинственная пляска 12 пар маленьких черногорцев, исполненная учениками и ученицами театрального училища.

Танец бенефициантки Евгении Соколовой в партии Роксаны был «поэтичным и высоко эстетичным». Главные мужские партии исполняли знаменитый П. Гердт и Ф. Кшесинский – отец ученицы Петипа Матильды Кшесинской [Плещеев 1899: 291].

Злободневность сюжета позволила балету довольно долго не сходить со сцены. В 1878-1881 гг. было дано 30 представлений «Роксаны» [Хроника петербургских театров с конца 1855 до 1881гг. 1884: 150].

После изменения состава дирекции Императорских театров в 1881 г. коренным образом поменялся репертуар и «Роксана» была забыта.

По мнению историков балета, «Роксана» не считается большой удачей Петипа. Однако именно в этом спектакле балетмейстер попытался обратиться к характерному танцу, кардинально изменив привычные рамки классического балета. Актуальность темы привлекла зрителей в театр, а новизна хореографического текста позволила заговорить о зарождении национального танца. Петипа не смог, в конечном счете, утвердить на русской сцене национальный славянский танец ни «Роксаной», ни последующей «Младой» (премьера состоялась 2 декабря 1879 г.), но начало этому процессу было положено. Славянский стиль приходит на балетную сцену уже в XX веке в балетах М. Фокина, ученика Петипа, которому, судя по всему, учитель смог передать свое стремление к созданию национальной хореографии, первоначально воплотившееся в «Роксане, красе Черногории».

Литература / References

1. Всемирная иллюстрация. СПб, 1898. № 482.
2. Плещеев А. Наш балет. СПб.: Типография А. Бенке, 1896.
3. Скальковский К.А. Балет, его история и место в ряду изящных искусств. СПб.: типография А.С. Суворина, 1882

4. *Словимский Ю.И.* Мастера балета. Л.: Искусство, 1937
5. Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 гг. Ч. III. СПб.: Типография Р. Голике, 1884

Пунктуационное оформление деепричастных оборотов в сербском языке в сопоставлении с русским

И.Е. Иванова

PUNCTUATION OF VERBAL PARTICIPLE STRUCTURES IN SERBIAN
IN COMPARISON WITH RUSSIAN

Irina I. Ivanova

ABSTRACT:

The report focuses on the punctuation of verbal participle structures in the Serbian language in comparison with this phenomenon in the Russian language. The analysis of the Serbian texts, undertaken by the author, made it possible to identify certain criteria according to which punctuational separation of verbal participles and participial structures takes place. These criteria differ from the ones stipulated in the existing punctuation code of the Serbian language.

Keywords: Serbian punctuation; free punctuation; punctuation code; verbal participles; participial structures.

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматривается вопрос выделения знаками препинания деепричастных оборотов в современном сербском языке в сопоставлении с русским. Предпринятый автором анализ сербских текстов позволил выявить некоторые критерии, в соответствии с которыми происходит обособление деепричастий и деепричастных оборотов, отличные от приведенных в действующем орфографическом кодексе сербского языка.

Ключевые слова: сербская пунктуация; свободная пунктуация; орфографический кодекс, деепричастия, деепричастные обороты.

В соответствии с правилами, изложенными в действующем орфографическом кодексе сербского языка, деепричастия (деепричастные обороты) могут выделяться или не выделяться пунктуационно в зависимости от степени их смысловой близости со сказуемым, независимо от занимаемой позиции в предложении. Авторы орфографического кодекса приводят один и тот же пример, в котором деепричастный оборот может быть обособлен или нет: *Мајка га понесе преко чистине(,) не обазурући се на звиждук метака* [Пешикан 2010: 108]. Выбор в употреблении знака препинания остается за пишущим. От него зависит, представляет он весь текст предложения как одно событие или как два отдельных. Однако в другом параграфе орфографического кодекса отдельно рассматривается

позиция предшествования деепричастий (деепричастных оборотов) сказуемому. В этой позиции рекомендуется их выделение, что иллюстрируется следующими примерами: *Машући фењерима, кочијаши су утеривали једна по једна кола* [Пешикан 2010: 103]. *Тада је, побледевши сва одједном, рекла да неће доћи* [Пешикан 2010: 103].

Предпринятый нами анализ сербских текстов показал, что пунктуационное выделение деепричастий, одиночных или распространенных, связано с выражаемым ими значением: причины основного действия; действия, предшествующего основному или следующего за ним; действия, одновременного с основным; характеристики основного действия.

Деепричастные обороты (деепричастия), обозначающие причину основного действия, регулярно обособляются, так как действия, являющиеся причиной и следствием, воспринимаются как автономные явления. Позиция деепричастного оборота (деепричастия) относительно сказуемого не имеет значения: *<...> i koje је, не очекијући је, verovatno bio nestan* [Davičo 1971: 63]. *Економске везе града са целом пре су користиле варошанима, обезбеђујући им услове материјалне егзистенције од продаје артикала градске привреде* [Jugoslovenski istorijski časopis 1973: 107].

Среди деепричастных оборотов, обозначающих действие, предшествующее основному или следующее за ним, события, выраженные сказуемым и деепричастием, разведены во времени. Таким образом, они в основном представляются пишущему как автономные. Потому и в этой группе примеров в большинстве случаев деепричастия и деепричастные обороты выделяются знаками препинания: *Изговоривши љутило последње речи, Хамди-бег застаде* [Андрић 1963: 12]. *<...> на што је он захвално погледа и, утишавши се, превуче руком преко ознојеног чела* [Петровић 1963: 115] *<...> У такав један «Grotta Palazzese», ушли смо са каменом поплочане улице, спуштајући се вијугавим степеништем као да силазимо у само море* [Московљевић 1972: 61]. Реже деепричастные обороты (деепричастия) этой группы не выделяются пунктуационно. Обособления деепричастного оборота не происходит, когда при его исключении предложение становится неполным либо утрачивает важную для этого предложения информацию: *Ovakav mešovit sastav lesa B. Bukurov је utvrdio analizirajući veliku količinu fosilne faune koju је našao на različitim mestima баčke lesne терасе* [Carić 1984: 21]. Отсутствие обособления деепричастного оборота (деепричастия) может быть вызвано также восприятием двух следующих одно за другим событий как одного, протяженного во времени: *Заставши преда мном погледали су ме пажљиво* [Чолаковић 1968: 10]. *<...> те онда нареди Циганима коло и дохвативши Мицу око паса завитла сву чељад наспред дворишта* [Петровић 1963: 52].

Что касается третьей и четвертой из названных семантических групп, не всегда можно провести четкую границу между деепричастиями, называющими действие, одновременное с основным, и деепричастиями, характеризующими действие, выраженное сказуемым. Понять, какими их видит пишущий, помогает расстановка знаков препинания. Наличие пунктуационного выделения деепричастного оборота (деепричастия) относит его к третьей группе (обозначение действия, одновременного с основным): **Не обазирући се на смех присутних, господин Корелија је причао мирно** [Пешић 1984: 58]. Отсутствие знаков препинания показывает, что пример относится к четвертой группе, то есть что деепричастие и сказуемое называют одно событие, при этом деепричастие поясняет, уточняет основное действие: **Служећи се античком <...> терминологијом можемо у овој првој фази говорити о формирању двију категорија аутохтоних насеља** [Jugoslovenski istorijski časopis 1973: 15].

Правилами русской пунктуации предписывается регулярное обособление деепричастных оборотов, независимо от их места в предложении. Исключением являются те случаи, когда оборот составляет одно смысловое целое со сказуемым и образует смысловый центр высказывания: **Она сидела чуть откинув голову, задумчивая и грустная** [Розенталь 1984: 64]. Одиночное деепричастие не обособляется, если является обстоятельством образа действия и приближается по значению к наречию или сочетанию существительного с предлогом: **Она говорила об этом улыбаясь (= говорила с улыбкой)** [Розенталь 1984: 64]. В русском языке возможно отсутствие выделения деепричастных оборотов и в позиции перед сказуемым. Это происходит тогда, когда деепричастия утрачивают значение процесса или состояния и приближаются по значению к «цельному наречному сочетанию». Ср.: **Не унижая себя говорю, а говорю с болью в сердце** [Шапиро 1955: 266]).

Можно отметить, что правила обособления деепричастий и деепричастных оборотов в сербских и русских орфографических справочниках включают сходные критерии. Это прежде всего степень смысловой близости между глаголом-сказуемым и деепричастием. На практике в сербской письменной речи невыделенных пунктуационно деепричастий и деепричастных оборотов значительно больше, чем в русских текстах. Это связано, с одной стороны, с той особенностью русской пунктуации, относительно которой Т. М. Николаева отмечает, что за русскими пунктуационными правилами стоит отношение к общесинтаксическому концепту событие: «Пунктуационные знаки стремятся отделить одно событие от другого и в разделенных событиях продемонстрировать, что каждый семантически автономный компонент события имеет право на вхождение в виде одного члена» [Николаева 2000: 91]. С другой стороны, решение о выделении оборота в сербском тексте в большинстве случаев

отается за пишущим, так что склонность к обособлению деепричастных оборотов и деепричастий или к отказу от него является особенностью авторского стиля.

Литература / References

1. *Андрѣић И.* Сабрана дела. Београд: Просвета, 1963. Књ. 2. 458 с.
2. *Московљевић О.* Светлости Медитерана. Нови Сад: Матица српска, 1972. 214 с.
3. *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2000. 680 с.
4. *Петровић В.* Молох. Београд: Просвета, 1963. 298 с.
5. *Пешић С.* Светло острво. Нови Сад: Матица српска, 1984. 294 с.
6. *Пешикан М., Јерковић Ј., Пижурица М.* Правопис српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2010. 510 с.
7. *Розенталь Д. Э.* Справочник по пунктуации. М.: Книга, 1984. 272 с.
8. *Чолаковић Р.* Казивање о једном покољењу. Сарајево: Свјетлост. Књ 2. 351 с.
9. *Шаниро А. Б.* Основы русской пунктуации. М.: Академия наук СССР, 1955. 400 с.
10. *Сарић Н.* Општина Већеј: географска monografija. Novi Sad: Institut za geografiju Prirodno-matematičkog fakulteta, 1984. 233 s.
11. *Давићо О.* Pesma. Београд: Nolit, 1971. 503 с.
12. *Jugoslavenski istorijski časopis.* 1973. br. 3–4.

Грамматикализация *ШЕ* в болгарском языке: следование, предположение, но не только...¹

Е.Ю. Иванова, К.С. Алексова

GRAMMATICALISATION OF *SHTE* IN BULGARIAN: POSTERIORITY, SUPPOSITION... AND SOMETHING ELSE

Elena Yu. Ivanova, Aleksova Krassimira S.

ABSTRACT:

The present paper discusses the ways along which the grammaticalisation of the Bulgarian verb of volition was taking place. Besides marking future tenses, the *shte (da)* element is engaged in the paradigm of forms expressing supposition. Corpus evidence reveals one more direction in the evolution of the Bulgarian verb of volition, namely its use as the forming element in constructions of concession, as well as in correlated indefinite pronouns.

Keywords: Bulgarian; grammaticalization; presumptive; future tense; concessive conjunctions

АННОТАЦИЯ:

В настоящей работе обсуждаются пути грамматикализации глагола желания в болгарском языке. Помимо маркера будущих времен, элемент *ще (да)* формирует

¹ Исследование выполнено в рамках международного проекта при финансовой поддержке РФФИ, Россия (№ 18-512-18003) и Фонда «Научни изследвания», Болгария (проект ДНТС/РУСИЯ 02/2).

парадигму форм со значением предположения. Корпусная выборка демонстрирует и еще одно направление развития глагола желания, а именно как форманта уступительных комплексов и соотнесенных с ними рядов неопределенных местоимений.

Ключевые слова: болгарский язык; грамматикализация; презумптив; будущее время; уступительные союзы

1. Показатель положительной формы будущего времени *ще*- (частица *ще*) в болгарском языке представляет собой, как известно, результат грамматикализации глагола ХОТЪТИ. Самой значительной грамматической трансформацией показателя будущего времени является становление его как форманта, входящего в презумптивные формы, – формы, которыми говорящий выражает собственное предположение о состоянии дел в настоящем или прошлом. История становления разных членов презумптивной парадигмы неодинакова: лишь часть презумптивных форм представляет результат транспозиции индикативных форм, в то время как остальные члены этой парадигмы возникают позже уже с участием *ще да* как специфического форманта [Герджиков 1984; Ганева 2006]. Расширение парадигмы включает и распространение этого форманта на случаи соединения с глаголами в свидетельских временах прошлого, что позволяет разделить презумптивную парадигму на несвидетельские и свидетельские формы [Алексова 2018]. Члены презумптивной парадигмы обладают разной степенью частотности в современном языке и разной стилевой и жанровой распределенностью; максимально развернутая парадигма данных форм представлена в [Алексова 2018]. В целом исследования показывают распространенность только двух форм, обе являются несвидетельскими: предположительного настоящего (*ще да* + настоящее время, чаще с глаголом *съм*) и омонимичной формы *ще да* + перфект, которая может представлять либо презумптивный перфект, либо презумптивный аорист. Примеры (1) и (2) демонстрируют презумптивные формы настоящего и аориста соответственно: (1) *Май тия вещици не ще да са толкоз лоши, колкото ги изкарват* ‘Похоже, эти колдуньи не такие уж и плохие, какими их представляют’ (Болгарский национальный корпус, далее БНК). (2) *Няма го! Няма го! ...избягал е! Ще да се е откъснал!*...(БНК). ‘Его нет! Его нет!.. сбежал! Похоже, оборвал веревку!’

2. Иное направление развития *ще* в болгарском языке связано с трансформацией глагола желания в формант уступительных комплексов, а именно в составе уступительного союза *ако ще да* и уступительно-усилительных местоименных комплексов типа *какъвто ще да*. От последних производны и неопределенные местоимения с этим формантом. Все эти формы (рассматриваемые далее) не отмечаются в лингвистической литературе, хотя фрагментная сплошная выборка из БНК последовательности

ще да показала, что на их долю приходится около 20% вхождений. Эти употребления нельзя считать и устаревшими: поиск производился из произведений, созданных с 1951 по 2015 гг., при том что аналогичный запрос для периода 1900–1950 дает лишь около 2% подобных случаев.

2.а. Наиболее частотными в выборке являются случаи вхождения *ще* в уступительный союз *ако ще да* ‘даже если’ / ‘а хоть бы и’, см. пример (3). Этот союз широко употребляется в болгарской разговорной речи, хотя и не фиксируется с данным набором элементов в грамматической литературе: (3) *И всяка седмица, ако ще да съм и съвсем натънко, слагам по пет долара настрана за неговия университет* ‘И каждую неделю, пусть даже у меня с деньгами плохо, откладываю по 5 долларов на его университет’.

2.б. Вторая группа уступительных средств, включающих *ще*, – это местоименно-союзные комплексы с усилительно-уступительным значением *какъвто ще да*, *който ще да*, *колкото ще да* и под., отличающиеся от нормативного употребления, при котором используется частица *и* вместо *ще*. Пример (4) показывает параллельное употребление варианта с *ще* (*каквато ще да*) и литературной формы *каквато и да*: (4) *Каквато ще да е била и каквато и да е сега тази телевизия, това е голямо безобразие* (И) ‘Каким бы ни было [ранее] и каким бы ни было сейчас это телевидение, это просто безобразие’. Данное употребление частицы *ще* тоже не описано в грамматической литературе, – но не только потому, что представляет ненормативный литературный язык. Основной причиной, как мы полагаем, является частичное сохранение во многих употреблениях семантической связи данного элемента с исходным глаголом *ща* ‘хотеть’. В докладе будут приведены разные синтаксические реализации последовательности *ще да*, иллюстрирующие этапы становления уступительного комплекса с элементом *ще*; часть из них представляют собой в современном языке речевые клише, которые тоже сохраняют семантическую связь *ще* с глаголом желания: (5) *Кой каквото ще да казва* ‘Пусть себе болтают’, букв. ‘Кто что хочет, пусть говорит’. Такие фразы соотносятся с исходной синтаксической структурой, где препозитивное придаточное с глаголом желания подчинено императивному *да*-предложению, ср. (5а): *Кой каквото ще* [3SG от *ща*], *да го казва*. Императивная форма предоставила формант *да* для этих уступительных комплексов, а также результатов их лексикализации – неопределенных местоимений, что является распространенным явлением в славянских языках [Пенькова 2017: 110–111]. Рассмотрим далее такие местоимения.

2.в. Как известно, в болгарском литературном языке существует два ряда неопределенных местоимений, соотносительных с местоименно-уступительными комплексами: *-то и да е* (*който и да е*, *какъвто и да е*, *където и да е...*) и *да е* (*кой да е*, *какъв да е*, *къде да е...*) [Ницолова 2008:

36; Дограмаджиева 1974]. Как показала наша выборка из БНК и из сетевых источников, первый из указанных рядов (ряд с *-то*) может реализоваться в варианте с заменой частицы *и* на частицу *ще*: (6) *И самите финансиристи и самият аз и който ще да е, може да бъде потенциален пациент в следващия момент* ‘И сами финансисты, и сам я или *кто* *угодно* *другой* могут стать в следующий момент потенциальными пациентами’.

Источники из Интернета дают полную парадигму релятивного элемента в этом комплексе. Пример (7) показывает, что в данном местоименном единстве происходит грамматикализация глагольного элемента, выражающаяся в утрате его изменения по числу при отнесенности к множественному референту (каковую мы наблюдаем и в рядах местоимений с *-то* и *да е*): (7) *...и аз лично съм против такива хора – без значение дали са цигани, българи, негри, каквито (PL) ще да е (SG)* ‘И я лично против таких людей – неважно, цыгане они, болгары, негры, кто угодно’.

Заключение. Переосмысление частицы *ще* как футурального показателя в показатель презумптивного значения относится к явлениям, демонстрирующим типологически распространенный сдвиг: еще не реализованное действие осмысливается как потенциальное, возможное [Герджиков 1984: 128]. Иной путь наблюдается в уступительных союзах и местоименно-союзных комплексах, где *ще* представляет собой грамматикализированный формант, диахронически связанный с глаголом желания. В последнем случае существует и значительная зона употреблений, имеющих признаки лишь частичной грамматической трансформации и сохраняющих (проявляющих) в той или иной мере семантическую связь *ще* с исходным глаголом.

Литература / References

1. *Алексова К.* Отношението модалност – евиденциалност – презумптивност (с оглед и на българския език) // Юбилеен славистичен сборник (10 години Славянска филология в Югозападния университет «Неофит Рилски»). Ред.: М. Вълчанова, М. Кузмова, М. Михайлова. Благоевград, 2005. С. 420–430.
2. *Алексова К.* Парадигмата на презумптива в съвременния български език (върху материали от интернет) // *Zeszyty Suryno-Metodiańskie*, Кн. 7. 2018 (в печати).
3. *Ганева Г.* Исторически развой на употребите на презумптивните глаголни форми // *Отвъд думите: превращения на смисъла*. Пловдив: УИ «П. Хилендарски», 2006. С. 376–381.
4. *Герджиков Г.* Преизказването на глаголно действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984. 270 с.
5. *Дограмаджиева Е.* Синтактична характеристика на съчетанията от типа “*който* и *да*” в съвременния български книжовен език // *В памет на професор Стойко Стойков*. Езиковедски изследвания. Ред. Л. Андрейчин. София, 1974. С. 417–423.
6. *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София: УИ «Св. Кл. Охридски», 2008. 524 стр.

7. *Пенькова Я.* Новгородские и московские «кандидаты» на роль неопределенных местоимений в деловой письменности Руси XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2017. С. 110–116.

Корпусно-ориентированная богемистика в Чехии: основные достижения

А.И. Изотов

CORPUS BASED BOHEMISTICS IN CZECH REPUBLIC: MAIN ACHIEVEMENTS

Andrey I. Izotov

ABSTRACT:

The report contains synopsis of the main corpus based investigations in the Czech Republic of the last decade, including the monumental Dictionary of Czech Phraseology and Idiomaticity. In the 5th volume of the Dictionary the data from the previous four corpus based volumes (11 166 entries) were onomasiologically organized, making the Dictionary a unique one not only for the Czech linguistics, but for the world linguistics as well.

Keywords: Czech language; lexicography; grammar; corpus based studies; phraseology; Czech National Corpus.

АННОТАЦИЯ:

Доклад содержит краткий обзор основных достижений корпусных исследований в Чехии в последнее десятилетие, включая монументальный словарь чешской фразеологии и идиоматики, в пятом томе которого данные 11 166 словарных статей вышедших ранее первых четырех томов организованы в соответствии с ономасиологическим принципом. Беспрецедентный охват материала делает данный словарь уникальным не только для чешской, но и для славянской, а возможно, также и для мировой лингвистики.

Ключевые слова: чешский язык; лексикография; грамматика; корпусные исследования; фразеология; национальный корпус чешского языка

Разрабатываемый с 1994 года в Карловом университете Чешский национальный корпус сегодня бесспорно принадлежит к числу наиболее успешных проектов подобного типа в мире. Уже в 2000 году для всех заинтересованных лиц был открыт бесплатный онлайн-доступ к его первому крупному подкорпусу – референтному репрезентативному стомилионному SYN2000, образованному современными письменными чешскими текстами. При этом, в отличие от Национального корпуса русского языка, который изначально был, по выражению одного из его создателей академика РАН В.А. Плунгяна, «литературоцентричным» [Плунгян 2005], доля художественных текстов в Чешском национальном корпусе была и остается принципиально иной. Составители SYN2000 исходили

из того, что письменный текст не только отражает языковую действительность, но и формирует её, звуча в сознании читателя всякий раз, когда им прочитывается (вслух или про себя), и тем самым непосредственно влияет на идиолект данного читателя, а через этот идиолект – и на прочие соответствующие идиомы национального языка. Поэтому, опираясь на результаты специально проведенных социологических исследований, они включили в SYN2000 то, что граждане Чешской республики читали чаще всего в последнее десятилетие XX века. В результате 60% всего SYN2000 составляют газетные тексты, 25% – тексты всевозможных справочников, и только 15% – тексты художественные, причем не только оригинальные, но и переводные, а также тексты, написанные и изданные до 1990 года, если они продолжают пользоваться у современного чешского читателя популярностью.

В настоящее время в серию современных письменных текстов SYN входят также три стомиллионных референтных репрезентативных корпуса с иным процентным соотношением публицистических, специальных и художественных текстов (SYN2005, SYN2010, SYN2015), а также три референтных корпуса публицистических текстов (трехсотмиллионный SYN2006PUB, семисотмиллионный SYN2009PUB и девятисотмиллионный SYN2013PUB). Поскольку тексты, входящие в названные корпуса, не совпадают, возможно их объединение в один общий корпус с совокупным объемом **более 4 миллиардов** токенов. Все эти корпуса размечены, поэтому поиск в них возможен по словоформе, по лексеме, по грамматической матрице, а также по любой их возможной комбинации. Предусмотрена также возможность объединения в один любой комбинации названных подкорпусов, а также возможность формирования собственных корпусов из текстов, в данные подкорпусы входящих.

Кроме серии SYN, в состав Чешского национального корпуса входят еще два десятка подкорпусов, из которых половина – подкорпусы устной речи, например, Пражский разговорный (под)корпус, Брненский разговорный (под)корпус, (под)корпус публичных выступлений 14-ти чешских президентов от Эдуарда Бенеша до Милоша Земана, (под)корпус записи школьных уроков и т.д. В «письменной» же части Чешского национального корпуса нашлось место в том числе и для (под)корпусов квалификационных работ студентов-иностранцев или же школьных сочинений, написанных детьми представителей национальных меньшинств и детьми мигрантов.

Поэтому неудивительно, что корпусный материал используется современными богемистами самым активным образом. На ресурсе <https://www.korpus.cz/biblio> мы находим библиографические данные более двух тысяч научных публикаций, материалом для которых послужил Чешский национальный корпус, и этот список ежедневно пополняется.

Именно на корпусном материале была подготовлены не только посвященные тем или иным весьма интересным, однако частным проблемам богемистики [Ševčíková 2009], [Schmiedtová 2010], [Šimandl 2010], [Načeva-Marvanová 2010], [Tušková 2011], [Křen 2013], [Petkevič 2014], [Čermák 2014], [Jelínek 2015], [Chlumská 2017], [Kovářiková 2017], но и новая «Академическая грамматика литературного чешского языка» [Štícha 2013] (в настоящее время составляется её расширенный вариант; посвященная словообразованию первая часть в двух томах уже вышла из печати – [Štícha 2018]), а также два тома «Грамматики современного чешского языка» [Cvrček 2010], [Panevová 2014], «Новый энциклопедический словарь чешского языка» [Nový 2016], новаторская «Стилистика устного и письменного чешского языка» [Hoffmannová 2016], а также четвёртый том монументального «Словаря чешской фразеологии и идиоматики» [Slovník 2009d], посвященный предикативным фразеологическим единицам и включающий в себя 4 910 словарных статей. При этом опубликованные еще в «докорпусную эпоху» (в 1983, 1988 и 1994 годах соответственно) первые три тома «Словаря...» были капитальным образом переработаны и дополнены в соответствии с новыми корпусными данными и в соответствии с унифицированной методикой обработки материала, см. [Slovník 2009a] (фразеологические единицы, в основе которых лежит сравнение – 1 031 словарная статья), [Slovník 2009b] (неглагольные фразеологические единицы – 1 460 словарных статей), [Slovník 2009c] (глагольные фразеологические единицы – 3 765 словарных статей). В пятом томе «Словаря...» [Slovník 2016] предпринята удачная попытка систематизации материала 11 166 словарных статей первых четырех томов в соответствии с ономасиологическим принципом, что позволяет читателю ориентироваться во всём массиве чешской фразеологии и идиоматики.

Литература / References

1. Плузьян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. М., 2005, № 2. С. 296-308.
2. Cvrček V. et al. Mluvnice současné češtiny 1/ Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček, V. Kodýleková, M. Koprivová, D. Kovářiková, P. Sgall, M. Šulc, J. Táborský, J. Volín, M. Waclawičová. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.
3. Čermák F. Periferie jazyka – Slovník monokolokabilních slov. Praha: NLN, 2014. 280 s.
4. Čermáková A. Valence českých substantiv. Praha: NLN, 2009. 124 s.
5. Hoffmannová J. et al. Stylistika mluvené a psané češtiny / J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jilková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Praha: Academia, 2016. 512 s.
6. Chlumská L. Překladová čeština a její charakteristiky. Praha: NLN, 2017. 150 s.
7. Jelínek T. Skladební funkce a pád v korpusu: Frekvenční analýza. Praha: NLN, 2015. 75 s.
8. Kovářiková D. Kvantitativní charakteristiky terminů. NLN. Praha 2017. 128 s.
9. Křen M. Odráz jazykových změn v synchronních korpusech. Praha: NLN, 2013. 180 s.
10. Načeva-Marvanová M. Perfektum v současné češtině. Praha: NLN, 2010. 224 s.
11. Nový encyklopedický slovník češtiny 1-2 / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: NLN, 2016. 2184 s.

11. *Panevová J. et al.* Mluvnice současné češtiny 2/ Syntax češtiny na základě anotovaného korpusu / *J. Panevová, E. Hajičová, V. Kettnerová, M. Lopatková, M. Mikulová, M. Ševčíková* M. Praha: Karolinum, 2014. 292 s.
12. *Petkevič V.* Morfologická homonymie v současné češtině. Praha: NLN, 2014. 588 s.
13. *Schmiedtová V.* Čeština, jak ji neznáte. Praha: NLN, 2010. 208 s.
14. Slovník české frazeologie a idiomatiky 1: Přirovnání / Eds. *Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač*. Praha: LEDA, 2009. 508 s.
15. Slovník české frazeologie a idiomatiky 2: Výrazy neslovesné / Eds. *Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač*. Praha: LEDA, 2009. 548 s.
16. Slovník české frazeologie a idiomatiky 3: Výrazy slovesné / Eds. *Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač*. Praha: LEDA, 2009. 1248 s.
17. Slovník české frazeologie a idiomatiky 4: Výrazy větné / Ed. *Fr. Čermák*. Praha: LEDA, 2009. 1268 s.
18. Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník / Ed. *Fr. Čermák*. Praha: LEDA, 2016. 528 s.
19. *Ševčíková M.* Funkce kondicionálu z hlediska významové roviny. Praha: Ústav formální a aplikované lingvistiky, 2009. 180 s.
20. *Šimandl J.* Dnešní skloňování substantiv typů kámen, břímě. Praha: NLN, Praha 2010. 374 s.
21. *Štícha Fr. et al.* Akademická gramatika spisovné češtiny / *Fr. Štícha et al., M. Vondráček, I. Kolářová, J. Hoffmannová, J. Bílková, I. Svobodová*. Praha: Academia, 2013. 972 s.
22. *Štícha Fr. et al.* Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I. Morfologie: druhy slov, tvoření slov. 2 svazky / *Fr. Štícha, I. Kolářová, M. Vondráček, I. Bozděchová, J. Bílková, K. Osolsobě, P. Kochová, Z. Opavská, J. Šimandl, L. Kopáčková, V. Veselý*. Praha: Academia, 2018. 1148 s.
23. *Tušková J. M.* Deklinační systém femininních oikonym v češtině. Nakladatelství Lidové noviny. Praha 2011. 280 s.

Правславянский социальный термин *kъrdь/*kъrtь ‘род, семья’: генезис и ареал

A. I. Iliadi

A PROTO-SLAVIC SOCIAL TERM *KЪRDЪ/*KЪRTЬ ‘CLAN, FAMILY’:
GENESIS AND AREAL

A. I. Iliadi

ABSTRACT:

The report deals with the etymological interpretation of Slavonic dialectal lexical group, denoting clan, family, and some its derivatives. The author tries to determine the origin of terminological semantics of these lexemes and characterize their relations to other related non-Slavic forms. Preliminary results of the analysis of mentioned social terms are the reasons to substantiate their genesis within the etymological cluster with Indo-European *(s)ker- ‘cut’ and figure out the closest terminological and etymological concordance in the Celtic archaic vocabulary. The formation of a common terminological

semantics of genetically identical Slavonic and Celtic words took place in the epoch of cultural contacts of these ethnoses on the territory of Czechia, Moravia and Pannonia.
Key words: etymology, Proto-Slavonic, word formation, semantics, term.

АННОТАЦИЯ:

В докладе предлагается этимологическая интерпретация группы славянских диалектных названий рода, семьи и некоторых их производных, делается попытка определить истоки их терминологической семантики, установить ее связи в кругу родственных неславянских форм. Предварительные результаты анализа указанных терминов общественного строя дают основания ориентировать их генезис на славянское этимологическое гнездо с и.-е. основой **(s)ker-* ‘резать’ и выделить ближайшее этимологическое соответствие в кельтской архаичной лексике. Формирование общей терминологической семантики у генетически тождественных славянских и кельтских лексем имело место в эпоху культурных контактов этих этносов на территории Чехии, Моравии и Паннонии.

Ключевые слова: этимология, праславянский, словообразование, семантика, термин.

1. Сколь бы полными ни были описания тематических групп праславянской лексики, всегда остается ряд единиц, который в силу разных объективных причин оказывается за пределами внимания исследователей и не заполняет соответствующую лауну в восстановленной для праязыка лексической парадигме. Такова ситуация с несколькими терминами общественного строя, которые вопреки их очевидной семантической архаике и терминологическим связям с лексикой иных индоевропейских языков до сих пор почему-то не вписаны в ряд названий семьи, рода, фратрии, которые традиционно относятся к праславянским. Имеются в виду дериваты псл. **kьrd-/kьrt-*, древняя семантическая специфика которых ускользнула от взгляда специалистов, хотя она со всей очевидностью подводит к реконструкции диалектного названия рода, семьи **kьrdь/kьrtь* и его однокоренных синонимов. Их восстановление зиждется на основе таких произв. форм, как: **kьrděne*: укр. диал. *кордяни* ‘члены одной семьи’ = члены **корда*, ср. рус. диал. *семьяне* ‘члены семьи’; **kьrdьnina*: болг. диал. *крьднина* ‘род’, ‘происхождение’; **kьrdьnъ*, восстановление которого возможно на основе др.-рус. **Кордьно* – город вятичей (см.: [Козлова 1997: 161]) = свернутая синтагма **kьrdьno město* = место рода/племени (вятичей); **so-kьrdičь*: укр. диал. *сукордич* ‘сородич’ – буквальным структурным аналог для рус. *со-род-ич*, тождественный также и в семантике корня; **kьrtь/kьрто (?)* – название рода, сохраненное в составе произв. формы с суфф. *-ило*, ср. болг. диал. *кьртило* ‘род, место рождения’; **kьrtogъ*: серб., хорв. *кртог* ‘род, племя, порода, происхождение’.

2. Контрольно значимой деталью для этимологии **kьrdь/kьrtь* является возможность установить их отглагольный характер: они образованы

от **kьrditi*/**kьrtiti* ‘родить’, ‘жить’, вместе с которыми продолжают еще дославянские словообразовательные отношения **kьrdh-* > **kьrdhos*. Не исключено, что **kьrd-* представляет собой пережиток формы и.-е. медиа на **-dh-* (ср. лит. *verda, merdi, mērdeti* лтш. *merdēt* [Иванов 1981: 99, 174]) от глагольного корня, вариантного к и.-е. **(s)ker-* ‘резать’, чьи рефлексы показывают семантический сдвиг в направлении ‘отделять(ся)’ → ‘расти’, ‘разрастаться’, ср. лит. *kerėti* ‘разрастаться’, ‘пускать корни’, *kėrti* ‘отстаивать’, ‘отделяться’. Отсюда частные значения ‘жить’ и ‘родить(ся)’ в славянском. В итоге мы имеем старую пару **kьrdh-* > **kьrdhos*, коррелирующую с **ker-dh-*, **k'er-dh-*, которые традиционно приводятся для объяснения псл. **čerda* ‘стадо’. Восстановление псл. **kьrditi*/**kьrtiti* (?) ‘родить’, ‘жить’ представляется допустимым с учетом таких вероятных их продолжений, удержанных в вост.-слав. ареале, как: блр. диал. *курдзѣміць* ‘родить’, укр. диал. *оқырдемився* ‘родился’, укр. диал. *кырдимити* ‘жить’, структура которых была искажена употреблением в рамках различных аргов, где глаголам придается необычный вид за счет присоединения псевдосuffixов *-ем-*, *-им-*, *-ом-*.

3. Древность терминологической семантики ‘род’, ‘семья’ у псл. **kьrdь*/**kьrtь* поддерживается вал. *cordd* ‘племя’, ‘клан’, ‘семья’, ‘община’, ‘сообщество’, а также ‘собрание’, ‘группа’, ‘вереница, череда’ и призыв *corddlan* ‘деревенская община’, ‘деревня’ [Evans 868, 869]. Велика вероятность, что общее терминологическое значение – общее явление культурной жизни славян и кельтов, возникшее в эпоху их контактов на территории Чехии, Моравии и Паннонии.

Литература / References

1. Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981. 271 с.
2. Козлова Р.М. Структура праславянского слова (Праславянское слово в генетическом гнезде). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 1997. 412 с.
3. Evans D.S. Dictionary of the Welsh language [C–Cyw]. London: Simpkin, Marshall & CO.; Bernard Quaritch, 1893. 1237 p.

Конструкции с болевыми предикатами в русском и сербском языках

C.A. Кабанова

CONSTRUCTIONS WITH PAIN PREDICATES IN RUSSIAN AND SERBIAN

Svetlana A. Kabanova

ABSTRACT:

Subject States can be combined in opposition to the type of "sleep – wakefulness", "conscious – unconscious state", "health – illness", etc. An illness or a painful condition of the subject (organism) is a reaction of the organism to the influence of external factors or development of internal pathology. One of the symptoms of a painful condition is pain. The analysis of semantics and structure of constructions with pain predicates allows to find out similarities and differences in the formal linguistic expression of dissimilar painful reactions and feelings. Such an analysis will also help to determine the most frequently identified by the subject pain, which may be significant for the initial diagnosis.

Keywords: illness; sickness; pain; painful reaction; the subject carrier status; personal verbal form

АННОТАЦИЯ:

Субъектные состояния могут быть объединены в оппозиции типа «сон – бодрствование», «сознательное – бессознательное состояние», «здоровье – нездоровье» и др. Нездоровье, или болезненное состояние субъекта (организма) – это реакция организма на действие внешних факторов или развитие внутренней патологии. Одним из симптомов проявления болезненного состояния является боль. Анализ семантики и структуры конструкций с болевыми предикатами позволяет выяснить сходства и различия в формальном языковом выражении разнородных болезненных реакций и ощущений. Подобный анализ поможет также определить наиболее часто идентифицируемые субъектом болезненные ощущения, что может быть значимым для выставления первоначального диагноза.

Ключевые слова: состояние нездоровья; болезнь; болевое ощущение; болезненная реакция; субъект-носитель состояния; личная глагольная конструкция

В типологии субъектных состояний отдельное место занимает нездоровье / болезнь как следствие нарушения нормальной жизнедеятельности. Русский и сербский материал показывает возможность передачи состояния нездоровья безличной и личной конструкциями: так, в обоих языках употребительны конструкции с безлично-предикативными словами **нехорошо**, **плохо**, характеризующими физиологическое состояние субъекта: *В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала* [Чехов 1972: 560] – ср. серб. *Danas mi baš nije dobro. Stalno ga grči* [Davičo 1963: 107].

Самыми общими обозначениями для болезненного состояния индивида в русском и сербском языках являются глаголы типа рус. *болеть, доходить, заболеть, недужить* (устар. и прост.), *разболеться* (разг.), *расхвораться* (разг.), *слечь, хворать* (разг.), в сербском – глаголы с корнем **бол-** и однокоренные префиксально-суффиксальные производные: *болети, боловати, заболети* и др.: – *Я же к вам шёл, – сказал он. – Страх как болело в животе* [Погодин 1988: 319] – ср. серб. *Режисера је болела повређена нога* [Ковачевић: 286].

Как отмечает С. Мичич, «почти всякая болезнь связана с болью, и поэтому важно анализировать *ache-pain/bol*» [Mičić 2006: 269]. Значение болевого ощущения / отсутствия такового передается в русском материале безлично-предикативным словом **больно** с отрицанием или без; в сербском языке в данном случае употребляется форма безличного глагола **болети** в сочетании с винительным падежом без предлога или сочетании формы глагола **осећати** с именем существительным, ср.: *Ja bih neprijatno trzao glavu, a usta su me bolela od njenih zuba* [Crnjanski 1987: 73] – *U glavi je osećao strašan bol* [Crnjanski 1987: 95]. Субъект состояния – «страдательный», то есть воспринимающий состояние как навязанное со стороны какой-то внешней силой или обстоятельствами, и состояние лица существует само по себе, не требуя дополнительных усилий для своего поддержания.

Конструкции со вторичными болевыми предикатами включают глаголы, исходно не называющие болезненное состояние, но метафорически употребляемые для этой цели: глаголы теплового воздействия (рус. **жечь, печь**, серб. **пећи**), разрушения и деформации (рус. **резать, колоть, ломать, разламывать** и др., серб. **пробадати, бости, парати** и др.), звучания (рус. **гудеть, звенеть, завывать, урчать, шуметь, ныть**, серб. **свирати, зујати**), движения и каузации движения (рус. **крутить**, серб. **завијати**) [Рахилина 2010: 477–481]. Наиболее часто наблюдаемыми видами боли являются:

а) **ломота, ощущение ломящей (ломающей) боли**: *ломать, ломить, разнимать*: *Ну прямо всё тело разнимает* [Солженицын 1991: 4] – ср. серб. *осећам се ломан* ‘меня ломает’; *боле ме крста* ‘у меня ломит спину’; *пуца ми глава* ‘у меня ломит голову’ [Иванович 1981: 259];

б) **режущая боль**: *резать*: *В желудке режет (разг. речь)*. – ср. серб. *у меня в животе режет безл. имам грчеве у стомаку* (таким образом, налицо структура, включающая глагол **имати** ‘иметь’ и облигаторный комплетивный компонент). – ср. использование глаголов **парати** и **бости** для обозначения неприятных ощущений: *резать слух парати слух; глаза ~ глаза бости очи* [Иванович 1981: 546];

в) **колющая боль**: *колоть*: *В боку колет (разг. речь)*. – ср. серб. *безл. у меня колет в боку пробада ме у слабине* [Иванович 1981: 228];

г) **ноющая боль**: *ныть, занывать, занять*: *И чтоб брюхо не занывало, есть не просило, перестал он думать о лагере...* [Солженицын 1991: 25] – ср. серб. **заболети** ‘занять (заболеть)’ [Иванович 1981: 173].

В обоих языках налицо личные и безличные конструкции со значением болезненного состояния индивида, продиктованного, прежде всего, внешними условиями. Обязательными структурно-смысловыми компонентами конструкций с болевыми предикатами являются субъект-носитель состояния, представленный именными и местоименными формами в разных синтаксических ролях, а также обозначение места локализации дискомфорта ощущения, обозначаемое падежной или предложно-падежной формой. Базовые модели предложений со значением состояния места-локализатора в основном построены по схемам «предл.-пад. форма сущ./ мест. в род.пад.+ глагол+предл.-пад. форма сущ. в предл. пад.» – в русском материале, «глагол+ сущ./ мест. в ак.+ предл.-пад. форма сущ. в лок.», «глагол+ сущ./ мест. в дат.+ сущ. в номин.» – в сербском иллюстративном материале. Сербский языковой материал демонстрирует устойчивость структурных схем со значением проявления состояния в месте-локализаторе его, а также наличие близких по значению конструкций с одинаковым лексическим составом и разной синтаксической структурой: *Крчи ми стомак* [Синтакса 2005: 178] – *Крчи ми у стомаку* [Синтакса 2005:177].

Литература / References

1. *Иванович С., Петранович И.* Русско-сербскохорватский словарь. 40000 слов. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1981. 712 с.
2. *Ковачевић Д.* Била једном једна земља. Београд: Б.и., 1998. 337 с.
3. *Погодин Р.П.* Лазоревый петух моего детства. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.
4. *Рахилина Е.В.* Лингвистика конструкций / Отв. ред *Е.В. Рахилина*. М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.
5. СИНТАКСА савременог српског језика: проста реченица / П. Пипер и др.; у редакцији *Милке Ивић*. Београд: Институт за српски језик САНУ : Београдска књига; Нови Сад : Матица српска. 2005 (Београд : Радунић). 1165 с.
6. *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений. Т. 3. Рассказы. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 285 с.
7. *Чехов А.П.* Чайка. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1972. 63 с.
8. *Crnjanski M.* Dnevnik о Čamojeviću. Beograd: Nolit, 1987. 126 s.
9. *Davičo O.* Gladi. Beograd: Nolit, 1963. 477 s.
10. *Mićić S.* Engleski i srpski termini za bolesna stanja: interdisciplinarni pogled // Zbornik za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 2006, № 49/2. С.267–275. [Электронный ресурс.] URL: https://www.maticasrpska.org.rs/stariSajt/casopisi/filologija_49-2.pdf. Дата последнего обращения 01.05.2014.

Графико-орфографическая адаптация богемизмов в истории русского литературного языка

В.В. Каверина

GRAPH-ORTHOGRAPHIC ADAPTATION OF BOHEMIANISMS
IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Valeriya V. Kaverina

ABSTRACT:

The report examines the process of graphical and spelling development of borrowings from Czech into Russian in diachrony. The research involved words that, in the process of adaptation, had graphical and orthographic variants: *howitzer, lieutenant, pistol, pantyhose*.

Keywords: bohemia in the Russian language; history of Russian writing; graphical and spelling development of borrowings.

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматривается процесс графико-орфографического освоения заимствований из чешского в русский язык в диахронии. К исследованию привлечены слова, которые в процессе адаптации имели графико-орфографические варианты: *гаубица, поручик, пистолет, колготки*.

Ключевые слова: богемизмы в русском языке; история русского письма; графико-орфографическое освоение заимствований.

1. В современном русском языке совсем немного богемизмов. Некоторые из них полностью ассимилированы заимствующим языком и сейчас воспринимаются как исконные единицы (например, это лексемы *духовенство, мещанин, справедливость*, которые были заимствованы из чешского языка в XIV или XV вв.) [Жидкова 2007: 189].

2. К XVII в. относится заимствование слова *гаубица*, которое первоначально имело вид *гафуница*: «ГАФУНИЦА, ж. Вид пушки (ср. ст.-чешск. *haufnicě* – ‘орудие для метания камней’). Пушка Гафуница, из которой каменнымъ ядромъ стреляють, весомъ 16 контаревъ. Устав ратных д. II, 31. XVII в.» [Словарь XI–XVII 1977: 13]. В «Словаре Академии Российской» закреплено два варианта: *габуца* и *гафуница* [САР 1789: 25]. Затем последнее написание исчезает, а под влиянием немецкого и польского языков (нем. *Haubitze/Houbitze* или пол. *haudica*) возникают многочисленные варианты: *гаубица, гоубица, гаубиц, гобитц* [Аникин 2016: 133]. Наконец Академический словарь 1847 г. закрепляет написание *гаубица*, сохраняя при этом словарную статью *гафуница* с пометой «Стар.» [СЦСРЯ 1847, I: 256–257].

3. Слово *пору́чик* также заимствовано в XVII в. По мнению М. Фасмера, оно пришло в русский язык через польское посредство: «Займств. из польск. *rogucznik* – то же, которое ввиду наличия -и- пришло из чеш. *rogičník*, кальки лат. *locum tenens*, буквально – ‘держаший место’ (Шульц–Баслер 2, 21)» [Фасмер 1986, 3: 336]. В данном значении слово употребляется с XVII в. и допускает только варьирование написаний с *t* и без *t*: *пору́чикъ* или *пору́тчикъ*. Варианты *пору́чишкь*, *пору́цикь*, *пору́чничь* для обозначения воинского звания не употребляются [Словарь XI–XVII 1991: 140–142]. Во втором издании САР и словаре 1847 г. закрепляется написание *пору́тчикъ* [САР 1822: 16; СЦСРЯ 1847, III: 376]. Современный вариант без *t* регламентируется в «Русском правописании» Я.К. Грота, причем не только в словарном порядке, но и в составе правила о правописании существительных с суффиксами: «... когда съ суффиксомъ *щикъ* встрѣтится коренная буква *к*, которая при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, обращается въ *t*: такъ отъ *потакать*, *кабакъ*, *ясакъ* образовались производныя имена: *потатчикъ*, *кабатчикъ*, *ясатчикъ*. На этомъ же основаніи нѣкогда писали «пору́тчикъ» (отъ порука), но уже давно буква *t* изъ этого слова изгнана, и всѣ пишутъ: *пору́чикъ*» [Грот 1894: 52].

4. Вариативность в слове *пистолет*, которое некоторые исследователи также возводят к чешскому языку, связана с употреблением буквы «ять». Как и некоторые другие иноязычия, оно было заимствовано в предшествующем столетии с написанием через *Ѣ*, обозначававшим звук, произношение которого в то время было ближе всего к языку-источнику [Демьянов 1987: 69–79]. Действительно, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» находим: «ПИСТОЛЕТЪ, *м. Пистолет*. Двѣ пары пистолѣтовъ оправныхъ, ложи чорныя замки барабарския. Отр. стар. оп., 328 XVI–XVII вв. [Словарь XI–XVII 1989: 55]. Такие же написания находим в петровских «Ведомостях»: *пистолѣтовъ* (№№ 2, 5 за 1710 г.), *пистолѣтныхъ* (№ 19 за 1710 г.). Однако буква *Ѣ* в данном слове, как и в большинстве других заимствований, узусом не закрепляется, независимо от ударения, и впоследствии Академические словари кодифицируют написание через *е*: *пистолеть* [САР 1793: 819; СЦСРЯ 1847, III: 220].

5. Самым новым богемизмом в русском языке является слово *колготки*. Это слово в 60-е гг. прошлого столетия перешло в русский язык из чешского словосочетания *punčoškové kalhotky*, которое на русский язык можно точно перевести как ‘чулочковые штанишки’ [Калакуцкая 1966: 214]. Вместе с тем трудно объяснить тот факт, что, по данным Д. Жидковой, официальное название товара, которое должно было быть прототипом для русского слова *колготки*, – *punčochové kalhoty* – является словосочетанием, не содержащим ни одной уменьшительной формы [Жидкова 2007: 193]. Первоначально слово писалось в соответствии с

этимологией через букву *a*, что отражено в словарях того времени, а в 70-е гг. XX в. обрело современный вид, что исследователи связывают с влиянием слова *колготиться*.

6. Прочие немногочисленные богемизмы: *замок, полька, франт, робот* – в процессе освоения русским языком графико-орфографическому варьированию не подвергались.

Литература / References

1. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 11 (глуки – грайка). М.: Нестор-История, 2017. 367 стр.
2. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком *Я.К. Гротомъ*. 11 издание. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. 120 с.
3. *Демьянов В.Г.* Звуковое качество *ъ* по иноязычным показаниям XVII в. // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М.: Наука, 1987. С. 69–79.
4. *Жидкова Д.* Заимствование и межъязыковая омонимия (на материале русизмов в чешском языке и богемизмов в русском языке) // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica, 2007. № 3. С. 185–197.
5. *Калакуцкая Л.П.* Колготки // Вопросы культуры речи. Вып. VII. М.: Наука, 1966. С. 213–215.
6. Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 1. От А до Г. 1789. XVIII с., 1–1139, 1150 [=1140] стлб., [48] с.
7. Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 4. От М до Р. 1793. [4] с., 1272 стлб., [67] с.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1806–1822. Ч. 4: О–П. 1822. [2] с., 1536 стб.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. (Г–Д). Гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1977. 403 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. (Персть–Подмышка). Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1989. 285 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17 (Помаранець–Потишати). Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1991. 295 с.
12. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 3. 832 с.

Способы выражения прямой и непрямой адресации в детской художественной прозе (на материале произведений В. Липского)¹

Е.И. Калечиц

СПОСАБЫ ВІРАЖЭННЯ ПРАМОЙ І НЕПРАМОЙ АДРАСАЦЫ ў ДЗІЦЯЧАЙ МАСТАЦКАЙ ПРАЗЕ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРАЎ У. ЛІПСКАГА)

A.I. Kalechyts

WAYS OF EXPRESSING DIRECT AND INDIRECT ADDRESSING IN CHILDREN'S FICTION (BASED ON THE WORKS OF V. LIPSKY)

Alena I. Kalechyts

ABSTRACT:

Children's discourse of V. Lipsky is considered to be polylogic as in his works there is always a minimum of three involved in communication: the author, the adult and the child. The addresser tries to merge with the addressee or change roles with them. The intermediary between them is the above-the-addressee that is indicated to be implicit and less frequently by explicit means of expressing address. The most effective direct ways of expressing address in children's stories by V. Lipsky are questions put by the author, imperative constructions, pronouns and various verbal forms.

Keywords: direct and indirect means of expressing address; explicit; implicit; addressee; addresser; children's fiction.

АННОТАЦІЯ:

Детский художественный дискурс В. Липского мы считаем полилогичным, так как его произведения направлены на коммуникацию автора со взрослыми и детьми. Адресант старается слиться с адресатом или поменяться с ним ролями. Посредником между ними является нададресат, на которого указывают имплицитные и реже эксплицитные средства выражения адресации. К наиболее продуктивным прямым способам проявления адресации в детских произведениях В. Липского мы относим: авторские вопросы, побудительные конструкции, местоимения и различные глагольные формы.

Ключевые слова: прямые и непрямые средства адресации; эксплицитный; имплицитный; адресат; адресант; детская художественная проза.

Дзіцячы мастацкі дыскурс У. Ліпскага з'яўляецца дыялагічным, нават мае ўсе прыкметы полілагічнасці. Так, камунікуюць аўтар і чытач або аўтар, чытач і слухач, а таксама сам аўтар часам ператвараецца ў слухача або чытача. Ён жа выступае ў ролі бацькі – галоўнага героя некаторых

¹ Работа выполнена в рамках проекта VEGA № 1/0067/19 “Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie“ (Словакия).

твораў, – за паводзінамі і ўчынкамі якога пільна сочыць сталы сузіральнік – сам аўтар. Такім чынам, пазіцыі адрасанта і адрасата мяняюцца, перакрываюцца. Самотны аўтар з’яўляецца як знешнім, так і ўнутраным адрасатам – так узнікае двойная адрасацыя. У. Ліпскі ўвесь час імкнецца злучыцца са сваім чытачом, стаць на яго месца, ператварыцца ў дзіця, спрабуе зрабіцца з ім адным цэлым. Таму даволі часта ён перадае ролю адрасанта дзецям, якія распавядаюць уласныя казкі або розныя фантастычныя гісторыі. “Любая “бабулька” – так ласкава называе У. Ліпскі сваю герайню Алёнку, – табе ж толькі пяты годзік, а ты ўжо так па-даросламу разважаеш”² (с. 130).

Так, у дзіцячай прозе У. Ліпскі выкарыстоўвае экспліцытныя сродкі адрасацыі, да якіх лінгвісты звычайна адносяць: “звароткі, займеннікі, дзеяслоўныя формы, пытанні, пабуджальныя канструкцыі і г.д.” [Волвак 2002: 4-5]. Найбольш прадуктыўнымі ў нашым выпадку з’яўляюцца пытанні, звернутыя да адрасата. З дапамогай іх аўтар узбуджае і падтрымлівае цікаўнасць рэцыпіента да аповеду: “*Вось дык задача! Як жа ёй расказаць пра клопаты дарослай работы?*” (с. 128), “*Вось пра што начная казка Алёнкі. Пра што яна думае-перадумае за цэлы дзень, калі не спіць?*” (с. 144), “*Толькі цяпер Андрэйка Добрык зразумеў, якую бяду ўчынілі начныя разбойнікі. Хто яны? Адкуль прыляталі? Як аднавіць замак Алфавіт?..*” (с. 203) і пад. Такія канструкцыі часта прымушаюць паразважаць і задумацца чытача або слухача: “*Бацька з Алёнкай ідуць па вуліцы. Прагульваюцца. Размаўляюць. Лютаўская свежасць. Зімовае сонейка. А ці ж проста прагульваюцца?*” (с. 132) і інш. У некаторых выпадках аўтар прапаноўвае ўласны адказ-узор для разважання, каб патлумачыць ход дзіцячых думак, магчыма, адрасату ці трэцяй асобе – свайму сталаму, але незаўважнаму пасрэдніку – даросламу: “*Чаму яна выбрала для апраўдання лісяня? Мо таму, што ліса ў казках заўсёды хітрая, выходзіць “сухой” з любой бяды? Значыць, і яе лісяня павінна быць такім*” (с. 151), “*Няўжо яна падурнела за лета? Не, гэта іх выхавацелька, напэўна, пачала “ўцягвацца”*” (с. 162).

Параўнальна часта ўказаннем на прамую адрасацыю з’яўляецца асабовы займеннік *вы* 2 асобы множнага ліку або прыналежны займеннік *ваш* у розных сінтаксічных канструкцыях, часцей пабуджальных або пыталых: “*Хачу вам расказаць пра некаторыя Рыгоркавы прыгоды. Няхай хто пасмяецца, а хто і пра сябе падумае*” (с. 23); “*А можа, гэтая гісторыя з Марынкай, якая жыве ў вашым доме?*” (с. 39) і інш. Акрамя таго, У. Ліпскі выкарыстоўвае пабочныя сінтаксічныя канструкцыі канструкцыі і словы *ведаеце*, *бачыце*, *думаеце* і пад., у якіх асабовы займеннік *вы* толькі падразумяецца: “*Наш Іванка ходзіць ужо ў школу.*

² Усе ілюстрацыі ўзяты са зборніка твораў: *Ліпскі У.* Вясёлая азбука: казкі, апавяданні, аповесці. Мн.: “Юнацтва”, 1992. 285 с.

У першы клас. Дык з ім ведаеце, што здарылася?” (с. 69), *“Думаеце, лёгка гэта?”* (с. 26), *“А то радыё лезе ўключыць, песні, яму, бачыце, захацелася паслухаць”* (с. 30). Абагуленасць, неканкрэтнасць, няпэўнасць адрасацыі выражаецца адносна-пытальным займеннікам *хто* ў значэнні няпэўнага займенніка *нехта* або *хтосьці*: *“Хто з вас бачыў, як прачынаецца сонца? А-а, вы ў гэты час сама спіце! Дык устаньце калі-небудзь раненька і паназірайце, як над вашым горадам ці вёскай узыходзіць Сонца. Вам запомніцца гэты чуд. А яшчэ Вы ўявіце, што адчулі Янка, Клякса-Вакса, Шэрая мышка і кот Буль-Буль, калі ў ранішняй пазалоце ўбачылі горад Лічбаў”* (с. 267). Як відаць з папярэдняга прыкладу, У. Ліпскі выкарыстоўвае ў якасці сродка прамой адрасацыі прахібітывы. Гэтая граматычная форма дзеясловаў ужываецца аўтарам разам са звароткам, аднак такі прыём не з’яўляецца прадуктыўным, паколькі ў кнізе *“Вясёлая азбука”* мы сутыкнуліся з ім толькі адзін раз: *“Сябры! Сустракайце літары азбукі. Сябруйце з імі!”* (с. 20). У. Ліпскі свядома або падсвядома пазбягае такога спосабу адрасацыі і стараецца ўвогуле ў некаторых выпадках абысціся без звароткаў, каб пазбегнуць у сваіх творах павучальнасці і маралізатарства.

Пабуджэнне да дзеяння ці разважання, сваю аўтарскую пазіцыю У. Ліпскі перадае клічнымі простымі двухсастаўнымі сказамі з дзеясловамі загаднага ладу, складаназалежнымі сказамі з галоўнай аднасастаўнай безасабовай часткай або простымі аднасастаўнымі безасабовымі сказамі: *“Хай жа вясною спакойна спяць усе дзеці!”* (с. 155), *“Нельга не верыць ёй, бо хіба будзе яшчэ калі-небудзь у яе жыцці шэсць гадоў!”* (с. 167), *“Нялёгка адказваць на Алёнчыны пытанні. А трэба!”* (с. 183).

Адрасацыя к даросламу, як правіла, носіць імпліцытны характар. Яго прысутнасць падразумяецца, на што, напрыклад, можа ўказаць дзеяслоў *слухаць* у звароце да адрасата: *“Хто ўважліва слухаў і паверыў, той малайчына. А хто не верыць – няхай зловіць Змея-Хапуну і спытае яго, ці так гэта было, як казка кажэ”* (с. 281). Аднак падчас аналізу абранага зборніка твораў мы ўсё ж такі сустрэліся і з экспліцытнай адрасацыяй, што ўвогуле дало нам падставу выявіць прысутнасць нададрасата. Аўтар уступае ў палеміку з дарослымі па пытаннях адукацыйна-выхаваўчага характару. Ён задае рытарычнае пытанне ўсім дарослым: бацькам, выхаванцам і ў тым ліку, магчыма, самому сабе: *“Усе гэтыя пытанні, павучаюць выхаванцаў, не для Алёнчынага ўзроста. Ці не надта доўга трымаем дзяцей пад шкляным каўпаком?”*. Як відаць, пабочная канструкцыя, спасылка на выхаванцаў, а таксама форма дзеяслова 1 асобы множнага ліку ў пыталым сказе ўказвае на прамога, хоць і абагульненага адрасата. Акрамя таго, пісьменнік свайму чытачу нагадвае пра гістарычнае мінулае: *“Цар і прынцепа даўно сталі лялькамі на тэатральных сцэнах. А ці заўсёды было весела і смешна, калі яны*

“жывымі лялькамі” гулялі на жывой сцэне жыцця?” (с. 166). Тут У. Ліпскі ў форме прамога пытання звяртаецца да ведаў дарослых. Яго структура – складаназалежны сказ, галоўная частка якога – аднастаўны безасабовы сказ.

Як тонкі псіхолаг і разумны педагог, У. Ліпскі ў некаторых выпадках пазбягае пабуджалных канструкцый і спецыфічных для іх формаў дзеясловаў загаднага ладу. Пісьменнік выкарыстоўвае дзеясловы прошлага часу, якія ў кантэксце набываюць значэнне загаднага ладу. Ведаючы схільнасць маленькіх капіраваць дарослых і іншых дзяцей, аўтар часта ўжывае дзеяслоў *задумаліся* ў простых ці складаных апавядальных сказах або прыслоўі *задумліва, уважліва* ў спалучэнні з дзеясловам *слухаць* у пытална-рытарычных канструкцыях ці простых апавядальных сказах. Іх можна палічыць спецыфічнымі спосабамі прамой адрасацыі, характэрнымі для дзіцячага мастацкага дыскурсу У. Ліпскага: “*Задумаліся Андрэйка і Алеся. Узяўся за рожкі, пачаў думаць над адгадкай і чорцік Дуронік*” (с. 218), “*Задумаліся звяры. Мо і сярод тых раслін, якія яны ядуць, па якіх ходзяць, ёсць рэдкія? Іх жа берагчы трэба!.. Задумліва сядзелі дзеці ў класе, хаця Барвінак і закончыў сваю казку*” (с. 233), “*Усе падрыхтаваліся ўважліва слухаць*” (с. 254).

Такім чынам, у дзіцячай прозе У. Ліпскага часцей за ўсё выкарыстоўваюцца сродкі прамой адрасацыі, якія яму дапамагаюць стаць далікатным і тактоўным суразмоўцам, сябрам і ненавзлівым настаўнікам жыцця для сваіх маленькіх чытачоў.

Літэратура / References

1. *Волвак Н.П.* Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе: дис. канд. филол. наук. Владивосток, 2002. 189 с.
2. *Изотова Н.В.* Способы выражения прямой и непрямой адресации художественного дискурса (на материале прозы А.П. Чехова) // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Изд-во «Индрик», 2012. С. 265 – 275.
3. *Яфімава М.* Уладзімір Ліпскі: “Не выжываю, а жыву!..”: дапам. для педагогаў, выхавальнікаў, вучняў шк., навучэнцаў вучылішчаў, каледжаў, ліцэяў, студэнтаў ВНУ. Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2005. 224 с.

Книги пророков в библейском кодексе 1502–1507 гг. Матфея Десятого: источники и характер работы¹

В.В. Калугин

BOOKS OF THE PROPHETS IN THE BIBLICAL CODE 1502–1507 OF MATFEY X:
THE SOURCES AND CHARACTERISTIC OF WORK

Vasiliy V. Kalugin

ABSTRACT:

In Vilnius, Matfey X took as a basis of his work not the South Slavonic, but the Russian, most likely Novgorod manuscript of the Explanatory Prophecies from not earlier than the end of the 15th century. It had the closest protograph, which has common features with some Russian Explanatory Prophecies of the late 15th and early 16th centuries, and which formed one group with them ascending through intermediate copies to the Old Russian Code of 1047. Particular attention is given to the index of the discrepancies «Sayings from the Prophecies» compiled by Matfey X, and to the new edition of the Book of Daniel that he made.

Keywords: Explanatory Prophecies; Book of Daniel; source; copy; discrepancies; protograph; edition

АННОТАЦИЯ:

В Вильне Матфей Десятый взял за основу не южнославянскую, а русскую, скорее всего, новгородскую рукопись Толковых Пророчеств не ранее конца XV в. Она имела ближайший протограф, общий с некоторыми русскими Толковыми Пророчествами конца XV – начала XVI в., образовывала с ними одну группу и восходила через промежуточные списки к древнерусскому кодексу 1047 г. Особое внимание уделено указателю разночтений «От пророчеств пословицы», составленному Матфеем Десятым, и созданной им новой редакции Книги пророка Даниила.

Ключевые слова: Толковые Пророчества; Книга пророка Даниила; источник; список; разночтения; протограф; редакция.

Уроженец Торопца Матфей Десятый начал работу над библейским сборником в 1502 г. в Вильне и закончил ее 21 февраля 1507 г. в Супрасльском Благовещенском монастыре (возле Белостока). В приложении к Книгам пророков он поместил небольшой указатель «От Пророчеств пословицы» [Срезн-75: 123об.–124]. Данная статья – любопытный образчик древнерусской критики текста. Это первая известная ныне под-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16–04–00276 «Русская рукописная Библия Матфея Десятого 1507 г. Подготовка издания».

борка разночтений, составленная восточнославянским писцом-редактором. Она заключает в себе результаты его текстологических и лексикографических наблюдений над списками Толковых Пророчеств (далее – ТП). Матфей Десятый привел в указателе наиболее значимые, с его точки зрения, разночтения, включая даже несомненные ошибки. Он перенес туда и многие маргиналии своего источника. Глоссы имеют по преимуществу толковый характер. Они объясняют слова и выражения древнего перевода, главным образом устаревшие и малопонятные, а также некоторые библейские реалии. При редактировании Дан в указатель были включены два чтения из «Летописца еллинского и римского» Второй редакции. Через русский список в указатель «От Пророчеств пословицы» попали еврейские глоссы, сделанные в ТП, вероятно, в Новгороде не позднее самого начала 90-х гг. XV в., во время распространения ереси жидовствующа. Матфей Десятый, перенося маргиналии в указатель, иногда ошибался, неправильно соотносил толкования с библейским текстом и не всегда понимал значения еврейских слов.

У Матфея Десятого в Книгах пророков толкования опущены. Однако в указателе некоторые комментарии представляют собой выписки из толкований на Иез, исключенных в основном тексте (Иез, № 10 – третье примечание, № 11, 13–15). Эти выдержки сделал не Матфей Десятый. Он нашел их на полях своего источника и только перенес в указатель. Использованный им оригинал восходил к протографу, общему с новгородской (геннадиевской) рукописью 90-х гг. XV в. с новыми переводами Вениамина из Вульгаты [ТСЛ-63] и с ТП в сборнике конца XV–начала XVI в. [Син-576]. Больше всего совпадений с геннадиевской рукописью [ТСЛ-63]. В отличие от нее список Матфея Десятого отражает довеняминовский этап в истории ТП, до их дополнения переводами из Вульгаты в кружке архиепископа Геннадия Новгородского в начале 90-х гг. XV в. Латинских переводов нет и в Син-576. Да и в саму ТСЛ-63 они, написанные другим почерком, попали в последний момент, перед переплетением книги (Иер 1–25, 46–48: нач. 17 и 48: 17–52: 3) [ТСЛ-63: 272–301об., 301об.–303об., 350–358]. Причем в спешке или по невнимательности переплетчик перепутал листы.

Некоторые разночтения у Матфея Десятого совпадают с болгаро-молдавскими рукописями ТП. Однако эта связь может быть опосредованной, через русские списки. Так, болгарская рукопись ТП 70-х гг. XIV в. и ее славяно-молдавская копия 1474 г. восполняют первоначальный пропуск Иер 52: 1. Восстановленный стих специально выделен, весь написан кинноварью [F.I.461: 166об.; Щук-507: 24об.]. Эту вставку знают некоторые русские списки уже в конце XV в. и сборник Матфея Десятого [Син-576: 215–215об.; Срезн-75: 100; ТСЛ-63: 326об.]. И в них стих Иер 52: 1 напи-

сан киноварью. Случайное совпадение исключено. Здесь сказалось знакомство русского писца, подготовившего протограф этой группы списков, с болгаро-молдавскими ТП. Источники расходятся между собой только в указании на возраст иудейского царя Седекии в начале его правления. В полном соответствии с Библией (4 Цар 24: 18; Иер 52: 1) болгаро-молдавские ТП называют 21 год: «2 года и 1» [F.I.461: 166об.; Щук-507: 24об.], но русские списки считают иначе: «1 год и 11» лет. Их особое чтение повторяет и Матфей Десятый.

Вооружившись разными источниками, Матфей Десятый тщательно пересмотрел Дан и создал новую, Контаминированную редакцию. Целью его работы были полнота, хронологическая последовательность и ясность библейского повествования. Добавления, пояснения, лексические замены, поновления языка делались для того, чтобы библейский рассказ стал непротиворечивым, логически связанным и понятным. Матфей Десятый изменил структуру Дан, расположил ее главы в хронологической последовательности, а также снабдил Дан хронографическими примечаниями, дополняющими ее историческое содержание. Источниками правки были: 1) компиляция по всемирной истории, имевшая общий протограф с хронографами Архивским 60-х гг. XV в. и Виленским начала или первой трети XVI в., 2) находящийся в ее составе редкий мифодиевский перевод Дан и 3) «Летописец еллинский и римский» Второй редакции.

В Вильне Матфей Десятый взял за основу не южнославянскую, а русскую, скорее всего, новгородскую рукопись ТП не ранее конца XV в. Она имела ближайший протограф, общий с некоторыми русскими ТП конца XV–начала XVI в. [Син-576; ТСЛ-63], образовывала с ними одну группу и восходила через промежуточные списки к древнерусской книге 1047 г., переписанной со старославянского оригинала. При подготовке ТП Матфей Десятый работал с разными источниками и экземплярами ТП. Чтобы лучше оценить этот факт, надо принять во внимание, что в Вильне он располагал ограниченным числом ветхозаветных книг. По этой причине многие из них не вошли в его сборник (даже такие известные, как Исх, Нав, Суд, Цар и т. п.) или представлены в извлечениях из Паримийника (Быт, Иов и др.).

Матфей Десятый мог получить ТП из Новгорода по своим каналам. Один из его братьев, Нектарий (в миру Никифор), постригся в Хутыньском монастыре под Новгородом и впоследствии стал иеромонахом [Срезн-75: 476 об.]. По месту написания Книги пророков в сборнике Матфея Десятого являются «литовским» списком, но по источникам и языку – это памятник русской письменности, созданный за пределами России.

Литература / References

1. Син-576 – Сборник с ТП (л. 1–266об.). Кон. XV–нач. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 576.
2. Срезн-75 – Библейский сборник Матфея Десятого (Книги пророков, л. 3–122). 1502–1507 гг. БАН, собр. И.И. Срезневского, № 75 (БАН, № 24.4.28).
3. ТСЛ-63 – ТП. 90-е гг. XV в. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 63.
4. Щук-507 – Ветхозаветный сборник с ТП. 1474 г. ГИМ, собр. П.И. Щукина, № 507.
5. F.I.461 – Ветхозаветный сборник с ТП (л. 140–337об.). 70-е гг. XIV в. РНБ, F.I.461.

Славянский вклад в развитие письма

Л. Б. Карпенко

SLAVIC CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF WRITING

Liudmila B. Karpenko

ABSTRACT:

This report focuses on the first Slavic writing system, from the semiotic point of view it does not repeat the principles of the known types of writing systems. The Glagolitic script combines the principles of phonography and ideography, while its ideographic properties are not associated with the designation of a set of disparate concepts (as in the Sumerian, Egyptian or Chinese hieroglyphics), but with the expression of a certain religious and philosophical complex – the complex of "right faith", which was defended by the Thessalonian brothers Cyril and Methodius in their missionary activities. This complex is represented by different semiotic means – lexical, textual and symbolic means of the Glagolitic alphabet code.

Keywords: semiotics; system of writing; Glagolitic script.

АННОТАЦИЯ:

Доклад посвящен первой славянской системе письма - глаголице, которая с семиотической точки зрения не повторяет принципы известных типов письма. Глаголица – это алфавит, но такой алфавит, который сочетает свойства фонографии с идеографией, при этом его идеографические свойства связаны не с обозначением набора разрозненных понятий (как в шумерской, египетской или китайской иероглифике), а с выражением определенного религиозно-философского комплекса – комплекса "правой веры", который отстаивали в своей миссионерской деятельности солунские братья Кирилл и Мефодий. Этот комплекс представлен в их наследии разными семиотическими средствами – лексическими, текстовыми и символическими средствами глаголического алфавита.

Ключевые слова: семиотика, типы письма, глаголица.

В современной грамматологии по отношению к письму применяется преимущественно семиотический подход [Иванов 2013]. При характеристике типа письма используется соответствующий понятийный аппарат, в составе которого такие определяющие для классификации типов письма понятия, как «знак», «знаковая система письма», «означаемое

знаковой системы письма», «означающее знаковой системы письма». Последовательная реализация семиотического подхода позволяет непротиворечиво охарактеризовать известные в истории человеческой культуры типы письма, критически оценить и пересмотреть укорененное в традиционной теории письма мнение об исключительно заимствованном характере древнеславянских систем письма (И. Тейлор, И.В. Ягич, И. Фридрих и др.). Остановимся на этом подробнее.

В известной монографии «История письма» немецкий профессор Иоганнес Фридрих определяет древнеславянскую письменность в двух ее разновидностях – глаголической и кириллической – как «самую значительную письменность, созданную по образцу греческого письма периода раннего христианства». Подытоживая анализ различных письменностей, распространенных прежде всего в Европе, И. Фридрих заключает: «Все это чисто буквенные письменности, того же типа, что и немецкое письмо, но с иными формами знаков. После создания греческого письма – первого буквенного письма – в Европе и не могло быть по-другому: всякое новое письмо подключалось к раз навсегда найденной схеме. Внутреннее усовершенствование достигнутого состояния было вряд ли возможно; все изменения касались в крайнем случае только графической формы» [Фридрих 1979: 146]. Семиотический подход позволяет пересмотреть мнение немецкого ученого.

При последовательном соотнесении глаголицы с известными типами письма – пиктографией, идеографией, логографией, силлабографией, фонографией (алфавитное письмо) – по параметрам «означающее знаковой системы письма»: «означающее знаковой системы письма», выясняется, что эта разновидность древнеславянской письменности не относится ни к одному из известных типов. В пиктографии планом содержания письма является предметная ситуация, в идеографии – некая совокупность понятий, в логографии – понятия, заключенные в словах, в силлабографии и фонографии – элементы звучащей речи (слоги и фонемы). Глаголица соединяет принципы фонографии и идеографии, но при этом ее идеографические свойства связаны не с обозначением совокупности разрозненных понятий (как в шумерской, египетской или китайской иероглифике), а с выражением определенного религиозно-философского комплекса – комплекса «правой веры», который отстаивали в своей миссионерской деятельности солунские братья Кирилл и Мефодий. Таким образом, следует говорить, что славянская культура подарила миру совершенно особый тип письма.

Литература / References

1. *Иванов Вяч. Вс.* От буквы и слога к иероглифу: системы письма в пространстве и времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 272 с.

2. *Иоганнес Фридрих*. История письма (пер. с нем. и комментарии И.М. Дьяконова). - М.: Наука, 1979. С. 144–146.
3. *Карпенко Л.Б.* Славянские первоучители как миссионеры византийской святоотеческой традиции // Славянский вклад в мировую цивилизацию: Материалы Международной конференции. Волгоград: Науч. Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. С. 16–23.

Принятые – люди проклятые: **номинация мужа, пришедшего жить в дом жены** **(по материалам архангельских говоров)**

И. Б. Качинская

A HUSBAND, WHO CAME TO LIVE IN HIS WIFE'S HOUSE:
NOMINATION AND MOTIVATION (IN ARKHANGELSK DIALECTS)

Irina B. Kachinskaya

ABSTRACT:

Among the terms of kinship by marriage there exist numerous terms for the husband who came to live in his wife's house. There have been found about 40 of such terms plus about 20 collocations in Archangelsk dialects. The article contains the list of lexemes, and in detail examines their motivation that is mainly related to such notions as *house, yard, stomach, accept*. Besides that, the terms of blood relationship and the terms reflecting the gender-age identification are used. The social status of the "adopted" husband in the family was considered quite low, he often got "hurtful" nicknames. But the same lexemes could combine such meanings as "the husband who came to live in his wife's house", "the adopted child", "the man accepted into the family of lone elderly persons as a guardian" and "the mythological creature living in the house."

Key words: terms of kinship; terms of kinship by marriage; northern dialects; Russian dialectology.

АННОТАЦИЯ:

Среди терминов свойства - родства по браку – существуют многочисленные названия для мужа, пришедшего жить в дом жены. В архангельских говорах таких названий оказалось около 40 плюс около 20 словосочетаний. В статье приводится перечень лексем, подробно рассматривается их мотивация. В основном она связана со словами-понятиями *дом, двор, живот, принять*. Кроме того, используются термины кровного родства и термины, отражающие половозрастную номинацию. Социальное положение «приемного» мужа в семье считалось достаточно низким, он часто получал и «обидные» прозвища. Но одни и те же лексемы могли совмещать значения 'мужа, пришедшего жить в дом жены', 'приемного ребенка', 'человека, принятого в семью одиноких пожилых людей в качестве опекуна' и 'мифологического существа, живущего в доме'.

Ключевые слова: термины родства; термины свойства; архангельские говоры; русская диалектология.

1. В старой деревне женщина, выходя замуж, попадала в новую семью. Выражение *выйти замуж (взамуж)* буквально означало ‘выйти за мужа’, ‘перейти в дом мужа’. Но иногда муж переходил жить в дом к жене. Для того, чтобы не выдавать дочь, а взять зятя (мужа) в дом, могли быть разные причины: у родителей не было сыновей и они не хотели расставаться с дочерью; женщина оставалась вдовой или старой девой: *Отец был **принятой**, матери была у дедушка одна, отец пришёл **принятым**. **Принятой** – если нет в доме мужчины*. Должны были быть и особые причины для того, чтобы мужчина пришел жить в дом жены: бедность, отсутствие своего дома, нежелание возвращаться туда, откуда он пришел (приехал): *Это он в **приёмьши** идёт, если у него нет ни дома ни лома*.

Если женщина оставалась в своем доме, считалось, что она не *выходила замуж*, а сама *брала (принимала, получала) взамуж* мужчину: *Она **взамуж** **принела** Егора **животника***. Мужчина в свою очередь не *женился*, а *выходил (уходил) замуж (взамуж)*: *Сказывает Анна – Васька **взамуж** **вышел** в **приёмьши***. Таким образом, могут меняться гендерные соответствия понятий *выходить замуж* и *жениться*. Реверсное поведение отражается в лексике.

2. Для номинации мужа, пришедшего жить в дом жены, в архангельских говорах зафиксировано более 40 лексем и около 20 атрибутивных сочетаний. Подавляющее большинство интересующих нас лексем имеет достаточно прозрачную мотивацию. Большая группа слов связана с понятиями *дома* и *двора*: мужчина, женившись, входит в *дом (двор)* своей жены, т.е. становится членом чужой семьи. О нем так и говорят: *взять (брать, принять) в дом или во двор: Его одна вдовица в дом **взяла**, детей **насмекали**. У меня был **принят в дом** мужик. Мой-от сын **вышел во двор** к **енной** дочери*.

Большое количество лексем, обозначающих ‘мужа, перешедшего жить в дом жены’, является дериватами от корней **дом** (*домовик, домовуха, домовщик, доможир*) и **двор** (*дворник, дворовик, дворяга, водворяга, дворягец, дворяк, дворян, дворянин, дворовый человек*): *Ну просто с **домовиком**. Если мы тебя **жѐним**, дак **дворяк**, его взяли во **дворяна**, за **дежку-то***.

Следующий мотивационный блок связан с дериватами слова *живот* в значениях ‘жизнь’ и ‘имущество’. Мужа, пришедшего жить в чужой дом, пользующегося чужим имуществом, пришедшего на все готовое, т.е. *на готовые животы*, называют *живот, животан, животник, животничек*: *Не своя крыша, дак **животник**. В **животы** учительница **взяла** в **дом***.

Очень большое количество лексем произведено от глагола *принять* (*принимать*). «Приемный» муж называется *приёмник*, *приёмок*, *приёмщик*, *приёмши*, *приёмышко*, *приимши*, *приимши*, *примак*, *принятой*, *принятуха* (*принятухо*), *принятушка*, *принятыш*: **Приёмник**, **приёмши** – *ведь дак как назовёши*. **Принятой** *придёт*, *скажут*: **принятуха**.

Слова, которыми называли мужа, пришедшего жить в чужой дом, могли быть достаточно обидными: *кормыш*, *доживало*, *налёмыш*, *квашенник*, *чужая квашня*, *угловой жилец*, *хлеборад*, *обрезанная* (*отрезанная*) *краюха*, *чёмур*. Подчеркивалось, что такой мужчина в чужом доме ест чужой хлеб, является нахлебником: *Мужик ушёл к жёнке, так доживало, доживать ушёл*. **Хлеборадом** *зовут да принятой*. *Мать взяла после войны приёмка*, или **кормыша**, *всяк называют*. В особую группу можно выделить такие «обидные» наименования, как *петух*, *куричья головка*, *куря голова*, *петушья голова*. С одной стороны, обидным может считаться само сравнение с глупой птицей. Но в архангельских говорах лексема *петух* является наиболее распространенным эвфемизмом названия мужского полового органа (*петух*, *петушок*, *петонька*). Поэтому наименование «приемного» мужа *петухом*, *петушьей* (*куричьей*) *головой* и т.д. может означать, что мужчина в чужом доме нужен только для воспроизведения потомства.

3. «Приемный» муж был человеком зависимым и бесправным: *Чем дворовым быть, так лучше в бане жить*. *Лучше пуд соли съесть, чем в приёмыши идти*. *Как в приёмыши уйдёшь, как на горячей сковороды сидишь*. Пословицы отражают и отношение к «приемному» мужу в чужой семье: **Животник не работник**. **Приняты** *люди прокляты, говорят*. **А приняты**, *говорят, люди прокляты, а курица не птица, принятой не человек*.

4. Одни и те же лексемы могли обозначать человека, по разным причинам принятого на жительство в чужую семью: это приемный или внебрачный ребенок; опекун, проживающий в доме одиноких, пожилых или больных людей; муж, пришедший жить в дом жены.

Исследование проведено на материале архангельских говоров: использованы вышедшие тома «Архангельского областного словаря» и его картотека, а также собственные полевые записи автора.

Секундарни узвици као показатељи неочекиваности

Д. Керкез

SECONDARY INTERJECTIONS AS INDIKATORS OF UNEXPECTEDLY

Dragana Kerkez

ABSTRACT:

The article deals with linguistic problems, connected with secondary interjections in modern Serbian with a particular emphasis on the formal characteristics of secondary interjections and meaning of interjections with components *брат, сестра, мајка, човек*.

Keywords: secondary interjections, transposition, semantics, pragmatics, unexpectedly

АННОТАЦИЈА:

В настоящей работе освещаются некоторые проблемы, которые касаются вторичных междометий в современном сербском языке. Особое внимание уделяется структурной классификации вторичных междометий, как и определению семантики междометий с компонентом *брат, сестра, мајка, човек*.

Ключевые слова: вторичные междометия, транспозиция, семантика, прагматика, неожиданность

Историја лингвистичких слагања и, што је чешће, неслагања око узвика јесте подужа, али и крајње занимљива (И.А. Шаронов неједнозначан однос лингвиста према узвицима објашњава, између осталог, чињеницом да се основни закони језика практично не могу применити на ову врсту речи [Шаронов 2008: 9]), но ми се овог пута тим нећемо бавити, већ ћемо своју пажњу фокусирати на једном сегменту интерјекцијског корпуса – на секундарним узвицима.

Основна полазишта којих ћемо се у овом раду придржавати гласе: 1) узвике можемо поделити на две класе: а) узвици у ужем и б) узвици у ширем смислу те речи; 2) између ономатопеја и узвика не може се ставити знак једнакости¹; 3) узвици представљају језичке јединице које имају своје значење и то значење може бити тачније одређено.

Секундарни узвици (узвици у ширем смислу те речи) настају као резултат интерјекционализаје која пак представља резултат транспозиције: посматрана јединица налази се у необичном синтаксичком окружењу за њу и мења своје граматичке карактеристике.

¹ Ми се придржавамо мишљења да у интерјекцијски корпус не улазе ономатопеје, већ да га чине примарни и секундарни узвици. Ономатопеје су, за разлику од узвика, лишене сваког појмовно-категоријалног значења.

Како су секундарни узвици у српском језику по свом пореклу разнородни, ми ћемо за потребе овог рада значајно сузити објекат свог истраживања и у раду се усредсредити само на узвике изведене од именица *брат, мајка, сестра и човек*.

Са структурне тачке гледишта ови узвици могу бити: а) прости (моноксемни) и б) сложени (полилексемни).

Узвици изведени од именица *брат, мајка, сестра, човек* ћемо, осим већ наведеног, посматрати као маркере неочекиваности која представља једну од грамема функционално-семантичке категорије очекиваности/неочекиваности.

Према Амекиној класификацији [Атека 1992] посматрани узвици припадају групи експресивних узвика, при томе, по нашем мишљењу, они могу функционисати као емотивни (емоционална реакција говорног лица), тачније као емотивно-когнитивни, или као когнитивни узвици (изражавање менталних процеса и стања)².

Ова разлика би, чини нам се, требало да нађе и свог одраза у лексикографским дескрипцијама узвика.

Семантика емотивних и когнитивних узвика најсложенија је кад говоримо о идентификацији конкретног значења [Вежбицкаја 1999: 643]. Ипак, чини нам се да метод аналитичког тумачења, базиран на семантичким примитивима³, даје могућност да се прецизније одреди семантика узвика уопште, а у конкретном случају разлучи емотивна и когнитивна употреба узвика изведених од именица *брат, сестра, мајка и човек*.

У раду се на конкретним примерима проверава тачност аналитичких тумачења: *'У се налази у емотивном стању које је изазвано Z-ом који је учинио X. Z није интегрисано у слику света Y-a'* и *'У каже да W поседује својство које није интегрисано у слику света Y-a. W јесте Z које је учинио X'* *'У каже да W поседује својство које није интегрисано у слику света Y-a'*

где је W 'означено' или 'догађај', Z – 'поступак', Y – 'експеријенсер', X – 'каузатор'.

² Свако изненађење јесте и неочекиваност, али није свака неочекиваност изненађење. О томе: нпр. [Керкез 2016: 47 – 58]. Будући да прелазак говорног лица из једног у друго ментално стање може бити праћено емоцијама, у одређеним случајевима (који нису ретки) можемо говорити о функционисању датог узвика као емотивно-когнитивног (уп. са тумачењем узвика досетке које даје Иомдин [Иомдин 2006: 609 – 611]).

³ Ми ћемо придржавати методе аналитичких тумачења Московске семантичке школе који одговара семантици природног језика, има свој специфични речник (семантички примитиви и семантички сложеније речи) и синтаксу [уп. Апресјан 1995].

Литература / References

1. *Апресян Ю.Д.* О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды: том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва, Языки славянской культуры, 1995. 767 с.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под редакцией Т.В. Булыгиной. Москва: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
3. *Иомдин Б.Л.* Междометия догадки/Языковая картина мира и системная лексикография. Под ред. Ю. Д. Апресяна. Москва: Языки славянских культур, 604 – 612.
4. *Керкез Д.* Неочевидност као емотивно стање//*Русский язык как инославянский*, VIII (2016), Београд. С. 47 – 58.
5. *Шаронов И.А.* Междометия в речи, тексте и словаре. Москва: РГГУ, 2008. 296 с.
6. *Ameka F.* Interjections: The universal yet neglected part of speech//*Journal of Pragmatics*. 18 (2/3). pp. 101-118.

О лингвистическом воплощении чешской и словацкой идентичностей в транснациональной прозе и в ее переводах на иностранные языки

В.С. Князькова, М.Ю. Котова

ON THE LINGUISTIC EMBODIMENT OF CZECH AND SLOVAK IDENTITIES
IN TRANSNATIONAL PROSE AND ITS TRANSLATIONS
INTO FOREIGN LANGUAGES

Viktoria S. Kniazkova, Marina Yu. Kotova

ABSTRACT:

The report examines three transnational novels and their translations with the goal to analyze English insertions in a Czech-language novel by J. Škvorecký, Czech insertions in a German-language novel by L. Moníková and Slovak insertions in a German-language novel by I. Brežná. The conclusion is made about the role of foreign insertions in the representation of Czech and Slovak identities in these novels and about the requirement to convey this literary technique in literary translation.

Keywords: identity; Czech; Slovak; transnational fiction; foreign insertions

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматриваются три транснациональных романа и их переводы с целью анализа английских вкраплений в чешскоязычном романе Й. Шкворецкого, чешских вкраплений в немецкоязычном романе Л. Мониковой и словацких вкраплений в немецкоязычном романе И. Брежной. Делается вывод о роли иноязычных вкраплений в репрезентации чешской и словацкой идентичностей в этих романах и о необходимости передавать этот писательский прием при художественном переводе.

Ключевые слова: идентичность; чешский; словацкий; транснациональная проза; иноязычные вкрапления

Речь здесь пойдет о художественной прозе писателей с чешскими и словацкими корнями, оказавшихся за пределами Чехии и Словакии по экономическим, политическим или другим причинам и создававшим свои произведения на родных или освоенных за рубежом языках. Такие произведения мы относим к транснациональной прозе, полагаясь на наши предыдущие исследования [Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей 2014], где мы пришли к выводу о наличии у нее следующих литературно-философских типологических черт: автобиографичность, неоднозначная национально-культурная самоидентификация автора и героев, освещение проблем интеграции эмигрантов, трансформация культурной памяти, коррекция стереотипов и системы ценностей – все вместе выстраивающее новый тип национально-культурной идентичности писателя и персонажей его произведений. Со стилистической и языковой точки зрения в транснациональной прозе, как правило, присутствует интертекстуальность в виде смысловых аллюзий и иноязычных вкраплений, которые включаются автором в текст не только намеренно, как речевые характеристики действующих лиц, но и самопроизвольно – в авторской речи, обнажая противоречивую природу авторской системы выражения, преобразованной под влиянием инородного языкового окружения. Именно рассмотрению этих двух аспектов, которые мы считаем наиболее ярким лингвистическим воплощением национально-культурной чешской и словацкой идентичностей в транснациональной прозе, отводится центральное место в нашем докладе. Привлекая для анализа художественные переводы транснациональной прозы, мы находим доказательства уникальности ряда приема переклочения кодов и пытаемся заострить внимание на необходимости поиска нетрафаретных способов адекватной передачи труднопереводимых контекстов.

К чешской транснациональной прозе мы относим произведения, написанные по-чешски или на языке окружения (например, на немецком или на английском). Учитывая результаты исследований чешской идентичности, проведенных на кафедре славянской филологии СПбГУ совместно с А.В. Русан и А.Н. Болдыревой [Русан 2016; Болдырева 2017], а также труды о чешской идентичности таких российских и зарубежных ученых, как Е.Н. Ковтун, Н.В. Ковицына, Е.С. Худякова, S. Čmejrková, B. Feldmeier, J. Gazda, T. Hedin, P. Mareš, M. Nekula, I. Pospíšil, S. Kreisslová, R. Pynsent, K. Vlachová и В. Řeháková и др., в докладе мы рассмотрим наиболее типичные способы лингвистического воплощения чешской идентичности на примере двух произведений транснациональной прозы и их переводов: чешскоязычного романа Й. Шкворецкого «Příběh inženýra lidských duší» («История инженера человеческих душ», 1977) и немецкоязычного романа Л. Мониковой «Die Fassade» («Фасад», 1987).

К таким характерным способам акцента на чешской идентичности героев романов и их авторов относятся иноязычные вкрапления: с одной стороны, английские вкрапления в чешском тексте романа Й. Шкворецкого, оформленные с использованием чешской графики и по чешским словообразовательным моделям; с другой стороны, чешские вкрапления в немецком тексте романа Л. Мониковой. И те, и другие концентрированно выражают коллективную культурную память нации, а также стереотипы на ценностной шкале, сложившейся в Чехии в период 1948–1968 гг.

Анализ переводов иноязычных вкраплений приводит к выводу о недооценке переводчиками важности сохранения этого писательского приема. В большинстве случаев, он оказывается утраченным, что значительно снижает общую эстетическую ценность оригинального текста.

Начало транснациональной прозы словацкого происхождения можно отнести к периоду первых волн эмиграции словаков в конце XIX – начале XX вв. Наиболее ярким примером является творчество американского писателя Томаса Белла (Thomas Bell, 1903–1961), потомка первых словацких трудовых мигрантов в США. Его роман «Out of This Furnace» («Из этой топки», 1941) – это наблюдение изменения идентичности в условиях эмиграции, и ключевую роль в этом литературном исследовании автор отдает языку. Метаязыковые размышления автора и словацкие вкрапления в речи героев становятся доказательством постоянной внутренней борьбы идентичности эмигранта [Identity and Translation Trouble 2017].

Последующие волны эмиграции словаков дали множество ярких писательских личностей с гибридной идентичностью (среди них Й. Цигер-Гронский, Л. Лагола, Я. Блажкова, В. Мнячко, З. Бекер и многие другие). В докладе подробно рассматривается творчество словацко-швейцарской писательницы Ирены Брежной, анализируются тексты двух романов, написанных на немецком языке «Die beste aller Welten» («Лучший из миров», 2008) и «Die undankbare Fremde» («Неблагодарная чужестранка», 2012). Оба произведения были переведены на словацкий язык в соавторстве с самой писательницей, а второй из них вышел в 2014 году и на русском языке.

Рассказывая о словацкой действительности 1950-х годов в первом романе и об опыте эмиграции во втором, писательница упоминает страны, города, народы, противопоставляет родину и чужбину, характеризует идентичность жителей страны и эмигрантов, но при этом не называет их прямо, а дает только описания. На основе анализа таких зашифрованных лексем в немецком оригинале и в переводе можно предположить, что этот прием используется автором как один из способов отстранения от

собственного текста. Кроме того, делается вывод о том, что транснациональный роман в оригинале воспринимается как переводной текст, перевод же читается как оригинальное произведение.

Итак, в докладе рассмотрены иноязычные вкрапления в романах Й. Шкворецкого, Л. Мониковой и И. Брежной, являющиеся важной языковой составляющей в репрезентации чешской и словацкой идентичностей, которую необходимо учитывать в процессе художественного перевода.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Болдырева А.Н.* Чешская идентичность и транснациональный роман Либуше Мониковой «Die Fassade» // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций.* 2017. №3 (19). С. 3–13.
2. *Русан А.В.* Английские вкрапления в романе Йозефа Шкворецкого «Příběh inženýra lidských duší» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2016. № 7-1 (61). С. 128–130.
3. *Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / Бодрова А. Г., Бразговская Е. Е., Князькова В. С., Котова М. Ю. и др.; отв. редактор М. Ю. Котова.* СПб., 2014. 142 с.
4. *Identity and Translation Trouble / Ed.: I. Hostová.* Cambridge Scholars Publishing, UK, 2017. 195 pp.

Специфика нарративных стратегий романа Д. Годровой *Točité věty*: синтез своё/чужое, история/современность

С.А. Кожина

THE NARRATIVE STRATEGIES SPECIFICITY
OF THE D. HODROVÁ NOVEL *TOČITÉ VĚTY*:
ONE'S OWN / ANOTHER'S, HISTORY / MODERNITY SYNTHESIS

Svetlana A. Kozhina

ABSTRACT:

The article analyzes the narrative strategies of the D. Hodrová novel *Točité věty*. The narrative characteristic in the novel is based on the syntactic and morphological text structure and on the points of view system analysis. An important role is played by the structure of references and allusions.

Keywords: Czech literature, postmodernism, narrative, Daniela Hodrová, narrator.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются нарративные стратегии романа Д. Годровой *Točité věty*. Характеристика особенностей нарратива в романе опирается на анализ синтаксической и морфологической структуры текста, системы точек зрения. Немаловажную роль играет структура отсылок, обращений и аллюзий.

Ключевые слова: чешская литература, постмодернизм, нарратив, Д. Годрова, повествователь.

Большинство произведений современной чешской писательницы Даниэлы Годровой отличает наличие сильного автобиографического элемента. Роман *Točité věty* (2015), название которого можно перевести как «Спиральные предложения», является, вероятно, наиболее автобиографичным произведением автора. Однако жанровая характеристика романа как «автобиографии» значительно сузила бы его проблематику. Все творчество автора можно рассматривать как своего рода единый текст, основной вектор которого направлен на поиски внутреннего гетерогенного «я», выраженного в неоднородной структуре самого текста: разрушением всех тривиальных ориентиров (пространственных, временных и др.) и превалированием «фиктивных» элементов при изображении «реальных» событий. Анализ нарративных стратегий романа может послужить не только ключом к анализу других произведений автора, но и особенностей текстов чешского постмодернизма.

Способ изложения сюжета, согласно классификации Д. Годровой, относится к типу «повествование-ткань» [Hodrová 2001: 784]: развитие отдельных сюжетных линий происходит параллельно, независимо, в разных временных промежутках. В романе можно выделить несколько линий, однако границы между ними сильно размыты, что превращает текст в «антисобытийную» ткань. С подобным типом текста тесно соотносится понятие ризомы – термин, введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари в монографии «Тысяча плато»: «Именно ризома в форме лука или клубня, в отличие от дерева, рост которого зависит от основного коря и ствола, <...> может быть в любом месте прервана, однако продолжит развиваться дальше по какой-либо из своих бесчисленных линий, не перестанет образовываться, в отличие от деревьев, <...> сформирована на подоплеке плато из отдельных частей, которые не имеют ни начала, ни конца, но имеют центр, из которого ризома произрастает и развивается» [Hodrová 2015: 292]. Следовательно, все кажущиеся независимыми линии в романе объединены общим центром, выступающим в роли клубка неоднородных элементов.

Таким центром, с одной стороны, можно назвать события из автобиографии Годровой. В романе приводятся реальные воспоминания о ныне покойных супругах, Карле и Ярославе, лучших подругах – художнице Адриене Шимотовой (в романе – Адриена) и Богумиле Грёгеровой (Богунька), а также родителях, родственниках и знакомых. Фигура самой Даниэлы выступает в романе в роли персонафицированного нарратора, который наделен как чертами рассказчика, так и повествователя. Высказывание нарратора в начале романа достаточно однородно и представлено

в основном личной *ich*-формой в прошедшем (или историческом настоящем) времени. В первой же главе стареющая Богунька сообщает Даниэле, что начинает писать очередной роман (речь идет о реально опубликованном сразу после смерти романе Грёгеровой *Můj labyrint*), который, вероятнее всего, станет для нее последним. Для постепенно слепнувшей и слабеющей писательницы процесс создания литературного произведения становится способом оживления воспоминаний. Примечательно, что такой же цели, восстановить воспоминания, пытается достичь и Даниэла. И здесь вектор внимания переключается с повествования о жизни Даниэлы, на процесс и философскую идею порождения текста: «Жизнь человека – это и жизнь слова, которое к нему приходит, а также жизнь письма, которое резвится на бумаге колечками и завитушками, прямо ими наслаждается, еще даже не представляет, что всех этих колечек и завитушек все меньше, скоро, ох, скоро настанет судный день, и старое письмо будет исправлено <...>» [Hodrová 2015: 11].

Процесс порождения текста, таким образом, становится способом существования для Даниэлы и Богуньки, что влияет на построение предложений и всю композицию. Высказывания Даниэлы и Богуньки начинают сливаться: «На кресло-качалку не сядет, как ей советует Даниэла, оно опасно, по крайней мере для нее <...>» [Hodrová 2015: 21]. Речь других персонажей также представляет читателю события под иными углами зрения. Особенно сильным подобное слияние (или растворение) косвенной и прямой речи в речи нарратора становится к середине романа:

«Старый остролистный клен, вершина которого достигает пятого этажа, зеленые рошчицы были вымоими, или еще выше, летней ночью во время бури, наверное, это был прямо ураган, сломался <...> жизнь Евы – это дерево, которое ее отец помнил еще с детства <...>, а вот мама о дереве не помнила, так как смотрела на него каждый день из окна кухни, пахала пахала немало колечкоуменя сломалось, даже о буре она не помнит, вчера? говоришь, вчера?» [Hodrová 2015: 170]

В главную повествовательную линию врываются звуки народных песен, которые распевает престарелая женщина (мать одной из героинь). На примере хорошо видно нарушение синтаксической структуры, например, отсутствие знаков обособления прямой речи, нагромождение придаточными и графические приемы для подражания песенной интонации – отсутствие интервалов между словами.

Чередование различных нарративных стратегий происходит и между отдельными частями романа. Например, одну из сюжетных линий образуют отсылки к жизни и творчеству Ф. Кафки. В частях, посвященных Кафке и его близким, превалирует *eg*-форма повествования с более высокой степенью объективности. Однако в основное повествование врываются короткие предложения, имеющие сильную эмоциональную

окраску: «Бедный Франц!», «Кто вообще такая эта Марина Рихтерова?» [Hodrová 2015: 146]. Подобные высказывания служат для сохранения единства произведения, возвращая ему характерную долю субъективизации, связывают повествование о жизни Кафки с повествованием о жизни других персонажей. Такой же характер имеют вставки о жизни Б.Н. (за инициалами скрывается чешская писательница Б. Немцова [Hodrová 2015: 151]). Субъективизация изначально стремящегося к объективности повествования и включение его таким образом в основную сюжетную линию позволяет поддерживать внутреннее единство (ризому) гетерогенного текста.

Наличие нескольких сюжетных планов, чередование нарративных приемов, изменение точек зрения, времени и пространства создают своего рода литературное плато памяти, между событиями и персонажами которого образуются прочные взаимосвязи, основанные на ассоциациях, отсылках, воспоминаниях. Процесс прочтения (равно как и процесс порождения) подобного текста превращается в формирование имажинативного пространства, посредством которого удается удержать исчезающие в хаосе воспоминания.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения. Тысяча плато / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского. М.: Астрель, 2010. 892 с.
2. *Hodrová D.* --na okrají chaosu--: poetika literárního díla 20. století, Praha: Torst, 2001. 866 s.
3. *Hodrová D.* Točité věty. Praha: Malvern, 2015. 376 s.
4. *Doležel L.* Narativní způsoby v české literatuře, Praha: Český spisovatel. 152 s.

Путевой очерк „путешественника-патриота“ („rodoljubni putopisac“) в хорватской литературе XIX века

П.В. Королькова

THE TRAVELOGUE OF THE “PATRIOT TRAVELER” (“RODOLJUBNI PUTOPISAC”) IN CROATIAN LITERATURE IN THE 19TH CENTURY

Polina V. Korolkova

ABSTRACT:

This paper provides an analysis of the development and literary features of the travelogue in Croatian literature in the period of the National Renaissance (Illyrian movement), when a special kind of author, the “patriot traveler” appeared.

Keywords: Slavic literatures; Croatian literature; National Renaissance (Illyrian movement); Travelogue

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматриваются пути развития и художественное своеобразие хорватского путевого очерка эпохи иллиризма, когда складывается особый тип рассказчика – «путешественника-патриота».

Ключевые слова: славянские литературы; хорватская литература; эпоха иллиризма; путевой очерк (травелог)

Путешествие (травелог, путевые заметки) можно назвать метажанром на границе литературы и публицистики, в котором описываются какие-либо земли, страны, народы в форме заметок, дневников, очерков, мемуаров и т.д. Травелоги, помимо собственно познавательных, зачастую решают дополнительные – эстетические, политические, публицистические, философские, научно-исследовательские задачи. Познавательные цели постулируются в путевом очерке как основные, однако в действительности «второстепенные» цели могут оказаться для автора не менее важными.

Вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. читатель не воспринимал литературу путешествий как собственно литературу – скорее как источник сведений об отдельных странах, народах и их обычаях. Не была исключением и хорватская традиция травелога, и чтобы отвечать читательским ожиданиям, тексты должны были быть написаны живо и интересно, но беспристрастно и без тени вымысла. Возникает тип научного травелога в форме трактата для кругов, близких к власти (Мариан Болица, Яков Плетикоса, Иван Ловрич).

В XVIII–XIX вв. в рамках литературных направлений и школ в европейских литературах складывается жанр писательского путевого очерка, понимаемого в узком смысле. Для Хорватии первая половина XIX в. была крайне динамичным временем как в политическом, экономическом, так и в культурном и литературном смысле – периодом, когда создавалась хорватская литература Нового времени. Со второй половины XVIII в. можно говорить о тематических изменениях или, по крайней мере, смещении акцентов в хорватской литературе о путешествиях. В это время в центре внимания зачастую оказывается не город, его администрация и архитектура, а природа. В травелог эпохи Просвещения, несмотря на его практическую ориентацию, проникает все больше элементов художественности, хотя собственно ориентации на внешнюю (изобразительную) сторону повествования в нем еще нет (ярким примером может послужить путевой дневник известного хорватского ученого Руджера Бошковица).

XIX в. в истории хорватского травелога представляет собой совершенно новый период – тексты создаются на хорватском языке для хорватского читателя и становятся по-настоящему национальными, представляют своеобразную форму воспитания и, как вся литература второй и третьей четверти века, способствуют процессу пробуждения национального самосознания образованного слоя хорватов, за которым должен последовать народ. Через литературу священники, политики, чиновники, иногда даже торговцы и ремесленники учат читателя быть хорватом и гражданином, горячо любить и знать родину – это единая задача хорватской словесности того времени (речь идет прежде всего о периоде национального возрождения – иллиризма). Просвещение простого народа во многом остается главной задачей для создателей травелогов в период реализма вплоть до последней четверти XIX в.

Начиная с 1830-х гг., в эпоху национального возрождения появляется особый тип рассказчика – путешественника-патриота («*godoljubni putopisac*»), который испытывает искреннюю любовь к родине и веру в свой народ. Этот тип путешественника закрепится в хорватской литературе надолго – вплоть до рубежа веков и эпохи хорватской модерна. В это время литература путешествия переживает настоящий расцвет, к ней обращаются такие известные писатели, как Иван Трнски («Письмо из Далмации», 1838), Станко Враз («Путешествие в горные земли», 1843), Людевит Вукотинович (путевые очерки о Приморье и Лике, Франции и Германии), Матия Мажуранич («Взгляд на Боснию», 1842), Иван Франьо Юкич («Путешествие по Боснии в 1843 г.»), Антун Немчич Гостовинский («Путевые мелочи», 1845), Адольфо Вебер Ткалчевич («Дорога на Плитвице», 1860), Йосип Юрай Штроссмайер («Воспоминания о моем путешествии в Германию и Чехию», 1875), Франьо Рачки («Путевые

воспоминания о России», 1886), Эуген Кумичич («Под прицелом», 1889) и многие другие¹.

В очерках этих и других выдающихся хорватских писателей своего времени появляются поэтические описания национальной одежды, воспроизводятся живые диалоги с представителями разных слоев общества, однако главной их целью продолжает оставаться просвещение соотечественников, в целом слабо знакомых с жизнью хорватов из других областей монархии. Травелог хорватского «путешественника-патриота» декларировал программу по собиранию передовых граждан, что было в целом свойственно европейскому путевому очерку эпохи Просвещения. Добавим, что романтические пейзажи в очерках хорватских писателей этого периода отсутствуют (исключение составляет очерк одного из самых известных хорватских писателей XIX в. А.В. Ткалчевича «Краткое описание длинной дороги»), они остаются достоянием писателей предыдущей эпохи.

Травелог, написанный от лица «путешественника-патриота», таким образом, утилитарен и ангажирован – вдумчивый образованный читатель часто находит в нем и политическую программу, и видение устройства государства (эти черты будут свойственны хорватской литературе путешествия вплоть до эпохи модерны). В то же время тексты, первоначально однозначно воспринимаемые как публицистика, неуклонно развиваются в сторону художественности, особенно в отношении применения приемов иносказания и техники диалога. Этому во многом способствует и наличие цензуры.

Из хора голосов резко выделяется голос Антуна Немчича Гостовинского, издавший в 1845 г. «Путевые мелочи» – очерки о северо-востоке Италии. В своем тексте Немчич выступает как гражданин мира, однако одновременно с этим видит собственную миссию в том, чтобы представить миру хорватов. Не скрывает он и еще одну цель путешествия – расширить собственный культурный горизонт, посетить разнообразные картинные галереи, познакомиться с итальянским искусством. Немчич, безусловно, стал хорватским наследником «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна, отсюда крайне необычный для хорватского травелога и литературы в целом глубоко субъективный стиль повествования, присутствие в тексте сентиментальной чувствительности, большого количества воспоминаний, обилие хронологических разрывов. Немчичу удалось избежать монотонности при описаниях многочисленных памятников и произведений искусства, во многом за счет того, что он не боялся быть необъективным. Писатель выделяется на фоне остальных великих хорватов периода национального возрождения удивитель-

¹ Подробнее см. [Duda 1998; Duda 2012; Franić 1978; Franić 1983; Pederin 2007].

ной внутренней свободой, живостью, легкостью, тонким юмором и самоиронией, позволившим ему выйти за рамки ограничений и канонов, действовавших в то время в литературе.

Подводя итог, можно сказать, что в первой половине XIX в. с наступлением эпохи иллиризма хорватский путевой очерк переживает подъем и одновременно переосмысливается в рамках новой идеологии национального возрождения. В нем отсутствуют черты, характерные для европейских путевых очерков, дневников и эссе – нет, например, культа пейзажа, призванного отразить состояние души писателя. Вместо этого жанр решает практические задачи воспитания гражданина, знакомства со всем «хорватским» – со «своими» землями и людьми, с жизнью хорватов за пределами центральной Хорватии. Вследствие этого складывается особый тип рассказчика – «путешественника-патриота». Опора на документы и факты, хотя изначально и является определяющей для читателя, который обращается именно к литературе путешествия, перестает в этот период быть для него самоцелью; не менее важную роль начинает играть художественное измерение травелога, и эта заслуга, безусловно, принадлежит авторам эпохи иллиризма.

Литература / References

1. *Duda D.* Kultura putovanja. Zagreb: Ljevak, 2012. 236 s.
2. *Duda D.* Priča i putovanje: hrvatski romantičarski putopis kao pripovjedni žanr. Zagreb: Matica Hrvatska, 1998. 267 s.
3. *Franić A.* Hrvatski putopisi romantizma. Zadar: Narodni list, 1983. 300 s.
4. *Franić A.* Motiv patriotizma u hrvatskim putopisima: razdoblje Bachova apsolutizma: [II. dio] // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, Razred za suvremenu književnost, 1978. Knj.16=380. S. 227–261.
5. Hrvatski putopis od XVI. stoljeća do danas: antologijski izbor / Izabrao i priredio *D. Horvatić*. Zagreb: "K. Krešimir", 2002. 982 s.
6. Hrvatski putopisi / priredio *V. Brešić*. Zagreb: Divič, 1996. 279 s.
7. *Pederin I.* Hrvatski putopis. Rijeka: Maveda, 2007. 211 s.

Фазовые глаголы в сочетании с отглагольными существительными на основе русского и чешского языков

Я. Коцкова

PHASE VERBS IN CONNECTION WITH THE DEVERBAL NOUNS BASED ON RUSSIAN AND CZECH

Jana Kocková

ABSTRACT:

This paper focuses on the connection of phase verbs (*začít, začínat, končit, skončit/начать, начинать, кончить, кончать*) with the deverbal nouns in Czech and Russian. The phase verbs are considered to express phase meaning in connection with the infinitive of an imperfective verb, however, most of them are able to connect with deverbal nouns too. Moreover, the corpus-based study analyzes the aspect of the Czech verbal nouns in connection with the phase verbs.

Keywords: phase verb; deverbal noun; aspect; Czech; Russian; corpus-based study

АННОТАЦИЯ:

В статье исследуется проблематика сочетаемости фазовых глаголов (*začít, začínat, končit, skončit/начать, начинать, кончить, кончать*) с отглагольными существительными в чешском и русском. Фазовые глаголы как средства выражения фазового значения рассматриваются чаще всего в связи с их сочетаемостью с инфинитивами несовершенного вида, однако большинство фазовых глаголов способно сочетаться также с отглагольными существительными. Кроме того, на материале Чешского национального корпуса рассматривается вид чешских вербальных существительных, сочетающихся с фазовыми глаголами.

Ключевые слова: фазовый глагол; отглагольное существительное; вид; чешский; русский; корпусное исследование

Фазовые глаголы представляют собой одно из средств выражения фазового значения в языке, в грамматиках они рассматриваются в разделах о составном сказуемом как средства номинации действия, включающей аспектуальные значения. Фазовость с точки функциональной грамматики рассматривается также как часть функционально-семантического поля аспектуальности [Храковский 2007]. Особо отмечается их неспособность сочетаться с инфинитивами совершенного вида, благодаря этому они являются также одним из средств установления вида глагола. Фазовые глаголы стали предметом анализа прежде всего с точки зрения их роли как составного сказуемого на фоне других аналитических форм сказуемого, прежде всего аналитического будущего и сочетания модальных глаголов с инфинитивом [Стойнова 2016: 236, 241 и след.]. В этой

связи сложной проблемой является также их лексическое значение: фазовые глаголы рассматриваются или как десемантизированные [Radimský 2010], или как частично сохраняющие самостоятельное лексическое значение [Апресян 1974], [Падучева 2004], [Храковский 2007].

Проблематике сочетания фазовых глаголов с именами не уделялось особого внимания, хотя в последнее время появились некоторые интересные исследования по этому вопросу [Radimský 2010], [Грудева, Кузьмина 2009], [Падучева 2004]. В богемистике некоторые лингвисты рассматривают как фазовые только глаголы, сочетающиеся с инфинитивом, вследствие чего, например, глагол *končit* не рассматривается как фазовый, ср. [NESČ], [Mluvnice češtiny 3 1987: 23–24]. В рамках данного подхода конструкции типа «*končil se čtením*» характеризуются как сочетания категориального глагола с существительным со значением действия, которые имплицитно фазы действия [Mluvnice češtiny 3 1987: 23–24]. Однако большинство фазовых глаголов в чешском и русском языках способны сочетаться с инфинитивом и с предикативным именем и, как показывают исследования Грудовой и Кузьминой, для некоторых фазовых глаголов в русском языке возможны сочетания с предикативными именами [Грудева, Кузьмина 2009: 42]. В русском, как и в чешском языке, также существуют фазовые глаголы, которые не способны сочетаться с инфинитивом, а подчиняют себе существительные со значением действия (ср. *кончиться, начаться; skončit, končit*) [Падучева 2004: 179]. По нашему мнению тот факт, что некоторые существительные могут сочетаться с фазовыми глаголами, не дает оснований для исключения данных глаголов из разряда фазовых глаголов, а являются подтверждением способности некоторых имен выражать предикативность.

Задачей нашего исследования является более точное описание возможностей сочетания фазовых глаголов с отглагольными именами и сопоставление этих возможностей в русском и чешском языках, кроме того, в докладе мы сосредоточимся на видовых характеристиках чешских отглагольных существительных. В богемистической литературе утверждается, что вербальные существительные сохраняют видовые свойства в сочетании с фазовыми глаголами и некоторыми аспектуальными предложениями [Karlík 2004: 78], [Stehlíková 2010: 56], таким образом, с фазовыми глаголами сочетаются существительные, производные от глаголов несовершенного вида.

В наше корпусное исследование входили чешские глаголы *začít, začínat, končit, skončit* и русские глаголы *начать, начинать, кончить, кончатъ*. Первая часть анализа посвящена видам предикативных актантов, с которыми исследуемые глаголы сочетались, т. е. сочетаются ли они и в какой мере с актантами в форме инфинитива, отглагольного существительного или предикативный актант у них опускается. Особое внимание

при этом уделяется существительным с суффиксом -ние/-тие. Мы задались вопросом: какую часть они занимают в рамках именных предикативных актантов в русском и чешском языках и в каких формах встречаются анализируемые существительные (им., тв. падеж или сочетание с предлогом). Кроме того, был проведен анализ вида чешских отглагольных существительных, сочетающихся с фазовыми глаголами.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка / Москва: Наука, 1974. 481 с.
2. *Грудева Е. В., Кузьмина Ю. Ю.* Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета, 2009, № 3, С. 36–43.
3. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
4. *Стойнова Н. М.* Аналитическая конструкция будущего времени // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики URL: (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2016., С. 236–307.
5. *Храковский В. С.* Семантика фазовости и средства ее выражения // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / под ред. А. В. Бондарко. Москва: Ком-Книга, 2007, С. 153–180.
6. *Karlík P.* Mají dějová substantiva slovesný rod? // Čeština – univerzália a specifika 5 / под ред Z. Hladká, P. Karlík, Praha: NLN, С. 33–46.
7. *Mluvnice češtiny 3* / под ред. *F. Daneš, Z. Hlavsa, M. Grepl.* Praha: Academia, 1987. 748 с.
8. *NESČ. Nový encyklopedický slovník češtiny.* / под ред. *P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová.* [Электронный ресурс.] URL: <https://www.czechency.org> Дата последнего обращения 20.07.2018.
9. *Radimský J.* Verbo-nominální predikát s kategoriálním slovesem / České Budějovice: Jihočeská univerzita, 2010. 216 с.
10. *Stehlíková, L.* Morfosyntaktické vlastnosti deverbálních jmen na -ní/-tí. / Диссертация Философического факультета Масарикова университета. 2010. [Электронный ресурс.] URL: <https://is.muni.cz/th/e7gd9/>, Дата последнего обращения 10.07.2018.

Частная переписка Московской Руси (XVII-XVIII вв.) и культурная парадигма Православной Славии

Анна Кречмер

PRIVATE CORRESPONDENCE IN MOSCOW RUSSIA (17TH & 18TH CENT.)
AND THE CULTURAL PARADIGM OF SLAVIA ORTHODOXA

Anna Kretschmer

ABSTRACT:

In this paper we present the main results of our investigations of older russian private correspondence. Our corpus contains more than 1000 letters, the earliest one written in

1603, the youngest in 1731. With this corpus we will show the most relevant parallels and invariants within the hole highly homogeneous cultural area of Slavia Orthodoxa – as well the specific of this east-slavonic region of it.

Keywords: Slavia Orthodoxa; private correspondence; Moscow Russia: 17th & 18th cent.; invariants & specific features in culture of Slavia Orthodoxa.

АННОТАЦИЯ:

В нашей работе представлены основные результаты исследований частной русской переписки предпетровского и Петровского времени. Наш корпус состоит из более чем 1000 писем, написанных в 1603–1731 гг. Основная задача исследования – показать на этом материале как параллели и инварианты культурной парадигмы Православной Славии, так и соответствующую специфику данного ее восточно-славянского региона.

Ключевые слова: Православная Славия; частная переписка; Московская Русь (XVII–XVIII вв.); инвариантность и специфика культуры в регионах Православной Славии.

В то время как гомогенность письменной, цивилизационной культуры Православной Славии давно уже не оспаривается и является предметом рассмотрения многих научных работ, вариативность ее в отдельных регионах этого ареала нечасто привлекает к себе внимание исследователей. Именно этой теме посвящены некоторые наши работы последних лет (см. список литературы н.). Вопрос этот рассматривается нами на материале южнославянском – в первую очередь, сербском – и восточно-славянском. Исследования показали здесь и еще более далеко идущую субдифференциацию – а именно, сущностные различия внутри этих регионов, сербского и восточно-славянского, обусловленные в первую очередь, видимо, различиями исторического контекста. Так, культурно-языковое развитие (речь идет только о письменно-языковой ситуации и о письменной, преимущественно сакральной культуре!) т. н. Юго-Западной Руси во многом отличается от истории письменной традиции Руси Московской. Различия показывает и сравнение письменной парадигмы сербских регионов, попавших на века под власть Османской империи, и сербов, бежавших в конце XVII в. с этих земель на территорию Австрии, создавших там свою собственную письменную культуру – т. н. славяносербскую – и оставшихся до 1918 г. подданными империи Габсбургов.

Здесь можно говорить, видимо, о различиях между культурами «материковыми» – это безусловно Московская Русь, позднее Российская империя, но сюда можно отнести и сербскую языковую территорию, завоеванную турками – и культурами «островными». В последнем случае православные славяне оказываются – часто угнетаемым – меньшинством в иноязыковом, инокультурном и иноконфессиональном окружении. Сохраняя культурное наследие Православной Славии с его ярко выраженной спецификой, они в течение веков находятся в ситуации контакта (бо-

лее или менее активного, но постоянного) с культурно-языковой парадигмой Западной Европы. В результате такого контакта, такого сосуществования в жизненном контексте этих православных славян двух (как минимум) культурных моделей, их картина мира, их самоосознание – индивидуальное и групповое – начинает все более заметно изменяться. Причем, различия эти, видимо, остаются релевантными и в синхронном аспекте – но это должно быть проверено на более обширном материале.

Литература / References

1. Кречмер А. О феномену тзв. Pax Slavia Orthodoxa у контексту историје словенских стандардних језика // Научни састанак слависта у Вукове дане 25/2. Београд: Међународни славистички центар, 1996. С. 31–39.
2. Кречмер А. Руско приватно писмо у 17. веку и у доба Петра Великог // Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику, 2002. Т. 62. С. 117–148.
3. Кречмер А. О русском языке петровского времени (в свете данных анализа частной переписки) // Germano-Slavistische Beiträge (Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag) / Okuka M., Schweier U. (Hg.). // Die Welt der Slaven, 2004. Sammelbde – Сборники. Bd. 21. С. 137–148.
4. Кречмер А. Культурне парадигме код Срба и Руса на прелазу од средњовековног ка новом добу // Susret kultura. Zbornik radova. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu, 2006. С. 493–500.
5. Кречмер А. Человек за письмом (русский человек Петровского времени в частной переписке) // Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation – Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация (Gedenkschrift für G. Hüttl-Folter) / Besters-Dilger J., Poljakov F. (Hg.) / Русская культура в Европе – Russian Culture in Europe 5. Frankfurt/M. u. a. O.: Peter Lang Verlag, 2009. С. 267–287.
6. Кречмер А. Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. // Категория родства в языке и культуре / Толстая С. М. и др. (ред.). Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 36–56.
7. Кречмер А. Картина мира Православной Славии накануне Нового времени (на русском и сербском материале) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология / Березович Е. Ј. и др. (ред.) / Материалы II Международной научной конференции 8–10 сентября 2012 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2012. С. 29–30.
8. Кречмер А. Региональная дифференциация русского языка XVII – начала XVIII вв. (на материале частной переписки) // Региональные варианты национального языка / Майоров А.П. и др. (ред.). Улан-Уде: Изд-во БГУ Улан-Уде, 2013. С. 250–253.
9. Kretschmer A. Zur Geschichte des Schriftbrüssischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts. München: Kubon & Sagner, 1998. Specimina Philologiae Slavicae, Suppl. 62.
10. Kretschmer A. 1998 Zum Problem der vorstandardsprachlichen Norm (am Material des russischen Privatbriefes) // Die Welt der Slaven (Beiträge für den XII. Internationalen Slavistenkongress, Krakau 1998), 1998, v. XLIII. С. 259–270.
11. Kretschmer A. Srpska i ruska kulturna paradigma u osvjetl. Novog doba // Susret kultura / Subotić Lj., Živančević-Sekeruš I. (ur.). V Međunarodni interdisciplinarni simpozijum. Zbornik radova, knj.1. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu, 2010. С. 363–371.
12. Kretschmer A. Russische Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jh.s (sozio- und pragmalinguistische Auswertung). / Österreichische Beiträge zum Internationalen Slawistenkongress Minsk 2013 / Doleschal U. et al. (Hg.). Wiener Slawistischer Almanach 2013, Sonderband 83. С. 47–60.

Диалектные словообразовательные модели с вторичной приставкой за- и их синхронно-диахронный фон

О. Ю. Крючкова

DIALECT WORD-FORMATIVE MODELS WITH SECONDARY PREFIX ZA- AND THEIR SYNCHRONIC AND DIACHRONIC BACKGROUND

O. Ju. Krjuchkova

ABSTRACT:

Dialect word-formative models with secondary prefix *za-* are a part of the system of various means of formal and semantic extension of popular speech language expression. Such models of secondary prefixation belong to low colloquial language, which is confirmed by historical data.

Keywords: dialect speech; secondary prefixation.

АННОТАЦИЯ:

Диалектные словообразовательные модели с вторичной приставкой *за-* входят в систему разнообразных средств формально-семантического расширения языкового выражения в народной речи. Такие модели вторичной префиксации имеют разговорно-просторечную принадлежность, что подтверждают исторические данные.

Ключевые слова: диалектная речь; вторичная префиксация.

Модели с вторичной приставкой *за-* составляют яркую особенность народной (диалектной и фольклорной) речи (в [СРНГ 1972-1976] содержится около 100 лексических единиц с вторичной приставкой *за-*, зафиксированных на разных территориях, в говорах разных типов). Такие образования не свойственны современному русскому литературному языку, слабо представлены дериваты этой модели в письменных памятниках предшествующих периодов истории русского языка (в [СлРЯ XI-XVII вв. 1978] и в [СРЯ XVIII 1992–1995] примеры таких слов редки). Немногочисленные двупрефиксные глаголы с вторичной приставкой *за-* (**започинивати, запроводити, запродавати, запотешити, заприйти, зауверити**) встречаются в основном в текстах деловой письменности XVI-XVIII вв., в [СРЯ XVIII 1992–1995] половина таких глаголов сопровождается знаком, указывающим на новизну лексемы. Единичные случаи употребления глаголов с вторичной приставкой *за-* (**заозлобити, заповелевати, запомышляти**) отмечены и в памятниках более раннего времени, они входят в систему широко распространенного в древнерусских текстах приема аффиксального (в том числе и префиксального) повтора

(см.: [Крючкова 2000]), однако в этот период, в эпоху доминирования жанров книжно-славянской письменности, модель вторичной префиксации с приставкой за- не обнаруживает продуктивности. Проникновение данной модели в письменную речь связано с расширением ее жанрово-тематических границ в последревнерусский период, с продуктивностью этой приставки в просторечии и говорах.

Вторичная префиксация посредством приставки за-, как показывают материалы сводного диалектного словаря, возможна в разных частеречных и лексико-семантических группах слов, однако в абсолютном большинстве случаев является особенностью глагольного диалектного словообразования.

В составе диалектной глагольной лексики представлены разнообразные префиксальные комбинации, свидетельствующие о большой деривационной свободе вторичной приставки за-, присоединяющейся к разным первичным префиксам: завь-, заза-, зана-, заоб-, зао-, запо-, запод-, запри-, запро-, зау- (**завысовывать, зазадлится, занапъживаться, заобжигать, заощеряться, запобрасывать, заудивить** и др.). Регулярность приведенных выше префиксальных комплексов неодинакова, наибольшую регулярность обнаруживают префиксальные сочетания запо- и зау-

Семантика вторичного префикса за- в составе дупрефиксных диалектных глаголов сосредоточена в области непространственных значений способов глагольного действия. Присоединение приставки за- к первичнопрефиксальному глаголу обычно дополняет семантику однопрефиксного глагола значением начинательности: **запоедывать** 'начать искать корм, клевать (о рыбе)', **заполётывать** 'начать летать'. В случаях дублирования инхоативного значения первичнопрефиксального глагола посредством приставки за- семантика дупрефиксного глагола обогащается модальными значениями: результативности (Все стоял без почину до обеда, а как **започинила** одна девка — духом бор пошел), чрезмерной длительности действия (Ну, **заотправлялся**, дый конца не буде!).

Одна из регулярно реализуемых функций вторичной приставки за- в диалектной речи – «реконструкция» акционсартных значений опрошенных первичных приставок: **заобидушка** 'сильная обида' (Сегодня **заобидушку** горькую позанапрасно получил от друга; Какой он **заобидчивый** человек: не скажи ему ничего!).

В народно-разговорной речи вторичная префиксация посредством префикса за- – звено обширной системы формально-семантического расширения, элементами которой являются также другие модели аффиксального внутрисловного нанизывания (см., напр., [Крючкова 2007], [Ивницкая 1975]), сложения предлогов (в том числе с участием предлога за-), распространенные в говорах тавтологические конструкции (типа

грабмо грабить, гудом гудеть), модели аффиксации формально-усложняющего характера (**запрежа, запрощай**).

Диалектные словообразовательные модели с вторичной приставкой за- характеризуют структурные и семантические потенции русской словообразовательной деривации, а также коммуникативные особенности диалектной речи.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Ивеницкая В. А.* Об одном типе морфологического способа словообразования многоэлементных наречий в русских народных говорах // Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та. 1975. Т. 143. № 1. С. 465–468.
2. *Крючкова О. Ю.* Редупликация как явление русского словообразования / Под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 2000. 264 с.
3. *Крючкова О. Ю.* Аффиксальная редупликация в диалектном словообразовании // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / Под ред. Е. Н. Шабровой. СПб.–Вологда, 2007. С. 248–258.
4. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 5. М., Изд-во «Наука», 1978.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 9–11. Л.: Изд-во «Наука», 1972–1976.
6. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 7–8. СПб.: Наука. С.-Петербург, отд-ние, 1992–1995.

Новый взгляд на проблемы библейской книжной справки XVII в.

Е.А. Кузьминова

NEW INSIGHT ON THE PROBLEMS OF BIBLICAL BOOK CORRECTION
IN THE 17TH CENTURY

Elena A. Kuzminova

ABSTRACT:

A study of revision made in preparation for the publication of the Moscow Bible of 1663 allowed to establish that the biblical book correction was aimed at bringing the basic linguistic parameters of the text in correspondence with the system of norms codified in the Grammar of the 1648th.

Keywords: book correction, Church Slavonic language, grammatical norm, orthographic norm.

АННОТАЦИЯ:

Исследование исправлений, внесенных при подготовке к изданию Московской Библии 1663 г., позволило установить, что библейская справка была направлена на приведение основных лингвистических параметров текста в соответствие с системой норм, кодифицированных в Грамматике 1648 г.

Ключевые слова: книжная справа, церковнославянский язык, история русского литературного языка, грамматическая норма, орфографическая норма

Книжная справа второй половины XVII в. по праву считается одним из наиболее глубоко и всесторонне изученных этапов централизованного конфессионального редактирования славянских *богослужебных* книг. В настоящее время мы располагаем детальной информацией о различных аспектах деятельности Московского Печатного двора, перешедшего в 1652 г. из ведомства Дворцового Приказа в непосредственное подчинение патриарха Никона: о составе справщиков и распределении их обязанностей, о привлеченных ими источниках и критериях их отбора, о репертуаре выпущенных изданий и ходе работы над ними, об основных тенденциях исправлений как на уровне текста, так и на уровне языка и т.п. [Крылов 2009; Кузьмина 2014]. На этом фоне кажется тем более парадоксальным, что за пределами внимания исследователей осталась собственно *библейская* справа, проведенная на Печатном дворе при подготовке первого в Российском государстве полного печатного свода библейских книг на церковнославянском языке – Московской Библии 1663 г. (М.: Печ. двор, 12.XII.1663) (далее **МБ**).

На протяжении двух столетий бытует устойчивое представление о том, что **МБ** является буквальной «перепечаткой» Острожской Библии 1581 г. (Острог, 1581) (далее – **ОБ**). Это мнение, высказанное впервые Йосефом Добровским [Dobrowsky 1822: LI–LIII], несмотря на отсутствие четкого и аргументированного обоснования, стало безусловно доминирующим [Астафьев 1889: 71; Чистович 1899: 13–14; Евсеев 1916: 112; Алексеев 1999: 216 и др.].

Принадлежащая столь авторитетным ученым оценка **МБ** как «перепечатки» **ОБ**, по-видимому, и послужила причиной периферийного положения этого ключевого по своему статусу источника и в истории книжной справки, и в истории славянской библейской традиции, и, как следствие, в истории русского литературного языка. В результате систематическое и комплексное исследование ее языка и реализованной в ней нормы отсутствует, ее лингвистические параметры описаны весьма фрагментарно [Булич 1893; Сиромеха 1981], принципы и критерии, которыми руководствовались в своей деятельности ее редакторы, не установлены.

Существующее представление о **МБ** закономерно вызывает вопросы, связанные с общим ходом книжной справки и деятельностью Московского Печатного двора. Каким образом в разгар никоновской литургической реформы и обеспечивающей ее книжной справки никоновскими справщиками мог быть издан неправленный текст, т.е. текст, отличающийся по своим лингвистическим параметрам от всех остальной продукции Московского Печатного двора?

Проведенное нами исследование исправлений, внесенных московскими редакторами в исходный текст **ОБ** при подготовке к изданию **МБ**, позволило установить, что работа никоновских справщиков не сводилась к воспроизведению **ОБ**, а представляла собой систематическую и целенаправленную книжную справку, т.е. исправление книг Священного Писания «с целью кодификации текстов и языка» [Кузьминова 2014: 122].

Многочисленные орфографические и грамматические исправления редакторов **МБ** могли иметь различную мотивацию. Тем не менее в осуществленной ими справе четко прослеживается основная тенденция – приведение лингвистических параметров исходного текста **ОБ** в соответствие с системой норм, кодифицированных во втором, московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (далее **ГМ**).

Московское издание 1648 г. было принципиально и целенаправленно дистанцировано от первого издания грамматики М. Смотрицкого 1619 г. как на концептуальном, так и на формальном уровне. Главные справщики Московского Печатного двора Михаил Рогов и Иван Наседка создавали **ГМ** в качестве теоретической основы и инструмента для решения практических задач конфессионального редактирования. В их кодификаторских решениях был обобщен опыт орфографической и грамматической книжной справки, которой они руководили на ее предыдущем этапе при патриархе Иосифе (1642–1652) [Кузьминова 2012: 268–269].

Московские редакторы **МБ** продолжают практику иосифовской справки и последовательно реализуют орфографические и грамматические предписания **ГМ**. В частности, исправляют графему **ѣ** узкое на графему **е** широкое в позиции абсолютного начала слова и в плюральных формах, вносят правку **ѧ** → **Ѧ** в слове **ѧзыкъ** в значении ‘часть тела, орган речи’, избавляются от выносных букв и от подтитленного написания слов несакральной семантики, заменяют флексии в формах дат.п. и мест.п. ед.ч. суш. ж.р. с исходом основы на **ц-и** → **-ѣ**, мест.п. мн.ч. суш. м. и с.р. **-ѣхъ** → **-ѣхъ**, им.п. мн.ч. м.р. прич. **-иѣ** → **-ѣи**, дат.п. мн.ч. прич. **-иѣмъ** → **-ѣмъ** и др.

Таким образом, никоновская библейская справка, в точности соответствовавшая правилам **ГМ**, в которой был обобщен опыт языковой нормализации иосифовских справщиков, в своих основных направлениях явилась продолжением практики предшествующего этапа книжной справки. Это в свою очередь дает основание для того, чтобы скорректировать хронологические рамки реформы церковнославянского языка, которую исследователи как истории русского языка, так и истории русской церкви традиционно связывают «с началом книжных реформ патриарха Никона» и относят ко второй половине XVII в. [Успенский 2002: 433, ср.

Желтов, Правдолюбов, 2000: 492–508]. Реформа, изменившая облик церковнославянского языка, была начата иосифовскими справщиками в 40-е гг. XVII в., ее основы были заложены в ходе справки при патриархе Иосифе.

Литература / References

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
2. *Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1889. 198 с.
3. *Булч С.К.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб.: Тип. И. Н.Скороходова, 1893. 424 с.
4. *Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг.: Тип. М. Меркушева, 1916. 166 с.
5. *Желтов М.С., Правдолюбов С.* Богослужение Русской православной церкви // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2000. С. 492–508.
6. *Крылов Георгий (протоиерей).* Книжная справа XVII века. Богослужбные Минеи. М.: Индрик, 2009. 496 с.
7. *Кузьминова Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012. 468 с.
8. *Кузьминова Е.А.* Книжная справа // Православная энциклопедия. Т. XXXVI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2014. С. 122–134.
9. *Сиромаха В.Г.* «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале склонения существительных): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 186 с.
10. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
11. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 347 с.
12. *Dobrowsky J.* Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae: Sumtibus et typis Antonii Schmid, 1822. 846 с.

Из истории лингвистических исследований цвета в России и в Польше

В.Г. Кульпина

ABOUT HISTORY OF LINGUISTIC STUDIES OF COLOR TERMS IN RUSSIAN AND IN POLISH

V.G. Kulpiņa

ABSTRACT:

The paper is devoted to the first Russian and Polish researchers of color terms. There are considered the fundamental works of the researches, the basic trends of their studies and their achievements in linguistic of color.

Keywords: term of color, ethimological studies, psycholinguistics, Russian language, Polish language, V.I. Shertzl, A. Zaręba.

АННОТАЦИЯ:

Доклад посвящен первым российским и польским исследователям терминов цвета. Рассматриваются базовые работы этих исследователей, основные направления их исследований, их достижения в лингвистике цвета.

Ключевые слова: термин цвета, этимологические исследования, психолингвистика, русский язык, польский язык, В.И. Шерцль, А. Заремба.

Доклад посвящен российским и польским первоисследователям наименований цвета. Нижний предел очерчивают исследования русского языковеда Викентия Ивановича Шерцля (1843–1906), увидевшие свет в Воронеже в «Филологических Записках» в типографии В.И. Исаева в 1884 г. Верхний предел представлен трудом польского исследователя терминов цвета Альфреда Зарембы (1921–1988) «Названия цветов в диалектах и польского языка. С 2 картами», вышедшим во Вроцлаве в 1954 году. Хотя обе эти книги отделены друг от друга столетием, их роднит монографический характер изысканий и пионерский для своего времени подход к исследованиям терминов цвета. Новаторство В.И. Шерцля состояло в установлении этимологических сопряженностей и сопоставлении невероятного количества терминов цвета совершенно разных языков и культур, выявлении символической значимости цветоименований и в целом открытие терминов цвета как невероятно интересного предмета этимологических и лексикологических исследований. Первопроходческий характер лингвистических исследований цвета Альфреда Зарембы состоял в том, что он собрал вместе термины цвета польского языка, отделил от них диалектизмы, которые картографировал по регионам, и выделил профессиональную лексику, прежде всего термины цвета, употребляемые польскими ткачами.

Лингвистические исследования цвета в современном мире осциллируют в основном в пределах следующих направлений: эволютивного, психолингвистического, когнитивного, сопоставительного, лингвокультурологического, онтологического, институционального (связанного с объединением лингвистических исследований цвета в одну дисциплину – лингвистику цвета) и терминоведческое. Однако первые исследования цвета существовали в менее определенных структурных очертаниях, были более диффузны и синкретичны, однако не менее научно интересны и с позиций сегодняшнего дня благодаря своей свежей первозданности и первопрородческим идеям. В наши дни перечисленные направления исследований наименований цвета характеризуются бурным развитием. Однако в те далекие дни исследования обоих авторов стали определенным новум и послужили серьезным импульсом для дальнейшего развития лингвистических исследований цвета.

Историко-этимологические исследования В.И. Щерця явили собой образец исследований чрезвычайно компетентного человека, обладающего обширными знаниями в области истории и этимологии цветообозначений. В его трудах представлена история очень многих отдельных цветообозначений, показано развитие их семантики, выявлено происхождение, нередко достаточно древнее. Историко-этимологические исследования органично соединены у Щерця с психолингвистическими и такими, которые мы назвали бы сейчас когнитивно-этнолингвистическими, связанными с восприятием цвета, с поисками цветового эталона у разных народов, с установлением неуниверсального по языкам характера терминов цвета, их связи с понятием света и блеска, вниманием к синестезии (*кричащие цвета*). Материал исследования и его анализ показывают, что способность различать цвета не является врожденной, но благоприобретенной способностью человека; цвет является производной от языка, культуры и социума. Отмечается синкретизм целого ряда современных ему наименований цвета (хотя сам термин не употребляется) в терминах смешения цветов.

Труд Альфреда Зарембы «Названия цветов в диалектах и истории польского языка с картами» стал первым в польскоязычном ареале трудом, в котором произведена фактически инвентаризация польских цветообозначений для современного А. Зарембе периода. Созданный им список был углублен за счет использования цветообозначений в диалектах и в истории польского языка. Сейчас мы бы сказали, что А. Заремба, собрав материал цветообозначений, распределил его по концептам, хотя в период его жизни понятие концепта как понятие этнолингвистическое не существовало. В пределах одного концепта, к примеру, сгруппированы

szary ‘серый’ и bury ‘бурый’, нередко выступающие как взаимозаменяемые. Те цвета, которые трудно определить и дать название, в польском языке объединены номинациями szary и bury.

С помощью этих терминов цвета обычно определяют цвет обычной дворовой кошки. В один концепт по признаку цветовой близости объединены czarny ‘черный’ и ciemny ‘темный’. Для обозначения черного цвета в диалектах употребляется не только czarny, но и szady ‘серый’, а также brudny ‘грязный’, а также szapawy ‘черноватый’. Альфред Заремба фиксирует привязку цветообозначений к объектам, наделяемым цветом. Например, цветообозначение ’śniady’ ориентировано исключительно на цвет кожи.

До появления исследований этих ученых можно говорить лишь о фрагментарных работах в области лингвистики цвета, затрагивающих отдельные и достаточно частные проблемы.

Регионализмы в составе праславянского словаря как показатель древнего диалектного членения исходной языковой системы

Куркина Л.В.

REGIONALISMS IN THE STRUCTURE OF THE PROTO-SLAVIC DICTIONARY AS INDICATOR OF ANCIENT DIALECT RELATIONS IN THE PROTO-SLAVIC LANGUAGE

Kurkina L.V.

ABSTRACT:

In the multilayer composition of the Proto-Slavic lexical Fund phenomena, their external and internal connections serve as an indicator of ancient dialect relations in the Proto-Slavic language. One of the problems is related to the formation, to the identification of the sources of the southern Slavs. The material allows to think that origins of opposition of the two South Slavic groups belong to the era of Slavic migrations.

Key words: Proto-Slavic language, lexical dialecticisms, South Slavic Language

АННОТАЦИЯ:

В многослойном составе праславянского лексического фонда региональные явления, лексические диалектизмы являются одним из показателей древних диалектных связей на плоскости праславянского языка. Региональные явления, их внутренние и внешние связи подтверждают изначальное противопоставление двух диалектных групп на ю.-слав. территории и позволяют связать это явление с разнонаправленными потоками славянских миграций.

Ключевые слова: праславянский язык, лексические диалектизмы, южнославянская языковая группа

На современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, решающее значение в разработке вопросов диалектной структуры праславянского приобретает данные лексикологии. «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (Вып. 1-41-. М., 1974-2018-), ориентированный на реконструкцию и этимологизацию праславянского лексического фонда, дает богатый материал для стратификации во времени и пространстве языковых явлений, восстановления как внутренних, так и внешних диалектных связей на уровне словообразования, морфонологии и семантики. Как показывает материал, реконструируемый праславянский словарь представляет собой довольно сложное образование, в котором сосуществуют напластования разных эпох. Лексика позволяет углубить историю праславянского языка, обозначить этапы его развития, выделить в составе словаря индоевропейское наследие, новообразования, сложившиеся в праславянскую эпоху (ср. термин ткачества **natъra*), балканизмы (ср. болг. *разбой*), заимствования из соседних и.-е. языках (ср. слав. **bl'udo* < гот. *biuþs* 'стол' в болг., макед., серб. диал., в.-луж., рус., укр. диал. при отсутствии в словен., чеш., словац.) и т.д. Задача современной славистики состоит в том, чтобы на основе ретроспективного анализа восстановить диалектную структуру праславянского языка и пути ее преобразования. Основной путь к решению поставленной задачи лежит через исследование частных систем, выявление в терминах изолек структурных и пространственных характеристик региональных явлений, существенных для понимания лингвоэтнических проблем (Трубачев 2004: 260-297).

Одна из важнейших проблем связана с восстановлением истоков ю.-слав. языковой группы. Деление ю.-слав. территории на две области – западную (словенско/кайкав./чакав./щачакав./зап.-штокав.) и восточную (вост.-штокав./болгар./макед.) получает конкретное воплощение в лексике. В составе словаря поддаются выделению диалектизмы, отличительно характеризующие ту и другую часть ю.-слав. ареала. Ср. специфические для восточной части ю.-слав. ареала лексемы **boraviti*, **bru(k)ъ*, **brъn'a*, *bruxati*, **buga*, **busati*, **butъ*, **čakati*, **čamъrěti*, **čamariti*, **čavъka*, **čavъrěti*, **čekъrtati*, **čepelzti*, **čexъlъ*, **čuriti*, **desiti*, **dolga*, **drusati*, **dъgna*, **grono*/**grona*, **guja*, **gybelъ*/**gybělъ*, *xъrbelъ*, **xlъbъ*, **xoxolъ*, **juda* и т.д. Немало примеров, когда исключительно по данным словенской лексики реконструируются лексемы праславянской древности (ср. **aževina*, **bogorъ*, **bъrtъ*, **bъža* (~ **bъgati* 'гнуть'), *čamerъ* (~ др.-инд. *camarāh*), **čunъ*, **čuriti* 'дымить', **gluta*, **xula* 'плечевой сустав' и т.д.), **meldъnъ* (~ **moldъnъ*) и т.д. В словенском языке отсутствуют продолжения праслав. **aščerъ*, **atra*, **bebrъ*/**bъbrъ*, **bl'udo*,

**borti, *brujati/*brujiti, *buzь/*buzina, *ča-mьrda, *gluda, *gluzdь, *gogolь, *gorazdь, *krukь, *kusiti (< гот. kausjan), *kuzn 'a/*kuznica/*kьznь, *kьdy, *kьlbanь* и т.д. Лексика остается тем инструментом, который помогает прояснить комплекс проблем, связанных с формированием славянских языковых групп, а именно: 1. соответствует ли генетически это деление двум основным миграционным потокам с территории к северу от Дуная, 2. в каком отношении с севернославянскими языками находятся обе группы южнославянских диалектов, 3. как проявляются связи с балтийскими языками. Комплексное обследование диалектизмов на широком славянском фоне подводит к выводу об отсутствии ю.-слав. праязыка и освоении территории южных славян разнонаправленными миграционными потоками (Куркина 1992).

Литература / References

1. Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004.
2. Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Люблина, 1992.

Особенности использования интеллектуальной лексики в произведениях Максима Грека. Постановка вопроса

М.К. Ферро

THE USE OF INTELLECTUAL LANGUAGE
IN THE WORKS OF MAKSIM THE GREEK. PRELIMINARY OBSERVATIONS

M.C. Ferro

ABSTRACT:

The biography of Michele Trivolis, together with his fervent activity as a translator, suggests that in his works we may find a particular usage of the lexicon: use of traditional lemmas in new and/or different meanings, introduction of new terms. In order to verify this hypothesis, it is worth to examine the occurrences of some key concepts of medieval and humanistic culture in his works. To better appreciate the peculiar properties of Maksim the Greek's lexical use, the results of the survey will be compared with the previous use and semantics of the words, on the basis of the historical section of Russian National Corpus.

Keywords: Maksim the Greek, lexicon, Medieval Age, humanism

АННОТАЦИЯ:

В докладе ставится вопрос об особенностях индивидуального интеллектуального словаря в сочинениях Максима Грека. Объектом настоящего исследования стало

использование автором традиционных лемм и вкладываемое в них специфическое значение, а также новые термины, введенные под влиянием гуманистической культуры и религиозного возрождения. В докладе анализируется употребление некоторых ключевых средневековых гуманистических понятий из литературного наследия автора. Особое внимание уделяется сопоставлению употребления отдельных слов и функционирования подобных примеров, взятых в историческом разделе Национального корпуса русского языка, в целях выявления характерных черт лексических предпочтений Максима Грека.

Ключевые слова: Максим Грек, лексика, средневековье, гуманизм

Одним из основных направлений изучения наследия Максима Грека стали лингвистические исследования, вследствие чего наибольшее внимание уделяется морфосинтаксическому анализу сочинений, который позволил выделить некоторые особенности языковой личности автора [см.: MacRobert 2008, 2017; Olmsted 2002; Вернер 2010, 2017], благодаря которым Максим Грек заслуженно считается первым нормализатором церковнославянского языка. Кроме того, обнаруженные лингвистические особенности играют важную роль при установлении авторской принадлежности произведений.

Однако, особенности употребления лексики не получили заслуженного внимания, и систематического исследования языковой личности автора не проводилось.

Детали биографии Максима Грека и его переводческой деятельности позволяют предположить, что в его работах может иметь место лексическое своеобразие, т.е. использование традиционных лемм в новых значениях и сочетаниях, или введение новых терминов под влиянием современной ему гуманистической культуры и религиозного возрождения, с которыми он имел возможность ознакомиться в Италии.

Наша работа направлена, прежде всего, на поиск в произведениях Максима Грека (Преподобный 2008, 2014; Сочинения 1859-1862) понятий, навеянных идеями гуманизма (например, *самовластие*). Можно предположить, что эти понятия впервые обнаруживаются в произведениях, описывающих пребывание автора в Италии или связанных с его жизненным и культурным опытом в этой стране. Также оказывается целесообразным изучение основных понятий монашеской жизни, присутствующих в многочисленных сочинениях по теме. Кроме того, предполагается анализ ключевых понятий средневековой интеллектуальной лексики (например: *разум, мудрость, дух, душа*) и идей, определяющих практику православной традиции (например: *стяжательство, предание*), которые встречаются в произведениях о православной вере и в посланиях.

Употребление наиболее значимых терминов описывается посредством лексикографического анализа. В работе преследуется цель выявле-

ния культурных и идеологических причин использования автором отдельных лемм и, по возможности, обнаружения их источников (библейские, патристические, гуманистические; см. Ромоли 2015).

В целях более точного выделения особенностей языковой личности Максима Грека предусматривается сравнение полученных результатов с употреблением отдельных терминов в сочинениях иных авторов, установленного на основе анализа примеров из Древнерусского и Старорусского корпусов НКРЯ и словарей старославянского и церковнославянского языков.

В докладе излагаются первые результаты исследования, доказывающие научный интерес и целесообразность лексического подхода в изучении произведений Максима Грека.

Литература / References

1. Вернер И.В. Лингвистические особенности перевода латинских книг Геннадиевской библии 1499 г. // *Studi Slavistici*, 2010. С. 7-31.
2. Вернер И.В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком 1522-1552 годах: хронология, текстология, методология // *Славяноведение*, 2017, № 2. С. 40-54.
3. Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н.В. Симицной. Москва: Индрик, 2008, т. I, 568 с.
4. Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н.В. Симицной. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2014, т. II, 432 с.
6. Ромоли Ф. "Trattato contra gli astrologi" Джироламо Савонаролы и «Слово против тщасящихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека. Опыт сопоставительного анализа // *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*, 2015. № III, С. 1-17.
7. Сочинения преподобного Максима Грека / Изданные при Казанской духовной Академии. Казань: Типография губернского правления, 1859-1862, тт. I-III.
8. MacRobert C.M. Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic // *Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists. Ohrid, 2008*, pp. 45-63.
9. MacRobert C.M. Maksim Grek in linguistic context // *Latinitas in the Slavic World / ed. V.S. Tomelleri, I.V. Verner (Specimina Philologiae Slavicae, 192)*. Leipzig, 2017, s. 173-205.
10. Olmsted H.M. Recognizing Maksim Grek: Features of his Language // *Paleoslavica*, 2002. Т. X. № 2. S. 1-26.

«Ruski, rosyjski, radziecki, sowiecki...»: к вопросу о семантической и прагматической эволюции лексем

О.О.Лешкова

"RUSKI, ROSYJSKI, RADZIECKI, SOWIECKI...":
CONCERNING SEMANTIC AND PRAGMATIC EVOLUTION OF THESE LEXEMS

Olga O. Leshkova

ABSTRACT:

The research is devoted to description of semantic and functional changes happened to certain lexems (words) during last hundred years. Studies of modern usage show us that adjective *sowiecki* progressively becomes a neutrally positioned component within the synonymic row. In the contemporary Polish language adjective *ruski* functions actively as colloquial alternative for the noun *Rosjanin*.

Keywords: Russian-Polish equivalents; stylistic alternative; semantic shift

АННОТАЦИЯ:

Исследование посвящено описанию семантических и функциональных изменений, которые претерпели указанные лексемы на протяжении последних ста лет. Изучение современного узуса свидетельствует о том, что прилагательное *sowiecki* постепенно смещается в позицию стилистически нейтрального компонента синонимического ряда. Прилагательное *ruski* в современном польском языке активно функционирует в качестве разговорного дублета существительного *Rosjanin*.

Ключевые слова: русско-польские эквиваленты; стилистический вариант; семантический сдвиг

В польском языке сложилась достаточно парадоксальная ситуация – в нем есть полные формальные эквиваленты русских наименований лиц, связанных с принадлежностью к России (прошлой и нынешней), но содержательная (семантическая и прагматическая) эквивалентность у них отсутствует, что порождает наличие в этой группе лексем межъязыковых омонимов (*pierogі ruskie, rosyjska sztuka* и под.) или существенные расхождения в их коннотативной сфере, оценочных компонентах семантики или же стилистической окраске.

Особенности этой группы были предметом лингвистических описаний [Мачеевский 2000; Тихомирова 2011; Głowiński 2009], однако нельзя отметить их семантической стабилизации, в их значении и функционировании продолжают происходить сдвиги. Кроме того был исследован новый языковой материал, позволяющий по-новому интерпретировать статус и взаимосвязи некоторых лексем этой группы.

Прокомментируем это на примере пары „sowiecki – radziecki”. Устоявшееся мнение – в этой паре *radziecki* является нейтральным стилистически, основным членом, *sowiecki* же обладает негативными коннотациями, имеет depreciативный характер, поэтому «в некоторых ситуациях его употребление может быть нежелательным [poradniajezykowa.pl; Głowiński 2009: 26]. Однако соотношение слов в этой паре явно меняется – слово *radziecki* активно замещается на *sowiecki* в текстах самых разных типов: публицистических, научных, художественных. Исследователи отмечают факт их параллельного функционирования собственно с момента появления именуемого объекта, то есть Советской России, а позднее Советского Союза, причем прилагательное *sowiecki* было первичным – оно было собственно лексическим заимствованием, призванным передать специфику организации власти в постреволюционной России – оно имеет характер термина, отражающего объективную действительность (это был своего рода экзотизм; подобная ситуация имеется в большинстве европейских языков). *Radziecki* появляется чуть позже в результате калькирования (совет – *rada*; советский – *radziecki*), причем не возникло нового деривата, а произошла неосемантизация слова, которое существовало в польском языке уже несколько столетий и имело однозначно позитивные коннотации [Kogut 2015], связанные с существованием еще в средневековой Польше опыта местного самоуправления (ср. *przysięga radziecka*, *ławy radzieckie*, *radzieckie postanowienie*). *Radziecki* постепенно входит в узус, причем не только в текстах коммунистического толка – как будто бы оно имеет преимущества перед *sowiecki* как исконно польское, однако оно воспринимается как вторичное, отчасти навязываемое, маркированное идеологически выстроенными положительными коннотациями, употребление которого обязательно в ПНР.; *sowiecki* же остается только в оппозиционной или эмигрантской литературе и прессе. Тем не менее, по мнению М. Коркуча, *sowiecki* в данной ситуации отражало привычный повседневный узус и первоначально в 40-е годы появлялось в материалах, распространяемых коммунистически ориентированными институтами. После 89 года *sowiecki* начинает вновь широко употребляться – прежде всего как знак критической оценки всего коммунистического прошлого России и Польши. Его негативная оценочность осознается особенно четко именно на фоне сохраняющегося употребления *radziecki* в официально принятых наименованиях. Сокращение контекстов с *radziecki*, вытеснение этого прилагательного на периферию активного словаря и одновременное расширение контекстов с *sowiecki*, который описывает разнообразные реалии социалистического периода истории России, приводит к очередному функционально-стилистическому сдвигу: *sowiecki* встраивается в синонимический ряд со словами

sojalistyczny, komunistyczny, а негативно-оценочный компонент из области коннотации перемещается в область денотации. Расширение сферы использования *sowiecki* и однокоренных слов связывается и с большей универсальностью (развернутостью) этого словообразовательного гнезда: в нем есть имеющие разговорную окраску наименования типа *Sowiety* (страна), *Sowieci* (люди), что отсутствует среди производных от *gada*. Встречающееся в переводах русских текстов употребление формы *radziecysu* М. Коркуч дисквалифицирует как противоречащее польской языковой практике (интересная формулировка: „budzące politowanie”). Стремление сохранить *radziecki* как нейтральное на фоне оценочно маркированного *sowiecki*, встречающееся в практике ряда польских издательств, в настоящий момент является абсолютно необоснованным, причем может приводить к нежелательным казусам (так, весьма странно выглядит употребление сочетаний типа *Związek Radziecki*, *radzieckie miasta*, *radzieckie wojska* в тексте переводов на польский язык дневников Геббельса). Поэтому представляется обоснованной рекомендация части польских лингвистов избавляться от маркированного идеологически *radziecki*, закрепляя и расширяя сочетаемость прилагательного *sowiecki*. О том, что *sowiecki* перемещается в позицию стилистически нейтрального члена пары свидетельствуют многочисленные примеры, подтвержденные корпусными данными.

Не менее сложные и изменчивые отношения характеризуют пару *rosyjski* – *ruski*, лишь формально соотносящееся с русскими словами «российский – русский», поскольку им обоим соответствует польский эквивалент *rosyjski* («русский язык», «Российская империя», «Российская Федерация» – *język rosyjski*, *Imperium Rosyjskie*, *Federacja Rosyjska*). О трудно разрешимых проблемах перевода русских текстов, включающих разграничение понятий «русский» и «российский» писал, в частности, А. де Лазари [Лазари 2005] – для передачи определения «российский» как правило используется несогласованное определение. Целая серия семантических сдвигов затронула в польском языке прилагательное *ruski*, которое сначала подверглось процессам семантического сужения (от нерасчлененного обозначения восточных славян через отнесение этого определения преимущественно к белорусским и украинским реалиям до ограничения сферой украинского мира. Отсюда и официальное наименование украинцев, бытовавшее в межвоенный период в Польше, – *Rusin*). В современном польском языке все больше появляется сочетаний с *ruski* (*ruska menażeria*; *wygrać się spod ruskiego parasola*; *Wojna polsko-ruska*; *Nowy Ruski*), в которых это слово можно трактовать как новое заимствование, экспрессивно окрашенный синоним прилагательного *rosyjski*. Кроме того оно функционирует как негативно окрашенный синоним

слова Rosjanin. М. Фридрих оценивает этот процесс как существенную семантическую инновацию последнего времени [Friedrich 2009]. Анализ же контекстов, представленных в Национальном корпусе польского языка позволяет судить, что негативная оценочность этого слова постепенно ослабевает и оно начинает занимать место разговорно окрашенного синонима слова Rosjanin. Об этом может свидетельствовать преобладание лично-мужских форм множественного числа Ruscy над depreciативными Ruskie. Несомненным негативным пренебрежительным оттенком обладает слэнговое определение русского – Rusek.

Литература / References

1. *Лазари А.* Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности. Зарисовка вопроса // Россия – Польша: Филологический и историко-культурный дискурс. Магнитогорск 2005. С.1-7
2. *Мачеевский Я.* Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга / Отв.ред. В.А.Хорев. М.: Изд-во «Индрик», 2000. С.6-21.
3. *Тихомирова Т.С.* Судьбы русизмов в польском языке // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М.:Изд-во "Квадрига", 2011. С. 110-114.
4. *Friedrich M.* Moskale, bolszewicy, kasary... O polskiej rusofobii i jej korzeniach./ Nigdy więcej. N17, Zima-wiosna 2009 [Электронный ресурс] URL: https://www.nigdywiecej.org/pdf/pl/pismo/17/17_moskale.pdf. Дата последнего обращения 28.08.2018.
5. *Głowiński M.* Nowomowa i ciągi dalsze. Szkice dawne i nowe. Kraków: Universitas, 2009. 267 s.
6. *Korkuć M.* Związek Sowiecki czy Radziecki. Sowiety czy rady. [Электронный ресурс] URL: <http://www.portal.arcana.pl/Zwiazek-sowiecki-czy-radziecki-sowiety-czy-rady.4294.html>. Дата последнего обращения 28.08.2018.
7. poradnia.jzykowa.pl [Электронный ресурс] URL: <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/sowiecki-czy-radziecki;3265.html>. Дата последнего обращения 28.08.2018.

Глаголы защиты: когнитивный сценарий

А.Г. Литвинович

DEFENCE VERBS: COGNITIVE SCRIPT

Angelica H. Litvinovich

ABSTRACT:

The paper deals with the structure of defence verbs cognitive script. Belorussian defence verbs contain causative component in their semantic structure, hence there are some peculiarities in the structure of their cognitive script.

Keywords: defence verb; causative verb; lexical semantic group; cognitive script.

АННОТАЦИЯ:

В работе рассматривается структура когнитивного сценария глаголов защиты. Белорусские глаголы защиты содержат каузативный компонент в своей семантической структуре, чем и обусловлены особенности построения их когнитивного сценария.

Ключевые слова: глаголы защиты; каузативные глаголы; лексико-семантическая группа; когнитивный сценарий.

«Когнитивный сценарий – это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [Плотникова 2006: 66].

Специфика организации когнитивного сценария глаголов, содержащих сему ‘каузировать’, рассматривается в данной работе на материале белорусских глаголов защиты. Общее значение глаголов с семантикой ‘защищать’ – ‘каузировать быть в безопасности, не исчезнуть, продолжать существовать, остаться в силе’. Такой широкий семантический спектр обеспечивается многозначностью глагола *абараняць*, который, будучи глаголом-идентификатором, выражает общую, свойственную всему классу семантическую идею. Единицы характеризуются сложной пропозитивной организацией, что позволяет исследовать их когнитивный сценарий. Интерес к ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’ в аспекте каузативности вызван ее периферийным положением среди каузативных глаголов, и связанными с этим особенностями выражения значения ‘каузировать’.

Для выявления когнитивного сценария поведения человека, репрезентирующегося в глагольной лексике белорусского языка, необходимо провести когнитивный анализ лексико-семантической группы глаголов защиты. А.М. Плотниковой предложена модель проведения такого анализа, включающая несколько ступеней: 1) выявление группы глаголов,

лексические значения которых реализуют когнитивный сценарий; 2) выделение базового слова — репрезентанта когнитивного сценария; 3) характеристика денотативной ситуации, которая выявляется на основе анализа и обобщения контекстов с исследуемыми глаголами; 4) моделирование когнитивного сценария; 5) рассмотрение специфики варьирования когнитивного сценария [Плотникова 2006: 73].

1. Когнитивный сценарий защиты в белорусском языке представлен глаголами *абараняць 1*, *абараняць 2*, *абараняць 3*, *абараняцца*, *адбівацца*, *адстойваць*, *ахоўваць*, *бараніць*, *выгароджваць*, *заступацца*, *уступацца*, *прыкрываць*, *стаяць*. Общее значение членов ЛСГ глаголов со значением 'защищать': 'каузировать объект быть в безопасности, сохраниться, продолжать существовать, не исчезнуть'. Единицей интерпретации в данной работе является лексико-семантический вариант (ЛСВ), то есть отдельное номерное значение слова.

Значение большинства глаголов, составляющих ЛСГ защиты в белорусском языке, является прямым, стилистически нейтральным и несвязанным (свободным). Глаголы *выгароджваць*, *стаяць* (*выгароджваць сябра*, *стаяць гарой за сяброў* (ТСБЛМ1)) включаются в переносном значении, а глагол *прыкрываць* в значении 'защищать' может встречаться только в определенном контексте. *Прыкрываць з аўтаматаў хвост калоны* (ТСБЛМ).

2. Базовое слово: *абараняць*. Основным для глагола-идентификатора является значение, приведенное в указанном выше словаре под цифрой 1: *абараняць каго-што – адбіць напад ворага, не даць у крыўду каго-небудзь* (*абараняць Радзіму*).

3. Категория каузативности объединяет две функционально-семантические сферы, представленные в классе глаголов: сферу действия и сферу состояния. Воздействие, называемое динамическими глаголами, каузирует состояние, передаваемое их статическими коррелятами. Таким образом, денотативная ситуация защиты включает минимум трех участников: субъект — каузатор воздействия и объект — носитель каузируемого состояния, причина. Задача субъекта — каузировать объект действия (воздействия) оставаться в безопасности, продолжать существовать. Необходимость каузативного воздействия на объект объясняется наличием причины для действий каузатора. Причина, содержащаяся в семантике глаголов ЛСГ защиты, — это необходимость защитить кого-, что-либо от чего-нибудь опасного, вредного, неприятного, защитить интересы, точку зрения, мнение.

Примеры приводятся из Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы больш за 65000 слоў / І.М. Бунчук [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства. 4-е выд. Мінск: Беларус. энцыкл., 2005. 783 с. (ТСБЛМ). Единицы ЛСГ глаголов защиты отбирались путем сплошной выборки из ТСБЛМ.

4. На основании выявленной денотативной ситуации можно смоделировать когнитивный сценарий защиты.

Структура когнитивного сценария защиты включает две микроситуации: каузирующая (причинная) и каузируемая (следственная), связанные между собой отношениями каузации, или причинения. Каузатор или субъект (S) каузирующей микроситуации, воздействуя (V) на объект каузации (с помощью определенных средств или без них), вызывает новое состояние объекта (O). Объект становится субъектом новой каузируемой микроситуации. Сема каузации расщепляется в субъекте и объекте на два семантических множителя – $Caus_1$ (оказывающий воздействие) и $Caus_2$ (испытывающий воздействие). Трехкомпонентную семантическую модель $S + V + O$ можно представить следующим образом: $S (Act. + Caus_1) + V + O (Pass. + Caus_2)$ [Кильдибекова 1984:12]. Каузируемое состояние, являясь конечной целью каузативной ситуации, представляет наибольший интерес для говорящего и слушающего.

Причинно-побудительная семантика, возможность управлять объектом, переходящим в новое состояние в результате каузирующего воздействия, наличие соотносительных некаузативных коррелятов, образующих вместе с каузативными глаголами супплетивные и неполные формальные оппозиции, позволяет считать белорусские глаголы *абараняць 1*, *абараняць 2*, *абараняць 3*, *адстойваць*, *ахоўваць*, *бараніць* каузативными.

Абараняць 1: *Хмяльніцкі супакоіў іх: «Не, Радзівіл абяцаў абараняць гэтыя землі»* (Чаропка. Уладары Вялікага Княства // БП²). Каузатор – *Радзівіл*, действия каузатора – *абараняць*, следствие – *землі абаронены (у бяспецы)*.

Абараняць 2: *Абаронныя газы адных раслін будуць абараняць іншыя расліны ад мікраарганізмаў* (Б. Мікуліч. Зорка // БП). Каузатор – *газы*, действия каузатора – *абараняць*, следствие – *расліны абаронены*.

Абараняць 3: *Выйшла так, што я абараняў інтарэсы мадам Вільнаў* (Ф. Марыяк. Клубок гадзюк // БП). Каузатор – *я*, действия каузатора – *абараняць*, следствие – *інтарэсы захаваліся (абаронены)*.

Адстойваць: *Толькі каталіцкі кафедральны сабор і дамініканскі манастыр удалося жаўнерам адстаяць* (Чаропка. Уладары Вялікага Княства // БП). Каузатор – *жаўнеры*, действие каузатора – *адстаяць*, следствие – *сабор і дамініканскі манастыр у бяспецы*.

Ахоўваць: *Аддзелы беларускай дывізіі мелі выйсці наперад і ахоўваць мост, пакуль прыродзе ўся калона* (К. Акула. Змагарныя дарогі // БП). Каузатор – *Аддзелы беларускай дывізіі*, действия каузатора – *ахоўваць*, следствие – *мост ацалеў*.

2 Примеры приводятся из Беларуская Палічка. Минск, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knihi.com>. Дата последнего обращения: 05.08.2006.

Бараніць: *Ліцвіны мужна баранілі свой край* (Magnus Ducatus Litvania – Kronika // www.geocities.com). Каузатор – *ліцвіны*, действие каузатора – *бараніць*, следствие – *край у бяспецы*.

Причинно-следственные отношения между каузативным воздействием глаголов *заступацца*, *уступацца* и переходом объекта в новое состояние отображаются семей 'каузация'. Глаголы не маркированы относительно прямой переходности, но способны управлять косвенным объектом в винительном падеже с предлогом *за*. *Дый маці за Ларысу заступіцца, калі што* (А. Якімовіч. Квіток // БП). Каузатор – *маці*, действия каузатора – *заступацца*, следствие – *Ларыса ў бяспецы*. *Зайчык уступіўся за яго на сходзе, адпраўляе Яўхіма запрасіць на вясельле Дубадзела, спадзяючыся на яго дапамогу* (І. Мележ. Людзі на балоце // www.belruss.com). Каузатор – *Зайчык*, действия каузатора – *уступацца*, следствие – *ён у бяспецы*.

Основным аргументом, свидетельствующим в пользу отнесения глаголов *выгароджваць*, *прыкрываць* к классу каузативных, является наличие каузативного компонента в их семантической структуре. Действие глагола переходит на объект, каузируя его изменение, обозначаемое некаузативными оппозициями *быць у бяспецы* и *ацалець*. *Во гэтага я і чакаў! Калі ты пачнеш яе выгароджваць* (В. Быкаў. Кар'ер // БП). Каузатор – *ты*, действия каузатора – *выгароджваць*, следствие – *яна ў бяспецы*. *Яму неабходна было неяк прыкрываць паўднёва-ўсходнія межы ад Акі да Чорнага мора* (А. Краўцэвіч. Тэўтонскі ордэн // БП). Каузатор – *Ён*, действия каузатора – *прыкрываць*, следствие – *межы ацалелі*.

В прямом значении глагол *стаяць* – это статальный глагол, обозначающий процесс, не выходящий за сферу субъекта. Но в ЛСГ глаголов защиты он входит в переносном значении и рассматривается как глагол действия. Его каузативность проявляется в том, что воздействие субъекта приводит к изменению состояния объекта. *Ідуць батальёны, праходзяць палкі, грудзьмі за Радзіму стаяць Случчакі...* (А. Змагар. Паслухай, што кажа курган // БП). Каузатор – *Случчакі*, действия каузатора – *стаяць*, следствие – *Радзіма ў бяспецы*.

Каузативной связкой между каузирующей и каузируемой микроситуацией в белорусском языке могут выступать причинные союзы *таму што*, *бо*, *паколькі* и др. *Мост ацалеў, бо яго ахоўвалі салдаты; родны край у бяспецы, таму што яго баранілі і малыя, і малыя; сяляне ў бяспецы, паколькі за іх заступілася мясцовая ўлада*.

5. Варьирование когнитивного сценария защиты обусловлено возможностью контекстуальных трансформаций описанной выше трехкомпонентной модели, представляющей каузативную ситуацию.

Наиболее простой является семантическая модификация активного глагола, которая возникает в результате устранения объекта в определенном контексте и представляет собой его автокаузативный вариант. Действие сосредоточено в субъекте или как бы возвращается к нему [Золотова 2004: 286–287]. Здесь мы имеем интеркаузативную модификацию исходного глагола, так как в преобразованной модели сема каузации сохраняется: S (Act. + Caus₁) + V + O (Pass. + Caus₂) → S (Act. + Caus₁) + V. Каузативный глагол становится немаркированным относительно прямого объекта.

С помощью подстановки возвратного местоимения на место возвратного элемента верифицируется автокаузативность глагола *абараняцца*: *салдат мужна абараняўся – салдат мужна абараняў сябе*. Несовпадение субъекта и объекта действия у *адбівацца* (действие направлено не на субъект, а на контрагент: *ён адбіваўся ад ворагаў – *ён адбіваў сябе ад ворагаў*) не позволяет относить данный глагол к автокаузативным. Являясь полноправным членом ЛСГ глаголов со значением ‘защитить’, анализируемая единица не содержит в своей семантической структуре каузативного компонента.

Суммируя сказанное выше, отметим, что в значениях рядовых членов ЛСГ защиты представлен единый для всей группы когнитивный сценарий. В значениях глаголов актуализируются отдельные компоненты сценария. Необходимость защитить кого-, что-либо от чего-нибудь опасного, неприятного заставляет каузатора быть активным. Следствием активных действий каузатора является новое состояние объекта (объект в безопасности). Значения проанализированных глаголов отображают динамический фрагмент картины мира. Помимо фиксации действия и состояния, в когнитивном сценарии защиты представлены социальные роли участников и специфика их взаимодействия.

Литература / References

1. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А. Золотовой. Москва: Наука, 2004. 544 с.
2. Кильдибекова Т.А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском языке // Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания : межвуз. науч. сб. / Под ред. Л.М. Васильева. Уфа: Башк. гос. ун-т, 1984. С. 8–18.
3. Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / Под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2006. 226 с.

Фонологические проблемы словацкого литературного языка

К.В. Лифанов

PHONOLOGICAL PROBLEMS OF THE SLOVAK LITERARY LANGUAGE

Konstantin V. Lifanov

ABSTRACT:

In the phonological system of the Slovak literary language there are weak links, which are phonemes with different kinds of deviations in their implementation. These include the specific Slovak sound "wide open e" (ä), soft Ľ, and diphthongs. These deviations are due to historical changes in the position of these phonemes in the system, which they have undergone since the middle of the 19th century. The proposed report will focus on this issue.

Keywords: phonological system; deviation in the system; change of phoneme position; the current state

АННОТАЦИЯ:

В фонологической системе словацкого литературного языка существуют слабые звенья, которыми являются фонемы с разного рода отклонениями при их реализации. К их числу относятся специфический словацкий звук «широкое открытое е» (ä), мягкое Ľ, а также дифтонги. Эти отклонения обусловлены историческими изменениями положения названных фонем в системе, которые они претерпели начиная с середины XIX в. до настоящего времени. Этой проблематике и будет посвящен предлагаемый доклад.

Ключевые слова: фонологическая система; отклонение в системе; изменение положения фонемы; современное состояние

В фонологической системе словацкого литературного языка существуют слабые звенья, которыми являются фонемы с разного рода отклонениями при их реализации. К их числу относятся специфический словацкий звук «широкое открытое е», обозначаемое графемой ä, мягкое Ľ, а также дифтонги. Эти явления обусловлены их историей в словацком литературном языке, получившей своеобразное преломление в его современном состоянии. Интересно то, что первый кодификатор современного словацкого литературного языка Л. Штур вообще не включил в фонологическую систему словацкого литературного языка ни ä, ни Ľ. Дифтонги же, за исключением iu, им были кодифицированы, но их частотность существенным образом отличалась от современного состояния.

Фонема [ä] в среднесловацком диалекте, который стал базой кодификации словацкого литературного языка, представлена довольно ограни-

ченно. Первоначально она возникла на месте праславянского *ǣ в результате деназализации, но в дальнейшем произошло значительное сокращение ее функционального охвата, так как она сохранилась только в позиции после губных (pät “пять”, vädnúť “вянуть”). Позже, однако, она несистемно появилась в некоторых лексемах в позиции после заднеязычного согласного (kämef “камень”, ukäzovat’ “указывать”) как результат их палатализации, осуществившийся в среднесловацком диалекте. При этом фонема ä характеризует лишь отдельные говоры, а не среднесловацкий диалект в целом. Это и явилось причиной того, что Л. Штур (1846) не включил ее в состав фонологической системы литературного языка. Это, однако, произошло в 1852 г. вследствие реформы штуровской кодификации, осуществленной М. Гатталой и М.М. Годжей. Усилия лингвистов, особенно в первой половине XX в., направленные на ее закрепление в словацком литературном языке, успеха не имели, и данная фонема поэтапно утрачивала свои позиции. Не став нейтральным элементом орфоэпии литературного языка, звуковая реализация фонемы [ä] определенное время выступала как признак сценического произношения, а затем сфера ее употребления все более сужалась. В результате она приобрела диалектную окраску, причем часто носители говоров, в которых она реально существует, стали заменять ее на фонему [e], а в некоторых позициях также на [a]. Хотя в настоящее время данная фонема в словацкой орфоэпии характеризуется как принадлежащая высшему стилю [Král’ 1984: 626], в действительности же она почти утратилась в литературном языке. Сохраняется фактически лишь обозначающая ее графема ä как элемент орфографии.

Мягкое ĺ также было включено в состав фонологической системы словацкого литературного языка только в 1852 г. Невключение данной фонемы Л. Штуром объясняется сходной причиной: она представлена в среднесловацком диалекте лишь в некоторых говорах, причем часто отсутствует в городской речи. Кроме того, носители говоров, в которых этот звук утратился, воспринимали его как звучащий неэстетично. Первоначально после кодификации эта фонема часто вообще отсутствовала в текстах либо употреблялась произвольно, но в первые десятилетия XX в. сначала стабилизируется написание обозначающей ее графемы, а затем она постепенно начинает закрепляться и в фонологической системе литературного языка, хотя довольно своеобразно. Во-первых, этого не происходит в позиции перед гласными переднего ряда e и i, а также i-образных дифтонгов, а во-вторых — в парадигмах неодушевленных существительных мужского рода не сформировалось четкого противопоставления твердого ĺ и мягкого ĺ, поскольку довольно значительное число существительных с твердым ĺ в конце основы образуют падежные формы по мягкому типу склонения.

Дифтонги, за исключением *iu*, были кодифицированы уже Л. Штуром, однако в целом они имели более низкую частотность, чем в современном словацком литературном языке. Так, непоследовательно была отражена дифтонгизация *á* в позиции после согласных *s* и *dz*, которые Л. Штур считал не твердыми и не мягкими, а «средними», после которых дифтонгизация *á* > *ia* (ja в орфографии Л. Штура) реализуется факультативно (*plecá / plecja* ‘плечи’, *cudzá* ‘чужая’) [Štúr 1957: 179]. Дифтонг *uo* (в современной графике *ô*) в кодификации Л. Штура не был представлен в значительном числе заимствований из чешского языка, которые кодификатором не воспринимались как таковые (*dúvod* ‘повод, основание’, *dúrazný* ‘настойчивый’). В дальнейшем развитии словацкого литературного языка были уточнены многие спорные моменты и реализация названных дифтонгов стала более последовательной и в большем числе лексем и грамматических форм. Исключением явилась лишь замена в 1852 г. типичной среднесловацкой формы им. и вин. падежей единственного числа прилагательных *peknuo* ‘красивое’ западнословацкой формой *pekné*.

Дифтонг же *ie* (графически *je*) в кодификации Л. Штура был представлен практически последовательно в среднесловацком объеме за исключением лексемы *céra* ‘дочь’ (в современной орфографии *dcéra*). В дальнейшем, однако, количество отклонений возросло, так как была кодифицирована парадигма склонения прилагательных твердой разновидности (тип *pekný*: *pekného, peknému*), противопоставленная парадигме мягкой разновидности (тип *cudzí*: *cudzieho, cudziemu*) и в действительности отсутствующая почти во всех говорах словацкого языка.

В современном словацком литературном языке, тем не менее, сохраняются аномальные грамматические формы и огласовки слов, не отражающие результатов дифтонгизации. Сохраняется долгое *é* в лексеме *dcéra*. Довольно много непоследовательностей представлено в отражении дифтонга *ia*. Так, например, в форме род. падежа мн. числа существительного *šachta* ‘шахта’ при продлении корневого гласного в позиции после функционально мягкого согласного выступает не дифтонг *ia*, а долгое *á* (*šácht*). Не сокращается долгое *á* в позиции после *j* в суффиксах *-ár, -áreň, -árstvo* (*strojár* ‘машиностроитель’, *strojáreň* ‘машиностроительный завод’, *strojárstvo* ‘машиностроение’), что должно было произойти после его дифтонгизации и совпадения неслогового компонента дифтонга с *j* (ср. *vojak* ‘солдат’, *boja sa* ‘боятся’). Наконец, дифтонг *ia* отсутствует в некоторых широко употребляемых в разговорной речи лексемах чешского или венгерского происхождения: *fešák* ‘франт’, *nákladák* ‘грузовик’, *beňár* ‘озорник’ (ср. *nákladniak* ‘грузовик’).

Литература / References

1. *Král Ā. Pravidlá slovenskej výslovnosti*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1984. 632 с.
2. *Štúr, L. Náuka reči slovenskej // L. Štúr. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. S. 153–253.

Категория безумия и ее художественное воплощение (на материале рассказов Л. Андреева, М. Булгакова и Г. Райчева)

H.A. Lunkova

THE CATEGORY OF MADNESS AND ITS ARTISTIC EMBODIMENT
(BASED ON THE STORIES OF L. ANDREEV, M. BULGAKOV AND G. RAICHEV)

Natalia A. Lunkova

ABSTRACT:

The aim of the report is to compare the poetics of the stories “The Red Laugh” by L. Andreev (1904), “The Madness” by G. Raichev (1920) and “The Red Crown” by M. Bulgakov (1922), to analyse the artistic embodiment of the category of madness in these texts.

Keywords: poetics; madness; comparative literary criticism; Bulgarian literature; Russian literature.

АННОТАЦИЯ:

В докладе проводится сравнительный анализ поэтики рассказов «Красный смех» Л. Андреева (1904), «Безумие» Г. Райчева (1920) и «Красная корона» М. Булгакова (1922), исследуется художественное воплощение в них категории безумия.

Ключевые слова: поэтика; безумие; сравнительное литературоведение; болгарская литература; русская литература.

Андреевские мотивы в творчестве М. Булгакова не раз становились объектом внимания исследователей [см.: Яблоков 2001]. Факт знакомства болгарского писателя Г. Райчева с творчеством Л. Андреева (и рассказом «Красный смех» в частности) представляется весьма вероятным в силу публикаций переводов его произведений: в начале 1900-х гг. в ряде болгарских журналов были напечатаны такие рассказы, как «Мысль» (*Мисълта*, 1902), «Набат» (*Набат*, 1903), «Рассказ о Сергее Петровиче» (*Разказ за Сергей Петрович*, 1903) и др.; отдельными изданиями вышли пьесы «К звездам» (*Към звездите*, 1906), «Любовь к ближнему» (*Любовта към ближния*, 1909), «Любовь студента» (*Любовта на студента*, 1909), «Савва» (*Сава*, 1911; 1912) «Прекрасные сабинянки» (*Прекрасните сабинянки*, 1919) «Царь Голод» (*Цар Глад*, 1908; 1920), а также «Рассказ о семи повешенных» (*Разказ за седемте обесени*, 1908), в серии

«Всемирная библиотека» – рассказы «Ложь» (*Лъжата*), «Ангелочек» (*Ангелчето*) в № 89 (1912) и «Молчание» (*Мълчание*), «Жили-были» (*Живели са*) в № 90 (1912). Что же касается «Красного смеха» (*Червен смях*), можно предположить, что Райчев читал его (на тот момент переводов на болгарский язык существовало уже три)¹; мысль о влиянии Андреева на творчество Райчева подтверждается при сопоставительном анализе текстов.

Существует ряд художественных особенностей, объединяющих рассказы «Красный смех» Л. Андреева (1904), «Безумие» Г. Райчева (1920) и «Красная корона» М. Булгакова (1922) как на композиционном уровне (фрагментарность повествования, использование вставных эпизодов – снов и воспоминаний), так и на уровне мотивов (безумие, бессмысленность войны). По мысли Е.А. Яблокова, «из андреевского рассказа в булгаковский перешел и такой мотив, как “возвращение” мертвого брата» [Яблоков 2001: 228]. Если в начале второй части рассказчик воспринимает покойного брата как галлюцинацию, то в финале повествования, охваченный безумием, видит его в комнате: «Он сидел в своем кресле перед столом, заваленный книгами, и не исчез, как тогда, но остался» [Андреев 2010: 331]. Герой «Красной короны» готов застрелиться, чтобы «не видеть и не слышать Колю» [Булгаков 1977: 50], своего погибшего младшего брата: «Не тает бремя. И в ночь покорно жду, что придет знакомый всадник с незрячими глазами и скажет мне хрипло:

– Я не могу оставить эскадрон.

Да, я безнадежен. Он замучит меня» [Булгаков 1977: 53]. Этот же мотив обнаруживается и в рассказе Райчева. В «Безумии» герой, потерявший на войне старших братьев, мучим образом одного из них. Узнав о том, как именно погиб Васил (как и у Булгакова, здесь присутствует конкретное имя погибшего), герой бредит, и брат является ему во сне: «В рваной солдатской форме, с непокрытой головой, небритый, он скинул на пол мундир и теперь молча рвал на куски свою рубашку, пытаясь заткнуть лоскутами три раны на груди, а кровь сочилась из них, заливая его руки и пол...» [Райчев 1968: 91].

Главным фактором, свидетельствующим о типологической близости рассказов, является понимание категории безумия, которое имеет сходную природу в анализируемых текстах. Изображение войны, воплощающей крайнюю степень сумасшествия, сопровождается присутствием натуралистических подробностей, «крупного плана» гибели героев, устойчивых образов-мотивов (*зноя, духоты, палящего солнца, огня,*

¹ Первый перевод был опубликован в журнале «Библиотека» (Кн. 7, Год. 3, 1904–1905). Второй был сделан И. Хаджихристовым по просьбе Г. Милева и вышел в библиотеке модернистского альманаха «Везни» («Весь») в 1919 г. в пятом номере. В 1920 г. выходит еще один болгарский перевод «Красного смеха», на этот раз выполненный Г. Бакаловым.

утраченного семьи / дома), символической ролью цвета (прежде всего – красного) и звука (важны оппозиции тишина / стук, вой и т.д.).

В рассказах хаос войны показан глазами рассказчика / главного героя, но при этом нет конкретизации неприятеля, отсутствуют исторические детали противостояния двух враждующих сил (и речь идет о разных войнах в принципе), не указано время действия – внимание писателей больше сосредоточено на воплощении абсурдности войны, ее губительного влияния на человеческую психику. Однако если в рассказе Андреева подчеркивается масштабность и всеохватность безумия (доминантный образ красного смеха), то в рассказах Райчева и Булгакова мотив безумия воплощается на примере распада личности главных героев, т.е. индивидуализируется.

Литература / References

1. Андреев Л.Н. Оригинальный человек и другие рассказы. М.: АСТ, 2010. 445 с.
2. Булгаков М.А. Красная корона // Аврора, 1977. № 6. С. 50–53.
3. Райчев Г. Съчинения в два тома. София: Български писател, 1968. Т. II. 474 с.
4. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 424 с.

Славянизмы в работах Викентия Ракича

Тамара Н. Лутовац Казновац

SLAVICISMS IN THE WORKS BY VIKENTIJE RAKIĆ

Tamara N. Lutovac Kaznovač

ABSTRACT:

This paper examines the use of Slavisms in the works by Vikentije Rakić. In the research we were focused on his three books of religious verse – *Песн историческаја о житији святаго, праведнаго Алексија человека божуја* (*A Historical Poem about the Life of Aleksije, a Saintly and Righteous Man of God*, 1798), *Жертва Аврамова* (*Abraham's Sacrifice*, 1799) and *Житије святаго и праведнаго Јосифа прекраснаго* (*The Life of Joseph the Handsome, a Holy and Righteous Man*, 1804). Taking into consideration that the aforementioned works were composed during the last decade of the 18th and the first decade of the 19th century, at a time when the literary language of the Serbs was Slavonic-Serbian, in addition to the also existing live practice of writing in the folk dialect, a question arises as to the extent to which Vikentije Rakić, an extinguished member of the clergy, employed Slavisms in his pious writings, which are considered to have been written in the folk dialect. Our research of Slavisms will be based on two methods of their classification – the classification proposed by A. Mladenović, which focuses on the phonetic, morphological and lexical Slavisms, and the one proposed by S. Stijović, which classifies Slavisms according to their origin into those from the Russian recension of Church Slavonic, those from Serbian Slavonic, and those from Old Church Slavonic, but also including the appearance of expected

hybrid forms. Bearing in mind that the sustainability of Slavisms in the lexical system of the Serbian language was conditioned by the nature of the texts as well as by the restraints of their genre, we expect that their presence in the analyzed texts will be confirmed. Even though Vikentije Rakić was, in the words of J. Skerlić, one of the most widely read Serbian writers from the beginning of the 19th century, the linguistic study of his works is yet to be initiated among the Serbian scholars, and therefore this research should also signify the beginning of the study of the linguistic properties of the literary works written by this Serbian Pre-Romantic author.

Keywords: Slavisms, Vikentije Rakić, Pre-Romanticism

АННОТАЦИЈА:

Предметом наших истраживања је коришћење славјанизма у благочестивим епима *Стиховане историјске о животу светог, праведног Алексија Божијег човека, Жртва Аврамова и Житије светог и праведног Иосифа прекрасног*, српског учесника предромантизма. Приимајући у обзир чињеницу да су наведене радове написали у последњем десетлећу 18-ог и првог десетлећу 19-ог века, када литературни језик Срба је био славјаносрпски са култивирањем праксе писања на народном језику, поставља се питање о томе, колико Викентије Ракић као изванредан представник духовенства користио славјанизме у делима благочестивог садржаја, који се, како се сматра, написали на народном језику. Проведени анализ показује да је у истраживаном корпусу у основном представљени славјанизми са руско-славјанским фонетичким особеностима при појави српскославјанских и српских облика. Основна сврха овог рада је да се иницира истраживање језичких особености литерарних дела Викентије Ракића, а такође и да се покаже важност и неопходност даљих истраживања, која се обављају не само зато што Викентије Ракић био, како се каже у Скерлић [2009: 87], најбоље читавим српским писателем почетка 19-ог века, него и његовом припадности кругу српских писаца, који су у крају 18-ог и почетку 19-ог века били страстним присталицама употребе родног језика, и тим самим „припремали тло за потпуњу реформу алфавита“ [Ивић 2014: 173].

Кључне речи: славјанизми, Викентије Ракић, предромантизам

1. О личности Викентија Ракића и у историји српске књижевности зна се веома мало. Неколико краћих белешака о овом нашем предромантичарском писцу дато је у Поповић 1985, Деретић 2002 и Скерлић 2009. Значајнија истраживања којима се осветљава књижевноисторијски значај овог писца проведена су у Ераковић 2008, а данас су његова сабрана дела доступна и у Дигиталној библиотеци Матице српске (<http://digital.bms.rs/ebiblioteka/publications/index/string:%D0%B2%D0%B8%D1%9B%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%98%D0%B5>).

Насупрот претходно наведеном, у нашој науци о језику о делу Викентија Ракића дато је неколико општих напомена у *Прегледу историје српског језика* Павла Ивића, док се у раду *Сава Мркаљ и његови*

претходници у реформи предвуковске ћирилице истиче значај овога и других писаца предвуковске епохе у припремању терена за „крупну појаву Саве Мркаља и његове азбучне реформе 1810. године” [уп. Младеновић 1967: 184]. Међутим, и поред наведених студија, језичка проучавања књижевног стваралаштва Викентија Ракића до данас нису ни започета.

2. Предмет нашег истраживања јесте употреба славенизама у побожним спевовима *Песн историческаја о житији свјатаго, праведнаго Алексија човека божјија, Жертва Аврамова и Житије свјатаго и праведнаго Јосифа прекраснаго* овог српског предромантичара. Како су употреба и дистрибуција славенизама условљене, пре свега, жанровском припадношћу текстова, очекујемо да ће у анализираним делима, и поред тога што се напомиње да су написана народним језиком [уп. Ивић 2014: 142], удео славенизама бити одржив, не само због природе текста већ и због тога што је аутор припадао редовима клера, за чије припаднике је било својствено познавање, како народног, тако и богослужбеног језика.

3. О славенизмима односно о настојању да се што прецизније дефинише овај термин, у нашој науци о језику говорено је у Стијовић 1992, Младеновић 1995, Терзић 1996, Милановић 2005, Чигоја 2005. Наше истраживање славенизама засниваће се на двама приступима њиховој класификацији – класификацији А. Младеновића која подрезује фонетске, морфолошке и лексичке славенизме и класификацији С. Стијовића, који славенизме разврстава према пореклу на оне из рускословенског, српскословенског и црквенословенског, уз појаву очекиваних хибридних облика.

4. У анализираним делима потврђени су у највећој мери славенизми са рускословенским фонетским ликом, али потврђено је и присуство српскословенских и србизираних форми, као и хибридних облика.

4.1. Група /жд/ која може бити и рускословенско, али и српскословенско обележје јавља се у усамљеном примеру **принуждава** [1836: 23], а насупрот овом јавља се и хибридна форма **переворођенъ** [1836: 11].

4.2. Потврђени су примери са рускословенским рефлексом некадашњег назалног вокала предњег реда: **чада** [1856: 4], **чадо** [1836: 20, 35], **святѣй** [1836: 1], **свѣта** [1836: 19], али се напоредо јављају и облици **чедо** [1856: 16; 1836: 10, 13].

4.3. У великом броју примера јављају се славенизми са рускословенским односно руским рефлексом некадашњих полугласника (у корену речи и префиксима): **любовъ** [1856: 8; 1836: 4x2, 30], **любезна** [1856: 8], **любопытства** [1836: 34], **сохранити** [1856: 17], **возвѣстѣо** [1856: 28], **согрѣшио** [1856: 31], **возлюби** [1836: 4, 17], **возвиси** [1836: 7],

возвысити [1856: 7], **возлюблѣнь** [1856: 11], **сотим** [1856: 5], **возводи** [1856: 16], **сохрани** [1856: 16], уз појаву српскословенског лика **сабраше** [1836: 13].

4.4. Највише је примера славенизама са рускословенским односно руским вокалним /p/: **берже** [1856: 3x2, 6, 11, 19; 1836: 17, 31, 35], **сердце** [1856: 3x2, 4, 8x2, 11x2, 14x2, 20, 27; 1836: 30, 31, 35], **жертва** [1856: 5, 7, 8, 25, 27; 1836: 32], **дерва** [1856: 11, 25], **мертви** [1856: 11], **навершити** [1856: 11], **жертвеникъ** [1856: 26, 27x2], **свершити** [1856: 27], **мертва** [1856: 28], **утверди** [1856: 29], **мерзити** [1836: 4], **терпити** [1836: 4], **умерла** [1836: 7; 1836: 34], **смерти** [1836: 8, 13, 30], **терговцы** [1836: 9], **преворођенъ** [1836: 11], **смерт** [1836: 12], **разтерже** [1836: 12], **разтерзанъ** [1836: 12], **разтергли** [1836: 13], **держи** [1836: 17, 30], **первенство** [1836: 17], **первый** [1836: 22], **перстенъ** [1836: 22], **перста** [1836: 22], **терпѣние** [1836: 30], **терпѣти** [1836: 30], **мертви** [1836: 34], **загерлити** [1836: 34].

4.5. Присутан је један славенизам са рускословенским односно руским вокалним /л/: **исполни** [1856: 24].

4.6. При творби именица препознају се у малом броју примера рускословенски суфикси: (а) -еств < -ѣств: **пророчества** [1856: 4], (б) -ецъ: **творец** [1844: 3x3], (в) -ије: **мучение** [1844: 22], али и сбизиран облик **беззакона** [1836: 3].

4.7. Од лексичких славенизама потврђених у анализираним делима издвајају се славенизми из црквенословенског: **прочи** [1836: 1], **чрез** [1836: 5x2] и **даже** [1836: 9], као и из руског: **красота** [1836: 15].

5. Узевши у обзир чињеницу да је Викентије Ракић припадао кругу писаца који су се у предвуковској епоси залагали за употребу народног језика, али да је са друге стране био један од представника клера [уп. Ивић 2014: 142], није неочекивана, с обзиром на дате околности, појава славенизама у његовим делима.

6. Основни циљ овога рада је да се њиме у нашој науци о језику започне проучавање језичких карактеристика књижевних дела Викентија Ракића, а на значај и неопходност даљих истраживања у вези са истакнутом темом упућује, не само чињеница да је Викентије Ракић био, како истиче Ј. Скерлић [2009: 87], најчитанији српски писац с почетка XIX века, него и сазнање да је припадао кругу српских писаца који су крајем XVIII и почетком XIX века били изразито поборници писања на народном језику чиме су уједно и „припремали земљиште за потпунију реформу азбуке” [Ивић 2014: 173].

Иzvори / Sources

1. *Ракић В.* Песн историческаја о житији святаго, праведнаго Алексија человека божија. [Електронски извор] URL:

- <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=publications&id=4641&m=2#page/1/mode/2up>, 8. 8. 2018.
2. *Ракић В.* Жртва Аврамова. [Електронски извор] URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=publications&id=3626&m=2#page/1/mode/2up>, 8. 8. 2018.
 3. *Ракић В.* Житије свјатаго и праведнаго Јосифа прекраснаго. [Електронски извор] URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=publications&id=794&m=2#page/2/mode/2up>, 8. 8. 2018.

Литература / References

1. *Деретић Ј.* Београд: Историја српске књижевности. Београд: Просвета, 2002.
2. Ераковић Р. Религиозни еп српског предромантизма. Нови Сад: Матица српска, 2008.
2. *Ивић П.* Преглед историје српског језика. Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2014.
3. *Милановић А.* Статус појма и термина славенизам у србистици, Научни састанак слависта у Вукове дане. Терминолошка стандардизација лингвистичких описа савременог српског језика. Београд: МСЦ, № 34/3, 323–327
4. *Младеновић А.* Сава Мркаљ и његови претходници у реформи предвуковске ћирилице. Нови Сад: Годишњак филозофског факултета, 1967, № 10, 161–198.
5. *Младеновић А.* Славеносрпски књижевни језик – почети и развој. Нови Сад: Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. № XXXVIII/2, 103–117.
6. *Поповић М.* Историја српске књижевности, књига I. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1985.
7. *Скерлић Ј.* Антологија новије српске књижевности.
8. *Стујковић С.* Славенизми у Његошевим песничким делима. Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1996.
9. *Терзић Б.* Русизми и славенизми у језику „Житија” Герасима Зелића. Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд: МСЦ. № 25/2, 97–105.
10. *Чигоја Б.* Славенизми – допринос Светозара Стјуковића проучавању термина славенизам. Научни састанак слависта у Вукове дане. Терминолошка стандардизација лингвистичких описа савременог српског језика. Београд: МСЦ, № 34/3.

Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в древнерусских и южнославянских риторических произведениях¹

И.И. Макеева

WORD ORDER IN NOUN PHRASES IN OLD RUSSIAN
AND SOUTH SLAVIC RHETORIC WRITINGS

Irina I. Makeeva

ABSTRACT:

The contributor compares the position of the concordant attribute in noun phrases in original Old Russian rhetoric writings (Sermons of Kirill Turovsky and Metropolitan Hilarion) and South Slavic writings (Sermons of John the Exarch).

Keywords: Kirill Turovsky's Sermons; Old Russian language; syntax; word order; attribute position

АННОТАЦИЯ:

Доклад посвящен сравнению расположения согласуемого атрибута в именных группах в русских оригинальных риторических сочинениях (Слова Кирилла Туровского и мт. Иллариона) и в южнославянских (Слова Иоанна Экзарха).

Ключевые слова: Слова Кирилла Туровского; древнерусский язык; синтаксис; порядок слов; позиция атрибута

В монографии М. Виднес [Widnäs 1953], посвященной порядку слов в атрибутивных словосочетаниях, рассмотрено расположение именных и местоименных качественных, относительных и притяжательных прилагательных, прилагательных с суффиксом *-ьск-* и некоторых лексем в русской традиции и в византино-славянской. К исследованию привлечен широкий круг источников, однако вне поля зрения оказались древнерусские риторические произведения – Слова мт. Иллариона и Кирилла Туровского.

М. Виднес пришла к выводу, что в русских текстах обычной была препозиция атрибута; в текстах на литературном языке, подверженном вли-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-04-00127 «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».

янию переводов Евангелия, первоначальная постпозиция атрибута, постепенно сокращаясь, сменилась постпозицией². Поэтому можно ожидать преимущественной постановки атрибута в постпозиции и в русских риторических сочинениях XI-XII вв.

Порядок слов в этих текстах проанализирован в однокомпонентных именных группах, где согласованным атрибутом являются: 1) качественные и относительные прилагательные; 2) притяжательные прилагательные; 3) прилагательные с суффиксом *-ьск*; 4) некоторые лексемы (*святѣи, божи, христовъ* и др.); 5) местоимения *весь* и *всак(ыи)*; 6) притяжательные местоимения; 7) указательные местоимения. С этим материалом сопоставлено расположение тех же атрибутов в южнославянских произведениях – двух Словах Иоанна Экзарха, поскольку Кирилл Туровский при создании своих сочинений опирался на византийскую и южнославянскую ораторскую прозу.

В Словах Кирилла атрибут-прилагательное и атрибут-местоимение находятся в постпозиции в именных группах, входящих в цитаты из Священного Писания. При этом нужно иметь в виду, что писатель включал в текст не только более или менее точные цитаты, но и соединял фрагменты из разных библейских книг или использовал аллюзию (парафраз). Нередко в авторский текст входит лишь словосочетание, а не цитата.

В авторском тексте Кирилла Туровского атрибут-прилагательное в основном находится в препозиции. Так, соотношение препозиции и постпозиции качественных и относительных прилагательных в *Слове о слепце* 17 : 6, в *Слове о расслабленном* 17 : 7. В *Слове о законе и благодати* мт. Иллариона в целом преобладает постпозиция прилагательных. В *Слове на Преображение* Иоанна Экзарха атрибут также чаще стоит в постпозиции, в *Похвале Иоанну Богослову* – в препозиции.

Притяжательные прилагательные у всех авторов расположены преимущественно в постпозиции, причем у Кирилла и Иллариона среди них значительную долю составляют библеизмы – прилагательные с суффиксом *-ов/-ев-*, образованные от топонимов и имен библейских персонажей.

Прилагательные с суффиксом *-ьск-* в Словах древнерусских писателей чаще оказываются в препозиции, а в произведениях Иоанна Экзарха – в постпозиции.

В препозиции у всех авторов находится атрибут *святѣи*, преимущественно в постпозиции – *божи*. У Кирилла постпозиция преобладает в

² Материал исследованных М. Виднес книжных памятников показывает, что препозиция атрибута была широко распространена. В книжных текстах обычной для *невесныи, земныи, церковныи, вечныи* была постпозиция, а для *благыи, святѣи, честныи, новыи, вѣрныи, древныи, злыи, добрыи* – препозиция.

основном за счет частотного словосочетания **сынъ божи**. Постановка прилагательного **христовъ** различается: у Иллариона оно находится в постпозиции, у Кирилла и Иоанна – в обеих позициях, причем у древнерусского писателя постпозиция преобладает.

Местоимения **весь** и **всакъ** находятся в препозиции у всех авторов, но у каждого встречается именная группа с постпозицией атрибута **весь**: **тварь всю** и **твари вси** в *Слове о снятии тела Христова с креста* и **миръ весь** в *Слове памяти отцов Никейского собора*, **острови вси** у Иллариона, **миръ весь** в *Похвале Иоанну Богослову*.

Препозиция и постпозиция притяжательных местоимений у Кирилла Туровского в целом почти равно употребительны, хотя для **мои** отмечается тенденция к постпозиции, для **свои** – к препозиции. Препозиция преобладает в расположении атрибута **твои**, но в *Слове о снятии тела Христова с креста* чаще отмечается его препозиция (8 при 4 постпозициях), а в *Слове о расслабленном*, напротив, больше постпозитивных употреблений (4 при 1 препозиции). У Иллариона притяжательные местоимения расположены в постпозиции, за редким исключением. У Иоанна Экзарха в *Слове на Преображение* преобладает постпозиция (15 при 3 примерах препозиции), в *Похвале Иоанну Богослову* – препозиция (7 при 5 случаях постпозиции).

Указательные местоимения **тъ** и **сь** Кирилл использует редко, и соотношение препозиции и постпозиции примерно одинаково. В *Слове мт. Иллариона* эти атрибуты находятся в постпозиции. В *Слове на Преображение* преобладает их постпозиция, а в *Похвале Иоанну Богослову* – препозиция (соотношение препозиции и постпозиции соответственно 3 : 7 и 16 : 13).

В многокомпонентных именных группах в Словах Кирилла Туровского в основном оба атрибута находятся в препозиции, как и в однокомпонентных словосочетаниях. Расположение одного атрибута в препозиции, а второго – в постпозиции отмечается в 13 группах, из которых одна является цитатой (**вса кости мога**). Постпозиция обоих атрибутов представлена в библеизме **снъ мои възлюбленъи** и в именной группе **иисифа приснопамятнаго блгоувазнаго же и досточюднаго**, где она обусловлена коммуникативным фактором. Многокомпонентных словосочетаний с атрибутами-прилагательными в *Слове о снятии тела Христова с креста* 3, в *Слове о слепце* – 8, в *Слове памяти отцов Никейского собора* – 11; в *Слове о расслабленном* таких именных групп нет. Словосочетаний с прилагательным и местоимением в тех же текстах соответственно 13, 3, 24 и 6.

В Слове мт. Иллариона в большинстве словосочетаний один атрибут находится в препозиции, другой – в постпозиции. Постпозиция обоих атрибутов встречается редко, еще реже отмечается препозиция.

В Словах Иоанна Экзарха многокомпонентных именных групп немного. Чаше встречаются препозиция обоих атрибутов и препозиция одного и постпозиция другого. Постпозиция обоих отмечается реже.

В Словах Кирилла Туровского широко представлены словосочетания с дистантным расположением атрибута. В *Слове о снятии тела Христова с креста* 37 таких именных групп, в *Слове о слепце* их 22, в *Слове памяти отцов Никейского собора* – 19, в *Слове на Фомину неделю* – 9, а в *Слове о расслабленном* – 5. При этом атрибут находится в препозиции, как и в контактных именных группах.

В Слове Иллариона дистантных словосочетаний нет, как и в *Слове на Преображение* Иоанна Экзарха. В *Похвале Иоанну Богослову* имеется по меньшей мере 9 именных групп с дистантным расположением атрибута, который находится в препозиции и в постпозиции.

В целом порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в Слове мт. Иллариона близок к описанному М. Виднес, а в Словах Кирилла Туровского значительно отличается от него.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

Widnäs M. La position de l' adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors, 1953.

Жанрово-коммуникативные номинации во фразематике русского и польского языков

O. Малыса

GENERIC AND COMMUNICATIVE NOMINATIONS IN THE PHRASEMOLOGY
OF POLISH AND RUSSIAN

Oksana Matysa

ABSTRACT:

The article focuses on phrasemes including nominations of speech genres. The author concentrates in particular on their relationship with various types of discourse as well as their specificity in the area of Polish and Russian culture.

Keywords: speech genre, nominations, phrasemes, discourse, Russian-Polish comparative analysis

АННОТАЦИЯ:

В работе рассматриваются русские и польские фраземы, в состав которых входят номинации речевых жанров. Особое внимание обращается на их соотнесение с

различными типами дискурса, а также со спецификой речевой практики русской и польской лингвокультуры.

Ключевые слова: речевой жанр, номинация, фразематика, дискурс, русско-польское сопоставление

К одному из направлений современной лингвистики относится изучение жанров в метаязыковом ключе. Такой подход служит обогащению речезанровой традиции, поскольку в жанрах „с максимальной полнотой проявляется культурное своеобразие эпох и народов – своеобразие, охватывающее характер употребления языка, переживания и осмысления его природы” [Карабыков 2010: 26]. Подчеркивается, что жанры «представляют собой один из наиболее значимых механизмов не только стереотипизации и конвенционализации любого вида коммуникации, но и концептуализации мира, формирования языковой картины мира» [Балашова 2017: 7]. В связи с этим предлагается рассматривать речевые жанры в аспекте ономазиологических основ их номинаций, коннотативных схем глаголов говорения и общения, актуальных лексикографических дефиниций [Bartmiński 2012: 20]. Наименования речевых жанров и соотносимых с ними базовых глаголов находят также отражение во фразематике. Она охватывает воспроизводимые единицы устойчивого характера разных уровней: фразеологизмы, паремии, крылатые слова и др., иначе называемые многокомпонентными репродуктами¹ [Chlebda 1991, 2010]. Рассмотрим специфику использования в них жанровых номинаций на материале русского и польского языков.

Согласно известному утверждению М. Бахтина, «мы говорим только определенными речевыми жанрами», даже не подозревая об их существовании, подобно мольеровскому Журдену, говорящему прозой и не подозревающему об этом [Бахтин 1986: 271]. В некоторой степени это проецируется на использование во фраземах гиперонима *tekst / tekst*. В обоих рассматриваемых языках он выступает в сочетании, обозначающим откровенное высказывание, – *открытым текстом / otwartym tekstem*. В польском языке слово *tekst* появляется также в идиомах разговорного плана с общим значением неуместности сказанного, приобретая пейоративные коннотации: *walić takie teksty, rzucać teksty, zabijać tekstami, co to za teksty, nie do mnie z takimi tekstami*. В русской фразематике более распространенным оказывается родовое понятие *жанр*: *по (лучшим, всем) законам жанра, по закону жанра, следовать законам жанра, классика жанра*; в польской же репродуктивным характером с этим наименованием обладает лишь выражение *klasyka gatunki*.

¹ Воспроизводимость репродуктов однако не обозначает механического копирования устоявшихся фраз, что обусловлено разными ситуативными контекстами [Chlebda 2010: 17–18].

Среди жанрово-коммуникативных явлений с широким семантическим охватом выделяется разговор. В русском языке номинация этого универсального жанра представлена фразематическими конструкциями *другой разговор, без лишней разговоров, это не телефонный разговор, мужской разговор*, в польском – *to już inna rozmowa, rozmowa nie na telefon, męska rozmowa* и т.п. Часть из них называет субжанры, присущие одной из культур, которые указывают на межличностную близость участников общения или его пространственно-временные условия: *здушевный разговор / разговор по душам, кухонный разговор, długa posna Polaków rozmowa*. Некоторые фраземы, в состав которых входят жаргонные названия разговора, обсуждения (русск. *базар*) или их разговорные обозначения (польск. *gadka szmatka*), отличаются ярким эмоционально-оценочным характером: *кончай базар, о чем базар, co to za gadki szmatki*.

Своеобразие жанрового сознания поляков и русских проявляется на уровне восприятия сходных типов речевого поведения. Так, в польской разговорной речи отмечается востребованность фраз с номинацией *dyskusja*: *tu nie ma żadnej dyskusji, nie ma nad czym dyskutować, koniec dyskusji*. По всей вероятности, это предопределяется тем, что в польском речевом пространстве жанр *дискуссия* реализуется и как форма повседневного общения [Zaśko-Zielińska 2002: 26], в то время как в русском он закреплен прежде всего за публичными выступлениями. В русском языке в этом плане преобладают конструкции с наименованием *разговор*: *без (всякого) разговора / без (всяких) разговоров* или *спор*: *без (всякого) спора, спору нет, вагонные споры*. Неслучайно в польской и русской кальках латинского афоризма *De gustibus non est disputandum* использованы разные глаголы речевых действий: *O gustach się nie dyskutuje – O вкусах не спорят*.

Фразематические единицы с жанровыми наименованиями в обоих языках соотносятся также с различными типами дискурсивных практик. В частности, к пространству жанров религиозного дискурса восходят репродукты *петь аллелюю / осанну, молить Бога, читать проповеди, błagać Boga, wznosić modły do Boga, siedzieć jak na tureckim kazaniu*; юридического дискурса – *устраивать допрос, закон не писан, być głupszym niż ustawa przewiduje*. Официальные публичные выступления оставили след в выражениях с ироническим оттенком: *толкать речь (речугу), толкать сич* в значении ‘высказываться’ и *wygłaszać przemówienie*, а официальные документы – в идиомах *uprzejmie donoszę* и *nakatam telegu* (в значении ‘написать донос, жалобу’). Область этикета представляют фразы с наименованиями жанра просьбы (*Христом богом просить, na własną prośbę, na prośbę*), благодарности (*и на том спасибо, dziękować Bogu, że ..., dzięki Bogu*), извинения (*извини-подвинься, za przeproszeniem*). В русском языке в этот ряд вовлекаются также лексемы, относящиеся к

приветствию (*здравствуйте пожалуйста, привет от старых штиблет, здравствуйте, я ваша тетя*).

Обязательственные отношения, вписанные в жизнедеятельность каждого общества, нашли выражение в многочисленных фраземах с названиями комиссивных жанров вместе с их словообразовательными дериватами. В русском языке это *обещать с три короба, обещать не значит жениться, не можешь сделать, хоть пообещай, обещаниями сыт не будешь, от сумы и тюрьмы не зарекайся, подписать сделку с дьяволом, уговор дороже денег*; в польском – *obiecanki-cacanki, puste obietnice (słowa), obiecywać gwiazdkę z nieba / złote góry / gruszki na wierzbie, zawrzeć pakt z diabłem, zмова milczenia* и др. Жанр *посул*, характерный только для русской лингвокультуры, преломляется в репродуктах *сулить золотые (золотые) горы и на посуле, что (как) на стуле: посидишь, да и встанешь*.

Кроме того, и в русской, и в польской фразематике активны репродукты с наименованиями жанров с игровым началом: *это тебе не шутки, кроме шуток, шутить изволите, ходячий анекдот, żarty się skończyły, to nie są żarty, żarty sobie stroisz* и т.д.

Особую группу составляют фраземы, в которых задействованы номинации художественных жанров. В обоих языках к наиболее активным принадлежат конструкции с лексемами, обозначающими наиболее древние жанры – сказку и песню (напр., русск. *сказка про белого бычка, бабушкины сказки, травить байки, старая песня, твоя песенка спета*, польск. *baju baju, będziesz w raju, to nie są bajki, piąć z zachwytu*). В русской идиоматике поэтические жанры представлены в частности родовым понятием *стих: стих находит*. Можно предположить, что репродуктивным характером обладает предложение *To dla mnie fraszka*, в которое входит название поэтического шуточного жанра *fraszka*, получившего распространение в польской культуре.

Кроме дискурсивного аспекта жанрово-коммуникативных номинаций в сопоставительном плане интересным представляется проследить и другие вопросы: наименования каких жанров легли в основу фразем, отражающих аналогичные стороны человеческой деятельности (напр., с одной целевой установкой, ср.: ‘восхвалять’ – *петь дифирамбы, wygłaszać peany, wystawić laurkę*), какие указывают на разные стороны коммуникативного поведения, а также на основании каких вырисовывается речевой портрет представителей разных культур.

Литература / References

1. *Балашова Л.В.* Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // *Жанры речи*, 2017. № 1(15). С. 6–29.
2. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

3. *Карабыков А.В.* Система социальных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н.э. // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2010. № 3(11). С. 26–40.
4. *Bartmiński J.* Jak opisywać gatunki mowy? // *Język a Kultura*. Tom 23. Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej / Pod red. Anny Burzyńskiej-Kamienieckiej. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2012. С. 13–32.
4. *Chlebda W.* Elementy frazematyki: wprowadzenie do frazeologii nadawcy. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1991.
5. *Chlebda W.* Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrzowych // *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowych jednostek języka* / Pod red. Wojciecha Chlebdy. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010. С. 15–35.
6. *Zaśko-Zielińska M.* Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 2002. 179 c.

Древнеславянский перфект и его историческая судьба

И.К. Манучарян

THE OLD SLAVIC PERFECT AND ITS HISTORICAL DESTINY

Ivetta K. Manoucharyan

ABSTRACT:

The article discusses the perfect, the compound form of the past tense in Slavic languages, which dates back to the old Slavic perfect. In some Slavic languages this form has preserved with the auxiliary verb, while in the others without.

Keywords: perfect; past tense; auxiliary verb; dialogue; syntactic structure

АННОТАЦИЯ:

Исследуется форма прошедшего времени в современных славянских языках, восходящая к древнеславянскому перфекту. В одних славянских языках она сохранилась со связкой, в других – употребляется без связки.

Ключевые слова: перфект; прошедшее время; глагол-связка; диалог; синтаксическая структура

Система форм прошедшего времени в славянских языках в древности состояла из двух простых форм – аориста, имперфекта и двух сложных форм – перфекта и плюсквамперфекта. В славянских языках в древности категория вида была слабо развита и основную нагрузку в выражении глагольного действия и его особенностей несла категория времени, унаследованная из праславянского языка.

Перфект, одна из аналитических форм прошедшего времени, обозначал действие, которое было выполнено в прошлом, до момента речи, а результатом этого действия было состояние, актуальное в момент речи, т.е. в настоящем. Таким образом, перфект «<...>» был тесно связан по

смыслу с настоящим временем» [Ремнева 2004: 269]. Это значение и выражал компонентный состав перфекта: он состоял из действительного причастия прошедшего времени, образованного с помощью суффикса *-л*, и личных форм вспомогательного глагола *быти* в настоящем времени. Таким образом, в форме перфекта соприкасались прошедшее время и настоящее время посредством двух глагольных форм, что полностью отражало заключенное в нем значение. Вспомогательный глагол *быти* в форме настоящего времени имел личную парадигму и соответственно указывал на действующее лицо.

Существование перфекта в древности во всех славянских языках подтверждается данными старославянского языка, который хронологически стоит ближе всего к праславянскому языку.

Из всех форм прошедшего времени самой жизнестойкой временной формой оказался перфект, который в качестве формы прошедшего времени сохранился в разных славянских языках.

Перфект без связки сохранился в восточнославянском языковом ареале. В русской глагольной системе прошедшее время представляет собой только знаменательную часть перфекта, утратившего вспомогательный глагольный компонент, в связи с чем лицо не выражено, но присутствует родовая парадигма, т.к. исторически форма прошедшего времени в русском языке восходит к знаменательному компоненту древней формы перфекта - действительному причастию прошедшего времени с суффиксом *-л* (*-ла*, *-лю*). У глаголов мужского рода с основой инфинитива на согласный, то есть в закрытом слого, суффикс *-л* отсутствует (*нес* – но *несла* – *несли*). В украинском и белорусском языках в этой же форме выступает вместо *-л* соответственно *-в* (укр. *замыслив*, но *замыслила*) и *-ў* (белор. *писаў*, но *писала*).

В западнославянских языках, в частности, в польском языке перфект сохранился в активном употреблении. При этом связка в перфекте слилась с причастием прошедшего времени на *-л* в единое слово как в единственном, так и во множественном числе (*chodilem* – *я ходил*, *chodiliście* – *вы ходили*).

В чешском языке также функционирует форма прошедшего времени, восходящая к древнему перфекту, но, в отличие от польского языка, вспомогательный глагол выступает как отдельное глагольное слово, однако в его парадигме нет форм вспомогательного глагола *býti* в третьем лице в настоящем времени как единственного, так и множественного числа (ср. *chodil jsem* – *я ходил*, *chodil* – *он ходил*, *chodili*, *-a*, *-a* – *они ходили*). Та же парадигма прошедшего времени наблюдается и в словацком языке с той разницей, что в нем причастие на *-л* сегодня не имеет родовых форм во множественном числе.

В южнославянском языковом ареале представлена иная система форм прошедшего времени. Так, в болгарском языке сохранились старые формы прошедшего времени – аорист, имперфект, перфект, плюсквам-перфект. Перфект в болгарском языке обозначает такое же действие, которое совершилось в прошедшем и в нем выражается результат в настоящем. Парадигма спряжения перфекта содержит вспомогательный глагол во всех лицах и числах. Перфект со связкой во всех лицах и числах употребляется также в словенском, сербском/хорватском языках.

Таким образом, перфект со связкой или без нее сохранился за некоторым исключением во всех славянских языках в трех вариантах, став в них в одних случаях единственной формой прошедшего времени (без связки – все восточнославянские языки), в других случаях с сохранением связочного глагола (полностью или частично в западнославянских языках), в третьих случаях – с сохранением, помимо перфекта, и других старых форм простого и сложного времени (в южнославянских языках).

Почему именно перфект стал главной формой прошедшего времени в подавляющем большинстве славянских языков? В этом сыграла свою роль не только простота образования форм в парадигме перфекта в сравнении со сложностью образования личных форм аориста и имперфекта. Язык является средством коммуникации и, как показывает история языка, перфект, будучи диалоговой единицей, был важен в процессе коммуникации. Отметим, что перфект был частотен в диалогах, и как отмечает М.М. Бахтин, «быть – значит общаться диалогически» [Бахтин 1996: 178].

Связь между грамматической формой прошедшего времени в современных славянских языках, восходящей в подавляющем числе случаев к перфекту, в зависимости от сохранения или от утраты в нем вспомогательного глагола, указывающего на лицо, самым серьезным образом сказалась на синтаксисе славянского простого предложения. С сохранением или разрушением перфекта в разных славянских языках связана и синтаксическая структура славянского предложения, так как невыраженность субъекта действия в предложении (например, в русском языке) во многих случаях приводит к необходимости экспликации грамматического подлежащего. И наоборот, наличие вспомогательного компонента в перфекте (например, в чешском языке) диктует в нейтральных случаях односоставность синтаксического построения предложения, в котором нет необходимости в экспликации подлежащего.

Литература / References

1. *Аверина С.А. и др.* Старославянский язык. Учебник для высших учебных заведений РФ / Под ред. У.Г.Макухиной. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 415 с.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы речевых жанров//Русские словари. 1996, т.5. С.159-206.

3. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка / Под ред. Г.В.Карпюк. М: Просвещение, 1983. С.339-343.
4. *Кондрашов Н.А.* Славянские языки. Учебное пособие. М: Просвещение, 1986, 238 с.
5. *Манучарян И.К.* Старорусский диалог в памятниках XVII века // Лингвистические исследования / Под ред. Л.Г.Брутян. Ереван: Лимуш, 2015. С.87-97.
6. *Манучарян И.К.* Глагольные предикаты в старославянских текстах // Лингвистические исследования / Под ред. Л.Г.Брутян. Ереван: Изд-во ЕГУ. С. 90-99.
7. *Ремнева М.Л. и др.* Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем / Под ред. Т.М. Ильенко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 75-84.
8. *Ремнева М.Л.* Старославянский язык / Под ред. Е.Г.Домогацкой. М.: Академический проект, 2004. С.234-238.

Передача чужой речи в публицистическом и научном стиле русского и сербского языков

Б. Марич

THE REPRESENTED DISCOURSE IN JOURNALISTIC AND SCIENTIFIC STYLE OF RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES

B. Maric

ABSTRACT:

The paper explores the means of transfer of represented speech in journalistic and scientific style of Russian and Serbian languages. The author is making an attempt to base a representology as a syntactic discipline concerned with constructions of represented speech and other means of referring to somebody else's speech in Russian and Serbian languages.

Keywords: representology; represented discourse; journalistic style; scientific style; Russian; Serbian

АННОТАЦИЯ:

В работе исследуются средства передачи чужой речи в публицистическом и научном стиле русского и сербского языков. Автор пытается обосновать репрезентологию как синтаксическую дисциплину, занимающуюся конструкциями чужой речи и другими средствами указания на чужую речь в текстах.

Ключевые слова: репрезентология; чужая речь; публицистический стиль; научный стиль; русский; сербский

Для объяснения термина «чужая речь» в репрезентологии необходимо сначала пояснить оппозицию между «своим» и «чужим» в определенном тексте. За этими двумя типами речи стоят как минимум два разных субъекта, отвечающие за свою часть текста. Иными словами, любой текст может быть построен с различной степенью участия в нем «чужих голосов», чужая речь может быть передана различными способами и к е

вкраплениям может быть разное отношение. По словам Чумакова, чужая речь – это речь в речи [Чумаков 1975: 14].

Исходя из исследований Бахтина и Чумакова, мы попытаемся дать синтаксическое обоснование репрезентологии. Естественно, вся полнота и разнообразие возможностей передачи чужой речи может быть выражена в рамках больших и сложных синтаксических целых, однако для большей наглядности выводов, можно ограничиться анализом чужой речи в рамках одного или нескольких предложений, соединенных в конструкции. Репрезентологией мы называем, вслед за Чумаковым [Чумаков 1975: 9], первым употребившим данный термин в советском языкознании (ссылаясь на английский эквивалент термина *represented discourse*), синтаксис конструкций чужой речи. В сербском языкознании синтаксист М. Ковачевич в своей статье, посвященной системе терминов чужой речи, почти сорок лет спустя после выхода в свет монографии Чумакова тоже употребляет этот термин [Ковачевич 2012: 13]. В современном русском языкознании есть отдельные ученые, которые также используют.

Наиболее интересным разделом репрезентологии является та ее часть, которая смыкается со стилистикой.

Публицистические тексты в значительной мере возникают в связи с какой-то информацией (ложной или истинной) об определенном событии и строятся как диалог или полемика с другой информацией, мнениями, предположениями и т.п., таким образом проявляя, в зависимости от ответственности и стиля самого автора, различное отношение к чужой речи. Научный стиль в соответствии с его высокими этическими принципами должен проявлять высшую степень ответственного отношения к чужой речи, которая почти всегда авторизована, но, тем не менее, представляет большой интерес для репрезентологии: она является предметом спора, оценки, по отношению к ней выражают свое согласие или возражают ей.

В нашей работе, в которой исследуются глаголы, вводящие прямую и косвенную речь в русском и сербском языках, мы обратили особое внимание на тесную связь между репрезентологией и стилистикой [Марич 2014: 35]. Выясняется, что в обоих языках разные функциональные стили отдают предпочтение определенным глаголам.

В русском газетно-публицистическом стиле, кроме глаголов, общих для всех стилей (*сообщить, проинформировать, сказать, ответить, спросить*), употребляются также глаголы *подчеркнуть, добавить, отметить, заявить*.

*Тем не менее, он **отметил, что**, «к сожалению, пока что бюрократические шестеренки в ЕС поворачиваются медленнее и с большим скрипом, чем мы рассчитывали». (Интернет)*

«Мы сейчас согласовываем дату саммита в конце января, но она еще не утверждена», – заявил собеседник агентства. (Интернет)

Г. Штрбац в своей работе о коммуникативных глаголах в сербском языке указывает на то, что в языке СМИ весьма частотно употребление глаголов с вторичным речевым значением, т.е. глаголов, которые развивают речевой компонент значения именно в данном функциональном стиле (газетно-публицистическом) [Штрбац 2007: 939]. Это глаголы: *дати, истаћи, оценити, сматрати, закључити, залагати се, запазити, нагласити, подвући, осврнути се, поновити, пренети, указати, наводити*. Хотя некоторые из них могут употребляться и в других стилях, в газетно-публицистическом они все же приобретают оттенок нейтральной передачи чужих слов (в обоих типах речи).

Француски председник Франсоа Оланд истакао је да је одлука папе да поднесе оставку високо цењена и часна. (Политика)

Када је изабран, медији су оцењивали да су његов металноплави поглед и хладан осмех оштри као и десничарски ставови који су често изазивали и политичке кризе. (Политика)

Средства, используемые при передаче чужой речи, можно разделить на центральные (сказуемое главного предложения), периферийные (вводные или вставные конструкции со значением авторизации, частицы-кенопоказатели, экспрессивные частицы в придаточном предложении) и внешние (находящиеся в другом предложении, не в том, которое передает чужую речь) [Марић 2015: 473].

В соответствии с высокими этическими принципами научного стиля в нем в высшей степени должно выражаться уважительное отношение к чужой речи. Это подразумевает строгую авторизацию чужих слов в виде ссылок на авторов и их книги, статьи и т.д.

Указывая на источник сообщения, в научном стиле используют следующие глаголы: *приводить, отметить, заметить, доказывать, говорить, свидетельствовать, давать сведения, приводить доказательства в пользу чего-то, указывать на что, утверждать, ссылаться на что, описывать, приходиться к выводу, делать вывод, рассматривать*.

Ролью перечисленных глаголов в научном тексте является не только передача содержания речи и ссылка на говорящего, но и раскрытие взаимоотношений, логической связи между понятиями, представляющими предмет речи.

К данным глаголам необходимо добавить глагол *писати*, указывающий также на сферу употребления чужой речи, а также глагол *читати*, обозначающий восприятие написанного.

В сербской научной речи встречаются следующие глаголы: *доказивати, наводити, казати, упућивати на, ослањати се на, описивати, долазити до закључка, закључивати, писати, бележити, тврдити, разматрати проблем, сматрати, указивати на, показати...*

Диалогизация и полемичность свойственны как научному тексту, так и публицистическому. В докладе будут показаны особенности передачи чужого слова в научной речи.

Литература / References

1. *Бахтин М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. Москва: Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. *Ковачевић М.* О граматичко-стилистичком терминосистему туђег говора // Српски језик, 2012. № 17. С. 13–38.
3. *Марић Б.* „Ограђивање” од туђег говора у публицистичком стилу руског и српског језика // У простору лингвистичке славистике. Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера / Уред. Љ. Поповић, Д. Војводић, М. Номаћи. Београд: Филолошки факултет, 2015. С. 471–487.
4. *Марић Б.* Введение чужой речи глаголами (в русском и сербском языках) // Русский язык как инославянский, 2014. № 6. С. 35–48.
5. *Чумаков Г.* Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев: Вища школа, 1975.
6. *Штрбац Г.* Синтаксичко-семантички статус једне скупине комуникативних глагола у језику масовних медија // Зборник МС за филологију и лингвистику, 2007. № 50. С. 939–950.

Адаптација реалиј в переводе «Метаморфоз» Овидија с польског језика начала XVIII века

Е.А. Матвеенко

THE RUSSIAN TRANSLATION OF OVID'S METAMORPHOSES AT THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY AND ITS POLISH ORIGINAL: REALIA INTERPRETATION

Ekaterina A. Matveenko

ABSTRACT:

The Russian prosaic translation of Ovid's *Metamorphoses* was made from Polish verse moralized interpretation *Księgi Metamorphoseon, to iest, Przemian, od Pwblivisa Owidyvsza Nasona wierszami opisane* composed by Walerian Otwinowski (ed. Krakow, 1636) not later than 1706. On the one hand, due to Otwinowski's interpretation it was less effort required from Russian translators to interpret the ancient realities. But accordingly they had to adapt the Polish text created in an inocultural and ino-confessional environment. In the translated text were made the eliminations and replacements

of specific signs of Polish origin of the text. The later version of this translation represents the next stage of text's domestication.

Key words: Ovid's *Metamorphoses*; translations from Polish in the epoch of Peter the Great; ancient literature in Russia; realia adoption

АННОТАЦИЯ:

«Метаморфозы» Овидия были переведены в России с польской комментированной версии В. Отвиновского *Księgi Metamorphoseon, to jest, Przemian od Pwblivsa Owidyvsza Nasona Wierszami opifáne* (1638) не позднее 1706 г. С одной стороны, прокомментированный Отвиновским в религиозном духе текст античного автора требовал от русских переводчиков меньших усилий по интерпретации античных реалий. С другой – встала задача адаптации польского текста, созданного в инокультурной и иноконфессиональной среде. При переводе устранялись или заменялись некоторые нехарактерные для русской культурно-лингвистической ситуации реалии, а в качестве переводящих вариантов могли быть выбраны маркированно церковнославянские лексемы. Более поздняя редакция перевода «Метаморфоз» представляет собой следующую ступень освоения этого текста в реципиенте.

Ключевые слова: переводы с польского языка в петровскую эпоху; «Метаморфозы» Овидия; адаптация реалий; инокультурное влияние

Не позднее 1706 года с польской комментированной версии В. Отвиновского *Księgi Metamorphoseon, to jest, Przemian od Pwblivsa Owidyvsza Nasona Wierszami opifáne* (Краков, 1638) был выполнен русский прозаический перевод «Метаморфоз» Овидия [Николаев 2008: 189]. Этот перевод сохранился в пяти списках¹, различающихся по составу, и представлен в двух редакциях: ранней (списки ГИМ Син. № 809 и БАН. П I Б. № 101) и более поздней (списки РНБ Q.XVIII.4 и РГАДА Ф.181. № 671/1182) [Мольков 2016: 461].

Валериан Отвиновский перевёл «Метаморфозы» на польский язык прежде всего в дидактических целях: познакомить читателей, учащихся молодых людей, с произведением из сокровищницы мировой литературы и поспособствовать воспитанию нравов на примерах из него, истолкованных в религиозно-моральном ключе [Wichowa 2008: 116-118]. Комментарии Отвиновского, сопровождающие текст поэмы, можно разделить на три группы: это справки, объясняющие потенциально непонятные читателям реалии, пояснения к сюжетной линии и толкования сюжета в религиозно-морализирующем ключе. В своём переводе и тем более в комментариях к нему Отвиновский свободно обращался к характерным для польской культурно-лингвистической ситуации реалиям, а потому русские переводчики при переводе «Метаморфоз» с польского столкнулись с элементами не только античной культуры, но и иноконфессиональной

¹ Один из этих списков – ГИМ. ОПИ. Ф. 96. Инв. № 21059/3287 – для анализа пока нами не привлекался.

западнославянской среды. Для их адаптации были задействованы выработанные переводческой традицией приёмы.

Во-первых, некоторые фрагменты текста сознательно опускались. Так, например, устранена лексема *po polsku* в комментарии, объясняющем, что такое хаос:

(1) *Tę tedy odchłań <...> Pogańscy ludzie nazwali byli Chaos; po Polsku Miełbanina* (s.2).

БАН П.І.Б.101: и тѣ безднѣ <...> поганстїи люди нарекли хаосъ толкү-емо смѣшенїе (л. 33)

РНБ Q.XVIII.4: тѣю безднѣ поганстїи люди нарицаютъ хаосъ, то есть смѣшенїе (л. 8).

В следующем фрагменте устранена без компенсации лексема *seym*:

(2) *Bog wielkiego zuchwalstwa y złości, ktorey ludzie pełni byli, iuz daley zcierpieć nie mogąc, na Seym zwołał Niebiany* (s. 13)

БАН П.І.Б.101: бѣтъ великія гордости и зловы, еаже чѣвцы наполнены были, волши терпѣти не моглѣ. созвалъ, жителен нѣсныхъ (л. 46 об.).

То же РНБ Q.XVIII.4 (л. 14 об.).

Во-вторых, инокультурные элементы подвергались замене. Например, компонент *król* регулярно переводится как царь, если только в контексте лексема не употреблена в конкретном значении для номинации западноевропейского правителя:

(3) *Tą mieszkający Niebiescy <...> chadzaią <...> do dworu Krolewskiego* (s. 13).

БАН П.І.Б.101: тѣмъ небесїи жители <...> ходятъ <...> во дворъ цѣрскїи (л. 47)

РНБ Q.XVIII.4: по той дороге <...> небесїи жителї ходятъ <...> во дворъ царскїи (л. 15 об.).

В то же время, в конкретном значении «западноевропейский монарх»², *król* переведено как король, что также свидетельствует о сознательной замене этой лексемы лексемой царь в иных контекстах в более общем значении:

(4) *Saturnus <...> vciekl do Włoskiej Ziemie do Krola Ianusza* (s.10)

РНБ Q.XVIII.4: сатурнъ <...> бежалъ во итали'скїю землю, к королю янусу (л. 10 об.). То же БАН П.І.Б.101 (л. 42 об./43).

² В «Метаморфозах» имеется в виду бог Янус, но Отвиновский трактовал героев античных мифов в эвгемеристическом ключе: что они были обычным людьми. Русские переводчики, вероятно, восприняли Януса в такой трактовке как некоего итальянского монарха.

Не всегда следует за польским оригиналом русский перевод и в передаче имён собственных. Так, в большинстве случаев бог-громовец назван именем, наследующим греческой традиции – **Зевесъ** (конкурирующий вариант в переводе – **Юпитеръ**) – при вариантах *Iupiter /Jowisz* в польском тексте. В начальных сказаниях «Метаморфоз» к латинизму **Сатърнъ** несколько раз без поддержки оригиналом добавлена внутритекстовая глосса с греческим вариантом имени героя – **Кронъ**:

(5) *A złoty wiek rzeczony iest za panowania Saturnowego* (s. 8)

БАН П.І.Б.101: **а золотой вѣкъ нареченъ естъ во владѣніе сатърново се естъ кронowo** (л. 39 об.). То же РНБ Q.XVIII.4 (л. 7).

Ранняя и поздняя редакции рассматриваемого перевода «Метаморфоз» в ряде случаев представляют разные этапы адаптации реалий оригинала. В поздней редакции некоторые ранние варианты перевода заменены лексемами с более общим значением. Например, во фрагменте рассказа Зевса о его приходе к царю Ликаону:

(6) *Y do nieludzkich gmachow wszedlem* (s. 16)

БАН П.І.Б.101: **в нечлѣколюбные вшелъ есмь чертоги** (л. 52 об.)

РНБ Q.XVIII.4: **к мѣчигелскомѣ домѣ дондохъ** (л. 17)

Кроме того, в более поздней редакции имеются и вставки, не мотивированные польским оригиналом и, вероятно, имеющие идеологическую значимость. В частности, несколько раз в текст добавлена лексема **Баснотворцы**.

(7) *Przezoż też piszą o nim <о Прометее> iakoby miał ognia od słońca <...> dostać* (s. 7)

БАН П.І.Б.101: **и для того пишѣтъ про него. вѣдто ѿ слнца <...> огонь полѣчилъ** (л. 39)

РНБ Q.XVIII.4: **А другіе Баснотворцы пишѣтъ про него, вѣдто онъ отъ слнца <...> огонь полѣчилъ** (л. 4 об.).

Такие вставки соответствовали общему замыслу текста Отвиновского и его русского перевода: не допустить восприятия мифов в религиозном ключе.

Литература / References

1. *Мольков Г.А.* Употребление частицы было в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (30 мая – 1 июня 2016 г.) / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2016. С. 462-463.
2. *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. 248 с.

3. *Wichowa M.* Staropolskie przekłady Metamorfoz Owidiusza. 2008. Łódź: UL. 271 p. (In Polish).

Славянские языки в рамках «philologia sacra» (на примере одного архивного документа)

C. Менгель

THE SLAVIC LANGUAGES WITHIN THE SCOPE OF THE “PHILOLOGIA SACRA” (AN EXAMPLE OF AN ARCHIVE DOCUMENT)

Swetlana Mengel

ABSTRACT:

The document “*Harmonia vocum hebraicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis*” which was found in the archive of A. H. Francke in Halle bears the original signature of Simeon Todorsky who studied at the university of Halle from 1729-1735. The document, however, isn't only likely to constitute the first evidence of the consideration of slavic languages for the comparative-linguistic Bible studies which have emerged at the beginning of the 18th century in western European universities and which preceded the scientific discussion on the historical and comparative linguistics.

Keywords: philologia sacra; “simple“ russian language; “russian books“ from Halle; Simeon Todorsky

АННОТАЦИЯ:

Документ «*Harmonia vocum hebraicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis*», найденный в архиве Фонда А.Г. Франке в Халле, подписан Симоном Тодорским, студентом университета Халле с 1729 по 1735 гг., переведшим на русский язык более 2000 страниц немецкой душеспасительной литературы. Документ представляет собой первое свидетельство о привлечении славянских языков в сравнительно-языковедческие библейские штудии, появившиеся в начале XVIII века в западно-европейских университетах и предшествовавшие научному сравнительно-историческому языкознанию.

Ключевые слова: philologia sacra; «простой» русский язык, «русские книги» из Халле; Симон Тодорский

Найденный в архиве Фонда А.Г. Франке в Халле документ «*Harmonia vocum hebraicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis*» с оригинальной подписью Симона Тодорского (1700-1753), который учился в университете Халле с 1729 по 1735 гг. и сделал по возвращении в Россию стремительную церковно-политическую карьеру, закончив жизнь митрополитом Костромским и Псковским, членом Святейшего Синода и духовником Екатерины II, представляет собой, по всей вероятности, не только первое свидетельство о привлечении славянских языков в сравнительно-языковедческие библейские штудии, появившиеся в начале XVIII века в западно-европейских университетах и предшествовавшие научному

сравнительно-историческому языкознанию. Особое значение документа состоит также в том, что он позволяет сделать вывод о языковой концепции Тодорского, призванного в соответствие с миссионерской установкой пиетистов из Халле перевести произведения немецкой религиозной душевспасительной литературы на понятный всякому христианину «простой» русский язык. Так как «русские книги» из Халле предназначались для распространения в России и нашли там рецепиентов, они должны были сыграть определенную роль в раннем периоде формирования русского литературного языка нового типа.

В докладе делается попытка представить текстологический и лингвистический анализ найденного документа в свете выше названной научной проблематики.

Литература / References

1. *Mengel S., Schorch S. Die Harmonia vocum hebræarum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis* von Simon Todorskij: Ein neuer Archivfund zu vergleichenden Sprach- und Bibelstudien an der Universität Halle im frühen 18. Jahrhundert // *Logos im Dialogos. Auf der Suche nach der Orthodoxie. Gedenkschrift für Hermann Goltz* / Ed. A. Briskina-Müller, A. Drost-Abgarjan, A. Meißner. Berlin: LIT Verlag, 2011. S. 545–567.
2. *Mengel S. Il Piccolo Catechismo di A.H. Francke e le sue traduzioni in russo nel primo trentennio del XVIII secolo.* // *Rivista storica italiana*, vol. CXXIX, N. 1, 2017, S. 206–226.
3. *Mengel S. Переводы немецких духовных песен на русский язык в конце XVII – начале XVIII веков: их рецепция в культурно-языковой ситуации России и особенности языка* // *Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov* / Ed. Peter Žeňuch, Peter Zubko et al. Bratislava: Veda, 2017. S. 206–226.

Сербский исторический роман 80-х годов XX века

С.Н. Мецержаков

THE SERBIAN HISTORICAL NOVEL OF THE 1980S

Sergej N. Meshcheryakov

ABSTRACT:

In the 1980s the Serbian historical novel acquires the characteristics of a political novel. It also draws on the experience of postmodernism.

Keywords: historical novel; political novel; postmodernism.

АННОТАЦИЯ:

В 80-е годы XX в. Сербский исторический роман обретает черты романа политического, а также обращается к опыту постмодернизма.

Ключевые слова: исторический роман, политический роман, постмодернизм.

1980-е годы – время бурных общественных дискуссий, преддверие будущих политических катаклизмов и национальных конфликтов. Уже в конце 70-х годов исторический роман обретает черты романа политического (Э. Кош. По следам мессии. I–III, 1978), однако лишь в 80-е годы этот процесс обретает настоящий размах (А. Исакович. Мгновенье – II, Д. Чосич. Грешник. Отщепенец. Верующий, Д. Попович. Книга о Милутке, С. Селенич. Друзья с Косанчичева венца, 7). При этом история тесно переплетается с современностью, что в целом характерно для исторического романа в славянских странах в этот период.

Важнейшая черта сербского исторического романа 80-х годов – обращение к опыту постмодернизма. Знаменитый «Хазарский словарь» М. Павича (1984) – фактическое отрицание традиционного понимания истории и историзма и в то же время попытка при помощи мифа выявить константы человеческого существования.

М. Савичевич в романе «Сказание о Косовской битве» (1989) также обращается к мифу и легенде, однако, с другой стороны, произведение отличается подчеркнуто аналитическим характером. В главе «Голос повествователя» на восьми страницах дан подробный анализ манеры повествования в романе. В заключение автор приводит «Историю создания романа «Сказание о Косовской битве». Повышение степени условности текста М. Пантич назвал «александрийским синдромом», тесно связанным с постмодернизмом.

При этом даже в постмодернистском романе проявляются черты романа политического. У Павича распавшееся хазарское государство напоминает Югославию 70-80-х годов XX в., а у М. Савичевича сообщается о тяжелейшем положении сербов на Косово в это же время.

Какие фундаментальные представления славянской аспектологии верифицируются речевыми действиями?¹

И.Г. Милославский

WHICH FUNDAMENTAL CONCEPTS OF SLAVONIC ASPECTOLOGY ARE VERIFIED BY SPEECH ACTS?

Igor G. Miloslavskiy

ABSTRACT:

Perfective verbs (PV) are systematically viewed opposite imperfective verbs (IV) in the following aspects: 1) the paradigm structure (PV-verbs have no forms of the present

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 17-04-00053).

tense) and 2) compatibility (PV verbs are not compatible with a) phasal verbs, b) repetitive actions, c) 'negative' advice and recommendations). A parallel semantic position can be constructed only by neglecting the real differential semantic signs of verbs in an attempt to find a single integral feature. PV-verbs necessarily have the semantics of a single action and/or a result, which is impossible for IV-verbs; the IV-verbs can have the semantics of repetition, which is impossible for PV-verbs. All other differential semantic features (originality, repetitiveness, intensity, spatial characteristics, etc.) are possible for both types of verbs and belong to their lexical interpretation. The only case where determining the type of verb in the process of speech reception is relevant is the form of the present time, where the PV/IV affiliation determines the time of action. In the process of production, it might be necessary to replace the supposed PV-verb with its IV-equivalent due to 1) the impossibility of its compatibility with other parts of the text and / or 2) the desire to specify the action taking place in the present. The problem of replacing an IV-verb with a PV-one is semantically indistinct, and therefore can have many correct solutions. The type of a verb, being a language characteristic, can not act either as a goal in speech reception, or as a basis for speech production. Only phenomena and characteristics of reality may serve as such goals and bases in communication. *Keywords:* verb type; speech activity; verbal paradigm; compatibility; semantics.

АННОТАЦИЯ:

Глаголы совершенного вида (СВ) последовательно противопоставлены глаголам несовершенного вида (НСВ) по 1) устройству парадигмы (у глаголов СВ нет форм настоящего времени) и 2) по сочетаемости (глаголы СВ не сочетаются а) с фазовыми глаголами, б) показателями регулярной повторяемости, в) «отрицательными» рекомендациями). Параллельное семантическое противопоставление можно сконструировать только пренебрегая реальными дифференциальными семантическими признаками глаголов в априорном стремлении найти единственный интегральный признак. Глаголы СВ непременно обладают семантикой однократности и/или результативности, которая невозможна у глаголов НСВ; глаголы НСВ могут обладать семантикой многократности, которая невозможна у глаголов СВ. Все другие дифференциальные семантические признаки (начинательность, повторность, интенсивность, пространственные характеристики и т.п.) возможны у глаголов обоих видов и принадлежат их словарным толкованиям. Единственный случай, когда целесообразно определять видовую принадлежность в рецепции – это формы настоящего времени, где видовая принадлежность определяет время действия. В продукции необходимость отказать от предполагаемого глагола СВ (его замена на глагол НСВ) – это 1) невозможность его сочетаемости с другими единицами текста и/или 2) желание обозначить действие в настоящем. Задача заменить глагол НСВ на глагол СВ семантически невинна, а потому может иметь множество верных решений. Видовая принадлежность, будучи языковой характеристикой, не может выступать ни как цель при рецепции, ни как основание для продукции. Такой целью при рецепции и основанием для продукции в коммуникации могут быть только феномены и характеристики действительности.

Ключевые слова: вид глагола; речевая деятельность; глагольная парадигма; сочетаемость; семантика.

Цель автора состоит в том, чтобы ответить на вопрос, насколько существующие представления о глагольном виде в славянских языках, в частности в русском, оказываются востребованными для обеспечения речевых действий, рецептивных и продуктивных. Не предполагается участие в очень старых и многосторонних дискуссиях ни по вопросам аспектологии, ни по вопросам соотношения языка и речи. Важно подчеркнуть лишь то обстоятельство, что речевая деятельность, рецептивная и продуктивная, позволяет верифицировать адекватность существующих представлений о языке.

1. Как известно, глаголы совершенного вида (СВ) отличаются от глаголов несовершенного вида 1) по составу парадигмы (у глаголов СВ нет настоящего времени) и 2) по сочетаемости глаголы СВ не сочетаются а) с фазовыми глаголами, б) с показателями регулярной повторяемости, в) «отрицательными» рекомендациями. Ср. первое с именами, имеющими разный количественный состав парадигм, а второе с родом существительных, определяющим их сочетаемостные характеристики. Эти проявления в именах не стимулировали науку к установлению с ними строгой семантической корреляции.

Очевидно, что теоретически параллелизм между устройством парадигмы слова и его сочетаемостью, с одной стороны, и семантическими характеристиками с другой, вовсе не обязателен. И непереносимое желание исследователей достигнуть такого параллелизма для глагольного вида диктовалось стремлением к нахождению так наз. инварианта, как неизменной части или как обобщения еще из сравнительно-исторического языкознания. Напомню, что идея, например, падежного семантического инварианта никак не подтвердилась последовавшими исследованиями. Она заменилась учением о многозначности падежных форм. Стремление не столько к обобщениям, сколько к различению – основная тенденция развития современной науки, лингвистической в частности.

2. «Целостностью», «внутренним пределом», «завершенностью (невозможностью продолжения) в силу характера самого действия» как интегральным семантическим признаком обладают глаголы СВ с разными дифференциальными семантическими признаками. Это 1) глаголы однократного (одномоментного) действия, которое графически можно обозначить как точку (*поцеловать, толкнуть, ударить* и др.), 2) глаголы, обозначающие результативное действие, т.е. некоторое продолженное, нацеленное на результат и в конце концов достигшее такого результата действие. Его графически можно представить в виде луча, т.е. линии с неопределенным началом и четким окончанием, которое однако есть не простое окончание, но именно «результат», по достижении которого

дальнейшее продолжение этого действия теряет смысл (*построить, научить, вылечить, прочитать, написать* и др.); 3) глаголы, обозначающие действие, строго ограниченное временными рамками. Графически это отрезок, ограниченный с начала и, что особенно важно, с конца, но в этом случае конец не значит результат (*погулять, простоять, почитать, проболеть* и др.). Ср. замену всех этих трех разных признаков одним общим противопоставлением (например, глухих и звонких согласных без учета места и/или способа их образования).

Существует немало глаголов, у которых противопоставление 1) и 2) неясно: *заснуть* (*сразу* или *нескоро?*), *встать* (*тотчас* или *с трудом?*), *решить* (*не раздумывая* или *после долгих размышлений?*) и др. В то же время многие глаголы могут иметь четко дифференцированные по обсуждаемым характеристикам дериваты: *звонить* (*по телефону*) – *позвонить* (1 раз) – *дозвониться* (результат), *просить* – *попросить* – *выпросить* (*упросить*), *терпеть* – *стерпеть* – *вытерпеть* и *потерпеть* (ограниченное время) и др.

Все другие модификационные характеристики глаголов могут быть представлены в глаголах обоих видов: «начинательность» (*запеть* – *запевать*), повторность (*перестроить* – *перестраивать*), «интенсивность выше N» (*рассмотреть* – *рассматривать*) и др. Исключением выступает лишь модификация по «многократности», представленная только в глаголах НСВ.

Напомню, что обычно приставки, выражающие любую другую модификационную характеристику, кроме однократности и результативности, являются двусемными, неся в себе в качестве сопровождающих компонентов именно однократность или результативность. Освободиться от этого сопровождения можно с помощью так наз. имперфективации, (в чем и состоит ее семантическая ценность. Таким образом начинательный глагол от *петь* – *запевать* (не *запеть* с «однократностью»!), а повторный от *строить* – *перестраивать* (не *перестроить* с «результативностью»!). Возможность освободиться от этих компонентов, если они нежелательны, существует не всегда (*закричать* – **закрикивать, раскричаться* – **раскрикиваться* и др.).

3. Для рецептивной речевой деятельности определение видовой принадлежности глагола малоинформативно, хотя и представляет собой не всегда простую задачу. Если глагол принадлежит к СВ, то в нем непременно есть однократность/результативность, а также могут быть любые другие модификационные характеристики, кроме многократности. Если же глагол принадлежит к НСВ, то в нем отсутствуют однократность/результативность, но все другие модификационные характеристики вполне возможны, включая многократность, что весьма редко (*хаживать, поку-*

ривать) и отсутствует у глаголов СВ. Иными словами, усилия по определению видовой принадлежности глагола дают весьма скромный результат в достижении цели рецептивной речевой деятельности – извлечении смысла. Ср. с ценностью определения родовой принадлежности или состава парадигмы существительных для эффективности рецептивной речевой деятельности.

Замечу, что весьма популярный среди носителей русского языка способ определения видовой принадлежности с помощью вопросов *что делал?* (*читал, писал, толкал, смотрел* и др.) и *что сделал?* (*прочитал, написал, толкнул, посмотрел*) опирается на «местоименный» семантический характер глаголов *делать – сделать*. Эти глаголы не только не различают «однократность» и «результативность», но вовсе не называют никаких других модификационных семантических характеристик глагола.

Единственный случай, когда определение видовой принадлежности имеет смысл в процессе рецептивной речевой деятельности, это личные формы настоящего времени. Здесь видовая принадлежность четко указывает на настоящее (НСВ) или будущее (СВ). Оставляю в стороне обсуждение относительно малочисленной группы так наз. двувидовых глаголов.

4. При продуктивной речевой деятельности задача употребить глагол определенного вида выглядит весьма невнятно. Производитель речи, действуя сознательно, может ставить перед собой лишь вполне конкретную задачу модификации по четко заданному семантическому признаку, никак не ограничивая себя парадигматическими и/или семантическими свойствами избираемого (производимого?) глагола. Однако естественное желание выразить заданный смысл может натолкнуться на следующие трудности. Если избранный глагол принадлежит СВ, а говорящий/пишущий предполагает 1) употребить его для обозначения действия в настоящем и 2) развернуть свое высказывание, включив в него те лексические единицы, в которых глаголы СВ не сочетаются (см. выше). В таких случаях ради соблюдения языковых правил придется заменить глагол СВ на глагол НСВ, неся при этом более или менее значительные неизбежные семантические потери.

5. Видовая принадлежность глагола не может быть эффективно использована ни при рецепции, ни для продукции без различия у этой характеристики ее семантической, сочетаемостной и парадигматической составляющих. Видовая принадлежность в силу ее семантической неопределенности не может быть ни целью для рецептивной речевой деятельности, ни основанием для продуктивной. Вид не может выступать как *tertium comparationis* и для эффективных сопоставительных исследований, разделяя, таким образом, судьбу таких характеристик, как род и

падеж существительных и принципиально отличаясь от характеристик действительности.

Чешско-русский фразеологический словарь: жизнь и судьба

В.М. Мокиенко

CZECH-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL DICTIONARY: LIFE AND DESTINY

Valerij M. Mokienko

ABSTRACT:

The report describes the history of the creation of the "Czech-Russian phraseological dictionary", initiated by A. Wurm and brought to completion by V.M. Mokienko. A.G. Shirokova was a permanent consultant to the compilers of the dictionary, which gave it a special theoretical status. The reporter will tell about the collaboration of the compilers with the Jubilent,

Keywords: A.G. Shirokova; Bohemistics; bilingual phraseology; Czech-Russian phraseological dictionary

АННОТАЦИЯ:

В докладе описывается история создания «Чешско-русского фразеологического словаря», инициированного А. Вурмом и доведённого до завершения В. М. Мокиенко. А. Г. Широкова была постоянным консультантом составителей словаря, что придало ему особый теоретический статус. Докладчик расскажет о сотрудничестве составителей с Юбиларом

Ключевые слова: А. Г. Широкова; богемистика; двуязычная фразеография; Чешско-русский фразеологический словарь.

Александра Григорьевна Широкова – одна из основательниц советской богемистики, инициатор многих славистических проектов, органически сочетавших глубокую теорию с потребностями практического обучения чешскому языку в наших вузах. Это взаимодействие теории с практикой нашло отражение в «Чешско-русском словаре» с внушительным словником в 52 000 вокабул, составленном А.И. Павловичем под редакцией П. Поглека и М. Венцовской, где А.Г. Широкова была автором краткого очерка чешской грамматики. Как и ее другие труды, этот очерк стал «вратами учености» для многих советских богемистов, и именно «инкрустация» грамматики в словарь, изданный в 25 000 экземплярах, придала ему особый теоретический вес. Интерес к двуязычной лексикографии у московского слависта был постоянен, и мы, петербургские богемисты, воспитанные словарной традицией Б.А. Ларина, постоянно консультировались с А.Г. Широковой при составлении специальных словарей.

Один из них – «Чешско-русский фразеологический словарь», за работой над которым деятельно следила Александра Григорьевна. Идея его принадлежала профессору А.Ф. Вурму, который начал ее практическое осуществление в конце 50-х годов. По предложению А.Ф. Вурма в 1976 году в работу над словарем включился автор этих строк, который в тот же период самостоятельно собирал картотеку чешских фразеологизмов по художественной и публицистической литературе, а также в разговорной речи, готовя «Чешско-русский фразеологический словарь» примерно такого же типа для русских студентов-богемистов и чешских студентов-русистов. В 1980 г. А.Ф. Вурм скончался, и работа была продолжена мною и редакторами Государственного педагогического издательства (Прага) и издательства «Русский язык» (Москва) М. Венцовской, Д.А. Длуги и Н.Ф. Афониним. Полностью завершённая и отредактированная, готовая к публикации рукопись «Чешско-русского фразеологического словаря», однако, так и не увидела свет, ибо в начале «лихих 90-х» славянская редакция издательства «Русский язык» была упразднена и все договоры были расторгнуты. Лишь благодаря московским редакторам, оперативно известившим меня об этой славистической трагедии, мне удалось в последний момент перевезти отредактированную версию в Ленинград и сохранить результат этой почти полувекковой работы нашей богемистической команды.

Наш многолетний труд, запечатлевший чешскую фразеологию в ее контекстных иллюстрациях из классики, современной литературы и разговорной речи, не был опубликован, несмотря на многочисленные попытки предложить его рукопись русским и чешским издателям. И лишь пожертвовав контекстными иллюстрациями, нам удалось издать его «дайджестный» вариант в Оломоуцком университете благодаря неоценимой поддержке проф. Л.И. Степановой и директора университетского издательства пани доктор Гане Дзиковой: Mokienko Valerij M., Wurm Alfréd. Česko-ruský frazeologický slovník. 1. vydání. Olomouc: Univerzita Palaského v Olomouci, 2002. – 659 s.

Памятуя, что Надежда умирает последней, автор этих строк продолжает пополнять словарь, консультируется с чешскими коллегами (особенно с проф. Фр. Чемаком) и ждёт издательской охапки. Ждёт ещё и потому, что работа над этим Словарём у автора этих строк была постоянно связана с дружеским и пиететным общением с Александрой Григорьевной Широковой, о чём и будет поведено в докладе.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

Mokienko Valerij M., Wurm Alfréd. Česko-ruský frazeologický slovník. 1. vydání. Olomouc: Univerzita Palaského v Olomouci, 2002. – 659 s.

К лингвотекстологии Успенского сборника: данные орфографии

Г.А. Мольков

ON LINGUO-TEXTOLGY OF THE USPENSKIY SBORNIK: ORTHOGRAPHIC DATA

Georgiy A. Molkov

ABSTRACT:

The orthographic data of the Uspenskiy Sbornik, Old Russian manuscript of the XIIth century, allows us to reveal textual joints in its text that testify to the heterogeneity of the works included in this collection. These joints are better traced in the handwriting of the second scribe: his text splits into 5 parts, the boundaries of which coincide with the works' boundaries. As can be seen from a number of particular features of the spelling of the manuscript the antigraphs of all discovered textual segments were, most likely, the manuscripts of the Old Russian origin, and consequently the corpus of texts presented in the manuscript was formed in Ruthenia.

Keywords: linguo-textology; Old Russian orthography; Uspenskiy Sbornik

АННОТАЦИЯ:

Орфография Успенского сборника позволяет выявить в его тексте несколько текстологических швов, свидетельствующих о гетерогенности входящих в сборник текстов. Лучше эти швы прослеживаются в почерке второго писца: переписанный им отрезок текста распадается на 5 частей, границы которых совпадают с границами входящих в сборник произведений. Ряд частных орфографических особенностей Успенского сборника позволяет предположить, что антиграфы всех пяти обнаруженных отрезков были, вероятнее всего, рукописями древнерусского извода, и следовательно, корпус текстов, представленный в сборнике, сформировался уже на русской почве.

Ключевые слова: лингвотекстология; древнерусская орфография; Успенский сборник

Существующие на сегодняшний день описания орфографических особенностей Успенского сборника (см. работы [Дурново 2000: 405–4 06, 431–433, 441, 554; Лукьяненко 1907] дают представление о различительных особенностях двух почерков рукописи, но не содержат наблюдений о динамике написаний в рамках большого по объёму текста, переписанного вторым писцом.

Наши наблюдения показывают, что текст второго писца рукописи орфографически неоднороден: показательными в этом отношении являются в первую очередь частотные орфограммы. Из частотных орфограмм важны прежде всего те, которые были связаны с противопоставлением южно- и восточнославянской норм в XI–XII вв. и создавали вариативность написаний в древнейших орфографических системах [Живов 2006:

28–29]. Для второго почерка Успенского сборника такие частотные орфограммы можно условно разделить на два разряда:

а) дающие разное соотношение вариантов на разных отрезках текста, объединяющих несколько произведений; к ним относятся орфограммы, связанные с редуцированными, написание адекативных флексий (в стяжённом / нестяжённом виде) и рефлексов **dj*;

б) употребляющиеся однородно, такие как написание рефлексов **tert*, оформление флексий 3 л. ед. ч. в наст. времени и ТП ед. в муж. и сред. роде.

Языковые особенности первой группы (можно заметить, что достаточно разнородные) позволяют разделить текст, написанный вторым почерком, на следующие отрезки, имеющие орфографическую специфику: 1. лл. 46г–67в (Житие Феодосия Печерского); 2. лл. 67в–146а (от Мучения Ирины до Жития Феодосии); 3. лл. 146а–175б (тексты, связанные с Епифанием Кипрским); 4. лл. 175б–292г (слова, преимущественно Иоанна Златоуста); 5. лл. 292г–304б (Повесть Ефрема Сирина, Слово св. Григория и 13 изречений Иоанна Златоуста).

Из орфограмм первой группы, позволяющей провести указанное членение текста, наиболее показательны написание рефлексов **trt*, **trь*, **tblt*. Возможно, значительное количество используемых дублетов (возможны варианты типа *ЪР – ЪРЬ – ЪР’ – РЬ*) привело к наименьшей упорядоченности в записи сочетаний редуцированного с плавным. Соотношением этих вариантов наиболее заметным образом отличаются друг от друга отрезки текста в рамках второго почерка рукописи.

Для истории формирования Успенского сборника оказывается значим ряд частных орфографических особенностей, завершающих тенденции выработки оригинальной древнерусской письменной нормы (например, ограничения на использование южнославянского *-жд-*, остатки флексий твор. падежа ед.ч. на *-омь*, остаточное сохранение *ь* в аористе на *-смь*). Это говорит о том, что антиграфы всех пяти отрезков были, вероятнее всего, рукописями древнерусского извода, и следовательно, корпус текстов, представленный в УСб, сформировался уже на русской почве.

Литература / References

1. Дурново Н.Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка [1924–1926] // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка / Предисл. В.М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 391–494.
2. Живов В.М. Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI–XIII века // Живов В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 9–75.
3. Лукьяненко А.М. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков // Русский филологический вестник, 1907. Т. LVIII. С. 1–79.

Конклюдив в русско-болгарских и болгарско-русских переводах художественной литературы¹

А.Г. Мосинец

CONCLUSIVE IN RUSSIAN-BULGARIAN AND BULGARIAN-RUSSIAN TRANSLATIONS

A.G. Mosinets

ABSTRACT:

Bulgarian conclusive is a part of evidentiality as a linguistic category and has a regular expression in Bulgarian grammar. The article deals with some aspects of translation of Bulgarian sentences with conclusive forms into Russian as well as translation of Russian sentences into Bulgarian using conclusive forms.

Keywords: conclusive, evidentiality, translation, Bulgarian, Russian

АННОТАЦИЯ:

Конклюдив в болгарском языке является частью категории эвиденциальности и имеет регулярное грамматическое выражение. В статье рассмотрены особенности передачи болгарских предложений, содержащих конклюдивные формы на русский язык, а также перевод русских предложений на болгарский язык с помощью предложений с конклюдивными формами.

Ключевые слова: конклюдив, эвиденциальность, перевод, болгарский язык, русский язык.

Конклюдив является частью эвиденциальной системы болгарского языка наряду с индикативом, ренарративом и дубитативом. По определению Р. Ницоловой, значение конклюдива – «обозначение слабого, незащищенного знания, базирующегося на общем опыте данного общества или на собственном умозаключении на основе известных фактов» [Ницолова 2006: 28].

В болгарском языке конклюдив имеет грамматическое выражение в виде специальных глагольных форм, отсутствие которых в русском языке в некоторых случаях затрудняет точную передачу предложений, содержащих формы конклюдива, на русский язык. Значение конклюдива – умозаключение, совершаемое говорящим, – как правило, точно передается на русский язык в случаях, когда в болгарских предложениях семантика вывода выражена не только грамматически, но и с помощью лексических маркеров. В основном, это вводно-модальные слова типа *значи*,

¹ Исследование выполнено в рамках международного проекта при финансовой поддержке РФФИ (№ 18-512-18003)

навярно, вероятно, може би, изглежда, которые интенсифицируют значение умозаключения. В русском тексте, таким образом, значение вывода, совершаемого говорящим, идентифицируется с помощью именно этих лексем, а не глагольной формы: *Тя сигурно е обърнала стаята си наопаки, а това е неприятно за гледане* (Д. Димов)². – *Она, навярно, перевернула вверх дном свою комнату, а на это неприятно смотреть* (пер. И. Марченко, А. Собковича); *Беше абсурдно, разбира се, да изчезне един влак. Вероятно се е случило нещо и повече не можеше да се чака* (Й. Радичков). – *Не мог же поезд просто исчезнуть, – вероятно, что-то случилось, и ждать больше нельзя* (пер. Н. Глен).

Значение умозаключения может быть усилено не только вводно-модальными словами, но и содержаться в ближайшем контексте. Например, в следующем предложении указание на вывод представлено в главной части: *Едва сега ми става ясно, че той е гледал на мене като на сигурен гробокопач на фабриката, въпреки че се е въздържал да ми го каже* (Д. Димов). – *Только теперь мне стало ясно, что во мне он видел могильщика его детища, хотя и не говорил мне об этом* (пер. И. Марченко, А. Собковича).

При наличии тех же лексических маркеров в русском оригинале, возможно (но не обязательно) появление в болгарском переводе конклюдивных форм. Например, в следующем предложении форма прошедшего времени передана с помощью конклюдивного аориста: *Я, вероятно, ослышался, мой мэтр, – ответил кот, – шаха королю нет и быть не может* (М. Булгаков). – *Навярно не съм чул добре, учителю – отвърна котаракът, – не съм шах, шах няма и не може да има* (пер. Л. Минковой).

В случае отсутствия лексических маркеров значение умозаключения при переводе на русский язык теряется, и информация, таким образом, подается как точно известная. Например, в следующем предложении говорящий в рассказе о произошедших с ним лично событиях использует конклюдивные формы вместо обычных в данном случае индикативных. Таким образом подчеркивается субъективность высказывания, говорящий заново оценивает ситуацию, которую в прошлом почему-либо не мог осознать или воспринял по-иному [Алексова 2016]: *Не съм предател аз и не ми е трепнала ръката на мене, ами камъкът имал отвърте гнил дарар, та като ударих с длетото, съм улучил точно в дамара* (Й. Радичков). В то время как в русском переводе этот нюанс переосмысления ситуации теряется: *Я не предатель, и рука у меня не дрогнула, а просто в камне гнилая жила была, и я как ударил долотом, в самую эту жилу и попал* (ср. в эту самую жилу, *видать, и попал*).

² Примеры из болгарских произведений, приводимые в данном докладе, собраны в ходе совместной работы с проф. К. Алексовой, Ph. D., СУ «Св. Климент Охридски»

В следующем примере из русского перевода не следует способ получения говорящим информации: был ли говорящий свидетелем событий или же это его вывод на основе данных, полученных из другого источника. Читатель знает это только благодаря предыдущему контексту: *Вуйчо, то се знае, никоя смърт не е хубава, но нейната е била поне лека. Тя нищо не е усетила, просто е заспала завинаги* (П. Вежинов). – *Конечно, дядя, хорошей смерти не бывает. Но у нее она была по крайней мере легкой. Тетя ничего не почувствовала, просто уснула навсегда* (пер. Л. Лихачевой).

Формы конклюдива в болгарском языке могут использоваться и для передачи информации, полученной с чужих слов, но которая включается говорящим в общий фонд знаний и представляется говорящим как его субъективное утверждение [Алексова 2016]: *Нейният баща е избягал от къщи, когато тя е била двегодишна* (П. Вежинов). – *Отец у нее сбежал из дома, когда ей было всего два года* (пер. Л. Лихачевой). Однако для передачи информации с чужих слов существуют формы ренарратива (ср. в работе [Макарцев 2010] данные формы рассматриваются как особые формы ренарратива без опущения глагола *съм* в 3 л.). Употребление конклюдива вместо ренарратива сигнализирует меньшую дистанцированность говорящего от сообщаемой информации. В переводе на русский язык различие между конклюдивными и ренарративными формами теряется, сохраняется только сам факт передачи информации с чужих слов (что становится ясно благодаря лексическим маркерам или, как в примере выше, благодаря знанию контекста). Тем не менее, оппозиция между конклюдивом и ренарративом существует в болгарском языке, скорее, формально. В языковом сознании носителей болгарского языка конклюдив (при передаче информации с чужих слов) и ренарратив «существенно не различаются с точки зрения дистанцированности» [Ницолова 2006: 34]. Поэтому перевод обеих форм одними и теми же языковыми средствами вполне оправдан.

Параллельное употребление форм ренарратива и конклюдива мы наблюдаем и в переводе русских предложений, где передается полученная с чужих слов информация, на болгарский язык: *Поссорилась, значит, с братцем? – мягко перебил студента Порфирий Петрович. – И одна шла?* (Б. Акунин) – *Значи се скарала с брат си? – меко прекъсна студента Порфирий Петрович. – И е продължила сама?* (пер. С. Бранц).

Таким образом, в русском языке значение конклюдивных форм передается с помощью лексических маркеров. При их отсутствии семантика умозаключения теряется или выводится только из знания предыдущего контекста. Наличие этих же лексических маркеров в русском оригинале провоцирует употребление конклюдивных форм в болгарском перевод-

ном тексте. При переводе болгарских предложений, где информация получена говорящим с чужих слов, в русском переводе не проводится различий между конклюдивом и ренарративом. С другой стороны, одновременное употребление форм конклюдива и ренарратива можно наблюдать и в болгарских переводах русских текстов.

Литература / References

1. *Алексова К.* Конклюдивът и неговите употреби в съвременния български език // Електронно списание LiterNet, 2016. № 10 (203). URL <https://litenet.bg/publish7/kalexsova/konkluzivyt.htm> (дата обращения 25.08.2018).
2. *Макарецв М.М.* Эвиденциальность в болгарском языке: проблемы типологической классификации // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2010. Том VI (3). С. 112-119.
3. *Ницолова Р.* Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания, 2006. № 4. С. 27-45.

О политике по-польски. Из опыта обучения языку специальности.

T.C. Mochalova

ABOUT POLITICS IN POLISH. EXPERIENCE IN TEACHING POLISH FOR PROFESSIONAL PURPOSES

Tatiana Mochalova

ABSTRACT:

In the process of teaching specialists in the field of international relations in the Diplomatic academy the subject oriented methods in teaching foreign languages including Polish are successfully used in the Diplomatic academy when training specialists. The integration of learning a foreign language and special disciplines suggests a teacher should meet certain demands: the heterogeneous character and changeability of the political vocabulary, the terminological character of the language of economics and law demand both linguistic and special knowledge in those fields as well as the ability to select carefully and compose topical and informative materials to motivate the students. *Key words*: Polish language teaching at universities, language for special purposes, vocabulary, foreign languages for international relations.

АННОТАЦИЯ:

В процессе подготовки специалистов в области международных отношений в Дипломатической академии успешно используется предметно-ориентированная методика обучения иностранным языкам, в том числе, польскому. Интеграция обучения языку и специальным предметам предполагает особые требования к преподавателю: специфика, неоднородность и подверженность постоянным изменениям языка политики, терминологичность языка экономики и юриспруденции требуют от него не только языковых, но и предметных знаний в этих областях, а

также умения тщательно подбирать и составлять мотивирующие учащихся актуальные и информативные материалы.

Ключевые слова: преподавание польского языка в вузе; язык специальности; лексика; язык политики

В настоящее время в высших учебных заведениях Польши польский язык как иностранный преподается, как правило, с учетом будущей специальности студентов, в то время как в вузах Москвы он изучается преимущественно в «общегуманитарном» аспекте. В то же время, элементы методики *CLIL* (*Content and Language Integrated Learning* – предметно-языковое интегрированное обучение) применяются и в учебных заведениях России, где преподается польский язык.

Задачей преподавателя Дипломатической академии МИД РФ (в том числе, польского языка) на протяжении многих лет была и остается целенаправленная языковая подготовка сотрудников МИД и загранучреждений нашей страны. Дипломат должен обладать широкими знаниями в политике, экономике, в военной области, в области международного и консульского права и т. п. Он должен ориентироваться в расстановке сил на политической арене и текущих событиях страны пребывания, знать ее историю и культуру, тонкости протокола и дипломатической переписки. Понятие «язык специальности» применительно к подготовке международных оказывается, таким образом, чрезвычайно широким.

Язык любой профессии дополняет, расширяет общенациональный язык, демонстрируя специфику прежде всего за счет специальной лексики. Рассматривая соотношение общей и специальной лексики в языке, А. Сэретны, например, предлагает следующую схему, отмечая, что количество терминов в специальном тексте не превышает 10 – 20% лексики, хотя именно они представляют собой определяющую и наиболее характерную черту специального дискурса [Seretny 2017: 151].

В соответствии с этой схемой (где ОЯ – общий язык; ЯС – язык спе-

циальности), «скрытыми терминами» в языке дипломатии были бы, например, такие слова и выражения, как *dziekani* (дзяйен), *radca-minister* (советник-посланник), *lampka wina* («бокал вина» – вид приема), «явными» – *puncjusz* (панский нунций), *listy uwierzytelniajace* (верительные грамоты), заимствованные *attaché*, *agrément* (атташе, агреман) и др.

Соглашаясь с таким подходом, следует учитывать разную степень «терминологизации» языка различных сфер человеческой деятельности. При формировании языковых навыков будущих дипломатов данная схема будет различаться в зависимости от коммуникативных задач в области экономики, права и собственно политики и дипломатии. Специальных терминов в языке политики гораздо меньше, чем в экономике и праве, а доля лексики общегуманитарного аспекта значительно выше. Этим отчасти объясняется тот факт, что на польском рынке нет учебной литературы по языку политики. Дидактические материалы для этой области трудно приготовить «впрок», ведь политика – это то, что происходит «здесь и сейчас», а одно из условий успешного применения элементов педагогики *CLIL* – использование *актуальных* и *аутентичных* текстов по специальности, играющих мотивирующую роль при обсуждении профессиональных проблем.

Язык специальности неоднороден. Применительно к языку права польские лингвисты различают, например, *język prawny* и *język prawniczy*, понимаемые как язык правовых норм и документов и язык специалистов в области права, юристов, соответственно. [Rzeszutko-Iwan 2016: 100;]. Вполне справедливым представляется и предлагаемое некоторыми исследователями разграничение *языка политики* и *языка политиков*. [Bralczyk 2003; Ożóg 2007: 105]. В первом случае это язык учебников по политологии, документов (договоров, меморандумов, деклараций) и информационных сообщений (письменная разновидность языка). Во втором – тексты выступлений, дискуссий, интервью, пресс-конференций, комментариев политологов и т.п.

Такой подход к пониманию языка специальности позволяет проводить профессионально ориентированные занятия уже на ранних этапах обучения. Очередность рассмотрения регистров языка специальности на занятиях по польскому языку в ДА МИД РФ выглядит следующим образом:

1. язык дипломатов; 2. язык политики; 3. язык политиков; 4. язык дипломатии (язык дипломатических документов изучается отдельным блоком на занятиях в магистратуре).

Со спецификой языка *дипломатов* знакомство начинается уже при изучении вводного курса (протокольные фразы, формы обращения к собеседнику, большой акцент на реплики спрашивающего в диалогах на общие темы, детальное изучение темы «семья», необходимое для консульской работы и т. п.).

Язык *политики* изучается на протяжении всего периода обучения. Вначале это несложные, обязательно актуальные тексты информационного характера. Учебники в работе с языком специальности не используются, но каждый текст обязательно сопровождается подготовленным

преподавателем комплексом разноплановых упражнений и заданий, развивающих основные коммуникативные навыки (подбор синонимов, антонимов, формулирование дефиниций к терминам, задания на сочетаемость, выделение опорных слов в каждом абзаце, составление вопросов для гипотетического интервью по теме текста и т. п.) [Мочалова, Сыркова 2017: 141-148]. С накоплением лексики тексты усложняются, вводятся задания на словообразование, перевод и составление аннотации. Параллельно с текстами используются аудио и видеозаписи, а итоговой формой работы с текстом становится дискуссия, предполагающая аргументацию, оценку и формулирование выводов.

Регулярность таких занятий позволяет на уровне В-1/В-2 перейти к языку *политиков*, использующих лексику разных пластов, в том числе, просторечную. Лидером «порождения текста» сейчас стал молодой человек, для которого выражение эмоций часто важнее соблюдения формы высказывания. Задача преподавателя – облегчить *понимание* постоянно меняющегося языка, на котором повседневно говорят его носители, в том числе, политики. При обучении в отрыве от языковой среды незаменимыми в этом смысле являются видеозаписи фрагментов выступлений и дискуссий политиков (например, в Сейме, в телепрограммах), демонстрирующие настойчивое проникновение разговорного языка в СМИ, в язык официальных встреч и переговоров, т. е. в язык специальности студентов Дипломатической академии.

В сочетании с информационными текстами такие материалы позволяют учащимся ориентироваться в политической жизни страны и одновременно активно пополнять словарный запас разговорной лексикой, прежде всего, с эмоциональным и оценочным значением, а также идиомами и фразеологизмами. Работа по подбору и составлению этих материалов требует от преподавателя много сил и времени, но в значительной степени именно от нее зависит качество профессиональной подготовки будущих специалистов-международников.

Литература / References

1. Мочалова Т.С., Сыркова И.А. О работе с профильными текстами на занятиях по славянским языкам // Язык как фактор культурной дипломатии Материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва, 2017. С. 141-148.
2. Bralczyk J. O języku polskiej polityki lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych. Warszawa: TRIO 2003. 120 s.; Ozóg K. O języku współczesnej polityki. // Polityka i społeczeństwo, Rzeszów. 2007. №4, S. 103-110;
3. Rzesutko-Iwan M. Przekaz wiedzy, czyli nauczanie specjalistycznej odmiany języka – w kontekście pedagogiki CLIL. // Acta Universitatis Łodziensis, Kształcenie polonistyczne cudzoziemców 23, 2016. S.98-111.
4. Seretny A. Leksyka w nauczaniu języka specjalistycznego – potrzeby akademickie a potrzeby zawodowe. // Acta Universitatis Lodziensis, Kształcenie polonistyczne cudzoziemców 24, 2017. S.149-163.

УГОЛ: лексический мир слова

Е.А. Нефедова

CORNER: THE LEXICAL WORLD OF WORDS

Е.А. Nefedova

ABSTRACT:

In the report on the material of the dialects of the Arkhangelsk region will be considered the structure and lexical content of the micropole 'corner', as well as the actual linguistic aspect of the semantics of the corner: the semantic structure of the base word *corner*, semantic structures synonymous with him words and their derivatives, connotations corner, which served as the basis for the development of derivative meanings and phraseological units.

Key words: Northern dialects; vocabulary; semantics; semantic microfield.

АННОТАЦИЯ:

В докладе на материале говоров архангельского региона будет рассмотрена структура и лексическое наполнение микрополя 'угол', а также представлен собственно лингвистический аспект семантики угла: семантическая структура базового слова *угол*, семантические структуры синонимичных с ним слов и их дериватов, коннотации угла, послужившие основанием развития производных значений и фразеологических единиц.

Ключевые слова: северные говоры; лексика; семантика; семантическое микрополе.

Угол как часть крестьянской избы традиционно привлекает к себе внимание этнографов, фольклористов, этнолингвистов. обстоятельная словарная статья посвящена углам в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [Славянские древности 2012]. Культурная и лингвистическая семантика переднего угла описана в [Нефедова 2015]. Разнообразные обычаи, поверья, ритуалы, относящиеся к разным областям жизни сельского жителя, – свидетельство значимости угла в народной культуре.

Угол является важной единицей организации домашнего пространства. Каждый угол крестьянского дома имеет в говорах архангельского региона свое назначение, причем существует определенная иерархия углов. Главным считается передний угол, расположенный на стыке фасадной и боковой правой, реже левой, стен дома. В этом углу висит икона, он является наиболее ценным и почетным местом в избе: *Икона в большом углу, зайдёш, он должен быть в глазах. Икона, значит, оберегает дом от всех бед, поэтому и вёсили её в главный угол. Помолись в большой угол.* Этот угол обладает наибольшей семиотической нагруженностью. Второй по значимости – угол напротив устья печи. Эти два угла

имеют названия во всех говорах архангельского региона. Углы, образованные боковыми и задней стенами, могут различаться или иметь одно общее наименование.

В соответствии с этим в говорах архангельского региона выделяются:

а) четырехкомпонентная структура с названиями всех четырех углов;

б) трехкомпонентная структура с названиями для углов, находящихся в передней левой и окологлазной частях избы, а также угла, образованного задней и левой боковой стенами;

в) трехкомпонентная структура с названиями углов, находящихся в передней левой и окологлазной частях избы, и угла, образованного задней и правой боковой стенами (он используется как хозяйственное помещение);

г) двухкомпонентная структура с названиями угла, находящегося в передней левой части избы, и угла, образованного левой боковой и задней стенами.

В докладе будет определена структура и лексическое наполнение микрополя 'угол', а также представлен собственно лингвистический аспект семантики угла. Предполагается рассмотреть семантическую структуру базового слова *угол*, семантические структуры синонимичных с ним слов и их дериватов, коннотации угла, послужившие основанием развития производных значений и фразеологических единиц, выявить параллелизм значений слов-синонимов как результат синонимической аттракции.

Источники материала исследования – «Архангельский областной словарь», его бумажная и электронная картотеки.

Литература / References

1. Архангельский областной словарь / Под ред. *О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой*. Вып. 1–9. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–1996. Вып. 10–18. М.: Наука, 1999–2017.
2. *Нефедова Е.А.* КРАСНЫЙ УГОЛ: лингвистическая и культурная семантика // Язык в пространстве речевых культур. К 80-летию В.Е. Гольдина / Под ред. *О.Ю. Крючковой, Л.П. Крысина*. М. – Саратов: ИД «Наука образования», 2015. С. 78–87.
3. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. *Н.И. Толстого*. Т. 5. М.: «Международные отношения», 2012. С. 341–345.

Некоторые аспекты формирования польской военной терминологии: лексикографический анализ

В.О. Нечаевский

SOME OF ASPECTS OF THE ORIGIN OF POLISH MILITARY TERMINOLOGY:
LEXICOGRAPHIC ANALYSIS

V.O. Nechayevsky

ABSTRACT:

The phenomenon of terminological variation within a single terminological system in synchrony is rare enough. An exception may be the use of a language by two or more states at the same time. In the later 19th century, the Polish military terminology was emerging and evolving in three states at once, with Polish not being an official language in any of them. Analysis of lexicographic sources of the time allows variation of the military terminological system to be revealed and certain aspects of the origin of the Polish military terminology to be found out.

Keywords: terminological, military terminology, Polish language, variation, lexicography

АННОТАЦИЯ:

Явление терминологической вариативности в рамках одной терминосистемы в синхронии встречается достаточно редко. Исключением может быть ситуация, когда язык одновременно функционирует в двух и более государствах. Во второй половине XIX в. польская военная терминология формировалась и развивалась одновременно в трёх государствах, ни в одном из которых польский язык не имел статуса государственного. Анализ лексикографических источников того времени позволяет выявить вариативность в военной терминосистеме, а также определить некоторые аспекты формирования польской военной терминологии.

Ключевые слова: термин, военная терминология, польский язык, вариативность, лексикография.

Возникая на определённом этапе развития общества и языка, военная терминология представляет собой «... упорядоченную совокупность военных терминов, которые отражают понятийный аппарат военной науки и связаны с формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооружённых сил, а также оперативно-тактического применения объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением» [Шевчук 1985: 97].

Исходя из специфичности вышеозначенных реалий, а также более строгой регламентированности военного языка по сравнению с общеупотребительным, явление терминологической вариативности в рамках одной терминисистемы в синхронии встречается достаточно редко, поскольку термины-варианты зачастую не являются взаимозаменяемыми в рамках одной терминисистемы [Авербух 1986: 38].

Исключением может быть ситуация, когда язык одновременно функционирует в двух и более государствах. В таком случае одновременно действует более одной языковой нормы, что позволяет возникать дублетным наименованиям в военной терминологии.

В 1795 г. после третьего раздела Речи Посполитой территория проживания носителей польского языка оказалась в составе трёх государств – России, Пруссии и Австрии (за исключением непродолжительного существования Великого Герцогства Варшавского в 1807-1815 гг.).

Сопоставим польскую военную терминологию, сформировавшуюся на территории различных государств, используя для этого изданные примерно в одно и то же время словари. Речь идёт о изданных в 1876 г. в Варшаве (далее по тексту – ВарС) [Dubrowski 1876] и Лейпциге (далее – ЛейС) [Potocki 1876] польско-русских словарях, а также вышедшего в Вене в 1894 г. издания под названием «*Polnische Militärsprache. Ein Handbuch*» (далее – ВенС), представлявшем собой перечень слов, необходимых австрийскому офицеру для общения с нижними чинами польского происхождения [*Polnische Militärsprache... 1894*].

Термин ‘взвод (подразделение)’, в ВарС переводится как *pluton* (соответствует современной польской военной терминологии), в ВенС – как *cug* (от нем. *der Zug* ‘взвод’), тогда как в ЛейС присутствуют несколько эквивалентов – существующий в настоящее время термин *pluton* с фонетическими вариантами *ploton*, *peloton*, немецкое заимствование *cug* и устаревшее польское слово *kapralstwo*.

‘Винтовка’ в ВарС переводится термином *karabin* (соответствует современной польской военной терминологии), в ЛейС – устаревшим термином *gwintówka*, а в ВенС – немецкоязычным заимствованием *gwer* (от нем. *das Gewehr* ‘винтовка’).

Для перевода термина ‘караул (вооружённое подразделение, предназначенное для охраны и обороны чего-либо)’ в ЛейС используется заимствование из немецкого языка *sztyldwach* (от нем. *die Schildwache* ‘часовой’) с его фонетическими вариантами *szylwach* и *szylwacha*, ВенС даёт другое заимствование из немецкого языка – *wacha* (от нем. *die Wache* ‘караул’), тогда как ВарС предлагает термины *czata* (в настоящее время употребляется только во множественном числе в значениях ‘дозор, сторожевой отряд’), *straż* (употребляется в значениях ‘охрана, стража’) и, наконец, используемое в настоящее время в значении ‘караул’ слово *warta*

(также являющееся более ранним и уже адаптированным в польском языке немецким заимствованием).

Таким образом, приведённые примеры наглядно проиллюстрировали расхождение, имевшие место в польской военной терминологии в конце XIX в. вследствие функционирования польского языка в трёх различных государствах и выразившиеся в наличии параллельных дублетных наименований для одних и тех же реалем. Кроме того, прослеживаются определённые тенденции в формировании польской военной терминосистемы: предпочтение терминологическим вариантам, функционировавших на польской территории, отошедшей к России, а также отказ от немецких заимствований (за исключением давно адаптированных в польском языке).

Литература / References

1. *Авербух К.Я.* Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания, № 6. М., 1986. С. 38-49.
2. *Шевчук В.Н.* Военно-терминологическая система в статике и динамике : дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 488 с.
3. *Dubrowski P.* Dokładny słownik języka polskiego i ruskiego. Warszawa, 1876.
4. *Polnische Militärsprache.* Ein Handbuch. Wien, 1894.
5. *Potocki F.A.* Słownik polskiego i rosyjskiego języka opracowany podług najnowszych i najlepszych źródeł. Lipsk, 1876.

Лексические особенности Казанского Евангелия: редкая лексика¹

Н.Г. Николаева

LEXICAL FEATURES OF THE KAZAN LECTIONARY: RARE WORDS

Nataliya G. Nikolaeva

ABSTRACT:

The materials consider the words of the Slav archaic versions of the gospel text, rare borrowings and regionalisms, which are found in the text of the Kazan Gospel – a copy of the long lectionary relating to the end of the 14th century. It is noted that some old words and borrowings are no longer understandable to the copyist, as evidenced by his

¹ Материалы подготовлены при поддержке РФФИ (проект №17-34-00019-ОГН\18)

mistakes in its writing. However, the presence of these words, as well as rare regionalisms allows to specify the version of the Kazan Gospel and to determine the group of closely related to it lectionaries.

Keywords: Old Russian language, lexicon, lectionary of Mstislav type, Kazan Gospel

АННОТАЦИЯ:

В материалах рассматриваются слова древних редакций евангельского текста, нераспространенные заимствования и регионализмы, которые встречаются в тексте Казанского Евангелия – списка полного апракоса, относящегося к концу XIV века. Отмечается, что некоторые древние слова и заимствования уже непонятны для копииста, о чем говорят его ошибки в их написании. Однако присутствие этих слов, а также редких регионализмов позволяет уточнить редакцию Казанского Евангелия и определить круг близкородственных ему списков апракосов.

Ключевые слова: древнерусский язык, лексика, апракос Мстиславова типа, Казанское евангелие

Казанское Евангелие (КЕ), список XIV века полного апракоса Мстиславова типа [Жуковская 1968: 319], к сожалению, до сих пор не введено в современный научный лингвоисторический контекст и не известно исследователям текстов такого типа. Здесь мы представляем фрагмент изучения лексических особенностей КЕ, объединенных условным обозначением «редкая лексика». К ней мы отнесли (а) слова древних редакций евангельского текста единичного употребления; (б) нераспространенные и малоосвоенные заимствования; (в) регионализмы. Изучение этого типа лексики позволит точнее определить группу родственных КЕ текстов, сделать заключение о словарном запасе копииста и его манере работы над рукописью.

К словам древних редакций (с опорой на исследования [Jagić 1913; Львов 1966]), которые представлены в списке КЕ, можно отнести следующие единицы: *клепла* (Ин. 21:19 се же ре(ч)е клепла коєю смертью прославить ба – л. 10г); *подъпѣга* (sic!) (Мф. 19:9 женив сѧ подъпѣгою любодѣяниѧ творитъ – л. 78а); *чрежение* (Л. 5:29 и створи чрежение велико в дому своемъ леоугии – л. 62а) и некоторые другие. Наряду с этими примерами, в КЕ встречаются варианты переводов тех же, параллельных или сходных фрагментов с эквивалентами *назнаманя* (Ин. 12:33 – л. 6а, Ин. 18:32 – л. 132б), *пущена* (Л. 16:18 – л. 78а), *пиръ* (Л. 14:13 – л. 76а) и т.п. Такое смешение более ранних и поздних вариантов типично для евангельских текстов преславской редакции [Евангелие от Иоанна 1998: 24], так что в этом отношении переписчик КЕ следует за традицией своего непосредственного антиграфа, восходящей к некоему далекому по временной дистанции протографу.

Примечательно, что редкие слова более поздних версий текста копиисту зачастую уже менее понятны, чем древняя лексика. Так, слово *витальница* (катáлyца), вариант – *витательница* (Мст. л. 118в), в КЕ передано как *питательница* (Л. 22:11 глтъ оучитель кдѣ ѣсть питательница.

идѣже паску со оучѣнки моими ямь – л. 100б). Вариант КЕ явно имеет отенок «народной этимологии»: речь идет о помещении, где должна состояться трапеза. В известном перечислении утвари в М. 7:4 вмывания чашамъ и вчанцемъ и мѣднымъ и вдромь (л. 49б) в слове *чваньць* мы видим метатезу, которая позволяет предположить, что слово было писцу непривычно. Другое редкое слово *прѣсьгда* ‘мятеж’, которое фигурирует в Юрьевском Евангелии, искажается уже в Мст.: бѣ же нарицаемьи варава съ своими свѣтъники съвазанъ. иже въ пресърдии оубо [т.е. оубои ‘убийство’] сътвориша (М. 15:7 – л. 116а). Создатель текста КЕ допускает в этом фрагменте еще больше искажений: бѣ же нарочитьи варава съ своими свѣтилники свазанъ. иже в перьсидѣ оубо створиша (л. 98в). И если вариант *нарочитьи* возник, скорее всего, по ассоциации из параллельного чтения в Евангелии от Матфея (27:16), то весь конец фрагмента свидетельствует о том, что переписчик не осмыслил текст, с которым он работал.

Подобные ошибки, связанные с тем, что копиист сталкивается с незнакомыми ему словами, встречаются и в сфере нераспространенных заимствований. Так, счетно-денежная единица *мнась* (*мнаса*) передается в одном случае в форме родительного падежа множественного числа как *внась* (л. 80а); слово *хламида*, наряду с правильным написанием, однажды фиксируется как *храмидою* (л. 139а); расшифровка названия Голгофа как *краинево место* (от греческого *κράγιον* ‘черепа’) в КЕ звучит как *краинею мѣсто* (л. 134г) или *краинеювъ мѣсто* (л. 143в-г). Любопытно, что в этих и некоторых подобных случаях переписчик пытается адаптировать чтение, заменяя неизвестное на привычное, хотя и бессмысленное в данном контексте.

Иногда такие «адаптации», не только в отношении заимствований, вписываются в контекст, но меняют его смысл, например на л. 80г: Л. 13:11 и се жена имущи дѣхъ недужныи .л̄. лѣтъ и бѣсъ лукавыи (ср. в Мст. и бѣ сълоука ‘и была согбенна’, л. 94в).

Наконец, регионализмы, процент которых в тексте ничтожно мал [Пентковская 2003: 125], могут, тем не менее, служить неким путеводителем, указывающим на линию традиции текста. Так, например, словопотребление *куруца* на л. 75а (Л. 13:34 колькраты въсхотѣхъ чада твоя яко курица гнѣздо свою) достаточно уникально и отсылает антиграф КЕ в традиции Юрьевского и Галицкого Евангелий. Кстати, эта традиция представлена не только в КЕ, но и в некоторых других списках той эпохи (см., например, РГБ, ф. 304.1, № 5, л. 89об.).

Эти и другие наблюдения над лексическими особенностями КЕ позволяют нам выдвинуть гипотезу, что в этом отношении оно продолжает традицию Юрьевского Евангелия. Различие в их лексикографической структуре

говорит о том, что Юрьевский апракос не мог быть протографом КЕ. Видимо, в основе текста обоих апракосов был некий тетр, давший начало лекционариям различной структуры.

Литература / References

1. Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Под ред. А.А. Алексеева. СПб.: Российское библейское общество, 1998. 53, 98, 82 с.
2. Евангелие-апракос. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета, № 2072. 159 л. (КЕ)
3. *Львов А.С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966. 321 с.
4. Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. М.: Наука, 1983. 527 с. (Мст.)
5. *Пентковская Т.В.* Лексический критерий в изучении славянских переводов // Русский язык в научном освещении, 2003. № 1 (5). С. 124–140.
6. *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1913. 540 S.

Кружок Епифания Славинецкого в Чудовом монастыре в 1650-х гг.: взаимовлияние московской и югозападнорусской традиций

Н.В. Николенкова

THE CIRCLE OF EPIPHANIUS SLAVINETSKY IN CHUDOV MONASTERY
IN THE 1650S: THE MUTUAL INFLUENCE OF MOSCOW
AND SOUTH-WEST RUSSIAN TRADITIONS

Natalija V. Nikolenkova

ABSTRACT:

In the 1650s, Epiphany Slavinetsky begins his active translation activity in Chudov monastery situated in Moscow. Based on the analysis of the Atlas Blau translation and final translation verses we identify the initial stage of interaction between the two traditions of Church Slavonic writing in the middle of the XVII century. *Keywords:* Church Slavonic language of XVII century; translation; grammatical tradition

АННОТАЦИЯ:

В 1650-х начинается активная переводческая деятельность Епифания Славинецкого в Чудовом монастыре. На основе анализа перевода Атласа Блау и работы над беловыми списками этого сочинения мы выявляем начальный этап взаимодействия двух традиций церковнославянской письменности середины XVII в. *Ключевые слова:* церковнославянский язык XVII в.; перевод; грамматическая традиция

О начальном этапе деятельности кружка Славинецкого в Чудовом монастыре мы имеем немного сведений. Известно, что приехавшие в Москву Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский выполнили перевод с латинского лексикона Калепина; по мнению К.В. Харламповича, в 1649–1653 гг. сам Славинецкий переводит также литургию Иоанна Златоуста и канон св. Марии Египетской (с греческого), послание Афанасия Александрийского к Маркеллину (с латыни), а Арсений Сатановский летом 1652 г. занимался переводом с латыни книги *Hortus reginae, sive sermons Meffreth* [Харлампович 1914: 138, 140]. Во всех исследованиях сообщается и о переводе с латыни «Большого атласа» голландских картографов Блау, а также «Анатомии» А. Везалия, текст которой считается утраченным [Панченко 1992: 312].

Наиболее последовательно об участии в переводах группы киевских авторов можно говорить по отношению к тексту Атласа Блау. А. И. Соболевский и К. В. Харлампович, который относит работу над этим трудом к 1653 г. называли среди исполнителей третьего участника – насельника Чудового монастыря монаха Исаяю [Соболевский 1903: 62; Харлампович 1914: 140–141]. Последний предполагает, что андреевский старец Исаяя, упомянутый в 1651 г. как приехавший вместе с киевлянами (ему было велено проживать «за Бѣлымъ городомъ въ ондрѣвскомъ монастырѣ»), и чудовский переводчик Исаяя могут быть одной и той же личностью [там же: 131, 141].

В ряде современных работ сведения о деятельности Славинецкого и его товарищей этого времени сопровождаются многочисленными ошибками: неточно описаны рукописи перевода Атласа Блау в труде о деятельности патриарха Никона и в статье В. С. Румянцевой, посвященной пребыванию Славинецкого в Москве [Николенкова 2016: 113–114]. Румянцева перечисляет состав кружка Епифания в Чудовом монастыре, включая в него переводчиков с латинского Исаяю Чудовского, старца Исаяю из Андреевского монастыря, выпускника Киево-Могилевской коллегии москвича Ивана Озерова¹, а также скрипторов, каллиграфов и писцов, но отсутствие в ее работах ссылок непосредственно на рукописи делает эти построения малодостоверными.

Наиболее точные данные содержатся в классическом труде А. И. Соболевского [Соболевский 1903: 61–63] и в описании рукописей Синодального собрания, сделанном в 70-х гг. XX в. Т. Н. Протасьевой [Протасьева 1970: 110–112]. Основываясь на этих работах, можно с уверенностью говорить о завершении как минимум части работы к концу 1660-х гг. (на переплете беловика 1 тома – рукопись Син. 19 – есть дата 7167 (1659 год);

¹ По сообщению Харламповича, москвичи Иван Озеров с Порфирием Зеркальниковым просились на учебу в Киев еще в 1649 и уехали туда в 1650 г. на исходе зимы [Харлампович 1914: 135].

еще одну дату позволяет назвать бумага черновика третьей части – 1660 год (лилия в гербовом под короной шите [там же]). Согласно авторы и в отношении писцов рукописей: югозападнорусская скоропись переводчиков отражена в черновиках (Син. 779, Син. 780, Син. 781 и Син. 41), тогда как в трех из сделанных беловых копий однозначно видны почерки московских книжников. При этом беловик Син. 19 и большая часть беловика Син. 112 написана одним почерком, а Син. 204 выполнена несколькими писцами.

Проводимое нами лингвистическое исследование всего массива перевода позволяет с высокой степенью уверенности говорить о языковых портретах всех авторов памятника письменности. При этом в основу наших выводов могут быть положены разнообразные языковые черты.

Так, югозападнорусское происхождение не только Славинецкого и Сатановского, но и автора перевода частей «Италия» и «Англия» Исайи Чудовского подтверждается лексическими особенностями перевода. Число украино-польских по происхождению лексем во всех частях Атласа достаточно велико, можно говорить об использовании одних лексем для перевода одних и тех же латинских слов. К примеру, все три переводчика используют для передачи *metallum* полонизм *крушець*; совпадающее для польского и украинского языков прилагательное *перший*, частотно употребление лексем *куть*, *гай*. Исайя активно использует прилагательное *чарный* (*niger*), *рочный* (*annuus*), а Славинецкий – *шкаредный* (*foedus*) и т.д.

При этом говорить о единой установке киевских книжников во всех случаях нельзя: к примеру, отмечается разный характер передачи латинских имен собственных. И здесь, по-видимому, можно говорить об авторитетном влиянии Славинецкого, так как Исайя сам исправляет свои варианты на уже использованные в первом томе (*Плиниусъ* и даже *Плинушъ* на *Плиний*, *Страбо* на *Стравонъ* с типичной для Епифания грецизацией). Можно, кстати, с уверенностью говорить и о менее широкой лингвистической компетенции Арсения Сатановского и Исайи в сравнении с самим Славинецким; так, известное невладение Сатановским греческим языком очевидно и в переводе Исайи.

Для московских книжников, авторов беловых экземпляров, актуализируется орфографический фактор и степень владения ими нормами, прописанными в Грамматике 1648 г. Если переписчик Син. 19 и Син. 112 хорошо знаком с орфографическими канонами и выявляет это знание в процессе последовательной правки южнорусских написаний («у» в начале слов регулярно заменяется на «оу», «о» на «о») в нужных формах, исправляется употребление «л» в начале слов и после согласных и т.д.), то московские писцы, работавшие над беловиком третьего тома, наиболее последовательны лишь в одном случае – употреблении «і» перед

гласными, в том числе мена «и» на «і» в приставке «при» перед корнем на гласную (эта норма не прописана в самой Грамматике 1648 г., однако прослеживается как в тексте ее, так и у московских писцов этого периода).

Таким образом, лингвистический анализ рукописных источников дает нам возможность определить состав книжников Чудова монастыря в Москве в период 1650-х гг. и обозначить данный период как начальный этап взаимодействия югозападнорусской и московской традиции в церковнославянском языке XVII в. Дальнейшее развитие церковнославянской письменности последнего этапа его активного развития отражает устойчивое взаимовлияние этих тенденций.

Литература / References

1. *Николенкова Н.В.* Русская географическая терминология во «Вводении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. Т. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 108-145.
2. *Панченко А.М.* Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Часть 1 (А-З). СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. С. 309-313.
3. *Протасьева Т.Н.* Описаниях рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М.: Изд. ГИМ, 1970.
4. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. СПб., 1903.
5. *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Том I. Казань, 1914.

Семиотика на вещта в романа на Павел Вежинов “Нощем с белите коне”

Н. Д. Няголова

SEMIOTICS OF THE OBJECTS' WORLD
IN PAVEL VEZHINOV'S NOVEL "IN THE NIGHT RIDING THE WHITE HORSES"

Natalia D. Nyagolova

ABSTRACT:

The article examines the specificity and the artistic function of the objects' world in Pavel Vezhinov's novel "In the night riding the white horses" ("Нощем с белите коне"). The thesis of the study refers to the somehow ambivalent hypertrophy of the material aspect in the novel. The objects crowded living environment turns into a metaphor of the pragmatism and spiritual degradation, but the object also takes immaterial, sentimental and unreal dimensions – form of the vanishing spirituality of the human of the 70's. Such interpretation of the objects' world is associated with the writer's fantasy

prose and is a deviation from the canon of the socialist realism in the Bulgarian literature.

Keywords: poetics; objectiveness; novel; socialist realism

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются особенности и художественные функции предметного мира в романе Павла Вежинова “Ночью на белых конях” (“Нощем с белите коне”). Основная гипотеза исследования связана с амбивалентной гипертрофией предметности в романе. Накопление предметов быта превращается в метафору прагматизма и духовной деградации, но одновременно вещь приобретает и бесплотные, сентиментальные, нереальные значения, выявляющие потерянную духовности человека 70-х. Данная трактовка предметного мира связана с фантастической прозой писателя и является отклонением от соцреалистического канона болгарской литературы.

Ключевые слова: поэтика; предметность; роман; социалистический реализм

Романът на Павел Вежинов “Нощем с белите коне” (1975) е едно от произведенията, индикиращи измененията в жанровото поле на българския роман от 70-те години на XX век. След бурния “априлски” период през 60-те години, чрез който българската литература отразява завършека на сталинизма като обществен и исторически модел и в който се актуализират поетическите жанрове, кратката проза, историческия и психологически роман, 70-те идват с известно “успокоение” на търсенията на нов език и нов тип сюжети.

Особеният период на икономическа стабилизация на социалистическия строй, съчетана с известна кризисност на соцреалистическия метод (който след 60-те не успява да регенерира своята продуктивност), слага отпечатък върху художествените светове в прозата на Павел Вежинов. През 70-те години виждат бял свят най-представителните за творчеството му произведения – “Гибелта на Аякс” (1973), „Бариерага“ (1976), „Белият гущер“ (1977), „Синият камък“ (1977), „Езерното момче“ (1979).

Тези нови тенденции са ярко отразени в предметния свят на романа, където си дават среща две противоположни концептуализации на вещното: материалната среда като потискаща и погубваща духовното и символизацията на вещта като субективна опора на личността.

В процеса на анализа са използвани методите на историческия, социологическия, структурно-семиотичния подход.

Съществуващите изследвания върху творчеството на Павел Вежинов или разполагат неговите текстове в строго историко-литературна перспектива (Ничев, Игов), или са посветени на психологически и психоаналитични аспекти на персонажната система и повествователните гледни точки (Христова, Баев), което е проекция на интереса на писателя към проблема за психическата норма в социалистическия социум. Най-близка

до подхода, демонстриран в настоящата статия е аналитичната стратегия, отчитаща лексикално-семантичните особености на дискурса на П.Вежинов като подстъп към романовата поетика. (Стоянова)

В статията е направен опит за интерпретация на предметния свят в романа “Нощем с белите коне”, целяща изясняването на няколко основни проблема:

- **Номинация, денотация, честотност на вещта в художествения текст** – В романа предметните номинации демонстрират повишена фреквентност, което отразява огромната роля на бита в изграждането на художествения свят. Героят на Вежинов е герой на градското ежедневие и той съществува в обременяващо подчинение на материалното. На това подчинение се съпротивляват героите-идеалисти в романа – академик Урумов, Ирена Сюч, Криста, Мария, които са представени като анахронично отклонение от съвременния тип човек или като личности с прекъсната чувствителност. Останалите герои в романа са персонажи-“реалисти”, лишени от усещането за историческо време и битийна цялостност.

- **Семантични полета на вещното в романа – костюм и аксесоари, интериор, храна, предмети на изкуството, апаратура** - Всяко от дефинираните семантични полета на предметното в романа става поле на разгръщане на двете основни предметни концепции – разрушаващата сила на материалното спрямо човешката духовност и неговата успокояваща статичност, спасяваща героите от прекалената динамика на техните страсти.

- **Механизми на семиотизация на предметното – трансформации одушевеност – неодушевеност, хипербола и деминутивност на предметното, дематериализация и хипертрофия на вещния свят.** Ключ към интерпретацията на предметния свят в романа дава едно съждение на Сашо: “Разберем ли тая механика на отношения между жива и нежива природа, тогава ще разберем всичко”. Казаното се отнася за биологическите експерименти на научния екип, но всъщност това е и един от големите идейни въпроси в романа – къде е оптималната граница между човешкия морал и страстта към собственост, власт, притежание. Тази граница получава и своите граматични форманти, като особена роля в романовия дискурс е отредена на умалителните съществителни (Стоянова), които отразяват високата степен на “модалност и оценъчност в изразяването на психологическата гледна точка в повествованието.

- **Модели на отношението герой-вещ – идентификация, травма, обсебя, отчуждение, маргинализация** – Героите на Вежинов изграждат сложна система на отношение към вещта. Нито един от тях не приема предметното като неутрален материален обект, а то се превръща в повод за субективна драма или компенсаторна опора на човешкото съще-

ствуване, заместваща непостижимите ценности на приятелството, любовта, семейните връзки. Героите на Вежинов живеят в спокойния бит на 70-те, в собствени жилища, пътуват със собствените си коли, радват се на достатък от храна и имущество. Но те винаги се оказват в несметрични отношения с този устроен бит. Той или ги потиска с неговата прекомерност (Урумов), или ги травмира с несъвършенството си (Ангелина, Сашо, Криста, Мария), или ги превръща в ненаситни търсачи на нови материални блага и удоволствия (Наталия, Донка, Кишо, Азманов). В този конфликт с бита можем да разчетем тенденция, повела началото си от 60-те години в българската проза, според която "Вече не насието над неповторимата "единичност" (както в "Неспокойно съзнание" и "Пътища за никъде"), а ситото еснафско благополучие в условията на социално-икономическо стабилизиране е факторът, който разяжда човешката нравственост" (Беляева)

- Историко-идеологически измерения на вещта – българският бит и художественият предметен отбор на българската проза от 70-те години на 20 век – През 70-те години на ХХ век се засилва интересът към бита и потреблението не само в страните на бившия социалистически лагер, но и в световен мащаб. Несъмнено, този факт е следствие от рязкото повишаване на производството, засилването на социалната политика, относително мирната атмосфера, възцарила между двете световни сили. Дори високите научни постижения в романа се оказват пряко зависими от модерната апаратура, въпреки себеотрицанието на българските учени (Аврамов). Научната общност е представена като съюз на единомишленици, независимо от тяхната национална принадлежност, което влиза в противоречие с идеологическата съветска концепция за "двете науки", съществуващи в непримирима конкуренция.

Предложените наблюдения върху творбата на Вежинов са разположени в контекста на соцреалистическия канон от 50-те години и са открити разликите във функционирането на предмета в т.н. "производствен роман" и у Вежинов. (Ангелова)

Своеобразната структура на предметния код в романа "Нощем с белите коне" отразява усложняването на художествения език на българската проза от 70-те години на ХХ век. Доминиращата центроостремителна сюжетност в българската романистика на 50-те години, още през 60-те започва да отстъпва място на центробежните тенденции на фрагментарността, асоциативността, семиотичността на изображението. През следващото десетилетие авторите се връщат към сюжетното господство, но съхраняват и интереса към отклоненията от идеологическия литературен реалистичен модел, който интерес в творчеството на Вежинов като цялостен корпус от текстове, ще се развие във формата на неговата митологична фантастика.

Литература / References

1. *Ангелова М.* Поквара и порядъчност: лични вещи и оръдия на социалистическия труд. Наблюдения върху производствените романи от 50-те години на XX век. [Електронна публикация.] URL: https://www.iternet.bg/publish14/m_angelova/proizvodstveni-romani.htm. Дата последного обращения 31.08. 2018.
2. *Баев А.* Суицидният синдром и героите на Павел Вежинов. Пловдив: Коала прес, 2015. 120 с.
3. *Беляева С.* Време, литература, човек: Наблюдения върху съвременната българска проза. София: Наука и изкуство, 1986. 287 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. Москва: Рудомино, 2001. 224 с.
5. *Игов С.* Павел Вежинов. София: Народна просвета, 1990. 119 с.
6. *Кнабе Г.* Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР. 1985, №6. С. 39–43.
7. *Ничев Б.* Съвременният български роман. Към историята на епичното в съвременната българска художествена проза. София: Български писател, 1978. 524 с.
8. *Стоянова Ю.* Деминутивите: изразяване на психологическата гледна точка в белетристиката на Павел Вежинов // Език и литература, 2014. №1–2. С. 49–72.
9. *Христова Х.* Идентификации и самоидентификации на личността в белетристичния дискурс на Павел Вежинов от 70-те и 80-те години на XX век. Автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научна степен “доктор”. Шумен: Шуменски университет, 2006. 34 с.
10. *Христова Х.* Из дebrите на съзнанието. В. Търново: Астарта, 2004. 63 с.
11. *Фрейденберг О.* Семантика первой вещи // Декоративное искусство СССР. 1976, №12. С. 16–22.

Микротопонимика в языковом пространстве провинциального города (на материале урбанонимов г. Винницы)

О.А. Остапчук

MICROTOPONYMS IN THE LANGUAGE LANDSCAPE OF THE SMALL TOWN
(ON THE URBANONIMIC MATERIAL FROM VINNITSA)

Oxana A. Ostapchuk

ABSTRACT:

The paper is devoted to the problem of terminology for the in-town objects (microtoponym, urbanonym, street name). The semantic and functional specificity of the street names is also under examination. Functioning of the street names is analyzed both in the official language landscape and in the non-official town speech in Vinnitsa (Ukraine).

Keywords: microtoponym; official street name; non-official street name; language landscape; language of town

АННОТАЦИЯ:

В докладе затрагивается проблема терминологического обозначения внутригородских объектов (микротопоним, урбаноним, годоним). Рассматривается семан-

тическая и функциональная специфика урбанонимов. Разбираются также проблемы функционирования городских названий в (официальном) языковом пространстве и (неофициальной) речи горожан в г. Винница (Украина).

Ключевые слова: микротопоним; урбаноним; годоним; официальное название; неофициальное название; языковой ландшафт; язык города

Лингвистическое описание внутригородских объектов предполагает конкурентное использование ряда терминов, среди которых наиболее частотным является урбаноним. Ономастическая дискуссия о (не)возможности причисления урбанонимов как общей единицы внутригородской топографии (а также агоронимов – названий площадей и годонимов – названий улиц как их частных разновидностей) к микротопонимам позволила специалистам четче определить функционально-семантическую специфику городских названий как особого разряда имен собственных [Суперанская 1967: 32].

Урбанонимика, будучи составной частью топонимической лексики, разделяет с ней целый ряд конституирующих черт, среди которых прежде всего следует назвать: 1) связь с экстралингвистическими факторами; 2) вторичный характер номинации; 3) системность организации [Мезенко 1991: 14]. Новый толчок изучению городских названий придала активно развивающаяся в последние годы отрасль социолингвистики, изучающая языковой (лингвистический) ландшафт города [Павленко 2017: 496–498]. Особый интерес в этом смысле представляет выявление специфики языкового ландшафта городов и других населенных пунктов в зависимости от их размера, положения в центре / на периферии языкового (культурного) пространства, наличия в них моно/полилингвальной среды и под.

Объектом нашего внимания стал город Винница (ныне областной центр Винницкой области, Украина), который в течение XIX–XX в. был ареной активного межэтнического и языкового взаимодействия, оставаясь типичным провинциальным городом [Культурный ландшафт 2017: 5–19]. Диахронический аспект анализа позволил продемонстрировать, как названия, зафиксированные в XVIII в. и свидетельствующие о принадлежности города к кругу польской культуры (*улицы Широкая, Магистратская, Долгая, Капуцинов*) в начале XX в. (1911 г.) сменились урбанонимами, характерными для русского имперского пространства (*Николаевский проспект, Князь-Ольгинская улица* и др.), а в середине столетия город приобрел оформление, типичное для советского времени (*Улица Ленина, Первомайская, 40-летия Победы* и др.).

Анализ лингвистических средств оформления городского пространства также отчетливо выявил специфику официальной и неофициальной сферы употребления урбанонимов. Собранный материал позволяет утверждать, что в сфере неофициального именованья происходит стира-

ние границ между разными типами городских обозначений, а сами неофициальные названия максимально приближаются по типу номинации, характеру семантики и функций к микропонимам (см., напр., названия частей района Пятничаны: *Довбищі, Волощина, Забіжжя / Забужжя, Напустирі, Рів, Горбочок*).

Официальные и неофициальные названия внутригородских объектов (улиц, но чаще всего микро/районов города) различаются по целому ряду признаков:

1. Для первых характерно преобладание искусственной номинации, для вторых же очевидно тяготение к естественной номинации, активное использование метафорического переименования и трансонимизации, а также словообразовательных средств, характерных для других типов микропонимов.

2. Урбанонимы традиционно относятся к типу названий, которые присваиваются произвольно и поэтому легко могут сменяться вместе с изменением идеологических, эстетических и др. приоритетов. Для неофициальных городских названий характерна высокая устойчивость, закреплённость в культурной памяти и речевом узусе, прозрачность внутренней формы.

3. Официальные названия улиц и площадей закреплёны на письме, неофициальные имеют преимущественно устную форму бытования.

Отмеченное преобладание в неофициальных городских названиях принципа естественной номинации не исключает возможности постепенной их десемантизации, в том числе в результате утраты реалии, которая легла в основу номинации (*Калича, Пятничаны*). Это приводит к тому, что в речи нередко происходит обрастание названий дополнительными коннотациями, что сопровождается появлением городских легенд в духе «народной этимологии» (например, для названий районов города: *Вишенка, Париж, Корея, Шанхай, Славянка*).

Различие принципов номинации и преобладающих структурных типов официальных и неофициальных названий сочетается также с иной иерархией их функций. Так, если для первых ведущей являются информативная, идентифицирующая, а также эстетическая и (факультативно) идеологическая (коммеморативная) функция, то для вторых именно идентификация, связь с местными реалиями выходит на первый план. В регионе с этнически смешанным населением городские микропонимы могут рассматриваться также как одно из средств сохранения культурной памяти, дополнительное свидетельство интенсивности этнических/языковых контактов (*Кумбары, Ерусалимка*).

Литература / References

1. Культурний ландшафт Вінниці: від минулого до майбутнього: зб. статей / Уп. О. Коляструк, Т. Каросва. Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 217. 192 с.

2. *Мезенко А.М.* Урбанизация Белоруссии. Минск: Университетское изд-во, 1991. 165 с.
3. *Павленко А.* Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Russian Journal of Linguistics. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Vol. 17. No. 3. 493–514. [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-landshafty-i-dругие-sotsiolingvisticheskie-metody-issledovaniya-russkogo-yazyka-za-rubezhom/> (Дата последнего обращения: 10.09.2018).
4. *Суперанская А.В.* Микропонимия, макропонимия и их отличие от собственно топонимии // Микропонимия / Под ред. О.С. Ахмановой. М.: Изд-во Московского университета, 1967. С. 31–38.

Номинации способов укладки сена в говорах архангельского региона

Ж.А. Панина

NAMES OF HAYSTACKS IN ARCHANGELSK DIALECTS

Zhanna A. Panina

ABSTRACT:

The paper analyzes the naming of haystack, both laid with the use of one or several poles, and without poles, established in the Arkhangelsk dialects. The nominations considered from the areal and motivational points of view.

Keywords: Russian dialectology; Arkhangelsk dialects; haystack making; hay storage.

АННОТАЦИЯ:

В работе анализируются названия способов укладки сена для просушки и длительного хранения как с использованием одной или нескольких опор, так и без опор, зафиксированные в архангельских говорах. Номинации рассматриваются с лингвогеографической и мотивационной точек зрения.

Ключевые слова: русская диалектология; архангельские говоры; заготовка сена; хранение сена.

Данные тезисы посвящены описанию относительно небольшой, но крайне важной части лексики луговодства архангельских говоров, – лексем, называющих способы укладки сена для просушки и последующего хранения. Материалом для работы послужили выпуски «Архангельского областного словаря» (АОС), картотека «Архангельского областного словаря» (КАОС) и собственные полевые записи автора.

Сено в Архангельской области укладывают в большие кучи вообще без опор, наматывают вокруг одной длинной жерди, вертикально воткнутой в землю, или складывают вокруг нескольких шестов. Выбор способа зависит от степени сухости сена, а также географического положения и климатических условий региона.

Укладка сена вокруг **нескольких** жердей является наиболее распространенной на архангельской территории и называется *зарёд, стог*,

остобжье, скірда́, промёжек, примётка. Лексема *зарод* широко распространена в северо-великорусских говорах и части сибирских [СРНГ, т. 10: 386]; на архангельской территории используется повсеместно [АОС, т. 19, в печати]. Широка распространения подобного способа укладки сена объясняется рядом причин: *зароды* получаются относительно тонкими, хорошо продуваются ветром, и в случае дождливого холодного лета сено может успешно досохнуть уже после того, как его сметут; в *зароды* помещается много сена; их проще разделить на несколько человек (по сегментам между опорами).

Остальные номинации укладок сена вокруг нескольких опор территориально ограничены и функционируют параллельно с лексемой *зарод* (лексема *стог* отмечена в Поважье, среднем и нижнем течении р. Северная Двина; номинация *остобжье* фиксируется на Онежском берегу Белого моря; *скірда́* – в верхне-среднем течении р. Мезень, среднем течении р. Пинега и в Поважье; в среднем течении р. Северная Двина функционируют лексемы *промёжек* и *примётка*).

Для номинации укладки сена вокруг **одной** вкопанной в землю опоры чаще всего используются общерусские лексемы *копна́* и *стог*. При этом в литературном языке они обозначают разные способы укладки сена (копна́ – ‘сложенное в кучу в виде конуса сено или снопы’ [МАС, т. 2: 100], стог – ‘большая куча плотно уложенного сена, соломы или снопов округлой или четырехугольной формы с закругленной вершиной’ [МАС, т. 4: 269], причем стог обычно укладывается вокруг вертикально воткнутой в землю жерди, а копна не имеет опор), а в говорах архангельского региона могут обозначать одно и то же, т.е. являться синонимами.

Кроме широко распространенных общерусских наименований, на архангельской территории отмечены собственно диалектные названия укладки сена с одной вертикальной опорой. Они имеют живую внутреннюю форму, связанную с внешним видом объекта, причем номинации могут быть мотивированы как прямо, так и метафорически: *кругля́ха, круглу́ха, круглы́ш* (среднее течение Вычегды, а также Ваги и Северной Двины), *ба́шня* (Онежский берег Белого моря), *буты́лка, буты́лочка* (верхнее течение р. Виледь), *рю́ха* (среднее течение Северной Двины) *кочу́ра, ю́рта* (обе номинации отмечены в Поважье). *Кочу́ра* в основном значении – ‘кочка, выпуклость, неровность’ [КАОС], *рю́ха* – ‘небольшая цилиндрическая деревянная чурка для игры, часто заостренная’ [КАОС]; наименования *ба́шня, буты́лка* и *ю́рта* имеют прозрачную внутреннюю форму и образованы при помощи метафорического переноса.

Хорошо просохшее сено могут укладывать и **без опор**, плотно приминая, чтобы не допустить последующего промокания, однако северный климат не способствует широкому распространению подобных укладок.

Укладки без опор бывают двух типов: продолговатые, вытянутые в длину, и конусообразные. Большая продолговатая укладка сена без опор на архангельской территории называется *скирдá*, *облiтник*, *обмёт*, *кочура*. Этот способ хранения сена и, соответственно, номинации, встречаются в верхнем и среднем течении р. Северная Двина, в бассейне Вычегды, а также на юге и юго-западе архангельских территорий. Конусообразные укладки без опор на архангельской территории могли называться так же, как укладки с одной опорой, – *копнá* (юго-запад Архангельской области) и *стог* (Поважье, среднее течение р. Пинега), а также *куча* (верхнее течение р. Пинега).

Таким образом, для способов укладки сена в архангельских говорах существует большое количество номинаций, как совпадающих с литературным языком, так и диалектных, как широко распространенных, так и уникальных. Большинство номинаций имеют живую внутреннюю форму, отражающую наиболее важную, по мнению носителей диалекта, характеристику объекта – его внешний вид.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–19. М.: Наука, 1980 – (издание продолжающееся).
2. Картотека Архангельского областного словаря. Кафедра русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
3. Словарь русских народных говоров. Вып.10 / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, 1974.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Церковнославянские переводы с польского языка 80-х гг. XVII в.: язык и переводческая техника Феофана Чудовского

T. V. Pentkovskaya

CHURCH SLAVONIC TRANSLATIONS FROM THE POLISH LANGUAGE
OF THE 80S OF THE 17TH CENTURY:
LANGUAGE AND TRANSLATION TECHNIQUE OF THEOPHANES CHUDOVSKY

Tatiana V. Pentkovskaya

ABSTRACT:

The paper deals with the linguistic features of the translation of hierodeacon Theophanes from Moscow Chudov monastery made in the 80 years of the 17th century. The use

of a number of grammatical structures and lexemes is compared with the similar practice of the other representatives of the book circle of Chudov monastery. The similarities and differences in translation techniques are revealed.

Keywords: Book circle of Chudov monastery; Church Slavonic translations from Polish; Feofan (Theophanes) Chudovovskiy

АННОТАЦИЯ:

В работе рассматриваются лингвистические особенности переводов иеродиакона Феофана, выполненных в московском Чудовом монастыре в 80-е годы XVII в. Употребление ряда грамматических конструкций и лексем сопоставляется с аналогичной практикой других чудовских книжников, выявляются сходства и различия в переводческой технике представителей чудовского книжного круга.

Ключевые слова: книжный круг Чудова монастыря; церковнославянские переводы с польского языка; Феофан Чудовский

Иеродиакон московского Чудова монастыря Феофан в 80–90-е гг. XVII в. прошел путь от чтеца до справщика Печатного двора. Он принимал участие в книжной справе по греческим оригиналам, а также был знатоком латыни. Компактную группу составляют его переводы с польского языка 80-х гг. XVII в., составлявшие круг монашеского чтения: в 1684 г. он перевел «Купель душевную» Станислава Роховича, в 1688 г. «Десидерий, или Стезю к любви Божией и к совершенству жития христианского» кардинала Роберта Беллярмина и «Солнечник, или Уравнение воли человеческой с волею Божиею» Иеремии Дрекседля [Белоброва, Николаев 176–177; Николаев 2008: 88–89; 163; 186–187].

А.И. Соболевский характеризовал язык перевода «Купели душевной» как «церковнославянский тяжелый», а перевода «Солнечника» как «церковнославянский ученый» [Соболевский 1903: 209], С. И. Николаев писал о «возвышенном церковнославянском стиле» перевода «Десидерия» [Николаев 2011: 384]. Очевидно, что все три названные перевода обладают определенным единством языка и переводческой техники, которое, однако, до сих пор не было предметом углубленного исследования. Для такого исследования необходимо определить набор параметров. Это позволит в перспективе установить сходства и различия в языке и переводческой технике с другими представителями книжного круга Чудова монастыря, переводившими с польского языка, – Елифанием Славинецким и Евфимием Чудовским.

Общим для чудовских переводов с польского языка, включая работы Феофана, является использование маркированных церковнославянских конструкций и словоформ, высокий нормативный статус которых во многом определяется их кодификацией в грамматиках церковнославянского языка, прежде всего в московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г.: субстантивированного инфинитива, одинарного отрицания, конструкции **отъ** + род.п. для обозначения субъекта в пассив-

ном обороте, конструкции **чрезь** + сущ. в в.п. в орудийном значении, адъективных форм указательного мест. **той**, форм косвенных падежей вопроса, неопр. и отрицат мест. с наращением **-ес-** типа **чесого**, **ничесого**, **ни о чесомь** и пр. Характерна для Феофана, как и для других чудовских книжников, актуализация определенных лексических архаизмов: в его переводах частотны такие лексемы, как **изящный**, **презорство**, **томление**, **оплазство**, **оплазивый**, употребление которых в переводах домонгольского периода выделяло особую группу переводов, сочетавших в себе маркированные регионализмы как восточно-, так и южнославянского происхождения [Пичхадзе 2011]. Часть из них активно используется в переводе Атласа Блау, выполненном с латыни в сер. XVII в. Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским [Николенкова 2017: 310–312]. Феофан Чудовский, таким образом, в этом отношении является продолжателем более ранней практики чудовского книжного круга.

Существуют черты, отличающие переводы Феофана от переводов его коллег. При общем для чудовских церковнославянских переводов с польского языка регулярном использовании форм относительного мест. **иже** в подчинительных конструкциях Феофан допускает иногда употребление местоимения **который** в препозиции и лексическим повтором референта. Отличает язык переводов Феофана от языка его коллег введение частицы **бы** в маркировано книжную конструкцию **во еже** + инфинитив для придания ей целевого значения [Пентковская, в печати].

Жанровой и сюжетной спецификой текстов объясняется введение в перевод лексических регионализмов и региональных заимствований. Так, в Десидерии появляется заимствованная из польского лексема **смакъ** < smak (гл. 12, ч. 1-ая: *и инымъ ѿховнымъ дѣломъ прилѣжу, да сама в нихъ утѣху, смакъ, и сладость ощуцаю – у innych duchownych zabaw piŃnię, ábym fatá w nich poćiechę, smák y słodkość czula*), которая не зарегистрирована в существующих выпусках словарей древнерусского и церковнославянского языков. М. Фасмер фиксирует ее только у Третьяковского [Фасмер 1996, III: 683]. Таким образом, время первой фиксации слова в литературных источниках удревняется примерно на полвека.

Феофан Чудовский, в отличие от Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, открыто декларирует не только переводной характер выше-названных текстов, но и выносит в заголовок информацию об их иноконфессиональных источниках. Так, наиболее полный вариант названия перевода сочинения Беллярмина (рукопись РГБ, Музейное собр. ф. 178.1 № 4671) содержит сведения о переводе данного текста «с испанского на влошский, французский, немецкий, нидерландский и латинский язык, по-

том же на польский», имя польского переводчика («через Аспара Вилговского»), а также переводчика на церковнославянский язык. Данное обстоятельство может свидетельствовать о легитимизации использования польских по происхождению источников в книжной культуре Чудова монастыря, против чего выступал Евфимий Чудовский.

Литература / References

1. *Белоброва О.А., Николаев С.И.* Феофан // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI–XVII вв. Часть 4: Т–Я. Дополнения. / Под. ред. Д.М. Буланин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 176–177.
2. *Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. 248 с.
3. *Николаев С.И.* Испанские мистики в русских переводах XVII–XVIII вв. // Культурный палимпсест. Сборник статей к 60-летию В.Е. Багно / Под. ред. А.В. Лаврова. СПб.: Наука, 2011. С. 381–389.
4. *Николенкова Н.В.* Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. // Мир науки, культуры, образования, 2017. № 4 (65). С. 308–314.
5. *Пентковская Т.В.* Церковнославянские переводы с польского языка московского Чудова монастыря как книжный комплекс второй половины XVII века // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение. XII Загребинские чтения / Под. ред. Ж.Л. Левшиной. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2018 (в печати).
6. *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 405 с.
7. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1903. 472 с.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополн. чл.-корр. РАН О.Н. Трубачева. Т. I–IV. Изд. 3-е. СПб.: Азбука, 1996.

Славянское предбудущее и смежные конструкции: предварительные результаты анкетирования¹

Я.А. Пенькова, Д.В. Сичинава

SLAVIC FUTURE ANTERIOR AND CLOSELY RELATED CONSTRUCTIONS:
PRELIMINARY RESULTS OF A QUESTIONNAIRE-BASED RESEARCH.

Yana A. Pen'kova, Dmitri V. Sitchinava.

ABSTRACT:

The present paper discusses the semantics of future anterior in Slavic and its synonymy with the constructions *šte / ke / biće da + AUX.PRS + PTCP*. The research is based on

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ: проект № 17–34–01061–ОГН «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

translation questionnaires filled by Bulgarian, Macedonian and Serbo-Croatian native speakers.

Keywords: Slavic languages; grammaticalization; future anterior; presumptive; questionnaire

АННОТАЦИЯ:

В настоящей работе на материале проведенного анкетирования информантов – носителей болгарского, македонского и сербохорватского языков обсуждаются особенности семантики славянского предбудущего и его синонимии с эпистемическими конструкциями типа *ще/ ќе/ биће да* + *AUX.PRS* + *PTCP*.

Ключевые слова: славянские языки; грамматикализация; предбудущее время; презумптив; анкетирование

Среди славянских языков только южнославянские имеют в глагольной системе формы предбудущего времени, и в этом отношении они еще раз подтверждают свою типологическую близость к языкам средневропейского стандарта (Standard Average European). Однако при более детальном подходе очевидно и некоторое своеобразие славянских языков Балкан, проявляемое в том, что в их системах предбудущее входит в группу «семьи конструкций» (family of constructions, пользуясь терминологией грамматики конструкций) с вспомогательным *ще/ ќе/ биће* в качестве показателя не футуральной, а презумптивной семантики. В болгаристике такого рода конструкции принято рассматривать как принадлежащие парадигме особого наклонения – презумптива [Герджиков 1984]. В настоящей работе будут рассмотрены только пары конструкций, входящие в более широкую «семью»: предбудущее и аналогично устроенные структуры, включающие *л*-формы, типа болг. *ще да е* + *л-форма*, макед. *ќе да има* + *н-PTCP*, сербохорв. *биће да е* + *л-форма*.

Интерес к данным конструкциям вызван следующими соображениями. Во-первых, исследования предбудущего в языках Европы показывают его типологическую склонность к утрате референции к будущему и грамматикализации в модальной/эвиденциальной семантических зонах [Пенькова 2017, 2018 – о славянском предбудущем, Сичинава 2019 – о романском предбудущем]:

Болг. *Не ще е било друго освен вълчи вой*. ‘Это было не что иное, как волчий вой’.

Ит. *Avrò presa un'infreddatura*. ‘Простудился, должно быть’.

Во-вторых, южнославянские языки демонстрируют функциональное единство в употреблении предбудущего и конструкций, отличающихся от последних добавлением частицы *да*, ср. два варианта перевода предложения «Она [видно.] прогнала его» в болгарской анкете: **Ще го е изгонила.** / **Ще да го е изгонила.**

Далее будут обсуждаться только те результаты и типы контекстов, которые были представлены в разработанной нами анкете, несмотря на то

что корпусные данные свидетельствуют о возможности других типов употребления этих конструкций. Необходимость анкетирования носителей обусловлена тем, что предбудущее имеет чрезвычайно низкую частотность в корпусах (особенно это касается его некомпозиционных значений). Кроме того, корпусное исследование не дает возможности проанализировать набор альтернативных конструкций, с которыми конкурирует предбудущее, что принципиально важно при анализе такого рода конструкций, не обладающих свойством грамматической обязательности.

Анкета, составленная для нашего исследования, состоит из 32 предложений, которые информант должен перевести с русского или английского на родной язык. Восемь предложений заимствованы нами из анкеты Э. Даля по перфекту (номера с 80 по 88) [Dahl 2000]. Эти контексты проверяют наличие в языке специальной формы, маркирующей предшествование в будущем, и характер употребления этой формы в базовых контекстах 'предшествование в будущем', 'результативность в будущем', 'инклюзивный перфект в будущем'. Основным для славянского предбудущего (как и в других языках Европы) оказался контекст 'когда ты вернешься в следующем году, я уже **продам** дом', ср. макед.: *Кога ќе се вратиш следната година, веќе ќе ја имам продадено куќата*.

К данным предложениям нами были добавлены еще 23, большинство из них представляют собой переформулированные предложения из параллельных корпусов НКРЯ, в которых в различных европейских языках были обнаружены формы предбудущего. Несколько предложений искусственно сконструированы специально для анкеты. Исходной гипотезой для включения тех или иных типов контекстов в анкету было предположение о широких возможностях грамматикализации предбудущего в семантических зонах эпистемической модальности и эвиденциальности. В этих предложениях проверялась возможность употребления предбудущего в презумптивном и конклюдивном значениях, в контекстах «неосознанных действий», в эндофорических (для маркирования внутреннего опыта говорящего типа 'я влюбилась; я простудился'), адмиративных, дубитативных контекстах и ситуациях незнания. Контексты, в которых можно употребить предбудущее в базовом значении и в одном из модально-эвиденциальных, выступают в качестве филлеров по отношению друг к другу.

В результате исследования выявлено, что диахронически более поздняя форма («молодое» предбудущее с вспомогательным *имам*) в македонском языке не имеет эпистемических употреблений. В этой функции возможны только конструкции *ќе да имам* + *n-PTCP/ќе да сум* + *л-PTCP*, которые информанты использовали в презумптивных и конклюдивных

контекстах, а также для обозначения внутреннего опыта, например: *Сакам да си легнам, ќе да сум настинала./ Сакам да си легнам, ќе да имам настигато.* ‘Пойду прилягу. Простудилась [должно быть]’.

В болгарском языке существует довольно широкая зона синонимии между эпистемическими употреблениями будущего предварительного и конструкцией *ще да е + л-PTCP/няма да е + л-PTCP*. И ту и другую информанты использовали в презумптивных, конклюдивных контекстах и для обозначения неосознанных действий, например: *Ще (да) съм изпил тази течност.* ‘Я, [кажется], выпил эту жидкость [неосознанно, по ошибке]’.

Различия между этими конструкциями, по данным анкетирования, состоят в том, что в эндофорических и дубитативных контекстах информанты не выбирали конструкцию с *да*, но выбирали форму будущего предварительного. Кроме того, употребление последнего исключает использование в высказывании других маркеров эпистемической модальности типа *май, сигурно, явно*, вполне сочетающихся с конструкцией *ще да е + л-PTCP*: *Май ще да съм изпил тази течност./ *Май ще съм изпил тази течност.*

В сербохорватском штокавском второе будущее по модели *будем + л-форма* не имеет эпистемических употреблений, но в такого рода контекстах возможна конструкция *биће да е + л-PTCP*, уже воспринимаемая информантами как немного устаревшая: *Биће да сам се прехладио* ‘простудился [должно быть]’.

Конструкция *бићи + л-PTCP* в среднечакавских говорах не имеет базовых употреблений предбудущего и представляет собой грамматикализованный презумптив или пробабилитив (в терминологии М. Бенича), охватывающий эндофорические, презумптивные и конклюдивные контексты, а также ситуации неосознанных действий, и тем самым семантически почти тождественная конструкциям *ще/ ќе/ биће да + AUX.PRS + PTCP* в болгарском, македонском и сербохорватском штокавском, ср. в том же контексте, что и выше: *Biću se prehlādi.*

Семантическое сближение предбудущего и презумптивных конструкций с частицей *да* характерно только для болгарского языка и, по-видимому, имеет диахронические объяснения (вопреки мнению, высказанному в [Ганева 2006]). Так, М. Деянова [Деянова 1976] в памятнике XVII в. отмечает один из первых случаев употребления *ще да* еще со старой формой будущего предварительного:

Един члкъ шо съ е отреклъ от друга или от брата... и вид иго напаконъ че го нѣкои бѣе или го мѣчы... а той му девѣ него грижа ни се скръбы, защо се отреклъ от него. Това **ще да бѣде рекль** Бѣ ‘так сказал Бог’ (Коприщенски дамаскин, 369).

В остальных славянских языках рассматриваемые конструкции с *да* следует, по-видимому, признать в первую очередь балканской инновацией, хотя влияние предбудущего на их возникновение нельзя исключать. Дальнейшие исследования обсуждаемых конструкций требуют обращения к диахроническим источникам и системам неславянских балканских языков.

Литература / References

1. *Ганева Г.* Исторически развой на употребите на презумптивните глаголни форми // Отвѣд думите: превращения на смисъла. Пловдив: УИ «П. Хилендарски», 2006. С. 376–381.
2. *Герджиков Г.* Преизказването на глаголното действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984.
3. *Деянова М.* Към характеристиката на новобългарското бъдеще предварително време. // Пашов П., Ницолова Р. Помагало по българска морфология. Глагол. София: Наука и изкуство, 1976.
4. *Пенькова Я.А.* К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции. // *Die Welt der Slaven*, 2017. № 2 (62). С. 247–275.
5. *Пенькова Я.А.* Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция // *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 2018. Доклады российской делегации.* М.: ИСл РАН, 2018. С. 225–243
6. *Сичинава Д.В.* Семантическая эволюция предбудущего в романских языках в типологическом контексте. [в печати].
7. *Dahl Ö.* The perfect questionnaire. // *Dahl Ö. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe.* Berlin: De Gruyter Mouton, 2000. Pp. 800–810.

Об употреблении претеритов в первом славянском переводе с греческого Сказания Афродитиана¹

Я.А. Пенькова

TO THE USE OF PRETERITS IN THE TALE OF AFRODITIAN,
THE FIRST SLAVIC TRANSLATION FROM GREEK.

Yana A. Pen'kova

ABSTRACT:

The paper discusses the distribution of present perfect and aorist in the first Slavic translation of the Tale of Afroditian. The collexeme analysis applied in the research on the

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ: грант [18-012-00428](#) «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ Ф.п.1.39)».

base of Old Russian corpus in RNC shows a strong correlation between the verbal stem and its degree of attraction/repulsion to the perfect or aorist.

Key-words: Old Russian verb, Tale of Afroditiana, present perfect, aorist.

АННОТАЦИЯ:

В докладе обсуждаются критерии распределения между перфектом и аористом в первом славянском переводе с греческого Сказания Афродитиана. Коллекционный анализ ряда глаголов из текста на более широком материале Древнерусского корпуса НКРЯ показывает взаимосвязь между конкретной глагольной основой и ее склонностью употребляться в форме перфекта или в форме аориста.

Ключевые слова: древнерусский глагол, Сказание Афродитиана, перфект, аорист.

Сказание Афродитиана (далее – СА) – небольшой славянский апокриф, переведенный с греческого. Древнейший полный список СА содержится в Толстовском сборнике XIII в. (РНБ F. n. I. 39) – Минеином Торжественнике, включающем также сочинения Кирилла Туровского, Слово на Рождество Иоанна Златоуста, Слово Василия Великого и Поучения Огласительные Кирилла Иерусалимского.

Известно три славянских перевода СА. Более поздние второй и третий переводы являются южнославянскими, они выполнены на Афоне [Трифопова 2015]. Текст, входящий в Толстовский сборник, восходит к первому переводу, по поводу локализации которого существуют разные точки зрения. П.А. Лавровский, П.Е. Щеголев, считали этот перевод восточнославянским; Ф. Томсон, А.Г. Бобров – южнославянским [Лавровский 1858; Щеголев 1899; Thomson 1985, Бобров 1994].

Настоящая работа посвящена одной частной языковой особенности текста СА: распределению форм аориста и перфекта. Особый интерес к данной проблематике вызван высокой долей перфектных форм по отношению к аористу – примерно такой же, как в Житии Андрея Юродивого, и еще более высокой, чем в некнижной Киевской летописи. В более поздних афонских переводах СА аорист, напротив, резко преобладает, а перфект почти не используется.

Важно, что распределение перфекта и аориста принадлежит архетипу перевода, поскольку и сербские списки XIII в., и русский список XIII в. в этом отношении совпадают и не зависят от греческого оригинала, в котором как славянскому аористу, так и перфекту практически всегда соответствует аорист.

Противопоставление аориста и перфекта в старославянской и древнерусской письменности – один из наиболее сложных вопросов, многие десятилетия вызывающий ожесточенную дискуссию в палеославистике и при этом продолжающий оставаться не до конца исследованным. Недавняя прорывная работа В.А. Плунгяна и А.Ю. Урманчевой поставила под сомнение связь славянского перфекта с семантикой результативности: довольно часто результиативное значение в старославянских памятниках передает именно аорист, а перфект употребляется в нелокализованных во

времени ситуациях и для характеристики субъекта или топика [Плунгян, Урманчиева 2017].

Согласно исследованиям [Klenin 1993; Петрухин 2004; Жолобов 2016], в раннедревнерусской книжной письменности перфект употребляется в основном в прямой речи и в фоновых контекстах (в отступлениях, в придаточных предложениях и т.д.).

В целом Сказание демонстрирует систему распределения аориста и перфекта, близкую к древнерусским нарративам (что не согласуется с «южнославянской» версией происхождения перевода): большинство примеров (16 из 21-го) встречаются в контекстах прямой речи, например: *иъ же рече: кѣ, оумершия **вѣжила естъ** (ἀνέζησεν)*. В целом прослеживается довольно четкое распределение между аористом как временем нарратива (plan de récit) и перфектом как временем дискурса (plan de discours). При этом аорист изредка все же может появляться в контекстах прямой речи, но не в самом начале реплики, а вслед за формами перфекта. Перфект же в нарративе не употребляется вовсе.

Перфект вне прямой речи встречается в основном только в контекстах пояснения с союзом *бо*, например: *не наречеться **Ира**, но Оураиѣ: великое бо снѣце **възлюбило ю естъ** (ἐφίλησεν)*; или в контекстах характеристики топика: *источникъ бо – каринь, вифлеумьская земля естъ дщи, вѣнецъ же вбразѣ ир(с)како естъ проповѣдание: на земли чудотворимо ѿ шюды **въстало естъ** (ἀνέστη) иѣр(с)тво, еже жидовьску памать ѿвержеть, а кѣже бѣзи **падоша** на дѣскахъ – скончание иѣ(с)ти ихъ **преспѣло естъ** (ἐφθασεν)*.

Однако в СА есть фрагменты, в которых данное распределение между аористом и перфектом «нарушается». Прямая речь Богородицы и ответ волхвов содержат *исключительно* формы аориста, ср.:

*иъ же ѿвѣща (ἦ φησι): снѣцю въсиявию, **приде** (ἐπέστη) архъгль, блѣговѣстующа, и **възпихъ** (ἀνέκραξα): ника(ко) же да не будетъ мнѣ, гѣ, мужа бо не имамъ. И **извѣща** (ἐπιστάσασα) ми;*

*мы же рекохомъ: мѣти мѣремъ, вси бѣзи персѣстии **блѣжиша** та (ἐμακάρισάν σε), хвала твоя велика, **превознесеса** (ὑπερήρασ) паче всѣхъ члѣвкъ.*

Для такого рода «нарушений» можно было бы предложить дополнительные объяснения, в целом же приходится признать, что мы не можем реконструировать какую-либо стройную систему без исключений. Однако небольшой по объему текст СА позволяет предложить еще один критерий, распределения перфекта и аориста, на который пока, кажется, не обращали должного внимания и который позволяет – хотя бы частично – объяснить на первый взгляд *необъяснимую* экспансию аориста в прямой речи – склонностью конкретной глагольной основы к употреблению в аористе.

На материале Древнерусского корпуса НКРЯ проведен *колексемный* анализ глаголов, которые в тексте Сказания употреблены в форме перфекта, и тех, которые «незаконно» употреблены в аористе в прямой речи. Такого рода анализ позволяет выявить, какие основы тяготеют к перфекту, то есть встречаются в этой форме чаще, чем в среднем в корпусе, а какие, напротив, тяготеют к употреблению в аористе. Статистика приведена в таблице ниже. Глаголы, склонные употребляться в перфекте (*зачати, приспѣти, dospѣти*), выделены серой заливкой, у них процент употреблений перфекта существенно выше среднестатистического (4.8 %), а процент употреблений в аористе ниже или приближен к среднестатистическому (31.3 %). Глаголы, тяготеющие к аористу и отталкивающиеся от перфекта (*изволити, пустити, прити, принести, възьпити*), выделены полужирным. У них представлено обратное процентное соотношение форм перфекта и аориста. Для всех приведенных в таблице глаголов результаты статистически значимы ($p < 0.01$). Для других глаголов из СА соотношение аорист – перфект статистически незначимо, они имеют в целом высокие, в целом низкие или близкие к среднестатистическим показатели для обоих претеритов и в таблице не приводятся, как и глаголы с чрезвычайно низкой частотностью.

Глаголы	Общее количество употреблений	Количество форм перфекта	Количество форм аориста
Все глаголы в корпусе	107376 (100 %)	5164 (4.8 %)	33662 (31.3 %)
зачати	24	7 (29 %)	6 (25 %)
приспѣти	61	7 (11 %)	21 (34 %)
Възлюбити	80	7 (8 %)	27 (33.7 %)
изволити	66	2 (3 %)	31 (47 %)
пустити	409	5 (1.2 %)	235 (57.4 %)
Dospѣти	32	6 (18.7 %)	8 (25 %)
прити	204	4 (2 %)	172 (84 %)
принести	140	3 (2 %)	66 (47 %)
възьпити	44	0	36 (81 %)

Безусловно, на данном этапе в нашем распоряжении недостаточно данных для конкретных выводов, однако для ряда глаголов действительно выявляется склонность к употреблению в аористе или перфекте. Определяется ли это лексическим значением глагола, семантическим ти-

пом предиката или иными факторами, еще предстоит выяснить. Показательно, что среди рассмотренных основ более всего тяготеют к перфекту глаголы *необратимого результата (инхоативы)*: *зачати, приспѣти, dospѣти, възлюбити*. При этом два из них вовсе однокоренные.

Литература / References

1. *Бобров А.Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. Исследование и тексты. СПб.: Наука, 1994.
2. *Жолобов О.Ф.* Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры. // Ученые записки казанского университета. Серия гуманитарные науки 158, 2016. № 5. С. 1234–1245.
3. *Лавровский П.А.* Описание семи рукописей императорской Санкт-Петербургской библиотеки // ЧОИДР. 1858. Кн. 4, вып. 3.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. (<http://www.ruscorpora.ru>; последнее обращение 10.08.18).
5. *Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю.* Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Slověne = Slověne: International Journal of Slavic Studies, 2017. Vol. 6, № 2. С. 13–56.
6. *Трифопова И.* Третият славянски превод на сказанието на Афродитиан в състава на словото за Рождество Христово от Йоан Дамаскин (публикация по ръкопис 2/23 от сбирката на Рилския манастир, XV в.) Кирило-Методиевски четения, 2015. Юбилеен сборник. София, 2015. С. 207-220.
7. *Щеголев П.Е.* Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана // ИОРЯС, 1899. Т. 4, кн. 1. Т. 4, кн. 3.
8. *Klenin E.* The perfect tense in the Laurentian manuscript of 1377 // American contributions to the Eleventh international congress of Slavists, Bratislava, August – September 1993: Literature. Linguistics. Poetics. Columbus (Ohio), 1993. P. 330–343.
9. *Thomson F.J.* Review article [Rec. ad. Op.: Santos Otero A. de] // The Slavonic and East European Rev. Vol. 63, N 1. P. 73–98.

Народното творештво и зборовниот состав во учебниците по Македонски јазик за одделенска настава во Република Македонија

A. Šterjосka-Mitreska, Bl. Petkovсka

THE FOLK WORKS AND THE WORD COMPOSITION
IN THE MACEDONIAN LANGUAGE TEXTBOOKS
AND READING FOR ELEMENTARY EDUCATION
IN THE REPUBLIC OF MACEDONIA

Anita Šterjосka-Mitreska, Blagica Petkovсka

ABSTRACT:

Enriching the vocabulary of students is an essential teaching task for which the teacher should implement appropriate method solutions. This is important for the development of students' language literacy. An academic research procedure will be conducted on

the textbooks and reader used in the elementary education in the Republic of Macedonia in order to determine the word-fund originating from the content of the folk works used in the instruction. In order for this, we are going to conduct a quality analysis of the content in the textbooks and a poll on the students that will provide lexicological information.

Keywords: folk literature, textbook, reader, lexis, classification.

АННОТАЦИЯ:

Расширение словарного запаса школьников является важной задачей учебного процесса, которая требует соответствующих методических решений. От этого зависит развитие языковой грамотности школьников. В работе проводится научно-исследовательский обзор учебников для старшей школы в Республике Македонии, посвященный словарному составу изучаемых фольклорных текстов. Также будет дан качественный анализ содержания данных учебников и представлены результаты анкетирования школьников, позволяющие сделать определенные лексико-графические выводы.

Ключевые слова: народная литература; учебник; лексика; классификация

Речникот на говорителот на определен јазик е битна компонента на неговата говорна култура. Точноста на изразот подразбира дека тој располага со богат речнички фонд и може да направи подбор на зборовите, односно да употреби вистински зборови, посебно синоними, фрази, стилски ознаки, како и тоа да нема семантички шумови во комуникацијата.

Образовно-воспитната работа по предметот Македонски јазик, за да ги реализира програмските цели и образовни исходи што се поврзани со јазичната писменост, постојано развива свест за јазикот и култивираниот говор, зашто јазичната компетенција на поединецот му обезбедува предности во секое комуницирање.

Лексиката, пак, е најотворената, чувствителна и променлива структура на јазичниот систем. Зборовите се граѓата на јазикот, симболи на јазичниот код кој говорителите го користат според двете постојни форми на општење (усна и писмена) и според сферата на употреба. Во општењето тој употребува многу помалку зборови (активен речник) отколку што тој ги знае во неговата свест, но нив не ги употребува често (пасивен речник). Лексикологијата, пак, од различни аспекти ги проучува, групира и класифицира зборовите.

Истражувавме како македонското народното литературно творештво влијае врз речта на учениците во одделенската настава, имајќи ги предвид актуелните учебници и книгите за лектира кои се однесуваат на оваа литература. (<http://bro.gov.mk/> <http://www.ucebnici.mon.gov.mk/osnovno/3/1>).

Констатиравме дека функционално, содржински и концептуално читанката, како прв учебник по Литература по предметот Македонски јазик во Р. Македонија, не ги застапува доволно и жанровски творбите од народното творештво [Штерјоска-Митреска, 2018: 235-299].

Тие, исто така, немаат доследна методско-дидактичка апаратура за постојано и во целост да водат грижа за речникот во застапените текстови, а кога станува збор за книгите за лектира, укажуваме дека истите треба да се опремаат со речник. Со ексцерпцијата на дидактичките средства добивме значајна лексичка граѓа (452 збора).

Народното творештво што сега програмски е застапено во читанките и книгите за лектира тематски е разнообразно, и оттука природна е припадноста на зборовите кон различни семантички полиња. Исто така, временски сукцесивно создавано, ова творештво на лексички план е интересно и од *аспект на процесот на обновување на лексиката*. Така, имаме *архаизми* (сп.: аскер, ан, ат, бајрак, бавча, битиса, вилает, давија, делми, драм, ѓак, карагрош, касап, левент, меана, меанција, минц, нарече, наречници, наија, налбатин, одаја, ока, палата, поданик, претеча, пусија, руга, сардиса, сејмен, телал, чауш и др.); *историцизми*: (сп.: ага, алтан, анама, ајдук, витез, војвода, грош, дворец, дворјанин, делија, кадија, кајмакам, кнез, комита, паша итн.).

Кога станува збор за *потеклото на зборовите* од странски јазици, во ексцерпираните текстови доминираат *турцизмите*. Одделна група од овие заемки претставува составен дел на македонската неутрална лексика (сп.: амбар, губре, долап, кафе, килим, кирија, кесе, маало, марама, маса, мезе, џеб итн., итн.). Во разговорната форма на современиот стандардизиран јазик како стилски маркирана лексика, со повисок степен на експресивно-емоционална содржина, турцизмите сè уште се присутни во речта на говорителите (сп.: абер, ал, аман, арам, арамија, арен, арч, атер, бадијалција, борч, вересија, куртули, лаф, мана, муштерија, перде, табиег, кеф, кердоса, коше, чаре итн.). Некои лексеми се архаизирале.

Во текстовите од народната литература *зборовите* може да се изделат и според *формата на општење и сферата на употреба*. Укажуваме дека на учениците им се непознати и зборовите кои се однесуваат на *неутралната лексика* (сп.: бдее, беља, вретено, грне, гои, испреде, куц, огниште, опинци, печалба, племна, скастри, стори, стомна, срма, самар, турпија, куп итн., итн.), *опитонародната лексика* (пр.: гнети / нагнети, јад, забави, окастрен, пишман, појде, првиче, пцоиса, стори), *разговорната лексика* (сп.: абер, измеќар, мушне, пишман, кеф, кердоса и др.); *дијалектната лексика*, како на пр.: клале, лели, носеешчем, тогај и др.).

За учениците богатењето на речникот (активен и пасивен) е битен елемент на говорната култура и за развојот на јазичната писменост. Тие не ги разбираат информациите од текстот доколку содржат непознат збор кој не се толкува. Со тоа се отежнува развојот на поимите и се предизвикуваат семантички шумови, прекинувачи во комуникацијата [Петковска, 2008; Петковска, Штерјоска-М. 2014].

Учениците многу ретко (1,9% или 25 од 1296) го дефинираат значењето на зборовите како зрел поим, а 48,4 % го избегнуваат одговорот; 0,3% користат ехолалија; 13,5% погрешно ги толкуваат зборовите; 10,3% вршат афективно дефинирање; 21,8% употребуваат псевдопоими (еднокрак комплекс) и 3,7% двокрак или повеќерак комплекс.

Резултатите од анкетата се незадоволителни и не кореспондираат со целта на наставата по Македонски јазик. Имено, цел и нејзина голема наставна задача е таа контнуирано да го збогатува зборовниот фонд на учениците, со што, всушност, се создава свесност кај нив за богатење на речникот, како и за развивање на чувството за подобрување на сопствениот јазичен израз. Тие наставно се оспособуваат и за подлабоко и посложено навлегување во уметноста на зборот, литературата, а народното творештво е појдовната основа за разбирање на преносното значење на зборовите, за понатаму да се продолжи кон воочување на функциите на изразните средства [Петковска; Штерјоска-М., 2018: 5].

Литература / References

1. *Јашар-Настева О.* Турските лексички елементи во македонскиот јазик. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2001.
2. Македонски хумористични народни приказни / Избор: Т. Саздов. Скопје: Култура, 2004.
3. *Петковска Бл.* Методика на креативната настава по предметот Македонски јазик во нижите одделенија на основното училиште. Скопје: Магор, 2008.
4. *Петковска Бл., Штерјоска-Митреска А.* Значењето на зборовите и наставната комуникација низ призмата на предметот Македонски јазик во одделенската настава во основното училиште. Скопје: Педагошки факултет „Св. Климент Охридски“, 2014.
5. Речник на македонската народна поезија I, II, III, Скопје 1983-1993
6. *Petkovska Bl., Sterjoska-Mitreska A.* Enriching the elementary school students' vocabulary with the help of folk literature, BES 2018 Edirne, Turkey, 2018.
7. Толковен речник на македонскиот јазик I – V. / Гл. ред. Кирил Конески, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2003-2012
8. Учебници по предметот Македонски јазик од I до V одделение (www.e-ucebnici.mon.gov.mk)
9. *Штерјоска-Митреска А.* Функционалната писменост како концепција и стратегија на основното образование во Р. Македонија: Докторска дисертација. [Скопје], 2018.

К вопросу о программах по болгарскому языку для исторического факультета

И.В. Платонова

ON THE ISSUE OF THE TRAINING PROGRAMS ON THE BULGARIAN LANGUAGE FOR THE FACULTY OF HISTORY

Irina V. Platonova

ABSTRACT:

The report deals with the teaching of the Slavic languages and, in particular, the Bulgarian language in the Department of History of the Southern and Western Slavs of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University.

The transition of university education from the training of "specialists" to the training of bachelors and masters led to the restructuring of the entire educational process, including the teaching language to the students who study Slavic history. In the bachelor's program the number of hours of the course of the Slavic language, which is studied "from the ground up" and defined now as the second language, has been reduced by almost a third. Now it is about half of the teaching hours devoted to studying of the first language (one of the western languages). Despite the innovative approaches to the intensification of the educational process, Slavic languages programs have been held to an absolute minimum due to quantitative and qualitative reduction of the material being studied. Ultimately, this will inevitably lead to the decline in the language skills of the graduates.

Keywords: teaching of the Slavic languages; transition to the bachelor's degree program; changes in the training course "the Bulgarian language for specific purposes; decline in the language skills.

АННОТАЦИЯ:

В сообщении речь идет о преподавании славянских языков и, в частности, болгарского языка по кафедре «История южных и западных славян» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Переход университетского образования от подготовки «специалистов» к подготовке бакалавров и магистров повлек за собой перестройку всего учебного процесса, в том числе преподавания языка будущей специальности историков-славистов. В бакалавриате сетка часов курса славянского языка, изучаемого «с нуля» и определяемого теперь как второй, сокращается почти на треть и составляет около половины учебных часов, отводимых на изучение продолжающего первого языка - одного из западных. Программы по славянским языкам, несмотря на новаторские подходы к интенсификации учебного процесса, сжаты до абсолютного минимума за счет количественного и качественного сокращения изучаемого материала. В конечном итоге это неизбежно приведет к снижению уровня языковой подготовки выпускников.

Ключевые слова: преподавание славянских языков; переход к бакалавриату; изменения в учебном курсе «Болгарский язык для специальных целей»; снижение уровня языковой подготовки.

Тезис о том, что изучение и преподавание иностранных языков тесно связано с жизнью общества, находит ясное и четкое подтверждение в обучении славянским языкам студентов исторического факультета МГУ.

Преподавание славянских языков историкам имеет в Московском университете давнюю традицию. Вначале оно было выражением роста общественного и научного интереса к славянству и подчинено общему историко-филологическому образованию, курсы практических языков были непродолжительными и слабо обеспечены учебниками и учебными пособиями.

В 40-е годы XX века в связи с изменившимися общественно-политическими условиями жизни Европы появилась необходимость в специалистах, активно владеющих инославянскими языками. Уже в 1943 г. болгарский язык, наряду с другими языками, стал обязательным предметом не только для филологов, но и для историков-славистов.

В 1971 году, при активной поддержке исторического факультета, была создана межфакультетская кафедра славянских языков для языковой подготовки студентов и аспирантов, специализирующихся по проблемам славянских стран. На кафедре были разработаны и частично опубликованы учебные программы, учебники, специализированные учебные пособия. Первой программой, оставшейся неопубликованной, стала «Программа по болгарскому языку для исторического факультета» Усиковой Р.П. В 2004 г. Платоновой И.В. и Усиковой Р.П. Программа была переработана и опубликована (Соответствует современному уровню В2-С1 – См. [Григорова, Борисова, Фингарова 2003: 8-9]) [Платонова, Усикова 2004: 107-111].

Процесс глобализации в конце XX-го – начале XXI-го века снизил престиж национальных языков, число желающих их изучать уменьшилось. Переход университетского образования от подготовки «специалистов» (5 лет обучения на дневном отделении и 6 – на вечернем) к подготовке бакалавров (соответственно 4 и 5 лет обучения) и магистров (2 года обучения) повлек за собой серьезную перестройку всего учебного процесса.

Студенты-бакалавры профиля «История южных и западных славян», как и прежде, изучают славянские языки, как языки своей будущей специальности, «с нуля», на III и IV курсах (дневное отделение) и на IV- V курсах (вечернее отделение). Но теперь вместо 6 ч./нед. в 5-ом семестре и 8 ч./нед. в остальных семестрах, занятия ведутся по 6 ч./нед. в 5-ом, 7-ом и 8-ом семестрах и 4 ч./нед. в 6-ом. При этом 8-ой семестр, будучи последним, заканчивается в апреле.

Сокращение сетки часов более, чем на треть (с 500 до 300) привело к необходимости сжатия курса до абсолютного минимума за счет количе-

ственного и качественного сокращения изучаемого материала. В результате Программа бакалавриата соответствует программе I уровня (уровня А2-В1 Европейской шкалы уровней). В ней даже не хватает времени на детальное изучение всех грамматических категорий глагола, его специфических особенностей, приходится довольствоваться лишь представлением общей системы с примерами глагольных форм в качестве справочного материала.

Можно было бы ожидать, что два года магистратуры компенсируют урезанный курс бакалавриата, дадут возможность сосредоточиться на особенностях грамматики и лексики научного стиля, трудностях перевода на русский и болгарский языки, расширить словарный запас по исторической и общественно-политической тематике. Однако, с одной стороны, не все бакалавры продолжают обучение в магистратуре. С другой стороны, не все магистранты продолжают обучение по кафедре южных и западных славян, и вообще в Московском университете.

Как ни странно, **язык специальности** официально считается **вторым** языком. И в магистратуре на продолжение его изучения отводится лишь 3 (даже не 4!) семестра по 2 учебных часа в неделю в рамках спецкурса по выбору (руководство кафедры по возможности дает 4) – всего 104 часа!

Первым, базовым языком считается **один из западных** европейских языков. На I и II курсах дневного обучения он изучается (продолжающее обучение) по 8 ч./нед. – 544 академических часа. На III и IV курсах (3 семестра) этот же язык изучается как **профессиональный**. На него отводится 300 академических часов (по 6 аудиторных часов в неделю). Сравните: **300** (с «нуля») и **844** (продолжающее обучение)!

Конечно, преподаватели пытаются компенсировать ущерб от потери аудиторных часов интенсификацией учебного процесса, проверкой домашнего чтения по специальности и другой «самостоятельной» работы за сеткой часов. Студенту время подготовки указывается и учитывается. А преподавателю? Ведь все работы, в том числе и переводы, еще нужно проверить и объяснить студентам ошибки и недочеты. Если учебный план сохранится в настоящем его виде, то даже подвижническая работа преподавателей не сможет спасти от неизбежного снижения уровня подготовки выпускников кафедры «История южных и западных славян».

Литература / References

1. *Григорова М., Борисова Ас., Фингарова Д. Български език за чужденци*. Тестове за ниво. Книга за самостоятелни упражнения. София: Издателство “Д-р Иван Богоров”, 2003. 120 с.
2. *Платонова И.В., Усикова Р.П.* Программа по болгарскому языку для исторического факультета // Программы по иностранным языкам для неязыковых факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2004. С. 107–111.

О праславянской родословной общественных значений имён существительных *kolo*, *krag*

Б. Рашевска-Журеќ

ABOUT THE PROTOSLAVIC (?) ORIGIN OF THE SOCIAL MEANINGS
OF NOUNS KOŁO, KRAĢ

Beata Raszevska-Żurek

ABSTRACT:

The article is devoted to the social meanings of Polish nouns *kolo* and *krag*, Russian *коло* and *круг*, derived from Proto-Slavic* *kolo* i **krōgъ*, which occur in all Slavic languages. It seems that the portable, social component of the meaning of these words 'a group of people related to each other in some respect' has been inherited from the times of the Slavonian community. The reason for this metaphorization could be the ancient collective experience of sitting in a circle around the fire, which favored the creation of community ties.

Keywords: historical semantics; metaphorical meanings; social lexis

АННОТАЦИЯ:

Предметом рассмотрения в докладе является вопрос общественного элемента в значении имён существительных пол. *kolo* и *krag* др.-рус. *коло* и *круг*, происходящих от прасл. **kolo* и **krōgъ*, континуанты которых фиксируются во всех славянских языках. Представляется, что содержащийся в значении этих слов компонент 'совокупность людей, связанных друг с другом по какой-то причине' является праславянским наследием. Причиной такой метафоризации мог стать древний опыт сидения в кругу вокруг костра, что способствовало возникновению социальных связей.

Ключевые слова: историческая семантика; метафорическое значение; общественная лексика

Przedmiotem mojego zainteresowania są dwa podobne znaczeniowo leksemy ogólnosłowiańskie – pol. *kolo* i *krag*, ros. (st-rus.) *коло*¹ i *круг*, a raczej ich jedno szczególne znaczenie. Obie leksemy mają niewątpliwy rodowód prasłowiański i zbliżone znaczenie konkretne odnoszące się do przedmiotów o okrągłym kształcie i przeróżnym przeznaczeniu, a dalej i bardziej abstrakcyjnie – do samego kształtu: psł. **kolo*, *kolese* 'krąg', 'okrągły przedmiot umożliwiający toczenie się', 'taniec słowiański', 'zgrupowanie ludzi' (Spsł) i psł. **krōgъ* 'coś okrągłego, przedmiot, płaszczyzna, okrągły kształt' (ESSJ). W moim wystąpieniu skupię się na przenośnym znaczeniu o charakterze społecznym 'grupa ludzi powiązanych ze sobą' – mają je oba

¹ We współczesnym ros. *коло* już nie występuje. Już Dal uważa tę formę za archaizm. Dzisiaj wyłącznie *колесо*., forma wynikająca z odmiany na *-es*.

leksemy w większości języków słowiańskich, np. pol. *koło* ‘środowisko, związek, stowarzyszenie’, czes. *kolo* ‘społeczność’, sch. *kōlo* ‘zgromadzenie ludzi, krąg ludzi powiązanych wspólnymi celami, ideami’; strus. *коло* ‘zgromadzenie kozackie, związek’ (SRJ XI-XVII), ros. dawne *коло* ‘spotkanie, zebranie świeckich, zebranie gromadzkie’, ‘zjazd Kozaków, obóz Kozaków’, ‘związek’, (Dal); pol. *krąg* ‘grupa, grono osób’, czes. *kruh* ‘skupisko ludzi, których łączą wspólne interesy’, sła. *kruh* ‘społeczność, związek ludzi podobnego zajęcia lub zainteresowań, pochodzenia społ.’, sło. *krog* ‘ludzie powiązani jakimiś związkami’, sch. *krug* ‘organizacja, społeczność’, bułg. *кръг* ‘grupa ludzi, których bliskość wynika ze wspólnych idei lub interesów’, ros. *круг* ‘grupa ludzi połączona czymś’.

W grupie zachodniosłowiańskiej najstarsze są poświadczenia znaczenia społecznego leksemu *koło* w języku czeskim (XV/XVI w.) i polskim (XVI w.), podobnie w grupie wschodniosłowiańskiej, w staroruskim od XVII w. Społeczne znaczenie leksemu *krąg* jest udokumentowane nieco później, w XVII w., ale również dość dobrze. Ogólnosłowiański zasięg metaforycznego znaczenia społecznego leksemów (psł.) **kolo* i **krōgъ* sugeruje, że wykształciło się ono już w czasach wspólnoty prasłowiańskiej, a po jej rozpadzie zostało przejęte przez poszczególne języki jako ustalony już element semantyki obu leksemów. We wszystkich językach słowiańskich znaczenie ‘zbiór, grupa kogoś (*czegoś)’ ma zakres w zasadzie ograniczony tylko do ludzi. Nie mówi się (poza sporadycznymi wyjątkami) o kole czy kręgu przedmiotów, a nawet zwierząt, co sugeruje konotowany komponent znaczenia wspólnotowego, które (zgodnie z dawnymi poglądami) mogli wytwarzać tylko ludzie. Jeśli spojrzeć się na genezę samej metafory GRUPA/WSPÓLNOTA LUDZI TO KOŁO, KRAĞ, to widać wyraźnie, że ma ona podstawę w zmysłowym postrzeganiu otaczającej rzeczywistości i że ta podstawa jest pradawna, a wiąże się ze zwyczajem zasiadania wokół ognia praktykowanym już w czasach ludzi pierwotnych. Zwyczaj ten sprzyjał integracji grupy i wytwarzaniu więzi wspólnotowych – wokół ognia musieli zasiadać równie blisko wszyscy członkowie plemienia, kto nie miał dostępu do źródła ciepła (i światła) – umierał. Można zapewne uznać *koło* i *krąg* za rodzaj semantycznego archetypu, doświadczenia powtarzanego i utrwalonego (pewnie nieświadomie) przez wiele pokoleń. Z pierwotnych potrzeb dostępu do ciepła i zasiadania wokół ognia wyrasta poczucie więzi, w miarę rozwoju społeczności pojawia się więcej ognisk, a wokół wybranego skupiają się ludzie już na podstawie poczucia bliskości. Stąd w polszczyźnie Koła Poselskie i Senatorskie ugruntowane wielowiekową tradycją, często *koło* w nazwach stowarzyszeń czy grup ludzi o wspólnych zainteresowaniach (np. pol. *Koło Młodych Dyplomatów*, *Koło Miłośników Historii Matematyki i Informatyki*) i funkcjonujące w polskim języku współczesnym określenia: *krąg rodzinny*, *krąg przyjaciół*, *krąg znajomych*, *obracać się w różnych kręgach towarzyskich*.

Sensem i istotą tych grup – *kół* czy *kręgów*, jest poczucie emocjonalnej lub intelektualnej więzi wspólnotowej ludzi tam zgromadzonych. Warto też wspomnieć o apotropaicznym charakterze koła/kręgu (okrągłego kształtu) – chroniło przed złymi duchami, demonami, klęskami i chorobami, odpędzało zło². Ma to, w moim przekonaniu, związek ze społeczną i wspólnotową konotacją *koła* i *kręgu*, zakodowaną w leksemach – człowiek siedzący w kole czy kręgu przy ogniu, w otoczeniu bliskich osób miał wyższe poczucie bezpieczeństwa i bliskości (czyli komfortu) niż w innych sytuacjach, a to przeniosło się na pozytywne konotacje społeczne leksemów i zaznaczyło w ich semantyce.

Литература / References

1. ESSJ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974-.
2. *Buttler D.* Rozwój semantyczny wyrazów polskich. Warszawa, 1978.
3. *Dobrzyńska T.* Mówiąc przenośnie ... Studia o metaforze. Warszawa, 1994.
4. *Kleszczowa K.* „Metafory ...” w badaniach diachronicznych // *Język Polski* LXXIII. 1993. Z. 1. S. 41–48.
5. *Lakoff G., Johnson M.* Metafory w naszym życiu. Warszawa, 1988.
6. Słownik prasłowiański / red. M. Jakubowicz. T. X (w druku).
7. SSS - Słownik starożytności słowiańskich / red. W. Kowalewski, G. Labuda, T. Lehr-Splawiński. T. 2. Warszawa, 1964.

² Do prastarych zwyczajów należało oborywanie wsi przed zarazą; w XIX w. u wschodnich Słowian gospodyni w Wielką Środę objeżdżała dom nago dla ochrony przed dzikim zwierzem, złym człowiekiem i leśnym duchem, więcej o zwyczajach i przesądach związanych z kołem, por. SSS.

Русский литературный язык и современные цивилизационные процессы

О.Г. Ревзина

RUSSIAN LITERARY LANGUAGE AND COTEMPORARY CIVILIZATIONAL PROCESSES

O.G. Revzina

ABSTRACT:

Major constituting elements of civilization are language and relation. Language changes in contemporary Russian language as a language belonging to Christian orthodox civilization, are treated in the report in their relation to civilizational processes in our times.

Keywords: literary language; civilization; civilizational and language processes.

АННОТАЦИЯ:

Важнейшими конституирующими признаками цивилизации являются язык и религия. В докладе языковые изменения в современном русском языке, принадлежащем христианской православной цивилизации, рассматриваются в соотнесении с цивилизационными процессами современности.

Ключевые слова: литературный язык; цивилизация; цивилизационные и языковые процессы.

1. Теория литературного языка была разработана на протяжении XX века. Литературному языку посвящены работы выдающихся отечественных лингвистов: Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Б.В. Томашевского, Л.В. Щербы. Исследование литературного языка стало одним из ведущих направлений в Пражской лингвистической школе. Литературный язык – «обработанная форма существования языка», предполагающая «известный отбор» и «относительную» регламентацию» [Общее языкознание 1980: 502]. Признаками литературного языка являются поливалентность, нормированность, общеобязательность, стилистическая дифференциация [Исаченко 1958: 24].

2. Цивилизация – «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности <...> Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей» [Хантинсон 2017: 52]. Цивилизации характеризуются отсутствием четко определенных границ, неопределенно долгой длительностью (противостоят «натиску времени») и непрерывной эволюцией. Содержание цивилизационных процессов не совпадает в разные исторические эпохи в различных цивилизациях.

3. Язык и цивилизация теснейшим образом связаны между собой. Существование цивилизации во времени сопровождается формированием литературного языка, становящегося «основной формой языка национального». [Общее...]. Литературные языки имеют свою уникальную историю, но в этой истории выделяются общие проблемы. Таковы конфигурация составляющих будущего литературного языка (свой – чужой язык, «опорный диалект»), имеющих разные ресурсы (письменность, социальная база), обиходно-разговорные формы существования языка. В процессе становления литературный язык сталкивается и успешно преодолевает такие барьеры, как оппозиция письменной и устной речи, художественной и внехудожественной письменности и фольклора, фрагментированная – единая норма. Эти процессы не могут быть объяснены вне обращения к понятию цивилизации и сами должны рассматриваться как важнейший цивилизационный процесс. Русский язык принадлежит христианской православной цивилизации, центр которой видят в России. В формировании русского литературного языка исключительная роль принадлежит языку церковнославянскому, то есть сакральному. Б.А. Успенский описывает исторический путь русского языка исходя из понятия диглоссии [Успенский 2002], В. М. Живов прослеживает эволюцию русского языка, опираясь на разработанную им концепцию языковых регистров [Живов 2017]. Подходы могут быть разные, но конечный итог несомненен: «русский литературный язык характеризуется органическим сплавом церковнославянских и русских по своему происхождению элементов» [Успенский 1994: 184].

4. «Стабилизация языкового стандарта», происшедшая в пушкинскую эпоху, распространяется, по мысли В.М. Живова и Б.А. Успенского, распространяется на весь XIX век вплоть до переворота 1917 года. «... динамика языкового стандарта в России XX - начала XXI века отмечена революционными сдвигами, и эти сдвиги могут быть описаны как дискредитация лингвистического капитала предшествующей эпохи в результате культурной революции и последующая реставрация дискредитированного лингвистического капитала (в переосмысленном и измененном виде)» [Живов 2017, 2: 1150–1151]. Вопрос о языковом стандарте получает новое освещение в свете цивилизационных процессов второй половины XX – первых десятилетий XXI века.

5. К современным цивилизационным процессам относят глобализацию, модернизацию, вестернизацию, индигенизацию, возрождение религий [Хантинсон 1996]. Важно подчеркнуть, что цивилизационные процессы относятся ко всем ныне существующим цивилизациям (китайской, японской, индуистской, исламской, православной, западной, латиноамериканской) и с точки зрения сохранения цивилизаций эти процессы про-

тиворечивы. Пожалуй, лишь модернизация, то есть приведение с соответствие любого объекта с новыми знаниями, открытиями, новыми требованиями и показателями качества) потенциально является благоприятствующим фактором для процветания цивилизации. Глобализация, равно как и вестернизация, являются вызовом цивилизационной независимости, в то время как вестернизация и укрепление религии представляют собой «ответные меры» цивилизации на неблагоприятные для неё вызовы.

6. Активные языковые процессы, происходящие в современном русском языке на рубеже XX-XXI века, могут рассматриваться как собственно языковое проявление более общих цивилизационных процессов. В исследованиях последних десятилетий детально описаны языковые изменения буквально на всех языковых уровнях [Русский язык 1996, Современный русский язык 2008]. Эти процессы могут быть обозначены как модернизация. Языковой стандарт, то есть собственно литературный язык в свою очередь соотнесен с глобализацией. Русский литературный язык стал стремительно изменяться и не соответствовать прежнему языковому стандарту по параметрам нормированности и стилистической дифференциации. Интернет, СМС, публичная речь, художественный дискурс подняли своего рода бунт против диктата нормы. Неконтролируемый приток внутренних и внешних заимствований вкупе с языковой перестройкой на других языковых уровнях вызвал глубокие изменения в стилистической системе [Ревзина 2014]. В региональной лингвистике утверждается пафос «региональной» идентичности. Названные явления соотносятся с цивилизационными процессами вестернизации и индигенизации. Бесспорна актуализация религиозного дискурса и церковнославянского языка.

7. Литературный язык и цивилизация в целом доказывают свою жизнеспособность способностью ответить на исторические вызовы. Применительно к литературному языку речь идет о позициях в языковом социуме, о языковой политике и о самом языке. Носители русского литературного языка и профессиональные филологи занимают две противоположные позиции: одни говорят о порче языка, кризисе, «нервном срыве», другие видят в происходящем естественную эволюцию и появление новых креативных возможностей. Языковая политика состоит в выработке различных мер, направленных на укрепление нормированности и кодификации. Но нельзя переоценить вклад самого языка: исторический опыт показывает, что язык отбрасывает все ненужное и, напротив, сохраняет и вбирает в себя все то, что соответствует его структуре и языковой картине мира его носителей на новом витке своего исторического существования.

Литература / References

1. *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2х т. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2017. Том 1. 816 с. Том 2. 480 с.
2. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 603 с.
3. *Ревзина О.Г.* Стилистическая система русского языка в динамическом аспекте // Язык. Литература. Культура. М.: Макс Пресс, 2014. С. 10–36.
4. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
5. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянской культуры, 2008. 712 с.
6. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М: Гнозис, 1994. 240 с.
7. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М: АСТ, 2017. 640 с.

Семантика позора в севернорусских говорах

Н.А. Редько

SEMANTICS OF DISGRACE IN THE NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

Natalya A. Redko

ABSTRACT:

The report is devoted to semantic analysis of the words *pozor* and *pozora* in the northern Russian dialects. Bazed on the data of electronic and paper files of “Arkhangelsk Regional Dictionary”, as well as on information from various dictionaries of the northern Russian dialects.

Keywords: northern Russian dialects; dialects of the Arkhangelsk region; lexical and semantic analysis; “Arkhangelsk Regional Dictionary”

АННОТАЦИЯ:

Доклад посвящен анализу семантики слов *позор* и *позора* в севернорусских говорах. Материалом послужили данные электронной и бумажной картотек «Архангельского областного словаря», а также сведения из различных словарей севернорусских говоров.

Ключевые слова: севернорусские говоры; говоры архангельского региона; лексико-семантический анализ; «Архангельский областной словарь»

Общерусское существительное *позор* восходит к праславянскому **zrĕti* (т. е. образовано от глагола *зреть* – ‘видеть’) и первоначально обозначало ‘внимание’ [Фасмер 2009: III, 303]. В одних славянских языках это значение сохранилось (в чеш., словац., словен.), в других – претерпело значительные изменения: например, польск. *pozór* – ‘видимость’, укр. *pozір* – ‘первый взгляд’. Однако связь с этимологом проявляется во

всех славянских языках через обязательное наличие «зрителя»: от буквального (ср. серб. *позориште* – ‘театр’) до пресуппозиционного (в рус. человек *позорится*, только когда его проступок или неприглядное положение увидели другие).

Еще в начале XIX в. значение общерусской лексемы в литературном языке не устоялось. В.В. Виноградов отмечал, что в языке ранних стихотворений А.С. Пушкина «*позор* употребляется в своем старом, церковнославянском значении: ‘зрелище’», а уже с начала 1820-х гг. поэт использует это слово в значении ‘постыдное, презренное положение’ [Виноградов 1941: 18]. Сдвиг от исконного значения к современному происходил через промежуточное значение ‘неприглядное зрелище’. В современном русском литературном языке *позор* – ‘постыдное, унижительное для кого-л. положение, вызывающее презрение; бесчестье’ [МАС 1987: III, 240].

В макросистеме диалектного языка семантика *позора* получает свое дальнейшее развитие. Наиболее ярко это проявляется на территории севернорусских говоров. Здесь общерусское слово *позор* сосуществует с диалектным *позорá* (*позóра*). Своими значениями они входят в три семантические зоны: 1) ‘унижительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’, 2) ‘мучение, душевная мука, беспокойство’, 3) ‘физические мучения, тяжелые условия жизни и труда’.

1. ‘Унижительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’. В данном значении (общем с литературным языком) употребляются лексемы *позор* и *позорá* в говорах архангельского региона, в вологодских и ладого-тихвинских говорах [СРНГ 1994: 336–337]: *Ф шэсья лет я не буду себя на позóр давать. Ф позорé-то худо жыть*. Арх. (здесь и далее с пометой «Арх.» даются примеры из картотеки «Архангельского областного словаря» [АОС 1980–] – Н.Р.); *Было ей sóрок лет, а пáрень и родíусё. Уж рáдуйсё на позору!* Волог. [СВГ 1997: 125]. В русских говорах Карелии значение ‘унижительное положение’ реализуется только лексемой *позóра*. В ярославских и костромских говорах *позор* имеет значение, общее с литературным языком, а лексема *позорá* не зафиксирована [СРНГ 1994: 336–337], [ЯОС 1989: 44]. 1.1. ‘субъект, вызывающий презрение у окружающих’. Значение отмечено у лексемы *позорá* в говорах архангельского региона и в вологодских говорах: *Отойди прóчь, позорá, не позóрься!* Арх. *Ну и пáрень у тебя – позорá!* Волог. [СВГ 1997: 125]. 1.2. ‘артефакт плохого качества, вызывающий презрение у окружающих’ – значение лексемы *позор* в говорах архангельского региона: *Рáньшэ вручьную дéлали, такóво позóру не вы́пусьтили бы на волю*. Арх.

2. ‘мучение, душевная мука, беспокойство’. В говорах архангельского региона это широко распространенное понимание *позóра* и *позоры́* варьируется от более сильного ‘мучения’ до легкого ‘беспокойства’: *Было*

муцэнье, **позор**. Он болеть да болеть, што она **позоры** приняла. У ково нет (детей), у тово и **позоры** нет. Арх. Данное значение является единственным у обеих лексем в русских говорах Низовой Печоры: *Бутто бабам **позору** нэту, скóлько дэтей носіть, скóлько выкармливать. Муцэнье да **позора** не сидят на мёсте* [СНП 2005: 83]. С мучением также связана семантика лексемы *позора* в русских говорах Карелии: *Коровам тут **позора**, да и хозяйкам, не знашь, когда выпустить* [СРГК 2002: 33–34]. **2.1.** ‘беда, напасть’ – в русских говорах Карелии: *Мама тёмна стала. Так **позора** за **позорой** на меня. / Идти по **позорам** – ‘от беды к беде’: В нынешнем году всё как по **позорам** идёт, то корова захромала, то сено сгорело* [СРГК 2002: 33–34]. **2.2.** ‘субъект, доставляющий много хлопот’ – *позора* в говорах архангельского региона и в русских говорах Низовой Печоры: *Отвяжись, **позора**! С **позорой** некогда (с детьми)*. Арх. *Я дак такá **позора**, никак не могу спать*. Низ. Печ. [СНП 2005: 83].

3. ‘физические мучения, тяжелые условия жизни и труда’ – семантика лексем *позор* и *позора* в говорах архангельского региона и лексемы *позора* в вологодских говорах. **3.1.** ‘физические мучения, связанные с трудностью или вызванные болью’: *Ой, **позор** зайти к о́уцям, там сэно надо поднять навёрх. **Позора** дрова-то клáсьть, ничевó не вйжу, слéпáя*. Арх. **3.2.** ‘тяжелые условия жизни’: *С мálых лет до старóсьти фсё ф **позоре**. **Позора** былá: робят нать притацить и корóв застáть*. Арх. *У кáжного такáя **позора** былá*. Волог. [СВГ 1997: 125]. **3.3.** ‘тяжелый труд’: *Не берите ребéнка на **позор**. **Позора** – непосильная робóта. Фсе работают – тут уш **позора***. Арх. *Мёньше **позоры** стáло на скóтном дворе, рáне-то сільно уставáли*. Волог. [СВГ 1997: 125].

Таким образом, в севернорусских говорах существительные *позор* и *позора* (*позора*) имеют целый спектр значений, в ходе развития которых от первой семантической зоны к третьей негативная оценка «зрителя», заложенная в общерусском слове *позор*, сдвигается от презрения к состраданию. Наиболее полно эта модель представлена в говорах архангельского региона, где отмечены все вышеописанные значения, выражающие негативно оцениваемую ситуацию или субъекта – ее виновника.

Общий этимологический признак проявляется и в семантике диалектных омонимов. В русских говорах Карелии лексема *позор₂* обозначает ‘узор’ – *Вон на доме **позоры** таки на крыше вырезаны*. [СРГК 2002: 33], ‘сеточку с жемчугом’ [СРНГ 1994: 336], т. е. артефакт, который выставляется на всеобщее обозрение. В картотеке «Архангельского областного словаря» зафиксированы *позор₂* – ‘вид’: *Пузь дом не на **позоре** стоит; и **позор₃** – ‘взгляд’: У меня пот **позор** пáло трепáло*. Эти значения не только обнаруживают схождения в семантике *позора* внутри русских диалектов (со смоленскими говорами [СРНГ 1994: 336]), но и говорят о древней славянской языковой общности (см. выше о *позоре* в укр. и польск. языках).

Литература / References

1. Архангельский областной словарь / Под ред. *О.Г. Гецово́й, Е.А. Нефедовой*. Вып. 1–. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1980–1996. – М.: Наука, 1999–.
2. *Виноградов В.В.* Лексикологические заметки // Уч. зап. Моск. гос. педаг. дефектологического ин-та. М., 1941. Т. 1. С. 18–19.
3. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. *А.П. Евгеньевой*. Т. 3. М.: Рус. яз., 1987. 752 с.
4. Словарь вологодских говоров / Под ред. *Т.Г. Паникаровской*. Вып. 7. Вологда: Русь, 1997. 168 с.
5. Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. *Л.А. Ива́шко*. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 470 с.
6. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Под ред. *А.С. Герда*. Вып. 5. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 664 с.
7. Словарь русских народных говоров / Под ред. *Ф.П. Сороколетова*. Вып. 28. СПб.: Наука, 1994. 399 с.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель: АСТ, 2009. Т. 3. 830 с.
9. Ярославский областной словарь: дополнения: В 2 т. / Под ред. *Т.К. Ховриной*. Т. 2. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. 392 с.

Праславянская и древнечешская перегласовка в дательном падеже множественного числа основ на *-jo-*

Иржи Рейзек

PRASLOVANSKÁ A STAROČESKÁ PŘEHLÁSKA V DATIVU PLURÁLU JO-KMENŮ

Jiří Rejzek

PROTO-SLAVIC AND OLD CZECH FRONTING OF VOWELS IN THE DATIVE
PLURAL OF THE JO-STEMS

Jiří Rejzek

ABSTRACT:

The study deals with the development of the *jo*-stem dative plural ending in Czech and the operation of the morphological analogy. The early Old Czech re-installment of the ending *-om-* for Proto-Slavic *-em-* (a result of a regular fronting after the palatal consonant) is difficult to explain since it is the only instance of the revocation of the Proto-Slavic “umlaut” in Czech morphology. The possible reason can be the identical ending of the *jo*-stem and *o*-stem dative singular and the general dominance of the *o*-stems. Not too long after this re-installment of *-om* ending into the *jo*-stem dative plural, the Old Czech fronting *o > ě* took place which introduced (at least partially) forms on *-iem* into this case again. These forms yielded *-óm* in masculine *jo*-stems while they have

remained in neuter *jo*-stems which can be explained again by the respective analogical influences.

Keywords: nominal inflexion; fronting of vowels; morphological analogy; Proto-Slavic; Old Czech

АННОТАЦИЯ:

Доклад посвящен развитию окончания дательного падежа множественного числа основ на *-jo-* в древнечешском языке. В статье объясняется, когда и вследствие чего в дательном падеже исчезла праславянская перегиасовка *o > e* и как в нем появилась новая (древнечешская) перегиасовка *o > ě*. Также рассматривается роль и мотивация морфологической аналогии, которая повлияла на все указанные изменения.

Ключевые слова: именная флексия; перегиасовка; морфологическая аналогия; древнечешский язык; праславянский язык

Praslovanština zdédila z indoevropštiny v dativu plurálu *o*-kmenů a *jo*-kmenů koncovku *-omъ* [Hujer 1910: 154], která se v klasické praslovanštině u *jo*-kmenů přehláskou *o > e* náležitě změnila na *-emъ*. Tuto podobu ale reálně nacházíme jen ve staroslověněštině a ve slovinštině. V ostatních slovanských jazycích došlo v tomto tvaru k unifikaci rodových koncovek, případně tvarovému synkretismu [srov. Běličová 1998: 18, 21], v češtině však jde o jediný případ, kdy se reviduje výsledek psl. přehlásky v nominální flexi (stč. *-óm*).

To zřejmě vedlo Trávníčka [1935: 41] k myšlence, že stč. tvary na *-ém*, *-iem*, které se vedle *-óm* někdy vyskytují, jsou pokračováním psl. přehlasovaných tvarů a nikoliv výsledkem stč. přehlásky *ó > ie* [srov. i Jagič 1894: 517]. To je však ve světle stč. dokladů sotva udržitelné. Přehlasované tvary se objevují až ve 2. pol. 14. st., zatímco podobu s *o* najdeme již v glosách Mater verborum (*kurencom*). Ještě důležitější je argument, že přehlasované podoby jsou v naprosté většině s *ie*, nikoliv *é*, a to i v památkách, které rozdíl *ie/é* spolehlivě zachovávají [Komárek 1962: 117].

Jistý problém v otázce vyrovnávání psl. přehlásky představují některé propriální doklady z 11.-13. stol. (toponyma jako *Malšev*, *Neševo*, *Zaševo*, *Vrševici*, *Kral'evici*, viz Bergmann 1921). Zřejmě jde o archaismy, které jsou v toponymech běžné [Komárek 1962: 118], jistě to není argument pro udržení psl. přehlasovaných podob až do stč. období (uznává i Trávníček). Analýza těchto dokladů, kterou provedl Šmilauer ve svém semináři [Šmilauer 1950], ukazuje, že na počátku historické doby tato přípona po palatálách má podobu *-ev*. Od pol. 11. stol. ustupuje však analogickému *-ov* (od východu na západ). V 1. pol. 14. stol. se objevuje přehláska *-ov > -ěv*, ve druhé čtvrtině 15. stol. však nastává její ústup a ve druhé polovině je nahrazena všude kromě několika mluvnických forem.

Tato zjištění mají svou důležitost i pro vývoj dativní koncovky *-óm*, u níž není vysvětlení analogií tak triviální jako v některých jiných případech meziparadigmatického vyrovnávání. Jedním z důvodů by snad mohlo být, že stejnou koncovku mají *o*-kmeny a *jo*-kmeny také v dativu sg. (*hradu – mořu*). O vlivu genitivní koncovky *-óv* (původně *u*-kmenové) bychom mohli uvažovat jen u maskulin, nikoliv u neuter, kde je *-óm* jedinou *o*-ovou koncovkou. Ve staré polštině v *jo*-kmenech neuter dokonce zobecněla koncovka *-om* rychleji a důsledněji než u maskulin [Klemensiewicz et al.: 303]. Ve staré ruštině již od 13. stol. podléhá koncovka *-em* *jo*-kmenů unifikaci podle *a*-kmenů [Горшкова, Хабургаев 1981: 194n.]. V jiných slovanských jazycích spolehlivé svědectví historického vývoje této koncovky nemáme.

Výše uvedené poznatky naznačují, že k restituci nepřehlasované podoby *-óm* došlo nejspíš mezi 11. a začátkem 13. stol. Již o století či dvě později však v češtině nacházíme znovu přehlasované tvary, tentokrát způsobené staročeskou přehláskou *o > ě*.

Přehláska *o > ě* má mezi staročeskými přehláskami specifické postavení v tom, že *o* se dostalo do pozice po měkké souhláске pouze v důsledku morfologické analogie. V konkurenci frekventovanějších nezměkčených typů pak byla tato přehláska od začátku pod silným tlakem opětovného analogického vyrovnávání. Byla patrně územně omezena a nepronikla zcela ani do spisovného jazyka [srov. Lamprecht 1986: 73 a Vážný 1970: 31]. Analogie je tu tedy mnohem snáze vysvětlitelná než v případě přehlásky praslovanské. Doklady na přehlásku v dativu *o*-kmenů se objevují od 2. pol. 14. stol. (*mužiem, Němciem, cuzozemciem, zlodějiem, srdciem*), do 16. stol. však u maskulin opět zaniká, výjimkou je pouze tvar *koním*, který se jako dubleta k tvaru *koňům* udržel dodnes. U středních *jo*-kmenů se přehláska prosadila (*mořím*), lze to však přičíst sblížení s typem *duše*, s nímž se v plurálu střední *jo*-kmeny shodovaly ve všech pádech kromě instrumentálu (opět vliv analogie).

Dvojí analogické zrušení přehlásky v koncovce dativu *jo*-kmenů maskulin na cestě od praslovanštiny k češtině patří mezi kuriozity slovanské historické morfologie a zároveň ukazují nevyzpytatelnost analogie jako nepravidelné formální změny.

Литература / References

1. Горшкова, К. В., Хабургаев, Г. А. Историческая грамматика русского языка. Москва: Высшая школа, 1981. 359 с.
2. Běličová, H. Nástin porovnávací morfologie spisovných jazyků slovanských. Praha: Karolinum, 1998. 222 с.
3. Bergmann, F. K. chronologii některých staročeských zjevů mluvnických. LF 48, 1921, С. 223-239

4. *Hujer, O.* Slovanská deklinace jmenná. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa, 1910. 173 c.
5. *Jagič, V.* Historická mluvnice jazyka českého (rec.) // AfSIPh, 1894. № 16. С. 505–527.
6. *Klemensiewicz, Z., Lehr-Splawiński, T., Urbanczyk, S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa: PWN, 1955. 596 c.
7. *Komárek, M.* Historická mluvnice česká. Hlásokosloví. Praha: SPN, 1962. 196 c.
8. *Lamprecht, A., Šlosar, D., Bauer, J.* Historická mluvnice češtiny. Praha: SPN, 1986. 424 c.
9. *Šmilauer, V.* Staročeská přehláska o v ě // ČMF, 1950. № 33. С. 72.
10. *Trávníček, F.* Historická mluvnice československá. Praha: Melantrich, 1935. 446 c.
11. *Vážný, V.* Historická mluvnice česká. Tvarosloví I. Praha: SPN, 1970. 203 c.

Нефикциональные описания животных в русском и чешском языках

Ю.В. Роговнева

NON-FICTIONAL RUSSIAN AND CZECH DESCRIPTIONS OF ANIMALS

Yulia V. Rogovneva

ABSTRACT:

The report analyzes descriptions of missing animals which are posted in Russian and Czech websites, its structure and the most regular combinations of language means which authors (who is native speakers of Slavic languages) choose.

Keywords: description; reproductive register; non-fictional text; model of sentence, typical meaning.

АННОТАЦИЯ:

В докладе будут проанализированы размещенные на русских и чешских сайтах описания пропавших животных, их структура и наиболее регулярные комбинации языковых средств, отбираемых авторами – носителями двух славянских языков.

Ключевые слова: описание; репродуктивный регистр; нефикциональный текст; модель предложения; типовое значение.

Все нефикциональные тексты отличаются от фикциональных тем, что в них авторы изображают реальную, окружающую их действительность, а не придумывают ее сами. Такие тексты уже неоднократно исследовались в последнее время (см., например, работы [Сидорова 2016], [Роговнева 2017]), тем не менее определение фикциональности еще требует изучения. В докладе мы обратимся к текстам-описаниям пропавших животных, которые в большом количестве можно встретить на различных сайтах. Авторы таких объявлений преследуют одну коммуникативную цель: дать как можно более точное описание пропавшего животного. Соответственно, элемент фикциональности (или «выдуманности») в этих текстах минимален.

Обратимся к структуре заявленных в теме текстов. Как правило, сами тексты являются одной из двух частей целого объявления, другая же часть – это фотография животного, которая играет большую роль в успешности объявления: без изображения объявление теряется. Однако и одна фотография без текста также представляется неудачной. Поскольку именно на фотографии представлены все наблюдаемые признаки животного, в тексте, сопровождающем фотографию, дублировать их не нужно, поэтому зачастую текстовая часть объявления сводится к указанию на ненаблюдаемые характеристики или факты: кличка, место и время пропажи, возраст. Здесь же может быть информация, не относящаяся непосредственно к животному: эмоции хозяина, его контакты, размер вознаграждения и т.п. В тексте могут быть перечислены и наблюдаемые признаки животного и его особые приметы, которые на фотографии не видны.

Отличительной особенностью и чешских, и русских описания животных является их краткость. Несмотря на то что объем описания в большинстве случаев не лимитирован (даже при наличии определенной формы заполнения предлагается отдельное поле для «свободного» описания), автор описания стремится быть лаконичным, поскольку слишком объемный текст может быть проигнорирован читателем. Соответственно, автор по возможности опускает данное, известное (пропавшее животное) и представляет новое (его признаки). В докладе мы проанализируем, как в эти тексты вводится типовое значение качества в двух славянских языках.

Анализ показывает, что качество пропавшего животного может вводиться в текст двумя способами: 1) целая предикативная единица с типовым значением качества (*je plachý, глаза голубые*); 2) признаковая синтаксема входит в состав модели с другим типовым значением (*13.04.2018 se mi ztratil na ul. Vítězná, Karlovy Vary, mourovatý kocour, stáří 8 let, je plachý. Proпал черный с белой грудкой-галстуком кот, ласковый, тянется к людям и отзывается на «кс-кс-кс»*). В данном случае авторы указывают на хронотоп события, вводят в текст субъект и при этом дают его характеристику с помощью признаковых синтаксем. Конструкции группы 2, как показал анализ, появляются первыми в целом описании, в них автор вводит в свой текст тему. Уже дальше в тексте могут появляться и целые модели с типовым значением качества (*je plachý, шерсть гладкая*).

Такие комбинации языковых средств востребованы в разных языках, с одной стороны, а с другой – они актуальны не только для создания образа животного, но и для описания, например, пропавшего человека или найденного телефона.

Литература / References

1. *Роговнева Ю.В.* Коммуникативная грамматика и анализ текста // Русский язык за рубежом, 2017. №6. С. 92–95.
2. *Сидорова М.Ю.* Языковые маркеры антропоцентричности в описаниях изображений // Вестник Кемеровского государственного университета, 2016. №3 (67). С. 25–37.

Польская литературоведческая русистика XXI века

О. В. Розинская

RUSSIAN LITERATURE STUDIES OF THE XXI-TH CENTURY IN POLAND

Olga V. Rozinskaya

ABSTRACT:

Is represented review of Russian literature studies of the XXI-th century in Poland.

Keywords: Russian literature studies of the XXI-th century in Poland

АННОТАЦИЯ:

Обзор направлений в польской литературоведческой русистике последних двух десятилетий.

Ключевые слова: польская русистика XXI века, современное литературоведение

Польская литературоведческая русистика XXI века отличается обилием разрабатываемых тем, широтой изучаемого литературного материала. Литературоведческие исследования ведутся в области истории литературы, польско-русских литературных связей в различные исторические периоды, новейших литературных явлений с учетом современных методологических подходов. Работы польских ученых характеризуются стремлением к полноте и целостности освещения поставленной темы, рассмотрением литературы в широком историческом, общественном и культурном аспектах, без какого-либо идеологического давления. Внимание исследователей привлекают традиционные темы по истории русской литературы начиная со средневекового периода и заканчивая новейшей литературой, вопросы религиозной и духовной жизни писателей, их идеология и политические суждения. Также ведутся исследования в области компаративистики, имагологии и литературной антропологии. Рассматриваются вопросы медиаведения, эзотерики. В последние годы появились работы, посвященные проблемам российского театра, кино, интернета, а также исследования по русской литературе с учетом гендерных аспектов и натурфилософии. Интенсивно развивается такая сравнительно новая отрасль литературоведения, как «эмигрантология» 1-й, 2-й и 3-й волн русской эмиграции. Работы зачастую имеют междисциплинарный характер, отличаются неординарным авторским подходом.

Пророческие цитаты в сочинениях Максима Грека

Франческа Ромоли

QUOTATIONS FROM PROPHETIC BOOKS IN THE WORK OF MAXIMUS THE GREEK

Francesca Romoli

ABSTRACT:

Investigation of biblical quotations in the works of Maximus the Greek is a current issue within the study of his literary heritage. The paper focuses on the quotations from the Prophets occurring in his *Slovo protivu tščaščichsja zvezdozreniem predricati o buduščich i o samovlastii čelovekom*. For this text, the *Trattato contra gli astrologi* by Girolamo Savonarola served as a model. The analysis is aimed at identifying the sources from which quotations were taken.

Keywords: Holy Writings; Prophetic books; biblical quotations; Maximus the Greek; Girolamo Savonarola.

АННОТАЦИЯ:

Изучение библейских цитат в творчестве Максима Грека – актуальный вопрос в исследовании его литературного наследия. Доклад посвящен рассмотрению пророческих цитат в сочинении: «Слово противу тшчашчихся звездозрением предрицати о будущи и о самовластии человеком», конкретной моделью которого послужил «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы. Цель автора – установить их источники.

Ключевые слова: Священное писание; пророческие книги; библейские цитаты; Максим Грек; Джироламо Савонарола.

Священное Писание играет важную роль в письменности православной Славии [Picchio 1977, Гардзанини 2014]. В сочинениях Максима Грека оно представляет наиболее авторитетный, но не единственный источник: в число их «auctoritates» входят, наряду со Священным Писанием, святоотеческая традиция и античная философия [Garzaniti 2010; Гардзанини 2014, 2017].

Наличие библейских цитат в сочинениях Максима Грека было отмечено со времен Казанского издания [Максим Грек 1894–1897; ср. Максим Грек 2008, 2014; Журова 2011]. Цитаты из пророческих книг особо изучил Х.М. Олмстед, выделяя ряд случаев совпадения с библейскими заимствованиями, составляющими антологию (называемую Олмстедом «Prophetic Miscellany»), отредактированную Максимом Греком на основе Толковых пророчеств и, вероятно, использованную им в качестве источника [Olmsted 1987].

В ходе Международного научного семинара «Священное Писание и иные источники в творчестве Максима Грека. К 500-летию его прибытия в Московию», состоявшегося в Университете Пизы 4 июня 2018 г., А. Альберти представил первые результаты исследования цитат из Евангелий в сочинениях Максима Грека, нацеленного на определение использованных автором славянских источников [Ромоли, Журова 2018].

Среди источников сочинений Максима Грека немалое место занимают западные источники. Особое влияние оказали на него личность и творчество Джироламо Савонаролы [Иконников 1915, Дунаев 1916, Висковатый 1939–1940; Иванов 1968, 1969а-б, 1972, 1973а-б, 1974; Синицына 1972, 1977; Акоруан 2013].

Ф. Ромоли удалось доказать зависимость «Слова противу тшасшихся звездозрением предричати о будущих и о самовластии человеком» от «Trattato contra li astrologi» Савонаролы [Ромоли 2015] и «Слова обличительно на агарянскую прелесть и умыслившего ея скверного пса Маомефа» от статьи «Capitulum VII. Mahumetanorum sectam omni ratione sagere» произведения «Triumphus crucis» Савонаролы [Ромоли 2017].

Сходства между «Словом противу тшасшихся...» и «Trattato» можно отметить на разных уровнях: на уровне общей структуры текста, библейских и святоотеческих цитат, философских источников, аргументации и стиля.

Общую структуру «Trattato» и «Слова противу тшасшихся...» определяет иерархия источников, опираясь на которые авторы доказывают ложность предсказательной астрологии: Священное писание, богословие и философия. В рамках Священного писания оба автора обращаются к пророческим книгам, в рамках святоотеческой литературы к Августину, Василию Великому, Иоанну Златоусту и Григорию Назианзину, а в рамках античной философии к Аристотелю.

Источники цитат из пророческих книг в «Слове противу тшасшихся...» остаются мало изученными. В данном случае речь не может идти о библейской антологии, отредактированной Максимом Греком, так как она была составлена в начале 30-х гг. XVI в. [Olmsted 1987: 30], а «Слово противу тшасшихся...» написано около 1523 г. [Иванов 1969б:] 121–122]. Исходя из этого, автор рассматривает возможные источники пророческих цитат «Слова противу тшасшихся...» и на основе текстологического сравнения славянских и западных материалов пытается определить, откуда они были извлечены.

Литература / References

1. Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, 1939-1940. № 17. С. 128-133.
2. Гардзанти М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. Москва: Индрик, 2014. 230 с.

3. *Гардзанити М.* Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания / Отв. ред. А.А. Алексеев. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского Дома, 2017. С. 57–65.
4. *Дундаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Москва: Синодальная тип., 1916. 92 с.
5. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Часть 2: Сочинения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 303 с.
6. *Иванов А.И.* Максим Грек и Савонарола // Труды Отдела древнерусской литературы, 1968. № 23. С. 217–227.
7. *Иванов А.И.* К вопросу о нестяжательных взглядах Максима Грека // Византийский временник, 1969а. № 29. С. 135–148.
8. *Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Ленинград: Наука, 1969б. 245 с.
9. *Иванов А.И.* Максим Грек и итальянское Возрождение. К постановке вопроса // Византийский временник, 1972. № 33. С. 140–157.
10. *Иванов А.И.* Максим Грек и итальянское Возрождение. II. Литературная деятельность Максима Грека в России // Византийский временник, 1973а. № 34. С. 112–121.
11. *Иванов А.И.* О пребывании Максима Грека в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции // Богословские труды, 1973б. № 11. С. 112–119.
12. *Иванов А.И.* Максим Грек и Савонарола // Богословские труды, 1974. № 12. С. 184–208.
13. *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев: Изд-во Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1915. 641 с.
14. *Максим Грек.* Сочинения преподобного Максима Грека. Т. I–III. Казань: Типо-литография Имп. Ун-та, 1894–1897. 439+460+239 с.
15. *Максим Грек.* Сочинения. Т. I. Москва: Индрик, 2008. 568 с.
16. *Максим Грек.* Сочинения. Т. II. / Отв. ред. Н.В. Синицына. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 432 с.
17. *Ромоли Ф.* «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы и «Слово противу тщющихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека: Опыт сопоставительного анализа // Wiener Slavistisches Jahrbuch N.F., 2015. № 3. С. 1–17.
18. *Ромоли Ф.* «Антимагометанские» статьи в «Triumphus crucis» Джироламо Савонаролы и Первом собрании сочинений Максима Грека: некоторые текстальные совпадения // Труды Отдела древнерусской литературы, № 65, 2017. С. 84–100.
19. *Ромоли Ф., Журова Л.И.* 500-летие прибытия Максима Грека в Россию. Международный научный семинар в Университете Пизы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2018/3. № 73. С. 151–154.
20. *Синицына Н.В.* Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Москва: Наука, 1972. С. 149–156.
21. *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. Москва: Наука, 1977. 332 с.
22. *Акорьян О.* With “Latins” against “Latin vice”: Savonarola, saint Maximus the Greek, and astrology // Rinascimento, 2013. № 53. P. 269–279.
23. *Garzaniti M.* Sacra scrittura, auctoritates e arte traduttoria in Massimo il Greco // Massimo il Greco, Firenze e l’Umanesimo italiano / Eds. M. Garzaniti, F. Romoli // Studi Slavistici, 2010. № 7. P. 349–363.
24. *Olmsted H.M.* A learned Greek monk in Muscovite exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook, 1987. № 3. P. 1–73.
25. *Picchio R.* The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of “Slavia Orthodoxa” // Slavica Hierosolymitana, 1977. № 1. P. 1–31.

Синтаксис в преподавании чешского языка в русскоязычной среде

С.А. Рылов

SYNTAX IN TEACHING THE CZECH LANGUAGE IN THE RUSSIAN-SPEAKING ENVIRONMENT

Stanislav A. Rylov

ABSTRACT:

Syntax plays a constructive role in speech communication, hence its irrefutable communicative value in teaching the Czech language. The aim of the report is to show the important place of syntax in the teaching of the Czech language as a foreign language, including the initial stage, where we often have to deal with interlingual syntactic interference. The factors that form the syntactic competence of students are considered. Syntax teaching requires an integration approach. The author offers the basic methodological principles of teaching Czech syntax in the Russian-speaking environment.

Keywords: Czech as a foreign language; syntax; Russian-speaking; syntactic competence integration approach.

АННОТАЦИЯ:

Синтаксис играет конструктивную роль в речевой коммуникации, отсюда его неоспоримое коммуникативное значение при обучении чешскому языку. Цель доклада – показать важное место синтаксиса в преподавании чешского языка как иностранного, включая начальный этап, где чаще всего приходится сталкиваться с межъязыковой синтаксической интерференцией. Рассматриваются факторы, формирующие синтаксическую компетенцию обучающихся. В преподавании синтаксиса необходим интеграционный подход. Автор предлагает основные методические принципы преподавания чешского синтаксиса в русскоязычной среде.

Ключевые слова: чешский язык как иностранный; синтаксис; русскоговорящие; синтаксические компетенции; интеграционный подход.

Синтаксис играет важную конструктивную роль в речевой коммуникации, отсюда его неоспоримое коммуникативное значение при обучении чешскому языку. В преподавании чешского языка как иностранного (ЧКИ) синтаксису обычно уделяется недостаточное внимание. Предполагается, что он не имеет такого значения, как фонетика, лексика. Поэтому при обучении ЧКИ, особенно на начальном этапе, синтаксис оказывается на втором плане. Однако с таким мнением трудно согласиться, так как умения и навыки правильного построения чешских предложений необходимы с самого начала изучения чешского языка. Наш опыт преподавания ЧКИ в русскоязычной среде свидетельствует, что именно на начальном этапе приходится чаще всего сталкиваться с межъязыковой

синтаксической интерференцией, негативно влияющей на освоение синтаксической компетенции. Отметим наиболее важные факторы, формирующие синтаксическую компетенцию обучающихся.

1. Именно предложение-высказывание как основная коммуникативная единица языка-речи служит для оформления и передачи относительно законченных сообщений речи-мысли. «Собственно чешский термин синтаксиса – *skladba* (от глагола *skládat*, т.е. ‘складывать’, ‘укладывать’, ‘упаковывать’) – указывает на основную функцию синтаксиса – анализировать, как ‘складываются’ слова, воспроизводящие мысль <...>. Знание синтаксических правил помогает правильному построению предложения – целостной грамматической единицы, выполняющей функцию <...> оформления и сообщения мысли, функцию «оречевления» [Васильева 2014: 386].

2. Синтаксис имеет большое значение для развития социолингвистической компетенции. Синтаксические структуры несомненно выполняют социолингвистические функции. Студенту необходимо освоить синтаксические модели, использовать их в социальном плане в соответствующей ситуации в реальной жизни. Без освоения запаса синтаксических конструкций, без навыков их применения и понимания нельзя успешно вести коммуникацию.

3. Синтаксис – важнейшее средство выражения языковой ментальности. Синтаксические единицы отражают определенные стереотипы структурирования мысли, типичные для данного народа, и реализуют этническое видение мира. Простейшим примером является чешская структура и эквивалентная ей русская конструкция со значением ‘обладания чем-либо’, которые выражают языковую ментальность по-разному. Эти синтаксические структуры подробно описаны Р. Мразеком [Мразек 1990].

4. Синтаксис тесно связан со стилистикой. Средства выражения на уровне синтаксиса оказываются важными стилеобразующими факторами. Синтаксическая компетенция обучающегося включает владение навыками понимания и применения стилевых признаков синтаксических средств чешского языка, освоение основных принципов создания чешских текстов разных функциональных стилей.

Считаем необходимым указать важнейшие методологические принципы преподавания ЧКИ: а) формирование и развитие основной синтаксической компетенции обучающихся начиная с первых занятий обучения ЧКИ; б) поступательное освоение синтаксических компетенций на всех этапах изучения ЧКИ; в) «спиральная» подача материала синтаксиса (циклическое повторение синтаксических моделей); г) интеграционный подход (структурно-семантический, социолингвистический, социокультурный).

турный), который прямо ведет к тому, чтобы занятия обогащались; д) использование конфронтального синтаксического анализа, т.е. анализа чешско-русских синтаксических конфронтем, касающихся различий в создании конструкций, построении моделей предложений в чешском и русском языках, порядка слов [Рылов 2012: 302–303].

Особое значение конфронтальный анализ имеет для филологов-русистов, так как именно конфронтационный подход углубляет их профессиональное образование, способствует лучшему освоению различий (на фоне генетической общности) и своеобразия неродного языка (чешского).

Итак, синтаксис представляет собой неотъемлемую и важную составную часть коммуникативной компетенции обучающегося. В преподавании синтаксиса ЧКИ необходим интеграционный подход, который должен реализоваться на разных этапах изучения чешского языка.

Литература / References

1. *Васильева В.Ф.* Чешский язык. М.: Дикси Пресс, 2014. 512 с.
2. *Мразек Р.* Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Врно: Univerzita J.E. Purkyně v Brně, 1990. 150 с.
3. *Рылов С.А.* Конфронтационный языковой анализ в преподавании чешского языка филологам-русистам // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 302–303.

Тэматычная разнастайнасць рэгіянальных беларускіх газет як адлюстраванне сучасных каштоўнасцей грамадства¹

Л.В. Рычкова

THEMATIC VARIETY OF REGIONAL BELARUSIAN NEWSPAPERS
AS A REFLECTION OF ACTUAL SOCIAL VALUES

Liudmila V. Rychkova

ABSTRACT:

Thematic peculiarities of the newspapers published in different regions of Belarus are revealed using the possibilities of the full-text linguistic database.

Keywords: Linguistic data-base; regional newspapers; thematic peculiarities

АННОТАЦИЯ:

С использованием возможностей полнотекстовой лингвистической базы данных выявлены тематические особенности газет различных регионов Беларуси.

Ключевые слова: лингвистическая база данных; региональные газеты; тематическое разнообразие

У межах навуковай тэмы “Функцыянаванне беларускай мовы ў двухмоўных рэгіянальных СМІ” у якасці даследчай базы ствараецца паўнэтэкставы электронны моўны рэсурс – лінгвістычная база даных, якая ўяўляе сабой метаразмечаны рэгіянальна размеркаваны і збалансаваны па аб’ёме корпус тэкстаў (далей – ЛБД). Сярод задач навуковага праекта прадугледжана рашэнне надзённай праблемы выяўлення тэматычнай разнастайнасці тэкстаў СМІ, якая адлюстроўвае актуальныя для сучаснага беларускага грамадства каштоўнасці. Метады корпуснай лінгвістыкі ўжо даўно і трывала ўвайшлі ў інструментарый сучасных мовазнаўчых даследаванняў, аднак новыя тэхналагічныя магчымасці, нарошчванне аб’ёму і разнастайнасць даступнага электроннага кантэнту і моўнага матэрыялу стымулююць ўсё новыя дасягненні гэтага перспектыўнага навуковага кірунку, якія патрабуюць дэтальнага асэнсавання з пункту гледжання выкарыстання для рашэння нетрывіяльных уласна лінгвістычных і інтэрдысцыплінарных даследчых задач. Адным з трэндаў сусветнай корпуснай лінгвістыкі з’яўляецца стварэнне рэгіянальна спецыфічных электронных моўных рэсурсаў, якія, напрыклад, прыдатны для

¹ Падрыхтавана ў межах праекта Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» на 2016–2020 гг. (дагавор № А70-16 ад 04.01.2016).

даследаванняў у рэчышчы кантактнай варыянталогіі сусветных моў, да якіх, як вядома, належыць і руская мова. Двухмоўныя рэгіянальныя газеты Беларусі, у якіх выбар беларускай ці рускай мовы публікацыі залежыць выключна ад волі аўтара, змяшчаюць, такім чынам, аўтэнтычны моўны матэрыял, а не пераклады, з якімі можна сустрэцца ў аднамоўных выданнях. Размеркаванне моўнага матэрыялу ў ЛБД у залежнасці ад мовы і рэгіёна падаецца ў артыкуле А. Станкевіч у гэтым зборніку. Асабліва ўвага надаецца той частцы моўнага матэрыялу, які мы ў свой час назвалі “змешаным”².

У мэтах выяўлення тэматычнай разнастайнасці рэгіянальных СМІ былі выкарыстаны такія магчымасці ЛБД, як метаразметка рэгіёнаў (ЛБД уключае газеты ўсіх рэгіёнаў Беларусі за выключэннем цэнтральнага рэгіёна – Міншчыны), а таксама тэматычная разметка асобных тэкстаў, з улікам якой была распрацавана арыгінальная метадыка вызначэння тэматычнай разнастайнасці³, першапачаткова апрабаваная на матэрыяле ілюстрацыйнага лінгвістычнага корпуса СМІ Гродзеншчыны⁴. Адзначым, што вызначэнне тэматыкі тэкстаў пры ажыццяўленні разметкі носіць ў пэўнай меры суб’ектыўны характар, паколькі вялікія па аб’ёме тэксты часцей за ўсё з’яўляюцца інфармацыйна неаднароднымі, і таму ў іх прадстаўлена адразу некалькі тэм. Пры ажыццяўленні тэматычнай разметкі ў выпадку неадназначнасці тэматыкі тэкста паказваюцца абедзве (а часам і больш) «канкуруючыя» прадметныя галіны, да якіх належыць пэўны інфармацыйна неаднародны тэкст.

Усяго тэматычная разметка прадугледжвае 47 індэксаў-тэгаў, аднак тэксты ў ЛБД у разрэзе рэгіёнаў былі аднесены да 32 галін (Магілёўшчына), 31 галіны (Гродзеншчына), 28 галін (Віцебшчына і Берасцейшчына), 27 галін (Гомельшчына). Пры гэтым як размеркаванне тэкстаў па тэматыцы, так і набор саміх тэм маюць выразную рэгіянальную спецыфіку. Разгледзім 5 першых пазіцый для кожнага з рэгіёнаў. Звычайная для друкаваных СМІ перавага тэкстаў палітычнай тэматыкі цалкам пацвердзілася і для беларускіх газет усіх рэгіёнаў, у якіх тэксты, азначаныя тэгам, што адпавядае значэнню “палітыка і грамадскае жыццё”, займаюць у агульным аб’ёме тэкстаў першае месца. Тым не

² Змешаным лічыўся беларускамоўны тэкст з рускамоўнымі ўваходжаньнямі ці рускамоўны – з беларускамоўнымі (структуры і відам беларускамоўных уваходжаньняў у рускамоўныя тэксты прысвечаны артыкул І. Бубновіч і А. Станкевіч, таксама прадстаўлены ў гэтым зборніку).

³ Камбінацыі індэксаў (тэгаў), якія прыпісаны ў ЛБД тэкстам газет як інфармацыйным аб’ектам, дазваляюць ідэнтыфікаваць кожны канкрэтны тэкст і, адпаведна, адбіраць па значэнням тэгаў толькі такія наборы тэкстаў (= інфармацыйныя масівы), якія валодаюць наборам вызначаных метатэкставых характарыстык.

⁴ Тэхналогія пабудовы і напрамкі выкарыстання корпуса СМІ Гродзеншчыны падрабязна апісаны ў [Рычкова, Станкевіч 2017].

менш, доля пакрыцця тэкстамі гэтай тэматыкі вагаецца ад 32,53% у Віцебскім рэгіёне да 16,11% у Брэсцкім. Блізкія да Віцебшчыны паказчыкі і ў іншых рэгіёнах Беларусі: 31,61% – Магілёўшчына, 31,04% – Гомельшчына, 26,65% – Гродзеншчына.

Яшчэ больш адрозніваюцца газеты рэгіёнаў Беларусі па другой пазіцыі. Калі зыходзіць з вынікаў сацыялагічнага даследавання, праведзенага ў савецкі час вучонымі МДУ імя М.В. Ламаносава [Районная...1977: 19, 86], адрасатам такіх газет з’яўляецца “сельскі жыхар”, а адной з найбольш важных тэм – сельская гаспадарка. Сапраўды, гэтая тэматыка займае 2 месца, але толькі ў двух рэгіёнах – Брэсцкім (9,26%) і Магілёўскім (9,32%). У Віцебскім рэгіёне тэксты такой тэматыкі знаходзяцца на 4 (6,03%), у Гродзенскім – на 5 (5,44%), а ў Гомельскім – толькі на 9 месцы (4,36%). 2 месца ў газетах Гродзеншчыны належыць адукацыі (6,05%) (гэтую тэматыку знаходзім таксама, але на 5 месцы ў СМІ Віцебшчыны (5,45%)); у газетах Гомельшчыны – тэматыцы “адміністрацыя і кіраванне” (9,62%) (3 месца на Віцебшчыне (6,72%), 4 – на Берасцейшчыне (9,09%)); у газетах Віцебшчыны – тэматыцы “бізнес, камерцыя, эканоміка, фінансы” (8,94%) (3 месца на Берасцейшчыне (9,12%) і 5 месца на Магілёўшчыне (5,4%)). 3 месца ў газетах Гомельшчыны (7,73%) і Гродзеншчыны (5,79%) займае тэматыка “вольны час, відовішчы і забавы” (4 месца – у газетах Магілёўшчыны (6,11%)); у газетах Магілёўшчыны – тэматыка “прыватнае жыццё” (4 месца на Гомельшчыне (6,71%) і 5 месца ў газетах Брэстчыны (8,26%)). На 4 месцы ў газетах Гродзеншчыны – тэксты тэматыкі “мастацтва і культура” (5,61%), а на 5 месцы ў газетах Гомельшчыны – тэматыка “здароўе і медыцына” (4,78%).

Литература / References

1. Районная газета в системе журналистики. Опыт социологического исследования / А.И. Верховская и др. М.: МГУ, 1977. 264 с.
2. Рычкова Л.В., Станкевич А.Ю. Лингвистический корпус СМІ Гродзеншчыны: технология создания, направления использования: монография / Под науч. ред. Л.В. Рычковой. Гродно: ГрГУ, 2017. 115 с.

Исследования русских ученых на территории Кашубии и их влияние на развитие польской кашубистики

Бьянка Садовска

RESEARCH OF RUSSIAN SCIENTISTS ON THE TERRITORY OF KASHUBIA AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF POLISH KASHUBIAN STUDIES

Bianca Sadowska

ABSTRACT:

After many years of communism, during which it was not allowed to cultivate kashubian traditions, the Kashubian people are now increasingly emphasizing their distinctiveness. Since 2012 at the University of Gdansk has been working in a separate faculty Kashubian studies, which prepares future teachers and researchers of the Kashubian language for the profession. The interest of traditions and kashubian language has caused a great interest in the beginning of kashubian studies. Their emergence and development are largely due to Russian researchers.

Keywords: Kashubia region; Kashubian language; A.F. Hilferding; Slavic studies.

АННОТАЦИЯ:

После многих лет коммунизма, во время которого не было разрешено культивировать кашубские традиции, жители Кашубии в настоящее время все более активно подчеркивают свои отличия. В Гданьском Университете с 2012 года работает отдельное направление — кашубская этнофилология, которая готовит учителей и исследователей кашубского языка. Возросшее внимание к традициям кашубов и кашубскому языку вызвали большой интерес к началам кашубистики. Их возникновение и развитие в значительной степени связаны с деятельностью российских исследователей.

Ключевые слова: Кашубия, кашубский язык, А.Ф. Гильфердинг, славяноведение

С 20-х годов XIX века в России появляется систематический интерес к славянским проблемам, который постепенно распространяется на все славянские народы, включая те, о которых было относительно мало информации, например к кашубам. Этот интерес еще более возрастает во время правления царя Николая I. Все это наряду с рождающейся славянофильской идеологией приводят к тому, что появляются новые направления научных исследований.

На территории России первым интерес к кашубам проявил граф Николай Румянцев. Финансируемый им журнал «Библиографические листы» опубликовал в своем 31 номере (1825 г.) информацию о предложении графа, сделанном Кшиштофу Мронговишу, отправиться на кашубскую

территорию для изучения языка населения, там проживающего [Донесение П. Прейса 1840:2]. Интерес графа Румянцева к Мронговиушу появился после публикации польским ученым «Немецко-польского словаря», в котором тот изложил проблему медленного вымирания кашубского и старовенедского языков. Мронговиуш продолжал свои исследования, результатом которых был, в частности, второй выпуск «Немецко-польского словаря» [Kolberg 1965:28], что еще более усилило интерес россиян к кашубскому региону. В связи с этим в 1840 году русский ученый Петр Прейс совершил путешествие в Поморье с целью расширения знаний о кашубском языке.

В «Журнале Министерства Народного Просвещения» за июнь 1840 года была помещена статья Прайса, в которой он привел аргументы против тезиса Мронговиуша о том, что у кашубского языка общие корни с русским языком. Прайс утверждал, что это один из наречий польского языка. В дальнейшей части своего «Донесения» российский исследователь представил сведения как о сохранившихся, так и утраченных памятниках кашубской литературы. Старейшими из сохранившимся документов на этом языке были находящийся в Берлинской Библиотеке небольшой словарь, опубликованная молитва „Отче наш“, а также второе издание „Катехизиса“ 1758 года, подготовленное к печати и повторно опубликованное в 1828 году Мронговиушом¹.

Самым известным исследователем кашубских земель в России, однако, был и остается до настоящего времени Александр Федорович Гильфердинг. После защиты диссертации в 1854 году он начал работать в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, но не прекратил заниматься историей славян и славянских земель. Летом 1856 года он отправился из Карлсбада, в котором находился вместе с отцом, на территорию, населенную кашубами, с целью проведения научных исследований, где провел четыре недели [Гильфердинг – И. Кукулевичу 1894:186].

Свое путешествие Гильфердинг начал в Гданьске встречей с Ф. Цейновой, выдающимся исследователем Кашубии, а затем они вместе отправились в Вейхерово и Глувчице, а оттуда в Бытов. В этом городе, после четырех дней совместного путешествия, их пути разошлись, и Гильфердинг начал самостоятельное исследование. Его результатом стала работа «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря», часть которой впервые была опубликована в журнале Академии наук – «Известиях и

¹ Нынешнее состояние исследований памятников кашубской литературы позволяет утверждать, что, кроме упомянутых Прейсом документов, сохранились и более старые, например первое издание «Маленького Катехизиса», найденное в Смолдине в 1896 году [Treder 2005:27].

отделениях русского языка и словестности» в 1862 году [Известия 1860:41-56]. В том же году вышла вся работа полностью.

В «Остатках Славян...» Гильфердинг представил очерк языка и традиций кашубов. В состав работы он включил также наиболее частотные кашубские слова, образцы диалектных текстов. Книга представляет собой также очерк этнографических исследований русского ученого.

В последующих работах прежде всего польских славистов, посвященных кашубскому народу, работу Гильфердинга часто называли первой научной работой о кашубском народе и его языке. И Интерес к ней сохраняется до настоящего времени, о чем свидетельствуют полемик вокруг нее.

Кашубскому народу, его языку, традициям и культуре в настоящее время уделяется все больше внимания. В Гданьском университете открылся факультет кашубской филологии, в школе дети обучаются на кашубском языке. Научные исследования в этой области динамично развиваются. Хотя кашубистика считается еще молодым разделом науки, необходимо помнить, что среди ее зачинателей были русские меценаты и ученые.

Литература / References

1. *Гильфердинг А.Ф.* Остатки Славян на южном берегу Балтийского Моря. Санкт-Петербург, 1862.
2. Гильфердинг – И. Кукулевичу-Сакцинскому 13/25.07.1856 // Живая старина. 1894. Вып. II.
3. Донесение П. Прейса, г. Министру Народного просвещения, из Берлина, от 20 июня 1840 // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1840. Отд. IV. С. 2.
4. Известия Императорской академии наук. 1860. Т. VIII. Вып. I
5. *Cholcha S.* Florian Ceynowa (1817–1881) – życie i zniwo // AL–manach biblioteki Publicznej Gminy Wejherowo im. Aleksandra Labudy 2011 / red. *J. Borchmann, B. Wiszowaty, O. Kolberg.* Pomorze: Wrocław–Poznań, 1965.
6. *Kwaśniewska A.* Badania etnologiczne na Kaszubach i Pomorzu Wschodnim w XIX i XX wieku. Gdańsk, 2009.
7. *Obracht–Prondzyński C.* Bibliografia do studiowania spraw kaszubsko-pomorskich. Gdańsk, 2004.
8. *Treder J.* Historia kaszubszczyzny literackiej. Studia. Gdańsk, 2005.
9. *Życie i dzieła Floriana Ceynowy (1817–1881)* / red. *J. Borzyszkowski.* Gdańsk, 2012.

Политический лексикон современной Польши. (Проблемы не только перевода)

H.B. Селиванова

POLITICAL VOCABULARY OF MODERN POLAND.
(PROBLEMS NOT EXCLUSIVE TO TRANSLATION)

Nina V. Selivanova

SUMMARY:

The emergence of new words and concepts in the modern Polish language, as well as changes in the existing ones, are characteristic of the current political discourse. In the struggle for power, the one who succeeds in building a more accessible world of concepts and meanings is often victorious. In this, the current Polish politicians are competing, creating considerable difficulties for translators and analysts.

Keywords: modern Poland; political neologisms; transforming reality language.

АННОТАЦИЯ:

Появление в современном польском языке новых слов и понятий, а также изменение существующих характерно для актуального политического дискурса. В борьбе за власть зачастую побеждает тот, кто построит более доходчивый мир понятий и смыслов. В этом и соревнуются нынешние польские политики, создавая немалые трудности для переводчиков и аналитиков.

Ключевые слова: современная Польша; политические неологизмы; язык, изменяющий действительность.

1. Возникновение моды на слово года лингвисты и культурологи объясняют возрастающим пониманием значимости языка. Идея проведения подобных конкурсов пришла в Польшу из Западной Европы, где стремились подчеркнуть роль слова и его влияния на действительность.

2. Не стали победителями, но заняли почётные призовые места в 2017 году в Польше слова **targowica** – «тарговица» (в пакете с «тарговичанами») и **uchodźcy** – «беженцы», вошедшие в группу слов, изменивших своё первоначальное значение. Если раньше „Тарговица” и „тарговичанин” употреблялись в отношении конкретного события и его участников (имеется ввиду Тарговицкая конфедерация – союз польских магнатов, направленный против реформ Речи Посполитой, созданный в 1792 г. в местечке Тарговица), а также в польском политическом лексиконе последних двухсот с лишним лет в качестве метафорического определения предательства и предателя, что применялось к разным событиям и персонажам, то теперь метафора отброшена. Этими понятиями напрямую называют депутатов Европарламента от польской оппозиционной партии «Гражданская платформа». Впечатляющая метаморфоза произошла в

польском восприятии со словом «беженец». Прежде так называли того, кто покинул свою страну с целью спасти жизнь или избежать преследований, теперь же в беженце видят человека, а точнее элемент некоего сообщества, несущего угрозу, агрессивного, непредсказуемого и опасного.

3. Среди словосочетаний, существовавших ранее, но сделавших головокругительную карьеру в последние годы и изменивших политический пейзаж нынешней Польши, особое место занимает **żołnierze wyklęci**, которое я бы перевела как «проклятые и забытые солдаты». Подробнее об этом выражении я рассказала в своей статье [Селиванова 2018: 153–155].

4. Интересные эволюции происходят в польском политическом дискурсе с прилагательным **narodowy**, что на русский переводится и как «национальный», и как «народный». Одна часть польского политикума и общественности во главе с правящей партией «Право и справедливость», можно сказать, присвоила себе это определение, вложив в него исключительно «правые» смыслы, характерные для крайнего национализма на грани с фашизмом. В лучшем случае синонимичные патриотизму. Представители же оппозиционного лагеря стали употреблять это прилагательное исключительно в негативной коннотации, в оскорбительной и издевательской форме, как синоним «отстоя». Сейчас **narodowy** практически не употребляется в польском политическом спектре в качестве нейтрального определения, относящегося к народу и его жизни, объединённой общей историей и культурой. То же самое разделение наблюдается в понимании выражения **katastrofa smoleńska** – «смоленская катастрофа» (имеется ввиду авиакатастрофа под Смоленском 10 апреля 2010 года, унёсшая жизни 96 пассажиров и членов экипажа президентского самолёта, летевших на траурные мероприятия в связи с годовщиной расстрела польских пленных в катынском лесу). Вариант: «смоленский заговор», трактуемый одними как сговор либеральных польских элит и зловещего российского руководства с целью уничтожения цвета нации во главе с президентом Лехом Качиньским. Противоположный лагерь вкладывает в это понятие заговор нынешних властей Польши по оболваниванию народа ради укрепления своей электоральной базы. Похожим образом разделила поляков и **miesięcznica smoleńska**, которую чаще всего переводят как «смоленские бдения», а я бы использовала чуть более длинный, но точный перевод «вахта памяти смоленской авиакатастрофы». Этим неологизмом назван ритуал поминовения 10 числа каждого месяца погибших в той катастрофе.

5. Не меньшую проблему для перевода, а значит и верного понимания, представляют пропагандистские неологизмы, без устали создаваемые провластными креативщиками:

▪ **dobra zmiana** – «благая перемена» (прямая отсылка к библейской «благой вести») – уже ставшее стандартным определение политического курса правящей партии «Право и справедливость»

▪ **złodzijska repywatyzacja** – «воровская реприватизация»

▪ **totalna opozycja** – «тотальная оппозиция»

или уже напрямую отсылающее к революционному языку первых лет советской власти

▪ **MaBeNa** – «Машина Безопасного Нарратива» – изобретение приближённого к нынешней польской власти профессора Анджея Зибертвича, обозначающее информационную кампанию по улучшению имиджа польского государства.

6. В преддверие столетия независимости Польши (11 ноября 2018 г.) предвкушаем расцвет политической пропагандистской риторики, а возможно, и практики, и, следовательно, новых вызовов для переводчиков и толкователей польских лингвистических реалий.

Литература / References

Селиванова Н.В. Польша. Новые политические ритуалы / Н.В. Селиванова // «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения»: пятнадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва, 14–15 июня 2017 г.): доклады и материалы. В 2 ч. Ч. 1: Языки в аспекте лингвострановедения / [отв. ред. Л.Г. Веденина]; Моск. гос. ин-т международных отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – Москва: МГИМО-Университет, 2018. С. 152–159.

Полисемия имен прилагательных с корнем

***dob(r)**- в славянских языках

М. В. Долгополова, Л. А. Сергеева

POLYSEMY OF ADJECTIVES WITH THE ROOT * DOB(R)-
IN THE SLAVONIC LANGUAGES

M.V. Dolgoplova, L.A. Sergeeva

ABSTRACT:

This article is focused on process of polysemy of Slavonic adjectives with the root **dob(r)*-. As a result, it reveals the understanding of the Slavonic peoples about the good as the main ethical value.

Keywords: good; polysemy; cognitive models, value.

АННОТАЦИЯ:

В работе анализируется процесс полисемии славянских прилагательных с корнем **dob(r)*-. В результате раскрывается представление славянских народов о добре как главной этической ценности.

Ключевые слова: добро; полисемия; когнитивные модели; оценка.

Добро – одна из главных этических ценностей для многих народов. В этике существуют три основные концепции добра. Первая связана с признанием добра как всеобщего блага. Так, уже Платон отмечал, что добро «изначально трансцендентально – это всё то хорошее, что дано людям» [НФС: 2001: 158]; но вместе с тем – это и «то, что предполагает нравственное отношение людей к тому, что им дано» [НФС 2001: 158-159]. Вторая концепция, предложенная в идеационной этике, также постулирует этическую природу добра как нравственного абсолюта, в котором сосредоточены душа, истина, благо, красота [НФС 2001: 158-162]. Наконец, в-третьих, добро понимается как средство, приводящее к определенным положительным для человека результатам. При таком понимании добро имеет относительный характер, так как оно выявляется из оценочных суждений, сделанных по отношению к различным явлениям. Так, выделяют оценки: инструментальные (*хороший нож*), бенефактивные (*хорошее (благодарное) влияние*), утилитарные (*хорошее (удобное) кресло*), сенсорные (*хороший запах*), гедонистические (*Хорошее (счастлирое) было время!*) и др. (подробнее см. в: [Арутюнова 1988: 188-189]).

Представление славянских народов о добре наиболее полно раскрывают имена прилагательные с корнем **dob(r)*-, которые являются по своей природе оценочными, поскольку квалифицируют объекты по их отношению к добру. Данные прилагательные полисемичны: так, русская лексема *добрый* имеет 8 значений, болгарская *добър* – 12, чешская *dobrý* – 9, украинская *добрий* – 9 белорусская *добр* – 10.

Первое значение во всех современных сравниваемых языках, кроме чешского, практически идентично – ‘чуткий, отзывчивый, имеющий мягкий характер, доброжелательный’ (в чешск. – ‘нравственный; аккуратный, благородный, честный’). Ср.: укр. *чоловік добрий*; болг. *добри хора*, русск. *добрый человек*, чешск. *dobrý člověk nikdy nezradí*. Таким образом, в современных языках первое значение лексемы отражает представление о добре как этической ценности, хотя еще несколько десятилетий назад в словарях главным было общеоценочное значение ‘хороший’ (в русском языке с XV в. в данном значении стала употребляться лексема *хороший*).

Представляют интерес оттенки первого значения имен прилагательных с исследуемым корнем. Так, в белорусском и украинском языках, например, в них отражается эстетическая оценка: белорус. *добры голас*, укр. *добрий голос* – ‘красивый, приятный’. В русском языке прилагательное *добрый* в подобных словосочетаниях имеет значение ‘выражающий расположение, сочувствие, отзывчивость’: *добрый взгляд, голос показался мне добрым*.

В болгарском языке, как и в русском, украинском, отражается глубокое влияние на языковое сознание христианской этики: в разных значе-

ниях лексема характеризует человека (*добро сърце*), его поведение, моральные и духовные качества (*добро момче, добър народ*), семью, род, детей и т.п. (*добро семейство, добри деца*), воспитание (*добро възпитание*) и т.п. Подобные переносы есть и в украинском языке. Данные значения репрезентируют абсолютное добро, добро само по себе, являющееся таковым везде и всегда, которому несвойственны полезность и инструментальность (ср. например, чешск. *dobrá dívka* в знач. 'красивая'). В русском языке данные значения и оттенки значений «переходят» к лексеме *хороший*.

Во всех пяти языках находим значение 'основанный на расположении к людям, желании добра', также связанное с этической оценкой: белорус. *добрага слова не пачула*; укр. *добрим словом спогадає нас*; болг. *добра дума, добри мисли*; рус. *помянуть добрым словом*. Взаимное расположение характеризуется данной лексемой в значении 'связанный взаимной симпатией с кем-либо; близкий': укр. *стали добрим сусідами*; белор. *не абмяжоўваюцца добрым суседствам*; русск. *добрые приятели*; чешск. *dobří soudruh*; болг. *добър другар*.

Во всех языках имеется также значение 'предсказывающий удачу, приносящий радость; счастливый, приятный': русск. *добрая весть*; белорус. *добрая прымета, добрая адзнака, добрая навіна*; болг. *добра новина*; чешск. *dobré zprávení*; укр. *добрий знак*. В данных значениях отражается представление о бенефактивном добре. В болгарском языке в одном из значений сохраняется древний смысл 'подходящий': *добър съвет, добра идея*. Также отмечается ценность благополучия и отсутствия неприятностей: *добри времена, добър живот*. Отметим, что в русском языке этот смысл обозначается в сочетании со словами *время, пора* и т.п.: *старые добрые времена*.

Вместе с тем в исследуемых языках отражается и утилитарное (техническое) понимание добра, которое представлено значением 'умелый, тщательный в работе; способный, опытный': укр. *добрий курець, добрий робітник*; белорус. *добры майстар*, болг. *добър майстор*; чешск. *je to dobrý pracovník*. В чешском языке утилитарные оценки представлены в четырех значениях лексемы *dobry*: 'подходящего качества', 'ценный', 'удовлетворяющий требованиям', 'подходящий в классовом отношении', 'знатный', 'полезный', 'выгодный' и др., например: *šaty z dobré látky* 'платье из хорошей ткани'; *Je mu každá koruna dobrá* (букв. *каждая корона ему годная*). В современном русском языке для оценки относительного, утилитарного добра аналогичная лексема практически не используется.

В сравниваемых языках можно отметить следующие типичные переносы значений аналогичных лексем с данным корнем: 'умелый, искусный (о человеке)' → 'достойный подражания (о человеке)' → 'такой, ка-

ким должен быть, с положительными качествами, соответствующий требованиям (о предмете)»; ср.: укр. добрий *жупан*; белорус. *добрая зямля, добры тавар*; болг. *добра квартира, добра работа*; чешск. *dobrý poplatek* ‘хорошая зарплата’ → ‘пригодный для употребления, использования (о предмете, пище)’: белорус. *Добрыя яшчэ боты*.

Таким образом, исследование показало, что и в наши дни в сравниваемых языках значения имен прилагательных с данным корнем синкретичны и в них отражаются различные представления славянских народов о добре.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 340 с.
2. НФС 2001: Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Изд. 3-е. Минск: Книжный Дом, 2001. 1280 с.

Об употреблении *-л*-форм в значении действительных причастий прошедшего времени в древнейших древнерусских летописях на общеславянском фоне

М.В. Скачедубова

ON THE FUNCTIONING OF L-FORMS AS PAST PARTICIPLES
IN THE OLDEST OLD RUSSIAN CHRONICLES
IN THE LIGHT OF DATA OF OTHER SLAVONIC LANGUAGES

Maria V. Skachedubova

ABSTRACT:

L-forms used without auxiliary in non perfect meaning are usually regarded as perfect forms which have lost their perfect meaning. However, as the analysis of the oldest Old Russian chronicles has shown, examples with such *l*-forms in the narrative can be divided into several types of contexts where the usage of *l*-forms turns out to be quite predictable if we assume that they could function as «usual» past participles. This supposition can be confirmed both by Russian dialectical data and by material of other Slavonic languages.

Keywords: *l*-form; past participle; perfect tense.

АННОТАЦИЯ:

-Л-форма без связки, употребленная не в перфектном значении, рассматривается обычно как бывшая форма бессвязочного перфекта, превратившаяся в простой претерит. Однако, как показал анализ текста древнейших древнерусских летописей, примеры с таким употреблением в нарративе распределяются на несколько типов контекстов, в которых использование *-л*-формы становится закономерным,

если допустить тот факт, что она могла употребляться в функции «обычного» причастия прошедшего времени. Данное предположение подтверждается как русскими диалектными данными, так и материалом других славянских языков.
Ключевые слова: -л-форма; причастие прошедшего времени; перфект.

Как известно, древнерусский перфект состоит из факультативной связки *быти* в форме настоящего и -л-причастия и традиционно описывается как время, выражающее «соотнесение результатов (последствий) прошедшего действия с моментом речи» [Шевелева 2001: 202]. В связи с этим, -л-форма, употребленная без связки, обычно рассматривается как форма бессвязочного перфекта. Начиная с древнейших древнерусских летописей встречаются примеры, в которых -л-форма без связки в нарративе не имеет перфектного значения и которые в рамках описанного подхода интерпретируются как свидетельства утраты перфектного значения и превращения -л-причастия в финитную форму. Однако, как показывает проведенный анализ текста ИЛ, НПЛ ст. и мл. и ЛЛ.¹, такие примеры можно разделить на несколько групп, в каждой из которых употребление -л-формы оказывается закономерным, если допустить возможность ее функционирования в качестве «обычного» причастия прошедшего времени.

1. Первую группу составляют примеры, где -л-форма употребляется в контекстах, в которых, по данным А.А. Пичхадзе [Пичхадзе 2011] и А.А. Потебни [Потебня 1888/1958: 211-214], обычно употребляются причастия.

Один из типов контекстов, характерных для причастных предикаций – контексты с союзными (вопросительно-)относительными словами, которые указывают на неопределенный, любой субъект/объект, обстоятельство или свойство, ср. *а прокъ ихъ разбежеса. коуды кто видд. нъ тьхъ корьла кде обидоуче въ лъсе ли. выводаче избииша* НПЛ ст. л. 103 об.

Часть примеров, в которых -л-форма употребляется не в перфектном значении, приходится на этот тип контекстов, ср.: ИЛ л. 302 *и розьсла мл(с)тно по всеи земли и стада роздая оубогымь людемь. оу кого то конии нътоуть. и тьмь иже кто погibli в Телебузиноу рать* – ‘раздавал милостыню всем/любым/кто (ни) пострадал во время рати’.

2. Отдельную группу составляют контексты, в которых одиночная -л-форма употребляется в нарративной цепочке наряду с другими аористами и имперфектами. Место -л-формы в предложении, характер обозначаемого действия наводят на мысль о том, что в найденных контекстах она используется в качестве причастия прошедшего времени на -

¹ ИЛ – Ипатьевская летопись; НПЛ ст. и мл. – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов; ЛЛ – Лаврентьевская летопись.

ъш/-въш- в конструкциях типа «*вставь (и) рече*», подробно разобранных А.А. Потебней [Потебня 1888/1958: 188-197], ср.: НПЛ мл. л. 106 об. *В то же лѣто ходиша Корѣла на Ёмь, и отбѣжаша, 2 лоду избилѣ* – едва ли данное предложение следует понимать как ‘Корела ходили на Емь, и убежали, два судна перебили’. В таком случае получается непоследовательное изложение событий, т.к. в действительности сначала перебили судна, а потом убежали. Формами же аориста события обычно излагаются в той последовательности, в какой они происходили. Вероятнее, что имеется в виду следующее: ‘Корела ходили на Емь и убежали, перебив два судна’.

3. В ряде случаев *-л-*форма обозначает состояние, начавшееся до момента повествования и продолжающее длиться в момент описываемых событий, например: НПЛ мл. л. 215 об. *Того же лѣта ходиша новгородци въ Юрьевѣ, и розмѣнишася Нѣмци<...> на дружину их, что былѣ за моремъ у Свѣйскаго короля <...> приихаша в Новѣград вси здрави* – новгородцы обменяли пленных немцев на своих дружинников, которые ‘были находившимися’ вплоть до описываемого момента в плену у шведского короля. Отметим, что во всех рассматриваемых примерах значение *-л-*формы принципиально отлично от значения предпрошедшего, которое отмечается некоторыми исследователями у *-л-*форм. Так, рассматриваемый пример невозможно читать как ‘Новгородцы обменяли захваченных немцев на новгородцев, которые до этого были за морем у свейского короля’; захваченные дружинники, действительно, находились за морем до описываемых событий, но они продолжали там находиться и во время принятия решения об обмене. *-л-*форма в данном случае могла бы быть заменена на имперфект или причастие – формы, которые использовались для обозначения одновременности и продолжительности. Кажется, что логичнее всего объяснить *-л-*форму в анализируемых примерах ее причастным значением, ср.: ‘обменял на дружинников, находившихся за морем’.

Тот факт, что *-л-*формы в древнерусском могли функционировать как причастия на *-въш/-ъш-*, подтверждает материал других славянских языков, а также русские диалектные данные.

Славянским языкам в разной степени известны прилагательные, входящие к *-л-*причастиям, ср.: русск. *огрубелый, талый*, диал. *иззяблый, палый*; укр. *померлий, погаслий*, чешск. *zahynulý, rodilý*; польск. *okazały, niedosięgly*; словенск. *otekel, osirotel*.

Наконец, в болгарском языке *-л-*причастие употребляется не только в составе сложных глагольных форм, но и как причастие прошедшего времени. Такое использование *-л-*формы отражается уже в древнейших болгарских памятниках. Особое распространение это явление получило в памятниках 17 в., например, в дамаскинах, ср.: *и като нѣкои коги е уморенѣ*

о(т) дльгъ путь и прогортьль о(т) пекъ и ожьднтьль и наиде кладенць студень (Коприштенский дамаскин, 161) – ‘и как некто, кто есть уставший от долгого пути, **изжарившись** от жары и **страда**я жаждой, и нашел холодный источник’.

Если бы функции *-л-*формы ограничивались исключительно участием в образовании сложных времен, то обсуждаемые выше образования никогда бы не появились. По всей видимости, история *-л-*форм сложнее, чем принято считать. Учитывая летописный материал, а также инославянские данные, следует предположить, что в определенный момент *-л-*форма могла употребляться самостоятельно в качестве «обычного» причастия прошедшего времени.

Литература / References

1. *Пичхадзе А.А.* Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библиистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 462–480.
2. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
3. *Шевелева М.Н.* Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К.В. Горшковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 199–216.

Славянские переводческие предисловия в общеевропейском контексте раннего Средневековья

А.Л. Соломоновская

SLAVIC TRANSLATORS' PREFACES
IN EUROPEAN CONTEXT OF EARLY MIDDLE AGES

Anna A. Solomonovskaya

ABSTRACT

Translators' prefaces have been studied extensively, mostly as supporting materials for the attribution of a particular translation or the place and time of its accomplishment. Relatively recently, they have been studied as a paratext genre, predominantly in modern translations. Historical studies in the field have been rare, and cross-cultural historical ones are virtually absent. The focus of the paper presented are the prefaces to vernacular translations (or compilations) which appeared in the second half of the 9th century in three cultures – Old-Slavonic, Old High German and Old English. The results

of the research imply that the concerns of the translators and their approaches to translation were similar across the three cultures in question.

Keywords: translator's preface; *topoi*; Old-Slavonic, Old High German and Old English translations, Macedonian Folio, Constantine the Priest, Otfrid von Wessenburg, King Alfred

АННОТАЦИЯ

Переводческие предисловия достаточно часто изучались, главным образом, как дополнительный материал для атрибуции или определения места и времени перевода. Относительно недавно они стали изучаться как отдельный жанр паратекста, в основном, для современных переводов. Исторические исследования в этой области встречаются не так часто, а кросс-культурные фактически не проводились. В данном докладе анализируются предисловия к переводам (или компиляциям) на национальных языках, появившихся во второй половине IX века в трех культурах – старославянской, древневерхненемецкой и древнеанглийской. Сравнительный анализ выявил, что проблемы, стоявшие перед переводчиками и подходы к их решению были сходны в трех рассматриваемых культурах.

Ключевые слова: переводческое предисловие, *топосы*, старославянский, древневерхненемецкий, древнеанглийский, Македонский кириллический листок, Константин Пресвитер, Отфрид Вейсенбургский, король Альфред

Жанр переводческих предисловий или послесловий, являясь одной из разновидностей предисловия к переписанному, переведенному или опубликованному тексту, является одновременно и в высокой степени стандартизованным видом письменной речи, так как содержит традиционные "общие места" (например, *топос смирения*), и единственной возможностью для анонимного переводчика, переписчика или издателя "заявить о себе миру". Хотя такой индивидуалистский подход характерен скорее для Нового времени, уже в поздней античности и в Средние века переводчики вырывались за пределы сковывавших их условностей и оставляли после себя тексты, которые могут послужить источником биографического и исторического материала, свидетельствовать об идеологических и филологических спорах эпохи. Наряду с эпиграфом, послесловием, названием и некоторыми другими элементами, предисловия (в том числе и переводческие) относятся к так называемому "паратексту" – термин, введенный Ж. Женеттом в одноименной монографии. [Genette, 1987]. В качестве паратекста переводческие предисловия являются чем-то средним между авторским предисловием (в этом отношении показательно сравнение, которое приводит в одном из своих предисловий Иероним, утверждающий, что его случай напоминает ему о прологах к пьесам Теренция, в которых он отвечал на критику) и предисловием переписчика или издателя (в некоторых случаях, как например, в предисловиях Кэкстона к издаваемым им книгам, они сливаются в одно целое).

Переводческие предисловия довольно часто становятся предметом исследования филологов и историков языка, но скорее как вспомогательный материал, который позволяет точнее определить место и время того или иного перевода. В случае известных авторских предисловий они изучаются обычно в сопоставлении с переведенным текстом для выявления переводческих принципов и техник того или иного книжника. Переводческие предисловия как жанр в последнее время активно изучаются на современном материале (см., например, [Hosseinzadeh, 2015]), иногда (см., например, [Dearnley, 2016], [Rothschild, 1989], [Николаева, 2013]) подобные исследования выполняются на историческом материале, обычно одной переводческой традиции. Однако, поскольку европейское культурное пространство на протяжении поздней античности, средневековья, Ренессанса и Нового времени, было пронизано огромным количеством идеологических, политических и культурных «связующих нитей», представляется интересным кросс-культурное исследование переводческих предисловий того или иного периода, что и является предметом как ведущего диссертационного исследования, так (гораздо менее масштабно) данного доклада.

Материалом для исследования, отраженного в представленном докладе, послужили переводческие предисловия, написанные на протяжении IX века нашей эры в трех европейских переводческих школах того времени – славянской (представленной знаменитым Македонским кириллическим листком, Прогласом (пригласием) к Четвероевангелию, прозаическим предисловием к Учительному Евангелию и Азбучной молитвой Константина Пресвитера), древневерхненемецкой (комплекс предваряющих документов к «Евангельской гармонии» Отфрида Вейсенбургского) и древнеанглийской (три предисловия переводчика к приписываемым королю Альфреду переводам). Целью исследования было выявить то, как преломляются у этих книжников известные еще со времен Иеронима и его непосредственных предшественников, например, Евагрия Антиохийского, топосы переводческого предисловия.

В результате предварительного анализа как первоисточников, так и научной литературы, были выделены несколько элементов содержания переводческих предисловий, которые присутствуют почти в каждом или во многих из них. К таковым относятся: информация об адресате и/или заказчике перевода, информация об исходном тексте, рассуждения о языке-источнике и переводящем языке, обоснование или оправдание переводческих принципов, ответ на высказанную или предполагаемую критику в адрес переводчика, автобиографические сведения, топос смирения, мнение переводчика о своих предшественниках (либо о других вариантах перевода того же текста), информация о сложностях, с которыми столкнулся переводчик, заявление о дидактической, морализаторской

или просветительской направленности перевода (*bonum commune*), отражение теологических, политических или филологических споров данной эпохи, сведения об исторической обстановке, в которой осуществлялся труд книжника, обращение к последующим переписчикам и/или читателям, и, наконец, завершающая молитва.

Предисловия к переводным памятникам, возникшим у германских (англосаксов и тевтонцев) и славянских народов в середине и второй половине девятого века н.э. свидетельствуют о сходных проблемах, которые стояли перед переводчиками, и сходных же подходах к их решению. Автор Македонского кириллического листа (МКЛ), его младший современник Константин Преславский, Отфрид Вейсенбургский и король Альфред в своих предисловиях обосновывают необходимость перевода на национальные языки или сочинения оригинальных религиозных текстов и ставят свой перевод в более широкий культурный контекст, таким образом, присваивая культурный и символический капитал ранее обращенных в христианство народов. Это могут быть предшествующие или современные автору миссионерские проекты (Отфрид), ранее выполненные переводы Св. Писания (Альфред) или отсылки к церковным авторитетам, в частности, апостолу Павлу и его предполагаемому ученику (Псевдо-) Дионисию Ареопажиту, а также Кириллу Александрийскому (МКЛ). Авторы предисловий также более или менее детально описывают процесс перевода и/или формулируют свои переводческие принципы, а также указывают на конкретные проблемы, например, связанные с передачей рода имени существительного (Отфрид и МКЛ). В рассматриваемых предисловиях также содержатся такие топосы данного типа паратекста, как *captatio benevolentiae* и топос скромности, а также рассуждения о морально-этическом значении представляемого труда, в частности, апология учености.

Литература / References

1. *Николаева Н.Г.* Предисловие переводчика: жанр в жанре (на примере славянской традиции «Богословия» Иоанна Дамаскина // Теоллингвистика проучаванья словенских jezika / Београд, 2013. С. 439-452
2. *Dearnley E.* Translators and their Prologues in Medieval England / Cambridge: D. S. Brewer, 2016. 300 с.
3. *Genette G.* Paratexts. Thresholds of Interpretation / translated by J. Lewin, ed. R. Macksey. Cambridge University Press, 1997. 427 с.
4. *Hosseinzadeh M.* Translational Prefaces: A Narrative Analysis Model // International Journal of English Language, Literature and Translation Studies, 2015 Vol. 2 Issue 3 (July-Sept). С. 311-319
5. *Rotschild J.P.* Motivations et methods des traductions en Hébreu du Milieu du XII à la fin du XV siècle // Traduction et traducteurs au Moyen Âge. Actes du colloque international du CNRS, organisé à Paris, Institut de recherche et d'histoire des textes les 26-28 mai, 1986 (Textes réunis par Genevieve Constantine). – Paris, 1989. – P. 279-302.

«Русский, немец и поляк»: польские национальные стереотипы в прошлом и настоящем

О.Н. Спалек

„RUSSIANS, GERMANS, POLES”: POLISH NATIONAL STEREOTYPES
IN THE PAST AND PRESENT

Oksana N. Spalek

ABSTRACT:

The subject of this research is the analysis of Polish national stereotypes about Russians, Germans and Poles. We discover that stable beliefs conveyed by phraseological units often do not conform to modern stereotypes. The latter may change over the time, lose their importance and be replaced with new ones.

Keywords: linguistic view of the world; stereotype; autostereotype; horonym; ethnonym; phraseology; paroemia; Polish; sociological survey

АННОТАЦИЯ:

Предметом исследования данной статьи является изучение польских национальных стереотипов о русских, немцах и поляках. В ходе исследования было установлено, что устойчивые представления, отраженные во фразеологии, зачастую не совпадают с современными стереотипами. Последние же со временем могут претерпевать изменения, терять актуальность и замещаться новыми.

Ключевые слова: фразеология; этноним; хороним; автостереотип; стереотип; языковая картина мира; паремия; польский язык; социологический опрос

Язык определяет взаимоотношения человека с окружающим миром и служит своеобразным хранилищем стереотипов, основой возникновения которых послужили особенности культуры, вероисповедания и хозяйственной жизни определенной этнической группы. Стереотипы находят выражение во фразеологии. Польские фразеологические единицы (ФЕ) содержат автостереотипы, т.е. представление народа о самом себе, – и представления о ближайших соседях. Предлагаем рассмотреть стереотипы о поляках, русских и немцах, содержащиеся в польских ФЕ.

Во фразеологии поляки отличаются бесстрашием (*Nie wie Lach, co strach*, букв. «не знает лях, что такое страх»); умением справляться с любыми трудностями (*Polak potrafi*, букв. «поляк сможет»); верностью своему слову (*Polacy zawsze wiarę dźierzą*, букв. «поляки всегда веру (слово) держат»); умом (*Polska osłów nie rodzi*, букв. «Польша ослов не родит»); прямолинейностью (*U Polaka: co w sercu, to i na języku*, букв. «у поляка что в сердце, то и на языке»); патриотизмом (*Dobra Francja, chwalebna Hiszpania, bogate Niemcy, ale najlepsza Polska*, букв. «хороша Франция,

восхитительна Испания, богата Германия, но лучше всего Польша»). В то же время полякам во ФЕ свойственна неспособность к взаимопомощи и сотрудничеству (*Gdzie dwóch Polaków, tam trzy strony*, букв. «где двое поляков, там три мнения»); неумение довести дела до конца (*U Polaków zapal słomiany*, т.е. энтузиазм у поляков быстро появляется и быстро исчезает); склонность к пьянству (*Pijany jak Polak*, букв. «пьяный как поляк»).

В польских ФЕ отмечены такие черты немцев как глупость (*Glupi jak Niemiec*, букв. «глупый как немец»); аккуратность и элегантность (*Wystrzył się jak Niemczyk*, букв. «вырядился как немец», т.е. красиво оделся; *Akuratny jak Niemiec*, букв. «аккуратный как немец»). О немцах в польских ФЕ зафиксировано представление как о людях, занимающих высокое положение в обществе: *Niemcy pany, a Polacy bydło*, букв. «немцы – господа, а поляки – быдло». При этом из анализа ФЕ следует, что поляки относятся к немцам недружелюбно и с опаской: *Zgodą z Niemcami jak wilkom z baranami*, букв. «договор с немцами как волка с баранами».

В польских ФЕ распространено представление о России как о стране северной, холодной: *Ubrał się, jakby na Sybir miał jechać*, букв. «оделся, как будто в Сибирь собрался». Кроме того, Россия – страна, где нужно строго подчиняться действующему порядку: *Musi, to na Rusi*, букв. «должен – на Руси». Отмечаются такие черты русского народа как упрямство (*Uparty jak Moskal*, букв. «упрямый как москаль»); хитрость (*Chytry jak Rusek*, букв. «хитрый как русский»); лень (*Dźwigaj Moskala przez całą dzień na swoim grzbiecie, wieczorem będzie się skarżył, że jest znużony*, букв. «таскай москаля целый день на своем горбу, а вечером он будет жаловаться, что устал»). В современных лингвистических исследованиях был также отмечен ряд устойчивых выражений с прилагательным *ruski*, обладающим криминальной коннотацией: *ruska dolina*, букв. «русская долина», т.е. нападение с избиением, *ruska narkoza*, букв. «русский наркоз», т.е. резиновый молоток, *ruskie perfumy*, букв. «русские духи», т.е. газовый баллончик [Stępiak 1992: 489].

ФЕ чаще всего фиксирует давно сформировавшиеся стереотипы. Изменение общественно-политической ситуации, развитие или нарушение экономических и культурных связей неизбежно приводят к исчезновению некогда распространенных и появлению новых представлений о различных странах и народах. Для выявления современных стереотипов обратимся к последним социологическим исследованиям.

В ходе анкетирования, проведенного порталом «Polityka» в 2015, 2017 гг., главными чертами поляков респонденты назвали трудолюбие, гостеприимство, патриотичность, недовольство и неудовлетворенность

жизнью, дружелюбие, хозяйственность и умение решать любые проблемы, завистливость, лень, порядочность и ум, отсутствие культуры и любовь к алкоголю [Jacy jesteśmy? Polacy o sobie samych. Autoportret Polaka], [Sondaż Polityki: Jak Polacy postrzegają samych siebie?]. Данные результаты отчасти совпадают с данными, полученными в ходе анализа ФЕ – и во фразеологии, и в современных исследованиях были зафиксированы такие черты поляков как умение справляться с трудностями, ум, патриотичность и любовь к алкоголю.

Результаты соцопросов свидетельствуют в целом о положительной оценке немцев поляками. Типичному немцу, по мнению поляков, присуща уверенность в себе, бережливость, трудолюбие, высокий уровень культуры, патриотичность, вежливость, доброжелательность, эгоцентризм. Ни одна из перечисленных характеристик не была зафиксирована во фразеологии [Pewny siebie, oszczędny i pracowity - tak myślimy o...].

Социологи отмечают, что к российским властям поляки испытывают недоверие и страх, а Россию считают авторитарной страной. В то же время респонденты отмечают общность судьбы с простыми россиянами, культурную и ментальную близость [Польша – Россия. Социологический диагноз 2015]. Оценки личностных качеств россиян противоречивы и более разнообразны, чем стереотипы, выраженные во ФЕ: отмечается доброта, дружелюбие, открытость, гостеприимство россиян, но в то же время – их злость, жестокость, мстительность, склонность к пьянству [Omyła-Rudzka 2017].

Таким образом, устойчивые представления, отраженные во ФЕ, зачастую не совпадают с современными стереотипами. Последние же со временем могут претерпевать изменения, терять актуальность и замещаться новыми. Причиной подобных метаморфоз являются изменения в политической, экономической и культурной жизни общества.

Литература / References

1. Польша – Россия. Социологический диагноз 2015. – Варшава: Центр польско-российского диалога и взаимопонимания, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://cprdipl.pl/assets/media/Wydawnictwa/Raporty/Polsha_Rossiya_Socjologiczieskiy_dia_gnoz_2015.pdf Дата последнего обращения 24.08.2018.
2. Jacy jesteśmy? Polacy o sobie samych. Autoportret Polaka. [Электронный ресурс]. URL: https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/spoleczenstwo/1634443,1_jacy-jestesmy-polacy-o-sobie-samych.read Дата последнего обращения 28.08.2018 г.
3. Omyła-Rudzka M. Stosunek do innych narodów. // Komunikat z Badań. CBOS. 2017, № 21. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2017/K_021_17.PDF Дата последнего обращения 24.08.2018.
4. Pewny siebie, oszczędny i pracowity-tak myślimy o... [Электронный ресурс]. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/pewny-siebie-oszczedny-i-pracowity-tak-myslimy-o-6037578069607553a> Дата последнего обращения 28.08.2018 г.

5. Sondaż POLITYKI: Jak Polacy postrzegają samych siebie? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/spoleczenstwo/1714316,1,sondaz-polityki-jak-polacy-postrzegaja-samych-siebie.read>. Дата последнего обращения 28.08.2018 г.
6. *Ślepniak K.* Słownik tajemnych gwar przestępczych, London: Puls, 1992. 735 s.

Представленность белорусского и русского языков в двуязычных региональных СМИ Беларуси¹

А.Ю. Станкевич

PROPORTION OF BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES
IN BILINGUAL REGIONAL BELARUSIAN MASS-MEDIA

Alesia Yu. Stankevich

ABSTRACT:

Principles of language annotation and principles of dividing full-text database of regional Belarusian mass-media into Belarusian, Russian and mixed parts are described. *Keywords:* Linguistic database; regional newspapers; bilingual newspapers; mixed Belarusian-Russian text

АННОТАЦИЯ:

Описываются принципы разметки языка и принципы выделения русскоязычной, белорусскоязычной и смешанной частей полнотекстовой базы данных региональных белорусских СМИ

Ключевые слова: лингвистическая база данных; региональные газеты; двуязычные газеты; смешанный белорусско-русский текст

Исследование естественного взаимодействия белорусского и русского языков, а также исследование регионального (“белорусского”) варианта русского языка входит в круг задач, актуальных для языковой политики Республики Беларусь. Адекватным инструментом решения этих задач может стать полнотекстовая база данных региональных СМИ, созданная на базе аутентичных текстов. Первым ресурсом такого типа стал иллюстративный лингвистический корпус СМИ Гродненщины² [Иллюстративный 2017] (далее РМ(Г)). В настоящее время на основе

¹ Подготовлено в рамках проекта Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. (договор № А70-16 от 04.01.2016).

² Технология создания и направления использования ресурса описаны в [Рычкова, Станкевич 2017]; ресурс доступен в автономной версии [Иллюстративный 2017] и через интерфейс НКРЯ [Корпус региональной 2018].

электронных версий региональных СМИ Беларуси разрабатывается полнотекстовая база данных региональных СМИ (далее РМ(Б))³.

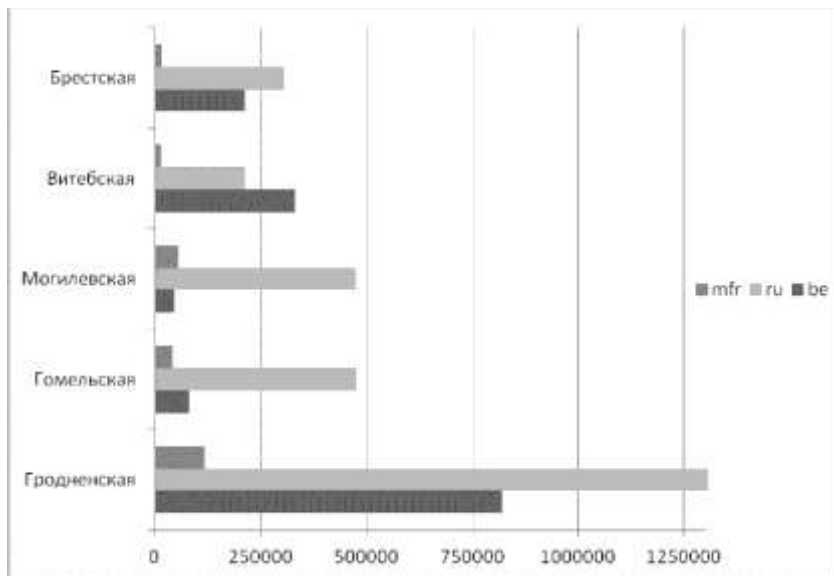
В изданиях, на базе которых создается РМ(Б), сосуществуют русскоязычные и белорусскоязычные тексты, а также тексты со вкраплениями (вставками на языке, отличными от языка основного текста). Вкрапления неславянских языков остаются за пределами нашего рассмотрения. Выявленные на материале РМ(Г) вкрапления типа “белорусское / польское в русском тексте”, “русское в белорусском тексте”, а также переходные случаи подробно описаны в [Рычкова, Станкевич 2014]. Там же рассмотрены пары “белорусское слово – адаптированный вариант”: *выцінанка – вытинанка, капліца – каплиця, Дажынкi – Дожинки* и т. п. Опыт показал, что наиболее частотными являются вкрапления типа “белорусское в русском тексте”.

При разработке как РМ(Г), так и РМ(Б) массив текстов автоматизированно делился на 3 части: русскоязычную, белорусскоязычную, смешанную. В РМ(Б) смешанная часть содержит тексты типа “белорусское в русском”, а также (с особой пометой) немногочисленные тексты, содержащие примеры так называемой “трасянки” (“*Я не люблю сядзец без дела,*” – *признается баба Феня* (“Жыццё Прыдзвіння”)) и единичные тексты, демонстрирующие влияние украинского или польского языка (*Колэсь, – разказываюць жанчыны, – прыстольны празднык був в нас 12 февраля на Трох Святэх* (“Зара над Бугам”); *Як сбродня (массавое уничтожение – авт.) та скончылася, то срод спаленных ржечей (вещей – авт.) довод особисты (паспорт – авт.) оцалел девчыны млодой 17 лет французскага походзэння.* (“Зара над Бугам”)).

Язык текста может отличаться от языка заголовка, поэтому в метаописание каждого текста введены теги *tlang* (язык текста) и *hlang* (язык заголовка) со значениями *ru* («русский»), *be* («белорусский»), *mr* («смешанный»). Отнесение к русскоязычной, белорусскоязычной или смешанной частям РМ(Б) производится по языку текста.

Общий объем РМ(Б) – 4,5 млн с/у; объем белорусскоязычной, русскоязычной и смешанной частей – 1,5 млн, 2,8 млн и 0,2 млн с/у соответственно; детализацию по областям см. на рисунке ниже:

³ В текущей версии РМ(Б) содержит тексты следующих изданий: «Астравецкая праўда», «Бераставіцкая газета», «Вечерний Гродно», «Воранаўская газета», «Дзеўскі край», «Перспектива», «Праца», «Свіслацкая газета» (издания Гродненской области); «Дняпровец», «Светлае жыццё», «Светлагорскія навіны», «Хойніцкія навіны» (издания Гомельской области); «Прыдняпроўская ніва», «Родная ніва» (издания Могилевской области); «Жыццё Прыдзвіння», «Герой працы» (издания Витебской области); «Зара над Бугам», «Навіны Камянецчыны» (издания Брестской области). Временной охват ресурса: 2012 год.

Литература / References

1. Рычкова Л.В., Станкевич А.Ю. Лингвистический корпус СМИ Гродненщины: технология создания, направления использования: монография / Под науч. ред. Л.В. Рычковой. Гродно: ГрГУ, 2017. 115 с.
2. Иллюстративный лингвистический корпус СМИ Гродненщины [Электронный ресурс] / Л.В. Рычкова [и др.]. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2017. 32,3 Мб
3. Корпус региональной и зарубежной прессы НКРЯ [Электронный ресурс] Москва: 2015–2018. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-regional.html>. Дата последнего обращения: 30.07.2018.
4. Рычкова Л.В., Станкевич А.Ю. «Диалог» языков на страницах СМИ Гродненщины // Актуальные проблемы теории дискурса. – Актуобинск: [Б. и.], 2014. – С. 51–61.

Феномен Бориса Пахора (к 105-летию со дня рождения писателя)¹

Н. Н. Старикова

THE PHENOMENON OF BORIS PAHOR
(ON THE 105 TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTH)

Nadezhda N. Starikova

ABSTRACT:

The report is devoted to the autobiographical aspects of the creative method of the outstanding Slovene writer, the representative of the Slovene national minority in Italy Boris Pahor.

Keywords: Slovenian literature; national minority; autobiographism

АННОТАЦИЯ:

Доклад посвящен автобиографическим аспектам творческого метода выдающегося словенского писателя, представителя словенского национального меньшинства в Италии Бориса Пахора.

Ключевые слова: словенская литература; национальное меньшинство; автобиографизм

Специфика геополитического положения исконно словенских территорий, оказавшихся объектом притязаний более могущественных соседей, стала одной из причин многовековой экспансии со стороны ряда европейских государств. Исторические катаклизмы, передел территорий, перенос границ привели к тому, что к середине XX в. этнические земли словенцев уменьшились почти на две трети. В 1954 г. согласно Лондонскому меморандуму Италии отошел город Триест, словенское национальное меньшинство которого обладало бесспорным общественным и культурным потенциалом. Как отмечает в своей статье «Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация» Г. П. Пилипенко, в 1980-гг. в Триесте проживало около 50 тысяч словенцев [Пилипенко 2015: 384]. Важным фактором сопротивления словенского населения ассимиляции стала литература на родном языке, в результате в настоящее время в Северной Италии живут и работают литераторы, успешно пишущие по-словенски: Б. Пахор, А. Ребула, М. Ко-

¹ Работа над докладом проводилась в рамках проекта ИСЛ РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018-2020 президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

шута, М. Кравос и др. Их творчество известно не только читателям диаспоры, но и востребовано на родине. Особое место в ряду словенских писателей Триеста занимает прозаик Борис Пахор (р. 1913), живая легенда национальной литературы, отметивший в этом году свой 105 день рождения. Словенец, родившийся в австро-венгерском многонациональном и мультикультурном Триесте, он пережил трех европейских диктаторов XX в.: Б.Муссолини, А.Гитлера и Й.Б.Тито. Мальчиком Борис видел, как сжигали словенский Народный дом в Триесте, как инородец на своей шкуре испытал притеснения со стороны фашистских властей Италии («Были упразднены уроки на словенском языке, запрещена деятельность всех словенских обществ и прессы, словенские фамилии официально заменялись итальянскими <...>. Использование словенского языка запретили даже на улице, о чем оповещали надписи в общественных местах» [Пахор 2011: С.3-4]). В 1940 г. будущий писатель был призван в армию Муссолини и отправлен в Абиссинию, после капитуляции Италии осенью 1943 г. вернулся в оккупированный немцами Триест, участвовал в подпольном антифашистском движении, в январе 1944 г. был арестован, попал в руки гестапо и отправлен сначала в Дахау, потом в концлагерь Нацвейлер-Штруггоф в Эльзасе, потом в Дора-Миттельбау, где собирали Фау-2. Ключевую роль в определении национальной самоидентификации молодого человека сыграло послевоенное знакомство с выдающимся словенским поэтом и крупным общественным деятелем Э. Коцбеком, который в своих рассказах (сборник «Страх и мужество», 1951) впервые обнажил всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, за что подвергся ostrakizmu и был отлучен коммунистами от публичной деятельности. Пахор публиковал статьи в его защиту в триестских периодических изданиях, в том числе на страницах учрежденного им словенскоязычного журнала «Залив» (1966-1990), ставшего в эпоху Тито «трибуной для открытого плюралистического диалога» [Jevnikar 2013: 39]. В 1975 г. совместно с А. Ребулой Пахор выпустил в Италии сборник «Эдвард Коцбек – свидетель нашего времени». Содержащееся в книге интервью, в котором опальный поэт предал гласности одну из «запретных» для социалистической системы тем – массового истребления коммунистами ополченцев-домобранцев в 1945 г., – получило в Словении широкий политический резонанс и въезд в СФРЮ был Пахору запрещен. После провозглашения независимости ситуация изменилась – в 1992 г. писателю была присуждена высшая государственная награда Словении в области культуры – премия Ф.Прешерна, он был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Лагерный опыт лег в основу автобиографического романа «Некрополь» (1967), который ставят в один ряд с произведениями А. Солженицына, П. Леви, Х. Семпруна и И. Кертеса. Роман посвящен «душам всех

тех, кто не вернулся» [Пахор 2011: 12], это одно из самых ярких литературных свидетельств о нацистской фабрике смерти времен Второй мировой войны в словенской прозе. Текст, написанный от первого лица, создан на стыке двух жанровых форм: романа-воспоминания и романа-исповеди. Спустя десятилетия человек, выживший в аду, приезжает на него посмотреть и начинает вспоминать. Воспоминания эти ужасающи. Лагерь Нацвейлер-Штрутгоф находился в Вогезах, на высоте почти 800 метров над уровнем моря. Теперь в Штрутгофе музей, ходят туристы, гиды, подгоняя их, рассказывают о жизни заключенных. Герой перебирает в памяти эпизоды прошлого, трагические судьбы погибших в застенках людей, страшные подробности лагерной жизни, где каждая мелочь имела значение. Как не упасть во время работы в каменоломне, как избежать газовой камеры, где отрабатывалась технология уничтожения и опробовались новые удушающие газы, как не стать сырьем для медицинских опытов. Память в подробностях восстанавливает эпизоды лагерной жизни, эти реминисценции перемежаются с размышлениями о природе нацизма, о философии смерти, о психологии страха. Это рассуждения эрудита, знающего труды Ф. Ницше, расовую теорию Х. Чемберлена, «Стихи о смерти» Ш. Бодлера. Выживший в аду не может избавиться от чувства вины. Существование бок о бок со смертью притупляет чувства. Кульминацией покаяния становится сцена «встречи» героя (то ли во сне, то ли в воображении) с обитателями тюремного барака. Под их неодобрительными взглядами он ищет оправдания в некогда содеянном – в том, что питался пайкой умерших: ухаживая за еще живыми, знал, кто будет следующим и ждал его смерти; в том, что выменял у доходяги хлеб на сигареты, а мог ведь просто подарить, и тогда тот умер бы счастливым; в том, что не спрашивал, чем бывала нагрета вода для душа, когда дым из труб крематория был особенно густ. Рассказ итальянского словенца о пережитом трогает не только искренностью интонации, но и тем, что не дает читателю забыть о том, как уязвима личность перед зверством истории. В контексте словенской литературной парадигмы творческая индивидуальность Пахора особенно уникальна, ибо его поэтика не связана с национальной литературной традицией, ориентирами для него служили итальянские неореалисты, прежде всего В. Пратолини, а также Э. Хемингуэй, Дж. Дос Пасос, У. Сароян.

Литература / References

1. Пахор Б. Некрополь. Любляна: УМсо; Москва: ГЛАСНОСТЬ, 2011. 256 с.
2. Пиллипенко Г. П. Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация // Славянский альманах 2015. Вып. 3–4. М.: Индрик, 2015. С.383-401.
3. Jevnikar M. Slovenski avtorji v Italiji. Trst: Ciljno začasno združenje Jezik – Lingua, 2013. 524 str.
4. Pahorjev zbornik: spomini, pogledi, gradivo / uredili Marija Pirjevec in Vera Ban-Tuta. Trst: Narodna in študijska knjižnica, 1993. 246 str.

5. *Rojc T.* Tako sem živel: stoletje Borisa Pahorja. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2013. 446 str.
6. *Zen A.* Boris Pahor. Biografija v slikah / Biografija per immagini. Trst: Mladika, 2006. 252 str.

Концепт «Коло» ‘круг’ в романе М. Кундеры «Книга смеха и забвения»

E.E. Стефанский

CONCEPT “KOLO” ‘CIRCLE’

IN THE NOVEL *THE BOOK OF LAUGHTER AND FORGETTING* BY M. KUNDERA

Eugene E. Stefanski

ABSTRACT

On the basis of the semiotics of the ancient Slavonic concept "kolo" 'circle', the poetics of M. Kundera's novel *The Book of Laughter and Forgetting* is explored. Thus, reinterpreting this semiotics, the author of the novel introduces the subject of personality suppression, individuality by the collective through the description of foot movements in dance, and for the female images from different parts of the novel the symbolism of the circle becomes an amulet.

Keywords: traditional culture of the Slavs; cultural concepts; semiotics of the circle; Milan Kundera

АННОТАЦИЯ

На основе семиотики древнейшего славянского концепта «kolo» ‘круг’ исследуется поэтика романа М.Кундеры «Книга смеха и забвения». Так, переосмысливая эту семиотику, автор романа через описание движений ног в танце «коло» вводит тему подавления личности, индивидуальности коллективом, а для женских образов из разных частей романа символика круга становится оберегом.

Ключевые слова: традиционная культура славян; культурные концепты; семиотика круга; Милан Кундера

«Книгу смеха и забвения» Милан Кундера назвал «романом в форме вариаций». Семь частей романа, которые сюжетно никак не связаны, объединяет лишь общность тем. Эта общность тем и стратегия вариаций в языковом плане основываются на пронизывающих художественный дискурс романа сквозных концептах, одним из которых является концепт «коло» ‘круг’.

К этому концепту в традиционной культуре апеллируют следующие реалии:

- во-первых, собственно изображения *круга*, символизирующие бесконечность, вечность;
- во-вторых, круговые танцы (*хоровод, хоро, коло*), отделяющие «свой» социум от «чужого»;
- в-третьих, круглые предметы с отверстием (*колесо, кольцо, венок, пояс*), выполнявшие функцию оберега;

- в-четвертых, *круговые движения* (связанные с танцем, обходом территории и т.п.);

- в-пятых, движения, описываемые глаголами *крутить* и *вертеть*.

В докладе подробно рассматривается семиотика данных реалий в традиционной народной культуре славян, которая актуализируется в романе М. Кундеры.

Так, в третьей части романа данный концепт актуализирован фрагментом, посвященным славянскому народному круговому танцу «коло». Он вводится через образ кругового танца, кроме того, к нему апеллируют такие лексемы, как *kolo* 'круговой танец, круг, колесо', *kruh* 'круг', *prsten* 'кольцо'.

Как отмечали В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, к концепту «можно апеллировать паралингвистическими средствами» [Карасик, Слышкин 2003: 53]. В художественном мире романа «Книга смеха и забвения» Кундера создает вводящее рассматриваемый концепт паралингвистическое средство, состоящее в описании движений ног в танце «коло». Рефреном повторяясь в романе, это описание каждый раз вводит не только тему танца «коло», но и тему подавления личности, индивидуальности коллективом. Таким же рефреном проходит через роман и тема детской невинности, рождаемая этими движениями.

Кундера апеллирует к концепту «Kolo» и через другие круглые предметы с отверстием, описывая «прекрасный *венок* тел», в котором поэт Поль Элюар соединился с молодыми прогрессивными чехами, и *отверстие* в потолке, сквозь которое поднимаются мадам Рафаэль со своими бездарными ученицами, что символизирует их перерождение.

Рассматриваемый концепт актуализируется в оригинальном тексте романа, кроме того, предложением *kolem* 'вокруг, около, возле'. Изображая ритуальный прием в почетные пионеры президента Чехословакии Гусака, Кундера рисует смешную и одновременно страшную в своей абсурдности картину обряда, в котором многократно реализована круговая символика:

«*Вокруг подиума (kolem pódia)* бродили призраки поверженных патристиков, а на нем стоял президент забвения с повязанным *на шею (kolem krku)* красным галстуком. Дети аплодировали и выкрикивали его имя» [Кундера 2003: 270].

В романе активно используется символика замыкания / размыкания круга, маркирующая изменения в составе микросоциума. Так происходит прием новых членов в кружок Барбары после очередной оргии, когда хозяйка виллы расставляет всех полукругом. В другой раз мы сталкиваемся с разомкнутым коло в момент ритуала похорон Пассера. На этот раз коло открывается, провожая в последний путь одного из участников со-

общества. С другой стороны, автор объясняет магическую силу круга замкнутостью, невозможностью возвращения в него. Так он изображает выход из коло на примере собственного исключения из компартии.

Для женских образов из разных частей романа символика круга становится оберегом. Так изображена во второй части романа Маркета, предстающая перед Карелом «в вечернем туалете, а это на их общем языке означало, что *на шее* у нее будут только *бусы*, а *талиа опоясана красной лентой* (bude mít jen *korále kolem krku a kolem pasu rudou sametovou šerpu*)» [Кундера 2003: 68]. Бусы вокруг шеи и лента вокруг талии, с одной стороны, оказываются реалистически точной деталью, подчеркивающей изысканность эротической жизни супругов, а с другой, – символами, ритуально маркирующими отсутствие наготы у Маркеты и тем самым передающими ее внутреннюю чистоту.

Таким же оберегом, символом чистоты и естественности становятся бусы в портрете провинциалки Кристины из пятой части романа, приехавшей в Прагу на свидание к полюбившему ее студенту.

Образ кольца, зажатого во рту, становится постоянной деталью, сопровождающей Тамину, выполняя роль ее своеобразного оберега. Автор называет это кольцо «камертоном тишины» для Тамины.

Таким образом, используя древнейшую семиотику круга, Кундера активно переосмысляет ее, применяя к современной культуре и социальной символике.

Литература / References

1. Балалыкина Э.А. К истории слов, восходящих к и.е. *kel-*kol в русском и польском языке // История русского языка. Лексикология и грамматика / Науч. ред. и сост. Г. А. Николаев. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. С. 2–27.
2. Гура А.В. Семантика и функции круга в тексте свадебного обряда // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 90–93.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психоллингвистики: Сборник статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 50–57.
4. Кундера М. Книга смеха и забвения / Пер. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2003. 336 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 томах. М.: Международные отношения, 1999–2012.
6. Kundera M. Kniha smíchu a záměnění. Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1981. 254 s.

Жанр жития новомучеников и исповедников в современной русской литературе: анализ двух вариантов жития священномученика Романа Медведа

Е.В. Суровцева

GENRE OF HOLY LIVES OF THE MARTYRS AND CONFESSORS IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE: ANALYSIS OF TWO VARIANTS OF THE HOLY LIFE OF CONFESSOR ROMAN MEDVED’.

Ekaterina V. Surovtseva

ABSTRACT:

We raise the problem of literary analysis of Russian holy lives of the XVIII – early XXI centuries, in particular – the holy lives of new martyrs and confessors. Tradition and innovation in the creation of modern holy lives will help to identify a comparison of different versions of life, in particular – brief and full life of confessor Roman Medved’ (both texts belong to Damascus Orlovsky). We analyze the differences of these options (episodes, quotes, number of tokens).

Keywords: holy life; holy life of new martyrs and confessors; modern Russian literature; genre.

АННОТАЦИЯ:

Нами ставится проблема литературоведческого анализа русских житий XVIII – начала XXI веков, в частности – жития новомучеников и священоисповедников. Традиции и новаторство в создании современных житий поможет выявить сопоставление разных вариантов жития, в частности – краткого и полного жития священоисповедника Романа Медведа (оба текста принадлежат Дамаскину Орловскому). Нами анализируются различия этих вариантов (эпизоды, цитаты, количество лексем).

Ключевые слова: житие; житие новомучеников и священоисповедников; современная русская литература; жанр.

Одной из наименее изученных проблем современного литературоведения является функционирование житийного жанра в русской литературе XVIII – начала XXI веков. Впрочем, житиям новомучеников «повезло» больше – они уже стали объектом анализа словесников. Одним из аспектов изучения жанра жития – в частности, такой его разновидности, как житие новомучеников и исповедников – можно считать сопоставление разных вариантов жития одного и того же святого, что поможет прояснить специфику бытования жанра на современном этапе.

Для начала определимся с тем, что такое исповедничество. Исповедники – это «сонм святых, прославляемых Церковью за открытое исповедание во время гонений своей веры во Христа и в Его истинное учение; к числу И. причислялись те христиане, которые, претерпев мучения, остались в отличие от мучеников в живых и умерли позже естественной смертью. В Православии И. из числа священнослужителей называют священноисповедниками, из числа монахов – преподобноисповедниками» [Житийная литература 2008: 605].

На настоящий момент нам известны два варианта жития священноисповедника Романа (Медведя) (1874–1937), составленные одним и тем же автором – игуменом Дамаскиным (Орловским). Одно из житий – краткое [Игумен Дамаскин (Орловский) 2003], второе – полное [Игумен Дамаскин (Орловский) 2006].

Оба жития подробно воссоздают жизненный путь исповедника. Разбиение текстов на эпизоды и их сопоставление показывают, какие эпизоды не вошли в краткое житие. Так, в краткое житие не включены некоторые эпизоды молодости Р. Медведя, а его мытарства в северном концлагере описаны одинаково подробно в обоих житиях. Это можно объяснить тем, что это наиболее значимый период в жизни священноисповедника. В некоторых случаях мы видим даже некоторые фактические расхождения между житиями, объяснить которые мы пока не можем. Например, в кратком житии первый арест Р. Медведя относится к 1919 г., о нём сообщается, что во время одного из допросов его допрашивал сам Дзержинский и предложил уехать на родину. В полном житии первый арест священноисповедника относится к 1918 г. и уточняется, что арест последовал по доносу уволенного секретаря Братства союза ревнителй и проповедников православия. Отец Роман был вызван к Уполномоченному ВЧК Заковскому. Анализируя количество эпизодов и цитат в обоих вариантах жития, мы получаем следующую картину: в полном житии 62 эпизода и 75 цитат, из них 10 эпизодов и 23 цитаты принадлежат только полному житию. Краткое житие насчитывает примерно 3400 лемм считая цитаты и 1300 лемм без цитат, полное – примерно 4300 лемм считая цитаты и 1600 без цитат. (Данные получены с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», разработанной в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова). Таким образом, мы получаем объективные данные о доле цитат в текстах.

На основании исследований, подобных только что представленному, мы можем сделать предварительные выводы об особенностях функционирования современных житий. Сопоставительный анализ эпизодов позволяет судить о том, какие из них входят и в краткий, и в полный вариант

жития, а какие – только в полный. На наш взгляд, самые значимые и важные для понимания сущности подвига святого входят в оба жития, менее важные в краткое житие могут не входить. Рассмотрение цитатного потенциала текстов даёт представление об архивных документах, на основании которых составлены жития.

Работа в данном направлении будет продолжена, выводы уточнены.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Житийная литература [Коллектив авторов] // Православная энциклопедия / Под редакцией Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Том 19. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия», 2008. С. 283–345.
2. *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Житие священноисповедника Романа (Медведя). 1874–1937. Тверь: Булат, 2006. 120 с.
3. *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Священноисповедник Роман (Медведь) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 т. Т. 2. Тверь: Булат, 2003. С. 184–248.

Преподавание болгарского языка в вузах России в XXI в. как база подготовки нового поколения переводчиков-болгаристов

Е.В. Тимонина

TEACHING BULGARIAN AT RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE XXITH CENTURY AS A BASE FOR THE PREPARATION OF A NEW GENERATION OF TRANSLATORS

Elena V. Timonina

ABSTRACT:

The artistic translation of modern Bulgarian literature into Russian is an important tool of bringing together Bulgarian and Russian cultural worlds in today's difficult geopolitical situation. The effectiveness of this resource depends on the professionalism, preparedness and enthusiasm of the translators, who are and will graduate from Russian universities and mainly from the Slavic department at the Philological faculty of the M.Lomonosov Moscow State University.

Keywords: artistic translation; teaching; Bulgarian; student translation competition.

АННОТАЦИЯ:

Художественный перевод произведений современной болгарской литературы на русский язык – важное средство сближения болгарского и русского культурных миров в сегодняшней сложной геополитической ситуации. Действенность этого средства зависит от профессионализма, подготовленности и энтузиазма переводчиков-болгаристов, которых готовят российские вузы и прежде всего славянское отделение филологического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова.

Ключевые слова: художественный перевод; преподавание; болгарский; студенческий конкурс перевода

Интенсивность политических, экономических, культурных контактов между Россией и Болгарией в XXI в. непостоянна [Межгосударственные... 2018]. Отношения между государствами должны выстраиваться обдуманно и профессионально [Страны ... 2016]. И для этого нужны болгаристы, владеющие языком, хорошо знающие Болгарию, ее историю, культуру.

Специалисты со знанием болгарского языка в России всегда относились к категории редких. Но если в СССР их готовили на специализированных отделениях славянской филологии филологических факультетов крупнейших вузов страны (а в МГУ им. Ломоносова также на экономическом факультете, факультете журналистики и др.), то после распада СССР полный цикл всесторонней подготовки болгаристов сохранился лишь на филологических факультетах МГУ им. Ломоносова и СПбГУ, а преподавание болгарского языка в практическом аспекте – в немногих вузах, например, МГИМО.

Не во всех вузах России, где преподается болгарский язык, есть специальные занятия по теории и практике перевода для дальнейшей работы на материале болгарского языка. Это связано с продолжительностью и целью изучения болгарского языка. Такие занятия связаны с основной специальностью: например, специфика дипломатического перевода в МГИМО. И только подготовка филолога-болгариста дает возможность познакомить студентов, как это и происходит на славянском отделении филологического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова, с разными направлениями переводческой деятельности.

Первый этап обучения художественному переводу предполагает «выход» студента за рамки учебного перевода, понимание необходимости привлекать знание истории, культуры, литературы Болгарии, болгарской диалектологии и стилистики, использовать личный страноведческий опыт. Следующий этап – осознание студентом своей роли не только как переводчика (кем-то предложенного текста), но и как человека, способного выбрать произведения, достойно представляющие болгарскую литературу на мировом уровне и интересные российскому читателю, т.е. как человека, сближающего два культурных мира – болгарский и русский.

Для начинающего переводчика очень важен взгляд «со стороны» - аргументированное мнение опытного специалиста. Поэтому болгаристы двух факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова – филологического факультета и факультета иностранных языков и регионоведения – с 2001 г. проводят студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский. В нем участвуют студенты разных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, МГИМО, Академии славянской культуры, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,

Брянского государственного университета, Юго-Западного федерального университета (г. Курск), Саранского научно-исследовательского университета. Для обязательного перевода предлагаются 1 или 2 рассказа болгарских авторов, чье творчество заслужило признание и болгарских читателей, и литературоведов и критиков. Посольство Республики Болгария в РФ и Министерство науки и образования Болгарии награждает победителя конкурса поездкой на летнюю языковую школу в Софийский университет им. Св.Климента Охридского. В 2018 г. организаторы конкурса разрешили участвовать в нем тем, кто изучает болгарский язык самостоятельно или на языковых курсах.

В 2013 и 2018 гг. Литературный институт им. М. Горького (Москва) при участии Российского союза писателей, Союза писателей Болгарии и Союза переводчиков Болгарии и при поддержке Посольства Республики Болгария в РФ и филологического факультета МГУ им.М.В. Ломоносова провели конкурсы молодых русских и болгарских литераторов и переводчиков, посвященные 135-летию и 140-летию Освобождения Болгарии от турецкого рабства. Из пяти разных по объему и жанру, но общих по тематике рассказов писателей-победителей каждый молодой переводчик сам выбирал для перевода одно произведение. Для победителей конкурса болгарская сторона организовала недельный семинар в Камчии (Болгария).

Проведение конкурсов важно для формирования нового поколения российских переводчиков болгарской художественной литературы. Поколения, которое формируется после более чем 20-летнего практически полного отсутствия профессиональных переводов болгарской литературы на русский язык, о чем говорилось в 2016 г. на Первом российско-болгарском семинаре Школы молодого переводчика «Россия-Болгария» [Мельникова 2016], организованном Институтом перевода (Россия) и Российской библиотекой иностранной литературы при поддержке Посольства Республики Болгария и филологического факультета МГУ им.М.В. Ломоносова. В нем участвовали представители Софийского университета им. Св. Климента Охридского, Велико-Тырновского университета им. Св.Св. Кирилла и Мефодия и Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, а также студенты, аспиранты и преподаватели из Москвы, Санкт-Петербурга, Курска.

Много переводов делается «в стол», но есть и серьезные успехи: переведенный на многие языки роман Георги Господинова (одной из ключевых фигур литературного процесса современной Болгарии, по мнению российского журнала «Иностранная литература», первым издавшего перевод этого произведения) «Естественный роман» («Естествен роман») вышел на русском языке в переводе выпускницы филологического факультета МГУ Марии Ширяевой, повесть Виктора Паскова «Незрелые

убийства» («Неврѣстни убијства») в сборнике «Детские истории взрослого человека» представлена российскому читателю в серии «Новый болгарский роман» (совместный проект Российской библиотеки иностранной литературы и Болгарского культурного института при поддержке Министерства культуры Болгарии) в переводе выпускницы филологического факультета МГУ Антонины Тверицкой. Высокий уровень этих переводов оценен уважаемыми издательствами и читателями.

Литература / References

1. Мельникова И.Ю. Русско-болгарские переводы. История и перспективы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященных памяти Надежды Васильевны Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 54. 136 с.
2. Страны Центрально-Восточной Европы: влияние новых геополитических факторов на экономическое развитие и отношения с Россией: Коллективная монография / Отв. ред. И.И. Орлик, д.и.н., проф., Н.В. Куликова, к.г.н. М.: Институт экономики РАН, 2016. 340 с. [Электронный ресурс.] URL: https://inecon.org/docs/2017/CEE_Orlik_2016.pdf. Дата последнего обращения: 10.07.2018.
3. Межгосударственные отношения России и Болгарии. [Электронный ресурс.] URL: <https://ria.ru/spravka/20180522/1520751487.html>. Дата последнего обращения 28.05.2018.

Иво Андрич и Россия

Бранко Тошович

IVO ANDRICH AND RUSSIA

Branko Toshovich

ABSTRACT:

The essay discusses the following issues: Andrić's attitude toward Russia, his stay in the Soviet Union, the influence of Yugoslav-Soviet political relations on the interaction between Andrić and the USSR, Andrić's texts on Russia, Russian themes in his works, his protagonists associated with Russia, Russian places in his texts, Andrić on Russian writers and Russian literature, Russian writers on Andrić, Russian reviews of him (in monographs, collections, articles, forewords, afterwords, overviews, reviews, reports, letters, etc.), translations of his work into Russian language (novels, history, short stories, and essays), Andrić's correspondence with Russian writers, translators of his works and publishing houses, staging of his texts, as well as the nature and complexity of the study of this topics, and similar.

Keywords: Ivo Andrić; Russia; USSR; writer; Russian; Serbian; Yugoslav; literature

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматриваются следующие вопросы: отношение Андрича к России, его пребывание в Советском Союзе, влияние югославо-советских политических отношений на взаимодействие Андрич ↔ СССР, тексты Андрича о России,

русские мотивы в его произведениях, его персонажи, связанные с Россией, русские просторы в этих текстах, Андрич о русских писателях и о русской литературе, русские писатели о Андриче, русская критика о нем (в монографиях, сборниках, статьях, предисловиях, послесловиях, обзорах, рецензиях, отзывах, письмах...), перевод его произведений (романов, повестей, рассказов и очерков) на русский язык, переписка Андрича с русскими писателями, переводчиками и издательствами, театрализация его текстов, характер и уровень исследований данной темы.

Ключевые слова: Иво Андрич; Россия; СССР; писатель; русский; сербский; югославский; литература

Взаимосвязи Иво Андрича (1892–1975) и России были разнообразными. Его отношение к ней в молодости было более-менее нейтральным, после Октябрьской революции сдержанным, а после 1945 г. положительным. Андрич обладал определенным знанием русского языка, читал тексты на русском языке, делал выписки из произведений русских писателей. Он был в России в 1946 г. (посетил Москву, Ленинград и Сталинград), в 1947 (в Баку участвовал в торжествах, посвященных 800-летию со дня рождения поэта Низами) и в 1956 (когда ездил в Китай).

На русском языке опубликованы четыре его романа: „Мост на Дрине“, „Травницкая хроника“, „Проклятый двор“, „Барышня“ и большинство рассказов – более 40 (из около 120). Андрич написал три очерка, связанных с Россией: „Двадцатый октябрь в Белграде“, „Моя первая встреча с М. Горьким“, „Впечатления о Сталинграде“. Среди русских мотивов в его произведениях выделяется Россия как страна и пространство, русский фронт, (мало)русская граница/линия, русская равнина, русская сабля, русская политика, русский холод (снег), (мало)русские песни, русские хаотичные стремления, русский байонет. Персонажи, связанные так или иначе с Россией, можно разделить на (а) коллективные (русские как народ, русские войска, русская армия, русские отряды, русские офицеры, русские заключенные, русские чиновники) и (б) индивидуальные: (русский консул в Которе и Травнике, Федор в романе „Мост на Дрине“ и др.). Среди русских просторов выделяются Сибирь, Москва, Петербург, Кавказ.

Андрич неоднократно высказывался о ряде русских писателях и о русской литературе. Заметное влияние оказал на него Ф.М. Достоевский. Русскую критику о Андриче (в форме монографий, сборников, статей, предисловий, послесловий, обзоров, отзывов, информации) можно разделить на три периода: а) до второй мировой войны, б) после второй мировой войны, в) после получения Нобелевского премии в 1961 г.

Андрич вел переписку с рядом русских писателей, переводчиками его произведений и издательствами.

Литература / References

1. *Кириллова О. Л.* Творчество Иво Андрича: миф, фольклор, история, литература. Симпозиум к 100-летию со дня рождения писателя. Тезисы и материалы / (редактор-составитель). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992. 112 с.
2. *Кириллова О. Л.* Между мифом и игрой: о поэтике Андрича. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1992. 122 с.
3. *Лихачёва Л. П.* (сост.) Иво Андрич: Библиографический указатель / Автор вступит. ст. Р. Ф. Доронина; отв. ред. М. Богданов. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы. М.: Книга, 1974. 127 с. [Серия Писатели зарубежных стран]
4. *Kirilova O.* Stvaralaštvo Ive Andrića u SSSR // Sveske Zadužbine Ive Andrića. Beograd, 1986. God. 5, br. 4. S. 287–291.
5. *Vuletić V.* Ivo Andrić na ruskom jeziku // Nedeljković D. (gl. i odg. ur.). Delo Ive Andrića u kontekstu evropske književnosti i kulture: Zbornik radova sa međunarodnog naučnog skupa održanog u Beogradu od 26. do 28. maja 1980. Beograd: Zadužbina Ive Anrića, 1981. S. 865–884.

«Рассказы о Ленине» М.М. Зощенко как источник анекдотов

М. Трендович

“STORIES ABOUT LENIN” BY MIKHAIL ZOSHCHENKO AS A SOURCE OF JOKES

M. Trendowicz

ABSTRACT:

Article presents M. Zoshchenko's book “Stories about Lenin” as a source of jokes about the leader of the world proletariat. It contains examples of jokes based on stories included in the volume.

Keywords: joke; Mikhail Zoshchenko; Vladimir Lenin; speech genre; humor

АННОТАЦИЯ:

В сообщении рассматривается сборник «Рассказы о Ленине» М.М. Зощенко как источник порождения анекдотов о вожде мирового пролетариата. Приводятся и рассматриваются примеры анекдотов, опирающихся на конкретные тексты, входящие в состав сборника.

Ключевые слова: анекдот; М.М. Зощенко; В.И. Ленин; речевой жанр; юмор

Набор отдельных речевых жанров в разных языках, по словам А. Вежицкой, может быть разным, поскольку именно в речевых жанрах отражаются культурные ценности данного языкового социума [Вежицка 1997]. Многие исследователи отмечают, что анекдот является жанром, характерным для русского лингвокультурного пространства [Дементьев 2010]. Под термином *анекдот* в настоящем сообщении подразумевается, вслед за Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелевым, «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям

русского языка» [Шмелева, Шмелев 2002: 20]. Как вытекает из вышеприведенного толкования, для речевого жанра характерными являются: устная форма бытования, фиктивность представляемых событий, направленность на комический эффект и постоянный набор действующих персонажей. Среди других отличительных черт анекдота следует перечислить: вариативность (т.е. функционирование нескольких разновидностей одного и того же анекдота, нередко в рамках разных серий), анонимность (имеется в виду отсутствие возможности установления автора анекдота, что связано в устной форме бытования жанра) и объединение анекдотов в тематические серии, связанные с выступающими в них персонажами.

Первые анекдоты про Ленина, как утверждает М.А. Мельниченко, возникли во время гражданской войны, однако резкое увеличение количества текстов связано с процессом мифологизации образа В.И. Ленина, начавшемся после XX съезда КПСС в 1956 г., на котором Н.С. Хрущев выступил с докладом, посвященным осуждению культа личности И.В. Сталина [Мельниченко]. Несколько лет раньше, в 1940 г. писателем М.М. Зощенко (1894-1958) был написан цикл коротких рассказов для детей дошкольного возраста, в котором описывались различные факты из жизни вождя мирового пролетариата.

Из шестнадцати рассказов, входящих в сборник, нам удалось обнаружить анекдоты, обыгрывающие шесть из них. В рассказе «Графин», открывающим сборник, речь идет о случае из детства Ленина, когда тот случайно разбил хрустальный графин. Сначала он не признался, но после двух месяцев рассказал маме всю правду. В возникшем на основе данного рассказа анекдоте повторяется история с разбитым Лениным графином, но окончание является совсем иным («И не только не побоялся в этом признаться, но и хозяйку обматерил и дочке ее синяк поставил»).

Существует несколько вариантов анекдота, основанного на рассказе «Как Ленин бросил курить». В анекдоте обыгрывается не железная воля вождя, о которой речь идет в рассказе, только выполнение им данных обещаний («Однажды в детстве мама поймала Ленина с папиросой. Он дал обещание не курить, потом он давал еще много разных обещаний рабочим и крестьянам, но выполнил только первое»).

В рассказе «Чернильница из хлеба» представлены события из пребывания Лениным в царской тюрьме. С целью продолжения работы над книгой «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин вместо чернил использовал молоко, зато чернильницы делал из хлеба, которые, в случае проверки, съедал. В обнаруженном анекдоте обыгрывается хитрость Ленина («В тюрьме Ленин сделал из хлеба чернильницу, из молока чернила, а из соседа по камере Н. Крупскую»). Однако следует отметить, что с рассказом связан еще один анекдот, в котором события представлены по-

другому («Ленин подговорил надзирателя, чтоб тот ему хлебный мякиш и молоко приносил, якобы письма писать. Тем и жил»).

В рассказе «Как Ленину пытались подарить рыбу» (в других изданиях: «О том, как Ленину подарили рыбу») рассказывается история, как в голодное время управляющий рыбным делом из Петрограда хотел подарить вождю копченую рыбу. Однако В.И. Ленин отказался и распорядился, чтобы отправить ее в детский дом. В обнаруженных нами анекдотах повторяется история, представленная в рассказе (иногда с изменениями: вместо рыбака из Петрограда выступают ходоки из Сибири, вместо рыбы – состав с колбасой), однако Ленин, узнав, сколько ходоки или состав добирался с продуктами, требует отдать несвежие продукты детям («<...> – Таакк... А сколько же, любезнейший, сей состав шел? – Три месяца, Владимир Ильич! – Детям, детям, детям!!!»). Вышеприведенный анекдот (и его другие варианты), в отличие от предыдущих, принадлежит к диалогическому типу, поскольку в нем выступают реплики персонажей (Ленина и секретаря или ходоков). В некоторых вариантах данного анекдота используются языковые маски, позволяющие легко узнать персонажа анекдота (у Ленина это грассирование, типичные обращения *батенька, любезнейший* – ср. «Хмммм... И с чем же, батенька, состав?» и «И долго ли вы, товагищи, до Питега из этой вашей Сибири добигались?»).

Все вышеприведенные анекдоты, хотя опираются на тексты отдельных рассказов М.М. Зощенко, для их понимания и возникновения комического эффекта не требуют знакомства с первоисточником. Примером анекдота, требующим знакомства с рассказом, на котором он основан, для его понимания, является анекдот, опирающийся на рассказ «Ленин и печник»: «Как-то стала у Ленина нещадно дымить печка. Ну он пошел в поле стал туда-сюда ходить, топтать пшеницу. Час ходил, два – печник так и не появился». Ситуация, представленная в вышеприведенном анекдоте, непосредственно относится к тексту рассказа, в котором речь идет о нескольких встречах Ленина с печником Бендериним, в том числе – о встрече в поле, когда печник, не узнав Ленина, отнесся к нему грубо. В анекдоте обыгрывается именно встреча Ленина с печником в поле.

Сделанные наблюдения позволяют подвести предварительные итоги. «Рассказы о Ленине» М.М. Зощенко и представленные в них события являются непосредственным источником нескольких анекдотов про Ленина. Все обнаруженные тексты принадлежат к числу ситуационных анекдотов, в которых комический эффект строится на основе нелепости ситуации, представленной в анекдоте, в отличие от языковых анекдотов, в основе которых лежит языковой комизм (игра слов) [Санников 1999].

Почти все тексты, за исключением анекдотов, связанных с рассказом «О том, как Ленину пытались подарить рыбу», принадлежат к числу монологических анекдотов, в которых не выступают реплики персонажей. В диалогических анекдотах о Ленине присутствуют типичные для данного персонажа языковые маски (грассирование, характерные обращения). Большинство приведенных примеров не требует предварительного ознакомления с текстом сборника, хотя все они относятся к ситуациям, представленным в отдельных рассказах. Исключением является анекдот про Ленина и печника, который может быть непонятным для слушателя без ассоциации с одноименным рассказом.

Литература / References

1. *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи / Отв. ред. В.Е. Гольдин. Саратов: Колледж, 1999. С. 99-113.
2. *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. 600 с.
3. *Зоценко М.М.* Рассказы о Ленине. Москва: Детская литература, 1984. 64 с.
4. *Мельниченко И.А.* Анекдоты о Ленине [Электронный ресурс.] URL: www.polit.ru/article/2007/04/22/anekdoty. Дата последнего обращения 25.08.2018.
5. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
6. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

Сербский перевод повести С. Довлатова «Заповедник» как материал для практических занятий по переводу

Г.П.Тыртова

SERBIAN TRANSLATION OF S. DOVLATOV'S NOVEL «PUSHKIN HILLS»
AS STUDY MATERIALS FOR TRANSLATION CLASSES

Galina P. Tyrtova

ABSTRACT:

The author considers the translation of the novel «Pushkin Hills» into Serbian as study materials for the literary translation class. In particular, the extracts from the Serbian text are of use when studying lexico-grammatical transformations and realia.

Keywords: literary translation; transformation; realia; literal translation

АННОТАЦИЯ:

Автор рассматривает перевод повести С.Довлатова «Заповедник» на сербский язык в качестве одного из пособий, используемых на занятиях по художественному переводу. В частности, отрывки из сербского текста могут быть полезны

при изучении таких тем, как лексико-грамматические трансформации и реалии при переводе.

Ключевые слова: художественный перевод; трансформации; реалии; буквальный перевод

Художественный перевод – сложный и многогранный творческий процесс. Обучение этому виду перевода требует особого подхода и отдельных занятий, на которых учащиеся знакомятся с «секретами мастерства». На аудиторных языковых занятиях студент приобретает навыки лишь учебного перевода, и, начиная заниматься переводом художественным, он не всегда может справиться со всеми его особенностями, понять авторский замысел и чаще всего предлагает буквальный перевод. Задача преподавателя – научить студента разного рода операциям, применение которых даёт переводческий эквивалент. Одна из форм процесса обучения – анализ уже опубликованного перевода, выполненного профессиональным переводчиком. Для студентов-сербистов «учебным пособием» может служить перевод повести С.Довлатова «Заповедник» на сербский язык. В нём немало удачных фрагментов (переводчица Р. Мечанин), которые необходимо отметить на занятиях, но не менее полезен разбор недочётов и их причин. Это поможет студенту избежать подобных ошибок, понять, почему они мешают воспроизвести коммуникативный эффект оригинала «с поправкой на различия между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер 1988: 205].

Перевод довлатовской повести даёт немало примеров, которые можно использовать при изучении таких тем, как лексико-грамматические трансформации и советизмы. Например:

Сотрудничает в этом...ну ... «Континентале». Типа радио «Свобода»... Литературным власовцем заделался не хуже Солженицына.

Sarađuje u tom...pa...Kontinentalu. Tipa radio „Sloboda“...Postaje književni vlasovac, ništa gori od Solženjicina.

Переводчица транскрибирует слово **власовец**, не предлагая никаких объяснений. Но этот советизм, известный лишь специалистам или людям старшего поколения, вряд ли знаком другим представителям сербской культуры. Возможное решение – использовать генерализирующую трансформацию, употребив слово *izdajnik* (предатель). При таком подходе перевод теряет часть колорита, но употребление слова с более общим значением передаёт предметное содержание реалии, что делает текст полностью понятным для читателя перевода.

Анализ ряда фрагментов учит диалектике в переводе, объясняет возможность разного подхода к передаче определённых явлений:

Заговорили обо мне. Кто-то из общих знакомых сказал:

– Он в Таллине.

Ему возразили:

– *Нет, уже год, как в Ленинграде.*

– *А я слышал, что в Риге у Красильникова*

Poveo se razgovor o meni. Neko od zajedničkih poznanika je rekao:

– *On je u Talinu.*

Uzvratili su mi:

– *Nije, već godinu dana je u Lenjingradu.*

– *А ја сам чуо да је у Риги, код Красилјникова.*

Фамилия Красильникова, малоизвестного широкой публике персонажа, в повести больше не встречается. Если переводчик полагает, что для характеристики героя важно упоминание Красильникова, поскольку это был поэт, диссидент, отсидевший в тюрьме за антисоветскую деятельность и работавший потом экскурсоводом в Риге, а герой не побоялся связи с ним, то нужна пространная ссылка. Если же считать, что сам Довлатов не вкладывал в текст такого смысла (упомянув фамилию Красильникова, он ничего не сообщает о нём; приведённую выше информацию можно узнать лишь из послетекстового комментария к русскому изданию повести), значит, этот факт не важен для более глубокого понимания содержания. В этом случае допустима даже трансформация опущения (т.н. нулевой перевод), которую можно оправдать тем, что повесть до предела насыщена именами собственными, а мозаика из неизвестных имён может мешать восприятию текста и даже раздражать иностранного читателя.

В сербском тексте «Заповедника» немало примеров, показывающих, что передача каждого советизма требует особого подхода. Советская реалья **колхоз**, использованная в следующем отрывке:

Mitrofanov ne umывался, не брился, не посецао ленинских субботников. Не возвращал долгов и не зашнуровывал ботинок. Надевать кепку он ленился. Он просто клал её на голову. В колхоз – не поехал. Взял и не явился без уважительной причины.

Mitrofanov se nije umывao, nije se briяao, nije posećivao Lenjinove subotare. Nije vraćao dugove i nije zapertljывao cipele. Mrzelo ga je da navlaći kaćket. Samo bi ga stavio na glavu. U kolhoz nije otišao. Prihvatio i – nije se pojavio, a bez valjanog razloga.

знакома сербам не понаслышке: сразу после Второй мировой войны в Югославии, ставшей на путь социализма, делались попытки (малоудачные и быстро закончившиеся) ввести колхозное хозяйство. Однако в данном случае советизм **колхоз** – метонимия, основанная на связи места и людей, действующих в этом месте: С. Довлатов имеет в виду выезды студентов в колхозы для помощи в уборке урожая, что широко практиковалось в советскую эпоху. Передать метонимию можно, используя бытующее в сербском языке выражение **radna akcija: Na radnu akciju nije otišao.**

«Заповедник» С. Довлатова относится к тем произведениям, при переводе которых очень непросто выбрать верную переводческую стратегию, позволяющую достичь точности на высших уровнях эквивалентности. Это связано, например, с контекстами следующего типа:

...Вдумайтесь, товарищи! «Я вас любил так искренне, так нежно...» Миру крепостнических отношений противопоставил Александр Сергеевич этот вдохновенный гимн бескорыстия...

Zamislite drugovi! Voleh vas tako iskreno, tako nežno...Svetu kmetovskih odnosa Aleksandar Sergejevič je suprotstavljao ovu nadahnutu himnu nesebičnosti...

Текст Довлатова полон иронии, юмора, намёков и отсылок, обладает экспрессивно-эмотивной коннотацией. Те, кто в советские времена изучал творчество А.С. Пушкина и других русских классиков, сталкивались с так называемыми разборами их произведений, написанными с точки зрения примитивной социологии сухим, суконным языком. Фразы о «вдохновенном гимне бескорыстия», «мире крепостнических отношений» и т.п. были характерны для таких трудов; русскоязычный читатель сразу их узнаёт и понимает авторскую иронию: смешон псевдоанализ гениального стихотворения о любви, несовместим язык поэзии и примитивный язык якобы научного стиля. Подобные цитаты давно превратились в своеобразную реалию, вызывающую определённые ассоциации, на которые и рассчитывал С. Довлатов, но их нет у читателя-серба, выросшего в другой культуре и не обладающего экстралингвистической информацией, известной читателю русскоязычному.

Переводчица «Заповедника» сделала стратегией перевода подобных фрагментов механическое копирование русской фразы, не приняв во внимание, «что внешне однотипные средства языка подлинника и языка перевода иногда резко отличаются друг от друга по степени экспрессивности. Отсюда следует, что механическое копирование стилистических средств подлинника не ведёт к достижению требуемого коммуникативного эффекта» [Швейцер 1988: 147]. Ясно, что копирование не может быть адекватным переводческим решением, но открытым остаётся вопрос о верной переводческой стратегии. Использовать такие же избитые штампы из сербских литературоведческих трудов опасно, т.к. исчезнет колорит; объяснения в сносках помогут понять смысл, но не передадут экспрессию и т.д. Наличие таких фрагментов показывает, какие трудности ждут переводчика на этапе порождения на ином языке текста, адекватного «Заповеднику» по вызываемой реакции.

Литература / References

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Сергей Довлатов. Заповедник и другие истории: повести, рассказы. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 544 с.

3. *Чернов Г.В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Учёные записки 1-го МГПИИЯ. М.: 1958. Т. XVI.
4. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
5. *Dovlatov S.* Spomen-muzej. Novi Sad: Stylos, 2004. 144 s.

Конкретизирующие замены речевых глаголов в переводах с английского на русский язык

A.B. Urzha

SUBSTITUTION OF REPORTING VERBS IN TRANSLATION
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Anastasia V. Urzha

ABSTRACT:

In Russian translations of fiction English reporting verbs that introduce direct speech (e.g. "say") are regularly substituted by words with emotive and evaluation meanings, descriptions of gestures and mimics. The article accumulates and systematizes grammar, semantic and stylistic aspects of this phenomenon and compares two opposing views on the issue in contemporary translation studies. The strategies chosen by different translators are studied in the article not only in cultural, but also in functional linguistic perspective. The research is carried out on the material including contemporary Russian translations of English books for children.

Keywords: reporting verbs; translation; emotion; evaluation; Russian

АННОТАЦИЯ:

Предмет исследования, результаты которого легли в основу доклада, – варьирование глаголов, вводящих речь, в русских переводах англоязычных художественных текстов, при тавтологичности оригинальной диалогической рамки, включающей глагол *say*. С вариантом типа «*сказал*» конкурируют многочисленные интерпретации с включением глаголов, обозначающих эмоции, эмоциональные жесты и мимические движения, а также указывающих на характер вводимого речевого акта. В докладе систематизированы сведения о грамматических, семантических и стилистических основаниях конкретизирующих замен речевых глаголов, сопоставлены предлагаемые в современной переводческой критике подходы к оценке соответствующих стратегий, а само явление рассмотрено не только в лингвокультурологическом, но и в функциональном плане – на материале современных переводов для детей.

Ключевые слова: речевой глагол; перевод; эмотивность; оценка; русский язык

В фокусе нашего исследования – стилистические и семантические причины и следствия конкретизирующих замен речевых глаголов, вводящих фразы персонажей, при переводе с английского на русский язык. В качестве примера приведем параллельные переводы одного и того же фрагмента повести П. Трэверс «Мэри Поппинс»: "*Ha!*" *said Mr. Banks, drawing in his head very quickly. "Admiral's telescope says East Wind."* – *Aga!*

– *сказал мистер Бэнкс, поспешно убрав голову. – Адмиральский телескоп говорит, что ветер восточный.* (Пер. Б. Заходера). – *Так и есть! – воскликнул мистер Банкс, поспешно закрывая окно. – Флюгер Адмирала показывает восточный ветер.* (Пер. М. Литвиновой). В русских переводах обнаруживается удивительное разнообразие лексических средств, замещающих английский глагол *say* и подобные ему. В оригинальных текстах этот неэмотивный глагол обычно выступает в качестве базового элемента диалогической рамки. Однако при переводе фразы *he / she said* речевые глаголы без эмоционального компонента (*Это ужасно!*) – *сказала она*) конкурируют с речевыми глаголами с эмоционально-экспрессивной семантикой (*«Это ужасно!» – воскликнула она*), а также с глаголами и словосочетаниями, обозначающими эмоции (*«Это ужасно!» – испугалась она*), с оборотами, называющими кинемы, то есть эмоциональные жесты и мимические движения (*«Это ужасно!» – всплеснула руками / ахнула она*), и наконец, с глаголами, характеризующими речевой акт: (*«Это ужасно!» – высказала она наконец свою оценку*). При этом дополнительные семы, характеризующие каждый из выбранных переводчиком глаголов, взяты из контекста и обусловлены содержанием произнесенных или услышанных персонажем реплик.

Рассмотренное выше явление имеет целый ряд причин. В стилистическом плане русский и английский языки различаются степенью монотонности и плеонастичности диалогической рамки. Русскоязычная аудитория склонна трактовать многократный повтор слова «сказал» либо как тавтологию, либо как специальную стилистически окрашенную нарративную стратегию, поэтому переводчики стремятся варьировать речевые глаголы. Отмеченное различие связано также с особенностями семантического и грамматического устройства двух языков. А. Вежицкая пишет, что в отличие от английского языка, где эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастиями (*sad, pleased, afraid, angry, happy*), русский язык «исключительно богат «активными» эмоциональными глаголами» (*удивляться, радоваться, восхищаться*), многие из которых способны использоваться как «чисто» речевые [Вежицкая 1996: 41]. Конкретизирующие замены отмечены переводоведами (Я.И. Рецкером, Л.С. Бархударовым), а семантические основания этого явления выявлены ещё В.Г. Гаком: «Выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование – один из законов словоупотребления» [Гак 1966: 129].

Наиболее активно дискуссия о правомерности конкретизирующих замен не одно десятилетие разворачивалась (и продолжает разворачиваться) в сфере критики перевода. Противоположные взгляды на вопрос находим, например, у М. Горького, объявлявшего неумение варьировать

речевые глаголы при переводе «небрежностью или безграмотностью переводчика» [Левый 1974: 161], и у С. Скотта, утверждавшего, что введение глаголов с эмотивными семами – недопустимая вольность советских интерпретаторов [Skott 1977: 121]. Более сложный, избирательный подход к решению данного вопроса обнаруживаем у И. Левого, предлагавшего избегать лексических вариаций в случаях, где повторение носит функциональный характер [Левый 1974: 162], а позже – у И.Эвен-Зоха, призывающего переводчиков интерпретировать глаголы диалогической рамки в контексте литературной нормы исходной культуры [Even-Zohar 1990: 214].

Материалом нашего исследования стали советские и пост-советские переводы англоязычной прозы для детей (книг П. Трэверс, К.С. Льюиса, Р. Дала и др.). Результаты сопоставительного анализа оригиналов и переводов, демонстрируемые в докладе, показывают, что на выбор переводчика в значительной степени влияет как эмоциональная насыщенность контекста, так и фактор адресата. Переводчики, интерпретирующие произведения для детей, по-прежнему прибегают к конкретизации глагола *say* в рамках эмотивно и оценочно насыщенных контекстов, вне зависимости от того, придерживаются ли они форенизирующей или доместицирующей стратегии [Venuti 1995]. Прагматическим эффектом таких замен становится экспликация эмоционального фона диалога, привлечение к нему читательского внимания.

Литература / References

1. *Вежбицкая А.* Русский язык. Пер. с англ. Г.Е. Крейдлина // Язык. Культура. Познание. М.: «Русские словари», 1996. 416 с.
2. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Международные отношения, 1966. 335 с.
3. *Левый И.* Искусство перевода. Перевод с чеш. Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 398 с.
4. *Even-Zohar I.* 'Reality' and Realemes in Narrative // Polysystem Studies. Poetics Today. 1990. № 11(1). P. 207—218.
5. *Skott S.* Karlsson på taket i rysk översättning // En bok om Astrid Lindgren. Ed. by Mary Örvig. Stockholm: Rabén and Sjögren, 1977. P. 84—132.
6. *Venuti L.* The Translator's Invisibility: A History of Translation. London, New York: Routledge, 1995. 353 p.

Следы русского мира в ареале современной Польши

Е.В. Федюкина

RUSSIAN WORLD TRACKS ON THE AREA OF PRESENT POLAND

Elena V. Fedyukina

ABSTRACT:

Habitat dividing into “the Russian world” and “the Polish world” between native eastern Slavic peoples of Poland remained till the beginning of the XXI century. At present time it is possible to say about the “Russian world” components referring to it onomastics where there are hidden east Slavic words including confessional given ones. In this regard both surnames, personal names and toponymic words primary in the area of the Bialowieza forest arouse interest. National memory remains old times names of its parts that officially have numeral names. “Russian ice” appear in the names of cultural objects and as well in the names of current establishing organizations and unions, mainly, in Podlasie region.

Keywords: Russian world; east Slavic ethnoses; orthodox names; regional toponymy; national etymology; contemporary onomastics

АННОТАЦИЯ:

Разделение среды обитания на «мир русский» и «мир польский» среди коренного восточнославянского населения Польши сохранялось вплоть до начала XXI в. В настоящее время можно вести речь лишь об элементах «русского мира», к которым мы относим, в частности, ономастику, скрывающую в себе восточнославянизмы, в том числе и конфессионально обусловленные. В этом плане интерес вызывают как фамилии и личные имена, так и топонимы, преимущественно, в районе Беловежской пуши. Народная память сохраняет старинные названия тех ее частей, которым официально присвоены числовые названия. «Русский след» появляется в названиях культурных объектов, а также вновь создаваемых организаций и объединений, в основном, в регионе Подляшья.

Ключевые слова: русский мир; восточнославянский этнос; православные имена; региональная топонимика; народная этимология; современная ономастика

Следы «русского мира» в ареале современной Польши ведут в восточную ее часть, где проживает незначительная часть православного населения. В связи с этим авторская трактовка понятия близка к определению его как «человеческого сообщества православных христиан, живущих в единстве веры, обрядности и обычаев» [Лукин 2000: 113].

Подобным образом «русский мир» понимался самими представителями восточнославянского этноса в Польше. Об этом свидетельствуют факты, с которыми здесь приходилось сталкиваться вплоть до начала

XXI в. Зафиксированы слова одного из местных жителей (Павлючук, деревня Рыболы)¹, четко делившего среду своего обитания на «мир русский» и «мир польский». «Мир делится на русский и польский. Польский мир – это все что чужое и не наше. А русский мир – это очень просто – наш мир, домашний, деревенский, церковный, улаженный, понятный»² [Radziukiewicz 2017: 10]. «Русский мир» в этой трактовке очень близок иному самоопределению автохтонов Восточной Польши – *tutejszy*, то есть ‘свойский, здешний’.

Аналогично свидетельство православной журналистки, этнической белоруски, редактора выходящего в Белостоке «Православного обозрения» Анны Радзюкевич, для которой устроенный «русский мир» по мере возрастания во взрослую жизнь начинал все более разрушаться, разделяясь на «белорусский, украинский, литовский...», и даже на польский православный» [Radziukiewicz 2017: 10]. Такая динамика понятия в сознании индивидуума практически повторяет фазы его исторической эволюции, когда с развитием национальных движений среди восточнославянских народностей на смену понятию «русский» пришли новые: «старобелорусский», «староукраинский», «западнорусский» и пр. В настоящее время можно вести речь лишь об элементах «русского мира», функционирующих в различных взаимосвязанных реальностях: конфессиональной, лингвокультурной, социальной и пр. Неотъемлемым лингвокультурным элементом этого мира, на наш взгляд, можно считать ономастику данного региона, вобравшую в себе восточнославянизмы, в том числе и конфессионально обусловленные. Этот «русский след» встречается, прежде всего, в личных именах и фамилиях, в топонимах, а также в названиях сакральных и городских объектов и некоторых организаций.

Этимологически многие фамилии, распространенные в восточных регионах Польши (отнюдь не только среди православного населения), образованы от родительских православных имен. Одни из них практически не подверглись изменению: *Awksentiuk*, *Aleksejuk*, *Dawydiuk*, *Fedoruk*, *Fedorońko*, *Klimuk*, *Klimowicz*, *Semenenko*, *Semiuiuk*; другие видоизменились в зависимости от специфики местного говора: *Chilimoniuk* ‘от Филимона’, *Panasiuk* ‘от Опанаса - Афанасия’, *Supruniuk* ‘от Супруна – Софрония’, *Hapunowicz* ‘от Гапуна – Агафона’, *Guryn* ‘от Гурия’, *Wawryniuk*, *Wawrynowicz* ‘от Лаврентия’, *Waszkowiak* ‘от *Waszko*, т.е. Василия’. Со временем многие фамилии полонизировались, скажем, *Semiuiuk* преобразовался в *Siemienuk*, *Wawreniuk* в *Wawrzeuiuk* [Лабович 2018: 57] и т.д.

Что касается непосредственно личных имен, среди них в данном регионе бытуют имена восточнославянские, в том числе в уменьшительной

¹ Племянником, профессором Ягеллонского университета, Владимиром Павлючуком.

² Здесь и далее перевод автора статьи – <Е.Ф.>.

форме: *Nadzieja, Wiera, Luba, Misza, Ściopa*. Некоторые принимают польскую грамматическую форму: *Nadzieja* ‘не *Nadzieđa*’, другие же (преимущественно в деминутивах) звучат по правилам польской фонетики: *Ściopa*.

Аналогична ситуация среди географических названий. Топонимы, представляющие скрытые восточнославянизмы, сохранились в районе Беловежской пуши. Отдельные участки лесного массива имеют ныне официальные числовые обозначения. Однако в памяти местного населения сохраняются старинные названия, например, топонимы *Wielka* и *Mala Kletna, -o, -nia*³ (с варьирующимися окончаниями). По-видимому, их можно сопоставить с производными от *клетн* словоформами *клетник* и *клетовё*, обозначающими ‘тонкомерный лес на холодные строения’ Даль [Даль 1981: 121]. Вероятно, именно такого типа лес произрастал на данном участке. Обращает на себя внимание также название урочища *Reski* в регионе Беловежи, являющееся, по утверждению старожила местности П. Байко⁴, ничем иным, как приобретшим польскую форму русским словом *резки*, так как именно здесь производилось нарезание земли для жителей Беловежи.

Подобные примеры народной этимологии содержит недавно изданный Фондом К. Острожского «Словарь географических названий и имен собственных Белосточчины» [Kondratiuk 2016]. Для нашего исследования принципиален сам факт присутствия восточнославянской этимологии в народном сознании.

Восточнославянизмы встречаются и в названиях создаваемых ныне организаций, в основном в регионе Подляшья. В 2015 г. в рамках освоения природно-культурного наследия Беловежской пуши для межкультурного диалога было создано объединение *Tropinka*⁵, на письме передаваемое латинкой либо кириллицей⁶.

Восточнославянские названия в ономастике восточных окраин Польши можно считать лингвокультурными маркерами «русского мира» как элемента духовной реальности автохтонного населения современной Польши.

Литература / References

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1981. 779 с.
2. Лабович Л. Звідки Supruniuk i Bondaruk, тобто про прізвища на Підляшші // Przegląd prawosławny. 2018. С. 56-57.

³ Bajko P. Ogrody Batorego // Przegląd Prawosławny. 2017. №4. S. 53.

⁴ Bajko P. Uroczysko Reski // Przegląd Prawosławny. 2017. №2. S. 54.

⁵ Міра Лукша. На бязмежнай «Трапінца» Przegląd Prawosławny 2017. № 8. S. 52.

⁶ В белорусской графике *Трапінка*.

3. Лукин Ю.А. Отношение к духовным ценностям: видимость и реальность //Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация. М.: Научный эксперимент, 2007. С. 113-124.
4. Kondratiuk M. Nazwy geograficzne i osobowe Białostoczczyzny. Białystok: Fundacja Ostrogskiego, 2016. 800 s.
5. Radziukiewicz A. Bliski mi Wschód. Fundacja Ostrogskiego, 2017. S. 10. 350 s.

Восточнославянские элементы в бачкорусинском языке

Синиша Хабиянец

VÝCHODOSLOVANSKÉ PRVKY V BAČSKEJ RUSÍNČINE

Siniša Habijanec

EAST SLAVIC TRAITS IN BAČKA RUSYN

Siniša Habijanec

ABSTRACT:

There are several theories about the origin of Bačka Rusyn language that is used in the Serbian province of Vojvodina. Among Rusyn linguists the dominant theory is the one of mixed East Slavic – West Slavic origin, later also presupposed for Eastern Slovak dialects. As is well-known, since Bačka Rusyn shows mostly West Slavic (Eastern Slovak) traits, the question of identification and proportion of the East Slavic traits still remains unsolved. The paper analyses those traits of Bačka Rusyn that are usually regarded as East Slavic, though the author demonstrates that some of them might be explained by internal, yet parallel development.

Keywords: Bačka Rusyn language; Eastern Slovak dialects; Slavic historical phonology

АННОТАЦИЯ:

Существует несколько теорий происхождения бачкорусинского языка, на котором говорят в сербской Воеводине. Среди русинских языковедов, как представляется, доминирует теория о его смешанном восточнославянско-западнославянском происхождении, которое также предполагается и для восточнословацких диалектов. Поскольку бачкорусинский язык, насколько показывает материал, демонстрирует главным образом западнославянские (восточнословацкие) черты, остаётся нерешённым вопрос об идентификации восточнославянских элементов и их доле. В докладе будут подвергнуты анализу те элементы бачкорусинского языка, которые обычно считаются восточнославянскими, причем демонстрируется, что некоторые из них можно объяснить параллельным внутренним развитием.

Ключевые слова: бачкорусинский язык; восточнословацкие диалекты; историческая фонология славянских языков

Pôvod a genetická príslušnosť báčskej rusínčiny (v ďalšom texte BR) sú predmetom ostrých vedeckých debát od chvíle jej “objavu” ukrajinským

etnografom V. Hnat'ukom až do súčasnosti. Zatiaľ čo väčšina svetových slavistov prijala východoslovenskú teóriu o pôvode BR, medzi rusínskymi jazykovedcami sa ako dominantná javí tzv. heterogénna teória, v súlade s ktorou sa BR vyznačuje miešaním západo- (slovenských a poľských) a východoslovenských (západoukrajinských) genetických charakteristík, ktoré rusínski jazykovedci prisudzujú aj celému východoslovenskému areálu [Дуличенко 1998: 249, Тімко Дітко 2011b: 197]. Problém tejto teórie spočíva v skutočnosti, že BR, ako presvedčivo ukázali niekoľké podrobné analýzy [Bidwell 1966, Lunt 1998, Чарский 2011], obsahuje výrazné západoslovenské, menovite východoslovenské prvky. Pritom zostáva nevyriešenou otázkou identifikácie a podielu jej východoslovenských prvkov, ktoré sú nevyhnutné pri jej predpokladanom heterogénnom, teda zmiešanom pôvode. Cieľom tohto referátu je podrobiť analýze tie prvky BR, ktoré sa v akademickej spisbe zvyčajne považujú za východoslovenské.

Ako črta, ktorá by mala dokazovať heterogénnosť BR, sa azda najčastejšie uvádzajú striednice za praslovanské skupiny **dj* a najmä **tj*, ktoré preukazujú aj západo- aj východoslovenský vývin [Фейца 2006: 227-228, Тімко Дітко 2011a: 121]: *цудзи, ардза, предза, садза, медзи* popri *меджа, меджи* (hovorový variant formy *медзи*); *ноц, моц, плюца, плцо* popri *швичка, онучка, тисяч, мачоха, мочи*.

Čo sa týka striednice za **dj*, od očakávanej východoslovenskej striednice vybočuje jedine slovo *меджа*, čo je pozoruhodné, pretože v samotných východoslovenských nárečiach je stav opačný: *medza* (substantívum) popri *medži* (predložka). Tvar *меджа* by sme mohli vysvetľovať novším srbským vplyvom (porov. srb. *међа*), keby sme nevedeli, že sa vyskytuje v nárečiach dolného Zemplína (v okolí mesta Trebišov), ktoré preukazujú najviac podobností so súčasnou BR a javia sa ako najpravdepodobnejší nárečový podklad jej vzniku [Чарский 2011: 324]. Tento tvar M. Semjanová-Sokolová vysvetľuje vyrovnaním slovného základu v rámci paradigmy na úkor nealternovanej spoluhlásky [Semjanová 1976: 375].

Striednica *č* za **tj* mohla vzniknúť dvoma spôsobmi. V slovách *швичка, онучка* nejde o genetický vývin, ale o nahradenie zriedkavej prípony *-ck-* oveľa frekventovanejšou *-čk-*, napr. v slovách *шестричка, ластовичка*: (v BR nedoložené) *švica* – **švicka* → *švička*. Rovnaký proces sa odohral i v ostatných slovenských nárečiach (*svieca* – *sviečka*), ako aj v češtine (*svíce* – *svička*) a v poľštine (*świeca* – *świeczka*) [Lunt 1998: 61-62]. Slovo *мачоха* sa vyskytuje aj vo východoslovenských nárečiach popri pôvodnom *macocha* [Buffa 2004: 155] a jeho vznik možno vysvetliť morfonologickým vplyvom sémanticky súvzťažného slova *otčim*, ktoré bolo v BR potom nahradené novotvarom *мачох*. Slovo *тисяч* (BR ľudovo *езер*, z maďarčiny) je kultúrnou výpožičkou z ukrajinského variantu cirkevnej slovančiny, resp. zo spisovnej ukrajinjiny; za také možno považovať i slovesá *мочи* a *помочи*, vzhľadom na

to, že obsahujú ojedinelú neurčitkovú koncovku v slovesnom systéme BR, aj keď pri nich nemožno úplne vylúčiť neskorší vplyv srbčiny (*моћи, помоћи*). Všetky ostatné rusínske slovesá sú totiž zakončené na *-ц*. Za východoslovenský prvok sú v tomto kontexte niekedy považované aj neurčitky typu *печии, тлущи, чещиц* ‘течь’ (podľa *чече* ‘течет’ < *цече*), *вещиц* [Barić 2007: 145], ktoré na východnom Slovensku nachádzame už iba v nárečovej oblasti dolného Zemplína [Semjanová 1976: 375, Чарский 2011: 305]. Napriek tomu, že v týchto tvaroch sa priam vnucuje “pôvodný” tvar neurčitku so sekundárne pridaným *-c* (< *-t’* < *-t’i*), jazykový materiál iných slovenských nárečí vedie k vysvetleniu analogickým vývinom. Máme na mysli predovšetkým tvary doložené v záposlovenských nárečiach: *пéцит, тéцит, тúцит, облэцит* [Stanislav 1958: 412], na základe ktorých možno usudzovať, že východoslovenské a BR tvary vznikli disimiláciou po asibilácii: **pecit’* > **pečic* > *pečic* podľa *pečem, pečeš*...

Za východoslovenský prvok sa považujú aj striednice praslovenských slabičných **l, *l’*. Zatiaľ čo striednice za praslovenské slabičné **r, *r’* preukazujú vysokú mieru totožnosti so stavom vo východoslovenských nárečiach a v poľštine (*верх, кармиц, зарно*...), niektoré slová so slabičnými **l, *l’* sa javia bližšie k ukrajinčine než k poľštine, napr. *полни, волк/вовк, волна, жолти/жовти, чолнок*. V tomto kontexte treba poznamenať, že BR, tak ako aj východoslovenské nárečia ako celok, má typickú záposlovenskú striednicu *lu* za slabičné **l, *l’* po dentále: *длуги, длуство* ‘долг’, *слунко, слуп, тлусти, тлущиц, тлущиц*. S rovnakou striednicou sa stretávame aj v západnej časti záposlovenských nárečí, v češtine, dolnej lužickej srbčine a poľštine, čo znamená, že ide o veľmi starú izoglosu. Spomedzi vyššie uvedených slov je potrebné vylúčiť *волк/вовк*, ktoré je kultúrnou výpožičkou z ukrajinčiny. Pôvodné BR ľudové slovo bolo *фаркаш*, prevzaté z maďarčiny [Рамач 2006: 202]. Slová typu *полни, волна, жолти, чолнок*... nemusia byť výsledkom východoslovenského vplyvu, keďže podobný vývin nachádzame aj v iných častiach záposlovenského makroareálu, napr. v lužickej srbčine [Schaarschmidt 1998: 70-71], kde je východoslovenský vplyv vylúčený, alebo v severnej poľštine [Stieber 1962: 56].

Výsledky metatézy likvid v BR preukazujú tesnú spätosť s východoslovenskými nárečiami a majú jednoznačné záposlovenské charakteristiky: *ровни, лакомни, локец, крава, брег, слама, млеко*... Príklady *череп, черево, черешня, чересло* a pod. sa často vykladajú ako stopa po východoslovenskom plnohlási [Timko Ďitko 2011b: 201], avšak S. S. Skorvid [2000: 138] upozorňuje, že v týchto prípadoch ide o vsunutú samohlásku s cieľom vyhnúť sa ťažko vysloviteľnej začiatkovej skupine, a s podobnými prípadmi sa stretávame aj v iných slovenských nárečiach: *черешня, чересло*... BR slová *соловей* (arch. *славик*) a *город* sú kultúrnymi výpožičkami, zatiaľ čo slovo *згоролице* nemá spoľahlivú etymológiu.

Za východoslovenský prvok je považovaný aj vývin *ъ > o, napr. v slovách *вон, мох, ложка, здохнуц, сон* a v prípone *-ок: пондзелок, пупок...* Tvrdenie E. Barićovej, podľa ktorej “[в]инїмки ест, але су ридки” [Бариц 1983: 14], nezodpovedá jazykovému materiálu. V BR nachádzame totiž rovnako veľa slov so striednicou *e: крєв, деска, угєл, вєжнєм, variant здохнуц*⁷. Niektoré z prípadov s *o* (napr. *вон, точ*) sa vyskytujú v drvivej väčšine slovenských nárečí a možno ich vysvetliť fonetickým pôsobením začiatkovej labiály (*m, v, l*). Pri prípone *-ок* by mohlo ísť o neskorý kontaktný vplyv západnej ukrajinčiny alebo o zovšeobecnenie alomorfy, ktorá sa vyskytovala po kmeňoch zakončených na labiálu, či o kombináciu oboch príčin. V každom prípade, vývin *ъ > o nie je taký dôsledný ako vo východoslovenských jazykoch a vo väčšine prípadov ho možno vysvetliť ako sekundárny jav alebo usúvzťažniť s vývinom v iných slovenských nárečiach.

Morfologickým javom, ktorý sa zvyčajne prisudzuje východoslovenskému vývinu, sú adjektívne koncovky v gen. a dat. sg. mužského a stredného rodu: *доброго, доброму*, vyskytujúce sa aj vo východoslovenských jazykoch. Zohľadnenie týchto tvarov v širšom kontexte vývinu východoslovenských nárečí vrhá iné svetlo na motiváciu ich vzniku. Vo východoslovenských nárečiach sa totiž vyrovnali koncovky adjektívnej aj pronomínálnej deklinácie, čo bolo spôsobené stratou kvantity. V západnej polovici východoslovenských nárečí sa zovšeobecnil adjektívny tvar (*добрего* → *тего*), zatiaľ čo vo východnej polovici tvar pronomínálny (*того* → *доброго*). Z geografických dôvodov kontaktný vplyv karpatskorusínskych/západoukrajinských nárečí nemožno vylučovať, so všetkou pravdepodobnosťou však ide o neskorší jav, predpokladajú na vznik ktorého sa vytvorili až po strate kvantity.

Záverom môžeme konštatovať, že pri všetkých prvkoch, ktoré sú tradične považované za východoslovenskú “zložku” predpokladaného heterogénneho nárečového podkladu báčskej rusínčiny, absentuje ich systémový charakter, ako aj to, že ich v drvivej väčšine prípadov možno vysvetliť interným vývinom v rámci východoslovenského nárečového celku. Zvyšné prípady možno objasniť jednotlivými lexikálnymi výpožičkami alebo neskorším areálnym vplyvom karpatskorusínskych nárečí. Všetky uvedené zistenia výrazne oslabujú heterogénnu teóriu o vzniku báčskej rusínčiny.

Литература / References

1. *Бариц Е.* Руски јазик ошвицени з призначкани заходнославијанских и восточнославијанских јазикох // *Croatica*, 1983. С. 7–19.
2. *Дуличенко А. Д.* Јазик русин Србији и Хорватији (југославо-русински јазик) // *Основы балканского языкознания 2.* / Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 247–272.

⁷ Nerovnakú distribúciu badať aj pri druhotných jeroch: *огєнь, угєль, вєпер*, ale *витор*, kde by mohlo ísť o analógiu podľa *вихор*.

3. *Рамач Ю.* Наш народни и литератирни язык // Русини – Руснаци – Ruthenians (1745–2005) I. / Под ред. М. Фейси. Нови Сад: Прометеј, 2006. С. 164–224.
4. *Скорвиџ С. С.* Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Часть 2 (славянские языки). Санкт-Петербург, 1998: Дуличенко А. Д. Язык русин Сербии и Хорватии (югославо-русинский язык) (рецензия) // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы четвертого рабочего совещания. СПб., 2000. С. 135–143.
5. *Фейса М.* Характеристики руского языка // Русини – Руснаци – Ruthenians (1745–2005). I. / Под ред. М. Фейси. Нови Сад: Прометеј, 2006. С. 225–234.
6. *Чарский В. В.* Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов. МО, Щёлково: Онтопринт, 2011. 358 с.
7. *Barić E.* Rusinski jezik u procjepu prošlosti i sadašnjosti. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2007. 368 с.
8. *Bidwell Ch. E.* The Language of the Bačka Ruthenians in Yugoslavia // Slavic and East European Journal, 1966. С. 32–45.
9. *Buffa F.* Slovník šarišských nářečí. Prešov: Náuka, 2004. 350 с.
10. *Lunt H. G.* Notes on the Rusin Language of Yugoslavia and its East Slovak Origins // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1998. С. 43–84.
11. *Schaarschmidt G.* The Historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian Languages. Heidelberg: Winter, 1998. 175 с.
12. *Semjanová M.* Pokus o vnútornú diferenciaciu zemplnských nářečí // Nové obzory, 1976. С. 371–385.
13. *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka II Tvaroslovie. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akademie vied, 1958. 744 с.
14. *Stieber Z.* Rozwój fonologiczny języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962. 91 с.
15. *Timko Đitko O.* Standardizacija rusinskog jezika // Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim II. / Под ред. D. Sesar. Zagreb: FF Press, 2011a. С. 119–129.
16. *Timko Đitko O.* Sonanti [r], [l] u suglasničkim skupinama u rusinskom jeziku // Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim II. / Под ред. D. Sesar. Zagreb: FF Press, 2011b. С. 197–202.

Отражение языковой политики Украины в системе Внешнего независимого оценивания

М. И. Хазанова

REFLECTION OF LANGUAGE POLICY OF UKRAINE
IN THE SYSTEM OF EXTERNAL INDEPENDENT EVALUATION

M. I. Khazanova

ABSTRACT:

External independent evaluation, being the final examination of schoolchildren and at the same time - the threshold test for entering the university, changes throughout its existence. These changes are parallel with changes in the Ukrainian society as a whole, especially in regard to the language situation. The role of the Ukrainian language in the course of the External independent evaluation is growing, which reflects the general policy of ukrainization of the state.

Keywords:

Ukrainian language, External independent evaluation, language policy, ukrainization.

АННОТАЦИЯ:

Внешнее независимое оценивание как итоговая аттестация школьников и вместе с тем – пороговый экзамен для продолжения обучения в вузе меняется на протяжении своего существования. Эти изменения созвучны изменениям в украинском обществе в целом, в особенности в том, что касается языковой ситуации. Возрастает роль украинского языка в ходе Внешнего независимого оценивания, что отражает общую политику украинизации государства.

Ключевые слова:

украинский язык, Внешнее независимое оценивание, языковая политика, украинизация.

Внешнее независимое оценивание – комплексный итоговый экзамен Украины, завершающий процесс обучения на ступени среднего общего образования и служащий цели отбора студентов для продолжения образования в системе высших учебных заведений. Данный экзамен является обязательным для всех учащихся, поскольку выполняет роль итоговой аттестации в системе школьного образования.

Набор дисциплин и их количество варьируются от трех до четырех, что зависит от того, собирается ли обучаемый продолжить образование и, если да, какую специальность выберет и каковы требования вуза.

Полноценно Внешнее независимое оценивание функционирует с 2008 года, включая в себя сначала экзамен по украинскому языку и литературе, истории Украины, всемирной истории, математике, физике, химии, зарубежной литературе, биологии, основам экономики, основам правоведения и географии. В дальнейшем набор дисциплин подвергался изменениям. Так, уже в 2009 г. добавился иностранный язык (английский, французский, немецкий либо испанский по выбору обучаемого), но не проводился экзамен по всемирной истории, зарубежной литературе и некоторым другим дисциплинам. С 2011 года в числе возможных экзаменов появляется русский язык.

Набор дисциплин ежегодно утверждается заново в соответствии с запросами обучаемых, что позволяет видеть в нем также определенное отражение общественных настроений. Так, по утверждению В. Карандя, директора Украинского центра оценивания качества образования, в 2018 г. экзамен по русскому языку не проводился в связи с низким спросом на него как со стороны обучаемых, так и со стороны вузов [Скасували ЗНО... 2017]. Более того, по его же словам, результаты прохождения данного испытания были по опыту прошлых лет «едва ли не наихудшими» [ЗНО-2018... 2018].

Другой показательной особенностью Внешнего независимого оценивания является набор обязательных предметов: украинский язык и литература обязательны для всех; второй предмет – математика либо история Украины (на выбор) – также обязателен для всех, но ограничен выбором

между двумя означенными дисциплинами; третий и – по желанию – четвертый (для поступающих в вузы) выбираются из числа остальных предметов.

Также менялся язык-посредник при сдаче экзаменов. В 2008 г. украинский язык называется единственным языком для прохождения итоговых испытаний (для этнических меньшинств предлагались специальные словари, содержащие перевод терминологии), однако ввиду значительного процента двуязычного населения уже в феврале 2008 г. было объявлено о переводе тестовых заданий на языки меньшинств [Наказ 1171 2007]. С 2010 г. сдавать Внешнее независимое оценивание можно только на украинском языке [Наказ 570 2009; Наказ 238 2010].

Таким образом, можно говорить о постепенном вытеснении языков национальных меньшинств из области школьной итоговой аттестации, что в целом созвучно общей тенденции к повышению престижа украинского языка и уровня владения им, все более широкое внедрение его в различные сферы общественной жизни.

Сказанное выше подтверждается и ролью самого украинского языка в итоговой аттестации. В настоящее время он является единственным языком, на котором возможно сдавать итоговый экзамен, что созвучно его статусу единственного государственного языка.

Однако наибольший интерес представляет структура самого экзамена по украинскому языку. Во-первых, в его ходе проверяется результат освоения двух дисциплин – украинского языка и украинской литературы. Во-вторых, этот экзамен является обязательным для всех обучаемых независимо от родного языка и языка окружения, вместе с тем необходимо заметить, что украинский язык является родным и используемым дома для примерно 60-70% населения. Остальные 30-40% населения Украины являются в той или иной мере двуязычным, отдавая предпочтение не украинскому языку, а другому, чаще всего – русскому.

В качестве иллюстрации последнего тезиса можно привести опрос группы РЕЙТИНГ 2012 г. (как самый недавний опрос такого рода) [Питання мови... 2012]:

- 50% опрошенных считают родным языком украинский, 29% – русский. При этом 20% считают родным языком в равной степени как украинский, так русский. Еще 1% считают родным другой язык.

- 45% опрошенных обычно разговаривают дома на украинском языке, 39% – на русском и 15% – в равной степени на русском и украинском.

Таким образом, необходимо сделать вывод о разбалансированной ситуации в украинском обществе в том, что касается языка: все украинские школьники должны проходить Внешнее независимое оценивание на украинском языке и обязательно проходить его по украинскому языку и литературе, при этом количество граждан Украины, не пользующихся в

повседневной жизни украинским языком составляет приблизительно треть.

Вероятно, отчасти с такой разбалансированностью связано содержание экзамена по украинскому языку и литературе, особенно в части языка. Так, в соответствии с программой экзамена, в ходе испытаний проверяется [Наказ 77 2016]:

- знание украинского правописания, в том числе знание алфавита, способов передачи звуков и звукосочетаний, правописание разных частей речи и т.д.;

- знание основ украинской лексикологии;

- знание основ украинского словообразования;

- знание основ морфологии, в том числе системы склонения, спряжения и систем их флексий;

- знание основ синтаксиса;

- знание основ стилистики.

Как видно из перечисленного, проверке в ходе экзамена подлежит степень сформированности языковой компетенции на украинском языке, т.е. один экзамен рассчитан как на носителя языка, так и на обучаемого с выученным украинским языком (не родным, вторым родным, пассивным родным).

В результате всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что внедрение и развитие системы Внешнего независимого оценивания происходит в общем контексте украинизации украинского общества.

Литература / References

1. Питання мови: результати останніх досліджень 2012 року // РЕЙТИНГ. 2012. [Електронний ресурс.] URL: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/yazykovoy_vopros_rezultaty_poslednih_issledovaniy_2012.html Дата последнего обращения 31.08.2018.
2. Наказ Міністерства освіти і науки України №1171 від 25.12.2007 «Про зовнішнє незалежне оцінювання навчальних досягнень випускників навчальних закладів системи загальної середньої освіти, які виявили бажання вступати до вищих навчальних закладів у 2008 році».
3. Наказ Міністерства освіти і науки України №570 від 26.06.09 «Про зовнішнє незалежне оцінювання навчальних досягнень осіб, які виявили бажання вступати до вищих навчальних закладів України в 2010 році».
4. Наказ Міністерства освіти і науки України №238 від 25.03.2010 «Про внесення змін до нормативно-правових актів Міністерства освіти і науки України щодо зовнішнього незалежного оцінювання в 2010 році».
5. Наказ Міністерства освіти і науки України №77 від 03.02.2016 «Про затвердження програм зовнішнього незалежного оцінювання для осіб, які бажають здобувати вищу освіту на основі повної загальної середньої освіти».
6. Наказ Міністерства освіти і науки України №1103 від 31.07.2017 «Деякі питання проведення в 2018 році зовнішнього незалежного оцінювання результатів навчання, здобутих на основі повної загальної середньої освіти».

7. Скасували ЗНО з російської мови // Gazeta.ua. 12.09.2017 [Электронный ресурс.] URL: <https://gazeta.ua/articles/mova-zavtra/skasuvani-zno-z-rosijskoyi-movi/792554> Дата последнего обращения 31.08.2018.
8. ЗНО-2018: що змінюється цього року? // Громадське радіо. 24.01.2018. [Электронный ресурс.] URL: <https://hromadskeradio.org/programs/kyiv-donbas/zno-2018-shcho-zminuyetsya-cogo-roku> Дата последнего обращения 31.08.2018.

Формирование терминологической системы русского литературного языка первой трети XVIII века (на материале сочинений И.Т. Посошкова)

А.А. Хизанцян

FORMATION OF THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LITERARY
LANGUAGE OF THE FIRST THIRD OF THE XVIII CENTURY
(ON THE BASIS OF THE WORKS OF I.T. POSOSHKOV)

Anna M. Khizantsyan

ABSTRACT:

The paper analyzes the works of the publicist, public figure of the first third of the 18th century (Petrine epoch) I.T. Pososhkov. In particular, the terminological system in the author's works has been considered. On the basis of the obtained results, we attempted to characterize the terminological system of the Russian literary language of the first third of the XVIII century.

Keywords: the Petrine epoch, language of the first third of the XVIII century, I.T. Pososhkov, terminological system, term.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются сохранившиеся сочинения публициста, общественного деятеля первой трети XVIII века И.Т. Посошкова. В частности, нами проанализирована терминологическая система в дошедших до нас трудах автора. На основе полученных результатов нами была предпринята попытка дать характеристику формирующейся в первой трети XVIII века терминологической системе русского литературного языка.

Ключевые слова: Петровская эпоха, язык первой трети XVIII века, И.Т. Посошков, термин, терминологическая система.

Первая треть XVIII века, известная как Петровская эпоха, – новая страница в истории России, время решительных перемен. Происходящие в стране изменения затронули образовательную и культурную сферы, перестроили общественно-социальный строй страны.

С языковой точки зрения это время ознаменовалось как начало нового русского общенационального языка. Именно в этот переломный период

происходит перестройка всей системы русского литературного языка: разрушаются старые языковые нормы, формируются новые.

Протекающие в языке изменения отразились непосредственно на лексике: огромный лексико-стилистический пласт, генетически восходящий к южнославянским языкам – церковнославянизмы – перемещается из активного в пассивный пласт лексики, с другой – общеупотребительными становятся многие разговорные формы и слова, а также большое число заимствований из европейских языков, вошедших в язык в результате установления новых дипломатических отношений с Европой.

Первая треть XVIII века для русского литературного языка, по определению П.И. Житецкого, является веком «модернизации и рационализации русского общества и русской культуры». [Житецкий 1903 : 17]

Предметом исследования в данной статье являются дошедшие до нас сочинения общественного деятеля первой трети XVIII века, публициста Ивана Тихоновича Посошкова: «Доношение о ратном поведении» (1700-1701 год), «Зеркало очевидное» (1709 год), «Завещание отеческое сыну своему» (1719 год), три письма Стефану Яворскому, «Книга о скудости и богатстве» (1724 год).

Новизна исследования заключается в том, что нами впервые проводится детальный анализ сохранившихся сочинений И.Т. Посошкова с языковой точки зрения.

Объектом исследования стали термины, которые в своих трудах использует публицист.

В статье нами предпринята попытка на материале указанных сочинений дать характеристику терминологической системе русского литературного национального языка первой трети XVIII века. В частности, нами была рассмотрена терминологическая система (судебная, экономическая, церковная, административная).

И.Т. Посошков, считая важным сохранение чистоты русского языка, стремится создать русскую национальную терминологию, а не использовать заимствованные термины. Так, например, вместо заимствованного термина *капитал* он использует *прибыль*, *приплод*, древнерусское слово *спорынья*. Однако, как заметил Б.А. Ларин, автор использует заимствованные термины в тех случаях, когда не существует русского книжного аналога. Например, *личба* – «счет», *пенязи* – «деньги», *вага* – «важность», *стоимость*, *вес*, *кортома* – «арендная плата». [Ларин 2005: 345]

Большое число заимствований используется в административной терминологии (названия учреждений, некоторых документов, должностей), основная часть которых вошла в русский язык в Петровскую эпоху после проведения административной реформы: *камер-коллегия*, *юстиц-калегия*, *пошпорт*, *камисар*, *фискал*, *канцелярия* и т.д.

Анализ судебной и церковной терминологии (документы, процессы) показал, что автором в основном используются термины, этимологически восходящие к древнерусскому и реже к церковнославянскому языку: *судья, колодник, подьячий, челобитник, ответчик, истец, наемные ябедники, порутчики, свидетели.*

Полученные нами результаты показали, что терминологическая система в сочинениях И.Т. Посошкова была неупорядоченной: одна часть терминов представляла собой заимствования из европейских языков, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху, другие термины – заимствованы из книжного литературного языка. Полученные результаты можно отнести и к терминологической системе русского литературного языка первой трети XVIII века, которая в рассматриваемый период находилась на этапе формирования, систематизации и рационализации.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Винокур Г.О.* История русского литературного языка: Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
2. *Войлова К.А., Леденева В.В.* История русского литературного языка: учебник для вузов, М., Дрофа, 2009.
3. *Житецкий П.И.* К истории литературной русской речи в XVIII веке // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, Т. 8, Кн. 2, 1903.
4. *Ремнева М.Л.* Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв.: Учебное пособие по курсу «История русского литературного языка». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Феномен современного украинско-русского билингвизма (по результатам полевых исследований в Центральной и Юго-Восточной Украине)¹

А.В. Савченко, М.С. Хмелевский

THE PHENOMENON OF THE MODERN UKRAINIAN BILINGUALISM
(ACCORDING TO THE RESULTS OF PRACTICAL RESEARCH
IN CENTRAL AND SOUTH-EASTERN UKRAINE)

Alexandr V. Savchenko, Mikhail S. Khmelevskiy

ABSTRACT:

The modern Ukrainian language situation is unique in the Slavic world and requires careful linguistic and sociological research. The results of such research, made during

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования

a scientific expedition in East and Central Ukraine in summer 2018, are presented in the following brief theses.

Keywords: Ukrainian; Russian; surzhyk; the Ukrainian language situation; language code; Russian-Ukrainian bilingualism.

АННОТАЦИЯ:

Современная украинская языковая ситуация в своем роде уникальна в славянском мире и требует тщательного лингвистического и социолингвистического исследования. Результаты такого исследования представлены в виде кратких тезисов по материалам научной экспедиции по Восточной и Центральной Украине летом 2018 г.

Ключевые слова: украинский язык; русский язык; суржик; украинская языковая ситуация; языковой код; русско-украинский билингвизм.

Языковая ситуация на территории современной Украины по праву заслуживает особого внимания и тщательного, беспристрастного лингвистического и экстралингвистического анализа ввиду своей недостаточной изученности и уникальности в современном славянском мире.

В первую очередь ее характеризует исторически сложившийся русско-украинский билингвизм, уходящий корнями ещё в 19 век, прочно укоренившийся в советскую эпоху и до сих пор подпитываемый русскоязычной массовой культурой [Кузнецова, Савченко, Хмелевский 2018 : 90].

Ввиду последних политических событий и затуманенного в современной России (и славистике) представления об актуальном положении русского языка в современной Украине нами были осуществлены полевые научно-исследовательские экспедиции по восточным и центральным регионам страны летом 2018 г. с целью описания действительной языковой ситуации. Причем, мы не брали во внимание язык газет, телевидения или официального дискурса. Нашей целью было установить, насколько русский язык в его украинско-южнорусском варианте функционирует сегодня в непринужденной речи жителей Поднепровья и Харькова.

Основным выводом по итогам наших наблюдений может быть то, что, несмотря на сильную политизированность данного вопроса как в России, так и в Украине, языковая ситуация существенно не изменилась по сравнению с теми многолетними полевыми исследованиями, которые нами проводились до 2013 г. [Хмелевский, Урсуленко 2009]. Определенная украинизация в последние годы коснулась лишь письменного языка, официально-политического узуса и СМИ, которые не входили в круг наших лингвистических интересов, тогда как «язык улиц» до сих пор остается

роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

таким, каким он сложился в результате своего трехвекового естественного развития, а именно в виде украинско-русского билингвизма вследствие взаимодействия двух близкородственных языков и культур.

Причем здесь следует оговорить, что по своей сути билингвизм украинцев имеет ряд специфических черт, отличающих его от классического понимания этого термина. Хотя он может быть таковым, но встречается лишь у небольшого круга образованных людей, в совершенстве владеющих обоими языками. Это, прежде всего, гуманитарная и творческая интеллигенция (напр., актер Б. Ступка, поэтесса О. Забужко, писатель С. Жадан и др.), а также современная молодежь, в основном, студенты гуманитарных вузов.

Характерным признаком билингвизма украинцев стоит назвать немаловажный фактор степени их владения русским и украинским языками. Здесь мы встречаем различные варианты проявления билингвизма: а) пассивный украинский – активный русский, б) активный украинский – пассивный русский (характерен для сельской местности Центральной Украины и западных регионов страны), в) активный вариант украинского варианта южнорусского просторечия – суржик (хаотичное смешение русского и украинского языков, не поддающееся систематизации).

Говоря о специфике украинского билингвизма, необходимо отдельно остановиться на таком феномене, как суржик. Он не имеет аналогов в славянском мире (белорусская трасянка менее выражена как лингвистически, так и в количественном отношении ее носителей). Суржик – это по большей части язык жителей крупных городов Украины Поднепровья, а также Харькова, Полтавы, Чернигова и др. Причем по своей природе он далеко не однородный. Вслед за М.С. Флайером [Флайер 2010 : 285] мы условно выделяем суржик первого типа (с преобладанием элементов русского языка) и суржик второго типа (с преобладанием элементов украинского языка). Если расширить понятие билингвизма применительно к языку крупных городов вышеуказанных регионов, то можно говорить о своеобразном кодовом билингвизме: «суржик-1 – суржик-2». Отметим, что носители этих языковых кодов владеют литературным русским и украинским весьма пассивно. Они не способны активно использовать русский или украинский языки, однако в зависимости от участника диалога (русскоязычного или украиноязычного) они могут переключать свой языковой код только с «суржика-1» на «суржик-2» или наоборот.

Таким образом, термин билингвизм по отношению к современной украинской языковой ситуации следует понимать намного шире, чтобы описать современную языковую ситуацию крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины, для которой свойственно своего рода полиязычие, или – точнее – поликодовость (русский язык – украинский

вариант русского просторечия – украинский вариант южнорусских говоров – украинский язык – среднеприднепровские говоры – суржик-1 – суржик-2).

В заключение отметим, что в настоящем исследовании нас интересовал именно язык крупных городов, или городские диалекты, поскольку украинский язык центральных и юго-восточных регионов страны продолжает оставаться по большей части языком села в своем естественном диалектном варианте. При этом, у украиноязычных сельских жителей, переезжающих в город, наблюдается языковой сдвиг в сторону одного из вышеупомянутых языковых кодов.

Литература / References

1. *Кузнецова И.В., Савченко А.В., Хмелевский М.С.* Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М.П. Старицкого «За двумя зайцами») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 2018. № 2(98). С. 89 – 99.
2. *Масенко Л., Залізняка Г.* Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та прийдешній. - Київ : Києво-Могилянська академія, 2001. 96 с.
3. *Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах: опыт описания. Анализ концепций. – Москва : Наука, 2003. 279 с.
4. *Флайер М.С.* Суржик или суржики? // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова. Отв. ред. Т.М. Николаева. – Москва : Языки славянских культур, 2010. С. 281–295.
5. *Хмелевский М.С.* «Языковой портрет» современной Украины – социолингвистический аспект // *Komunikacja specjalistyczna*, № 13, red.: Ł. Karpiński, P. Michałowski. – Warszawa : Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej WLS UW, 2017. S. 79-105.
6. *Хмелевский М.С., Урсуленко А.В.* Современная украинская языковая ситуация (коммуникативный аспект) // *Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe*. Band 17. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2009. С. 217-230.

Сравнение уменьшительных суффиксов в русском и хорватском языках – морфемика, словообразование и семантика

Ж. Челич

COMPARISON OF DIMINUTIVE SUFFIXES IN RUSSIAN AND CROATIAN –
MORPHEMICS, WORD FORMATION AND SEMANTICS

Željka Čelić

ABSTRACT:

Croatian suffixes -k- and -ica- and Russian suffix -k- form hypocorisms; if the base denotes animals, their function becomes an appellative one. These appellatives are used

in different social relationships (intimate relationships, parenthood), which depends on meaning of a word stem and meaning of a suffix.

Keywords: suffix; Croatian; Russian; hypocorism

АННОТАЦИЯ:

Хорватские суффиксы *-k-* и *-ica-* и русский суффикс *-к-* образуют уменьшительные слова; если основа обозначает животных, они выполняют также апеллятивную функцию, выражая разные социальные отношения (интимные и/или родительские), что зависит от значения корня и значения суффикса.

Ключевые слова: суффикс; хорватский; русский; уменьшительное слово

Граматики и пособия по хорватскому и русскому языку определяют суффиксы как морфемы – словообразовательные элементы, обладающие собственным значением. Хорватские источники также определяют как суффиксы и окончания – флективные суффиксы¹; русские – нет. В хорватской литературе утверждается, что суффикс никогда не обладает лексическим значением² – таким способом, отрицается определение суффикса как морфемы, у которой есть значение вне контекста слова; или в их определении вообще не упоминается связь суффикса со значением, в отличие от русского языка.³ В русской научной литературе приводятся разные значения суффиксов.⁴ Если суффикс определяется как морфема, причем морфема является элементом с самостоятельным значением⁵, в таком случае и суффикс обладает значением.

В морфемном инвентаре русского и хорватского языков особо выделяются суффиксы для образования уменьшительных существительных. Основными суффиксами для образования уменьшительных слов в хорватском стандартном языке являются: *-k-*, *-ic-*; в русском языке основным является суффикс *-к-*. Категория уменьшительности связана с размером объекта, для которого установлены фиксированные стандарты в определенной социальной и языковой среде. Эта категория охватывает как людей, так и животных. Уменьшительные существительные, обозначающие животных, называют либо минимизированного представителя рода, либо детенышей. Некоторые из этих слов в коммуникации используются как

¹ Ср. [Marković 2013: 57]: «Tako je i u indoeuropskim jezicima, primjerice latinskoje i hrvatskoje, pa su u sufiksu *-a* u lat. *silva* 'suma' amalgamirana tri morfemam.»

² Ср. [<http://enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=58660>]: «Sufiks nikada ne nosi leksičko značenje, ne pojavljuje se kao osnova ni samostalno.»

³ Ср. [Плунгян 2009: 90]: «Суффиксов в русском языке больше, чем префиксов, и все (морфологически выражаемые) словоизменительные значения (время глагола, число и падеж существительного и т.п.) передаются только ими.»

⁴ Ср. [Филиппова 2009: 23]: «Так, суффиксы прилагательных *-ов-*, *-ин-* могут вносить значение принадлежности лицу или животному или значение признака по отношению к определенному виду животных.»; ср. [Пухакка 2011: 9]: «Разные суффиксы привносят в слово различные стилистические и семантические оттенки.»

⁵ Ср. [Шанский 2009: 75]: «Морфема как минимальная значимая часть слова.»

ласкательные слова-апеллятивы; лишь маленькая группа животных входит в эту группу, хотя теоретически каждое имя существительное может быть преобразовано в уменьшительное слово. Перенос качеств животных на близкого человеку индивида зависит от конкретной культуры и аниимальной символики в данной культуре.

Объектом нашего внимания является суффиксация существительных-уменьшительных слов, мотивированных названиями животных, размеры которых являются меньше общепринятых. Точнее, предметом нашего анализа являются дериваты, которые формально (по своему морфемному составу) относятся к разряду уменьшительных, которые называют молодых животных и являются ласкательными словами с функцией апеллятивов для людей. Сопоставление морфемного состава проанализированных слов (их корней, основы, суффиксов: *mišek* / < *miš*, ‘мышь’/; *micica*, *micek*, *musek* / < *mačka*, ‘кошка’/; *ribica* / < *riba*, ‘рыбка’/; *зайка*, *рыбка*, *киска*), а также их символика и семантики подтвердило преобладание одного, общего для морфемного инвентаря обоих языков суффикса (-к-). При использовании характерного лишь для хорватского языка суффикса -ica- в данном случае, т.е. в функции апеллятива, реализуется также пейоративное значение (ирония), в отличие от общей положительной функции апеллятивов. Наш анализ продемонстрировал, что употребление и хорватских, и русских слов явно связано с отношением между полами (*micica*, *micek*, *musek*, *рыбка*, *киска*) и отношениями между родителями и детьми, несмотря на их пол (*mišek* = g.c.), за исключением русского слова *зайка*, которое употребляется, как правило, в интимном общении взрослых, но возможно и в вербальной коммуникации с детьми. Особенностью морфемики и словообразования хорватских слов является тот факт, что суффикс -к-, образующий уменьшительные слова с апеллятивной функцией, используется лишь в кайкавской разновидности хорватского языка (в диалектах и говорах кайкавского наречия, а также в городской речи – особенно в Загребе, где использование другого суффикса -ic- в подобных примерах меняет значение апеллятива на пейоративное, добавляя иронический оттенок, и слово приобретает функцию определения благодаря интонации говорящего, как в случае со словом *micica*, но не *ribica*). Таким образом, суффиксы -к- и -ic- как в стандартном, так и в нестандартном вариантах хорватского языка используются, как правило, для образования уменьшительных слов женского рода, однако в рассмотренных апеллятивах они могут быть также именами существительными мужского или общего рода. Общий род характерен и для русских слов, хотя они формально являются существительными женского рода.

Литература / References

1. Плузьян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Москва: URSS. 384 с.

2. *Филиппова Л.С.* Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука. 2009. 248 с.
3. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. Москва: URSS. 336 с.
4. *Hrvatska enciklopedija.* [Электронный ресурс.] URL: <http://enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=58660> Дата последнего обращения 20.08.2018.
5. *Marković I.* Uvod u jezičnu morfologiju. Zagreb: Disput: 2013. 555 s.

Ключевая роль белокриницкой митрополии в движении русского старообрядчества (феномен аллотропии в контуре исторической интриги)

О. В. Червинская

THE KEY ROLE OF BELOKRINITSKOE MITROPOLY IN THE MOVEMENT OF THE RUSSIAN OLD BELIEVERS (THE PHENOMENON OF ALLOTROPY IN THE CONTOURS OF HISTORICAL INTRIGUE)

Olha V. Chervinska

ABSTRACT:

An expressive example of allotropy (preservation of one's own cultural formula in another's context) is considered, connected with the formation of the world center of Russian Old Believers in Belaya Krinitza (Bukovina). The tragic result of the Nikon reform and the split in Russian Orthodoxy was the mass exodus of the Old Believers in the 17th century beyond the borders of the country, characterized by the complete preservation of their national identity. The role of the latent rivalry between Russia and Austria in the emergence of an independent Russian Old Believer Metropolys is emphasized, the activities of a number of iconic figures of the Old Believer movement are commented on.

Keywords: allotropy; one's own / alien; religious and historical incident; Bukovina; Old Believers; Belokrinitskaya metropoly; Rogozhskoe Cemetery; Metropolitan Ambrose.

АННОТАЦИЯ:

Рассматривается выразительный пример *аллотропии* (сохранение собственной культурной формулы в чужом контексте), связанный со становлением мирового центра русского старообрядчества в Белой Кринице (Буковина). Трагическим результатом Никоновских реформ и раскола в русском Православии стало массовое бегство старообрядцев в XVII в. за пределы страны, характерное полным сохранением своей национальной идентичности. Акцентируется роль скрытого соперничества России и Австрии в возникновении самостоятельной русской старообрядческой Митрополии, комментируется деятельность ряда знаковых фигур старообрядческого движения.

Ключевые слова: аллотропия; свой / чужой; религиозно-исторический казус; Буковина; старообрядчество; Белокриницкая митрополия; Рогожское Кладбище; митрополит Амвросий.

В культурологическом аспекте любая из условно однородных культур или, по выражению П. Сорокина, «социокультурных тел» в своем движении неизбежно сталкивается с ситуацией, когда эта однородность перестает быть очевидной. Сама по себе эта специфическая ситуация культуры обусловлена наличием чуждого контекста. Любая аллотропная форма (термин Й. Я. Берцелиуса) поддерживает единство на каком-то одном принципиальном «аттракторе»: помимо языковой это может быть, например, религиозная общность, национальная, кастовая и пр. Аллотропные формы, нивелируясь, еще долго могут выдавать свое присутствие в качестве латентного фермента – до тех пор, пока их исторически выработанные ресурсы не исчерпают себя.

Аллотропная ситуация стала первым толчком для философской концепции Юлии Кристевой – сочинение-эссе «Сами себе чужие» (1988) [Kristeva 1988]. Идея была актуальной не только для этой исследовательницы. К примеру, в статье Юрия Шевелева «Николай Ге и Тарас Шевченко: художник в ином контексте» (1989) присутствует аналогичный акцент. Критик раскрывает Николая Ге именно как украинца, вопреки тому, что этот художник круга Товарищества передвижных художественных выставок обычно называется русским. Акцентируя проблему «второго» (т. е. украинского) плана личности этого мастера, Шевелев находит его «типологически подобным» Тарасу Шевченко, исходя из «общности подхода к теме и стиля ее подачи». [Шевельов 2008: 11-143].

Мы здесь рассматриваем не единичный случай, а исторический казус: становление старообрядческой общины на Буковине, утверждении Белокрыницкой Митрополии как центра мирового старообрядчества – события, вопреки своей особой истории, все еще не вполне изученного. Большую роль в жизнедеятельности этого раскольнического движения со временем сыграла Австрийская митрополия, о чем свидетельствует история «легитимизации» раскольничества, непосредственно связанная с Буковиной. Пример ставит вопрос о том, что способствует сохранению культурной целостности и традиционного уклада большой этнической группы, в силу исторических обстоятельств вынужденной трансплантироваться в чужие земли. Чем специфичен их быт, богослужения, обряды, с какими проблемами они сталкивались – вопрос открытый. Попытки изучить старообрядчество в Буковинском регионе единичны (интересные факты почерпнуты мной из архивных источников, собранных черновицким исследователем Виталием Юрий [Юрий 2018]).

Первое поселение старообрядцев (липован) на Буковине возникает в 20-е годы XVIII в., до присоединения Буковины к Австрии (1775 г.), когда этот край еще входил в состав Молдавского княжества и подчинялся Османской империи [Кайндль 1896: 11]. Некоторые сведения об условиях жизни первопоселенцев можно почерпнуть из дореволюционных

источников [Субботин 1874: 115]. В сравнении с другими жителями Буковины положение первых старообрядческих семейств в Австрии поначалу было весьма шатким. Преобразования, которые Австрия проводила в 80-е годы XVIII в., улучшили эту ситуацию. Император Иосиф II проводил реформы по всем направлениям государственной деятельности. Так, 20 октября 1780 г. им был издан патент о веротерпимости (Толеранцпатент), в котором католичество уже не рассматривалось как единственная разрешенная официально религия.

По отношению к иноверцам сами липоване на Буковине в XVIII–XIX вв. проявляли религиозную ксенофобию [Dan: 289-290]. Вынужденные существовать в иноязычном, иноконфессиональном и иноэтническом окружении, старообрядцы-липоване, благодаря своей «древлеправославной вере», сохраняли свой русский язык, свой быт, традиции и фольклор, где бы ни селились. Важным историческим казусом стало утверждение Белокриницкой Митрополии, согласованное с собором Рогожского Кладбища (подлинные постановления Московского Рогожского Собора 1832 г. не найдены до настоящего времени. Сведения об этом событии находим в «Очерках поповщины» П. Мельникова (Андрея Печерского) и в «Истории Белокриницкой иерархии» Н. Субботина [Субботин 1874: 99]). Император Фердинанд подписал декрет об учреждении в Белокриницком монастыре старообрядческой архиерейской кафедры в 1844 г. Как резюмировал Н. Надеждин, «могущественное австрийское государство предоставило старообрядцам всеми формами гражданской законности обеспеченную епископскую кафедру, и следовательно раскол, доселе пресмыкавшийся темной, отверженной сектой, возводит на степень официально признанной церкви» [Надеждин 1860: 106]. Особая страница – драматическая история митрополита Босно-Сараевского, а затем первого старообрядческого архиерея митрополита Амвросия (1791–1863), отец которого был двадцать вторым каноническим священником в роду.

Создание Белокриницкой митрополии положило начало существованию наибольшего направления в старообрядчестве – Белокриницкого (или Австрийского). До 60-х гг. XIX в. Белая Криница была по факту и *de jure* духовным центром наибольшей части старообрядцев-поповцев, живших как в России, так и вне. Митрополичья кафедра простояла здесь почти сто лет, затем, в связи с приходом советской власти в 1944 г., она была перенесена в Румынию (г. Браила).

Литература / References

1. *Кайндль Р.* Возникновение и развитие липованских колоний в Буковине. Вена, 1896.
2. *Надеждин Н.* О заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Т. 1. Лондон, 1860.
3. *Субботин Н. И.* История Белокриницкой иерархии. Т. 1. Москва, 1874.

4. *Шевельов Ю.* Вибрані праці. У 2 кн. Кн. II. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 1151 с.
5. *Юрий В.* История старообрядчества на Буковине в период XVIII-XIX веков. Киев: (Свято-Успенская Киево-Печерская лавра), 2018. (Рукопись).
6. *Dan D.* Die Lippowaner // Herzogthum Bukowina in Wort und Bild. Wien: Verlag Eduard Beiyer, o.J.
7. *Kristeva J.* Etrangers à nous-mêmes. Paris: Fayard, 1988. 293 p.

Изменения в современном чешском языке

М. Чехова

PROMĚNY V SOUČASNÉ ČEŠTINĚ

Marie Čechová

CHANGES IN THE CURRENT CZECH

Marie Čechová

ABSTRACT:

The current Czech is socially stratified and regionally differentiated, although there are also the processes of the opposite character in it, the unification and equalization. Language development includes in itself the antinomies opposing each other, but mutually complementary and converting into each other. We consider analogy and anomaly basic pairs (see N. Savický, SaS 1992), their amplitudes alternate; up to 1990th, the prevailing analogism was relieved by anomalism, now it seems that even the latter is past its prime. While none of the processes should be absolutized. Systematic character of linguistic phenomena, their regularity, although does not function without exceptions, is not mechanic, but the language peculiarities, differences, individuality in expression cannot be the main prerequisite for the smooth functioning in communication.

The paper presents interpretation of the action of the selected antinomies in the language and in speech. The most important one includes the relationship between the standard and non-standard forms, represented by the common Czech, i.e. predominant variant in everyday speech in Bohemia and western Moravia. Already since the middle of the last century, a strong tendency for non-opening of "the scissors" promotes, the tendency to the blurring of boundaries between them, while various linguists have the different opinions to that process. Those opinions are reflected also in the opinion on codification and on normativeness in general, replaced by some (under foreign influence) with so-called standardness, some even refuse the language culture (the basic concept of the Prague school) and the concepts associated with it (e.g. norm). The different opinions of the linguists are also reflected in the inconsistency in normative books (dictionaries, grammars, orthographic norms, normative educational handbooks), and this raises the uncertainty of users in the choice of language means. They are now perhaps more influenced by media than by teaching and fiction, which previously used to be absolutely predominant sources of language learning and education. The level of media speech is reflected in the speech of ordinary users, the frequent phenomena are overused, they become fashion, they insinuate themselves into the speech regardless of

their functionality or non-functionality, they act like a contagion in the speech (in the present, see the words as: *nicméně, jakoby, onen...* and phrases *co se týče/pokud jde o...*). Obvious defects penetrate from the speech media speakers into the everyday language, such as confusion of paronyms and related words, but semantically distinct (*usvědčuje* and *přesvědčuje*), non-standard forms, e.g. non-declined forms of the pronouns *jenž* and components of the compound numerals, contaminated phrases (*učarovala ho kytara*), wrong phrases and constructions (*stoleté výročí vzniku republiky*), sometimes even nonsense (*výsledky jsou lepší než skutečnost*), made due to the false syntactic pairs (*zachraňte lidi před smrtí bylinkami*). Distinctive antinomy is also archaization and on the other hand, the revival of some of the means. Archaization leads to the impoverishment of expressive possibilities, to the decline of certain means, e.g. transgressives, especially the past ones, and the past conditional, ... on the other hand, reviving of the almost vanished phenomena can be monitored, such as expressions *poťazmo, stran, pakliže...*

In general, the current situation of the Czech can be characterized as dynamic, with developmental features both systemic and irregular. Linguistics should not only capture this situation (by frequency dictionaries), and describe it, but influence it by linguistic awareness, as the followers of the Prague school claimed (A. Jedlička, F. Daneš...). However, some linguists (Václav Cvrček...) refuse it, considering it wrongly as intervention and manipulation.

Keywords: normativeness; analogy; anomaly; codification; archaization; revitalization; convergence; differentiation

АННОТАЦИЯ:

Современный чешский язык социально стратифицирован и регионально дифференцирован, несмотря на происходящие в нем противоположные процессы унификации и нивелизации. Развитие языка включает в себе антиномии, хотя и противоположные, но комплементарные, взаимно дополняющие друг друга и взаимопроницающие. Главной парой здесь мы считаем аналогию и аномалию [Savický 1992], амплитуды которых колеблются: преобладавшему до 90-х гг. «аналогизму» пришел на смену «аномализм», в наши же дни представляется, что и он уже преодолел свой пик. При этом ни один из названных процессов не следует абсолютизировать. Системность языковых явлений, их регулярность хотя не является правилом, не знающим исключений, и не проявляется механически, тем не менее речевые особенности, отличия, своеобразие, индивидуальный стиль высказываний не могут быть главной предпосылкой беспроблемного функционирования языка в процессе коммуникации. В докладе освещается проявление некоторых антиномий в языке и речи. Наиболее значимым является соотношение между литературностью и нелитературностью; последняя в чешской ситуации представлена обиходно-разговорным чешским языком, т. е. койне, господствующим в повседневной коммуникации в Чехии и в западных областях Моравии. Уже с середины прошлого века здесь заметна тенденция не расширять раствор «ножниц», тенденция к стиранию границ между литературным и обиходно-разговорным чешским языком – при различном отношении лингвистов к этому процессу. Высказываются разные точки зрения на кодификацию и вообще понятие литературного языка, подменяемое некоторыми (под влиянием чужих традиций) так наз. «стандартностью». Отдельные авторы даже отказываются от понятия

языковой культуры (ключевого для Пражской школы) и связанных с ним, таких как языковая норма. Разногласия мнений лингвистов сказывается и в неединообразии кодифицирующей литературы (словарей, грамматик, правил орфографии, нормативных школьных учебников), что приводит к неуверенности носителей в выборе языковых средств. В наши дни, впрочем, на носителей в большей степени влияют СМИ, чем школьное обучение и чтение художественной литературы – ранее абсолютно доминировавшие источники языковой подготовки и воспитания. Уровень языка СМИ отражается на речи рядовых носителей, они злоупотребляют частотными явлениями, которые входят в моду, приживаются в речи безотносительно к их функциональности или нефункциональности, становятся паразитами (таковы сейчас слова *níctméně, jakoby, onen...* и выражения *co se týče/pokud jde o...*). Из языка СМИ в речь обычных носителей проникают и явные ошибки, например, путаница при употреблении паронимов и родственных, но семантически отличающихся слов (*usvědčuje × přesvědčuje*), не кодифицированные явления, такие как неизменяемые формы местоимения *jenž, jež* и компонентов составных числительных, контаминированное глагольное управление (*učarovala ho kytara*), погрешные обороты и конструкции (*stoleté výročí vzniku republiky*), порой просто абсурдные (*výsledky jsou lepší než skutečnost*), которые появляются, кроме прочего, и в результате неправильного синтагматического членения (*zachraňte lidi před smrtí bylinkami*). Заметной антиномией является также архаизация, с одной стороны, и ревитализация некоторых языковых средств, с другой. Архаизация приводит к обеднению репертуара выразительных средств, к отмиранию некоторых явлений, например, деепричастий, особенно прошедшего времени, и форм сослагательного наклонения прошедшего времени, но в то же время наблюдается оживление почти исчезнувших слов, таких как *potažmo, stran, pakliže...* В целом современное состояние чешского языка может быть охарактеризовано как динамичное, с чертами развития как системного характера, так и нерегулярными. Лингвистике следовало бы не просто фиксировать (в частотных словарях) и описывать это состояние, но и влиять на него методами языкового воспитания, на чем настаивали продолжатели традиций Пражской школы (А. Едличка, Ф. Данеш), хотя некоторые лингвисты (например, В. Цврчек) отказываются от этого, безосновательно считая такой подход вмешательством и манипуляцией.

Ключевые слова: литературный язык; аналогия; аномалия; кодификация; архаизация; оживление; сближение; дифференциация

Současná čeština, tj. čeština tří žijících generací, je sociálně stratifikována i regionálně diferencována, takže jazyková a komunikační situace je dynamická a zvláště pro cizince nepřehledná a tím nesnadno pochopitelná a ovladatelná. Specifický vývoj češtiny je vysvětlitelný rozdílem mezi všeobecně užívaným koiné v Čechách a na západní Moravě (s celkovou nivelizační nářečí), obecnou češtinou, a spisovnou češtinou, ovlivněnou umělým zásahem kodifikačním, mluvnici Josefa Dobrovského a na ni navazujícími mluvnici Gebauerovými a dalšími.

Rozdíl mezi spisovnou a obecnou češtinou se zvláště od 2. poloviny 20. století stírá, hranice spisovnosti se posouvá směrem k obecné češtině. Už generace Jedličkova a Danešova zastávala stanovisko, aby se „núžky“ mezi

oběma útvary nerozevíraly. Nejfrekventovanější jevy z obecné češtiny pronikají do spisovné a některé si už v ní vydobily své místo, např. tvar *ho* ve 4. pádě sg. neutra *ono* vytlačil tvar *je*, tvar *mě* v genitivu zájmena *já* tvar *mne...*, tvar *něj* v témž pádě zastiňuje tvar *něho*, dlouhé tvary *svoji*, *mojí* se uplatňují vedle kratších *svou*, *mou...* Na postupu směrem k pospisovnění jsou další jevy, jako kondiciálové tvary *aby jsme*, *aby jste* aj. Avšak vývoj není jednosměrný, a tak ze spisovné češtiny do nespisovné pronikají nejen kulturní a technické výrazy, zvláště anglicismy, ale rovněž i tvary a konstrukce, takže se v komunikační praxi i v řeči jednotlivce setkáváme s českou makaronštinou. Vcelku se pojem spisovné češtiny rozšiřuje, ale zároveň relativizuje.

Od 90. let se přehodnocuje vztah spisovnosti a stylovosti, do té doby byl styl chápán jen v hranicích spisovnosti. Stylovost se nyní pojímá širě než spisovnost [Čechová 1998]. Na jednu stranu se počet stylů rozrůstá, uvádí se až 12 funkčních stylů [Jelínek 1995] a bylo by možno vydělovat další, běžně se vyčleňuje 5 až 7 stylů, na druhou stranu se hranice mezi nimi stírají. Dokonce někteří platnost funkční stylistiky, jak ji rozpracovala Pražská škola, počinaje B. Havránkem, vůbec zpochybňují.

Obdobně je to s pojmem jazyková (doplňme: řečová) kultura a spisovný jazyk s jeho normou. Spisovný jazyk je nahrazován pojmem standard, převzatým ze západní jazykovědy, aniž by byly vymezeny jeho rysy v porovnání s češtinou spisovnou a obecnou, nejčastěji (při rozdílném chápání jednotlivci) ve smyslu širě pojaté spisovnosti se zahrnutím frekventovaných jevů z obecné češtiny. Také pojmu norma se někteří vzdávají, jednotlivci ji nahrazují staronovým, purizujícím názvem, přežívajícím ve školském prostředí, jazyková správnost. Kodifikaci se přiznává pouze doporučující, nikoli „uzákoňující“ platnost. Situaci chtějí někteří lingvisté, prosazující koncept minimální intervence, tj. zásadu nezasahovat do vývoje jazyka, zcela uvolnit [Cvrček 2006, 2008]. V současnosti vznikají v české jazykovědě práce koncepčně neujasněné, jež se vzájemně rozcházejí, někdy novost spočívá jen v (nezdůvodněné) změně termínů, ale většina lingvistů navazuje na tradice Pražské školy, rozvíjí je, vědoma si toho, že vývoj není ani jednosměrný, ani bezvýjimečný. Rozdílná stanoviska lingvistů se promítají do nejednotnosti kodifikačních příruček (slovníků, mluvnic, pravidel pravopisu, normativních školských příruček, učebnic) a tím se vyvolává nejistota.

Diferenciace v jazyce zcela nepřevažuje, je provázena současně procesy opačnými, unifikací a nivelizací. Vývoj totiž v sobě zahrnuje antinomii, vzájemně sice protikladné, ale komplementární jevy, doplňující se a v sebe přecházející. Za základní antinomii považujeme analogii a anomálii, v jazykovědě se projevující jako analogismus a anomalismus [Savický 1992]. Ty se ve vývoji periodicky proměňují, jejich amplitudy se střídají; až do 90. let 20. století převažující analogismus byl vystřídán anomalismem, nyní se zdá, že už i on je za zenitem. Přitom ani jeden z procesů by neměl být

absolutizován. Systémovost jazykových jevů, jejich pravidelnost, se sice neuplatňuje bezvýjimečně, není mechanická, avšak jazykové zvláštnosti, odlišnosti, individuálnost a osobitost vyjadřování nemohou být základním předpokladem bezproblémového fungování v komunikaci. Anomalismu vedl na konci 20. století ve škole až k oživení principů agramatismu (rozvíjeného už na přelomu 19. a 20. století a později překonaného [Čechová 2017: 238 pass.], k prosazování komunikace neopřené o systematické jazykové vzdělávání).

Ruku v ruce s těmito antinomiemi jde další protiklad, řád a chaos. Řád považujeme za duši všech věcí. Podstatou řádu v jazyce je jeho systémovost, ovšem s respektováním vývoje, v řeči postupně se prosazujících změn, jež se mohou ve spisovném jazyce promítnout jako varianty, skrze něž vývoj probíhá (viz už A. Jedlička v 60. a 70. letech). Zamýšlená pluralita kodifikací (V. Cvrček) by tento problém nevyřešila, ale ještě zkomplikovala. Už jednotlivé kodifikované varianty působí běžným uživatelům nesnáze, ti mají totiž potřebu jednoznačného řešení, dvojí či dokonce trojí možnost na výběr je neuspokojuje, protože nechápou podstatu změn, škola je na to nepřipravila. Podle V. Cvrčka je naučené jednání nepřirozené, jazykovou osvětu i výchovu považuje za manipulaci. To je v přímém rozporu se stanoviskem F. Daneše, požadujícího usměrňovat jazykové chování (1979), i se stanoviskem mým (viz naposledy [Čechová 2017: 118–139]; Nová čeština doma a ve světě, videokanal 2017). Nejednotnost kodifikace vyvolává nejistotu u učitelů a (i jejich prostřednictvím) u běžných uživatelů i u publicistů a novinářů. Ji podporuje i stanovisko pracovníků Ústavu pro jazyk český (ÚJČ) M. Proška (dnes ředitele Ústavu) a K. Smejkalové [Prošek, Smejkalová 2011: 24] prohlašujících, že ÚJČ se vzdává kodifikační pravomoci a hlásí se ke konkurenci kodifikací. Ale tím se zřikají povinnosti a poslání Ústavu, s nímž byl roku 1946 založen a celá desetiletí to bylo respektováno.

Běžní uživatelé jsou dnes možná více ovlivňováni médii než výukou a krásnou literaturou, jež byly dříve naprosto převažujícími zdroji jazykového vzdělávání a výchovy, ale ani média nepůsobí celoplošně shodně, liší se vzájemně mezi sebou respektováním či nerespektováním spisovnosti, kultivovaností (nejen ve zvukové podobě, viz doprovodné pazvuky, částicové výrazy začínající stereotypně výpovědi (*Tak, No tak*), některé se nevyhýbají ani vulgárnostem (viz např. slovo *průser*), liší se i mírou manipulativnosti. příjemcem. Úroveň mediální řeči se odráží v řeči běžných uživatelů, frekventované jevy se stávají se módou, bez ohledu na svou funkčnost × nefunkčnost, vtírají se do řeči, působí jako nákaza v řeči (v současnosti nadužívání slov *nicméně, jakoby, onen...* a „oslíh můstků“ *co se týče/pokud jde o...*). Z řeči mediálních mluvčích pronikají do řeči uživatelů i zřetelné nedostatky, jako záměny paronym (*rozplynulý, rozplizlý*) a slov příbuzných, ale významově odlišných (*usvědčuje a přesvědčuje*), nekodifikované, např.

nesklonné tvary složených číslovek nebo zájmena *jenž, jež*, tvary substantiva práce *pracech, pracemi*, vadné obraty a konstrukce (*stoleté výročí vzniku republiky*), kontaminace (*učarovala ho kytara*), falešné skladební dvojice (*zachraňte lidi před smrtí bylinkami*) aj. nepravdivosti někdy až nesmyslné (*výsledky jsou lepší než skutečnost*). Některé z těchto jevů jsou následkem – vedle nedostatečného bohemistického vzdělání mediálních pracovníků – vlivu nedokonalých, někdy otrockých překladů z angličtiny (*parlament je o tom*).

Výraznou antinomií je i archaizace a na druhou stranu ožívování zastaralých výrazů. V řeči jsou opouštěny některé prostředky, čímž se ochuzují vyjadřovacích možnosti; dokumentujeme to ústupem minulého přechodníku a kondicionálu, zvrtných tvarů posesivního zájmena *svůj*, v poslední době opouštěné přechylování a s tím spojené neohýbání ženských jmen (*paní Koubek, s paní Koubek*).

Nelze však obecně tvrdit, že námi zmiňované zastarávající jevy z komunikace zcela mizí, někteří pisatelé, ba i mluvčí naopak je do své řeči vkládají např. přechodníky, zvláště přítomné, bohužel často v tvarech nekodifikovaných, nejčastěji v podobě ženského rodu singuláru (tvar se nejnázne tvoří), bez ohledu na potřebnou shodu (*pracovník propočítávajíc výdaje, nezohlednil...*); dochází i k ožívování dříve téměř vymizelých výrazů *potažmo, stran, pakliže...*, někdy chybně, až nesmyslně užívaných (*vydat se tak trochu do Brna a potažmo do zahraničí*).

Příznačný je pohyb ve vazbách sloves, např. ustupuje genitiv verbální, nahrazován nejproduktivnějším a nejfrekventovanějším akuzativem (*užít, užívat*), podobně je tomu u jiných pádů (*učit, učit se* od 3. přechází ke 4.), téměř vymizel genitiv záporový, naopak vzrůstá frekvence genitivu adnominálního, genitiv nahrazuje posesivní adjektiva (*román Hrabala*). Pohyb poznamenává předložkové konstrukce, zřetelná je už celá desetiletí expanze předložky *na* na úkor *v, do, pro, k, o*, čímž se zvyšuje její homonymita (*sedí na pokladně, koupe se na bazéně*), hromadění předložek za sebou (*přišla s do růžova vyspalými tvářemi*), postupuje prepozicionalizace původních plnovýznamových konstrukcí (*ve vztahu k, s ohledem na...*), spolu s ní i partikulizace (význam některých plnovýznamových slov, především příslovčí, poklesá, získávají platnost modálních částic (*jen aby! opravdu?!*)). Lze si povšimnout, že některá slovesa přitahují k sobě předložkové konstrukce, takže lze uvažovat o příklonu češtiny k aglutinaci (*vrhat koulí* → *s koulí*).

Z dalších antinomií uveďme v řeči projevuující se na jedné straně nadměrnou redundantnost, vedoucí u vnímatele k opadnutí zájmu o předmět komunikace, na druhé jmenujme nadměrnou zkratkovitost, eliptičnost, vyústějící mnohdy v nesrozumitelnost, v neporozumění i nedorozumění; obojí je, pokud nejde o autorský záměr, z hlediska komunikačního nežádoucí. V této souvislosti uveďme i to, že nemáme na mysli všeobecné odmítání zkratk a zkratkových slov, i když jsme se domnívali, že po společenských změnách na

konci století se snížila frekvence těchto výrazů, mnohdy znemožňujících porozumění textu, ale očekával nás opačný trend. K němu přistoupil zřetelný nárůst nejen cizích, většinou z angličtiny přejímaných výrazů označujících nové reálie, ale výraziva užívaného pouze s cílem autora předvést svou vyšší úroveň, řeč prokládají výrazy jako *sory*, *cool*.

Od 80. let minulého století se postupně mění názor na užívání frazeologie. Do té doby se soudilo, že ve srovnání se staršími obdobími užívání i četnost frazeologie se snižují. Ale výzkumy, především týmu pod vedením F. Čermáka, vyústující v čtyřdílný Slovník české frazeologie a idiomatické, přední ve slovanském světě, i moje dlouhodobá zkoumání (viz např. [Čechová 2012, 2017]), založená na zjišťování a srovnávání stavu znalostí a porozumění frazémům u mládeže, přesvědčivě dokázala, že sice část frazeologie zastarává a ustupuje z užívání, ale na druhé straně stále vznikají frazémy nové a částečně oživují některé staré, jiné se aktualizují, obměňují, někdy i s pozměněným, či zcela opačným významem. Z těchto výzkumů bylo možno i odvodit, že čeština je více idiomatický jazyk, než se předpokládalo: mnohé konstrukce mají omezenou kompatibilitu, zvláště, ale nejen slovesné (vazebné), jsou petrifikované, fungují v jedné, popř. v několika málo podobách (*slynout krásou*, *vycukat si (něco) z prstu*, *mít něco za lubem*, *být v jednom karé*, *přijít vniveč*).

Vcelku lze současnou situaci češtiny charakterizovat jako dynamickou, s vývojovými rysy jak systémovými, tak nepravidelnými. Tuto situaci by neměla lingvistika jen zachycovat (frekvenčními slovníky) a popisovat, ale jazykovou osvětou i ovlivňovat, jak žádali pokračovatelé pražské školy (A. Jedlička, F. Daneš a jiní). To však někteří lingvisté odmítají, pokládajíce to neprávem za intervenci a manipulaci.

Литература / References

1. Cvrček V. Teorie jazykové kultury po roce 1945. Praha: UK Karolinum, 2006. 123 s.
2. Cvrček V. Regulace jazyka a Koncept minimální intervence. Praha: Lidové noviny / Ústav Českého národního korpusu, 2008. 232 s.
3. Čechová M. a kol. Současná stylistika. Praha: Lidové noviny, 2008. 381 s.
4. Čechová M. Řeč o řeči. Praha: Academia, 2012. 311 s.
5. Čechová M. Život s češtinou. Praha: Academia, 2017. 391 s.
6. Čermák F. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatické. Díl 1–4. Praha: Academia, 1983, 1988, 1993, 2009.
7. Daneš F. Postoje a hodnotící kritéria při kodifikaci. Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha: Academia, 1979. S. 79–91.
8. Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha: UK Karolinum, 1974. 227 s.
9. Prošek M., Smejkalová K. Kodifikace – právo, nebo pravomoc? Naše řeč, 2011, č. 94. S. 221–241.
10. Šavický N. Strukturalismus a poststrukturalismus jako epizoda „věčného“ sporu mezi analogisty a anomalisty // Slovo a Slovesnost, 1992. Č. 53. S. 208–211.

О семантическом параллелизме в лексике: наименования перхоти в славянских языках

Т.В. Шалаева

ON THE SEMANTIC LEXICAL PARALLELS: THE NAMES FOR DANDRUFF
IN THE SLAVIC LANGUAGES

Tatiana V. Shalaeva

ABSTRACT:

The paper discusses the etymology of Bulg. Dial. *лоà* 'dandruff'. It is derived from Proto-Slavic **lox-* 'rags, scraps'. The argumentation is based on the Slavic derivatives of this root and on the dandruff names which are formed from the synonymic roots.

Key words: Slavic etymology; semantic parallels; dandruff.

АННОТАЦИЯ:

В докладе предлагается новая этимология болг. диал. *лоà* 'перхоть', которая возводится к праслав. **lox-* 'лохмотья, обрывки'. В качестве аргументов приводятся другие дериваты данного корня в славянских языках, а также названия перхоти, образованные от синонимичных корней.

Ключевые слова: славянская этимология; семантические параллели; перхоть.

Известно, что для лексики удаленных друг от друга славянских языков нередко характерно сходное развитие структуры и семантики. Выявление подобных параллелей может стать основой для новых этимологических решений или верификации прежних этимологий [Варбот 2005: 381]. Примером данного явления служат славянские названия перхоти. Одну из частотных мотивационных моделей среди них демонстрируют наименования, производные корней со значением 'бить, колоть, резать'. Так, от глагола **lupiti* образованы следующие лексемы: чеш. *lup* 'шелуха, перхоть' [ЭССЯ 16: 186], словац. редк. *lupka* 'перхоть, чешуя' [Там же], польск. диал. *lupież* 'то же', блр. диал. *лунéш* 'то же' [Там же: 181]. Формы с корнем **lusk-* (словен. стар. *luskì* 'перхоть', польск. диал. *luska* 'то же', укр. диал. *лускá* 'то же', блр. диал. *лускá* 'то же' [ЭССЯ 16: 188–190]) трактуются или как родственные латыш. *laúška* 'осколок, черепок', *laúskas* 'перхоть', лит. *luskà* 'рваная тряпка', *lùskis* 'оборванец', или как дериваты праслав. **lušciti* 'счищать, сдирать' [ЭССЯ 16:190]. Представление о перхоти как об отделяемом внешнем покрове выражено в русск. диал. *óтрубь* 'перхоть' (Даль, без указ. места) [СРНГ 24: 304] при общерусском *óтрубь* 'остатки от оболочки зерна после помола', производном от **robiti* 'бить, рубить' [Фасмер III: 173].

Приведенный материал, как кажется, позволяет предложить новую этимологию для болгарской диалектной лексемы *лоà* 'перхоть'

[БД II: 88]. В «Болгарском этимологическом словаре» ее происхождение характеризуется как неясное [БЕР III: 447]. Ж. Ж. Варбот относит ее к производным индоевропейского корня **lei-/*loi-* ‘лить, сыпать’ (откуда праслав. **liti/*lojь*), реконструирует как **loja* (аналогично болг. диал. *mōa* из **moja*) и толкует ее внутреннюю форму как «слезшая, слинявшая кожа» [Варбот 1984: 138]. Однако в славянских языках других дериватов данного гнезда со значением ‘перхоть’ и близких ему не обнаружено. Более того, лексемы с корнем **lojь* обычно называют жидкую субстанцию, а значение ‘сыпать’ регулярно выражают глаголы [ЭССЯ 15: 259–261]. Таким образом, *ло̀д* ‘перхоть’, в рамках предложенной трактовки, выглядит изолированно.

Обращает на себя внимание тот факт, что в говоре, где отмечена данная лексема, в интервокальной позиции регулярно выпадает не только *j*, но и *x*: ср. *ма̀лка* наряду с *ма̀лка* ‘кукурузный початок’ [БД II: 13, 202, 205]. И, таким образом, появляется возможность реконструировать первичную форму *ло̀д* как **loxa* и связать ее с праславянским корнем **lox-/*lax-*, дериваты которого обозначают лохмотья, обрывки, куски ткани. Ср. русск. диал. *лохма́н* ‘лохмотья, отрепья’, ‘ветхая поношенная одежда’ [ЭССЯ 15: 250], укр. *ла́ха* ‘отрепье’ [ЭССЯ 14: 18], блр. диал. *ла́хма́н* ‘тряпье, лохмотья’ [ЭССЯ 14: 17], польск. *tachman* ‘лохмотья, тряпка’ [Там же: 17], чеш. диал. *tach* ‘оборванец’, словац. диал. *lachu* ‘одежда (также рваная)’ [Там же: 18].

Если поставить *ло̀д* ‘перхоть’ в один ряд с приведенными лексемами, то ее внутреннюю форму можно трактовать как «куски отошедшей, отслоившейся кожи» аналогично внутренней форме синонимов с корнями **lup-* и **lusk-*. Схожий первичный признак номинации, «куски кожи», характерен для русск. диал. *плоть* ‘перхоть’ [СРНГ 27: 156], продолжения праслав. **plъь* ‘кожа’ [Фасмер III: 286].

При данной трактовке приходится признать преимущественное распространение дериватов корня **lox-/*lax-* в значении ‘лохмотья, лоскуты’ в западно- и восточнославянских языках при отсутствии их в южнославянских диалектах. Но в болгарских говорах зафиксирована лексема *л’охмънь* ‘человек, который много скитается, шляется, не бывает дома’ [БД V: 79], которая предположительно относится к тому же этимологическому гнезду с реконструкцией **loxmanъ* [ЭССЯ 15: 250]. Семантической параллелью для болгарского слова может служить дериват того же корня – польск. диал. *tachmyta* ‘бродяга’ [ЭССЯ 14: 17]. Данное значение, вероятно, появилось на основе ‘оборванец’ (см. выше).

Кроме того, в болгарском языке отмечается лексема *лѣх* ‘обманщик, мошенник’ [Героу III: 28], которая считается родственной с.-хорв. диал. *лахати* ‘быстро ходить’, ‘преувеличивать’ [ЭССЯ 16: 239;

БЕР III: 263-264]. Этот глагол, в свою очередь, имеет славянские соответствия в виде чеш. диал. *lachovać* 'следить, выслеживать', польск. *lachać* 'носиться', русск. диал. *láxать* 'говорить о пустяках', 'бегать, метаться', блр. диал. *láxaць* 'бегать, искать', 'шляться, шататься', 'говорить глупости', 'сплетничать' [ЭССЯ 14: 16-17]. Далее праслав. **laxati* считается родственным корню **lox-/lax-* 'рваная, разорванная ткань' с общей для них семой движения в разные стороны [Там же: 19].

Таким образом, *ло̀д* 'перхоть' вместе с *л'охмънь* 'бродяга' и *лѣх* 'обманщик', возможно, представляют собой редкие дериваты данного этимологического гнезда в болгарском языке.

Литература / References

1. Български етимологичен речник. Т. I. София: Издателство на българската академия на науките, 1971.
2. Варбот Ж. Ж. Праславянская морфология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984. 255 с.
3. Варбот Ж. Ж. Чешские этимологии на фоне русской диалектной лексики // Verba et historia: Igoru Nemoči k 80. narozeninám / Ed.: P. Nejedlý, M. Vajdlová, B. Lehečky. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2005. S. 381–384.
4. Геров Н. Речник на българския език. Част I–. Фототипно издание. София: Български писател, 1975–1978.
5. Гълъбов Л. Говорът на с. Доброславци, Софийско // Българска диалектология: Проучвания и материали. Кн. II. София: Издателство на българската академия на науките, 1965. С. 3–118.
6. Кювлиева В., Димчев К. Речник на хасковския градски говор // Българска диалектология: Проучвания и материали. Кн. V. София: Издателство на българската академия на науките, 1970. С. 53–105.
7. Словарь русских народных говоров. Т. 1–. М.; Л.; СПб., 1965–.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание четвертое, стереотипное. М.: Астрель–АСТ, 2003.
9. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Т. 1. М.: Наука, 1974.

«Как гром среди ясного неба». Об одном из фрагментов польской языковой картины мира

О.Н.Шапкина

SKY IN THE POLISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Olga N. Shapkina

ABSTRACT

The article presents the analysis of the images of sky, existing in the Polish language picture of the world. This is considered a range of language data (lexical, phraseological, word-formative), which allow to identify both common and distinctive features of these images.

Keywords: language picture of the world; vocabulary; phraseology; axiology; Polish language.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ образа неба, существующего в польской языковой картине мира. При этом рассматривается целый ряд языковых данных (лексических, фразеологических, словообразовательных), которые позволяют выявить как общие, так и своеобразные черты этого образа.

Ключевые слова: языковая картина мира; лексика; фразеология; аксиология; польский язык.

Для воссоздания языкового образа какого-либо отрезка действительности, необходимо учитывать целый ряд языковых данных. Во-первых, информацию, содержащуюся в самом слове (семантическая и словообразовательная структура, происхождение и т.д.). Во-вторых, значение дериватов, словообразовательной базой которых является лексема, служащая названием рассматриваемого отрезка действительности. В-третьих, фразеологические обороты и пословицы, содержащие данную лексему. И, наконец, в-четвертых, лексико-семантические поля, в которые входит данное слово, прежде всего, его синонимы и антонимы. Образ какого-либо объекта часто дополняется его оценкой.

Данные толковых словарей польского языка дают основание предположить, что в польской языковой картине мира образ неба складывается из двух составляющих – физической и духовной (религиозной). С одной стороны, небо является воздушным пространством, представляющимся глазу куполом, расположенным высоко над землей, по которому движутся небесные светила. С другой стороны, небо – это место обитания Бога, ангелов, святых и спасшихся душ, являющееся наградой людям за их благочестивую жизнь на земле. Данный образ передается в польском языке как при помощи лексемы *niebo* (небо), так и при помощи лексемы

niebiosa (небеса). Синонимы *firmament* и *nieboskłon* (небосвод, небо-склон) связаны лишь с первой, физической составляющей образа неба. Синонимами этих слов во втором, религиозном значении являются *gaj, królestwo niebieskie* (рай, Царство небесное).

Небо как воздушное пространство, купол может иметь различные физические характеристики: цвет, высоту, ширину, размер и т.д. Такая физическая характеристика неба как *wysokie* (высокое) находит отражение в следующих дериватах и фразеологизмах: *niebotyczna góra* (высокая гора), *niebosięzny pałac* (высокий дворец), *chłop pod niebo* (высокий мужчина). Еще одна физическая характеристика неба – «большое» имплицитно содержится в выражениях *przewyższać kogoś o całe niebo* (превосходить кого-либо на целое небо, т.е. намного) и *różnić się o całe niebo* (отличаться на целое небо, т.е. намного). В некоторых дериватах, производных от *niebo*, закреплён признак формы – *podniebienie* (нёбо) и цвета – *niebieski* (голубой).

С небом связаны также погода и различные атмосферные явления: *jasne, pogodne, czyste, bezchmurne*. Некоторые из них, например, гром или молния могут падать на людей с неба: *spaść jak piorun z jasnego nieba* (как гром среди ясного неба, т.е. произойти неожиданно, в неподходящий момент).

Образ неба в его второй, религиозной составляющей представлен в польской языковой картине мира не менее детально. На уровне словообразования религиозные коннотации данного образа находят отражение во многих дериватах: *niebiański* (неземной), *niebianin* (небожитель), *niebianka* (жительница неба), *wniebowstąpienie* (вознесение), *wniebowzięcie* (успение) и др. Небо ассоциируется с некоей высшей силой (Бог, судьба) от которой зависит жизнь и благополучие людей, а также с тем пространством, где эта сила обитает: *Niech się dzieje wola nieba, z nią się zawsze zgadzać trzeba* (Пусть будет на то воля неба, с ней всегда надо соглашаться). Небо воспринимается как место обитания Бога и других небожителей. На это указывают описательные названия обитателей неба: *Ojciec niebieski, Król niebieski* (Бог-отец), *niebieski dziedzic, niebieskie dzieciątko* (Иисус Христос), *Królowa nieba, niebieska pani, księżniczka niebieska* (Богородица), *niebiescy posłowie* (апостолы). Небо не является однородным пространством, а имеет несколько уровней. Находиться на высшем, т.е. седьмом небе, значит «чувствовать себя очень счастливым». Это и не удивительно, поскольку на небе сосредоточено все самое лучшее: *skarby niebieskie* (небесные сокровища), *rozkosze niebieskie* (небесное блаженство), *niebieskie migdały* (небесный миндаль) и т.д. Счастливый человек *szuje się jak w niebie* (чувствует себя, как на небе), а о чем-либо очень вкусном говорят – *niebo w gębie* (небо во рту).

Небо – это цель, к которой стремится человек, оно является наградой за его добрые дела. В многочисленных пословицах говорится об условиях, которые надо выполнить, чтобы попасть на небо. Например: *Kto biednemu daje skoro, da mu niebo wdziesięcioro. Kto żyje, jak trzeba, ten trafi do nieba. Kto bliźniego uciska, drzwi do nieba sobie zaciska.* Путь в небо непрост, о чем свидетельствуют такие фразеологические обороты, как *ciasna furtka do nieba* (тесна калитка в небо), *modlitwa mostem do nieba* (молитва – мост в небо), *duszy do raju grzechy nie puszczaają* (душу в рай грехи не пускают). Поведение человека по отношению к небу характеризуется следующими фразеологическими оборотами: *do nieba wznosić modły* (возносит к небу молитвы), *wznosić oczy ku niebu* (поднимать глаза к небу), *wznosić ręce ku niebu* (воздевать руки к небу), *dziękować niebu za opiekę* (благодарить небо за помощь).

Несмотря на то, что человек во многом зависит от воли неба и выступает по отношению к нему как пассивное начало, он при большом желании тоже может воздействовать на небо, а именно, *poruszyć niebo i ziemię* (привести в движение небо и землю), т.е. сделать все возможное для достижения своих целей. Последний из примеров свидетельствует о том, что в польской языковой картине мира небо и земля, с одной стороны, тесно связаны, а с другой стороны, противопоставлены друг другу. Причем не только по физическим признакам («высокий – низкий», «далекый – близкий»), но и по признакам духовным, что связано со второй (религиозной) составляющей образа неба.

В польском языке так же, как в русском языке, «небо» имеет коннотацию высшего, противопоставленного «земле» как низшему. В основе оппозиции «небо – земля» лежат противопоставления «душа – тело», «радость – страдание», «вечное – преходящее», «божественное – человеческое, мечта – реальность». Рассматривая образ неба и земли в свете символики, В.Копалиньски отмечает также наличие противопоставления по признакам «активное, духовное, мужское начало – пассивное, материальное, женское начало» [Kopaliński 1995: 251]. Противопоставление неба и земли находит отражение во многих фразеологизмах: *podobne jak niebo do ziemi* (похожи как небо и земля), *góźnić się jak niebo i ziemia* (отличаться как небо и земля) и др. Выражение *pozostawać (być zawieszonym) między niebem a ziemią* употребляется по отношению к человеку, который везде чувствует себя чужим (не на своем месте).

Попытка проанализировать образ неба в польской языковой картине мира показывает, какое богатство содержания с ним связано. Данный анализ, к сожалению, ограничен тем, что не все коннотации, особенно из области религиозных верований (такой значительной для образа неба) нашли языковое подтверждение, а, следовательно, и отражение в данном образе.

Литература / References

Kopaliński Wl. Słownik symboli. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1995. 512 с.

Праславянско-санскритские соответствия приставочных глаголов и эволюция праславянского глагольного словообразования

А.К. Шапошников

COMMON SLAVIC-SANSKRIT COMPARISONS OF PREFIXAL VERBS
AND THE EVOLUTION OF COMMON SLAVIC VERBAL WORD-FORMATION

Alexander C. Shaposhnikov

ABSTRACT:

The report briefly tells about the Russian-Sanskrit electronic comparative lexicographical project [Borissoff, Shaposhnikov 2015–2017] and its main results. In particular, a review of numerous comparisons of prefixal verbs (160) is given, the most productive prefixes (8) and verbal bases (90) are revealed. The evolution of Common Slavic verbal word-formation is reconstructed. The place of probable convergence of ancestor types of Russian and Sanskrit within the framework of one area and language union is thought to be Syria. And time of their convergence and deep influence against each other should precede Mitanni (the fall of XVII – the beginning of XVIth centuries BC).

Keywords: verbal aspect; word-formation; comparison; prefixal verb; prefix; stem / root; conjugation; thematic vowel; causative; iterative

АННОТАЦИЯ:

В докладе кратко сообщается о русско-санскритском электронном лексикографическом проекте [Борисов, Шапошников 2015–2017] и его основных результатах. В частности, представлен обзор 160 сопоставлений приставочных глаголов и выявлен перечень глагольных основ (90) и наиболее продуктивных префиксов (8). Намечена реконструкция эволюции праславянского глагольного словообразования. Место схождения предковых видов русского и санскрита в рамках одного языкового ареала и даже языкового союза, вероятно, Сирия. А время этого языкового схождения и глубокого взаимовлияния должно предшествовать языковой ситуации Митанни (конец XVII – начало XVI в. до н. э.)

Ключевые слова: глагольный вид, глагольное словообразование, целно-лексемные сопоставления, приставочные глаголы, приставка, основа, глагольная модель, типы спряжения, тематический гласный, каузатив, итератив

Полвека тому назад была опубликована добротная монография А. Г. Широковой [Широкова 1968], в которой были исследованы вопросы возникновения, развития, функционирования многократных глаголов в чешском языке, а также их отношение к общеславянскому гла-

гольному виду. В недавние годы появился новый лингвистический материал, позволяющий продолжить и развить тему праславянского глагольного словообразования и словоизменения [Борисов, Шапошников 2015–2017; Шапошников 2016].

Из разнообразных результатов недавнего опыта электронной сравнительно-сопоставительной лексикографии (Russian-Sanskrit Dictionary of Common and Cognate Words) особо отметим значительное увеличение целно-лексемных сопоставлений в системе глагола. Особенно заметна многочисленная группа сопоставлений приставочных глаголов. На них классическая компаративистика обычно не обращала внимания, в редчайших случаях упоминала в качестве иллюстрации функций приставки или глагольных основ, представленных в других и.-е. языках в бесприставочной форме [Uhlenbeck 1898–1899; Meillet 1902, 1905; Vondrák 1906–1908; Vaillant 1950, 1954–1958, 1966; Vasmer 1953–1958; Idem 1971; ЭССЯ 1–41–]. Сама эта многочисленная группа глагольных сопоставлений представляет очевидный интерес для и.-е. глагольной морфологии.

Самые продуктивные типы праслав. глагольного спряжения на *-ati*, *-ajǫ* (*-'ati*, *-'ajǫ*) и *-iti*, *-jǫ*, значительно менее продуктивен тип на *-ěti*, *-ějǫ*. Это состояние реконструируется уже к началу V в. н. э. Но надстройка в праславянской системе глагольного спряжения явно покоится на дославянском основании (XVII–VII вв. до н. э.). К примеру, заметно продление «тематического» гласного (*-ājeti*, *-ějeti*) в прежнем спряжении на *-ajat'ai*, *-'ajat'ai* при сохранении самой йотовой словообразовательной модели (раннепраслав. каузатив → поднепраслав. итератив?). Вед., др.-инд. и санскр. соответствия даже позднепраслав. глагольным формам со всей очевидностью свидетельствуют о вост.-и.-е. языковом состоянии предшествующей стадии глагольного словообразования, вскрывают тождественные словообразовательные модели.

В докладе представлены 160 сопоставлений приставочных глаголов (в формах 3 л. ед. ч., иногда 3 л. мн. ч. в тех случаях, когда словообразовательные модели и словоизменительные парадигмы полностью совпадают, а также в форме инфинитива, если глагольные модели и парадигмы разнятся; в скобках глагольные основы в санскритской грамматической традиции), которые прекрасно иллюстрируют положение о древнем схождении предкового вида русского и предкового вида санскрита в каком-то непривычном для славистов ареале, скорее всего, в ситуации языкового союза. Сопоставление приставочных глаголов русского и санскрита подтверждает большинство прежних сопоставлений глагольных бесприставочных основ. Следует обратить внимание на аналогичные глагольные словообразовательные модели, ступени огласовки корней и суффиксов, взаимные семантические поддержки.

Примечателен репертуар приставок, выявленный данными русско-санскритскими сопоставлениями. Широкое распространение в глагольном словообразовании того давнего времени получили только приставки: *в-*, *во-*, *въ-*, *у-* | *an-*, *anu-*, *anv-*, *a-*; *вы-* | *ud-*, *ut-*; *о-*, *об-*, *обу-*, *обо-* | *abhi-*; *пере-* | *pari-*; *но-* | *pra-*; *про-* | *pra-*; *с-*, *со-*, *су-* | *sam-*; *у-* | *áva*.

Вне сопоставлений остались некоторые широко употребительные в русском глагольном словообразовании приставки, а именно: *бе-* (*беседа*) | *bha-* (редк. санскр. аналог в отглагол. именах типа *bhasad*); *без-* | *bahí* в глаг. 'вы-, про-', в сущ. 'вне, вон, снаружи, наружу'; *вз-*, *воз-* | санскр. глаг. аналога нет; *до-* | санскр. глаг. аналога нет; *из-* | санскр. глаг. аналога нет; *на-* | *ana-* санскр. только в именном словообразовании; *от-* | санскр. глаг. аналога нет; *полу-* | *pri-* санскр. именная приставка; *поз-*, *поз-* | *ardha-* 'half, halved, forming a half' санскр. только в именном словообразовании. Это явление подводит к мысли о позднем происхождении этих праславянских приставок, вероятно в результате переоформления некоторых раннепраславянских префиксов расширителями типа *-z-*, ср. *без-* (**b'ā-* + *z*), *воз-* (**anu-* + *z*), *из-* (**īç-* + *z*), *поз-*, *поз-* (**ārd-* + *z*). В предковом виде санскрита этот вид новообразований едва намечился (*bahí*) и не получил дальнейшего развития и широкого распространения. В русском языке эти приставки получили широчайшее распространение и в системе глагола, и в системе имени [Варбот 1969; Она же 1984; ESSJ 1 1973: 160–161; Boruś 1975: 7–12; Rejzek 2006: 337–343].

Эти наблюдения представляют некоторый интерес для славянской глагольной аспектологии, так как аспектологи середины XX в. (А. Достал, И. Немец, Ю. С. Маслов и др.) уделяли основное внимание исследованию процессов становления славянского глагольного вида, связанных с появлением приставочных глаголов, и предполагали, что именно в этой сфере шло развитие новых моделей имперфективации, т. е., становление собственно категории глагольного вида [Маслов 1958: 4–10; Он же 1959: 151–157; Он же 1962: 185–187; Немец 1962: 184–185]. Русско-санскритские приставочные глагольные сопоставления не дают оснований для подобных выводов. Введение в научный оборот русско-санскритских приставочных сопоставлений вкуче с обширным материалом праславянского характера (ЭССЯ 1–41–) создает почву как для уточнения относительной хронологии появления собственно аспектуальных значений, так и для выявления активных процессов в сфере видообразования позднепраславянского периода.

В результате обзора русско-санскритских сопоставлений только данной специфической области глагольного словообразования возникает естественный вопрос: где и когда могло иметь место схождение предковых видов русского и санскритского языков? Так как результаты схождения предковых видов скифо-балто-славянских и индоиранских языков

уже вполне очевидны в палеобалканском языковом ареале второй половины II – первой половины I тыс. до н. э. [Шапошников 2012: 546–552; Он же 2013: 394–397; Он же 2014], то само схождение предковых языков и синойкизм предковых этнических групп могли иметь место в Сирии, там, где в XV–XIII вв. до н. э. продолжал своё развитие митаннийский ареал индоиранского праязыка [Szemerényi 1964: 1–29; Mayrhofer 1966; Idem 1974; Idem 1979: 53; Meyer 1976: 96–106; Cowgill 1986: 23; EWA II 536; Нock 1999: 2]. А время схождения предковых языков русского и санскрита, их глубокое воздействие друг на друга должно было предшествовать Митанни, т. е., приходится на XVII–XVI вв. до н. э.

Литература / References

1. *Борисов К.Л., Шапошников А.К.* Русско-санскритский словарь общих и родственных слов / Russian-Sanskrit Dictionary of Common and Cognate Words. [Электронный ресурс] URL: <https://dict.gir.me.uk/> Дата последнего обращения 10.07.2018.
2. *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование / Под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1969. 229 с.
3. *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология / Под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1984. 255 с.
4. *Маслов Ю.С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского вида // IV международный съезд славистов. Т. 1. Материалы дискуссии / Под ред. В.В. Виноградова и Н.И. Толстого. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 4–10.
5. *Маслов Ю.С.* Вопросы происхождения глагольного вида на IV Международном съезде славистов // ВЯ, 1959. № 2. С. 151–157.
6. *Маслов Ю.С.* Соотношение процессов перфективации и имперфективации в истории и в морфологическом механизме славянского глагольного вида // IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания / Под ред. В.В. Виноградова и Н.И. Толстого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 185–187.
7. *Немец И.* Генезис и развитие вида в связи с развитием производных глагольных основ // IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания / Под ред. В.В. Виноградова и Н. И. Толстого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 184–185.
8. *Шапошников А.К.* Финейды и восточно-индоевропейское языковое состояние // Езикът и културата в съвременния свят. Материали от Международната научна конференция, проведена в Университет «Проф. д-р Асен Златаров» – Бургас на 22 и 23 юни 2012 г. Бургас, 2012. С. 546–552.
9. *Шапошников А.К.* Волохи, волхвы и славянский этногенез // Студії з ономастики та етимології. 2013 / Видп. ред. О. П. Карпенко, В. П. Шульгач. Київ, 2013. С. 185–199.
10. *Шапошников А.К.* Палеобалканские языковые реликты и реконструкция раннепраславянского языкового состояния // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. / Ред. кол.: М.Л. Ремнёва и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 394–397.
11. *Шапошников А. К.* Финейды – Гелон – Прибалтика: глоттогенез и этногенез брунетов, литовцев и латышей по данным гуманитарных и естественных наук // International Conference Balkan and Baltic States in United Europe – History, Religion, and Culture II October 1–3, 2014, Sofia, Bulgaria.

12. *Шапошников А. К.* Русско-санскритский словарь общих и родственных слов / Russian-Sanskrit Dictionary of Common and Cognate Words – предварительные результаты электронной сравнительно-сопоставительной лексикографии // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек, Сознание, Коммуникация, Интернет. Международная конференция, посвященная 200-летию основания Варшавского университета 6–10 мая 2016 г. Варшава, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.academia.edu/26189063>. Дата последнего обращения 07.07.2018.
13. *Широкова А. Г.* Многократные глаголы в чешском языке (возникновение, развитие, функционирование, отношение к глагольному виду). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1968. 300 с.
14. ЭССЯ 1–41 – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва, А.Ф. Журавлёва, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1–41 – продолж. М.: Наука, 1974 – продолж.
15. *Boryś W.* Prefiksacja imienna w językach słowiańskich. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1975.
16. *Cowgill W. and Mayrhofer M.* Indogermanische Grammatik Band I. Heidelberg: Winter, 1986.
17. ESSJ 1 – Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Předložky. Koncové partikule. Sest. F. Kopečný. Praha, 1973. 160–161;
18. *Hock H. H.* The Sanskrit quotative: A historical and comparative study // Studies in the Linguistic Sciences, 1982. № 5. 39–85.
19. *Mayrhofer M.* Iranisches Personennamenbuch herausgegeben von Manfred Mayrhofer. Bd. I Die altiranischen Namen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979.
20. *Mayrhofer M.* Die Arier im Vorderen Orient – ein Mythos? // Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historischen Klasse. Wien, 1974. Bd. 294, Abh 3.
21. *Mayrhofer M.* Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.
22. *Meillet A.* Études sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave, I–II. Paris, 1902, 1905.
23. *Meyer G. R.* Das Archiv von Tell El-Amarna – eine wichtige historische Quelle // Тутанхамон и его время. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1976. С. 96–106.
24. *Rejzek J.* K významu pref. pa- v praslovanštině // Studia etymologica Brunenensia 3. Brno, 2006. 337–343.
25. *Szemerényi O.* Structuralism and substratum: Indo-Europeans and Aryans in the Ancient Near East // Lingua, 1964. № 13. 1–29.
26. *Uhlenbeck C. C.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des altindischen. Amsterdam, 1898–1899.
27. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, T. I. Paris–Lyon, 1950; T. II, 1954–1958.
28. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, T. III. 1. Lyon–Paris, 1966.
29. *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1953–1958.
30. *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, II. Berlin, 1971.
31. *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I–II. Göttingen, 1906–1908.

Балканские мифы в краткой прозе М. Павича

Е.В. Шатъко

BALKAN MYTHS IN M. PAVIC'S SHORT STORIES

Evgeniia V. Shatko

ABSTRACT:

The reflection of the Balkan folk tradition (epic songs, legends and superstition) in M. Pavic's work is considered on the example of two short story collections "An Inverted Glove" (1989) and "Scary Love Stories" (2001). The main attention will be paid to the motive of duality, as well as to images of snake, butterfly, dog and shadow.

Keywords: Balkan folk tradition; Balkan mythology; Milorad Pavic; Scary love stories, An inverted glove

АННОТАЦИЯ:

На примере сборников рассказов "Вывернутая перчатка" (1989) и "Страшные любовные истории" (2001) рассматривается отражение балканской народной традиции (эпических песен, легенд и суеверий) в творчестве М. Павича. Основное внимание будет уделено мотиву двойничества, а также образам змеи, бабочки, собаки и тени.

Ключевые слова: балканская народная традиция; балканская мифология; Милорад Павич; Вывернутая перчатка, Страшные любовные истории

М. Павич будучи литературоведом изучал сербскую средневековую литературу и литературу периода барокко, что, несомненно, оставило свой отпечаток и на его творчестве: «Те люди очень хорошо знали, что внимание того, кто вас слушает, должно оставаться в напряжении, и умели этого добиваться <...> У них я научился тому, что делаю в литературе: в каждом предложении бороться за своего читателя» [Kratka istorija jedne knjige 1991: 28]. Использование народных мотивов, знакомых каждому сербскому читателю, одновременно создает некий сербский микромир внутри произведения и позволяет автору играть с читательскими ожиданиями. Мотив двойника, например, он обыгрывает совершенно по-разному: в рассказе «Сводный брат» двойник практически не отличается от оригинала; в рассказе «Корсет» две героини четко противопоставлены друг другу и убивают друг друга при прямом столкновении (что наиболее ожидаемо для сербской национальной традиции); в рассказе «Шляпа из рыбьей чешуи» двойником утраченной возлюбленной героя становится его дочь. Змей (или дракон), характерный для сербских песен и легенд, встречается у Павича только как элемент сравнения: как змеиная кожа, как змеиный укус, похожий на змею и тд. Образы бабочки, собаки и тени, несущие преимущественно негативные ассоциации

в традиции, встречаются в павичевских рассказах в качестве визуально привлекательного образа или же, споря с обычаями, в образе героя-попущника.

Использование элементов народной традиции создает своего рода фон, сказочный, мифологический мир, в котором герои могут действовать нерационально, как и сам автор может позволить себе практический любой сюжетный ход.

Литература / References

Kratka istorija jedne knjige, izbor napisa o romanu leksikonu u 100.000 reci „Hazarski rečnik“ od Milorada Pavića, Beograd: Dereta, 1991, C.28.

Актуализация новых словообразовательных морфем в современном русском языке

Р.А.Шаяхметов

THE ACTUALIZATION OF NEW DERIVATIONAL MORPHEMES
IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Rustam A. Shayakhmetov

ABSTRACT:

The actualization of the new derivational morphemes in the modern Russian, as well as the fixation of the formation of derivational and morphemic fields are considered.

Keywords: derivational morpheme; derivational field; morphemic field; actualization (linguistics); modern russian language.

АННОТАЦИЯ:

Рассматривается актуализация новых деривационных морфем современного русского языка, фиксация формирования словообразовательных и морфемных полей.

Ключевые слова: деривационная морфема; словообразовательное поле; морфемное поле; актуализация (лингвистика); современный русский язык.

Современный этап развития русского языка характеризуется возрастающей ролью его электронной формы существования; глобализацией через диффузию английского языка (в том числе в словообразовании); значительной скоростью инноваций [Бойко 2015; Захарова, Кабардина 2015]. Интернет-дискурс дает возможность зафиксировать не только создание новых слов и деривационных морфем [Муравьев и др. 2014], но и их актуализацию – что и представляет исследовательский интерес. Ведь акт речи, где актуализируются потенциальные лексемы, морфемы и определяется их значение (обзорно: [Захарова 2013]), по природе своей не может их зафиксировать – в отличие от технологий web 2.0.

Если считать, что минимальная точка признания аффикса – три образованные им лексемы, то тогда две – это его «предыстория», момент актуализации потенциальных деривационных возможностей. При этом есть сложности определения производительности аффикса (в русском или/и в английском языках?), когда сталкиваемся с глобализмом ряда субкультур, двуязычности (или пиджинизации) обслуживающего его культуролекта. Так, *вбоквел*, шутил. ‘спин-офф, боковое ответвление генерального сюжета (в фильмах, играх, книгах, комиксах)’, произведен как «в бок + -квел», где суф.(?) -квел из поля, образованного лексемами *сиквел* (< англ. *sequel* ‘продолжение’), *приквел* (< англ. *prequel* ‘до продолжения’), *триквел*, *квадриквел*, *мидквел* и т.д.

Приведем еще подобные примеры. 1. На основе англ. *tokamak* ‘тороидальная установка для магнитного удержания плазмы’ (< русск. *токамак*, сокр. от **т**ороидальная **к**амера с **м**агнитными **к**атушками) образованы новые термины *spheromak* (русск. *сферомак*) ‘сферический токмак’ и в 2014 *dinomak* [Sutherland, Jarboe et al. 2014] (русск. *диномак/дайномак*). Таким образом, суф. -мак продуктивен в глобальном англоязычном социалекте физиков, но не у русскоязычных учёных. 2. Социолект граффитчиков начинался как полное подражание западной субкультуре, затем частично обрусел [Андреев 2010]. Жаргонизмы *графон* ‘граффити’, *бомбилово* ‘бомбинг, граффити на транспорт’ [там же: 83] сформированы из англицизмов со ставшими распространенными совсем недавно суффиксами *-он* (*музон*, *выпивон*, *закусон*), *-ов-о* (*кидалово*, *попалово*, *зажигалово*, от глаголов *кидать*, *попадать* и т.д. [Богданова-Бегларян 2015]¹.

Также меняются семантика аффиксов (например, *суперцена* «суперская цена», от *супер!* ‘отлично’); их роль в коммуникации. Невозможность невербальной коммуникации частично компенсируется обилием деминутивов, смягчающих общение («Наплыв «гламурности», согласно [Захарова, Кабардина 2015: 74]. Суф. –ушк-/юшк- [Маклеева 2017], -ик, -ки, присоединяются к существительным, междометиям², к другим суффиксам (например, *-ас/-ос + -ик* в простореч. *пивасик*, *видосик*, *досвидосик*, ср. *расколбас*, *приветос* и т.д.)

Формирование морфемного поля возможно проследить на примере суф. *-сёк* с лексемами *гомосек* ‘гомосексуал(ист)’, редк. *метросек* ‘метросексуал’, *дровосек* и *правосек* ‘член «Правого сектора», укр. национ. организации’. Соционим из 2014 года (имеющий формы *правосексуал*, *правосексуалист*) создан, с одной стороны, как аббревиатура, с другой

¹ Добавим, что далее образуются прил. *гоневный*, *кидаловный*, *мочилловный*, *попаловый*, сущ. навроде *кидаловщик*, *мочилловщик*.

² К примеру, приветствие, восходящие к англ. *hi all!* в интернет-дискурсе: (всем) хаюшки!, приветики!, (всем) салютики, (всем) хеллоушки!, (всем) чмоки!

как отсылка к негативно оценочной лексеме *гомосек*. Подчеркнем: взаимосвязь лексем через *-сек* не диахронная, а синхронная (ср. названия клуба «Гей-Дровосек» в Москве, пародийное «в лесу раздавался топор правосека», неологизмы *дровосексуал*, *дровосексуалист* и пр.). Аналогично от негативно оценочной лексемы *педераст* выделился продуктивный в интернете суф. *-аст* для обозначения «отрицательных персонажей»: *либераст* ‘либерал’; *флудераст* ‘флудер, тот ведёт в интернете-форуме, чате и пр. нетематическое объемное общение’; *модераст* ‘модератор [интернет-общения]’; *копираст* ‘ярый приверженник копирайта’ и пр. (далее *либерастия*, *флудерастия*, *модерастия* и пр.).

Таким образом, техническая сторона интернет-дискурса позволяет зафиксировать момент актуализации потенциальных деривационных возможностей языковых единиц. Технологический прогресс изменил развитие языка, его систем, в том числе словообразовательной.

Литература / References

1. Андреев В. К. Язык русского граффити английский или русский? // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание, 2010. №1-11. С.80-85.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Не гонимо, а лингвистическое описалово одной разговорной словообразовательной модели (раздумья над корпусным материалом) // Коммуникативные исследования, 2015. №1 (3). С. 67-81.
3. Бойко С. А. Глубина проникновения англицизмов в современный русский язык // Известия Байкальского ГУ, 2015. №4. С. 735-741.
4. Захарова А. В., Кабардина Ю. А. Новые слова и словосочетания-паразиты в русском языке // Вестник МГУП, 2015. №2. С. 69-76.
5. Захарова О. С. К проблеме соотношения понятий «Окказионализм» и «Потенциальное слово» // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 2013. №3. С. 14-25.
6. Маклеева Е.А. Словообразовательные особенности имен существительных с суффиксами субъективной оценки в русском жаргоне // Вестник ТГГПУ, 2017. №4 (50). С.33-37.
7. Муравьев Н. А., Панченко А. И., Обьедков С. А. Неологизмы в социальной сети Фейсбук // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 2014. №. 13. С. 440-454.
8. Sutherland D.A., Jarboe T.R. et al., "The dynamak: An advanced spheromak reactor concept with imposed-dynamo current drive and next-generation nuclear power technologies", Fusion Engineering and Design, Volume 89, Issue 4. April 2014. pp. 412–425.

Итеративные глаголы в истории русского языка (к вопросу о славянских итеративных корреляциях в диахроническом аспекте)

М.Н. Шevelёва

ITERATIVE VERBS IN THE HISTORY OF RUSSIAN
(UPON THE SLAVIC ITERATIVE CORRELATIONS IN DIACHRONIC
INTERPRETATION)

Maria N. Sheveleva

ABSTRACT:

The paper deals with the history of Russian prefixless iterative verbs like *хаживать* and their semantics in comparison with other Slavonic languages.

Keywords: prefixless iterative verbs; generalized factual past tense; past habituality; late Old Russian texts

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматривается история бесприставочных итеративов типа *хаживать* и их семантики в русском языке на фоне других славянских.

Ключевые слова: бесприставочные итеративы; общефактическое прошедшее; прекращенная привычка; старорусские памятники

1. Среди трудов А.Г. Широковой по славянской аспектологии особое место занимают работы о многократных глаголах в чешском языке, в том числе в сопоставлении с русским и другими славянскими языками [Широкова 1965 и др.]. Итеративы типа рус. *хаживать*, *едать* и под. известны во многих славянских языках: чеш., словц., польск., русск., укр. и др. [Князев 1989: 141-143], но наиболее последовательно они сейчас представлены в чешском, словацком и севернорусских говорах. Видовая система сев.-рус. говоров в данном отношении архаична и близка к состоянию, отражаемому старорусскими памятниками XV-XVII вв., в то время как современная русская система литературного типа демонстрирует сужение сферы употребления этих образований и грамматикализацию контекстно обусловленных значений.

2. Глаголы типа *хаживать* возникают в славянских языках на зрелом этапе развития видовой системы – в период утраты видовой неохарактеризованности простых бесприставочных глаголов, перехода их в большинстве своем в НСВ и охвата видовым противопоставлением практически всей глагольной лексики; по данным вост.-слав. памятников – в кон.XIV-XV в. Следствием этого процесса является развитие в славянских глагольных системах дополнительной аспектуальной оппозиции

НСВ→производный итератив: *ходить*→*хаживать*, *брать*→*бирать* и под. Средством образования производного итератива становятся те же суффиксы имперфективации, различающиеся по славянским диалектным зонам. Дублирование семантики имперфективности (основа НСВ + суффикс имперфективации) приводит к актуализации у показателя имперфективации его первичного значения кратности.

3. При этом основное значение этих образований не может быть определено как маркированное выражение повторяемости действия: и в вост.-слав. памятниках XV-XVII вв., и в сев.-рус. говорах, и в зап.-слав. языках они могут употребляться и в неитеративном контексте, возможны также от стативных и релятивных глаголов (ст.-рус. *хачиваль*, *любливалъ*, рус. *знавал*, чеш.*sedávat*, *stávat* и под.[Широкова 1965: 79-80; Князев 1989: 142]). Специфику их семантики составляет дискретность действия, что приводит к невозможности употребления в актуально-длительном (процессном) значении. На идеи дискретности базируется основное в вост.-слав. памятниках XV-XVII вв. и сев.-рус. говорах значение таких глаголов – общефактическое в разных его вариантах (*приставов своих слывал ли, а игумена сам суживал ли?* XV в.; *Наська со князем не бегивал и думы княжне не ведал* XVI в.; *И меня собака кусывала* арх., – пример И.В. Бегунц).

В истории русского языка бесприставочные итеративы известны только в формах прош.времени и инфинитива (*бывать* составляет мнимое исключение, поскольку исконно итеративом не был [Шевелева 2016]) – видимо, причина этого в специализации на выражении общефактического значения, связанного прежде всего со сферой прошедшего. Очевидно, базовая семантика «внутренне расчлененного» действия [Исаченко 1960: 274] была у них и в зап.-слав. языках, однако такой специализации на сфере общефактического прошедшего здесь не произошло: развитие пошло в сторону возможности употребления и в значении неактуального (неопределенно-кратного) настоящего [Широкова 1965]. Нехарактерность для чеш. и словц. итеративов употребления в контекстах общефактического отрицания с обстоятельствами типа *никогда* [Исаченко 1960: 277] также говорит о меньшей их связи с семантикой общефактического прошедшего.

4. Значение «давнопрошедшего» (прекращенной хабитуальности) развилось у итеративов типа *хаживать* на базе общефактического и изначально контекстуально обусловлено: оно возникает в контексте противопоставления данной ситуации в прошлом последующему положению дел (*ясаки платить, как прежде сего царем Астороханскимъ плачивали* НикЛет1557г.). Вплоть до XVIII в. это значение еще не было в русском языке основным значением форм типа *хаживал* и не является таковым в

северных говорах (как и в других славянских языках); в XVIII в. в диалектной системе говоров Центра и литературном языке происходит его грамматикализация.

Литература / References

1. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1960. 580 с.
2. *Князев Ю.П.* Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 1989. С.132-144.
3. *Шевелева М.Н.* К истории древнерусского глагола *бывати* (аспектуальная семантика) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 10. 2016. С.526-543.
4. *Широкова А.Г.* Основное значение многократных глаголов в чешском языке // Вопросы языкознания. 1965. № 2. С.73-84.

Омонимия производных от *дѣлати* и *дѣлѣти* в русском языке XI-XVII вв.

И.А. Шелкова

HOMONYMY OF THE WORDS DERIVED FROM ДѢЛАТИ AND ДѢЛѢТИ
IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XI-XVII CENTURIES

Irina A. Shelkova

ABSTRACT:

In the Russian language of the XI-XVII centuries homonymy of the words derived from the verbs *дѣлати* and *дѣлѣти* was represented. In the most cases members of the homogroups functioned in the same historical period and in the same sphere. The words derived from *дѣлати* were usually more widespread, acquired more lexical meanings and remained in the language. This kind of homonymy is not typical for the modern Russian language.

Keywords: homonymy; homogroup; derived word; homonymic attitude

АННОТАЦИЯ:

В русском языке XI-XVII вв. была представлена омонимия производных от глаголов *дѣлати* и *дѣлѣти*. В большинстве случаев члены омогрупп функционировали на одном историческом этапе и в одной сфере. Производные от *дѣлати* обычно были более употребительны, развивали больше значений и сохранялись в языке. Для современного русского языка такая омонимия не характерна.

Ключевые слова: омонимия; омогруппа; производное; омонимические отношения

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» отмечено 15 омогрупп, в которых производные от *дѣло*, *дѣлати* совпадают с производными от *дѣлѣти* (например, *отдѣльщикъ*¹, м. 'тот, кто производит и оформляет раздел земли и т. п.' и *отдѣльщикъ*², м. 'тот, кто производит отделку,

окончательную обработку чего-л.’ [Сл РЯ XI-XVII вв. 13: 231]). Большинство ученых считают *dĕlo производящей базой для глагола *dĕliti; основа слова *dĕlo соотносительна с глаголом *dĕti, но не является производной от него [ЭССЯ 5: 7]. «С этимологией праслав. *dĕlo < и.-е. *dhĕl- ...конкурирует сближение *dĕlo с литов. dailė ‘дело, произведение, ремесло, искусство’» [ЭССЯ 5: 8]. Для сопоставления с *dĕliti приводятся корни с дифтонгами: литов. dailýti, гот. dailjan, нем. teilen [ЭССЯ 4: 233]. Таким образом, глаголы *дĕлати* и *дĕлѣти* этимологически не родственны.

Все 15 омогрупп именные: среди них 10 субстантивных (в том числе 1 состоящая из субстантивированных прилагательных: *отдĕльная*¹, ж. ‘документ о разделе земли и т. п.’ и *отдĕльная*², ж. ‘помещение, где производится окончательная обработка чего-л.’ [Сл РЯ XI-XVII вв. 13: 230]) и 5 адъективных.

Вопрос о количестве членов в некоторых омогруппах оказывается спорным. Так, омогруппа *продĕлка*¹, ж. ‘выделка, обработка; изготовление’ и *продĕлка*², ж. ‘ошибка, просчет (в дележе, в каком-л. деле)’ [Сл РЯ XI-XVII вв. 20: 119] представлена как состоящая из двух членов, однако в дефиниции второго омонима присутствуют слова *дележ* и *дело*; в одном примере, иллюстрирующем это слово, речь явно идет об ошибке в дележе, а в другом – об ошибке в деле: *Добычею было намъ промежь собя дĕлѣтца повытно, и по зрѣхомъ, государь, какова продĕлка учинѣтца, и намъ ту продĕлку платити повытно же* (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, 1568 г.) – *Аще ли по сей последующей мысли учеть кто дĕлати, и в томъ однолично продĕлки не будетъ и убытку въ томъ не учинѣтца, а почать дĕлати такъ* (Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки, XVII в.). Таким образом, *продĕлка* ‘ошибка в дележе’ и *продĕлка* ‘ошибка в деле’, мотивированные разными производящими, представляют собой омонимы, а не лексико-семантические варианты одного слова; в этом случае омогруппа включает в себя 3 члена: *продĕлка*¹ ‘выделка, обработка; изготовление’, *продĕлка*² ‘просчет в дележе’ и *продĕлка*³ ‘ошибка в каком-л. деле’.

Чаще всего данные памятников письменности позволяют говорить о бытовании членов омогруппы на одном историческом этапе и в одной сфере употребления. Например, существительные *подĕль*¹, ж. – 1) ‘второстепенная обязанность, дело, работа, исполняемая после главного дела, обязанности’; 2) ‘земля, расчищенная в лесу под пашню’ и *подĕль*², ж. ‘доля, часть’ [Сл РЯ XI-XVII вв. 15: 255] оба функционировали в деловых памятниках XVI в. Правомерно допустить возможность реальной омонимии и тогда, когда члены зафиксированной в словаре омогруппы одно-

временно существуют в языке, но различаются сферами функционирования, как *дѣлецъ*¹, м. 'тот, кто производит раздел' и *дѣлецъ*², м. 'деловитый, способный человек' [Сл РЯ XI-XVII вв. 4: 205]: первый омоним представлен в списке пространной редакции «Русской Правды» (XII в.), выполненном в XV в., а второй – в Прологе 1383 г. (*дѣльць* 'делатель, мастер') [СДРЯ XI-XIV вв. 3: 162] и «Житии Стефана Пермского», написанном Епифанием Премудрым (список XV-XVI вв. с памятника XV в.) [Сл РЯ XI-XVII вв. 4: 205].

Немногочисленны случаи потенциальной омонимии. Так, слово *недѣль*¹, м. 'ленивый' употреблено в Пандекте Антиоха Черноризца XI в., а *недѣль*², ж. 'имуущество, не подлежащее разделу или неделеное' [Сл РЯ XI-XVII вв. 11: 72] – в документе 1509 г. из архива П.М. Строева (обращение к «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского позволяет убедиться, что это разрезная грамота [Срезневский 2: 379]), то есть временной разрыв между фиксациями омонимичных лексем в письменности значителен, а потому их сосуществование в языке представляется маловероятным.

В большинстве случаев производные от *дѣлати* были более употребительны, чем от *дѣлти*, и имели больше лексико-семантических вариантов.

К настоящему времени 7 из 15 омогрупп подверглись разрушению: от каждой в языке осталось только по одному слову, которое не приобрело новых омонимов. Во всех 7 случаях сохранились производные от *дѣлати* (*делец*, *деловой*, *дельный*, *отделка*, *отдельщик* 'рабочий, занятый отделкой чего-л.' [ССРЛЯ 8: 1348], *проделка*, *раздельщик* 'рабочий, специалист по разделке – обработке, приготовлению для чего-л.' [ССРЛЯ 12: 284]). Слова могут приобретать новые лексико-семантические варианты: в русском языке XVII в. *продѣлка*¹ – 'выделка, обработка; изготовление' [Сл РЯ XI-XVII вв. 20: 119], а в современном русском языке наряду с этим значением представлено другое – 'действие, поступок предосудительного характера' // 'забавная выходка, шутка' [БАС РЯ 21: 9].

Исчезли из литературного языка 5 омогрупп (*дельница*¹⁻², *недѣль*¹⁻², пара субстантиватов *отдѣльная*, *подѣль*¹⁻², *подѣльный*¹⁻²).

Омогруппа *недѣльный*¹⁻⁴ сократилась – из 4 ее членов в языке остались 2, причем оба восходят к *дѣлати*: *недельный*¹ (разг.) 'несерьезный, неосновательный' (встречается в произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.Ф. Одоевского) и *недельный*² – 1) 'продолжающийся в течение одной недели, длящийся неделю'; 2) устар. 'еженедельный' [БАС РЯ 11: 587-588].

Для современного русского языка не характерна омонимия между производными от *делити* и *делати*. Сохранились только 2 омогруппы: *передѣл*¹ – 1) 'деление на части заново и иначе'; 2) 'перераспределение

крестьянских наделов по едокам (при общинном землепользовании) и *передел*² – 1) ‘переработка грубых сортов металла в более высокие’ (спец.); 2) ‘претерпевание затруднений, пребывание в крайне неблагоприятных условиях; переделка’ (разг.). [Колесников 1995: 353-354]; *передельный*¹ – к *передел*¹ и *передельный*² – к *передел*² [Колесников 1995: 354].

Литература / References

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 4, 11, 14, 16-17, 21-22. – СПб.: Наука, 2006-2013.
2. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 672 с.
3. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Т. 3-6. – М.: Русский язык, 1990-2009.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4, 11, 13-15, 18, 20, 21. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1977-1995.
5. Словарь современного русского литературного языка. Т. 3, 7-12. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1961.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1-3. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893-1912.
7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – Вып. 4-5. / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1977-1978.

Фамильно-шутливые высказывания в рукописи Я.-Х. Пасека

Виктор Шетеля

RUBASZNE POWIEDZONKA W REKOPISIE WSPOMNIENIŃ J. CH. PASKA

Wiktor Szetela

FAMILIAR-HUMOROUS STATEMENTS
IN THE MANUSCRIPT MEMOIRS OF J.-H. PASEK

Victor Szetela

ABSTRACT:

This report presents linguistic personality, which was a Polish nobleman of the seventeenth century J.-H. Pasek. Language means of expression (Latin inclusions, military and other terminology) used by this author in his memoirs about heavy military everyday life, as well as about the events of peace time, often used for the design of the familiar-humorous statement, show us an extraordinary personality, educated, understanding their place in the society of the time.

Keywords: statement; inclusion in Latin; vocabulary; everyday language; Polish language; word; terminology; linguistic personality

АННОТАЦИЯ:

В настоящем докладе представлена языковая личность, какой был польский шляхтич XVII века Я.-Х. Пасек. Языковые средства оформления высказывания (латинские вкрапления, военная и другая терминология, обиходно-разговорные слова), которые использовал этот автор в своих воспоминаниях о тяжелых военных буднях, а также о событиях мирного времени, в том числе, для оформления фамиллярно-шутливых высказываний, показывают нам личность неординарную, образованную, осознающую свое место в обществе того времени.

Ключевые слова: высказывание; латинское вкрапление; лексикон; обиходная речь; польский язык; слово; терминология; языковая личность

ADNOTACJA:

W przedstawionym referacji poruszony zostaje problem językowej osobowości jaką był szlachcic XVII wieku Jan Chryzostom Pasek. Językowe środki wypowiedzenia (łacińskie wtrącenia, wojskowa i inna terminologia, słowa powszechnie), jakimi władał dany autor przy stworzeniu swoich pamiętników o latach wojny i o wydarzeniach względnego spokoju, często wykorzystywane dla stworzenia rubasznych powiedzonek, pokazują nam postać nietuzinkową, wykształconą, pojmującą swoje miejsce w społeczeństwie tamtych czasów.

Słowa kluczowe: językowa osobowość; leksykon; łacińskie wtrącenie; mowa potoczna; polszczyzna; powiedzenie; terminologia; wyraz

J. Ch. Pasek (1636–1701) – aktywna figura w wielu historycznych wydarzeniach XVII wieku, o których z wielką ochotą i przyjemnością u schyłku życia swojego w rodzinnych pieleszach w kręgu bliskiej rodziny wspominał. Potem zapisywał je w swoich pamiętnikach, używając barwnego języka swojego środowiska i epoki. Szlacheckie pochodzenie i zawód żołnierza wywarły wpływ na treść jego wypowiedzi, na zasób użytych przez niego wyrazów i powiedzeń.

W tekści wspomnień napisanych poprawną polszczyzną tej epoki, odnajdujemy łacińskie wtrącenia i cytaty, które wskazują, że początkową wiedzę o świecie i umiejętności w języku łacińskim J. Ch. Pasek, jak przystało na szlachcica, uzyskał w koleżii. Najpewniej w koleżii pijarskiej, lub innej brackiej, a jezuickiej w mniejszym stopniu. Wykształcenie u jezuitów było zbyt kosztowne. Mowa tutaj o takich łacińskich wtrąceniach, które jak wykute sztampy obowiązkowo powinny być w dyskursie każdego szanującego się szlachcica: „wracam się *ad rem* [do rzeczy]”, „będzie to *curae nostrae* [staraniem naszym]” [Pasek 2007: 141]. Te i inne wypowiedzi gęsto wstawiane w tekst odzwierciedlają potoczną mowę tego środowiska tamtych czasów. Wojskowe terminy takie jak: **ścielem** pochodzi z leksykonu szermierzy. Termin **bandolet** – marka karabinku od wł.-franc. słowa bandoliera w znaczeniu: «?pas przez plecy»; na nim dragon karabinek zawieszał; stąd u nas nazwa samego ‘karabinka’» [Brückner 1998: 14], zob.: „włożyli tedy kilka bandoletów w okno i dali ognia” [Pasek 2007: 14], a zatem szyk ustawionych wojsk „zaraz stawają do ordynku” [Pasek 2007: 15],

sposoby prowadzenia walki: „przeszedł przez wszystkie szyki nieprzyjacielskie tak, jako świdrem wierciał” [Pasek 2007: 57] pokazują na wojskowe i ogólne klasyczne wykształcenie, na kompetencję autora w terminologii i w wojennym kunszcie. Relacje o historycznych wydarzeniach w wykonaniu pana Paska poprzebijane są opowiadaniem o dużych i małych, smutnych i wesołych wydarzeniach. Narrator nie może obejść się przy tym od rubasznej wypowiedzi. Np.: opis szturmów szwedzkiej twierdzy, w czasie której wysadzono wieżę: „ale te prochy, które *directe* [wprost] pod tą wieżą zapaliły się, wyniosły ich bardzo wysoko <...>, jak ich wziął impent, to tak lecieli do góry, że ich okiem pod obłokami nie mógł dojrzeć. <...> kiedy nazad powracali, a w morze jako żaby wpadali. Chcieli niebożęta <...> uciec do nieba, ale ich tam nie puszczono; zaś św. Piotr przywarł furtki, mówiąc: „A zdracy!” [Pasek 2007: 15 – 16] i inne wielosłowne wypowiedzi. W nich, jak widzimy, czasami przebija się samochwalstwo. Narrator jest, a może i nie jest, podobny do literackiej postaci Zagłoby (polskiego Falstafa), jaką do życia przywołał Henryk Sienkiewicz w swojej historycznej „Trylogii”. Porównując te barwne postacie wkrada się nawet na myśl przypuszczenie, że w pewnych momentach pan Pasek mógł być protoplastą powieściowego bohatera. A może obaj posiadali wspólne cechy tak charakterystyczne dla person danego środowiska i epoki. Żartobliwa i nie zawsze w zupełności cenzuralna cecha powiedzonek tych dwóch postaci, realnej historycznej i literackiej, również jaskrawo charakteryzuje językową osobowość jaką był pan Jan Chryzostom Pasek – żołnierz, dyplomata, patriota i obywatel szlacheckiej Rzeczypospolitej XVII wieku.

Литература / References

1. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 8. Warszawa, 1998. 805 s.
2. *Pasek J.-Ch.* Pamiętniki (Wybór): Lektura z opracowaniem Maciosa T. – Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2007. 175 s.
3. Słownik języka Jana Ch. Paska. Wrocław, 1965–1973. T. I–II.

Миф об Одиссее и его интерпретация в произведениях славянских писателей XX в. (М. Шолохов, А. Исакович, П. М. Андреевский)

А.Г. Шешкен

THE MYTH ABOUT THE ODYSSEY AND ITS INTERPRETATION
IN THE WORKS OF SLAVIC WRITERS OF THE XXTH CENTURY
(MIKHAIL SHOLOKHOV, ANTONIJE ISAKOVIC, PETRE M. ANDREEVSKY)

Alla G. Sheshken

ABSTRACT:

Summary: The works of the classic writers of contemporary literature are based on the interpretation of the motive about the return of the hero home after the war. This article refers to Russian prose writer Mikhail Sholokhov ("The Fate of Man", 1957), Serbian writer Antonije Isakovic ("Instant", "Talks with Cheperko", 1974) and Macedonian writer Petre M. Andreevsky ("Pyrei", 1980). In the artistic methods of the modern epic narrative, there are traits that address both to the "Odyssey" of Homer and the folklore tradition at the same time. The works are filled with tragic pathos and the attention of the authors is focused on the problem of heroic character. **!**

Keywords: archetype; the motive of the road; the problem of the heroic; tragic pathos; Homer; Mikhail Sholokhov; Antonije Isakovic; Petre Andreevsky.

АННОТАЦИЯ:

Произведения классиков современной литературы русского прозаика М. Шолохова («Судьба человека», 1957), сербского писателя А. Исаковича («Мгновенье 1. Разговоры с Чеперко», 1974), македонского писателя П. М. Андреевского («Пырей», 1980) строятся на интерпретации мотива о возвращении героя домой после войны. В художественной ткани современного эпического повествования присутствуют черты, адресующие к «Одиссее» Гомера и фольклорной традиции одновременно. Произведения наполнены трагическим пафосом, внимание авторов сосредоточено на проблеме героического характера.

Ключевые слова: архетип; мотив дороги; проблема героического; трагический пафос; Гомер; М. Шолохов; А. Исакович; П. М. Андреевский.

Гомеровская «Одиссея» оказала большое влияние на мировую культуру, в том числе на культуру славянских народов, породив многочисленные интерпретации в литературе, живописи и театральном искусстве. Плодотворным было обращение к известному мифу и для литературы XX в., особенно для развития жанра романа, который предложил новое, характерное для художественных поисков эпохи, понимание античного сюжета и героя. Для ряда писателей восприятие «Одиссеи» в значительной степени определил роман Дж. Джойса «Улисс» (1922), который стал

одним из основных, парадигмообразующих текстов «литературного модернизма». Эта тенденция, отражающая дегероизацию мифа, прослеживается вплоть до современных произведений, написанных в постмодернистской манере. Для других авторов, обратившихся к осмыслению трагического опыта мировых войн, характерно обращение к типу героической личности, выстоявшей в суровых испытаниях, сталкивающейся с необходимостью постоянного морального выбора при долгом и многотрудном «странствии» по дорогам войны и при возвращении домой. Такое прочтение мифа оказало существенное влияние на писателей, уделявших пристальное внимание исследованию глубинных основ национального характера.

К таким авторам принадлежат классики русской, сербской и македонской литератур: М. Шолохов («Судьба человека», 1957), А. Исакович («Мгновенье 1. Разговоры с Чеперко», 1974), П. М. Андреевский («Пырей», 1980). В перечисленных произведениях они использовали известный мифологический мотив для раскрытия сильного и самобытного народного характера. Горячая любовь к родному краю, способность преодоления самых сложных испытаний, воля и решимость, а также преданность семье и долгу перед женой и детьми — именно эти качества гомеровского «многострадального» и «постоянного в бедах» Одиссея являются важными чертами, проявляющимися у человека XX века. В то же время современные писатели, глубоко связанные с национальной традицией, опирались и на фольклорную трактовку сюжета. Известно, что мотив возвращения героя после войны (борьбы, поединка) домой широко представлен в народной поэзии как у русских, так и у южных славян. В современной литературе прослеживается достаточно устойчивая связь и с античным мифом, и с фольклором.

Сопоставление образов героев (Андрея Соколова из «Судьбы человека» М. Шолохова, майора из «Мгновение 1» А. Исаковича и Йона из «Пырея» П. М. Андреевского) позволяет обнаружить их связь с античным архетипом и фольклором. Писатели использовали также новые художественные решения, которые дали возможность раскрыть трагизм современной истории через жестокое противоборство личности безжалостным обстоятельствам. Личность у названных авторов является частью нации и делит ее историческую судьбу. Частью родного народа осознают себя и Андрей Соколов, и майор, и Йон Мегленский. Эпическое звучание повествованию придают масштаб личности героя, мотив дороги, значимость для всего народа описываемых событий и их протяженность во времени. Жанровое различие (романы у Исаковича и Андреевского и рассказ у Шолохова) в данном случае не имеет принципиального значения. Исследователями давно отмечено, что рассказ М. Шолохова имеет зна-

чительный внутренний эпический потенциал (известны попытки обозначать его как «рассказ-эпопею»). Романы же сербского и македонского авторов представляют вариант «личностной эпопеи», значительно меньшей по объему, чем традиционный роман-эпопея.

Повествование у Шолохова, Исаковича и Андреевского строится на рассказах героев о своей жизни, о событиях военного времени, но не только и не столько о войне, сколько о долгом и многотрудном пути домой. «В бедах постоянные», современные Одиссеи, реализуют «миф о вечном движении по кругу и возвращении», демонстрируют сильные качества характера. Вместе с тем, раскрывая героический тип личности, прозаики XX века демонстрируют трагическое видение современной истории. Их герои не только страдают незаслуженно, но и не получают награду за преодоленные испытания. Вернувшись домой, они не обретают семейного счастья (их жены и дети гибнут во время войны). Нет необходимого в мифе триумфа и награды за верность и мужество. Каждый из героев сталкивается с необходимостью преодолеть абсурд истории и найти в себе силы жить дальше. Шолоховский Андрей Соколов усыновляет маленького сироту, а майор Исаковича поддерживает тех, кто нуждается в его помощи. Македонский писатель Андреевский в финале романа рисует сломленного невзгодами героя, который после известия о смерти пятерых своих детей не смог найти новую точку опоры и сохранить свойственную архетипу силу духа. Эту роль берет на себя македонская Пенелопа, жена Йона, Велика Мегленоска, ставшая для автора воплощением жизненной силы и бессмертия народа.

Писатели ориентируются на «сказ», что напрямую связывает произведение и их героев с народной традицией. Воспроизведение манеры устной речи усиливает эффект достоверности рассказов. Именно опора писателей на народное восприятие жизни способствует преодолению абсурда истории, формированию представления о неизбежной победе жизни над смертью и укреплению веры в неисчерпаемые способности человека к любви и состраданию. К такому выводу пришли писатели, взгляды которых на историю и литературу не всегда совпадали. М. Шолохов вышел из классической русской литературной традиции, а сербский писатель А. Исакович и македонский писатель П. М. Андреевский развивались с опорой на традиции литературы модернизма.

Писатели XX в. предложили новое осмысление мифологического сюжета. Герои пришли домой победителями, но их ждет не награда, а испытания и новая дорога в поисках точки опоры. Трактовка характера дается в духе фольклорной традиции. Народный герой бессмертен, как бессмертен и сам народ. Таким образом, литературная и фольклорная интерпретация мотива возвращения воина домой взаимно дополняют друг друга.

Феномен полиэтничности в словацком романе XXI в.: проблемы, герои, мотивы¹

Л.Ф. Широкова

THE PHENOMENON OF POLYETHNICITY IN THE SLOVAK NOVEL
OF THE XXI CENTURY: PROBLEMS, CHARACTERS, MOTIVES

Liudmila F. Shirokova

ABSTRACT:

Literature for a long time considered such a feature of the development of Slovak society, as multi-ethnicity and multiculturalism. Novels of the XXI century find new forms of artistic reflection of this phenomenon, as evidenced by, in particular, the works of P. Rankov, P. Kristufek, S. Lavrik.

Keywords: Slovakia; polyethnicity; novel; plot; character

АННОТАЦИЯ:

Литература на протяжении длительного времени рассматривала такую особенность развития словацкого общества, как полиэтничность и мультикультурность. Романы XXI в. находят новые формы художественного отражения этого феномена, о чем свидетельствуют, в частности, произведения П. Ранкова, П. Криштуфека, С. Лаврика.

Ключевые слова: Словакия; полиэтничность; роман; сюжет; герой

Географическое положение Словакии в центре Европы, многовековая история страны, находившейся на перекрестке военных, социальных, политических векторов и устремлений закономерно сформировали в ней мультикультурную среду. Историк Любомир Липтак отмечает в своей книге «Век длиннее, чем 100 лет»: «Мы являемся наследниками, а во многом и продолжателями рода <...> немцев, венгров русинов, хорватов, бежавших от турок, греческих торговцев, итальянских каменщиков, строивших наши храмы в немецких городах, галицких евреев и чешских эмигрантов. Все они создавали лицо этой страны» [Lipták 2011: 38]. Целый комплекс проблем, связанных с соседством, сосуществованием, а порой и противостоянием этносов на территории Словакии нашел отражение и в ее культуре. Произведения художественной литературы XIX-XX вв. представляли картину полиэтничного словацкого общества в его сложной исторической динамике. Отзвуки прежних мотивов, а также, разумеется, новые реалии и новую образность можно найти в словацкой прозе

¹ Работа над докладом проводилась в рамках проекта ИСл РАН "Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование", включенного в программу фундаментальных исследований 2018-2020 президиума РАН "Культурно-сложные общества: понимание и управление".

XXI в. Рассмотрим некоторые из романов последних лет, где затрагивается предложенная тема.

Павол Ранков (р. 1964) обозначил жанр своей книги «Это случилось первого сентября (или когда-то еще)» (2010), как «исторический роман из времени с 1938 по 1968 год». В нем без излишней патетики, а порой даже с ненавязчивым юмором воссоздается живая картина самых драматических моментов словацкой и, шире, европейской истории XX века. Автор прослеживает судьбы трех героев – чеха Яна, венгра Петера и еврея Габриэля, дружба которых зародилась в ранней юности в городе Левице на этнически пестром южном пограничье Словакии. Война и последующие события истории XX в. испытывали и формировали их характеры. В отдельных эпизодах романа Ранков воспроизводит значимые исторические моменты, проецируя их на поступки и переживания героев. Сами общественно-политические события показаны фрагментарно и представлены как часть повседневной жизни персонажей. Так, Ян участвует в боевых действиях в Израиле 1948 г., а затем в событиях 1956 г. в Венгрии; журналист Петер активно включается в движение «Пражской весны» 1968 г.

«Дом глухого» (2012) Петера Криштуфeka - многостраничный романсага, в котором на фоне бурных исторических событий XX в. прослеживаются судьбы и разветвленной словацко-еврейской семьи, и малого словацкого социума, провинциального словацкого городка с характерными социальными типами и отношениями. Картины жизни и судеб семьи врача Альфонса Трновского, его жены Берты Блау и их родственников с обеих сторон разворачиваются перед читателем, перемежаясь с экскурсами в прошлое и будущее героев и их потомков. Значительное место в романе занимает тема Холокоста; описываются действия активистов правящей националистической партии, аресты и депортации евреев, «аризация» их имущества.

Книга Сильвестра Лаврика (р. 1964) «Воскресные шахматы с Тисо» (2016) имеет в подзаголовке авторское жанровое определение – «исторический роман, навеянный историческими событиями и историями людей, которым пришлось их прожить». Главная героиня, Аничка Житнянска – наивная провинциальная жительница реально существующего городка Бановце-над-Бебравой со смешанным в национальном и конфессиональном плане населением, где соседями, а иногда и родственниками словаков являются венгры или евреи. Аничка повествует о событиях и переживаниях своей жизни с раннего детства до глубокой старости, особенно подробно останавливаясь на времени войны и Словацкого государства, когда она невольно оказалась в центре исторических событий, став секретарем президента республики, католического священника Йозефа

Тисо. Близкие подруги Анички – ее двоюродные сестры по отцу, «еврейские кузины» Винклер. Видя перемены, происходящие в городке, Аничка беспокоится за своих двоюродных сестер, простодушно замечая: «Кружки еврейской молодежи, которые собирались у кузин, сионистов и вообще евреев ужасно быстро выходили из моды: они или сами уехали в Палестину, или разбрелись по свету, или их под конец увезли в трудовой лагерь в Новаки. Зато появилась новая мода – кто-то начал рисовать на еврейских магазинах шестиконечные звезды» [Lavrík 2016: 113]. Старших сестер увозят в лагерь, а оттуда в Германию, а младшая, Алица, уходит к партизанам и единственная из семьи остается в живых.

К анализу можно подключить и ряд произведений, представляющих иные аспекты художественной трактовки темы полиэтничности в Словакии, иные жанровые формы и типы персонажей.

Литература / References

1. *Lavrík S. Nedel'né šachy s Tisom*. Bratislava: Dixit, 2016. 412 s.
2. *Lipták Ľ. Storočie dlhšie ako 100 rokov*. Bratislava: Kalligram, 2011. 294 s.

Фонетическая характеристика словацкого языка на фоне других славянских языков

M. A. Shtudiner

PHONETIC CHARACTERISTICS OF THE SLOVAK LANGUAGE
AGAINST THE BACKDROP OF OTHER SLAVIC LANGUAGES

M. A. Shtudiner

ABSTRACT:

Phonetic peculiarities of the Slovak language are analyzed in the presentation through the prism of an all-Slavic phenomenon – the reflection of long consonants, which appeared in Slavic consonant systems as the result of mutual adaptation of consonants in homorganic combinations, which came into being after the loss of ultrashort vowels in a weak position. As far as the fate of long consonants is concerned, the Slovak, Czech and Serbian languages on one hand, and the Polish, Russian, Belarusian and Ukrainian languages on the other hand, take two polar positions. The Bulgarian language takes an interim position.

Key words: long consonants; codification of pronouncing standard; Slovak orthoepy; typological classification of Slavic languages.

АННОТАЦИЯ:

Фонетические особенности словацкого языка рассматриваются в докладе сквозь призму одного из общеславянских явлений – рефлексацию долгих согласных звуков, возникших в славянских консонантных системах в результате взаимной адаптации согласных в гоморганных сочетаниях, появившихся после утраты

сверхкратких гласных в слабой позиции. В отношении судьбы долгих согласных словацкий, чешский и сербский языки, с одной стороны, и польский, русский, белорусский и украинский, с другой, представляют два полюса. Болгарский язык занимает промежуточное положение.

Ключевые слова: долгие согласные; кодификация произносительной нормы; словачья орфоэпия; типологическая классификация славянских языков.

Фонетические особенности словацкого языка рассматриваются в докладе сквозь призму одного из общеславянских явлений – рефлексацию долгих согласных звуков, возникших в славянских консонантных системах в результате взаимной адаптации согласных в гомогантных сочетаниях, появившихся после утраты сверхкратких гласных в слабой позиции.

Долгие согласные в терминах артикуляторной фонетики могут быть определены как звуки, при произнесении которых дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель.

Процесс возникновения долгих согласных имел место в различных славянских языках в разное время (в зависимости от хронологии утраты сверхкратких и ассимиляции согласных по глухости/звонкости). В каждом языке преобразование гомогантных сочетаний в долгие согласные осуществлялось в несколько этапов: раньше возникли долгие согласные из тех сочетаний, элементы которых были между собой наиболее близкими в артикуляционном отношении, т.е. прежде всего преобразованию подверглись сочетания идентичных согласных. Вероятно, длительное время после утраты сверхкратких гласных во всех славянских языках наблюдалась ситуация, подобная той, которая характерна для современного украинского языка: в большинстве украинских говоров и в литературном языке на месте сочетаний исконно одинаковых согласных звуков выступают долгие согласные, сочетания же звонкого и глухого согласных сохраняются. После завершения процесса ассимиляции по глухости/звонкости число долгих согласных в славянских языках значительно увеличилось. Однако в дальнейшем судьба этих звуков была различной в отдельных славянских языках.

Существующая в настоящее время кодификация словацкой произносительной нормы предписывает произносить долгие согласные в интервокальной позиции в следующих случаях:

а) на стыке приставки и корня – [d:] **preddavok**, [t:] **odtade**, [d':] **oddialit'**, [t':] **odtiahnut'**, [z:] **bezzásadový**, [s:] **rozsypat'**, [c:] **odcestovat'**, **odsúdit'**, [č:] **nadžas**, **podšívka**;

б) на стыке корня и суффикса – [n:] **kamenný**, [n':] **denne**, [k:] **mákký**, [š:] **užší**, [c:] **sudca**, [č:] **dobyťčí**, **sladší**, **váčší**;

в) в формах 2 л. мн.ч. повелительного наклонения глаголов, имеющих в исходе корня [d'] или [t'] – [t':] **súď'te**, **pod'ťte**, **vrát'ťte**;

- г) в числительных типа *pät'desiat*, [c:] *dvadsat'*;
- д) в формах превосходной степени прилагательных – [j:] *najjasnejší*, *najjednoduchší*;
- е) в формах 1 л. мн. ч. повелительного наклонения глаголов, корни которых заканчиваются согласным [m] – [m:] *oznámme*, *nelámme*, *gozломme*;
- ж) в сложных словах – *štvorrozmerný*, *štvorročne*, [l:] *pollitrový*, [j:] *dvojjazučný*;
- з) на стыке слов [Kral' 2005: passim].

Наше изучение с помощью различных методов современного словацкого произношения показало, что в словацком языке, вопреки рекомендациям орфоэпистов, долгие согласные внутри слова утратились во всех комбинаторных позициях, на стыке слов они сохраняются лишь в интервокальной позиции в кодифицированном стиле произношения литературного языка. Аналогичной была судьба долгих согласных в чешском и сербском языках [Штудинер 1975: 62–68].

В польском, русском, белорусском и украинском языках долгие согласные перед гласным (после гласного и в начале высказывания) последовательно сохраняются как внутри слова, так и на стыке слов.

В болгарском языке действует тенденция к сокращению долгих согласных в пределах фонетического слова, которая ярко проявляется в разговорном стиле произношения литературного языка и в диалектной речи, причем в западных болгарских говорах эта тенденция выражена ярче, чем в восточных. На стыке самостоятельных слов долгие согласные в болгарском языке подвергаются упрощению в значительно меньшей степени [Studiener 1976: 725–729].

Таким образом, словацкий, чешский и сербский языки, с одной стороны, и польский, русский, белорусский и украинский, с другой, в отношении судьбы долгих согласных представляют два полюса. Болгарский язык занимает промежуточное положение.

Данная группировка славянских языков определенным образом соотносится с их классификацией, предложенной А. В. Исаченко [Исаченко 1963: 106–121]. В соответствии с типологическим критерием, учитывающим численность консонантного и вокалического инвентарей, словацкий, чешский и сербский языки принадлежат к вокалическому типу, а польский, русский, белорусский и украинский – к консонантному. Болгарский язык тяготеет к последнему типу.

Развитие того или иного славянского языка как консонантного или вокалического было предопределено «вторичным» смягчением согласных, т.е. еще до утраты сверхкратких гласных. Древнесербский язык не знал процесса смягчения полумягких согласных перед гласными переднего ряда. В древнечешском и древнесловацком языках этот процесс не

был проведен последовательно. В восточных болгарских говорах содержатся многочисленные следы смягчения полумягких. Западные болгарские говоры в этом отношении ближе к сербскому языку. Переход полумягких согласных в мягкие последовательно осуществился в восточнославянской языковой области. В языках лехитской группы этот процесс был проведен еще более последовательно [Бернштейн 1961: 239–240].

После утраты сверхкратких гласных в результате обусловленного рядом фонетических процессов увеличения числа долгих гласных на всей славянской языковой территории в системах вокализма сформировалась категория количества. В тех славянских языках, в которых произошел процесс смягчения полумягких согласных перед гласными переднего ряда и в связи с этим после возникновения непозиционной мягкости могла сформироваться категория твердости-мягкости с большим числом соотносительных пар, долгие гласные подверглись сокращению, т.е. категории количества оказалась избыточной. В языках же с ущербной категорией твердости-мягкости противопоставление долгих и кратких гласных сохранилось. Фонетические системы этих языков обладали достаточными дистинктивными возможностями для того, чтобы допустить утрату долгих согласных звуков, представлявших собой бифонемные сочетания.

Сохранение долгих согласных в некоторых словацких говорах носит аномальный характер. Это оказывается возможным, вероятно, потому, что в языке некоторое время могут сохраняться отдельные элементы, наличие которых является «нерациональным» с точки зрения системных отношений (примером такого явления может служить также сохранение долгих гласных в предударном слоге двусложных слов в позднем праславянском: *tra:va, *mo:ka, когда противопоставление гласных по количеству отсутствовало). На каком-то этапе развития языка по тем или иным причинам эти сохраняющиеся по традиции элементы могут «заиграть», т.е. приобрести функциональную значимость (так, долгие гласные, сохранявшиеся по традиции в предударном слоге двусложных слов, приняли участие в формировании новой категории количества уже в отдельных славянских языках после появления большого числа долгих гласных в результате заместительного продления, стяжения гласных и ряда других процессов). Следует отметить, что ареал распространения отмечаемой словацкими диалектологами спорадической утраты долгих гласных совпадает с территорией распространения долгих согласных.

Литература / References

1. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 350 с.
2. *Исаченко А. В.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике, вып. III. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 106–121.

3. *Штудинер М. А.* О долгих согласных в славянских языках // Советское славяноведение, 1975, № 4. С. 76–86
4. *Kral' A.* Pravidlá slovenskej výslovnosti. Systematika a ortoepický slovník. Martin: Matica slovenská, 2005. 423 с.
5. *Studiener M. A.* Lange Konsonanten in der bulgarischen Sprache der Gegenwart // Zeitschrift für Slawistik, Bd. XXI, 1976, H 6. S. 725–729.

Мотивационные аспекты и языковая компетенция в овладении русским и украинским языками как иностранными

М.В. Яйич Новоградец

MOTIVATIONAL ASPECTS AND LANGUAGE COMPETENCE
IN THE ACQUISITION OF THE RUSSIAN AND THE UKRAINIAN LANGUAGE

Marina V. Jajić Novogradec

ABSTRACT:

The paper deals with motivation and language competence as one of the most important individual factors in the foreign language acquisition. Studies on motivation in the second language acquisition have been increasing, and the motivation factor, together with other affective and cognitive factors, help teachers of foreign languages form the appropriate activities in order to make foreign language learning easier. The aim of our study was to examine Croatian students, learning Ukrainian and Russian as foreign languages in order to find the relationship between motivation and language competence in students' language acquisition. The study confirmed the fact, that the higher the affective and learning motives, the higher the language competence of students.

Keywords: language competence; motivation; Ukrainian as a foreign language; Russian as a foreign language

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются мотивация и языковая компетенция как одни из важнейших индивидуальных факторов в овладении иностранным языком. Исследования мотивации в области лингводидактики приобретают большую ценность и этот фактор вместе с другими аффективными и когнитивными факторами помогает учителям иностранных языков оформлять адекватные активности, чтобы облегчить учащимся изучение иностранного языка. Целью нашего исследования является анкетирование хорватских студентов, изучающих русский и украинский языки как иностранные, чтобы указать на взаимосвязь мотивации и языковой компетенции в овладении языком. Подтверждением этого исследования является тот факт, что - чем выше аффективные и учебные мотивы учащихся, тем выше их языковая компетенция.

Ключевые слова: мотивация; языковая компетенция; русский как иностранный язык; украинский как иностранный язык

В обучении иностранному языку важную роль играют разные индивидуальные факторы. Они делятся на аффективные факторы – мотивация, страх от общения на иностранном языке, отношение учащегося к языку, эмоции, и когнитивные факторы – учебные стили и стратегии, языковая одарённость, интеллигентия, метаязыковое сознание. Мотивация, как психическое явление, является одним из ключевых факторов в изучении иностранного языка. Согласно Акишиной и Кагану [2002: 175], для преподавателя иностранного (русского) языка очень важно знать мотивы изучения языка учащимися, пытаться стимулировать интерес к избранным сферам изучения языка, расширять круг интересов учащихся. Если учащимся интересно на занятии, то лучше работает память, они внимательны, их работоспособность повышается, они легко включаются в учебную деятельность [Акишина и Каган 2002: 175]. В контексте коммуникативного иноязычного образования мотивация занимает особое место. В настоящее время можно говорить о централизованном на ученике подходе к обучению, который способствует высокой мотивации [Азимов и Щукин 2009]. Существуют два основных вида мотивации: внешняя и внутренняя. Под внешней мотивацией подразумевается влияние преподавателя, учебной группы, родителей, окружения на изучение языка, а под внутренней мотивацией подразумевается уровень заинтересованности учащихся в изучении иностранного языка, а также личная значимость информации о стране, культуре, традициях, истории страны изучаемого языка [Азимов и Щукин 2009: 148]. В нашей работе речь идёт о взаимосвязи мотивации и языковой компетенции в овладении хорватскими учащимися двумя славянскими языками – русским и украинским. Результатом обучения является языковая компетенция, которая включает в себя знания о функционировании единиц языка – грамматических, фонетико-фонологических и лексических. Термин языковая компетенция разработал Хомский в 60-ые годы 20 в., имея в виду определённые знания, которыми учащийся должен овладеть для успешной коммуникации на иностранном языке. Надо подчеркнуть, что языковая компетенция как набор способностей, знаний и умений заменяется терминами *языковое знание*, *владение языком*, *языковое умение*, *языковая способность*. Лингводидактическая литература указывает на то, что успех в овладении языком связан с повышенной мотивацией. Так, например, если у учащихся высокая мотивация к изучению иностранного языка, они с лёгкостью стремятся усвоить необходимые навыки и умения, и их языковая компетенция достигает высокого уровня.

Целью нашего исследования является установление взаимосвязи мотивационных аспектов учебной деятельности студентов одного хорватского университета с их языковой компетенцией в овладении русским и украинским языками. В исследовании участвовали 52 студента третьего

и четвёртого курса, изучающие русский и украинский языки в составе учебных групп в университете. На основании теоретических постановок и раннее проведённых исследований в данном контексте [Михалевиц Джигунович 1998; Карлак 2013] мы составили инструмент для наблюдения мотивационных аспектов и языковой компетенции. Мотивационные аспекты включили несколько компонентов – аффективный (эмоциональное отношение учащихся к языку), инструментальный (потребность изучения языка из-за работы, учёбы и т.д.) и учебный (удовлетворенность изучением языка, условиями обучения). Языковая компетенция проверялась на основании самооценивания знания студентов по русскому и украинскому языкам в виде аудирования, говорения, чтения и письма и их учебных оценок на языковых курсах. Студенты украинского языка оценили своё знание по украинскому как очень хорошее, а студенты русского языка оценили своё знание по русскому как хорошее. Что касается их оценок на языковых курсах, они соответствуют самооцениванию студентов. После обработки данных, касающихся мотивации, мы получили следующие результаты: у студентов русского и украинского языков очень высокий уровень аффективных мотивов, т.е. студенты любят изучать русский или украинский язык из-за мелодичности языка, любят красивое произношение языка; аффективные мотивы студентов русского языка значительно ниже, чем аффективные мотивы студентов украинского языка; в очередности мотивов за аффективными мотивами следуют учебные, которые выше у студентов украинского языка, чем русского; инструментальные мотивы ниже аффективных и учебных для обеих групп. Мы пришли к выводу, что языковая компетенция учащихся зависит от некоторых аспектов мотивации. В нашем исследовании результатом более низкой языковой компетенции учащихся является более низкий уровень их аффективных и учебных мотивов. Это значит, что чем выше аффективные и учебные мотивы, тем выше языковая компетенция студентов. Инструментальные мотивы не оказывают большого влияния на языковую компетенцию. Можно утверждать, что более низкий уровень инструментальных мотивов связан с изучаемым языком учащихся. Использование русского или украинского языка в неформальных контекстах для большинства студентов редко, в отличие от английского, немецкого или итальянского языков. Лингводидактические импликации этого исследования состоят в том, что преподаватели иностранных языков должны удовлетворять требованиям учащихся, имея в виду их различные интересы, и разрешать учащимся самостоятельно формировать процесс своего обучения.

Литература / References

1. *Акишина А.А., Каган О.Е.* Учимся учить (для преподавателя русского языка как иностранного). Москва: Изд-во Рус. Яз. Курсы, 2002. 256 с.

2. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
3. *Karлак, M.* Odnos strategija učenja, motivacije i komunikacijske jezične kompetencije u stranom jeziku. Neobjavljena doktorska disertacija. Osijek: Filozofski fakultet Sveučilišta u Osijeku, 2013. 376 str.
4. *Mihaljević Djigunović J.* Uloga afektivnih faktora u učenju stranoga jezika. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 1998. 178 str.

Русск. *крупный*, польск. *krepy* – представители одной или разных языковых семей?

М. Якубович

RUS. КРУПНЫЙ, POL. KRĘPY – REPRESENTATIVES OF ONE OR MULTIPLE LINGUISTIC FAMILIES?

Mariola Jakubowicz

ABSTRACT:

The paper will discuss Slavic adjectives: Rus. *крупный* and Pol. *krepy*, between which there is a semantic, and perhaps also a genetic relationship. In the paper, I will attempt to seek an answer to the heretofore unsolved question about the latter relationship. In order to achieve this goal, I will analyse both words against a broad Proto-Slavic background. Also Indo-European facts will be adduced.

Keywords: Slavic etymology, semantics, *крупный*, *крупа*, *krepy*

АННОТАЦИЯ:

Темой доклада являются славянские прилагательные (русск. *крупный* и польск. *krepy*), между которыми существует семантическая, а возможно и генетическая, связь. В докладе предпринимается попытка ответить на вопрос о их генетической связи. Для этого обе лексемы будут проанализированы на общем праславянском фоне. Для решения проблемы, представленной в докладе, будут приведены и индоевропейские факты.

Ключевые слова: славянская этимология, семантика, *крупный*, *крупа*, *krepy*

Темой доклада является попытка ответа на вопрос, какая связь существует между двумя славянскими прилагательными: русск. *крупный* (ср. сербохорв. *крупан* (*крупни*), ‘крупный, толстый, дородный’, чеш. *krupný*, *krupý* ‘грубый’), и польск. *krepy*. Поводом для рассмотрения этой проблемы стало утверждение, доминирующее в этимологических словарях, о связи прилагательного *крупный* с существительным *крупа*, хотя эти слова явно различаются своей семантикой (ср. русск. *крупа*, укр. *крупа* ‘то же’, ст.слав. *кроупа* ‘ψιχίον’, болг. *крупка* ‘крошка’, сербохорв. *крупа* ‘крупа, град’, словен. *krúpa* ‘перловая, ячневая каша’, чеш. *kroupa* ‘крупа, град’, в том же значении: слц. *krúpa*, польск. *krupa*, в.-луж. *krupa*, н.-луж. *kšupa* – Фасмер 1986: 386). Цитированный здесь Фасмер, как и другие

этимологи (напр. авторы ЭССЯ 1987: 46-47, Sławski 1966-1969: 175-178) считают праслав. **krupьnъ* производным от праслав. **krupa*. Хотя происхождение прилагательного **krupьnъ* от существительного **krupa* с формальной точки зрения вполне возможно, семантически эти слова не выводимы друг из друга. В связи с этим кажется обоснованным обратить внимание на другую возможность толкования слова **krupьnъ*, предложенную А. Баньковским (Bańkowski 2000: 817) и поддерживаемую В. Борышем (Boryś 2005: 259), а именно на связь с польск. *krępy* – континуантом праслав. **krorъ*.

В ходе доклада будут рассмотрены две проблемы: первой является просмотр семантических отношений между континуантами праславянских лексем **krupa* и **krupьnъ* с учетом семантических параллелей с целью ответа на поставленный вопрос или объяснение слова **krupьnъ* как производного от **krupa*, что можно считать обоснованным. Вторая задача состоит в сопоставлении лексем, названных в заглавии доклада, как продолжающих праславянские корни **krup-* и **krop-*. Семантическая связь между обеими лексемами не подлежит сомнению, хотя одновременно можно их считать в какой-то мере антонимами. Как русск. *крупный*, так польск. *krępy* входят в семантическое поле определений толстого человека, однако что касается дальнейшей характеристики, русск. *крупный* имплицитно также высокий рост, а польск. *krępy* – наоборот – низкий. Учитывая факт, что русск. *крупный* и польск. *krępy* обычно считались членами двух отдельных гнезд в праславянском языке, связанных с разными индоевропейскими корнями, гипотеза, предложенная польскими этимологами, требует тщательного этимологического анализа как с семантической, так и с формальной точки зрения, что требует значительно большего внимания, чем это возможно в короткой словарной статье. Кроме славянского иллюстративного материала должен быть приведен и материал других индоевропейских языков, если он понадобится для решения проблемы, представленной в докладе.

Литература / References

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2. / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева / под ред. Б. А. Ларина Москва: Изд. Прогресс, 1986.
2. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков, вып. 13 / под ред. О. Н. Трубачева, Москва: Изд. Наука, 1987.
3. Bańkowski A., Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
4. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
5. Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. 3. Kraków: Wydawnictwo Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego, 1966-1969.

Корреляция значений «хороший» и «красивый» в славянских языках

Е.И. Якушкина, М.Л. Кулешова

THE CORRELATION OF MEANINGS 'GOOD' AND 'BEAUTIFUL'
IN SLAVIC LANGUAGES

Ekaterina I. Jakushkina, Maria L. Kuleshova

ABSTRACT:

The paper considers the semantic shift «beautiful → good» as exemplified in adjectives and adverbs in modern Slavic languages. This shift is to some extent represented in all Slavic languages, except for Russian and Belarusian, and is based on the opposition *quality* ↔ *pleasure*.

Keywords: lexical semantics; lexical typology; Slavic languages; polysemy

АННОТАЦИЯ:

В докладе рассматривается семантический переход «красивый → хороший» на материале прилагательных и наречий в современных славянских языках. Данный переход в той или иной степени представлен во всех славянских языках, кроме русского и белорусского, и базируется на оппозиции *качество* ↔ *удовольствие*.

Ключевые слова: лексическая семантика; лексическая типология; славянские языки; полисемия

В настоящем докладе рассматривается реализация семантического перехода «красивый → хороший» в современных славянских языках. Мы поставили своей целью определить, для каких языков характерна полисемия частной эстетической и общей положительной оценки в рамках нейтрального прилагательного со значением 'красивый' и наречия 'красиво' и насколько широка сочетаемость данных многозначных лексем.

Прилагательное *красивый*, этимологически связанное с лексемой 'красный', в русском языке не развило общей положительной оценки. В других славянских языках прилагательные с тем же корнем либо приобрели эмоциональную окраску в качестве общеоценочных средств (например, слов. *krasen*), либо отличаются меньшей частотностью по сравнению с основным средством номинации: укр. *красивий*, болг. *красив*, чеш. *krásný* (семантика данных лексем ограничивается эстетической оценкой). Отсутствие данного рода полисемии наблюдается также в белорусском языке (прилагательное *прыгожы* от праслав. **goditi* 'угождать, удовлетворять'), однако при этом наречие *прыгожа* иногда может употребляться в значении общей оценки:

(1) Дужа *прыгожа* даводзілі тья разумнейшыя, і іх слухалі (Очень *правдоподобно* рассуждали умники, и их слушали) *Васіль Быкаў*. *Знак бяды*.

Для южнославянских и западнославянских языков, а также для украинского языка, переход «красивый → хороший», напротив, является характерным, однако имеет свою специфику. С целью определить, с какими типами объектов сочетаются прилагательные с исходным значением ‘красивый’, мы использовали классификацию видов «добра» Х. фон Вригта [цит. по Вольф 1985: 27]:

1) инструментальное «добро»: *хороший автомобиль, хорошие бутинки*; 2) медицинское «добро»: *хорошее здоровье, хорошее зрение*; 3) техническое «добро»: *хороший преподаватель, хороший игрок*; 4) гедонистическое «добро»: *хороший обед, хороший вечер* и т.д. 5) утилитарное «добро»: *хороший план, хорошая возможность*; 6) «добро» человека: *хороший человек, хорошая черта*. Результаты нашего исследования показали, что ни в одном из современных славянских литературных языков анализируемый переход не представлен в рамках инструментального, медицинского и технического «добра». При номинации остальных видов «добра» переход в той или иной степени возможен, причем чаще всего он происходит в случае гедонистического «добра». В связи с этим возникла гипотеза, что семантическая дифференциация прилагательных со значением ‘хороший’ и ‘красивый’ базируется на дихотомии *качество ↔ удовольствие*, то есть переход *красивый → хороший* осуществляется лишь в том случае, когда объект номинации вызывает у субъекта позитивное отношение («мне это нравится»).

Совмещение частной эстетической и общей оценки свойственно прилагательным с различной этимологией: серб. *lep*, хорв. *lijep* и слов. *lep* (праслав. **lěpъ*, по-видимому, связанное с индоевропейским корнем **leip-* ‘мазать маслом, жиром, клеить’ [ЭССЯ 1987: 227]), болг. *хубав* и макед. *убав* (через посредство тур. *хоб* ‘красивый’ восходят к нов.-перс. *хйб* ‘красивый’ [ЭСРЯ]), укр. *гарний* (восходит к древнескандинавскому *harr* ‘князь’ [Мельничук 1982: 476]), пол. *piękny*, чеш. *pěkný* и слов. *pekny* (праслав. **pěkrъ*, родственное латинскому *pulcher* ‘красивый’ [Machek 1968: 442]), чеш. *hezky* (родственное блр. *прыгожы* [там же: 166]). Различия в сочетаемости лексем в каждом конкретном славянском языке не всегда связаны с принадлежностью этих лексем к определенной категории добра, равно как и с их мотивацией. Так, одним из критериев дифференциации языков является «добро», связанное с приятным вкусом пищи (один из подвидов гедонистического «добра»): например, положительную характеристику обеда могут обозначать серб. *lep*, хорв. *lijep*, болг. *хубав*, макед. *убав*, укр. *гарний*, чеш. *pěkný* и *hezky*, но не пол. *piękny*, слов. *lep*, слов. *pekny*. Данный контекст интересен минимальным присутствием

эстетического компонента, в той или иной степени свойственного другим подвидам гедонистического «добра». В различной степени реализуется также переход *красивый*→*хороший*→*большой*: в частности, существительное со значением ‘зарплата’ не способно сочетаться с прилагательным ‘красивый’ в польском и македонском языках.

Переход *красивый*→*хороший* является актуальным как для прилагательных, так и для образованных от них наречий; при этом тенденция замены частного общим получила дальнейшее развитие в широко распространенной грамматикализации данных лексем, см. следующие примеры на интенсифицирующую функцию:

(2) серб.: *Lepo sam ušao na Kosovo, tako ću i da izaðem* (Как приехал в Косово, так и уеду оттуда). *Интернет, 2014*.

(3) слов.: *Ko so imeli konec ure, smo vsi skupaj lepo odšli domov* (Когда урок закончился, мы все вместе спокойненько пошли домой). *Novice, 2009*.

В рамках наречий также получил распространение переход *красиво*→*приветливо, вежливо* (этическая оценка):

(4) чеш.: *To je od vás hezké, že mi to říkáte* (Как мило с Вашей стороны, что Вы мне это сказали). *Интернет*.

(5) слов.: *Vedno me lepo pozdravijo, vprašajo, kako sem, dodajo besedo o vremenu* (Они всегда приветливо со мной здороваются, спрашивают, как дела, как погода). *Poslovna asistenca, 2007*.

Литература / References

1. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2002. 280 с.
2. *Етимологічний словник української мови. Том 1. А–Г/* Под ред. О.С. Мельничука. Київ: Наукова думка, 1982. 632 с.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.lexicography.online>. Дата последнего обращения: 13.08.2018.
4. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 14.* / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. 272 с.
5. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Československá akademie věd, 1968. 868 s.

Петер Эстерхази, «Книга Грабала»

Ю. П. Гусев

PÉTER ESTERHÁZY, THE BOOK OF HRABAL

Yury P. Gusev

ABSTRACT:

From the whole of the world literature, the Hungarian writer Péter Esterházy (1950–2016) set out only one name – that of the Czech writer Bohumil Hrabal (1914–1997), because he saw in his work something close to himself.

Keywords: Esterházy; Hrabal; the intertextuality; the socialist camp; the creative freedom

АННОТАЦИЯ:

Из всей мировой литературы венгерский писатель Петер Эстерхази (1950–2016) выделил одно имя, чешского прозаика Богумила Грабала (1914–1997), увидев в его творчестве нечто близкое себе.

Ключевые слова: Эстерхази; Грабал; интертекстуальность; соцлагерь; творческая свобода

Если интертекстуальность – одна из самых характерных черт постмодернистской литературы, то венгерский писатель Петер Эстерхази близок к тому, чтобы считаться чемпионом в этом плане: его произведения буквально кишат явными и скрытыми цитатами из самых разных авторов, венгерских и невенгерских, современных и относящихся к минувшим эпохам.

Почему чешский писатель Богумил Грабал стал для Эстерхази не просто одним из объектов внимания и, скажем так, творческого заимствования, но «героем» целой книги? Поискам ответа на этот вопрос и посвящается этот доклад.

Предварительно – тезисно – ответить можно следующим образом.

Грабал казался венгерскому писателю в чем-то очень близким ему самому, – хотя близость эта отнюдь не бросается в глаза: они все же очень разные. Но то, что привлекает Эстерхази, является, по-видимому, очень важным, существенным.

Грабал, со всеми перипетиями его творческого пути, с его сложными взаимоотношениями с коммунистическим режимом, казался Эстерхази очень типичным для культурной жизни этого региона, в просторечии называемого «соцлагерем». Видимо, Эстерхази и себя считал подобной же типичной фигурой – несмотря на то, что он был потомственным аристократом, графом.

Но още важнее – то, что Эстерхази особенно восхищало в Грабале и в чем он стремился подражать ему. Это – умение в условиях несвободы (идеологические ограничения, цензура и т. п.) оставаться свободным, сохранять свою творческую суверенность.

Евфемизмите в българската традиционна култура

Мария Китанова

EUPHEMISMS IN THE BULGARIAN TRADITIONAL CULTURE

Mariya Kitanova

ABSTRACT:

The study examines the cases when euphemisms are used in place of words that are forbidden (taboos) in the Bulgarian traditional culture: own names of the husband's relatives, some animal denominations such as: bear, wolf, snake, weasel, names of diseases and the fact of death.

Keyword: euphemisms; taboos; words-substitutes

АННОТАЦИЯ:

В изследовании рассматриваются вопросы использования эвфемизмов в запретах на произношение определенных имен (табу) в болгарской традиционной культуре. Это собственные имена родственников мужа, имена некоторых животных (медведя, волка, змея, ласки, имена болезней и факты смерти.)

Ключевые слова : табу; слова-заместители; эвфемизмы

В статията се разглеждат някои семантични модели за евфемизация в българската традиционна култура, в която забраната за произнасяне на определени думи възниква поради вярата в магическата им сила. Тази вяра води до забрана за изричане на имена на божества, демони, опасни животни и болести, за назоваване на смъртта. Вярва се, че премълчаването на името им е начин за предпазване от тях. Приема се твърдението на Зеленин, че **табу** е етнографски термин, а лингвистиката се занимава с евфемизмите и табуистичните названия, които се употребяват за заместване на забранените думи.

Изяснен е терминът **евфемизъм**, който произлиза от гръцката дума *εὐφραδία*, която означава „похвален, ласкав, благоприятен“ и води началото си от *εὖ-* (добре-, хубаво-, благо-) + *φῆμι* (реч, слово). В съвременната лингвистика терминът евфемизъм се приема като смекчаваща речева стратегия, която дава възможност на говорещия да се съобразява с правилата на речевия етикет. Някои автори изследват евфемизмите заедно с различните фигури на речта. Други автори подчертават, че от семантична гледна точка процесът на евфемизация е

основан на разликата между позитивната или неутрална конотация на вторичното наименование и отрицателната конотация на изходното понятие. Срещат се и такива, които приемат, че евфемизмите са вид речеви актове, тъй като имплицитността, която притежават всъщност е формално не изразяване на прагматическата информация, която се съдържа в тях.

За евфемизмите и думите-табу още през 1930 г. пише Д. К. Зеленин в книгата си „Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии“, по-късно с този проблем се занимава и Трубачов в „Из истории табуистических названий“ през 1958 г. Особен интерес представят евфемизмите за болести. Михайлова Д. „Към въпроса за евфемистичните названия за болести в български език“ 1974. В по-ново време цялостно изледване в етнолингвистичен аспект прави Б. Попов в докторската си дисертацията „Табуистични названия в български език (в етнолингвистичен аспект и в съпоставка с други езици)“, 2001 г., в Автореферата към дисертацията и в редица други публикации. Там той различава същинско табу, табуистични названия и евфемизми. Освен това въвежда термините **етнокултурен факт** и **етнокултурен обект**. Под етнокултурен факт авторът разбира причината, поради която възниква името-заместител, а същината, чието име е подложено на забрана в народната речева практика – етнокултурен обект. Освен това авторът определя т. нар. същинско табу като „явление, притежаващо три съставни лингвистични компонента: първоначално название, което поради някаква екстралингвистична причина бива забранено, вторично, заместващо название с друга вътрешна или външна форма, заменящо забраненото, и езиков механизъм (начин) за образуване на вторичното название“. Към тях авторът добавя още два компонента, които имат екстралингвистичен характер – забраната (табу) и причината за тази забрана. Б. Попов отделя освен думи-табу, които са забранени за произнасяне, табуизирани названия и евфемизми, които са практически думи-заместители. Той прави такова разделение като се опира на факта, че не всички думи-заместители могат да бъдат наречени евфемизми.

Предмет на статията са някои модели за евфемизация, характерни за българската народна култура: заместване на лични имена на роднините на съпруга след сватбата, т. нар. невестински имена, названия на някои животни, названия на болести, факти, свързани със смъртта и починалия човек, пожелателни лични имена. Подчертава се, че евфемизмите, характерни за народната култура на българите могат да бъдат отделни думи, устойчиви словосъчетания, фразеологизми и даже малки текстове. Когато те се използват като евфемизъм, в повечето случаи получават метафоричен пренос. Евфемистични могат да бъдат даже някои клетви.

От приведения и анализиран материал се налагат следните изводи:

Забраната за назоваване на определени същества се основава на вървата в магическата сила на словото.

За назоваване на забранени названия (табу) се употребяват табуистични названия и евфемизми. Евфемизмите са само онези лексеми, чрез които се постига смекчаваща речева функция.

Евфемизмите в българската народна култура могат да бъдат отделни лексеми, словосъчетания и дори отделни малки текстове.

Евфемизацията се осъществява посредством следните механизми:

- заместване с деминутиви
- заместване чрез употреба на роднински термини
- чрез лексеми с вътрешна форма *благ-, хубав, добър*
- чрез названия на дървета, храсти и плодове: *калина, малина, ябълка, трънка* и др.
- чрез употребата на определени цветове: *жълт, бял, червен* и др.
- евфемистично могат да бъдат преобразувани дори някои клетви
- за назоваване на забранени названия (табу) се употребяват табуистични названия и евфемизми. Евфемизмите са само онези лексеми, чрез които се постига смекчаваща речева функция.

Литература / References

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. *Георгиева И.* Българска народна митология. София: Наука и изкуство, 1993.
3. *Дукова У.* Наименования демонов в българском языке, Москва: „Индрик“, 2015.
4. *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 8–9. Ленинград, 1929–1930.
5. *Иванов В. В.* Волк // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 242.
6. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Медведь // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 128–129.
7. *Кацев А. М.* Евфемизмы и просторечие. Семантический аспект // Актуальные проблемы семасиологии. Ленинград: Лань, 1991. С. 65–83.
8. *Кацев А. М.* Языковое табу и эвфемия. Ленинград: Лань, 1988.
9. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов, Москва: Гнозис, 2007.
10. *Попов Б.* Табуистични названия на хора и животни в югозападните български говори // Македонски преглед. №3. 1998. С. 41–55.
11. *Попов Б.* Табуистични названия на болести в югозападните български говори // Македонски преглед. №1. 2000. С. 67–85.
12. *Попов Б.* Реконструкция на архаичната номинация при индоевропейските названия за диви животни и ролята на оноματοпеята // Съпоставително езиковедие. №2. 2000. С. 65–85.
13. *Попов Б.* Табуистични названия в български език (в етнолингвистичен аспект и в съпоставка с други езици). Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователната степен „доктор“. Благоевград.
14. *Симеонов Б.* Прабългарска ономастика. Пловдив: Фондация, „Българско историческо наследство“, 2008.
15. Българска митология. Енциклопедичен речник / съст. *Стойнев А.* София: 7М+ЛОГИС, 1994.

16. *Тишина Н. В.* Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке. Автореферат диссертации „кандидат филологических наук“. М., 2006.
17. *Трубачев О. Н.* Из истории табуистических названий // Вопросы славянского языкознания. №3. 1958. С. 120–126.

К вопросу о первоначальном славянском переводе Евангелия: история и современность

А. С. Новикова

ON THE ORIGINAL SLAVIC TRANSLATION OF THE GOSPEL:
HISTORY AND TODAY

Anna S. Novikova

ABSTRACT:

The history of the original Old Church Slavonic translation of the Gospel is considered. The functional type of this translation is regarded as well as its reception among paleoslavists.

Keywords: Gospel; Tetra-Gospel; Aprakos-Gospel; Old Church Slavonic; characteristics of language; paleoslavistics

АННОТАЦИЯ:

В тезисах освещается история создания первоначального славянского перевода Евангелия. Выясняется функциональный тип этого перевода и отношение к нему палеославистов.

Ключевые слова: Евангелие; тетр; апракос; старославянский язык; языковые особенности; палеославистика

История создания первоначального славянского перевода Евангелия давно волнует многих отечественных и зарубежных славистов. Несмотря на большое количество работ, посвященных решению данной проблемы, до сих пор сохраняется много спорных вопросов в этой области.

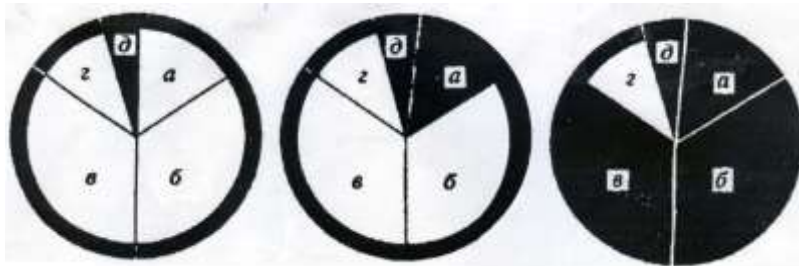
Давно известно, что первоначальный перевод Евангелия с древнегреческого языка на язык солунских славян был осуществлен Св. братьями Константином-Кириллом и Мефодием. По поводу того, где и когда произошло столь важное в истории всех славянских народов событие, существуют разные мнения. Заслуживает внимания точка зрения болгарского ученого Куйо Куева, который, опираясь на данные Паннонского жития Кирилла, считает, что первоначальный перевод Евангелия был сделан Св. братьями в Малой Азии, на горе Олимп. По мнению проф. К. Куева, работа над созданием первой славянской азбуки и переводом самых важных богослужебных книг началась здесь уже в 856 г. после сарацинской миссии Кирилла, когда он отправился на Олимп к своему брату Мефодию, и была завершена к 863 г. перед поездкой в Моравию [Кув: 67].

Все древние славянские и греческие рукописи VII – XIV веков, содержащие евангельские тексты, можно разделить на две большие группы. Первая – Евангелие-тетр, тетроевангелие или четвероевангелие (греч. *tétrā* – четыре) – четый тип Евангелия. В этом функциональном типе текст расположен в порядке изложения евангельских событий четырьмя

апостолами: Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Вторая – Евангелие-апракос (греч. *άλρακτος* – недельный, праздничный) – богослужебный тип Евангелия. По мнению известного палеослависта Г.А. Воскресенского, «Евангелия-апракосы не представляют евангельский текст въ его полнотѣ и первоначальномъ видѣ: въ началѣ чтеній они иное опускають, другое прибавляють, иногда соединяють сказанное въ разныхъ мѣстахъ, даже у разныхъ евангелистовъ». Вместе с тем Г.А. Воскресенский все Евангелия-апракосы подразделяет на две группы: Евангелия-апракосы сокращенные, т.е. содержащие «послѣ Пятидесятницы евангельскія чтенія только субботнія, недѣльные и по месяцеслову», и апракосы полные, т.е. имеющие и будничные чтенія [Воскресенский: 11-12].

Во второй половине двадцатого столетия русский славист и палеограф Л.П. Жуковская, подробно изучавшая этот вид древней книги, разделила все апракосы на три группы: праздничный (или воскресный), краткий и полный [Жуковская: 225].

Схематично она представила это так:

Воскресный апракос

Краткий апракос

Полный апракос

Закрашенные части круга обозначают наличие того или иного цикла чтений на определенную часть года, незакрашенные – отсутствие. Закрашенное кольцо (ободок круга) обозначает чтение только на субботу и воскресенье, секторы – чтения на дни с понедельника по пятницу; а – чтения от Пасхи до Пятидесятницы (Троицы); б – чтения от Пятидесятницы до Нового лета; в – чтения от Нового лета до Великого поста; г – чтения шести недель Великого поста; д – чтения Страстной седмицы (недели).

Поскольку известны функциональные типы списков Евангелия разных редакций и изводов, необходимо выяснить, к какому функциональному типу принадлежит первоначальный перевод Евангелия, названный в «Житии Кирилла» как **БЕСѢДА ЕВАНГЕЛЬСКА** [Кув: 67].

Впервые о том, что Константин-Кирилл и Мефодий перевели с древнегреческого языка на славянский именно Евангелие-апракос, сказал К.И. Невоструев во время своего выступления на праздновании в 1863 г.

в Москве 1000-летнего юбилея славянской письменности. К.И. Невоструев ссылался на Иоанна экзарха Болгарского, говорившего о том, что святой Кирилл и его брат Мефодий перевели «изборное Евангелие», то есть не все Евангелие целиком, а избранные места священного текста, предназначенные для богослужения, начиная с Евангелия от Иоанна. Он также ссылался на Паннонское житие Кирилла, в XIV главе которого сказано, что первыми переведенными на славянский язык словами были: **нсконн вѣъ Глово н Глово вѣъ оу Бога н Богъ вѣъ Глово** (Ин. 1,1), которыми и начинается апракос [Невоструев: 209-210].

Точка зрения К.И. Невоструева была поддержана М.Н. Сперанским, акад. В. Ягичем, а впоследствии многими другими отечественными и зарубежными славистами.

Однако в 1998 и 2005 гг. вышли два труда, осуществленные под руководством проф. А.А. Алексеева, в которых оспаривается мнение ученых XIX и XX вв. [Алексеев 1998, 2005]. Свои опровержения А.А. Алексеев строит на том, что, во-первых, в Паннонском житии Мефодия (глава V) в соответствующем месте отсутствует чтение от Иоанна 1,1 (которым начинается краткий апракос). Во-вторых, для установления церковных служб на славянском языке первоучителям Кириллу и Мефодию не могло хватить исключительно краткого апракоса и переведенных в Моравии Псалтыри и Паримийника. По мнению А.А. Алексеева, в этом случае нужно было составить служебный тетр. В-третьих, в древнейших Мариинском и Зографском Евангелиях имеется литургическая разметка на полях, что «может объясниться богослужебным назначением первичного тетра» [Алексеев 1998: 19]. В-четвертых, по мнению А.А. Алексеева, никто из ученых никогда не приводил развернутой филологической аргументации в пользу первичности краткого апракоса. Чтобы доказать первичность тетра, он приводит чтение от Иоанна 12, 3-7 из Мариинского Евангелия, в котором находит нарушение в согласовании по роду: женский род указательного местоимения **ѣ** не соответствует среднему роду существительного **мѣро**, к которому оно относится [Алексеев 1999: 149-150]. По его мнению, это объясняется тем, что первоначально на месте существительного среднего рода **мѣро** был грецизм женского рода **хрнзма** (греч. χρῖσμα). Утверждение А.А. Алексеева, что грецизма **мѣро** не было в первоначальном переводе, весьма спорно. Болгарский ученый И. Дóбрев относит это слово к числу лексем кирилло-мефодиевского перевода [Дóбрев: 91, 96, 98].

Доводы А.А. Алексеева неубедительны. Несмотря на то, что в крупномасштабном исследовании, осуществленном под его руководством, было указано большое количество рукописей (в одном случае более 1000, в другом – 532), А.А. Алексеевым с коллегами не были учтены данные

ряда болгарских тетроевангелий и данные житийной литературы. Не согласится с выводами проф. А.А. Алексеева также помогает диссертационное исследование А.С. Плис, которая делает следующий вывод: «теория первичности четвероевангелия не находит подтверждения при лингвотекстологическом анализе» [Плис: 114].

В качестве доказательства первичности краткого апракоса проведем лингвотекстологический анализ фрагмента Евангелия от Марка (15, 20).

Из всех известных нам евангельских кодексов лексема **прѣпрѣдъ** отмечена в двух чтениях Евангелия от Марка (15, 17 и 15, 20), и только в Ассеманиевом Евангелии: **н егда порѣгаша сѧ емоу съвлѣша съ него прѣпрѣдъ** (греч. *πορφόρα*). Данное слово относилось к древним основам имен существительных на *ī. «В первоначальном переводе **прѣпрѣдъ** являлось отглагольным именем с приставкой **прѣ** < *рег, так же, как и **прѣльсть**, **прѣчьсть**, **прѣлюбы**, **прѣнзлнхѧ** и т.п., в которых приставка **прѣ** означает усиление степени качества, обозначаемого основой слова» [Львов: 221]. В других старших и младших списках Евангелия в данном чтении зафиксированы иные фонетические варианты перевода греческого слова *πορφόρα*: с приставкой **прѣ**: **прѣпрѣда** (Саввина книга), **прѣпрѣда** (болг. Евангелия № 1139 НБКМ и № 1140 НБКМ), **прѣпрѣдъ** (сербск. Евангелие № 470 НБКМ), **прѣпрѣда** (сербск. Евангелие № 856 НБКМ); с приставкой **пра**: **прапрѣдъ** (Ватиканский палимпсест), **прапрѣдъ** (Мариинское и Зографское Евангелия), **прапрѣда** (Константинопольское Евангелие). В русских Библиях обнаружены следующие варианты: **прапрѣда** (Геннадиевская Библия), **препрѣда** (Острожская Библия), **препрѣда** (Елизаветинская Библия).

По мнению А.С. Львова, лексема **прѣпрѣдъ** относится к первоначальному кирилло-мефодиевскому переводу, а приставка **прѣ** в этом слове заменена на **пра** при составлении тетроевангелия в Моравии [Львов: 222]. В ряде списков Евангелия в этом стихе отмечены преславизмы: **вагърѣннца** и **чръвлѣннца**.

Особый интерес в данном чтении представляет перевод греческой синтаксической конструкции *ἐξέδυσαν αὐτὸν τὴν πορφόραν*. В большинстве евангельских кодексов отражен первоначальный кирилло-мефодиевский перевод греч. Вин. пад. предложом **съ** с Род. пад.: **съвлѣша** в древних списках или **съвлѣкоша съ него** в поздних.

В некоторых списках Евангелия, к сожалению, представлен неверный перевод указанной греческой конструкции из-за непонимания значения лексем **прѣпрѣда** (Евангелие № 1140 НБКМ), **прѣпрѣдъ** (Евангелие № 470 НБКМ), **прапрѣда** (Константинопольское Евангелие), **прапрѣда** (Геннадиевская Библия). В этих переводах искажен смысл чтения. Получается, что не богатую одежду пурпурного цвета сняли со Спасителя, а

Он Сам был снят с одежды (!). Такой перевод поставлен в качестве основного в текстах четвертой редакции по Г.А. Воскресенскому [Воскресенский: 383].

Можно привести еще много фактов чисто языкового характера, свидетельствующих о том, что св. Константин-Кирилл и Мефодий подарили всему славянскому миру именно богослужебный краткий апракос.

Самыми древними краткими апракосами, сохранившимися до наших дней, являются рукописи конца X в.: глаголическое Ассеманиево Евангелие и кириллические Ватиканский палимпсест и Саввина книга. Наиболее близким по объему и составу чтений к первоначальному славянскому переводу Евангелия считается Ассеманиево Евангелие, хотя в нем есть ряд инноваций, а в Ватиканском палимпсесте, напротив, имеются более древние чтения.

Работу над изучением вопроса о том, каким был первоначальный кирилло-мефодиевский перевод евангелия, нельзя считать завершенной.

Литература / References

1. *Алексеев А.А.* Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998.
2. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
3. *Алексеев А.А.* Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005.
4. *Воскресенский Г.А.* Древне-славянское Евангелие. Сергиев Посад, 1894.
5. *Добрев И.* Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на старобългарските богослужебни книги // Български език. Кн. 2. София, 1978.
6. *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
7. *Кувев К.* Малоазийската теория за езика на св.св. Кирил и Методий // Старобългарската ръкописна книга – съдба и мисия. Велико Търново, 2012.
8. *Львов А.С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
9. *Невоструев К.И.* Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном св. Кириллом и Мефодием // Кирилло-мефодиевский сборник. М., 1865.
10. *Плис А.С.* Кирилло-мефодиевский перевод Евангелия: лингвотекстологическое исследование: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Непрототипическото подлежащо: руският и българският езици¹

П. Осенова

NON-PROTOTYPICAL SUBJECT: RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

Petya Osenova

ABSTRACT:

The paper discusses the various types of non-prototypical subjects in Bulgarian in comparison to Russian. The hierarchies with respect to the scale 'prototypical-nonprototypical' subject and with respect to being a non-prototypical subject are also considered. Similarities and differences are outlined, especially in the case of null and clausal subjects.

Keywords: syntax; prototype subject; non-prototype subject; Bulgarian; Russian

АННОТАЦИЯ:

В статията се разглеждат различни видове непрототипни подлежащи в българския език по сравнение с руския. Разглеждат се иерархии по отношение на скалата 'прототипно-непрототипно' подлежащо и специално по отношение на непрототипност. Представени са сходства и различия в случаите с нулеви и сентенциални подлежащи.

Ключови думи: синтаксис; прототипно подлежащо; не-прототипно подлежащо; българският език; руският език

Статията има за цел да дискутира проблема за т.нар. непрототипни подлози в българския език в сравнение с руския език.

Ако приложим семантичната йерархия на Дик за функциите [1997: 267], българският език приписва на подлога най-вече първите две семантични роли в поредицата. Това са *Агенс* и *Пациенс*: *Агенс* > *Пациенс* > *Реципиент* > *Бенефициент* > *Инструмент* > *Локатив* > *Темпорал*. Срв. *Иван видя мишка. Мишката беше видяна от Иван. Но: Иван даде топката на Петър. Топката беше дадена на Петър от Иван. *Петър беше даден топката от Иван.* В руския език според мен семантичната йерархия обхваща и ролята на реципиента поради съществуването на дативни подлози.

¹ Работата по тази статия е частично подкрепена от проект „Еволюция на граматическия строеж на българския и руския език в съпоставителен план: корпусен анализ и формални граматика“, финансиран от Фонд „Научни изследвания“ към МОН, България, договор N ДНТС/Русия 02/2 от 14.06.2018 г.

Циммерлинг [2017] дефинира критерии за прототипния подлог в руския език, свързани с идеята за т. нар. *приоритетен актант*: “В монопредикатном предложении может быть лишь один приоритетный актант, исключенный из группы сказуемого и находящийся в отношении грамматического приоритета к другим ИГ в данном предложении.” Самите критерии са: а) наличие на синтактичен именителен падеж; б) съгласуване с предиката и в) наличие на ненулева форма. Кандидатите за непрототипните (нетипичните) подлози трябва да не отговарят на поне едно от тези условия.

Следователно непрототипните подлози са следните: фрази с нулево изразяване (нулева субектност); сентенциални подлози (т.е. номинални подлози-изречения); формални (експлетивни) подлози и подлози в неименителен падеж.

В традиционните граматика за български и руски изреченията с липсващ подлог се разглеждат като едносъставни изречения. Но съществуват и други трактовки. Така например, неопределеноличните изречения се разглеждат като двусъставни от теорията на Мелчук ‘Смисъл и текст’ [1979], т.е. нула, която е неопределено референциална, агентивна, одушевена и контролираща съгласуването. Същото важи и за един специален тип безлични изречения в руски. При Мелчук те също се разглеждат като двусъставни, т.е. като нула, която е неопределено неререференциална, агентивна и контролираща съгласуването. Срв.: *Крышу завалило снегом.*

Циммерлинг [2017] предлага следната йерархия за приоритетност на руския подлог:

номинален подлог в Им. п. > номинален подлог в Д. п. > сентенциален подлог > неререферентна употреба на *это* (то; това)

За падежната маркировка той казва: *финитные клаузы русского языка требуют подлежащего в именительном падеже, нефинитные клаузы – подлежащего в дательном падеже.*

Следвайки идеята на Циммерлинг, предлагам следната скала на степените на прототипност на подлога във формален план за българския език, като най-вляво е най-прототипният подлог, а най-вдясно – най-непрототипният:

номинален подлог > сентенциален подлог > липсващ подлог

Номиналният подлог е в именителен падеж, в деятелно или страдателно изречение, референциален. Деятелното и страдателното изречение често не са варианти на една диатеза. Срв. подчиненото подложно изречение към деятелно главно изречение *Ясно е, че ще дойдат* и подчиненото подложно изречение към страдателно главно

изречение *Казано е, че вярата ще ни спаси* (деятелната форма на предиката в главното изречение трансформира подчиненото изречение в допълнително - *Казаха, че вярата ще ни спаси.*)

По мое мнение и за разлика от Циммерлинг липсващият подлог може да се разглежда като най-непрототипен въпреки факта, че нулата може да замества различни характеристики на предполагаемия липсващ елемент. Така прототипността се движи към непрототипност по следните скали: от номиналност към ненормалност (събитийност); от референтност към нереферентност; от експлицитност към имплицитност. Разбира се, трябва да се отчете фактът, че липсващият подлог в руски е маркиран, докато в българския език е немаркиран в употребата си. Деятелността и страдателността са вторични маркери в йерархията.

Нека разгледаме изречения, при които предикативи за състояние от типа *добре ми е* имат сентенциален подлог с да-изречение и че-изречение:

1. [*Да четеш творбите на Вазов*], е приятно. (рус. *Читать книги Вазова - приятно*)
2. *На Иван му беше интересно* [*да чете творбите на Вазов.*] (рус. *Ивану было интересно читать книги Вазова*)
3. *Интересно е*, [*че много хора предпочитат символистите пред Вазов.*] (рус. *Интересно что много людей предпочитает символистов перед Вазовым*)
4. *На Иван му беше интересно*, [*че много хора предпочитат символистите пред Вазов.*] (рус. *Ивану было интересно что много людей предпочитает символистов перед Вазовым*).

Независимо дали главният предикат е с дателна клитика (примери 2 и 4) или без (примери 1 и 3), изречението се номинализира с местоименията *то, това*. В българския език се развива разликата между лични и нелични изречения поради факта, че липсва неличната глаголна форма инфинитив.

Подобно на руския език в български също се употребява дателен падеж при предикативи за състояние: *На мен ми е трудно да говоря* (рус. *Мне трудно говорить*). Дателният падеж обаче не може да маркира подлога на да-конструкциите като наследник на инфинитива. Срв.:

рус. **Васе (Д.п.)** *еще работать и работать.*

бълг. **Вася (И.м.п.)** *има още много да работи.*

В българския език няма основания да се приемат конструкции в дателен падеж за подлози вместо сентенциалните. От една страна, сентенциалният подлог при подобни безлични предикати не може да се замести с именителна номинална група и този факт наистина допринася за по-високата степен на непрототипност на подлога: *На мен ми е мъчно, че сгреших.* (**На мен ми е мъчно тази грешка* vs. *На мен ми е мъчно за*

тази грешка.). От друга страна обаче, в български има възможност да се промени съгласуването, когато предикативната дума в безличния предикат се замени с прилагателно име: *На мен ми е неприятна тази грешка; На мен ми трябва този изпит.*

За разлика от руски, където е блокирана употребата на нереперенциалното *это*, когато е заедно с дативен предикатив и сентенциален подлог: **Мне это приятно, [что Вася принес свои извинения]*, в български подобна употреба е възможна – вж. пример 5 – с уговорката, разбира се, че би била по-естествена в разговорната реч. Примери 6 и 7 обаче не са натоварени нито стилистично, нито жанрово:

1. *На мен това ми е приятно, че Иван се извини.*
2. *Това, че Иван се извини, на мен ми е приятно.*
3. *На мен ми е приятно това, че Иван се извини.*

Литература / References

1. Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению. От значения к форме. Сб. ст. в честь 80-летия А. В. Бондарко / Отв. ред. М. Д. Войенкова. М., 2012. С. 568–590.
2. Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие: Синтаксис и коммуникативная структура // Book of abstracts. 12th Slavic Linguistics Society Meetin: 21–24 September. Ljubljana, 2017.
3. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar. Part I. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
4. Melchuk I. A. Syntactic, or Lexical, Zero in Natural Language // Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1979. Pp. 224–260.

Выражение аспектуальных параметров действия в русском и чешском языках: роль глагола и контекста

Е.В. Петрухина

THE ROLE OF A VERB AND CONTEXT IN EXPRESSING THE ASPECTUAL PARAMETERS OF ACTION IN RUSSIAN AND CZECH

Elena V. Petrukhina

ABSTRACT:

The article shows the topicality of the principles of comparison of Slavic languages, established by A.G. Shirokova, in the new integrating cognitive and communicative scientific paradigm. The achievements of structuralism are developed and deepened in the framework of the new paradigm, for example, the principle of the degree of (non)markedness of the members of aspectual opposition. Thus, weakly marked PFV in Czech leads to the fact that the center of expression of some aspectual parameters of action shifts from PFV verbs to lexical indicators, while in the Russian

language verb remains the main means of expression of aspectual characteristics of action, and PFV aspect does not become less marked.

Keywords: comparison; aspectual opposition; A.G. Shirokova; Slavic languages

АННОТАЦИЯ:

В статье показана актуальность обоснованных А.Г. Широковой принципов сопоставления славянских языков и в новой интегрирующей когнитивно-коммуникативной научной парадигме. В рамках новой парадигмы достижения структурализма развиваются и углубляются, как, например, положение о степени маркированности и немаркированности членов видовой оппозиции. Так, слабая маркированность СВ в чешском языке ведет к тому, что центр выражения некоторых аспектуальных характеристик действия смещается с глаголов СВ на лексические показатели, тогда как в русском языке основным средством выражения аспектуальных характеристик действия остается глагол и СВ не ослабляет своей маркированности.

Ключевые слова: сопоставление; видовая оппозиция; А.Г. Широкова; славянские языки

Известно, что А.Г. Широкова разработала принципы системно-функционального сопоставления близкородственных славянских языков. Сформулированные в рамках структуралистского направления в лингвистике, данные принципы и положения, а также результаты их применения не противоречат новой интегрирующей когнитивно-коммуникативной научной парадигме, более того, в рамках последней они могут получить дальнейшее развитие.

А.Г. Широкова неоднократно отмечала, что «при сопоставительном изучении родственных языков необходимо отличать языковые факты как явления системы от сферы их функционирования» [Широкова 1998: 16], а функциональный метод, обязательный при сопоставлении славянских языков «не снимает необходимости их анализа на уровне системы, на уровне грамматических абстракций...» [Широкова 1998: 35].

Результаты сопоставительного изучения славянских языков подтвердили эти выводы. Выявленные и хорошо описанные в славистике различия в употреблении видов между отдельными славянскими языками требуют более глубокого сопоставления и на уровне категориальной семантики, свидетельствуя о расхождениях в организации грамем СВ и НСВ. Современные аспектологические исследования [Dickey 2000, 2011; Петрухина 2009, 2015a] показали, что целям сопоставления славянских языков в этой области в наибольшей степени отвечает так наз. «признаковый» подход к определению категориальной видовой семантики, реализуемый в трудах В.В. Виноградова, Ю.С. Маслова, С. Иванчева, А.В. Бондарко, А.В. Исаченко и многих других. Подчеркнем, что признаковый подход к определению грамем СВ и НСВ соответствует современным когнитивным исследованиям, о чем свидетельствуют и упомянутые выше публикации

американского слависта-когнитолога С. Дики. Наши собственные исследования аспектуальных систем в русском, чешском, словацком и польском языках позволили сделать вывод о разном профилировании в отдельных языках категориальных концептов ЦЕЛОСТНОСТИ и ПРЕДЕЛА действия (ограничения действия пределом), по отношению к которым формируется семантика оппозиции СВ и НСВ в славянских языках. Для русского совершенного вида более значима идея ПРЕДЕЛА как временной границы действия; для чешского – идея ЦЕЛОСТНОСТИ действия. Например, четко выраженное отношение к начальному и (или) конечному пределу действия отличает семантику русских глаголов с продуктивными аффиксами *за-*, *по-*, *на-* *ся* от их формально-функциональных эквивалентов в чешском языке (а также других западнославянских языках). Эти категориальные семантические различия влияют и на употребление глаголов СВ и НСВ в славянских языках, в частности русского и чешского [Петрухина 2015б].

Хорошие результаты при сопоставительном изучении близкородственных языков дает применение и некоторых других положений структурной лингвистики и естественной морфологии. В частности не утрачивает объяснительной силы теория морфологических оппозиций Р. Якобсона, использование которой в сопоставительной аспектологии позволяет объяснить функциональные различия в употреблении видов между славянскими языками. Во многих славистических работах (Р. Якобсона, А.В. Бондарко, А. Исаченко, Ю.С. Маслова и др.) видовая оппозиция определяется как привативная – с маркированным СВ и немаркированным НСВ. Так, Ю.С. Маслов называет СВ «“сильным” членом оппозиции (семантически маркированным и интенсивным, а тем самым и менее многозначным), а НСВ рассматривает как «“слабый” (немаркированный и экстенсивный) член оппозиции» [Маслов 2004: 35]. Но функциональная область глаголов СВ в чешском языке шире, чем в русском, они свободно употребляются в настоящем историческом, при обозначении повторяющихся действий, в императиве, в отрицательных конструкциях. Широкая сфера употребления глаголов СВ в чешском языке, согласно законам естественной морфологии [Dressler 2003], свидетельствует об ослаблении маркированности СВ. «В конкуренции более маркированных и менее маркированных единиц победу всегда одерживают последние» [Климонов 2006].

Слабая маркированность СВ ведет к тому, что центр выражения некоторых аспектуальных характеристик действия в чешском языке смещается с глаголов СВ на лексические показатели, что сближает чешский язык с неславянскими, например с германскими языками, тогда как в русском языке основным средством выражения аспектуальных характеристик действия остается глагол. Например, у делимитативов (с приставкой

po-) и сатуративов (na- se) семантика конечной границы деятельности в чешском языке выражена не так четко, как в русском, и требует лексической поддержки (наречия *dost* – *достаточно*): *Мы потренировались, идем домой – Dneska jsme si už dost (po)cvičili, jdeme domů. Вы уже наработались, отдохните. – Už jste se dost napracoval, odpočíte si!*

Эти закономерности проявляются и при обозначении повторяющихся действий в русском и чешском языках, несмотря на то, что в чешском языке есть многократные глаголы, выражающие повторяемость действия специальными морфемами – *pomáhávat, brávat*. Фундаментальные исследования многократных глаголов в чешском языке А.Г. Широковой показали, что употребление многократных глаголов факультативно и во многих случаях стилистически маркировано, а также ограничено жанровыми и стилистическими особенностями художественных произведений и территориальной принадлежностью авторов [Широкова 1996]. Все это свидетельствует о небольшой роли многократных глаголов в выражении повторяющихся действий в современном чешском языке, об их неупотребительности. Оказывается, в чешском языке вид глагола и его морфемная структура в контексте, включающем показатели кратности, практически нерелевантны. Ср.: *Často mi pomáhal / pomáhal / pomohl*. В русском языке трем приведенным чешским предложениям с разными глаголами соответствует лишь одно – с глаголом НСВ: *Он часто мне помогал*; в русском языке повторяемость выражается обычно глаголами НСВ. А в чешском языке при выражении повторяющихся действий более активны глаголы СВ [Широкова 1971], при которых, обычно употребляются лексические маркеры кратности.

Таким образом, в чешском языке некоторые аспектуальные характеристики действия в целом чаще выражаются не глаголами, а лексическими элементами контекста (которые сочетаются либо с глаголами СВ, либо НСВ), тогда как в русском языке в выражении аспектуальных характеристик действия более активны сами глаголы определенного вида, выражающие временные границы действия, его результат (глаголы СВ) и другие аспектуально значимые параметры. Повторяемость в русском языке связана с несовершенным видом, а в чешском языке вид глагола для выражения данной характеристики действия нерелевантен при наличии соответствующих лексических показателей.

Литература / References

1. Климонов В. Влияние развития видов на формирование словарного состава русского языка // Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. Munchen: Verlag Otto Sagner. 2006. С. 169-191.
2. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Петрухина Е.В. Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков // Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of

- the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III / Ред. Р. Бенаккьо. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner. 2015a. С. 404-420.
4. *Петрухина Е.В.* Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках // *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития*. Сб. статей V Международной конференции Комиссии аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Издательство Киотского университета. 2015б. С. 185-194.
 5. *Широкова А.Г.* Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // *Исследования по славянскому языкознанию*. М.: Наука, 1971.
 6. *Широкова А.Г.* Отношение маркированных многократных глаголов к категории славянского глагольного вида (образование, семантика, особенности функционирования) // *Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования*. Грамматика. М.: Издательство МГУ, 1996
 7. *Широкова А.Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // *Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой*. М.: Издательство МГУ, 1998.
 8. *Dickey S.M.* Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. CSLI publications, Stanford, California. 2000.
 9. *Dickey S. M.* The Varying Role of *po-* in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact // *Journal of Slavic Linguistics* 19(2). 2011. P. 175–230.
 10. *Dressler W.* Naturalness and morphological change // Joseph B. D., Janda R. D. *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003.

Глагольные неологизмы в современном чешском языке и их лексикографическая фиксация¹

Д.К. Поляков

VERBAL NEOLOGISMS IN MODERN CZECH
AND THEIR LEXICOGRAPHIC FIXATION

Dmitry K. Polyakov

ABSTRACT:

Czech verbal neologisms are considered in the report from the point of view of their origin and word-formation structure, special attention is paid to prefixation as the main means of creating perfective verbs.

Keywords: neologisms; verb; prefixation; international affixes; Czech

АННОТАЦИЯ:

Чешские глаголы-неологизмы рассматриваются в докладе с точки зрения их происхождения и словообразовательной структуры, особое внимание при этом уделяется префиксации как основному средству образования перфективов.

Ключевые слова: неологизмы; глагол; префиксация; интернациональные аффиксы; чешский язык

Как отмечали многие исследователи (в т.ч., например, О. Мартинцова, посвятившая ряд работ чешским неологизмам), созданию новой глагольной лексики способствуют и экстралингвистические, и внутриязыковые факторы. Если под первыми подразумевается необходимость наименовать новую реалию (и связанное с ней действие / процесс / состояние), то под вторыми – продуктивность / непродуктивность определенных словообразовательных средств, отвечающих за локализацию нового глагольного наименования во времени и сообщение ему определенных аспектуальных характеристик (см., напр., [Martincová 2005: 119]).

Анализировать глагольные неологизмы возможно, следовательно, выделяя актуальные для данного периода времени основы и группируя их по определенным семантическим разрядам. Так, возникновению новых глагольных номинаций способствуют прежде всего отмеченные той же О. Мартинцовой появление новых типов профессиональной деятельности, новые способы коммуникации, изменения в общественно-полити-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН\18 «Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал».

ческом поле и подобные явления. В качестве примера приведем зафиксированные в базе неологизмов чешского языка Neomat лексемы, образованные от наименования социальной сети Twitter: *twitterovat / tweetovat / tvítovat* ‘твитить, твитовать’, *tweetnout / tvítnout* ‘твитнуть’, *retweetovat* ‘ретвитить’, *retweetnout* ‘ретвитнуть’, *protweetovat (se)* ‘протвитить(ся)’, *přetweetovat* ‘перетвитить’, *utweetovat se* ‘затвититься’, *utweetnout se* ‘затвитнуться’, *vytveetovat* ‘вытвитить’, *zwitterovat si / zatweetovat si* ‘потвитить’; не только имена, но и – пусть окказиональные – глаголы-компози́ты с *euro-*: *euronalakovat* ‘евролакировать, придать евролоск’, *euroschůzovat* ‘еврозаседать’, *eurovymýšlet* ‘европридумывать’, *eurostavět* ‘евростроить’, *eurosladit* ‘евросогласовать’. Заметим, что большинство неологизмов имеет заимствованную основу (по подсчетам, выполненным в [Niševa 2014: 66] для глаголов, зафиксированных в [Nová slova 1998] и [Nová slova 2004], заимствованную основу имеет 401 глагол, а собственно чешскую – лишь 121), что недвусмысленно свидетельствует о глобализационных процессах и в обществе, и в языке; ср. попутно имеющиеся в базе Neomat лексемы с данной основой: *globalizovat (se)* ‘глобализовать(ся)’, *deglobalizovat (se)* ‘деглобализовать(ся)’, *odglobalizovat* ‘разглобализовать’, *vyglobalizovat se* ‘выглобализоваться’, *zglobalizovat se* ‘глобализоваться – сов. вид’).

Еще один важнейший аспект изучения неологизмов – с точки зрения продуктивности аффиксов, используемых для их создания (речь идет как о суффиксах, ср. наиболее продуктивные *-ovat* и *-nout*, так и о префиксах, наиболее часто использующихся при перфективации). Как показал анализ, выполненный на разном материале в [Martincová 2005] и [Поляков 2015], из всех имеющих значений префиксов ныне продуктивны лишь некоторые. К наиболее узуальным относятся следующие деривационные модели: комплетивные глаголы с приставкой *do-*, глаголы с формантами *od-* (в значении устранения признака, названного мотивирующей основой), *pro-*, *u-*, *za-*...-*si*, *do-*...-*se*, видовые пары с приставкой *z(e)-* и со стремящимися к абстрактности приставками *na-* и *vy-*.

Новейший материал демонстрирует те же закономерности: наибольшее количество перфективов образовано префиксацией; значительную, но намного меньшую группу составляют, с одной стороны, разговорные глаголы на *-nout* типа *lajknout* ‘лайкнуть’, *disknout* ‘дисквалифицировать’ или уже упомянутого *tweetnout / tvítnout* ‘твитнуть’, а с другой – глаголы на *-ovat* (*čekaťovat se* ‘зарегистрировать выезд’). Среди префиксальных перфективов выделяются перечисленные модели, сохраняющие свою продуктивность. Данные словарей неологизмов, однако, могут быть скорректированы как минимум в двух случаях: наряду с приставкой *pří-*, регулярно образующей глаголы со значением малой интенсивности дей-

ствия, к живым моделям префиксации можно отнести и образование дериватов с приставкой *po-* (в [Nová slova 1998] и [Nová slova 2004] не фиксировалось ни одного подобного глагола, за исключением неосемантизмов типа *pojmenovat* (problému) ‘назвать’ или *pokřtít* (knihu) ‘провести презентацию’). В базе Neomat были зарегистрированы глаголы типа *podemonstrovat* ‘походить на демонстрацию’, *potíxovat* ‘посмешивать’, *pošéfovat* ‘поуправлять’.

Сохраняет продуктивность в чешском узусе и образование дериватов с префиксами / префиксоидами *spolu-* и *znovu-*, не имеющими перфективирующей функции, ср. примеры из базы Neomat: *spoluautořit* ‘соавторствовать’, *spolupřipravít* ‘совместно подготовить’, *spoluzablokovat* ‘совместно заблокировать’, *znovunastartovat* ‘вновь начать’. Как показывают примеры, данная модель не имеет стилистических ограничений: слова, образуемые по ней, могут иметь как книжный, так и разговорный характер, в зависимости от окрашенности исходного глагола. Некоторые слова со *spolu-* могут иметь более книжные синонимы с семантически подобной приставкой *ko-*: *spoluexistovat* – *koexistovat* ‘сосуществовать’, *spolufinancovat* – *kofinancovat* ‘софинансировать’ [Martincová 2005: 130].

Отметим также наличие других рядов синонимичных префиксов славянского и греко-латинского происхождения, различающихся частотностью, продуктивностью, стилистическим и сочетаемым потенциалом: *de-* ‘де-’ vs. *od-* ‘раз-’, *re-* ‘ре-’ vs. *pře-* ‘пере-’, *pre-* ‘пре-’ vs. *před-* ‘пред-’, а также более актуальные для имен, но встречающиеся и в глаголах *anti-* ‘анти-’ vs. *proti-* ‘противо-’, *pseudo-* ‘псевдо-’ vs. *lži-* ‘лже-’ и др.).

Наконец, отдельным вопросом является лексикографическая фиксация неологизмов, выделение окказионализмов и потенциальных слов, возможность / необходимость включения некоторых групп дериватов в толковые словари (ср. хотя бы лексемы с префиксом-интенсификатором *super-*, прибавление которого потенциально возможно практически к любому глаголу, примеры из базы Neomat: *superbavit* ‘суперинтересовать, супернравиться’, *superdemonizovat* ‘супердемонизировать’, *superkoalovat* ‘суперобъединяться, вступать в коалиции’, *superpotvrdit* ‘суперподтвердить’, *superprodávat se* ‘суперпродаваться’).

Литература / References

1. Поляков Д.К. Новые производные глаголы совершенного вида в чешском языке и их русские соответствия (к вопросу об асимметрии деривационных систем близкородственных языков) // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура / Отв. ред. Е.Н. Ковтун, С.С. Скорвид, Д.К. Поляков, К.Н. Цимбаев. М.: Полимедиа, 2015. С. 120–127.
2. Martincová O. Nová slovesná pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině / Ed. O. Martincová. Praha: Academia, 2005. Š. 119–133.
3. Niševa B. Inovační procesy v české a bulharské jazykové situaci (na materiálu jazyka médií). Praha: Karolinum, 2014. 184 s.

4. Nová slova v češtině: slovník neologizmů / Kolektiv autorů pod vedením O. Martincové. Praha: Academia, 1998. 356 s.
5. Nová slova v češtině: slovník neologizmů 2 / Kolektiv autorů pod vedením O. Martincové. Praha: Academia, 2004. 568 s.
6. Databáze excerpčního materiálu *Neomat* [online]. Verze 3.0. Praha: odd. současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR 2018. Dostupná z: <<http://neologismy.cz/>>.

О предложениях осязательного восприятия (руско-польское сопоставление)

И. Любоха-Круглик

O ZDANIACH PERCEPCJI DOTYKOWEJ
(KONFRONTACJA ROSYJSKO-POLSKA)

J. Lubocha-Kruglik

ON SENTENCES OF TACTILE PERCEPTION
(RUSSIAN-POLISH COMPARATIVE ANALYSIS)

J. Lubocha-Kruglik

ABSTRACT:

This article is devoted to one type of perception sentences, i.e. sentences of tactile perception. Perception sentences are referred to as sentences describing perceptual situation. Typical semantics of such sentences consists in expressing human perception of any object by means of senses. The examined type of sentences is clearly found in texts which are referred to as perceptive.

Key words: perception, perceptual situation, perception sentences.

АННОТАЦИЯ

В данной статье обсуждается один из типов перцептивных предложений, т.е. предложения осязательного восприятия. Перцептивными считаются предложения, описывающие ситуацию восприятия. Типичная семантика таких предложений – это восприятие человеком какого-то объекта при помощи органов чувств. Структурно-семантические типы предложений являются одним из средств дифференциации типов текстов, которые называем перцептивными.

Ключевые слова: восприятие, перцептивная ситуация, перцептивные предложения.

Zdania percepcyjne zaliczane są do zdań opisujących działalność intelektualną. Typowa semantyka takich zdań to postrzeganie przez człowieka kogoś lub czegoś przy pomocy organów zmysłów, czyli zdolność do odbioru określonych bodźców z otoczenia.

Z uwagi na istnienie pięciu modusów percepcji, z których każdemu można przypisać trójkę czasowników ten „typ leksykograficzny” wygląda wg

Апресјана наредујуао: *видеть, быть видным* (кому-л.) – *смотреть, слышать – быть слышимым* (кому-л.) – *слушать, обонять* (чуять) – *пахнуть – нюхать, ощущать вкус – быть на вкус – пробовать, осязать – быть на ощупь – оцупывать* [Ю.Д. Апресян 1995: 357-359].

Przedmiotem naszego zainteresowania w niniejszym artykule są zdania percepcji dotykowej.

Dotyk nie jest zmysłem w klasycznym tego słowa znaczeniu. Nie istnieje bowiem jeden typ receptorów czuciowych, a na wrażenia dotykowe składa się pięć różnych bodźców: gorąco, zimno, nacisk, ból i dotyk właściwy [Gregory, Colman: 1995: 101–112]. Jednakże paleta odczuć o charakterze dotykowym wychodzi znacznie poza odczuwanie zimna, gorąca, bólu i ucisku. Mamy tu na myśli różne rodzaje drażnienia skóry poprzez tarcie, klepanie, lizanie, a także drapanie, czesanie, klucia, całowanie itd.

Nie istnieje też wyspecjalizowany narząd, odpowiadający oczom czy uszom, który służyłby wyłącznie dotykowi. Narządem zmysłu dotyku jest pokrywająca ciało skóra, która posiada wiele istotnych właściwości, jak np. zdolność wykrywania i emitowania ciepła.

Współdziałanie dotyku z innymi zmysłami jest zjawiskiem bardzo powszechnym. Najczęściej pełni on funkcję uzupełniającą i wyjaśniającą w stosunku do zmysłu wzroku¹, umożliwia też orientację w ciemności, kiedy inne zmysły są nieaktywne.

W wypadku, gdy obiektem dotknięcia jest człowiek, zawsze jest ono uczuciowo zabarwione – może być przyjemne albo przykre. Każda kultura wyznacza określone zasady regulujące ten rodzaj kontaktu oraz zasięg tzw. sfery komfortu, pod którą rozumie się przestrzeń pomiędzy „zbyt blisko” a „zbyt daleko”, czyli odległość, w jakiej jednostka czuje się dobrze podczas rozmowy z innymi.

Dotyk może być aktywny – wówczas, kiedy my dotykamy, lub pasywny, kiedy sami jesteśmy dotykani. Za pośrednictwem doznań dotykowych otrzymujemy różnorodne informacje o najbliższym otoczeniu oraz o tym, co dzieje się na powierzchni naszego ciała. Często jednak ulegamy złudzeniom dotykowym, przy czym najbardziej mylące jest odczuwanie ciepła i zimna.

Rozpoznawanie zmian związanych z temperaturą znalazło odbicie również w języku, który obfituje w wyrażenia typu: „ciepłe słowa”, „gorączkowy pośpiech”, „zimne spojrzenie”, „chłodne opinie”, „palący problem” itp.

E. Hall twierdzi, iż „doświadczenie uzyskane w rezultacie przeprowadzenia badań proksemicznych każe przypuszczać, że zwroty takie są czymś więcej niż tylko metaforami” [Hall 2005: 80]. Nie przypadkiem

¹ W kulturze europejskiej funkcjonuje szczególnie archetyp dotyczący świadectwa dotyku: niewierny Tomasz, który, nie dowierając innym zmysłom (słuchowi, wzrokowi), za pomocą dotknięcia chciał się przekonać, żeby uwierzyć.

bowiem w badaniach antropologicznych coraz więcej uwagi poświęca się badaniom przestrzeni termicznej.

Przymiotniki związane z odczuwaniem zmian termicznych często również charakteryzują sam dotyk, określają jego temperaturę. Informacja ta uzupełniana jest często informacją o natężeniu nacisku, co związane jest z wrażliwością skóry, uważanej za główny organ tego zmysłu:

Spoza zgiełku muzyki słyszałem plaśnięcia stóp o cementowe płyty. Czulem ten gorący i miękki dotyk <...> [Stasiuk 2008: 27].

Сквозь грохот музыки я слышал шлепки ступней о цементные плиты. Я чувствовал эти горячие и мягкие прикосновения <...> [Стасюк 2003: 49].

Zdania percepcji dotykowej opisują sytuację, w której subiekt postrzegający nawiązuje kontakt fizyczny z obiektem. Predykat służy do oznaczania formy tego kontaktu — rodzaju dotyku. W badanym materiale językowym znalazły się też przykłady zdań, w których obserwator „poza kadrem” obserwuje kontakt przez dotyk nieożywionych obiektów postrzegania (np. *Firanki przylgnęły do szyby*).

Perceptor w danym typie zdań wyrażony jest najczęściej rzeczownikiem lub zaimkiem osobowym (w roli subiektu postrzegającego może wystąpić również jakieś zwierzę czy owad, np. [...] *muchy czule obmacywały trąbkami okruszki ciast*. [Tokarczuk 1999: 246]

W języku polskim informacja gramatyczna o subieckie może zawierać się w końcówce czasownika.

W funkcji perceptora może też pojawić się (jako *pars pro toto*) nazwa części ciała. Najczęściej są to: ręka, palce, inne części ciała (stopa, noga, palce stóp) lub ciało jako całość. W poniższych przykładach wymienione *quasi-instrumenty* występują z predykatami zawierającymi komponent ruchu:

(1) *Ręka mężczyzny błędziła po obciążniętych nylonem kolanach kobiety*. [Tokarczuk 1999: 47]

(2) *Jego ręce uniosły się i zawahały przez chwilę, a potem zaczęły ją gładzić po plecach*. [Tokarczuk 1999: 55]

Predykaty te łączą się zwykle z wyrażeniami przestrzennymi. Jeżeli obiektem dotyku jest człowiek (lub zwierzę), wówczas wyrażenia przestrzenne również odnoszą się ciała (*ręka błędziła po kolanach/рука блуждала по коленям, ręce zaczęły gładzić po plecach/руки начали гладить по спине, przesuwał dłońią po plecach/рука скользила по спине, palce natrafiały na pośladki/нока пальцы не натыкались на ягодицы*).

W niektórych zdaniach ruch może być jedynie presuponowany. Obserwujemy to w zdaniu:

Spróbował wstać, lecz czyjaś stopa oparła się na jego karku i wcisnęła twarz w ziemię. [Stasiuk 1999: 29]

Попытался встать, но чья-то нога навалила ему сзади на шею, впечатав лицо в землю. [Стасюк 2005: 34],

w którym predykat *oprzeć się* ('przystawić coś do czegoś, przysunąć tak, by dotykało do czegoś') w połączeniu z syntaktemem *na karku* (oznaczającym tu punkt docelowy) presuponuje, iż wcześniej stopa musiała wykonać jakiś ruch.

W zdaniach z czasownikiem *dotykać* często pojawia się nazwa *quasi-instrumentu* narządu dotyku (zob. 4). Jeśli nie jest on wyrażony eksplicytnie w strukturze zdania (zob. 5), to jego obecność i tak jest oczywista, gdyż dotykanie musi się odbywać za pomocą jakiegoś narządu (ręki, nogi, palców lub ogólnie — ciała).

(4) *Dotknęła drżącym palcem klawisza.* [Tokarczuk 1999: 55] ros. *прикоснулась пальцем* (46)

(5) *Dotykał się po rękach i twarzy, ale nie mógł się przetoc, żeby dotknąć swojego brzucha.* [Tokarczuk 1999: 211]

Ощупывал руки и голову, но не мог заставить себя прикоснуться к животу. [Токарчук 2005: 174]

Poprzez dotyk można rozpoznawać różnorodne właściwości obiektów. Pość wrażeń odczuwanych dotykiem jest ogromna i pod tym względem można ją chyba porównać jedynie z doznaniem wzrokowymi. Dotyk jest często podstawą do uzyskania pełniejszej informacji o obiekcie, tzn. takiej, która uwzględniać będzie więcej niż jeden parametr (spośród wyżej wymienionych i innych). Doznania dotykowe są też nieodłącznie związane z wartościowaniem — dotyk jakiejś powierzchni, człowieka czy przedmiotu, może wywoływać wrażenia zarówno pozytywne, jak i negatywne [Lubocha-Kruglik 2011: 197].

Литература / References

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Стасюк А.* Девять. Пер. М. Курганская. Санкт-Петербург: Азбука-Классика 2005. 320 с.
- Стасюк А.* Дукля. Пер. И. Изотова. Москва: Новое литературное обозрение 2003. 256 с.
- Токарчук О.* Дом дневной, дом ночной / Пер. О. Катречко. Москва: АСТ Москва, Транзиткнига, Neoclassic 2005. 320 с.
- Gregory R.L., Colman A. M.* Czucie i percepcja. Poznań: Zysk i S-ka 1995. 170 с.
- Hall E.* Ukryty wymiar. Warszawa: Muza S.A. 2005. 259 с.
- Lubocha-Kruglik J.* Semantyczna kategoria perceptywności i jej wykładniki w języku polskim i rosyjskim. Katowice: Oficyna Wydawnicza WW 2011. 236 с.
- Stasiuk A.* Dziewięć. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne 1999. 296 с.
- Stasiuk A.* Dukla. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne 2008. 150 с.
- Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. Wałbrzych: Wydawnictwo Literackie 1999. 392 с.

Аксиологические параметры концепта ‘жизнь’ в русском и болгарском языках¹

И.А.Седакова

AXIOLOGICAL PARAMETERS OF THE NOTION OF ‘LIFE’
IN RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

Irina A. Sedakova

ABSTRACT:

The axiological parameters of the notion of ‘life’ in Russian and Bulgarian languages are studied on the ground of the lexicological, folklore and ethnographic data in comparative prospective. The dynamics of the values alluded to ‘life’ is followed from the patriarchal village views up to the modern urban and Internet culture.

Keywords: ethnolinguistics; axiology; the notion of ‘life’; Russian and Bulgarian languages

АННОТАЦИЯ:

На материале лексики, фольклора и этнографии в сравнительном плане рассматриваются аксиологические параметры концепта ‘жизнь’ в русском и болгарском языках. Показана динамика ценностных характеристик этого концепта от патриархальной сельской традиционной картины мира до современной городской и интернет-культуры.

Ключевые слова: этнолингвистика; аксиология; концепт «жизнь»; русский и болгарский языки

Аксиология – одно из ключевых направлений в современной лингвистике, которое, как кажется, особенно продуктивно для этнолингвистических и социолингвистических исследований [Эволюция ценностей в языках и культурах 2011; Bartmiński 2014; Седакова 2015; Категория оценки и система ценностей в языке и культуре 2015]. С добавлением сопоставительных и типологических методов в изучение ценностей, представленных в родственных славянских и при этом отдаленных языках (с учетом «балканскости» болгарского), можно выявить общее и различное в восприятии ‘жизни’, а также сравнить устойчивость традиционных аксиологических взглядов и их современную вариативность в двух системах.

Мы остановимся на основополагающей, базовой ценности – жизни, которая, прежде всего, противопоставляется смерти, небытию и задает

¹ Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED-SW).

направление для других аксиологических характеристик, обеспечивая их существование². При этом ‘жизнь’ включает в себя главные аксиологические концепты (‘здоровье’, ‘работа’, ‘семья’ и пр.), а также антиценности (‘война’, ‘болезни’ и пр.).

Концепт «жизнь» в современном рус. и болг. языках обозначаются разными, но однокоренными словами: рус. *жизнь*, болг. *живот*. В современном русском языке *живот* в значении ‘жизнь’ также фиксируется, но дается с пометой «устаревшее»³, хотя через церковнославянский сохраняется в нескольких устойчивых выражениях (безусловно, известных и болгарам: *Живот вечный* и др.). Эти слова полисемичны, и в каждом из конкретных значений аксиологические характеристики различаются, направляя исследователя в смежные, а иногда более отдаленные номинативные сферы. Иерархия значений ‘жизнь’ в толковых словарях русского и болгарского языка почти не отличается: 1. Существование; 2. Время, продолжительность существования; 3. Обстоятельства существования; 4. Деятельность [ТСРЯ 2007: 235; БТР: 215–216], однако семантическая детализация и примеры не одинаковы. Именно в прагматике особенно заметны сходства и различия между ценностным наполнением русской и болгарской ‘жизни’ как концепта. Различий добавляют однокоренные словообразования (рус. *живой*, *жить*; болг. *жив*, *живея*) и их синонимические ряды. Эпитеты, определения и более широкий нарративный контекст значительно расширяют представления о ценности «жизни», которая может перейти в антиценность, например, в глубокой старости [Седакова 2015], а в народной философии получить амбивалентную характеристику, ср. болг. *Животът е късмет* ‘«Жизнь – это судьба / удача» [соб. зап. с. Равна, Шуменская обл., Болгария, 1997] и пословицу *Животът му е като месец – кога пълен, кога кратък* «У него жизнь, как луна – то полная, то молодая (т.е. почти пустая)» [Славейков 1972: 206]. Паремии, как это нередко бывает, могут выражать противоположные идеи об одном понятии. Так, концепту ‘жизнь’ в зависимости от той ситуации, знаком которой (по Г.Л. Пермякову) она является, сообщается определенный семиотический статус, что ставит его на разные полюсы аксиологической шкалы, ср. болг. *Животът е кратък, а сладък* «Жизнь коротка, но приятна, букв. ‘сладкая’» [Там же: 206] и рус. *Не жизнь, а каторга, Не рад жизни* [Даль 1880: 541].

Не углубляясь в историко-языковые русско-болгарские и советско-болгарские связи, всё же отметим, что взаимовлияния, а для болгарского

² В данном тексте мы не касаемся религиозных трактовок жизни / смерти.

³ Еще в Словаре В.И. Даля *Живот* в первом значении обозначает ‘жизнь’, и лишь затем ‘утроба’ [Даль 1880: 540].

– воздействие советского языка XX века заметно сказались на аксиологических параметрах концепта в двух системах, в том числе в их вербализации (на уровне идиом, фразеологизмов, устойчивых сравнений и пр.). Добавим к этому, что на восприятие ‘жизни’ и ‘жизненной философии’ в Болгарии повлияли цитаты из советского (и русского, конечно) культурного фонда (литература, поэзия, кино), которые вошли в болгарский узус. В последние годы и русский, и болгарский аксиологический статус концепта ‘жизнь’ претерпел значительную трансформацию, во многом благодаря западному глобальному влиянию на языки и культуры многих стран, буквально индоктринируя «новое учение о жизни» [Седакова 2010; 2015].

Литература / References

1. БТР 1973 – Български тълковен речник. София, 1973.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. Т. 1. М., 1955 (1880).
3. Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Толстая С.М. (отв.ред.), О.В.Белова, А.В.Гура. М.: Индрик, 2015.
4. *Седакова И.А.* Базовые ценности и их метаморфозы: *жизнь* (от выживания до «искусства жить») // Материалы к Международной конференции «Язык и общество в современной России и в других странах». М., 2010. С. 492–496.
5. *Седакова И.А.* Жизнь как ценность и ценности в жизни (на материале книги А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг») // *Etnolingwistyka*. 22. Lublin, 2010a. S. 29–38.
6. *Седакова И.А.* Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Толстая С.М. (отв.ред.), О.В.Белова, А.В.Гура. М.: Индрик, 2015. С. 237–259.
7. *Славейков П.П.* Български притчи и пословици или характерни думи. София, 1972.
8. ТСРЯ 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.
9. Эволюция ценностей в языках и культурах / Отв. ред. И.А.Седакова. М.: Пробел-2000, 2011. 240 с.
10. *Bartmiński J.* *Polskie wartości w europejskiej aksjoserferze*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014.

Русские анклавы в Польше: особенности культурно-языковой интерференции¹

Е.С. Узенева

RUSSIAN ENCLAVES IN POLAND:
PECULIARITIES OF CULTURAL AND LANGUAGE INTERFERENCE

Elena S. Uzeneva

ABSTRACT:

The report will present the history and the modern language situation of the Old Believers' settlements in Poland, located in a different ethnic and other confessional environment for several centuries, their cultural and linguistic specificity. The research is based on the materials of the author's field research conducted in 2017. The main features of the cultural and language interference of the Polish Old Believers will be analyzed.

Keywords: Old Believers, Russian dialect, language interference, traditional culture, identity, contactology, Poland

АННОТАЦИЯ:

В докладе будет представлена история и современная языковая ситуация старообрядческих поселений в Польше, находящихся в иноэтничном и иноконфессиональном окружении в течение несколько столетий, их культурная и языковая специфика по материалам полевых исследований автора, проведенных в 2017 г. Будут проанализированы основные особенности культурно-языковой интерференции польских старообрядцев, устойчивые черты, связанные с северно-русской и восточнославянской традицией в целом, и заимствования из польского языка и культуры.

Ключевые слова: старообрядцы, русский диалект, языковая интерференция, традиционная культура, идентичность, контактология, Польша

Доклад базируется на полевых материалах, собранных автором в экспедиции в мае 2017 г., проведенной совместно с коллегами из Института славяноведения РАН Т.С. Ганенковой и М.М. Макарецевым. Были обследованы: Августовский район (села Габове-Гронды, Бор, г. Августов Августовского повята); Сувальско-Сейненский район (Водзилки, г. Сувалки Сувальского повята; Буда-Руска, Гибы, Штабинки, г. Сейны Сейненского повята) Белостокского воеводства; Пишский и Мронгов-

¹ Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

ский повяты Варминьско-Мазурского воеводства (Войново, Укта, г. Ручане-Нида, г. Мронгово). Всего было опрошено 38 информантов в возрасте от 22 до 94 лет (46 часов аудио записи).

Переселение старообрядцев на территорию Речи Посполитой и пограничные с ней регионы происходило с середины XVII в. Движение шло через территорию современных Латвии, Литвы, Белоруссии. С конца XVIII в. старообрядцы селятся на территории современных Сувальско-Сейненского и Августовского районов Польши. В основном, это были выходцы из новгородской и псковской земель.

С 1815 по 1918 гг. территория Августовского и Сувальско-Сейненского районов входила в состав Российской империи. С 1939 г. августовский район находился под контролем Советского союза, в 1941 г. был оккупирован немцами. Сувальско-Сейненский район с 1939 г. контролировался Германией. После 1945 г. поселения и диалект старообрядцев в Августовском и Сувальско-Сейненском районах стали островными. До войны они входили в одну структуру со староверами Вильноса. Численность населения резко уменьшилась, знание польского стало обязательным, поскольку происходило обучение на польском языке, но русский по-прежнему был основным языком общения в семье и общине [Ганенкова 2018]. В школе введен специальный предмет «Религия», где детей обучают старославянскому языку. Отмечена ситуация диглоссии. Староверы в Польше – это миноритарная этноязыковая и культурно-конфессиональная группа.

На рубеже 70-х гг. XX века увеличение межэтнических и межконфессиональных браков, получение молодежью образования на польском и работа в городе, рост роли СМИ и пр. привели к «открытию» общины старообрядцев. Изменения в диалекте в последние десятилетия XX века польские ученые обозначили как «смену двуязычия на состояние, ведущее в молодом поколении к возникновению своеобразного русско-польского гибрида» [Гжибовский, Глушковский 2008: 205]. Более всего подвержены влиянию польского языка фонетика, лексика и синтаксис, менее – морфология.

Для польских староверов фактором сохранения культурной идентичности является: религия/вера (ср. *держать веру, иметь веру* и пр.), русский язык (диалект), умение читать церковные книги (*читать по-славянски*), народная культура (поддержание традиционных праздников, фольклора, создание фольклорного ансамбля «Рябинушка»). Проникновение полонизмов отмечено в свадебной терминологии (*дружбáнт/дружбантка*), народных верованиях о птицах (аист) и демонологии (персонаж *мара*).

Литература / References

1. Ганенкова Т.С. О языковой и этнолингвистической ситуации старообрядцев Сувальско-Сейненского и Августовского районов Польши и Латгалии // Вестник славянских культур, Том 46. 2017. С. 103-121.
2. Гжибовский Ст., Глушковский М. Социолнгвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. – М.: Языки славянских культур, 2008. С. 184-199.

К вопросу о *dativus ethicus* в современном болгарском языке

М. Димитрова

ABOUT THE QUESTION OF DATIVUS ETHICUS IN MODERN BULGARIAN

Margarita Dimitrova

ABSTRACT:

The article discusses the use of the dative pronominal clitics in modern Bulgarian speech. The observations based on the corpus data of the official public speech examine different cases of their pragmatic use: *dativus ethicus*, particles whit modal signification, mixed uses. Because of the spontaneous nature of the speech, the speakers give an emotional appearance of their speech production, but because of the official nature of the communication they do not apply the stronger pragmatic uses of the bulgarian dative clitics.

Keywords: dative pronominal clitics; *dativus ethicus*; pragmatics; official public speech; modern Bulgarian

АННОТАЦИЯ:

В докладе обсуждается вопрос о дательных местоименных клитик в современной болгарской речи. На материале корпусных данных официальной публичной речи исследуются разные случаи их прагматического употребления: *dativus ethicus*, частицы модального значения, употребления смешанного характера. Из-за спонтанного характера высказываний говорящие эмоционально окрашивают свою речь, но из-за официального характера коммуникации они применяют не самые яркие прагматические употребления болгарских дательных клитик.

Ключевые слова: дательные местоименные клитики, *dativus ethicus*, прагматика, официальная публичная речь, современный болгарский язык

Вопрос о прагматической функции кратких дательных местоименных клитик в болгарском языке затрагивался с разных точек зрения: эстетическую роль *си* и *ми* в песенном фольклоре [Георгиев 2004]; «языковой жест, направленный на себя» [Цивьян 1999: 91–103]; способы эмоциональной окрашенности высказывания [Ницолова 1980; Ницолова 2008]. Новые исследования последних десять лет затрагивают теоретический

вопрос о сути болгарского *dativus ethicus*, к которому причисляют только неререферентное употребление клитик 1 и 2 л. ед. ч. *ми* и *ти*, а клитике *си* в специфическом употреблении дают статус модальной частицы [Петрова 2008; Иванова 2015; Иванова, Петрова 2017].

Объект представленного исследования – случаи специфического употребления дательных местоименных клитик в современной болгарской речи. Интерес направлен на официальную публичную речь, поэтому исследование базируется на материале из Корпуса болгарской политической речи и речи журналистов [Корпус на българската политическа и журналистическа реч]. Задача исследования – установить в какой мере в спонтанной речи болгарские публичные лица применяют экспрессивные употребления кратких дательных клитик: *dativus ethicus* (в узком и в широком значении) и другие возможности выражения прагматической оценки этими средствами.

Наблюдения показывают, что в исследованном корпусе примеры классического *dativus ethicus* единичны. Зато очень широко встречаются модальные употребления клитики *си* во самых разнообразных случаях, напр. вместе с бытийными *съм*, *бъда*, *има*, перед определяемой ими именной фразы и т.д.

Литература / References

1. Георгиев Н. Българската народна песен. Изобразителни принципи. Строеж. Единство. (Електронно издание) / Варна: ЕИ „LitterNet“. Второ издание. 2004. [Электронный ресурс.] URL: <http://litternet.bg/publish/ngeorgiev/pesen> Дата последнего обращения 01.05.2015.
2. Иванова Е. Ю. О претендентах на роль *dativus ethicus* в болгарском языке // XX Державинские чтения: современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: материалы XLIX Международной филологической конференции, 10–15 марта 2015 г., Санкт-Петербург / СПбГУ: Издательство «ВВМ», 2015. С. 31–37. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.academia.edu/14442400/> Дата последнего обращения 03.04.2018.
3. Иванова Е. Ю., Петрова Г. М. Болгарские возвратные клитики *се* и *си*: омонимия, полисемия, синтаксис // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 74–104. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.academia.edu/31125499/> Дата последнего обращения 25.07.2018.
4. Корпус на българската политическа и журналистическа реч. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.political.webclark.org> Дата последнего обращения 05.05.2018.
5. Ницолова Р. Ролята на местоименията в емоционалната актуализация на изказването. Върху материал от славянските езици. // *Otazky slovanske syntaxe*, Brno, 1980, IV/2, с. 113–118. [Электронный ресурс.] URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/121629/SpisyFF_227-1980-1_19.pdf?sequence=1 Дата последнего обращения 04.05.2015.
6. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2008. 524 с.
7. Петрова Г. Функции на клитиките *се* и *си* в съвременния български език. Бургас: Ди-мант, 2008. 140 с.

8. *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. / Москва: Индрик, 1999 376 с. [Электронный ресурс.] URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10087628> Дата последнего обращения 15.07.2018.

Проблемы изучения чешского языка в азербайджаноязычной аудитории

Р.Ш. Шафиева

PROBLEMS OF STUDYING THE CZECH LANGUAGE
IN THE AZERBAIJANI-SPEAKING AUDIENCE

Roza Sh. Shafiyeva

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the Czech language in Azerbaijan. The article describes the stages of the formation of Czech studies in Azerbaijan, the activities of the Center for the Czech language and culture, and also reveals some of the problems that arise in the study of the Czech language in the Azerbaijani-speaking audience.

Keywords: Czech language; Azerbaijan language; problems; study; Czech studies

АННОТАЦИЯ

Эта статья посвящена изучению чешского языка в Азербайджане. В статье описываются этапы становления богемистики в Азербайджане, освещается деятельность Центра чешского языка и культуры, а также раскрываются некоторые проблемы, возникающие при изучении чешского языка в азербайджаноязычной аудитории.

Ключевые слова: чешский язык; азербайджанский язык; проблемы; изучение; богемистика

Чешский и азербайджанский народы географически не являются соседями, но, как известно, язык - лучший посредник для установления дружбы и согласия.

В Азербайджане функционируют школы с обучением на азербайджанском и русском языках, соответственно, богемистика изучается в азербайджаноязычной и русскоязычной аудиториях. В зависимости от этого трудность преподавания и сложность обучения чешскому языку разнятся. Чешский и азербайджанский языки относятся к разным языковым группам, которые имеют абсолютно различную систему. И если в русском секторе (русский и чешский языки относятся к славянской языковой группе) обучающийся может видеть относительную схожесть в лексике, грамматике обоих языков, то в азербайджанском секторе (азербайджанский язык относится к тюркской языковой группе) обучение чешскому языку проходит с определенными трудностями, ибо обучающемуся чужда лексика и грамматика этого языка. Речь идет прежде всего об отсутствии в азербайджанском языке определенных грамматических

категорий, например, категории рода, одушевленности. В азербайджанском языке деление существительных на одушевленные и неодушевленные не соответствует делению на живое и неживое. Например, *человек* отвечает на вопрос *кто? животные* - на вопрос *что?* Азербайджано-язычным студентам сложно привыкнуть, что неживые предметы могут иметь грамматический род, например, *kniha (kitab)* – женского рода, *stůl (masa)* – мужского рода, *okno (pəncərə)* – среднего рода. В силу этого допускается много ошибок в согласовании имен существительных с именами прилагательными, числительными, местоимениями в роде, и соответственно в падеже и числе.

Следующим, очень сложным грамматическим явлением для наших студентов является категория вида глаголов. Данная категория также отсутствует в тюркских языках, поэтому студент не имеет никакой опоры в родном языке. Думаю, это большая проблема для всех иностранцев, в родном языке которых отсутствует эта категория.

Некоторым студентам сложно запомнить и морфологические особенности наречий и различать эту часть речи от имени прилагательного, так как в азербайджанском языке прилагательные и наречия орфографически и фонетически абсолютно одинаковые. Например, *dobře psát – yaxşı yazmaq, dobrá kniha - yaxşı kitab; krásně mluvit – gözəl danışmaq, krásná dívka - gözəl qız*. В результате, студент зачастую запоминает только одну форму, наречие *dobře* или прилагательное *dobrý* и использует его как наречие и прилагательное.

Типичную фонетическую ошибку для азербайджанских студентов образует группа согласных в чешских словах. Усиленных тренировок стоит выговорить, например, *vpředu* вместо *[vy]předu*, *v koleji* вместо *[vy]koleji*.

Как видим, трудности в освоении чешского языка азербайджаноязычными студентами, заключаются в том, что оба языка (чешский и азербайджанский) имеют различную лексикологию, грамматику и даже культуру, в которой эти языки формировались. Также сложность в освоении некоторых чешских грамматических категорий или явлений объясняется с одной стороны, интерференционным влиянием родного языка, с другой стороны, объективной сложностью чешского языка, потому что эти ошибки связаны с категориями, несуществующими в азербайджанском языке.

Литература / References

1. Чевела О.В., Федотова С.И., Никитюк В.П. К вопросу о преодолении языковой интерференции при обучении русскому языку как иностранному // Современные наукоемкие технологии. № 1. 2017. С. 154-158.
2. [Azərbaycan dili dərslər vəsaiti](#). İqtisad Universitetinin nəşri. Bakı, 2011. 107 s.
3. *Bayramov A. Azərbaycan dili və nitq mədəniyyəti*. Bakı, 2015.

4. Əhmədzadə Ə., Şahbazova Z. Azərbaycan dili. Qəbul imtahanlarına hazırlaşanlar yuxarı sinif şagirdləri və müəllimlər üçün vəsait / Tələbə Qəbulu Üzrə Dövlət Komissiyası. TQDK-Abituriyent. Bakı, 2010. 646s.
5. Babayev İ., İmanova S., Gözəlova S. Azərbaycan dili. (Təlim rus dilində olan qruplar üçün dərs vəsaiti) / Azərbaycan Dövlət Neft Akademiyası. ADNA-nın nəşriyyatı. Bakı, 1998. 143 s.
6. Bozděchová I. Čeština v Ázerbájdžánu. *SALi – Zvláštní vydání*, 2017, s. 139–140
7. Bozděchová I. Čeština u Kaspického moře. *Bulletin ČSÚZ*, květen 2018, s. 19–21
8. Vendryes J. Le langage introduction linguistique a l'histoire. 2004
9. www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/azerbajdzhancy-v-chexii

К протобулгаризмам в «Этимологическом словаре старославянского языка»¹

И. Янышкова

K PROTOBULHARISMŮM V ETYMOLOGICKÉM SLOVNÍKU JAZYKA STAROSLOVĚNSKÉHO

Ilona Janyšková

ON PROTO-BULGARIAN LOAN-WORDS IN THE “ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF THE OLD CHURCH SLAVONIC LANGUAGE”

Ilona Janyšková

ABSTRACT:

The article deals with the Old Church Slavonic and Church Slavonic words which are considered in the “Etymological Dictionary of the Old Church Slavonic Language” with varying degrees of probability as the words of the Proto-Bulgarian origin. They are classified according to semantic criteria.

Keywords: etymology; borrowing; Proto-Bulgarian; Old Church Slavonic; Etymological Dictionary of the Old Church Slavonic Language

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются старославянские и церковнославянские слова, которые относятся в «Этимологическом словаре старославянского языка» – с разной степенью вероятности – к числу протобулгаризмов. Они классифицированы по семантическим группам.

Ключевые слова: этимология; заимствование; протобулгарский; старославянский; Этимологический словарь старославянского языка

Etymologický slovník jazyka staroslověnského zpracovává slovní zásobu staroslověnských kanonických památek a památek českocírkevněslovanských

¹ Příspěvek vznikl za podpory projektu financovaného Grantovou agenturou České republiky č. 18-02702S.

uvedenou v monumentálním pětisvazkovém *Slovníku jazyka staroslověnského*. Vzniká v etymologickém oddělení Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky v Brně v podobě sešitů; první sešit vyšel v roce 1989, zatím poslední sešit (osmnáctý), který obsahuje hesla *věť* – *zakoně*, v roce 2016. Do konce roku 2020 by měl být slovník (včetně rejstříku) hotov.

Jádro staroslověnských a církevněslovanských památek tvoří slovní fond zděděný z praslovanštiny, tedy slova domácího původu, z cizích jazyků měly na staroslověnskou slovní zásobu největší vliv jazyky, z nichž se do staroslověňštiny překládalo, tedy řečtina a latina. Řeckým prostřednictvím se do staroslověňštiny dostala i slova hebrejská, jako jsou například *aminь* ‘amen’, *manьna* ‘mana’ aj. Stará horní němčina vystupovala nejčastěji jako prostředník při přejímání některých výrazů z latiny; srov. například stsl. *papežь* ‘papež’, jež bylo přejato z latinského *pāpa* prostřednictvím starohornoněmeckého *bābes*, zatímco stsl. *papa* ‘papež’ bylo z latinského *pāpa* přejato přímo.

Nevelkou skupinu slov tvoří výrazy protobulharského původu, které dokládají kontakt Slovanů s altajskými etniky, konkrétně s Protobulhary [Boček 2014: 313–342]. Kromě těchto víceméně jistých protobulharismů uvádí *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* i další slova, často etymologicky nejasná, o nichž se v etymologické literatuře s různou mírou pravděpodobnosti rovněž uvažuje jako o protobulharismech. Na rozdíl od chronologické klasifikace [Granberg 2009: 20–28] rozdělujeme protobulharismy (pravděpodobné i pochybné) uvedené v ESJS do skupin podle věcných souvislostí.

Organizace společnosti

Stsl. *boljarinь* ‘velmož’ < protobulharské *baj är* ‘bohatý, urozený člověk’ (srov. ujugurské, čagatajské *baj* ‘bohatý’ a čagatajské, turkmenské *är* ‘muž’), nebo < ttat. *bojla* ‘druh titulu’; stsl. *bylja* ‘druh titulu’ < protobulharské **bojla*, **bujla*; stsl. *sanь* ‘úřad, hodnost, postavení, důstojnost’ < protobulharština, srov. staré ttat. *san* ‘úcta, pocta, vážnost’; stsl. *samьčii* ‘prefekt’ < protobulharské **sām-čy*; stsl. *županь* ‘představený župy, úředník, hodnostář’ < protobulharština?

Stsl. *chorogy* ‘prapor, korouhev’ < gótština? (srov. gótské *hrugga* ‘hůl, klacek’), nebo < protobulharština? (srov. protobulharské **horьngь* ‘prapor’); stsl. *pečatь* ‘pečeť’ < gruzinské *béčedi* ‘pečeť, prsten, znak, stopa, otisk’ prostřednictvím protobulharského **peč’ēt*; stsl. *pečatьlěti* ‘pečetit, zapečetit’ < protobulharské **peč’etle* (srov. čuvašské *pičetle*).

Vlastní jména

Błgary ak. pl. ‘Bulharsko’ < protobulharština (ttat. **bul-* ‘mísit’); *Borisъ* < mongolské *bogori* ‘malý’ prostřednictvím protobulharštiny.

Náboženství a kultura

Stsl. *kapъ* ‘obraz, podoba’ < protobulharské **kap* (srov. čuvašské *kap* ‘vzhled’); stsl. *kumirъ* ‘modla’ < protobulharština < osetské *gymiry*, *gumeri* ‘obr; modla’ < gruzinské *gmiri* ‘obr, hrdina’; stsl. *kъn’igy* pl. ‘kniha, knihy, knižní vzdělání, učinnost, Písmo svaté, listina, písmena, písmo’ < ?, prostřednictvím ttat. jazyků, protobulharštiny, z armenského *knik* ‘pečet’ < asyrské *kunukku* ‘pečet’, nebo prostřednictvím protobulharštiny < čínské *tüan*, dial. *küen*, *küyän* ‘(knižní) svitek’; stsl. *vajanije* ‘socha’ < ? protobulharské **vaj-* (srov. čuvašské *yjä*, *äjä* ‘dláto’) < ttat. **ōj-* ‘dlatat, hloubit’ (srov. turkmenské *ōj-* ‘dlatat, hloubit’); csl. *surija* ‘pastýřská pištala’ < protobulharština?

Stavba, obydlí a jeho vybavení

Stsl. *jatъchulъnica* ‘hospic, útulek (pro cizince)’ < protobulharské **jat* ‘cizí’ + **chul* ‘bydliště, dům’ (srov. čuvašské *k’il*, *k’ül* ‘bydliště, dům’, nebo < turkotatarské **jat-* ‘ležet’ + sufix *-qu*, *-yu* (**jat-qu*, **jat-yu* ‘přenocování, nocleh’); stsl. *synъ* ‘věž’ < protobulharština? (srov. tatarské *syn* ‘postava, socha’); stsl. *črъtogъ* ‘komnata, ložnice’ < protobulharština, srov. ttat. *čārīq* ‘typ terasy na čtyřech sloupech’ < perština (srov. perské *čār-* ‘čtyři’ a *īq* ‘oblouk, sloup’); stsl. *chaloga* ‘živý plot’ < protobulharské prostřednictvím, srov. ttat. **qaby-n-ya* ‘něco vystupujícího, vyvýšeného’, nebo < ttat. *(*h*)*āla-n* / *(*h*)*āla-ŋ* ‘plocha, louka v lese’; stsl. *kovъčegъ* ‘schránka, skříňka’ < protobulharské < ttat. **kapur-čak* ‘skříňka, zásuvka, bedna’ (srov. středoturecké *kabyrčak* ‘bedna, rakev’, čagatajské *koburčak* ‘malé pouzdro’); stsl. *dochъtorъ* ‘poduška’ < protobulharské **doγdor* (> čuvašské *śъDar*, *šiDar* ‘polštář, ložní prádlo’)?; stsl. *tikъ* ‘zrcadlo’ < protobulharština, srov. čuvašské *tōgōr*, *tāgār* ‘zrcadlo’; csl. *dbly* ‘velká hliněná nádoba, kád’ < ie. kořen **del-* ‘řezat, štípat, lámat’, nebo < stará íránština (srov. perské *dālw* ‘vědro’) protobulharským prostřednictvím; stsl. *krъčagъ* ‘hliněná nádoba, džbán’ < psl. **krъkъ* ‘hrdlo, šíje’, nebo < protobulharština?; stsl. *čъvanъ* ‘nádoba, džbán’: nejspíš domácí původ.

Oděvy, obuv, šperky

Csl. *klobukъ* < psl. **klobukъ* < ttat. **kalpak* ‘čepice, klobouk’ (srov. turecké *kalpak* ‘druh čepice’); csl. *bračina* ‘jemná (hedvábná) tkanina’ < prostřednictvím protobulharštiny z ttat. **bārčun* (srov. ujgurské staré *barčyn* ‘hedvábná látka prošíta zlatem nebo stříbrem’) < íránské jazyky (srov. středoperské *abrēšom*, perské *abrēšum* ‘hedvábí’); stsl. *sapogъ* ‘bota, střevíc’ < protobulharské **sabag-* / **sabug-* (srov. ttat. **sapay*, **sapuy* ‘vysoká bota, holinka’); stsl. *bisъrbъ* ‘perla’ < arabské *busra* ‘skleněná perla, východoarabské *bisar* ‘nezralá datle’ prostřednictvím protobulharštiny?

Živočichové

Csl. *kragui* ‘krahujec’ < psl. **korgujь* < prostřednictvím protobulharštiny z ttat. jazyků?; csl. *slonъ* ‘slon’ < psl. **slonъ* < ttat. (srov. turecké *aslan* ‘lev’), protobulharské prostřednictvím.

Profese

Stsl. *sokačii* ‘kuchař, řezník’ < ttat. jazyky, protobulharské prostřednictvím.

Transport

Stsl. *krъkyga* ‘lehký vůz’ < protobulharské **kör^uk*/**körk* ‘vozová plachta’.

Příbuzenská terminologie

Stsl. *srъdobolja* ‘příbuzenstvo, příbuzní’: slovo domácí, nebo < protobulharský titul *ičirgü bojla*?

Vojenství

Stsl. *oimi* ‘vojáci’ < protobulharské *Oium*.

Barvy

Stsl. *šarъ* ‘barva’ < protobulharština (srov. turecké *sarı* ‘žlutý’); stsl. *bagъръ* ‘nach, purpur’ < protobulharské **baγar* (srov. čuvašské *pəχər* ‘měď’).

Pastevecká hůl

Csl. *tojaga* ‘hůl’ < protobulharské **toyagъ* ‘hůl’ < kořen **taya-* ‘opírat se’.

Číslovky

Stsl. *тъта* ‘deset tisíc’: domácí původ, nebo z ttat. jazyků (srov. ttat. *tuman* ‘mlha’ a ‘deset tisíc’)?

Литература / References

1. *Boček V.* Praslovanština a jazykový kontakt. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2014. 436 s.
2. Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Red. *E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková*. Praha: Academia, 1989–2008, Brno: Tribun EU, 2010–.
3. *Granberg A.* Classification of the Hunno-Bulgarian Loan-Words in Slavonic // Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists (Ohrid, 10–16 September 2008) / P. Ambrosiani (ed.). Umeå: Umeå University, 2009. pp. 19–31.
4. Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae, 1–4 / Red. *J. Kurz, Z. Hauptová*. Praha: Academia, Euroslavica, 1966–1997; 5: Addenda et corrigenda / Red. *Z. Hauptová, V. Konzal, Š. Pilát*. Praha: Euroslavica, 2010–2016.

ЭТИМОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМЫ *kvěť* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Шимон Погвизд

ETYMOLOGIA I ROZWÓJ SEMANTYCZNY PRASŁ. WYRAZU *KVĚŤ
W JEZYKACH SŁOWIAŃSKICH

Szymon Pogwizd

ETYMOLOGY AND SEMANTIC DEVELOPMENT OF PROTO-SLAVIC *KVĚŤ

Szymon Pogwizd

ABSTRACT:

In this work we review different Etymological theories and try to determine semantic development of origin Proto-Slavic word **kvěť*. This word is usually reconstructed as **kuojto-*, which is cognate with Proto-Slavic **svěť* (pol. *świat*, ros. *свѣт*). The lexem is Noun derivate with *-o-* vocalism from Verb **kvisti* **kvьto*. Primarily this word was nomen actionis 'florescence'. The continuants of proto-slavic lexeme **kvěť* exists in almost all Slavic languages, and have variety of meaning.

Keywords: etymology, semantic development Proto-Slavic language

АННОТАЦИЯ:

Темой доклада является этимология и семантическое развитие прасл. лексемы **kvěť*. Слово восходит к и.е. **kuojto-*, связанным также с прасл. **svěť* (pol. *świat*, ros. *свѣт*). Лексема является именным производным с вокализмом *-o-* от глагола **kvisti* **kvьto* и первоначально являлась nomen actionis 'цветение, развитие цветка'. Континуанты слова распространены во всех славянских языках, где характеризуются богатой и разнообразной семантикой.

Ключевые слова: этимологи, семантическое развитие, праславянский язык

Tematem referatu będzie etymologia i rozwój semantyczny praslaviańskiego leksemu **kvěť* w poszczególnych językach słowiańskich. Jako przykłady kontynuantów analizowanego wyrazu można wymienić pol. *kwiat*, czes. *květ*, ros. *цвет*, scs. *фбѣцѣ* itd. W prsł. **kvěť* występował stary typ apofonii rzeczownika w stosunku czasownika **kvisti* **kvьto*. Słowo wyprowadza się od formy **kuojto-*, będącej derywatem rzeczownikowym z wokalizmem rdzenia *-o-* utworzonej od rdzenia czasownikowego **kuojt-* (prsł. **kvisti*) [Этимологический словарь славянских языков 13: 162-163]. Etymologia wyrazu jest związane z pie. *kuojto-* 'biały, jasny', od którego wywodzi się podobny w swojej budowie prsł. leksem **svěť* (pol. *świat*, ros. *свѣт*) [Berneker I, 656, 657-658]. Słowo **kvěť* pierwotnie funkcjonowało jako nomen actionis 'kwitnienie, rozwijanie się z pączka w kwiat', później miała miejsce wtórna konkretyzacja do nomen acti [Sławski III: 479].

Autorzy Etymologicznego słownika słowiańskich języków sprzeciwiają się zarówno stwierdzeniu F. Sławskiego, który sugerował brak odpowiedników omawianego leksemu w innych językach indoeuropejskich, jak i hipotezie o tym jakoby wyraz **kvěť* miał być zapożyczony do prasłowiańskiego z języków kentumowych. Nagłosowe *k-* należy zatem tłumaczyć wewnątrzjęzykowym procesem wstecznej kentumizacji, która zaszła na gruncie satemowego języka prasłowiańskiego i była uwarunkowana procesami słowotwórczymi i rozwojem semantycznym wyrazu [Этимологический словарь славянских языков 13: 162-163].

Kontynuanty omawianego wyrazu w poszczególnych językach słowiańskich cechuje duża różnorodność semantyczna. Oprócz znaczenia podstawowego znanego we wszystkich językach słowiańskich ‘część rośliny zawierająca organy rozrodcze; roślina kwitnąca’ w poszczególnych językach słowiańskich słowo funkcjonuje także w innych znaczeniach takich jak pol. dial. *kwiat* ‘białe plamki na paznokciach’, kasz. *biała plama* na czole konia lub krowy; *plama na zębie*, śl. *biely kvet* ‘biały nalot na języku chorego dziecka’, strus. *цвѣтъ* ‘barwa, farba’, ros. *цвет* ‘kolor, barwa’, ch./s. *cvljet* ‘białe grzybki, pleśń na winie’, ‘biała plama na głowie wołu, konia’, stpol. ‘najlepsza najbardziej wartościowa część czegoś’, czes. ‘coś najcenniejszego, najlepszego’, śl. *cvět* ‘coś najcenniejszego, najlepszego’

Według Franciszka Sławskiego takie znaczenia jak ‘biała plama’ czy ‘pleśń’ nawiązują do pierwotnej semantyki czasownika. Znaczenia przenośne nawiązujące do pojęć takich jak ‘przedmiot przypominający pod jakimś względem kwiat’, ‘coś najlepszego; ozdoba; piękno; dziewictwo’ mają liczne paralele w innych językach indoeuropejskich [Sławski 1966-1969 III: 479].

Na podstawie zebranego materiału słownikowego poszczególnych języków słowiańskich w oparciu o dane etymologiczne wyrazu zostanie przeprowadzona analiza rozwoju semantycznego kontynuantów prsl. wyrazu **kvěť*.

Литература / References

1. *Фасмер М.*, Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О. Трубачева Н., Т. II Москва 1986.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. *О. Н. Трубачева*, Т. 13, Москва 1987.
3. *BEZLAJ F.*, Etimoloski slovar slovenskega jezika, T. I, Ljubljana 1977.
4. *Berneker E.*, Slavisches etymologisches Wörterbuch A-могъ, Heidelberg 1908—1913.
5. *Boryś W.*, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków 2005.
6. *Brückner A.*, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków 1927.
7. *Králík L.*, Stručný etymologický slovník slovenčiny, Bratislava 2015.
8. *Machek V.*, Etymologický slovník jazyka českého, 2. opr. a doplň., vyd., Praha 1968.
9. *Sławski F.*, Słownik etymologiczny języka polskiego, T III. Kraków 1966-1969.

Сослагательное наклонение в современном словенском литературном языке

О.С. Плотникова

CONDITIONAL IN CONTEMPORARY SLOVENIAN LITERARY LANGUAGE

Olga S. Plotnikova

ABSTRACT:

The referat tackles the current trends concerning the performance of the forms of conditional mood in the Slovenian literary language. The particular subject of our analysis are the alternative forms of present and past tense and semantics of constructions with “*naj*”.

Keywords: functional area; equivalent; neutralization; convergence; reliability.

АННОТАЦИЯ:

В докладе анализируются современные тенденции в функционировании форм сослагательного наклонения в словенском литературном языке. Особое внимание уделяется судьбе оппозиции форм настоящего и прошедшего времени, а также семантике конструкций с “*naj*”.

Ключевые слова: функциональные границы; эквивалент; нейтрализация; конвергенция; достоверность.

Сослагательное наклонение (слов. *pogojnik* ‘условное наклонение’), являясь морфологическим ядром функционально-семантического поля гипотетической/ирреальной модальности, характеризуется широтой функциональных границ. Разделяя особенности западнославянских и сербского, хорватского языков, словенский язык имеет две формы сослагательного наклонения: настоящего времени (VI во всех лицах и числах + L- причастие смыслового глагола) и прошедшего времени (VI + VIL -a, -o + L -причастие смыслового глагола). Морфологический показатель сослагательного наклонения *bi* не может (за исключением случаев эллипса) употребляться вне рамок аналитической формы и входить в состав сложных союзов. В ряду клитик на уровне предложения занимает место, закрепленное за глагольными клитиками 1-го ряда, ср. *sem se vrnil: bi se vrnil*.

Формы сослагательного наклонения в сопряжении с особенностями синтаксической структуры предложения и лексическими показателями контекста выражают широкую палитру значений потенциальной, гипотетической и ирреальной модальностей, в частности:

(1) возможность, готовность совершить действие, напр., *Lahko bi prevedel to besedilo* ‘Я мог бы перевести этот текст’, *Vrnil bi se, a ne torem* ‘Я бы вернулся, но не могу’, (2) вероятность, предположение, напр.,

Išče žensko, ki bi mi gospodinjala 'Ищет женщину, которая вела бы у него домашнее хозяйство', Ko bi se fant hotel učiti, bi bil šolo igrave izdelal 'Если бы парень хотел учиться, он бы закончил школу играючи'.

Как отмечает в своем фундаментальном исследовании чешского кондиционала А. Г Широкова, “модальную специфику каждого языка определяет способность переплетения полей функционально-семантических категорий, несущих различную модальную нагрузку“ [Широкова 1973: 10]. Словенское сослагательное наклонение характеризует такое “переплетение“ с полями индикатива и оптатива, что проявляется в ослаблении категориального значения, развитии новых оттенков значения пограничного характера, переходе отдельных моделей с формами кондиционала в разряд индикатива и наоборот оптатива в разряд кондиционала. В рамках отдельных моделей это обусловлено формальными и функциональными особенностями фрагментов словенской глагольной системы. Диагностировать такие явления нам помогают русские эквиваленты. Так, использование форм сослагательного наклонения в составе придаточного предложения с союзом *da* + отрицание, характеризующего, как протекало действие в главном, мотивировано отсутствием (утратой) форм деепричастий прошедшего и настоящего времени. Эквивалентом таких моделей в русском языке являются деепричастные обороты. Ср.: *Odšel je, ne da bi se bil poslovil (SSKJ) Ушел, не попрощавшись* ; <...> *brez prestanka govorila ter postavljala vprašanja, ne da bi počakala na kak odgovor (Jančar) <...> она без конца говорила и спрашивала, не дожидаясь ответа; Množice so begale čez mejo in spet vračale <...>, ne da bi vedele; kaj same s sedoj (Kmecl) 'Толпы людей бежали через границу и снова возвращались, не зная, как им быть.* Присутствие кондициональных форм в придаточных изъяснительных и целевых, которым в русском языке соответствуют формы инфинитива, свидетельствует не о широте функциональных границ словенского сослагательного наклонения, а о ограниченном по сравнению с русским языком функциональном диапазоне инфинитива. Ср. *Trudila se je; da bi v sprotinu našla namig (Dekleva) 'Она пыталась найти в воспоминаниях намек* ; *Lani je komisija z namenom, da bi se prepričala, ali je na tistem kraju res kakšno grobišče, izvedla poskusni odkop (Gigafida) 'В прошлом году комиссия с целью удостовериться, действительно ли есть в этом месте какое-нибудь захоронение, провела пробные раскопки'.*

Близко к значениям индикатива и одновременно оптатива употребленные формы сослагательного наклонения в составе вопросительного предложения для выражения ненавязчивой просьбы, предложения, совета, осторожного утверждения. Ср.: *A bi radi kavo? букв. 'Вы бы хотели кофе? =Вы хотите кофе? =Вы будете кофе? ' Ne bi šli v kino? ' Может быть, пойдём в кино?* Данную функцию можно рассматривать как элемент словенского речевого этикета.

Особый интерес представляет анализ современного состояния оппозиции кондициональных форм настоящего и прошедшего времени. Согласно грамматическим описаниям форма настоящего времени предназначена для выражения потенциального, предполагаемого действия в будущем, а форма прошедшего времени относится к временному плану прошлого и соответственно обозначает действие, которое уже не может осуществиться, т.е. ирреально. Употребление форм настоящего времени вместо форм прошедшего времени в обеих частях сложноподчиненного условного предложения без соответствующих контекстуальных маркеров рассматривается как стилистическая погрешность [Torišič 2000: 396]. Однако уже во 2-ой половине XX в. отмечается снижение частотности форм прошедшего времени [SSKJ: 127]. Стремительное убывание "правильных" форм в последней четверти XX в. и в начале XXI в. трудно объяснить нейтрализацией в рамках привативной оппозиции, налицо процессы конвергенции форм сослагательного наклонения с последующей стилизацией и специализацией вытесняемой формы (борьба за выживание). Аналогичный процесс пережили формы словенского плюсквамперфекта. Форма прошедшего времени начинает выражать не просто ирреальное действие в прошлом, а действие необычное и очень важное для дальнейшего повествования. Напр., *Kaj, če je padel v morje z enega od tistih trajektov? Ampak če bi se to zgodilo, bi bili našli vsaj njegov kovček* (Gigafida) 'А что, если он упал в море с одного из этих паромов? Но если бы это произошло, то по крайней мере нашли бы его чемодан'.

Второй новой функцией форм прошедшего времени является участие в составе конструкции с частицей 'naj', выражающей значение неподтвержденной достоверности факта, действия и использующейся в настоящее время в криминальной хронике (презумпция невиновности), напр., *Trgovino naj bi bil oropal N. 'Магазин якобы (предположительно)' ограбил Н. '*; <...> *Ko je ropar izvajal svoje drzno početje, naj bi bila prišla mimo banke domačinka* (Gigafida) 'Когда грабитель совершал свою дерзкую акцию, мимо банка якобы проходила местная жительница'.

Первоначально в начале восьмидесятых годов в этой функции использовалась конструкция с настоящим временем кондиционала с исходным значением предположительности действия в будущем, напр., *Sola naj bi začela delovati že jeseni 'Школа должна начать функционировать уже осенью'*. Неразличение на формальном уровне в газетных текстах двух разных функций конструкции стало предметом лингвистической дискуссии, в частности Градишник уже тогда предлагал использовать в составе конструкции с новой функцией формы прошедшего времени [Korošec 1982: 65-66]. Однако форма не была кодифицирована. Современное ее состояние является результатом естественной языковой эволюции.

Литература / References

1. *Широкова А.Г.* О функциональных границах некоторых грамматических категорий глагола в славянских языках. VIII Международный съезд славистов (Варшава 1973). Доклады. М.: Изд-во Московского университета, 1973 . 33 с.
2. *Korošec T.* O poročevalskem stilemu za nedokazano kaznivo dejanje // *Jezik in slovstvo*, 1982. № 3. S. 64-70.
3. *SSKJ.* Slovar slovenskega knjižnega jezika, knj.1..Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1970. S. 127-128.
4. *SSKJ.* Slovar slovenskega knjižnega jezika, knj.2.. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1975. S. 924-925..
5. *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Maribor: Založba Obzorja, 2000. 923 s.
6. *Žele A.* Slovar slovenskih členkov. Ljubljana: ZRC SAZU, 2014. 78 s.
7. Korpus Gigafida, <http://www.gigafida.net/>. Последнее обращение 10.09.2018.

Авторы / Authors

Адельгейм, И.Е. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Adelgeym, Irina E. – Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

e-mail: adelgejm@yandex.ru

Алексова, К.С. – Болгария, София, Софийский университет имени святого Климента Охридского

Aleksova, K.C. – Bulgaria, Sofia, Sofia University “St. Kliment Ohridski”

e-mail: krasimiraaleksova@gmail.com

Ананьева, Н.Е. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ananyeva, Natalya E. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

e-mail: ananeva.46@mail.ru

Багаева, А.Ф. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Bagaeva, Anetta F. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

e-mail: anettabagaeva@gmail.com

Байдалова, Е.В. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской Академии наук

Baidalova, Ekaterina V. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

e-mail: kuzmukk@mail.ru

Баранкова, Г.С. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Barankova, Galina S. – Russia, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

e-mail: barankova@inbox.ru

Белусова, В.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Belousova, Valentina V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

e-mail: valentina.belousova1@gmail.com

Бертякова, А.Н. – Россия, Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Bertyakova, A.N. – Russia, Moscow, Pushkin State Russian Language Institute

e-mail: ANBertyakova@pushkin.institute

Бояджиев, Андрей Т. – Болгария, София, Софийский университет имени Св. Климента Охридского

Bojadziev, Andrej T. – Bulgaria, Sofia, Sofia University St. Kliment Ohridski

e-mail: aboy@uni-sofia.bg

Браксаторис, М. – Словакия, Братислава, Институт словацкой литературы Словацкой академии наук

Braxatoris, M. – Slovakia, Bratislava, Institute of Slovak Literature, Slovak Academy of Sciences

e-mail: braxatoris@mail.ru

Браксаторисова, А. – Словакия, Братислава, Общество для Центральной и Восточной Европы

Braxatorisová, A. – Slovakia, Bratislava, Society for Central and Eastern Europe

e-mail: braxatoris.anita@gmail.com

Бубновіч, І.І. – Республика Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Bubnovich, Inna I. – Republic of Belarus, Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: ibubnovich@mail.ru

Букринская, И.А. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Bukrinskaja, Irina A. – Russia, Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

e-mail: dialects@mail.ru

Варбот, Ж.Ж. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Varbot, Zhanna Zh. – Russia, Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

e-mail: zhannavarbot@yandex.ru

Васильева, Г.М. – Россия, Новосибирск, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Vasilyeva, Galina M. – Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management

e-mail: vasilyeva_g.m@mail.ru

Васильева, В.Ф. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Vasilyeva, Valeriya F. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

e-mail: vasiljeva.nas@yandex.ru

Ващенко, Д.Ю. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Vashchenko, Daria Yu. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: daranis@mail.ru

Ващенко, М.С. – Россия, Москва, Синодальный отдел по взаимоотношению Церкви с обществом и СМИ

Vashchenko, Mikhail S. – Russia, Moscow, Synodal Department for Church's Relations with Society and Mass Media
e-mail: m-zel@rambler.ru

Велева, М. – Болгария, София, Софийски университет „Св. Климент Охридски“

Veleva, Milena – Bulgaria, Sofia, The University of Sofia "St. Kliment Ohridski"
e-mail: milveleva@gmail.com

Вельович, Бояна М. – Сербия, Крагуевац, Университет г. Крагуевац

Veljovic, Bojana M. – Serbia, Kragujevac, University of Kragujevac
e-mail: bojana1919@hotmail.com

Вендина, Т.И. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Vendina, Tatiana I. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
e-mail: vendit@rambler.ru

Вернер, И.В. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Verner, Inna V. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
e-mail: inna.verner@mail.ru

Воробьева, Н.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Vorobyeva, Nina V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: ninavorobjova@yandex.ru

Галинская, Е.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Galinskaya, Elena A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: eagalinsk@mail.ru

Гасил, Иржи – Чешская Республика, Прага, Карлов университет / Усти-над-Лабем, Университет Я.Э. Пуркине

Hasil, Jiří. – Czech Republic, Prague, Charles University
e-mail: Jiri.Hasil@ff.cuni.cz

Гигер, М. – Чешская Республика, Прага, Карлов университет

Giger, Markus. – Czech Republic, Prague, Charles University
e-mail: Markus.Giger@ff.cuni.cz

Гилевска, А.М. – Россия, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет

Gilewska, Anna M. – Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University
e-mail: aniag1931@wp.pl

Гусев, Ю.П. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Gusev, Yury P. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: juguszev@yandex.ru

Гучкова, И.В. – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Guchkova, Irina V. – Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University

e-mail: igutch@mail.ru

Димитрова, М. – Болгария, София, Институт болгарского языка Болгарской академии наук

Dimitrova, Margarita – Bulgaria, Sofia, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences

e-mail: m_t_dimitrova@abv.bg

Димитрова, Цветана И. – Болгария, София, Институт болгарского языка, Болгарская академия наук

Dimitrova, Tsvetana I. – Bulgaria, Sofia, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences

e-mail: cvetana@dcl.bas.bg

Долгополова, М.В. – Россия, Уфа, Башкирский государственный университет

Dolgopolova, M.V. – Russia, Ufa, Bashkir State University

e-mail: plum_rain@mail.ru

Ефимова, В.С. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Efimova, Valeriya S. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: valeriefimova@yandex.ru

Жбанкова, Е.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Zhbankova, Elena V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

e-mail: evzhbankova@mail.ru

Иванова, Е.Ю. – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Ivanova, Elena Yu. – Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University

e-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

Иванова И.Е. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ivanova, Irina E. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

e-mail: iva53@inbox.ru

Изотов, А.И. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Izotov, Andrey I. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Илиади, А.И. – Украина, Кропивницкий, Центральноукраинский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко

Iliadi, A. I. – Ukraine, Kropyvnytskyi, Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com

Кабанова, С.А. – Россия, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

Kabanova, Svetlana A. – Russia, Saransk, Ogarev Mordovia State University
e-mail: kabanovas1@rambler.ru

Каверина, В.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kaverina, Valeriya V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: kaverinal@yandex.ru

Калечич, Е.И. – Словакия, Нитра, Университет имени Константина Философа в Нитре

Kalechyts, Alena I. – Slovakia, Nitra, Konstantin Philosopher University in Nitra
e-mail: akalechyts@ukf.sk

Калугин, В.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kalugin Vasily V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: vasiliykalugin@mail.ru

Кармакова, О.Е. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Karmakova, Olga E. – Russia, Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
e-mail: dialects@mail.ru

Карпенко, Л.Б. – Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева

Karpenko, Liudmila B. – Russia, Samara, Samara National Research University named after S.P. Korolev
e-mail: liudmilakarpenko.samara@yandex.ru

Качинская, И.Б. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kachinskaya Irina B. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: kacza@yandex.ru

Керкез Д. – Сербия, Белград, Университет в Белграде

Kerkez, Dragana – Serbia, Belgrade, University of Belgrade
e-mail: draganakerkez@hotmail.com

Китанова, Мария – Болгария, София, Институт болгарского языка Болгарской академии наук

Kitanova, Mariya – Bulgaria, Sofia, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences

e-mail: miyak@abv.bg

Князькова, В.С. – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Knyazkova, Viktoria S. – Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University

e-mail: v.knyazkova@spbu.ru

Кожина, С.А. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Kozhina, Svetlana A. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: lana-0391@mail.ru

Королькова, П.В. – Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Korolkova, Polina V. – Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities

e-mail: korolkovapolina@mail.ru

Котова, М.Ю. – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Kotova, Marina Yu. – Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University

e-mail: m.kotova@spbu.ru

Коцкова, Я. – Чешская республика, Прага, Славянский институт Чешской академии наук

Kocková, Jana – Czech Republic, Prague, Institute of Slavonic Studies of the Czech Academy of Sciences

e-mail: kockova@slu.cas.cz

Кречмер, Анна – Австрия, Вена, Венский университет

Kretschmer, Anna – Austria, Vienna, University of Vienna

e-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at

Крючкова, О.Ю. – Россия, Саратов, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Krjuchkova, O.Ju. – Russia, Saratov, Chernyshevskij Saratov State University

e-mail: sarteorlingv@yandex.ru

Кузьминова, Е.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kuzminova, Elena A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

e-mail: elenk2002@mail.ru

Кулешова, М.Л. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kuleshova, Maria L. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: seveda@yandex.ru

Кульпина, В.Г. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Kulpina, V.G. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: vgkulpina@mail.ru

Куркина, Л.В. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Kurkina, L.V. – Russia, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institut, Russian Academy of Sciences
e-mail: lyukurkina@rambler.ru

Лешкова, О.О. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Leshkova, Olga O. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: olleshkova@gmail.com

Литвинович, А.Г. – Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Я.Купалы

Litvinovich, Angelica H. – Belarus, Grodno, Yanka Kupala Grodno State University
e-mail: anzhelalsh@tut.by

Лифанов, К.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Lifanov, Konstantin V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: lifanov@hotmail.com

Лунькова, Н.А. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Lunkova, Natalia A. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
e-mail: lunkova_n@mail.ru

Лутовац Казновац, Тамара Н. – Сербия, Крагуевац, Университет в Крагуеваце
Lutovac Kaznovac, Tamara N. – Serbia, Kragujevac, University of Kragujevac
e-mail: lutovactamara@gmail.com

Любоха-Круглик, И. – Польша, Катовице, Силезский университет
Lubocha-Kruglik, Jolanta – Poland, Katowice, Silesian University
e-mail: jolanta.lubocha-kruglik@us.edu.pl

Макеева, И.И. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Makeeva, Irina I. – Russia, Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
e-mail: irinamakeeva2007@mail.ru

Малыса, О. – Польша, Силезский университет в Катовице
Malysa, Oksana – Poland, University of Silesia in Katowice
e-mail: oksana.malysa@us.edu.pl

Манучарян, Иветта Кареновна – Армения, Ереван, Ереванский государственный университет

Manoucharyan, Ivetta Karenovna – Armenia, Yerevan, Yerevan State University
e-mail: ivettam14@mail.ru

Марич, Б. – Сербия, Белград, Университет в Белграде
Maric, B. – Serbia, Belgrade, Belgrade University
e-mail: biljanav@mail.ru

Матвеевко, Е.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Matveenko, Ekaterina A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: ea.matveenko@gmail.com

Менгель, С. – Германия, Халле (Заале), Университет им. М. Лютера Халле-Виттенберг

Mengel, Swetlana – Germany, Halle (Saale), Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg
e-mail: swetlana.mengel@slavistik.ni-halle.de

Мещеряков, С.Н. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Meshcheryakov, Sergej N. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: pionerskaya@bk.ru

Милославский, И.Г. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Miloslavskiy, Igor G. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: igormil@hotmail.com

Мокиенко, В.М. – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Mokienko, Valerij M. – Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University
e-mail: mokienko40@mail.ru

Мольков, Г.А. – Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Molkov, Georgiy A. – Russia, Saint-Petersburg, Institute for Linguistic Studies, , Russian Academy of Sciences
e-mail: georgiyolkov@gmail.com

Мосинец, А.Г. – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Mosinets, A. G. – Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University
e-mail: anastasiiamos@gmail.com

Мочалова, Т.С. – Россия, Москва. Дипломатическая академия МИД России
Mochalova, Tatiana – Russia, Moscow, Diplomatic Academy of Russian Foreign
Ministry
e-mail: tmochalova@mail.ru

Нефедова, Е.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Nefedova, E.A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: eanefedova@gmail.com

Нечаевский, В.О. – Россия, Москва, Военный университет Министерства обо-
роны Российской Федерации
Nechayevsky, V.O. – Russia, Moscow, Military University of the Ministry of De-
fense of the Russian Federation
e-mail: koenigsberg1@yandex.ru

Николаева, Н.Г. – Россия, Казань, Казанский государственный медицинский
университет
Nikolaeva, Nataliya G. – Russia, Kazan, Kazan State Medical University
e-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

Николенкова, Н.В. – Россия, Москва, Московский государственный универ-
ситет имени М.В. Ломоносова
Nikolenkova, Natalija V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: natanik2004@mail.ru

Новикова, А.С. – Россия, Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Novikova, Anna S. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: slavlang.msu@gmail.com

Няголова, Н.Д. – Болгария, Велико Тырново, Велико-Тырновский универси-
тет св. Кирилла и Мефодия
Nyagolova, Natalia D. – Bulgaria, Veliko Tarnovo, St. Cyril and St. Methodius
University of Veliko Tarnovo
e-mail: nniagolova@abv.bg

Осенова, П. – Болгария, София, Софийский университет имени св. Климента
Охридского
Osenova, Petya – Bulgaria, Sofia, Sofia University “St. Kliment Ohridski”
e-mail: osenova@uni-sofia.bg

Остапчук, О.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Ostapchuk, Oxana A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: ostapczuk@yandex.ru

Панина, Ж.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Panina, Zhanna A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: zhanna.panina@gmail.com

Пентковская, Т.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Pentkovskaya, Tatiana V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: tatiana.pentkovskaya@gmail.com

Пенькова, Я.А. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук
Pen'kova, Yana A. – Russia, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institut, Russian Academy of Sciences
e-mail: amoena@inbox.ru

Петковска, Благица – Республика Македония, Скопье, Университет имени Кирилла и Мефодия
Petkovska, Blagica – Republic of Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University of Skopje
e-mail: petkovskab@yahoo.com

Петрухина, Е.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Petrukhina, Elena V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: elena.petrukhina@gmail.com

Платонова, И.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Platonova, Irina V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: platonovamgu@mail.ru

Плотникова, О.С. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Plotnikova, Olga S. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: osplotnikova@bk.ru

Погвизд, Шимон – Польша, Краков, Институт Славистики Польской академии наук
Pogwizd, Szymon – Poland, Cracow, The Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
e-mail: szymon.pogwizd17@gmail.com

Поляков, Д.К. – Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет
Polyakov, Dmitry K. – Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities
e-mail: vbnz2005@yandex.ru

Рашевска-Журекек, Б. – Польша, Краков, Ягеллонский университет
Raszewska-Żurek, Beata – Poland, Krakow, Jagiellonian University
e-mail: beataraszewska@interia.pl

Ревзина, О.Г. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Revzina, O. G. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: russslang@philol.msu.ru

Редько, Н.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Redko, Natalya A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: nataliaredko@rambler.ru

Рейзек, Иржи – Чешская Республика, Прага, Карлов Университет
Rejzek, Jiří – Czech Republic, Prague, Charles University
e-mail: jiri.rejzek@ff.cuni.cz

Роговнева, Ю.В. – Россия, Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Rogovneva, Yulia V. – Russia, Moscow. Pushkin State Russian Language Institute
e-mail: vinnipuh61@yandex.ru

Розинская, О.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Rozinskaya, Olga V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: o.rozinskaya@mail.ru

Ромоли, Франческа – Италия, Пиза, Университет Пизы
Romoli, Francesca – Italy, Pisa, University of Pisa
e-mail: francesca.romoli@unipi.it

Рылов, С.А. – Россия, Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Rylov, Stanislav A. – Russia, Nizhni Novgorod, Lobachevsky State University
e-mail: slavc@mail.ru

Рычкова, Л.В. – Республика Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Rychkova, Liudmila V. – Republic of Belarus, Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: rychkova@grsu.by

Савченко, А.В. – Тайвань, Тайбэй, Государственный университет Чжэнчжи
Savchenko, Alexandr V. – Taiwan, Taipei, National Chenghi University
e-mail: savchenko75@mail.ru

Садовска, Бьянка – Польша, Гданьск, Гданьский университет
Sadowska, Bianca – Poland, Gdańsk, The University of Gdańsk
e-mail: bianca.sadowska@poczta.fm

Седакова, И.А. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Sedakova, Irina A. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: irina.a.sedakova@gmail.ru

Селиванова, Н.В. – Россия, Москва, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Selivanova, Nina V. – Russia, Moscow, MGIMO University

e-mail: seliv_n@mail.ru

Сергеева, Л.А. – Россия, Уфа, Башкирский государственный университет

Sergeeva, L.A. – Russia, Ufa, Bashkir State University

e-mail: sergeevala@list.ru

Сичинава, Д.В. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Sitchinava, Dmitri V. – Russia, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institut, Russian Academy of Sciences

e-mail: mitrius@gmail.com

Скачедубова, М.В. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук

Skachedubova, Maria V. – Russia, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institut, Russian Academy of Sciences

e-mail: maria-anna2121@yandex.ru

Соломоновская, А.Л. – Россия, Новосибирск, Новосибирский государственный университет

Solomonovskaya, Anna A. – Russia, Moscow, Novosibirsk State University

e-mail: asolomonovskaya@mail.ru

Спалек, О.Н. – Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Spalek, Oksana N. – Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities

e-mail: oksanaspalek@gmail.com

Станкевич, А.Ю. – Республика Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Stankevich, Alesia Yu. – Republic of Belarus, Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: a.stan.lab@gmail.com

Старикова, Н.Н. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Starikova, Nadezhda N. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: nstarikova@mail.ru

Стефанский, Е.Е. – Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Stefanski, Eugene E. – Russia, Samara, Academician S.P. Korolyov Samara National Research University
e-mail: estefanski@rambler.ru

Суровцева, Е.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Surovtseva, Ekaterina V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Тимонина, Е.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Timonina, Elena V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: timoninaev@rambler.ru

Тошович, Бранко – Австрия, Грац, Институт славистики Университета им. Карла и Франца

Toshovich, Branko – Austria, Graz, Charles and Franz University, Institute of Slavic Studies
e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

Трендвич, М. – Польша, Гданьск, Гданьский университет

Trendowicz, M. – Poland, Gdansk, University of Gdansk
e-mail: marcin.trendowicz@ug.edu.pl

Тыртова, Г.П. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Tyrtova, Galina P. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: tyrtova58@mail.ru

Узенева, Е.С. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Uzeneva, Elena S. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
e-mail: lenuzen@mail.ru

Уржа, А.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Urzha, Anastasia V. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: English2@yandex.ru

Федюкина, Е.В. – Россия, Москва, Московский государственный университет дизайна и технологий

Fedyukina, Elena V. – Russia, Moscow, Moscow State University of Design and Technology
e-mail: el8perezvon@yandex.ru

Ферро М.К. – Италия, Пескара, Университет имени Г. Даннунцио г. Кьети-Пескара

Ferro, M.C. – Italy, Pescara, University “Gabriele d’Annunzio” of Chieti-Pescara
e-mail: maria.ferro@unich.it

Хабиянец, Синиша – Словакия, Братислава, Институт языкознания им. Людовита Штура Словацкой академии наук

Habijanec, Siniša – Slovakia, Bratislava, Slovak Academy of Sciences’ Ludovít Štúr Institute of Linguistics

e-mail: sinisa.habijanec@gmail.com

Хазанова, М.И. – Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Khazanova, M. I. – Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities
e-mail: margaritakhazanova@yandex.ru

Хизанцян, А.А. – Республика Армения, Ереван, Ереванский государственный университет

Khizantsyan, Anna M. – Republic of Armenia, Yerevan, Yerevan state university
e-mail: anna.khizantsyan@ysu.am

Хмелевский, М.С. – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Khmelevskiy, Mikhail S. – Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University

e-mail: chmelevskij@mail.ru

Червинская, О.В. – Украина, Черновцы, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича

Chervinska, Olha V. – Ukraine, Chernivtsi, Yuriy Fedkovych National University
e-mail: Olha.Chervinska@gmail.com

Чехова, М. – Чешская Республика, Прага, Карлов университет; Усти-над-Лабом, Университет Я.Э. Пуркине; Пльзень, Западно-чешский университет

Čechová, M. – Czech Republic, Prague, Charles university; Ústí nad Labem, Jan Evangelista Purkyně University; Plzeň, West Bohemian University

e-mail: m-cechova@seznam.cz

Чэлич, Ж. – Хорватия, Загреб, Загребский государственный университет

Čelić, Željka – Croatia, Zagreb, Zagreb State University

e-mail: zcelic@ffzg.hr

Шалаева, Т.В. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук

Shalaeva, Tatiana V. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: koulkuk@gmail.com

Шапкина, О.Н. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Shapkina, Olga N. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: shapkinaon@mail.ru

Шапошников, А.К. – Россия, Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук
Shaposhnikov, Alexander C. – Russia, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institut, Russian Academy of Sciences
e-mail: possidima@gmail.com

Шатько, Е.В. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук
Shatko, Evgeniia V. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
e-mail: eshatko@gmail.com

Шафиева, Р.Ш. – Азербайджан, Баку, Бакинский славянский университет
Shafiyeva, Roza Sh. – Azerbaijan, Baku, Baku Slavic University
e-mail: rshafiyeva@yahoo.com

Шаяхметов, Р.А. – Россия, Уфа
Shayakhmetov, Rustam A. – Russia, Ufa
e-mail: shayakhmetovra@gmail.com

Шевелёва, М.Н. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Sheveleva, Maria N. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: mnsheveleva@mail.ru

Шелкова, И.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет геодезии и картографии
Shelkova, Irina A. – Russia, Moscow, Moscow State University of Geodesy and Cartography
e-mail: ishel@mail.ru

Шетэля, Виктор – Россия, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет
Szetela, Victor – Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University
e-mail: szetela@mail.ru

Шешкен, А.Г. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Sheshken, Alla G. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: asheshken@yandex.ru

Широкова, Л.Ф. – Россия, Москва, Институт славяноведения Российской академии наук
Shirokova, Liudmila F. – Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
e-mail: shirocco@mail.ru

Штерјоска-Митреска, Анита – Република Македонија, Скопје, Университет имени Кирилла и Мефодия
Sterjoska-Mitreska, Anita – Republic of Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University of Skopje
e-mail: asterjos@yahoo.com

Штудинер, М.А. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Shtudiner, M.A. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: studiner@mail.ru

Јиич Новоградец, М.В. – Хорватия, Загреб, Загребский университет
Jajić Novogradec, Marina V. – Croatia, Zagreb, University of Zagreb
e-mail: mjnovo@ffzg.hr

Якубович, М. – Польша, Варшава, Институт Славистики Польской академии наук
Jakubowicz, Mariola – Poland, Warsaw, Institute of Slavic Studies PAS
e-mail: mjakub7@interia.pl

Якушкина, Е.И. – Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Jakushkina, Ekaterina I. – Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University
e-mail: jkatia@yandex.ru

Янышкова, И. – Чешская Республика, Брно, Институт чешского языка Академии наук Чешской Республики
Janyšková, Ilona – Czech Republic, Brno, Czech Language Institute of the Czech Academy of Sciences
e-mail: ilona.janyskova@ujc.cas.cz

Научное издание
СЛАВЯНСКИЙ МИР:

язык, литература, культура

Материалы международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора
МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широковой и 75-летию
кафедры славянской филологии филологического факультета
28–29 ноября 2018 года, Москва

*Материалы публикуются в авторской редакции и отражают авторскую позицию,
которая может не совпадать с позицией редакционной коллегии*

Электронная версия (.pdf) данного сборника доступна
на <http://www.philol.msu.ru/~slavphil/>

Подготовка к печати:
Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор *Е. М. Бугачева*
Обложка: *М. А. Еронина*

Подписано в печать 10.10. 2018 г.
Формат 60x 90 1/16. Усл.печ.л. 28,25.
Тираж 200 экз. Изд. № 208

Издательство ООО «МАКС Пресс».
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495) 939-3890/91, Тел./Факс 8(495) 939-3891.